Александр
МАЗИН

ИМПЕРИЯ

ВАРВАРЫ · РИМСКИЙ ОРЕЛ

Александр
МАЗИН

ИМПЕРИЯ
ВАРВАРЫ
РИМСКИЙ
ОРЕЛ

Александр МАЗИН

ИМПЕРИЯ

ВАРВАРЫ · РИМСКИЙ ОРЕЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Астрель-СПб»
МОСКВА Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
М13

Компьютерный дизайн *С.В. Шумилина*

Мазин, А.
М13 Империя: Варвары. Римский орел / А. Мазин. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007. — 760, [1] с.

ISBN 978-5-17-044423-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-0845-7 (ООО «Астрель-СПб»)

В результате кратковременного сбоя бортовых систем космический корабль «СОЮЗ-ТМ-М-4» производит посадку в третьем веке от Рождества Христова.

Два русских космонавта оказываются среди варваров.

Римляне считали их кровожадными дикарями, но сами они называли себя Славными и превыше силы ценили в вождях удачливость.

В одной из битв старшего из космонавтов, подполковника Черепанова, берут в плен, и его друг остается один на один с чужим миром. Ум, хладнокровие и удачливость помогают ему выжить, заслужить уважение варваров и даже стать одним из вождей будущих покорителей Рима.

...А тем временем подполковник Черепанов вместе со своим другом, первым центурионом Гонорием Плавтом Аптусом, вырвавшись из варварского плена, преодолев сотни километров вражеской территории, выходят к Дунаю, границе Великой Римской империи.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Подписано в печать 04.05.07. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 48,0. Тираж 5 000 экз. Заказ №4724091

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д. 003857.05.06 от 05.05.2006 г.

© А. Мазин, 2007
© ООО Астрель-СПб, 2007

ВАРВАРЫ

Часть первая

ЧУЖИЕ БОГИ

Пролог

19 июня 20... года. 9.12. ОРТ. «Новости»

«Вчера, в 23 часа 2 минуты по московскому времени, с космодрома Байконур успешно стартовал корабль „Союз ТМ-М-4“ с экипажем в составе командира корабля Геннадия Черепанова и космонавта-исследователя Алексея Коршунова. Как заявили нашему корреспонденту в Центре управления полетами, несмотря на то что запуск дважды откладывался, старт прошел, самочувствие космонавтов хорошее. Стыковка с Международной космической станцией должна произойти примерно через 49 часов после старта. В соответствии с программой полета Г. Черепанов проведет на станции около шести месяцев и вернется на Землю на корабле многоразового использования „Дискавери“ — вместе с американскими участниками основной экспедиции. А. Коршунов пробудет на МКС меньше и после запланированных исследовательских работ с микрогравитационной лабораторией „Спейсхаб“ через сорок два дня вернется на землю на „Союзе ТМ-М-4“, вместе с космонавтом Николаем Белкиным, уже шесть месяцев находящимся на МКС».

20 июня 20... года. 14.23. РТР. «Вести»

«Как сообщили из Центра управления полетами, около шести часов назад была потеряна связь с кораблем „Союз ТМ-М-4“ с космонавтами Геннадием Черепановым и Алексеем Коршуно-

вым на борту. На момент потери связи корабль находился над территорией Российской Федерации на высоте 324 километра. Примерно в это же время, как сообщает агентство „Рейтер", потерял ориентацию научно-исследовательский спутник, находившийся в этот момент над кораблем на высоте около 600 километров, а на спутнике связи ИНТЕЛСАТ, также находившемся над кораблем на геостационарной орбите на высоте около сорока тысяч километров, был зарегистрирован кратковременный сбой работы бортовых систем...»

21 июня 20... года. 22.20. НТВ. «Сегодня»

«...так и не восстановлена связь с кораблем „Союз ТМ-М-4". Более того, не удалось обнаружить ни сам корабль, ни признаки вхождения его в плотные слои атмосферы. К поискам корабля, помимо НАСА и ВМФ США, подключились к настоящему моменту военные обсерватории всего мира, однако пока безрезультатно. По утверждению специалистов, космический корабль „Союз ТМ-М" — это очень надежный аппарат с многократным дублированием большинства бортовых систем. Так что будем надеяться...»

23 июня 20... года. 00.12. ОРТ. «Новости»

«...к настоящему моменту судьба „Союза ТМ-М-4" остается неизвестной. Стыковка с МКС должна была произойти более девяти часов тому назад. Попытки обнаружить корабль в околоземном пространстве пока не дали никаких результатов. Не удалось также обнаружить и признаков падения корабля. По сообщениям военных специалистов, никаких испытаний противоспутниковых систем в это время на территории России — да и во всем мире — не проводилось. Это подтверждается и сообщениями западных агентств, в которых говорится, что характер нарушений в работе спутников, находившихся вблизи точки орбиты, в которой прервалась связь с „Союзом ТМ-М-4", не позволяет говорить о применении какой-либо из известных систем уничтожения спутников.

По указанию Президента России В. В. Путина создана специальная комиссия по расследованию происшествия с „Союзом ТМ-М-4". В комиссию входят представители Российского космического агентства, концерна „Энергия", Министерства обороны и Российской Академии наук».

Глава первая

Книва. О подвигах и славе

Ночь простерлась над миром. Под затянутым тучами небом притулилось село — полтора десятка низких мазанок. Дождь лениво шуршал в крытых почернелой соломой крышах. Село спало.

Спали и в доме Фретилы, когда неслышно откинулась бычья кожа, закрывающая вход, и в проеме возникла темная фигура. Мгновение пришелец помедлил, вдыхая запахи и вслушиваясь, затем уверенно двинулся вглубь, пробираясь между спящими. Наклонившись над одним, потряс за плечо. Тот замычал, попытался сбросить руку. Потом разом вскинулся.

— Нидада? — Голос у Книвы, сына Фретилы, был сиплым со сна.

— Тсс!

— Тебе чего...

— Идем?

И, не дожидаясь ответа, Нидада проскользнул к выходу.

Книва помедлил, приходя в себя. Затем встал с лавки. Рядом забормотал во сне Фретила, не то негодуя, не то жалуясь. Книва замер. Нет, все спокойно, отец снова захрапел.

Нидада ждал снаружи под навесом, где хранились нарубленные дрова для очага. Когда Книва приблизился, Нидада надменно оглядел его с головы до ног и презрительно хмыкнул.

Старый дворовый кобель, околачивавшийся поблизости на всякий случай (Нидада — знакомый, но мало ли...), при появлении Книвы потрусил прочь, на свое обычное место под навесом амбара.

— Чего надо? — Книва был недоволен.

— Дай поесть,— буркнул Нидада.

— Зачем будил? Ведь знаешь, где еда.

Нидада бросил взгляд на вход в дом.

— Все спят,— успокоил его Книва.— Ты что ночами бродишь?

Нидада не ответил. Хмурился, сопел, глядел в землю. Книва ждал. Нидада такой. Когда его отца медведь заломал, Нидада

из дому сбег и сутки пропадал где-то. С тех пор диковатым сделался.

— В капище скоро отправляться,— выдавил наконец Нидада.— Посвящение принимать...

Книва потрогал рысьи когти, что висели у него на шее. Душу этой рыси Книва взял с год назад. Рысь — могучий воин. Почетно ее душу взять. И в мужской избе когти не стыдно предъявить. Только не так-то просто посвящение пройти. Вдруг спросит Овида-жрец: отчего мнишь, что воин из тебя получится?

Подвиги нужны. Чтобы в дружину попасть, точно подвиги требуются. В дружину ведь всякий хочет. В селе что? Пахота да жатва. А в дружине весело, пиры, походы. Очень хочется Книве в дружину.

Нидада, как и Книва, в этом году свою четырнадцатую весну встретил. Нидада тоже хочет в дружину. Только в дружину попасть Нидаде еще труднее будет. В дружине брат его, Ахвизра. Потому-то и не находит Нидада себе места. Ведь как решат жрецы и воинский вождь Одохар, так тому и быть. А Одохар дружинников станет слушать. Когда молодых в воины принимают, из бурга на капище с военным вождем обязательно дружинники наезжают. Они-то и следят, кто как испытания прошел.

Ахвизра в селе прошлой осенью был. Припасов привез, чтобы кормился Нидада. Ахвизра так решил: пусть Нидада на земле сидит, хоть он и младший. Род хранит.

Это правильно. Род хранить надо. Человек без рода ничто. Только у Нидады весь род — Ахвизра. Остальные — кто помер, кто в великом походе сгинул.

А род — он ведь на земле сидит. И через то почет ему. Что за род без земли?

Оттого и решил Ахвизра Нидаду на земле силком удержать. Мол, свыкнется со временем. Ахвизра Нидаде клятвенно обещал на капище быть, когда Нидада воинское посвящение принимать станет. И всяческие препоны чинить. А все знают — Ахвизра слов на ветер не бросает.

Потому-то и нужно Нидаде что-то такое, особенное. Подвиги нужны. Но только где в селе их сыщешь? На охоте разве что. Но этого мало. Великое нужно. Чтобы всех проняло. Чтобы от зависти все почернели.

— Я на квеманском озере был,— сказал Нидада.

— Врешь!

— Не вру!

Видно, и впрямь не врал. Чем-то от Нидады таким веяло... беспокойным.

Книва невольно поежился.

Квеманы — страшный народ. Они с демонами знаются. И живут средь болот. В самых нечистых местах.

— Не вру! Клянусь Вотаном!

Книва ошарашенно смотрел на него. Пусть Нидада не воин пока, но такими клятвами не бросаются.

И тут Нидаду будто прорвало. Путано, сбивчиво он начал рассказывать...

На самом-то деле Нидада сначала на охоту отправился. Думал птицы набить. Но охота была неважная. Тогда Нидада решил на лесное озеро идти: там птица всегда в изобилии. А озеро это на землях квеманов стоит, хотя и далеко от их сел.

— Я возле озера на них и набрел,— продолжал Нидада.— Только они меня не видели. Повезло. Там орешника много...

В орешнике сидел Нидада, когда голоса услышал.

Квеманов было пятеро. Беззаботно себя вели, пересмеивались. Нидада решил за квеманами проследить. Что станут делать? А квеманы хворост собирали, таскали на берег озера. Тут Нидада смекнул: не иначе, затевают квеманы свои нечистые игрища. Ведь солнцу на зиму пора поворачивать. Стало быть, будут квеманы на озере костры жечь и безобразничать. Про их мерзкие обычаи в селе много чего рассказывали...

Следил Нидада за квеманами — и вдруг его осенило: вот он, подвиг великий!

В ночь на солнцеворот тайно на игрища квеманские прийти. Это и само по себе — подвиг, а если еще пару квеманских голов добыть, так выйдет не просто подвиг, а великий подвиг.

Прикинул Нидада: дело это нетрудное.

На игрищах, известное дело, обопьются квеманы, начнут по лесу за девками своими гоняться, разбредутся в разные стороны. Так что можно одного-двух подкараулить и убить. Головы с убитых снять. А когда в воины посвящать станут, эти головы и предъявить. Такого подвига здесь отродясь никто не совершал. После такого сам Одохар, лично, в дружину позовет. По-

этому Нидада сразу о Книве подумал. Во-первых, Книва — друг. Во-вторых, Книве тоже к посвящению подвиг нужен. Опять-таки вдвоем и голов можно снять поболе.

— Весь лес квеманский кровью зальем. Всю избу завалим головами квеманскими,— возбужденно шептал Нидада.

— Там же духи болотные на игрищах будут, и боги квеманские.— Книва сложил пальцы защитным знаком.

— Ты их видел? — бросил Нидада презрительно.

— Я не видел. А Вутерих видел.

Вутерих в селе живет. Он прошлым летом болотного духа увидал. Потом болел долго.

— Вутерих говорит, он на тощего человечка похож. И нос у него острый и длинный.

Нидада фыркнул. Как болотный дух выглядит, все и без Вутериха знали. Старики о том не раз рассказывали. Фыркнул, но оглянулся украдкой и тоже сложил пальцы в защитный знак. Потом снова повернулся к Книве, зубами сверкнул в темноте:

— Трусишь? Тогда я один пойду.

Книва понял: он и в самом деле пойдет. И подвиг совершит, и станет дружинником. А он, Книва, так и останется в селе, на земле сидеть.

Книва коснулся рысьих когтей и заявил решительно:

— Я — с тобой!

— Завтра,— сказал Нидада с достоинством, и по голосу было слышно: обрадовался, что Книва с ним отправится.

— А сейчас я спать иду,— заявил Нидада, голосом подражая вождю Одохару.— И ты иди. Нам выспаться надо.

Глава вторая

Книва. Охотники за головами

Той ночью Книве показалось: славно задумал Нидада. Может, потому показалось, что очень хотелось Книве великий подвиг свершить. А может, духи недобрые разум помутили.

Утром он уж по-другому думал. Но отказаться не мог. Что он за воин будет, если слова не держит?

Утром Книва с Нидадой из села ушли. Как бы на охоту. Рогатины взяли, ножи, все, что требовалось.

Пока своими землями шли, Нидада болтал без умолку. То удалью хвастал, то принимался рассуждать, как лучше с квеманскими головами обойтись, чтоб сохраннее были. Засолить, закоптить или в меду спрятать. Склонялся к мысли, что лучше — закоптить. Тут Книва был с ним согласен. Соль надобно еще у Фретилы выпросить, а мед хоть и можно самим добыть, а потом как? Что за радость, если трофей в кувшине или в горшке лежит? Нет, такая добыча должна у всех на виду быть! Чтоб каждый доблесть Книвы увидеть мог.

Почти до полудня болтал Нидада, а после полудня они в дикий лес вошли, и Нидада умолк. И неудивительно. В диком лесу Ибба живет, волков пестует. Ибба раньше в селе жил, а потом в великий поход ушел. Сказывают, что до похода Ибба был как все. С прочими героями в богатырской избе жил, ярость тешил. Вернулся из похода только он один, остальные все полегли. А как вернулся — тут все и увидели: вутьей[1] стал Ибба. Такую ярость Ибба в себе принес, что не смог больше среди людей жить. В лес ушел. Давно это было.

Из сельских Иббу никто не видел ни разу после того, как он в лес ушел. Зато следы примечали не раз.

Нидаду с Книвой Ибба через свой лес без помех пропустил, хотя дважды, среди буреломов, взгляд вутьи ощущался. Понял, видать, Ибба, зачем во владения его вторглись. Радовался небось, что кровь прольется.

Нидада все правильно рассчитал. К озеру вышли в срок, затаились. Что-что, а затаиться они умели. Охотники как-никак, дело привычное. И на время Книве даже казаться стало, что и впрямь дело привычное: что рысь на рогатину взять, что квемана дикого...

Квеманы появились, когда уж смеркаться стало.

---

[1] Носитель священной ярости (вут), насылаемой богами. Чаще всего вут посылался человеку Вутаном (Вотаном) — богом войны и магии. Собственно, само имя Вутан и образовано от слова «вут». У многих индоевропейских народов на этапе родоплеменных отношений священная ярость была объектом своеобразного религиозного почитания.

Книва, завидев их, даже дышать перестал. За свои четырнадцать зим он прежде лишь одного живого квемана видел. Его охотники в лесу поймали, недалеко от села. Вынюхивал, должно быть. Тот квеман от рассвета до рассвета перед ликами богов смерть принимал.

Книва тогда мал еще был, сидел на плече у своего отца Фретилы и смотрел, как умирал квеман. Долго умирал и кричал громко. В тот год засуха началась, если бы не жертва, зерно бы в полях сгорело. Но Тивас-бог принял квемана и дал дождь.

«Это оттого,— назидательно сказал потом Фретила,— что квеман был правильный».

— Правильный квеман,— пробормотал, сам того не замечая, Книва.

— Тихо ты! — яростно прошипел Нидада и толкнул Книву локтем.

Мошкары в прибрежных зарослях, где хоронились Книва с Нидадой, оказалось видимо-невидимо. А как стемнело, так и вовсе невмоготу стало.

Не любят квеманы света дня. Оттого и веселятся всегда по ночам, когда злые духи по миру бродят. В селе говорят: квеманы со злыми духами заодно и под них рядятся. Когда в бой идут, черные одежды на себя надевают. У них и щиты черные, и лица они сажей вымазывают.

Однако нынче квеманы в белые одежды обрядились. И без оружия были. Шли не таясь. Знали: на своих землях. Духи ночные пронзительными голосами в чаще кричали — квеманов приветствовали.

Книва даже про мошкару забыл. Сидел, потел, тискал древко рогатины. Страшно! Кажется: весь лес квеманами полон, вот сейчас раздвинутся кусты, и встанут вокруг квеманы тесной толпой. И такая слабость навалилась вдруг на Книву, что возникни рядом квеманы — он дался бы им без всякого сопротивления.

Рядом судорожно вздохнул Нидада. Как всхлипнул.

«Небось тоже перетрусил»,— подумал Книва, и от этой мысли ему сразу стало легче.

И злость пришла: на дурака Нидаду и на себя, что этого дурака послушался. А со злостью пришла ярость — холодная, как ключевая вода. Пришла — и вымыла все лишнее: мысли дурные, страхи. Тени перестали казаться личинами злых духов, а все

звуки обрели правильный смысл, понятный охотнику. Книва даже усмехнулся, когда вспомнил свой недавний страх, будто окружили их квеманы. Он потянул носом воздух: медленно, принюхиваясь, как Фретила, отец, учил. Точно. Не было рядом квеманов. Далеко они были, не ближе полета стрелы. Огни жгли: от костров сырым дымом несло. Один только Нидада рядом сидел, пыхтел и потел. Трусил.

Хотел ему Книва обидное что-нибудь сказать, но передумал.

Дымом еще гуще потянуло. Книва слух напряг: что там квеманы затевают?

А они вдруг заголосили, завизжали на разные голоса, затопотали. Книва над кустарником осторожно приподнялся: интересно же. Нидада, снизу, зашипел злобно, но Книва только отмахнулся.

Ничего особенного он не разглядел, понял только, что квеманы от костров к озеру двинулись.

Над озером висел туман. Берега тонули в белесой мгле. Сквозь мглу мутно светили костры.

Внезапно кто-то жалобно закричал. Затем все стихло. И услышал Книва тонкий девичий плач. Звук по воде хорошо идет. Казалось, совсем рядом девочка плачет. Затем резкий голос раздался. Мужской. И глухой хрусткий удар. А затем — плеск. И сразу все вместе завопили квеманы. Заухали, завизжали, зарычали по-звериному.

Книве сразу ясно стало, что произошло. Принесли квеманы жертву озерному божеству. Рабыню или девку из своих. В селе говорят: они так всегда делают. А потом блуду предаются. Это они, нелюди, так солнцеворот празднуют. Не то что настоящие люди: днем ярким, с плясками да потехами воинскими.

Порадовав озерное божество, квеманы снова к кострам побрели. Чуть погодя оттуда потянуло жаревом. Книва даже слюну сглотнул: проголодался.

Отложил рогатину, полез в сумку, достал кусок вяленой зайчатины, оторвал зубами кусок, спросил Нидаду:

— Хочешь?

— Не-ет...

Трусил Нидада. Может, правильно решил Ахвизра оставить Нидаду при земле. Какой из Нидады воин выйдет? Смех, а не воин.

От этой мысли Книва почувствовал гордость, а к трусливому Нидаде снисхождение.

— Ты чего трясешься? Далеко квеманы, не слышишь, что ли? — процедил он.

— Квеманы далеко...— протянул Нидада.— Я не о том.

— А о чем? — удивился Книва.

Нидада мотнул головой в сторону озера.

Вот дурачок! Это он, оказывается, из-за озерного духа трусливым пóтом исходит.

— Ему ж только что девку кинули! — усмехнулся Книва.

— А верно! — Нидада сразу повеселел.

Квеманы у костров тоже веселились. Книва с Нидадой терпеливо ждали. От озера, принявшего жертву, тянуло сыростью. И еще иным чем-то — нехорошим. Будто из тумана над водой глядел кто-то.

Может, и впрямь озерное божество? Книву снова пробрал озноб. А у костров, слышно, веселье разгоралось. Доносилось нестройное пение, женские крики и взвизги. Из леса диким квеманам дикие духи вторили. Кричали, подражая голосам ночных птиц.

Книва ощутил, как в нем опять страх просыпается.

«Нет,— подумал он.— Так нельзя сидеть. Надо дело делать».

Он хлопнул Нидаду по спине:

— Пошли!

— Куда? — нервно дернулся Нидада.

— Туда, к этим. Забыл, за чем пришли? Комаров, что ли, кормить?

И первым полез из зарослей.

На полпути к квеманским кострам Книва остановился: вспомнил, что рогатину забыл. Вернуться?

В спину толкнулся Нидада. Тоже остановился, прошептал испуганно:

— Ты чего?

— Замри,— шепнул Книва.— Слушай.

И точно угадал: впереди хруст валежника послышался. Кто-то между елками бежал. Бежал-бежал — и вдруг остановился. Затаился. Слышалось только, как дышит часто-часто.

Книва мотнул головой, указывая в сторону спрятавшегося, показал Нидаде: будь начеку, сам медленно из чехла нож потянул и мягким шажком вперед двинулся. Таким сильным, легким и опасным чувствовал себя в этот миг Книва...

Здоровенный квеман выскочил из туманной мглы прямо на него. Огромный, как медведь. Как медведь растопырился, заревел — зубы блеснули в пасти — и Книву сверху руками облапил.

Книва даже удивиться не успел. Нож у него в руке сам собой повернулся плоской стороной к земле и кведану меж ребер вошел. Мягко так, легко, словно в теплый мед.

Квеман, наверное, тоже удивиться не успел. Булькнул тихонько — и умер. Только что он стискивал Книву с медвежьей силой и вдруг сразу ослабел, на ноже повис, едва из руки не вырвал. Книва руку наклонил, квеман мертвый с клинка сполз и на землю повалился...

И тут из-за дерева на Книву что-то белое бросилось. Книва опять ничего сообразить не успел, отмахнулся ножом, почувствовал, что попал, не клинком — рукоятью, но крепко. Враг, тот квеман, что за елками таился, назад отлетел и тоже упал.

А Нидада как стоял с рогатиной позади Книвы — так и замер. И рот приоткрыл.

Книва ко второму квеману подошел, присел рядом. Это баба оказалась. Раскинулась на спине, титьки кверху, ноги — врозь. Здоровущая. У, нелюдь!

Книва морду ее потрогал: липко, кровь. По лбу он ей рукоятью попал.

Тут рядом Нидада образовался, тоже на корточки присел.

Книва подумал: надо бы бабу кведанскую добить, но както... не хотелось.

«Пускай Нидада ее дорежет»,— решил он, обтер ладонь о штаны и встал.

— Добей ее и жди тут,— сказал он.

— А ты куда? — спросил Нидада испуганно.

— Надо,— отрезал Книва.

И побежал за забытой рогатиной. Он особо не таился. Лес был полон разных звуков: визга, воплей, хихиканья. Веселились кведаны. Не чуяли, что среди них страшные убийцы дела геройские творят. Бежал Книва и великим воином себя чуял. Бес-

страшным и могучим. Казалось: захочет он — и всех квеманов, глупых и беспечных, в одиночку перебьет.

Рогатина оказалась на месте. Книва подхватил ее и помчался обратно. На полпути ему квеман дорогу перебежал. Книва уже руку занес для удара, но квеман его и не заметил. Проломился сквозь кусты, как безумный лось, и дальше потопотал. Но у Книвы боевой задор как-то сразу угас.

Убитый квеман лежал на прежнем месте. И подбитая квеманка тоже. Только вот Нидада...

— Ты что надумал, сорочий сын? — прошипел в ярости Книва.

Нидада, паршивец, уже портки спустил, уд встопорщил кверху.

— Воину добытую бабу пользовать — молодецкое дело! — заявил Нидада и на колени опустился, примериваясь, как поудобнее взобраться на квеманку.

— Какая это баба! — зашипел от ярости Книва.— Это ж нелюдь! Знаешь, кто от человека и нелюди родится? Болотный дух!

— Ниче...— пробормотал Нидада,— не родится. Мы ж ее — того.

Ухватил квеманку за титьки...

И тут квеманка открыла зенки.

Нидада аж подпрыгнул.

А квеманка вроде как и не испугалась. Зубами блеснула: оскалилась зазывно.

Нидада, сразу видно, обрадовался. Снова ее за титьки ухватил...

И тут она, извернувшись, горсть трухи с земли подхватила и прямо в глаза Нидаде кинула.

Нидада взвизгнул совсем по-бабьи, с квеманки свалился. Она тут же на ноги подхватилась, заорала истошно... И осеклась, когда Книва рогатину ей точно в горло вогнал.

А Нидада на карачках по земле ползал, глаза тер и скулил.

— Заткнись! — Книва пнул его в бок.— Портки надень!

«Спешить нужно»,— подумал Книва.

Подошел к убитому квеману, перехватил рогатину поудобнее. Для такого дела, конечно, топор сподручнее, но топора ведь нет. Недодумали они насчет топоров.

Наступив квеману на голову, Книва примерился и несколькими мощными ударами перерубил мертвецу хребет.

Потом ножом мягкое дорезал. На шее у квемана амулет был. Его Книва подальше в кусты забросил. Лучше бы унести да сжечь, но человеку амулет от квемана с собой носить опасно. От него вред приключиться может.

Голову квеманскую Книва в сумку спрятал.

Пока Книва делом занимался, Нидада успел порты натянуть и теперь ножом пытался квеманке голову откромсать. Пыхтел, весь в крови перепачкался, но кость крепкая, не поддавалась.

В воздухе смрад стоял. От крови и от мочи с калом, что из убитых изверглись. К запаху этому Книва был привычен, но ежели учует его кто из квеманов — сразу поймет, в чем дело.

— Брось ее,— велел он Нидаде.— Уходить надо.

— Еще чего! — прокряхтел тот, двумя руками нажимая на нож.— Мне... тоже... трофей нужен!

Наконец Нидада кое-как откромсал голову квеманки, ухватил за волосы, осклабился. Доволен!

— Вот теперь уходим! — заявил он.

И оба припустили прочь вдоль длинного озерного берега.

Когда квеманские голоса растаяли вдали и даже запах дыма больше не ощущался, приятели сделали передышку. Кровь с себя смыли, напились, головы добытые в воде ополоснули. Но медлить не стали. Надо было подальше уйти, пока квеманы своих убитых не обнаружили.

Теперь они через лес побежали. Лес же духами кишел: кричали они, угрожали, жаловались...

Книва с Нидадой сами не заметили, как с шага на бег перешли.

Владения Иббы миновали на рассвете. С другой стороны обошли, держась подальше. И снова бежали — пока сил хватило. Потом место приметили, где спрятаться можно. Лежали там, отдыхали. Обоим чудились голоса. Все казалось, что квеманы гонятся: вон топочут, перекликаются. А прислушаешься — нет никого. Лишь кровь стучит в ушах.

Солнце высоко уже стояло, светило сквозь кроны, когда Книва с Нидадой снова пустились в путь. Бежать было тяжело — парило в лесу, пот ел глаза, в голове будто молот бил. Но это уже своя земля была, не квеманская, не чужая.

Неподалеку от села еще озерцо было. Туда и свернули.

От деревьев уже протянулись тени — к закату дело.

У озерца остановились ненадолго. Сполоснулись, головы добытые омыли. От вида своей добычи Нидада совсем повеселел. Озоруя, стал играть головой квеманки.

И неожиданно Книве будто с другой стороны Нидада явился. На прыщавом лице глаза горят нехорошим блеском. На подбородке остром бороденка жидкая пробивается в три волоска, рот смехом распялен. Скалится, голову квеманки — которую, кстати, Книва убил — с руки на руку перебрасывает.

— Чего уставился? — вдруг спросил Нидада.

— Вижу, каким ты станешь,— мрачно объявил Книва.

— Воином! Великим воином! — Нидада запрокинул лицо вверх и закружился на месте.

Книва резко отвернулся. Взгляд упал на другую голову, лежащую в траве. Книву вдруг вырвало желчью — не ел два дня. А Нидада, глядя на него, зашелся от хохота.

До села уже рукой подать было, когда ветер задул. Книва с Нидадой сперва не обращали на это внимания, Это даже приятно было — ветер нес прохладу разгоряченным лицам. Они уже не бежали, на своей земле все-таки, а брели спотыкаясь, лишь время от времени по привычке переходя на подобие бега.

А ветер все усиливался. Теперь он налетал порывами. Ветер дул сбоку. И оттуда же по небу наползали, громоздясь, темно-серые горы туч. Донесся тяжелый раскат грома.

— Гроза идет,— пробормотал Нидада.

Книве уже тогда показалось, что неспроста все это.

Гроза застигла их в поле, что тянется от реки в сторону квеманских земель. Дождь то падал сплошной стеной, то вдруг бил в лицо колючими струями. Небо раскалывалось от молний, которые Доннар, ярясь, бросал на мир.

И они опять бежали. Бежали из последних сил.

Поверхность реки вздувалась пузырями. Книва с Нидадой добежали до брода, потом никак не могли выбраться на берег. Ноги скользили. Несколько раз они съезжали с глинистого откоса, пока наконец сумели выбраться наверх. Книва даже испугался, что унесет река. Время запретное, а они даже подарка водному богу не сделали... Однако ничего, выбрались.

В селе разделились. Нидада — в хибарку свою, Книва — домой. Добежал, ввалился в дом мокрый, весь перемазанный в глине.

— Ай! — вскрикнула Рагнасвинта, сестра Книвина. Остальные тоже уставились.

— Где был? — сердито спросил Фретила.

Книва без сил упал на чурбан перед очагом. Квеманскую голову за волосы вверх воздел, ухмыльнулся во весь рот...

Глава третья

Книва. Нечистые

К ночи буря усилилась. Книва с Нидадой жались к огню, вслушиваясь в раскаты грома, то и дело оглядываясь на шкуру, прикрывавшую вход. Подбитый глаз Книвы заплыл, превратился в щелочку. И спина болела. Там, где приложился березовый сук.

Фретила, отец, как только квеманскую голову увидел, аж с лавки подскочил. И сразу — кулачищем Книве в морду. А потом за волосы хвать — и выкинул из дома прочь, во двор. И сам следом выскочил, сук прихватив. И суком этим так Книву отходил... А-а! Разве в этом дело!

В том дело, что Книва нечист. И Нидада нечист. И, хуже того, через них нечисть в село прийти может. Потому если ныне в селе случится что недоброе, то Книву с Нидадой убьют.

Вот тебе и подвиг. Эх, было б на Книве с Нидадой воинское посвящение, тогда и впрямь был бы подвиг. Тогда бы им почет оказали. Как героям. Воинское посвящение нечисть отваживает. А коли нет его...

Как они раньше об этом не подумали?!

О том, как и кого убили, Книва признался не сразу, а лишь у Хундилы-старейшины на подворье. Его туда отец Фретила с братом Сигисбарном приволокли. И Нидаду туда притащили.

И били там Книву с Нидадой нещадно. Только буря не стихала.

И сказал Хундила, что теперь вся нечисть, что на квеманском озере собиралась, в село придет. Потому что Книва с Нидадой ей путь показали.

Отныне они не могут входить в дома. Не могут ходить там, где люди ходят. Отныне они могут лишь сидеть в доме у Нидады. И дом этот отныне тоже нечист.

Если этой ночью нечисть заберет их жизни, дом сожгут. И новый строить на этом месте не станут. Так Хундила сказал.

Квеманские головы тоже здесь.

Книва боялся смотреть в их сторону.

А души квеманов снаружи теснятся. Их крики даже сквозь шум ветра слыхать. Громко кричат мертвые квеманы, отомстить жаждут.

Книва с Нидадой тоже уже почти мертвые. Нет у них больше рода. А без рода человек — что отрезанная рука. Гниет, и черви ее едят. А люди смотрят с омерзением. Отныне Книва с Нидадой тоже отрезаны.

Если примет род нечистого человека, то сам станет нечист и сгинет. Оттого род Фретилы отверг того, кого люди Книвой звали.

Ахвизра-дружинник, брат Нидады, еще ничего не знает. Но его род тоже Нидаду отвергнет. Ахвизра и отвергнет. И тем свой род почти что убьет. Оттого что весь род Нидадин — сам Нидада да Ахвизра. Но Ахвизра это сделает, а как иначе?

Книва знает: об этом сейчас думает Нидада, вжимая голову в плечи. О том, что Ахвизра сделает. И боится. А чего бояться? Может, и до утра не доживет Нидада.

Хундила-старейшина хотел вообще их изгнать из села. Травстила-кузнец вступился. Сказал: заприте пока нечистых в хижине у Нидады. Если ночью пожрет их нечисть, то, глядишь, и отступится от села. Травстилу в селе слушают. Травстила тайное ведает, с Овидой-жрецом дружбу водит. Кузнец потому что.

Пинками и палками Книву погнали сюда. И Нидаду тоже.

А попозже внутрь еще старый горшок кинули. С углями. Угли те Травстила из кузницы принес. Нечисть огня из кузницы жуть как боится.

Травстила хотел помочь. Он всем в селе помогает.

— Дрова догорают,— пробормотал Книва.— Огонь гаснет.

— Дрова снаружи,— отозвался Нидада.— Я туда не пойду.

— Я тоже...— Книва вздохнул.— А ведь мы и озеро осквернили, и реку,— сказал он.— Когда на пути обратном нечистыми в нее вошли. И подношения не дали.

— Так ведь не было у нас ничего,— еле слышно прошептал Нидада.— Слышь, давай сбежим поутру.

Книва не ответил. Не дадут им сбежать. Дурак Нидада, неужели не понимает? И он, Книва, дурак, что с Нидадой связался.

Они сидели и смотрели, как угасал огонь. Тьма надвигалась из углов дома, протягиваясь к ним. Снаружи стонали и кричали убитые квеманы. В дом проникнуть хотели.

Вдруг страшный скрипучий крик перекрыл звуки бури. Голод в нем слышался и нечеловеческая ярость.

Нидада заскулил от ужаса.

Глава четвертая

Книва. Чужие боги

Утро настало, а Книва с Нидадой все еще были живы. Изнемогали от нечистоты. Мечтали о смерти. Всю ночь, желая отомстить, неистовствовали снаружи злобные квеманские духи. И бессчетное количество раз казалось Книве и Нидаде: все. Сейчас ворвутся и пожрут. Но — обошлось. Может, угли из кузницы помогли?

С рассветом гроза ушла. Только ветер налетал порывами.

Убогая у Нидады хижина, кособокая. Ночью от ярости квеманских духов крыша прохудилась, сорвало солому. Всю ночь в дыру дождь лил. А с рассветом стал виден лоскут неба. По небу быстро неслись рваные облака.

— Уходить надо,— выдавил Нидада.

— Куда? — разъярился Книва.— Куда?!

Нидада пробормотал себе под нос что-то неразборчивое. Книва со злобой покосился на него. Великим воином он будет! Дерьмо свинячье!

Снаружи послышались голоса, шаги. Ветхая шкура, прикрывающая вход в хижину, отдернулась.

Хундила-старейшина.

Глянул молча, внутрь заходить не стал. Лишь пальцем поманил.

Книва встал и вышел. Нидада — за ним.

Снаружи собралось, почитай, все село. Пришли узнать, живы они с Нидадой или нет.

Книва с равнодушной тоской обвел взглядом лица односельчан. Ничего хорошего на них не прочел. Угрюмыми они были, эти лица. А у мужчин в руках топоры да рогатины.

Книва отвернулся. Лучше уж вдаль смотреть.

Старейшина заговорил. Мрачно ронял тяжелые слова.

Квеманские духи нашли путь сюда. Оттого нашли, что два щенка их сюда привели. Теперь нипочем сами не уйдут квеманские духи. Мстить будут. После бури ночной на поля смотреть больно. Сколько зерна силой не нальется. Вот и дерево, что возле богатырской избы росло, теперь повалено.

Вчера как думали? Думали — изгнать. А ныне все иначе повернулось.

Ночью-то вас никто ведь не видел. Все по домам сидели. А снаружи нечисть бесилась. И кто знает, может, уже и вселилась в вас нечисть. Кто поручится за вас? Никто не поручится...

В этот миг Нидада вдруг прочь рванулся с места. На пути у него Вутерих стоял. Нидада его оттолкнул. Откуда только силы взялись.

Но не ушел. Не дали. Древко рогатины сунули в ноги. Нидада растянулся на земле. Попытался вскочить, но тут уж на него все навалились.

К Книве тоже подскочили, хоть Книва никуда не убегал. Вутерих и его брат Герменгельд. Схватили за руки, выкрутили за спину.

Книва поймал взгляд отца. Стоял Фретила, супя густые брови. И ус крутил мрачно.

К Книве подтащили Нидаду. Тот исступленно рычал, пытался вывернуться.

— К жрецам надо посылать,— сказал Травстила-кузнец.— А этих связать пока.

— Убить их — и всех дел! — крикнул рябой Хиларих.— Пока не поздно.

— Пусть Овида-жрец это дело решает,— повторил Травстила.— Его это дело.

— Тебе хорошо рассуждать! — выкрикнул Хиларих.— Ты кузнец, с огнем водишься, тебя нечисть боится!

— Ну так запри их в избе да сожги,— проворчал Травстила.

Кузнец добрый человек. Через огонь может прийти очищение. Книва с благодарностью и надеждой уставился на него, выворачивая шею.

Хундила-старейшина покачал головой:

— Они нечисть в село привадили. Им и отваживать. За рекой на болотце надо. Там место все равно плохое. А за ними, глядишь, и нечисть уйдет из села. Вместе с их кровью в топь уйдет.

Книва снова отвернулся. Смотрел в сторону. От стремительно летящих облаков по земле неслись тени. Ветер гнал по улице сорванную ночью мокрую листву...

Внутри — нечистота. Она разрастается, превращая тебя в квеманского духа...

...Страшно искаженная рожа бесноватого Нидады, хрипящего, зубами лязгающего... Перемазанные засохшей глиной квеманские головы сзади в хижине...

Книва поднял глаза к небу, к солнцу, ища помощи...

И небо ответило. Зарычало небо. Гром в нем родился. И не гроза это была — иное. Странный это был гром, бесконечно долгий. Гром бродил в небе, то затихая, то вновь становясь громче.

А потом Книва увидел... И закричал. И все увидели...

...Из рваных клочьев мчащихся облаков вырвалось нечто и понеслось на село. Ветер оседлав, неслось нечто, чему нет названия в человеческом языке. Под парусами оно неслось. Цвета снега и огня были паруса. Снега и крови. Нечто неслось от леса. От людского леса, не квеманского. От того леса, где у деревьев, старым Гундиухом помеченных, душу взяли — для погребального костра Гундиуха. Стало быть, вымолил Гундиух у богов прощение для села!..

Показалось Книве — сокрушит нечто дом Фретилы, его отца. Но не сокрушило — помиловало, высоко прошло. Стало быть, не перешла нечисть на род Фретилы. Чист род перед богами. Над богатырской избой прошло, низко, но нет, и богатырскую избу не сокрушило, лишь солому на крыше вздыбило. Над селом пронеслось, через реку, к болотцу. И там пало.

Стало быть, прав старый Хундила. А боги его слова яснее ясного подтвердили. В болотную топь должна уйти нечистая кровь. А с ней и нечисть квеманская из села уйдет.

И выл, надрывая душу, злой квеманский дух в бесноватом Нидаде.

* * *

Посланец богов прямо в топь угодил. Весь в болото ушел, только шлем остроконечный наверху остался. Со шпилем длинным. А вокруг по болотным кочкам паруса простерлись.

Цвета снега и огня были паруса. Снега и крови. Красивые.

Мужчины на берегу стояли. Никто не решался к посланцу приблизиться. А ну как встанет он из топи? Ежели даже шлем его боевой — повыше дома, то каков же тогда сам посланец?

Даже отсюда видно было, что лишь недавно вышел шлем из горнила. Вон как жаром небесной кузни попятнан. Книва неотрывно смотрел на дивную громаду. Связанные руки мешали смахнуть со лба мокрые волосы, облепившие лицо. Когда их с Нидадой гнали сюда через брод, два раза в воду упал Книва. Поднимали, ставили на ноги и в спину толкали: иди давай.

Рядом тяжело дышал Нидада. Голова квеманки, Книвой убитой, за волосы к поясу привязана. А квеманова голова — к поясу Книвы. Нидада тоже на диво уставился. Что-то шептал себе под нос. Только не разобрать было что. И скалился радостно.

Квеманские духи нечистые завладели Нидадой. Только недавно выл, извивался, всех заесть хотел. А теперь радуется.

— Гляди-ка, оно в топь-то уходит,— пробормотал Вутерих.— Стало быть, и этих надо туда же — в топь.

Но Хундила Вутериха осадил. Если не так сделаешь, разгневаются боги. Сперва понять нужно, чего они хотят.

А старый Ханала сказал: неспроста все это. Испытывают они нас. Не стали бы ни с того ни с сего воина посылать. Могли бы на топь показать и иным путем. Молнией или как-нибудь иначе.

А Нидада, ужом извернувшись, в лицо Ханале заглянул угодливо. И засмеялся вдруг, головой в сторону дара мотнув. Рябой Хилариx его древком копья ткнул. Нидада замолчал. Понурился.

И снова воцарилось молчание. Лишь комары надсадно звенели. Стояли сельчане, переминались с ноги на ногу, пытаясь постичь загадку богов.

— Боги любят людей испытывать,— пробормотал Ханала.

Ханалу сюда через реку на руках перенесли. Совсем стал слаб. Сам уже не смог бы брод одолеть.

Тут в Вутерихе смелость взыграла. И пошел он, по грязи хлюпая, прямо к гигантскому шлему. На дивный ало-снежный парус ступил, запятнал его грязью, копье поднял и — хорошо хоть, сообразил! — не жалом, а древком в опаленный шлем ткнул.

И вспыхнул на шлеме глаз лютый! И закричал утопший воин-великан истошным голосом, надрывно, как чайка кричит... Как кричала бы чайка, будь у нее крылья в полнеба.

Высоко, по-заячьи подпрыгнул Вутерих и в грязь шлепнулся. И на карачках, потеряв копье, прочь засеменил. Так, на карачках, до самого села и семенил бы, но Травстила его за пояс поймал, придержал.

Смешно это было, но никто не смеялся. От крика неистового у Книвы все внутри переворачивалось. А тут еще страшный глаз светом плевался: то синим, то алым.

И ждал Книва: вот-вот разверзнется топь — и встанет из нее страшный посланец: головой под самые облака. И так страшно было, что уже почти жалел Книва, что не пожрали его квеманские духи, как пожрали они хихикающего Нидаду. И глядел Книва на опаленный великаний шлем, и видел, что он весь какими-то шишками и наростами усеян. А на боку — таинственные руны. И трепетал Книва. И все трепетали...

— Это вместилище,— вдруг сказал Травстила-кузнец.

Все повернулись к нему.

— Ну да, не шлем это, а вместилище,— уверенно повторил Травстила.— Вон там, крышкой запечатано.

— А ведь точно,— растерянно протянул Вутерих, с четвереньек поднимаясь. А бесноватый Нидада задышал часто.

Тут Вутерих, путаясь в словах — не умелец он был словеса вязать,— говорить стал:

— У боранов, племени лукавого и разбойного,— тех, что за герулами на полдень живут,— у них зерно от мышей и прочей потравы хранят в огромных горшках. И крышками закрывают. А когда потребность в зерне возникает, то открывают крышку и берут зерна из горшка, сколько надо. Так вот, видом те горшки с дивом божьим сходны. Точно вам говорю,— бормотал Вутерих, от волнения бородку в кулаке комкая.

— Чушь! — отмахнулся от Вутериха Хундила и перевел взгляд с вместилища на Книву с Нидадой.

— Точно,— поддержал Хундилу Герменгельд, брат Вутериха.— Не боранский это горшок.

Возразить на это было нечего. И вправду, не могли бораны такое диво сотворить и сюда, в топь, швырнуть. Вот если бы они ограбили или убили кого, тогда да, это на них похоже.

— И не квеманы это,— встрял рябой Хиларих.— Слишком злокозненны квеманы, чтобы что-то путное сотворить.

— Ты богов-то побойся! — рявкнул на него Герменгельд.— Башкой думай! Дар богов перед тобой, а ты, дурак, о квеманах толкуешь.

— Вместилище не вместилище,— решил наконец Хундила,— а все равно оно в топь уходит. Стало быть, надо так. И этих двоих — тоже в топь.

— Не спеши, старейшина,— нахмурился Травстила-кузнец.— Не один в селе живешь.

Хундила аж побагровел. Хоть и кузнец Травстила, но нехорошо Хундиле так... Неуважительно.

Тут опять Ханала голос подал. До этого стоял молча, опираясь на палку. Подслеповато щурился, рассматривая дар богов.

Теперь все лица к Ханале разом повернулись. Мудр Ханала. Так мудр, что в мире мало кто с ним в мудрости может сравниться. Все повидал Ханала, что только можно повидать. И если говорит Ханала, то только дельное.

Но ничего не успел сказать премудрый Ханала.

От дара богов вдруг звук донесся. И...

Как всегда, прав оказался кузнец Травстила!

В самом деле — вместилище.

Крышка с рунами, которой вместилище было запечатано, вдруг откинулась. Затаив дыхание, все смотрели в черный проем.

Книва тоже смотрел. Сердце бешено колотилось.

Из черного проема вдруг вылетел какой-то светлый увесистый тюк и упал на красную часть паруса. Следом еще один тюк, побольше, на белую часть упал.

Книва облизал пересохшие губы.

— Дары,— прошептал кто-то сзади.

— Тихо! — цыкнул Хундила.

В круглом проеме показался лик. Божество! Боги сами пришли!!!

Божество выпросталось из люка и тяжело спрыгнуло на землю. Что-то проговорило. Следом показалось второе. Также выбралось наружу.

Они стояли возле вместилища и смотрели на сельчан. Не больно велики оказались боги, Книва и то повыше ростом...

И тут Книва ощутил, как все оборвалось внутри.

Это были чужие боги!

— Блатф! — вскрикнуло хрипло второе божество.

И замерло в ожидании. Выговор у божества — чужой. Но слово понятное. Кровь.

— Мстить пришли! — не произнес — выдохнул Вутерих.— Квеманские боги.

— Заткнись,— отрывисто приказал Хундила. Сорвал с пояса Нидады голову, дал Вутериху: — Верни им!

Вутерих поглядел на голову, что щерилась провалом рта, размахнулся и бросил ее божеству, не решаясь приблизиться.

Голова упала рядом с божеством. То замерло, всматриваясь. Может, узнало кого из своих? О чем-то заговорило с другим божеством.

Видно было, что чужие боги недовольны. Вон как гавкают друг на друга.

Одно из божеств направилось к выброшенному тюку. Подняло его, озираясь окрест. Другое тем временем скрылось во вместилище.

— Гляди, гляди, снова вылезает! — пробормотал рябой Хилариx.

Нидаду опять колотить начало. Надсадно хрипя, он извивался на земле, пытаясь освободить связанные за спиной руки.

Второе божество приблизилось к первому. Подало ему что-то.

Отсюда было плохо видно, что творили на болоте чужие божества. Из-за камыша. Склонились над чем-то. Вот одно выпрямилось, ногой голову брошенную подвинуло.

И вдруг там, где колдовали чужие божества, вспыхнуло пламя. Необычное это было пламя, не такое, какое в очагах горит. Яркое, как солнце.

Жирным дымом потянуло с болота. Будто с погребального костра.

И яснее ясного стали намерения чужих богов.

Вот тогда и завыл-закричал Нидада. Звериным был этот вопль. Люди так не кричат. То квеманский болотный дух, который в него вошел, свободу потребовал.

Хундила-старейшина посмотрел вопросительно на Ханалу. Тот помедлил было, потом кивнул.

— Давай.— Хундила показал Вутериху глазами на бьющегося в корчах Нидаду.

Вутерих нахмурился. Подошел к Нидаде. Схватил его за волосы. Извернувшись, Нидада сумел ударить его связанными ногами в бок. Вутерих ойкнул.

— Помогите ему,— велел Хундила.

К Нидаде кинулся было Сигисбарн, однако ветхий Ханала с неожиданной ловкостью преградил ему путь.

— Не ты,— сказал.— Он.— И палкой показал на Герменгельда.

Дюжий Герменгельд подошел к воющему Нидаде, ухватил сзади под мышки. Вутерих, все еще морщась от боли, поймал за ноги. Вдвоем они оттащили Нидаду туда, где начиналось топкое место.

Чужие боги смотрели на них.

Книва смотрел на богов. Его охватило какое-то странное безразличие. Только сейчас он осознал, что боги безбороды.

Чудно́.

Он перевел взгляд на Нидаду в могучих лапищах Герменгельда. Вот Вутерих подходит и запрокидывает Нидаде голову. Нож в руке. Короткое движение...

Вой Нидады оборвался. Герменгельд быстро наклонился вперед, чтобы хлещущая из перерезанного горла кровь ушла в топь.

Чтобы квеманский болотный дух вышел на свободу и к себе ушел. Чужие боги могут быть довольны.

Тело Нидады дернулось несколько раз и обмякло. Герменгельд медленно опустил его лицом в топь.

Книва вдруг ощутил мимолетное презрение к этим людям. Неужели они не понимают, что богам из-за камыша и не разглядеть все как следует?

Но это было не важно. Главное, сейчас он, Книва, избавится от нечистоты внутри.

Перед глазами вдруг мелькнуло на миг лицо Нидады там, возле лесного озерца. «Я стану великим воином!»

Не станешь, Нидада!

Чужие боги на болоте переговаривались резкими голосами. Чувствовалось, были недовольны.

«А с чего им быть довольными? — подумал Книва.— Они же ничего не видели из-за камышей».

Герменгельд с Вутерихом вернулись. Рывком вздернули Книву на ноги. Тот не сопротивлялся.

— Стойте! — В голосе Хундилы слышалось беспокойство, даже не беспокойство — страх.— Поближе к ним подойдите,— велел старейшина.— Пусть они видят.

Книва даже равнодушно-отстраненно удивился. В первый раз в жизни он слышал в голосе старейшины страх.

Герменгельд и Вутерих подхватили Книву, как только что — Нидаду, и поволокли к чужим богам. Герменгельд поскользнулся, взмахнул рукой, в которой нож держал,— капелька Нидадовой крови упала на щеку Книвы.

У края паруса остановились. Не решался Вутерих снова на парус ступить. До сих пор еще дрожал от страха пережитого. Но Книву держал крепко.

Чужие боги смотрели на него с отвращением. Особенно один — тот, что помоложе.

Стояли Герменгельд с Вутерихом — и Книва между ними — и не могли решиться. Ступить на парус? Или нет?

Книва тоже не знал, как быть. И радовался, что не ему решать. Ему — только горло под нож подставить. Очиститься.

Боги не двигались с места.

Какие они чужие! Теперь, с близкого расстояния, Книва мог хорошо их рассмотреть.

На богах были странные одежды. Очень красивые. Сверкающие. И рунами исчерченные. Ни разу Книве не доводилось видеть чего-либо похожего.

В руках у богов были невиданные мечи. Короткие и будто обломленные на концах.

Тут младший из богов, лицом гладкий, точно ребенок, сделал рукой жест: словно позвал. И потянулся вперед Книва. И потянул за собой Герменгельда с Вутерихом. И вступили они, все трое,— на парус. И боги это видели.

Шаг, другой, третий — по парусам цвета снега и огня. Снега и крови. Шли, оставляя грязные следы.

Но богов это, похоже, не волновало.

Меч в руке молодого бога шевельнулся. Пальцы сжались на рукояти. Теперь Книва смотрел лишь на эти пальцы. На пальцы чужого бога с побелевшими костяшками. Он чувствовал, как исходит яростью бог. Неужели сам желает Книву очистить?

Здесь, возле чужих богов, воздух был пропитан чужими запахами. Пахло окалиной от вместилища. Пахло и от богов — странно и дивно. А еще — воняло паленым мясом. Теперь Книва видел — боги сожгли голову квеманки. И еще что-то сожгли.

Звуки чужого языка ударили по ушам. Книва непроизвольно втянул голову в плечи. С ним заговорил старший бог. Этот бог был крупнее молодого, шире. Чувствовалась в нем невероятная мощь. И он, бог, не спеша двинулся к Книве.

Невероятным усилием Книва заставил себя посмотреть в лицо чужого бога. У бога были серые глаза с прищуром. Чужой бог смотрел на Книву и насмешливо улыбался. Не гневался.

Но тут бог что-то сердито рявкнул Герменгельду, показал на нож окровавленный, на Книву...

И Герменгельд решил: велит ему бог кровь из Книвы выпустить. Ума у Герменгельда меньше, чем силы. Забыл, что кровь Книвы в болото должна пролиться, а не на парус дивный...

И тут явил свою силу старший бог. Перехватил левой рукой Герменгельдову руку и сжал так, что вскрикнул Герменгельд и нож выронил, Книву выпустил и на колени упал. А молодой бог, раскачиваясь, словно танцуя, надвинулся на Вутериха. И икнул от страха Вутерих, тоже выпустил Книву и попятился быстро-быстро, а за краем паруса споткнулся и в грязь упал. Но подскочил тут же и побежал прочь, расплескивая грязь. И Герменгельд тоже побежал, придерживая левой рукой правую, ту, которой бог коснулся.

А младший бог меч поднял. Книва зажмурился и голову запрокинул, горло подставляя...

Но не стал ему кровь выпускать чужой бог, а разрезал путы, и стали руки Книвы свободны. Книва глаза открыл и увидел, что не гневается на него чужой бог, а приязнь источает. Приязнь бога была... она была как ворчание старого Ханалы. Но она была. И под напором этой божественной приязни нечистота, что сидела в Книве, вдруг съежилась и вышла вон. И не стало ее. Бог избавил Книву от нечистоты.

Вне себя от радости Книва запрокинул голову и издал боевой клич. Сорвал с пояса квеманскую голову, в небо швырнул. Пусть чужие боги потешатся, глядя на квеманскую голову, кувыркающуюся в небе.

Старший бог равнодушно проводил взглядом голову.

И понял Книва, что не квеманские это боги. Не было им дела до квеманской головы.

Старший сероглазый бог что-то сказал второму, оскалился, сильно хлопнул Книву по плечу.

Книву наполнила гордость. Бог коснулся его! Эх, жаль, Нидада не видит.

Теперь Книве было жалко Нидаду.

Молодой бог, который только что дружески ухмылялся Книве, вдруг сделался строг. И старший бог нахмурился.

Стало быть, так надо. Стало быть, должен был Нидада умереть.

Книва кивнул. Воин должен быть сметливым. Иначе не быть ему воином. Убьют.

Глава пятая

Алексей Коршунов. Борт «Союз ТМ-М-4»

— Ну что? На следующем витке? — Перевернутое лицо командира надвинулось сверху.

— Погоди... Вон глянь, там грозовой фронт подходит.— Алексей отодвинулся от иллюминатора, вытер пот.

Господи, жарко-то как! И все жарче становится.

Коршунов поглядел на свои руки, обтянутые серебристой тканью «пингвина»[1], сжал кулаки, разжал. Ладони влажные. Противно. Хотя жара — это семечки. Кабы только жара...

После последней коррекции они окончательно потеряли закрутку. Энергия от солнечных батарей почти не идет. Соответственно, и система охлаждения почти не работает. А чтобы она работала, солнечные батареи должны быть, по возможности, всегда обращенными к Солнцу. Для этого кораблю следует придать вращательный момент. При этом скорость вращения должна быть синхронизирована со скоростью вращения вокруг Земли. Это и называется закруткой...

[1] Специальный комбинезон для работы в условиях невесомости. Создает дополнительную нагрузку на опорно-двигательный аппарат. Крайне неудобен в условиях обычной силы тяжести.

Алексей поймал себя на том, что бормочет себе под нос. Совсем крыша едет...

— Где, говоришь, фронт твой? — Геннадий придвинулся к иллюминатору.

— Да вон там,— буркнул Алексей.

— Где — «там»?

— Просвет в облачном слое в форме женской фигуры видишь?

— Этот, что ли, к югу? С титьками? — Командир висел вверх ногами, уцепясь за плечо Алексея.

На подполковнике Черепанове — такой же «пингвин». Из ворота торчит толстая борцовская шея, плавно переходящая в затылок. Мощный затылок. Подразумевающий словарь из десяти матерных слов и почти полное отсутствие мозгов в черепной коробке.

Как в анекдоте: «У вашего телохранителя сквозное ранение головы. Пуля вошла в височную кость — вышла из затылочной. Но жить будет, мозг не задет».

Несмотря на рельефную затылочную мускулатуру, мозги у командира есть. Причем, если подходить объективно,— получше, чем у Алексея, хотя Коршунов — тоже не дурак. Кандидат физико-математических наук как-никак.

— Ага. С титьками. От него на север смотри. Видишь?

— Вижу,— проворчал Геннадий и матерно выругался.

— Давай южнее сядем,— предложил Алексей.

— Нет! — Командир был непреклонен.— Садиться будем туда.

Генка, когда решение примет,— хрен его сдвинешь. И это, в общем, правильно. Он — командир. И пилот — тоже он. А Алексей так, сбоку припека, космонавт-исследователь.

— Пока следующего захода дождемся, изжаримся тут, на хрен,— проворчал Коршунов.

— Терпи, казак... шашлыком будешь.— Командир усмехнулся.

Это точно, шашлыком.

Ладно, жара. Жару перетерпеть можно. Благо, запасы кислорода еще позволяют наверху продержаться. Но Солнце, блин!

Здесь Солнце в пике активности. И не далее как несколько часов назад порадовало грандиозной вспышкой, выродив протуберанец. Спросите, что это означает? А то, что хватануть можно гамма-излучение, что называется, полной грудью. А через сутки

с небольшим, как пишут в книжках, «земной орбиты достигнут потоки заряженных частиц». Это значит, что там, внизу, в небе заиграют полярные сияния. На радость эскимосам и чукчам. И тут, наверху, тоже будет ужасно весело. Усиление проникающей радиации плюс магнитная буря. Так что сейчас самое время сваливать. Но этот грозовой фронт, черт бы его взял! Вместе с Генкиным упрямством. Уперся командир рогом. Во что бы то ни стало нужно ему в намеченный район садиться.

Алексей глянул в иллюминатор, круглую дырку в боку корабля. Окно в большой мир. Хрен знает какой большой. И хрен знает *какой*...

Грозовой фронт уходил из поля зрения. Вновь потянулся сплошной облачный слой, под которым — такая же сплошная тайга, переходящая на севере в тундру.

— Леха, как там сканирование? — спросил он, не оборачиваясь.— Ты засек?

— Все по-прежнему.

По всем статьям, виноватыми выходили безвестные халтурщики.

Старт откладывался дважды. Сперва, буквально за несколько дней до пуска, обнаружилась неполадка в электрических цепях. Пришлось снимать носитель со стартового комплекса и возвращать его вместе с кораблем в МИК[1].

Неполадку определили. Исправили. Затем началась бюрократическая возня. Пришло решение, что летит дублирующий экипаж. Потом все снова переиграли, потому что Мишка — Генкин дублер — вроде приболел. Назначили время старта, носитель с кораблем установили на стол, Алексей и Геннадий вылетели на Байконур.

Произвели заправку. Тут выяснилось, что на первой ступени подтравливает один из трубопроводов подачи окислителя. Пришлось сливать топливо, и все повторилось сначала. Они вернулись в Звездный и ждали, ждали, ждали.

Наконец объявили о новом времени пуска. И они снова вылетели на космодром...

Стартуй они в другое время — наверняка все прошло бы нормально. А так вышло — подгадали к моменту. Хотя почему под-

[1] Монтажно-испытательный комплекс.

гадали? Может быть, и на Земле бы это достало. Может, и Земли-то нету уже. Может, конец света настал, «порвалась связь времен», как говорится...

Это была командирская гипотеза — о конце света — одна из многих. Алексей ее не поддерживал. Полагал, что явление, на которое они напоролись,— феномен локального характера.

Объяснить это Алексей не мог. Просто задницей чуял. Что с профессиональной точки зрения — не аргумент. Хотя командир, надо признать, свою сомнительную концепцию тоже без особого энтузиазма отстаивал. Из-за врожденной упертости, не иначе.

А Земля — вон она. Плывет в иллюминаторе, как в песне советской пелось.

На предыдущем витке проходили над «Тайгой». Так Байконур по документам проходил, когда в голой, безлесной казахской степи его строительство началось. «Тайга» — это чтобы враг не догадался.

Нет здесь никакого Байконура. А вот Великая Китайская стена есть. Ее с орбиты видно невооруженным глазом. Там сейчас облачности нет, так что Геннадий с Лехой на нее вдосталь налюбовались.

Кстати, после этого гипотеза о чужом мире отпала как-то сама собой. Была у них тут и такая гипотеза. А что еще остается делать? Только гипотезы и выдвигать. Можно, конечно, допустить, что и в чужом мире чужие китайцы сподобились такую стену сварганить. Можно. Но как-то сомнительно. Недостоверно. Они с Генкой — люди ученые. Им положено на факты опираться. А факты что говорят? Что корабль сейчас крутится вокруг Земли по несколько вытянутой орбите. Над одним и тем же участком поверхности проходит примерно раз в сутки с небольшим. Параметры орбиты могли быть и получше, но это все, что им удалось сделать. Точнее, не им, а Генке, потому что пилот — он.

Все-таки это Земля. И если использовать научный подход, то именно это и следует взять за основу. Была Земля — и есть Земля, поскольку факты этому не противоречат. С другой стороны, те же факты говорят, что это не совсем та Земля, с которой они взлетели.

В Северном полушарии лето. Было, когда они взлетали. И здесь — тоже лето. Примерно конец июня — начало июля.

Но климат немного другой. Судя по тому, что граница снежного покрова в приполярных областях распространяется дальше на юг, здесь несколько прохладнее... Теоретически.

В океанах рыбы тьма-тьмущая. На борту их корабля специальная аппаратура — по определению рыбных запасов в морях и океанах. Рыбные косяки засекает. Судя по ее данным, косяки здесь в океанах ходят гигантские. И этим данным можно верить, потому что космические разработки у нас — лучшие в мире. Елки-палки! У России такой опыт по созданию собственных орбитальных станций, которого нет больше ни у кого. Два основных модуля МКС — нашей разработки. Штатники только стыковочный узел на орбиту вывели да солнечные батареи на «Шаттле» доставили. А в итоге что? В итоге Россия имеет всего около тридцати процентов долевого участия в МКС. И получается, что исследования на МКС оказываются очень дорогими. А своей орбитальной станции нет. «Мир» затоплен. Поэтому их корабль битком набит научными приборами для исследований, которые Алексей с Геннадием должны были провести в те двое суток, пока сближались с МКС. Взгляд из космоса нынче всем нужен, без него теперь никуда. Неприлично даже — вдруг отсталой страной сочтут. А программа исследований на МКС и так забита под завязку. Вот и нагружают. Так дешевле выходит.

Военные интересы России, опять-таки. Которые на международную станцию не потащишь. Интересно, можно их феномен с точки зрения военных интересов использовать? Наверняка можно. Особенно если разобраться, в чем, собственно, он состоит и что именно с ними случилось.

Глава шестая

Алексей Коршунов. Внештатная ситуация

В тот момент у Алексея с Геннадием по расписанию сон был. А перед этим с ЦУПом связывались. Все более или менее нормально шло. Из ЦУПа им сообщили, что медицинские показатели хорошие. Для первых суток полета. Адаптация к невесомости в организме в те часы шла полным ходом, так что

посоветовали поменьше двигаться. Но это так, риторика. Двигаться тут негде — несколько кубических метров. Летающая шкатулка. Обычный транспортник — на станцию и обратно. Максимально удешевленный корабль.

О том пробуждении лучше и не вспоминать. Первое ощущение — ком к горлу. Невесомость. Кабина, залитая ярким светом,— Солнце лупит прямо в иллюминатор. И почти одновременно — Генкин голос: «Связи нет!»

Алексею перед этим что-то донельзя запутанное и причудливое снилось, и поначалу показалось, что явь — продолжение сна.

А потом Генкины слова ВДРУГ дошли: нет связи.

Связь на корабле — это все.

А ее не было. Ни с Землей, ни с МКС. Ни с кем.

Того не могло быть. В принципе. Но было. И есть. Они попрежнему крутятся вокруг Земли по какой-то несуразной орбите, наклоненной чуть ли не под прямым углом к экватору. Орбита вытянутая, с минимальной высотой в сто с небольшим километров. И вдобавок нестабильная — на таких высотах уже сказывается сопротивление верхних слоев атмосферы. И в верхней точке раз в два часа Алексей и Геннадий исправно хватают дополнительные дозы облучения. Там уже граница радиационного пояса начинается.

Спали они часов пять с небольшим. Что могло за это время произойти?

Ответа нет.

Какая такая нечистая сила могла изменить орбиту корабля? Не их автоматика, это точно. Расхода горючего не было. Автоматика лишь попыталась откорректировать закрутку на Солнце.

Земля есть — вон она — бело-голубая на дневной стороне, черная на ночной, как положено. Совершенно черная, без всякого намека на свечение городов. Полное отсутствие связи. Полное отсутствие активности в радиодиапазоне. Что это? Внезапный конец цивилизации, от которой осталась только Китайская стена? Гнев Божий? Похоже на то, что Некто вдруг взял и стер с лица планеты нашкодившую цивилизацию. Вкупе с продуктами ее жизнедеятельности. Но почему-то не тронул Китайскую стену.

Сначала были те, первые после пробуждения, сутки. Воспоминания о них сейчас задвинуты куда-то вглубь. Там они бродят, бурлят, но — до поры до времени наружу не просятся.

Первым делом Геннадий произвел коррекцию орбиты. Извел почти все горючее, предназначенное для стыковочных маневров.

Не подумайте, что на космическом корабле, как на автомобиле, можно пространство рассекать. Коррекция орбиты — не та штука, на которую решаются с бухты-барахты. Тем более что в данном случае это означало отказ от стыковки.

От какой, на хрен, стыковки? С кем?

Именно этот вопрос Алексей задавал Генке не раз и не два. А тот все не мог решиться. Снова и снова пытался выйти на связь на всех мыслимых и немыслимых частотах.

Его нельзя осуждать. Он — командир. Вся ответственность за полет — на нем. Такая ответственность, что... Алексею впору плакать от счастья, что он всего лишь космонавт-исследователь.

Но ответственность будет там, внизу. Если будет. А пока они — как два жука в одном спичечном коробке. Коробок летит, и жукам остается поглядывать в дырочку иллюминатора и гадать, чем все это кончится, и ясно только одно: судьба у жуков общая. По крайней мере, до посадки. Если она будет.

Коршунов с Геннадием не раз и не два проверили все системы корабля — особенно блок связи. Все работало. И должно было работать. Техника здесь сверхнадежная. Все, что можно,— продублировано. Особенно в блоке связи. В первую очередь — в блоке связи. Их ведь на корабле вообще три, считая тот, что в спускаемом аппарате. И все — независимые. И все — в норме. А связи нет...

Проверили, в общем. А потом Черепанов принял решение. Первое в цепочке решений. Решение о коррекции орбиты.

Коррекция заняла еще сутки. К этому времени набралось уже довольно много данных.

Эфир пуст. Огней городов нет по причине отсутствия самих городов. Никаких признаков глобальных ядерных катастроф. Планета жила своей жизнью. Естественной. Удалось засечь несколько крупных лесных пожаров на территории Канады. На Камчатке шло извержение Ключевской сопки.

Зато в околоземном пространстве пусто. МКС здесь нет. На связь она, по крайней мере, не выходит. Ну, допустим, МКС на-

крылась, но куда делись сотни спутников связи, ретрансляторов, военных всяких... Не может быть, чтобы все сразу... Но — было.

Постепенно на Алексея и Геннадия снизошло какое-то исследовательское благодушие. Это трудно описать. Не было ни паники (ушла куда-то), ни героизма, как в книгах пишут. Они просто наблюдали. И делились впечатлениями.

Конец этому абсурдному спокойствию пришел на четвертые сутки полета. От нечего делать они с командиром решили взглянуть на то, что под ними, вооруженным глазом. Точнее — вслушаться вооруженным ухом. А короче — попробовать ту аппаратуру, о которой распространяться не стоит.

Им бы, олухам, сразу до этого допереть!

Аппаратура живо нащупала всплесковое радиоизлучение. На очень-очень специфических частотах. Излучение шло от точечных источников. Источников этих обнаружилось аж несколько. Располагались они по вытянутой полосе от Приднепровья на запад, примерно до Вислы. Один находился на южном берегу Балтики.

Излучение шло с примерным периодом в несколько минут. При этом тон задавал самый восточный радиоисточник. Остальные как бы отзывались радиовсплесками через несколько секунд. Время от времени проходил как бы супервсплеск с амплитудой, в несколько раз превосходящей обычную.

Они с Геннадием тогда очень быстро выяснили, что это происходит не само по себе. На других частотах обнаружились еще две группы источников. Одна в Скандинавии и в Западной Европе, другая — вдоль побережья Ледовитого океана. Радиовсплески от этих объектов были крайне слабыми, шли очень редко и были лишены видимой периодичности. Но первая группа (Геннадий с Лехой назвали ее основной) отзывалась на них супервсплеском.

Блин! Это уже было нечто. Какая-то зацепка. Тем более что они посчитали и пришли к интересному результату. Если бы шло, как положено, и они двигались по первоначальной расчетной орбите, то к моменту, который предшествовал их внезапному пробуждению (по корабельным часам), должны были проходить аккурат над «днепровским» объектом.

А раз так, то не связать ли этот объект с той... х-м-м... ситуацией, в которой они с командиром оказались?

— Леха, ты из своих вещей будешь что-нибудь забирать?

Это не вопрос. Это скрытая просьба.

— Командир, что ты как девочка! В нем же всего граммов сто.

— Сто сорок.— В голосе Генки слышалось смущение.

Речь идет о пластмассовом уродце типа Буратино. Алексей не знал, с чем он там в командирской жизни связан,— стеснялся спросить. Но у подполковника он — вроде амулета. Раньше Буратино у Генки в автомобиле болтался.

Вообще-то амулеты у многих космонавтов имеются. И в приметы они верят. На Байконуре перед полетом на двери гостиницы фломастером расписываются. И «отливают на колесо» возле стартового стола. А в Плесецке на носителе слово «Таня» пишут. Чтобы старт был успешным. Впрочем, оттуда пилотируемых полетов не производят.

После того, как эти радиоисточники обнаружились, Геннадий воспрял. Нотки командирские в голосе снова появились. Решил всю намеченную программу исследований провести до конца.

И взялись они с Алексеем за выращивание кристаллов и за опыты с мушками-дрозофилами.

Черепанов — человек военный до мозга костей. Таким себя и показал. В полный рост.

— Слушай, Алексей, сюда. Внештатная ситуация вовсе не отменяет наших с тобой обязанностей. Мало ли что. А так у нас с тобой программа выполнена. Вот, пожалуйста, результаты.

— Что значит «мало ли что»?

— А то и значит,— отрезал командир.

Перед этим они повздорили. По программе они должны были провести съемку некоторых районов Бразилии. По заказу тамошнего правительства. Собственно, они и начали этим заниматься по плану. Еще ТАМ.

ЗДЕСЬ в этих районах сплошные джунгли. ТАМ джунглей нет и в помине. Свели их под корень.

— Так что с Бразилией делать? С джунглями?

— Ты, Леха, не рассуждай — ты работай. Привязка к координатной сетке есть?

— Есть.

— И время съемки есть. Остальное тебя не касается. Это не наша забота.

— А что, по-твоему, НАША забота? — Алексей посмотрел на командира.

— Доставить результаты по назначению.— Он криво усмехнулся.— Если получится.

Теперь результаты подготовлены к возвращению на Землю. Что ж, пускай летят. Может, и прав командир. Может, у него инструкции какие на этот счет имеются. Вот будет забавно, если все это — некий секретный эксперимент, о котором Коршунова просто не поставили в известность. У нас — могут. Хотя вряд ли. С чего бы тогда командир так дергался? Или его тоже *не поставили*?

Над Калифорнией проходим. В Калифорнии Алексею довелось побывать. Ненароком. А во Флориде нет. Так вышло.

Они с Лехой тогда возвращались из первого полета на «Дискавери» с американским экипажем. Вход в атмосферу произвели, как и положено, в восьмистах километрах от посадочной полосы, над Атлантикой.

«Шаттл» входит в атмосферу хвостом вперед, с работающим двигателем, и движется так, гася скорость, пока не попадает в плотные слои. И отлетает от них вверх. Как плоский камешек, пущенный по воде. А отлетев, совершает хитрый маневр, переворачиваясь в воздухе, и снова входит в атмосферу. Примерно в ста шестидесяти километрах от полосы. Дальше садится как обычный самолет. Тут вся хитрость, чтобы к полосе он приблизился под углом в двадцать два градуса. Не больше и не меньше.

А у штатников что-то не заладилось. Короче, Хьюстон отменил посадку на Каннаверале. «Шаттл» через всю Америку махнул и совершил посадку возле другого океана — Тихого. У них там вторая полоса имеется, на базе Вандерберг. Тогда все перетрухнули здорово. В американском экипаже бабенка была — крутая, круче некуда. А тогда сидела аж вся белая. Сбледнула с лица, как говорится.

Нет, наша система посадки все-таки понадежнее будет. Относительно. Ну да космонавтика — дело вообще рискованное.

И они с Алексеем тому живой пример.

— Командир, как ты думаешь, что это может быть? Ну, источники эти?

— Чего гадать? Спустимся — посмотрим.

Алексей несколько раз пытался рассмотреть места, откуда радиоизлучение идет. Места как места. Ничего особенного.

Садиться решено возле днепровского объекта. Правда, близко сесть не удастся — только километрах в трехстах. Место, откуда сигнал идет, они зафиксировали. Там река излучину делает. Но там — сплошные леса. Потому и не сесть поближе.

С экологией тут — просто замечательно. Вот по поводу Америки Геннадий с Лехой все гадали, что за темные огромные тени по равнинам медленно клубятся? А потом доперло — стада бизонов.

В общем есть очень похожая на Землю планета, на которой имеются Великая Китайская стена и бизоны, которых американцы еще в девятнадцатом веке повыбили напрочь. И леса стоят, которые вырубили. Так что напрашивается еще одна гипотеза. Такая, которая объясняет, почему леса здесь *еще* не успели извести, а бизонов — перебить. И заодно некие изменения рельефа тоже объясняет. С точки зрения Коршунова — абсолютно логичная гипотеза, которая гласит, что Земля — *та самая*. Но с коррекцией во времени минимум на полтораста лет. И не более чем на две тысячи — или когда там Великую Китайскую возвели?

Сверху посмотреть, так внизу чуть ли не палеолит. Только китайская стена и утешает.

Городов они, как ни старались, никаких рассмотреть не смогли. Хотя это ничего не означает. Нет у них на корабле таких гляделок, что на разведывательные спутники ставят. Таких, которые в хорошую погоду вывески на магазинах разобрать могут. А через тот же иллюминатор с такой высоты километровая проплешина в тайге крохотным пятнышком кажется. В хорошую погоду. А в Европе это лето, по всему видать, дождливое выдалось. За все то время, что они тут крутятся, циклон за циклоном от Атлантики идет. И облака все закрывают. Правда, источники радиоизлучения разбивают Лехину гипотезу вдрызг. Не было ни в девятнадцатом веке, ни, тем более, раньше техники, способной генерировать подобные импульсы. Если, конечно, не привлекать вдобавок к версии «провала во времени» еще и инопланетян. Но летающей посуды по курсу пока не наблюдается. Ладно, как-нибудь выкрутятся. Все-таки на свою территорию садятся. Отец-командир в конкретное место целит: поближе к первому, приднепровскому источнику, но чтобы на

российской территории. Куда-нибудь на юг Ростовской области. Правда, их «точность» — это плюс-минус километров четыреста. Так что можно и на территорию самостийной Украины угодить, и в Азовское море. Легко. Хотя насчет моря подполковник наверняка подстраховался. А Украина... Если гипотеза Коршунова все же верна, а внизу имеются люди, то Россия там или Украина — без разницы. В любом случае не какие-нибудь папуасы, а братья-славяне. Со своими-то уж как-нибудь договоримся...

Глава седьмая

Алексей Коршунов. Посадка

— Алексей.— Голос у командира хриплый.

— Да.

— Дай обратный отсчет.

— На кой он тебе?

— Сказано тебе: дай обратный отсчет.— Но металла в голосе подполковника не чувствуется.

— Не могу,— честно признается Коршунов.

— Дрейфишь?

— Да.

— Хм-м... Я тоже... Не без этого.

Темно. Корабль над ночной стороной. В иллюминаторе звезды. Много. Темно и тошнотно. Так и не успели привыкнуть к невесомости. И не доведется уже привыкнуть.

«Земля» — она вон там. В иллюминатор сейчас не видно. «Земля» в кавычках. Того, что происходит, не может быть. Не может быть, потому что не может быть никогда...

Глупости какие в голову лезут.

— Леха,— командир нарушил молчание.

— Да.

— Я начинаю отсчет.

— Начинай. Я готов.

Алексей глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Вспомнилась старая, еще школьных времен присказка: «Перед смертью не надышишься». Это перед экзаменами.

Пошел отсчет. Никому не нужный.

...Один... Ноль...

Ключ на пуск...

Вибрация. И вес...

Бездушная автоматика гасит скорость... Уводит вниз. Туда, во мрак и неизвестность...

ВЕС! И тишина. Тут наверху всегда тишина. Тут даже на атомы разлетаешься в тишине. Невыносимая тишина...

Тяжесть и тьма...

— Командир. Когда солнце?

Не отвечает. Смотрит перед собой. Губы вроде шевелятся. Молится, что ли?

Страшная это штука — посадка. Страшная, потому что... Потому что долгая очень... ВЕС!..

— Леха...

— Что?

— Как думаешь... нам Героев дадут?

Подбадривает. Или сам бодрится.

— Непременно. Нас внизу уже генерал с орденами поджидает.

— Менты.

— Что менты?

— Там внизу.

— Где?

— Под облаками... Поджидают... За самовольный сход с орбиты... Сядем. Навеки...

Все шуточками своими сыплет.

— Когда отделение?

— Скоро уже...

...Солнце! В черном небе ослепительное солнце. Прошло через иллюминатор, слепя, и исчезло. А следом вползла бело-голубая махина и заполнила собой все. Вышли на дневную сторону. Над океаном идем...

...Вся Европа по-прежнему затянута пеленой облаков, лишь местами темнеют разрывы. Над Россией все тот же громадный циклон...

Кораблю еще раз входить в ночь. Потом снова в день. И только в том «дне» — отделение.

...Мрак. И звезды. И страх. На орбиту уже не вернуться, скорость потеряна. «Союз» несется в ночи над неведомым.

Алексей с Геннадием молчат. Уже полтора часа молчат. Каждый — о своем. И теперь наступает самое-самое...

Отделение! За задраенным люком спускаемого аппарата теперь пустота. Корабль с двигателями, с кислородом, с водой, с ассенизационно-санитарным устройством теперь сам по себе.

От перегрузки в глазах плывут красные круги. И не вздохнуть. На грудь будто слон сел. Спускаемый аппарат теперь несется в сияющем коконе. Вибрация пронизывает до костей. По иллюминатору будто волны идут — оплавляется наружное стекло.

Чудовищный толчок — тормозной парашют сработал. Сработал!

И сразу почти — или это показалось, что сразу,— второй толчок. Основной парашют! За оплавленным иллюминатором небо. И не черное, а фиолетовое уже...

Вошли в облака. За иллюминатором молочная белизна. Потом тени какие-то мелькнули. И удар! Потом еще один!

Спускаемый аппарат тряхнуло, подбросило, перевернуло, еще раз...

Глава восьмая

Алексей Коршунов. Живы!

— Живы,— прохрипел Алексей. В ушах молотом бухало — сердце отчаянными толчками гнало сквозь сосуды кровь. Собственный голос казался чужим, каким-то ломко-стеклянным. Соленый пот жег глаза. Жарко, как в бане.

— Ну что, Леха.— Кряхтя, Геннадий заворочался в своем кресле. Повернулся к Алексею. Ощерился. Видно, попытался улыбнуться. Но вышло это у командира плохо.— Понравилось летать?

Алексей смачно выматерился. Нижнее белье под комбинезоном было совершенно мокрым от пота и противно липло к телу.

Коршунов покосился на иллюминатор. Ни черта не видать. Заляпало грязью, должно быть.

— Вроде на ровное сели,— пробормотал командир.— Ничего не чувствуешь.

— Почувствуешь тут.— Алексей закрыл глаза. Потянулся было расстегнуть ремни.

— Погоди,— остановил его командир.— Давай-ка по инструкции.

По инструкции так по инструкции. Алексей попытался расслабиться. Подождем. Несколько минут погоды не сделают.

Этот послепосадочный момент был расписан в инструкциях чрезвычайно подробно. И правильно. Как ни крути, а садишься все равно вслепую. Особенно когда садишься вот так, на ручном. Можно и на воде оказаться, и на крутом склоне. И на территории «дружественных» соседних государств. Словом — везде. Оттого и уделяют в программе подготовки так много внимания вопросам выживания. Море, пустыня, тайга — три природные зоны, где ты должен уметь продержаться, пока служба поиска не обнаружит спускаемый аппарат.

Тайга — это оказалось самым сложным. А самым простым почему-то оказалась пустыня. Странно, но факт. Хотя, казалось бы, все должно было быть с точностью до наоборот.

— Слышь, командир,— Алексей повернулся к Геннадию,— а помнишь, как мы на Тикси-то выживали?

Командир неопределенно пожал плечами.

Их — сразу три экипажа — тогда забросили в приполярную тайгу. И там, на полигоне, под наблюдением инструкторов они несколько дней проходили суровую школу таежного выживания.

Самым сложным было свыкнуться с абсурдом ситуации. Инструкторов было много. Они всегда были рядом. И молчали. Собственно говоря, инструктировать им было запрещено. Они лишь наблюдали. Фиксировали все твои промахи, все ошибки. Оценивали, как ты стучишь зубами от холода, как окоченевшими руками пытаешься нарубить сучьев для костра. Как жмешься к огню, уныло жуя пищевой концентрат из НЗ. Брр!

— Генка, а помнишь...

Алексей осекся. Командир неотрывно смотрел перед собой. Потом вдруг резко начал расстегивать ремни.

— Быстрее,— бросил он.— Кажется, мы погружаемся!

Неужели все-таки на воду?..

Измученное тело отзывалось на каждое движение болью. Координация разладилась. Все-таки невесомость давала о себе знать. Беззвучно ругаясь про себя, Алексей выпростался из наклоненного набок кресла, завалился было на пульт. Ох, черт!

Командир уже отдраивал люк.

— Не спи, Леха! Спецкомплект давай!.. Документацию!..

В раскрывшееся отверстие входного люка ворвался наружный воздух, охладив лицо. И тотчас запахло болотом и окалиной.

Только этого не хватало.

Алексей сунул Геннадию документацию. Тот вышвырнул ее наружу. Следом полетел спецкомплект, за ним НЗ.

— Пошли,— не оборачиваясь, скомандовал Геннадий. И полез наружу.

Спрыгнул и тут же увяз. Спецкомплект лежал в нескольких шагах. С усилием переставляя ноги, сделал пару шагов, наклонился...

— Блядь! — послышался сзади Лехин голос.

Что-то звучно шлепнулось рядом.

Геннадий медленно выпрямился. В глазах у него слегка двоилось — последствия невесомости,— поэтому все казалось нечетким. Полотнище парашюта, дальше — мелкое болотце, поросшее камышом, невысокий бережок... А там...

«Картинка» плыла, но не настолько, чтобы не разглядеть, что там, за намокшим полотнищем парашюта, за щеткой камыша, у края болотца — люди. Не очень много. Десятка полтора. Они стояли неподвижно, как вкопанные. Кроме одного. Тот, извиваясь, катался по земле...

Глава девятая

Геннадий Черепанов. Контакт, не предусмотренный программой посадки

— Командир!..

Голос Алексея из-за спины. В голосе растерянность.

Геннадий перевел взгляд на упавший предмет. Перемазанная грязью человеческая голова. Небольшая. Крупные зубы в оска-

ле черного с прозеленью рта. Длинные, слипшиеся волосы. Ни бороды, ни усов. Женская?

Внутри шевельнулось ледышкой от нехорошего предчувствия.

— Документация!

Геннадий не выговорил — выхаркнул приказ, шаря рукой по застежкам спецкомплекта, одновременно медленно пятясь назад.

— Дай я.— Рука Алексея потянула на себя спецкомплект.

— Документация!!!

— Она...— Алексей с силой дернул спецкомплект.

Теперь Геннадий и сам увидел ее. Полетная документация лежала неподалеку от головы.

— Держи!

Алексей сунул ему тесак.

Геннадий обернулся, бросил взгляд на спускаемый аппарат, постепенно уходящий в болото. Против воли сознание с фотографической четкостью зафиксировало черные вытравленные слова на порыжелой дверце входного люка: «Внимание! Внутри люди». И — ниже — тот же текст по-английски.

«В первую очередь уничтожить документацию!» — эти слова точно так же вытравлены в его сознании, как буквы — в стали люка.

Люди на берегу вели себя странно. И выглядели странно...

«В случае, не предусмотренном инструкцией... в первую очередь следует уничтожить полетную документацию...»

Геннадий наклонился... От головы ощутимо тянуло трупной вонью. Болото воняло болотом.

— Шашку! — бросил он через плечо. Толстая папка лежала у него под ногами. Рядом с вонючей головой. В болотной жиже.— Шашку принеси. И сигнализацию отключи: нехрен аккумуляторы сажать.

Люди на берегу смотрели на них через зеленую щетку рогоза.

«За самовольный сход с орбиты подполковник ВВС Черепанов приговаривается...»

Сирена перестала стонать.

— Командир!

Увязая в болотной жиже, шатаясь как пьяный (нормальные последствия невесомости), Алексей торопился к нему. С термитной шашкой в одной руке и тесаком — в другой. Идиотизм.

— Зажигай,— скомандовал Геннадий.

Геннадий с Алексеем стояли на парашюте. Порывы ветра то бросали клубы тошнотворного жирного дыма в их сторону, то гнали дым на тех, кто стоял на краю болотца. В последний момент Геннадий не удержался, толкнул голову к документации. Зачем — он сам не мог объяснить.

Здесь, на натянутом тяжестью спускаемого аппарата парашютном шелке, хотя бы ноги не увязали. Только надолго ли? Аппарат неторопливо окунался в топь, увлекая за собой парашют.

— Неудачно сели,— пробормотал Алексей.

Скоро через раскрытый люк начнет затекать внутрь болотная жижа.

— Какая разница,— отозвался командир.— Часом раньше, часом позже.

— Промахнулись-то всего ничего. До твердой земли рукой подать.— Алексей взвесил в руке тесак из спецкомплекта.— Что теперь делать будем?

— Согласно инструкции...

С берега, от группы людей, донесся полный невыразимой тоски вой.

Алексей вздрогнул:

— Ты хоть что-нибудь понимаешь? Где мы? Что происходит?

— А я знаю? — огрызнулся Геннадий. И добавил уже спокойнее: — Ничего не предпринимай. Сейчас разберемся...

В толпе на берегу вдруг наметилось какое-то движение.

«Черт!» — подумал Геннадий, пытаясь разглядеть, что там происходит. Но зрение еще чудило, и камыш этот...

Двое сволокли третьего с берега в жижу. Похоже, этот третий и вопил. И извивался. Но как-то странно. Связан, что ли? Что они там делают?

Вой вдруг оборвался на высокой ноте. Сразу стало как-то по-особому тихо.

Геннадий судорожно сжал пальцы на рукояти тесака.

— Что делают! — выдохнул Геннадий.

Двое возвращались. Вот они схватили еще одного...

— Ах ты мать моя...— пробормотал Алексей.

Двое волокли третьего. К ним волокли. Точно! Связанного! Серьезные ребята. У одного — топор на поясе. Второй — с но-

жом, перепачканным в крови. Ах ты!.. Пистолет в аппарате остался! Черепанов его еще на орбите из спецкомплекта вынул. И забыл. Теперь из оружия — один этот тесак дурацкий!

Но Геннадий не полез за пистолетом. Чувствовал: уходить нельзя.

У края парашюта трое остановились. Двое — здоровенные мужики, зверообразные, патлатые, бородатые, в кожаных куртках и штанах с широченными поясами. Третий — совсем мальчишка. Связанный. Глаза у пацана были синие и ясные. И глядел с надеждой... И потянулся вперед, к Геннадию...

«Не вмешиваться,— приказал себе Черепанов.— Это не наши разборки».

— Слышь, командир, не нравится мне это,— проворчал Алексей.— У этого волосатого кровь на ноже. Свежая. И взгляд нехороший. Так и хочется в глаз дать...

— Спокойно, Леха! — Сознание Геннадия уже переключилось на «боевой режим».

Так, серьезного оружия у противника нет. Кабы не «отходняк» от пребывания в невесомости и пистолет в кармане, можно было бы особо не дергаться.

— Спокойно. В глаз давать категорически запрещаю. Там на берегу таких — целая толпа. Не видишь, что ли? Пока нас не трогают — нишкни! А я попробую договориться.

— Попробуй. Только, по-моему, они по-русски — по нулям.

— По-моему, тоже...

Геннадий шагнул к странной троице, изобразил улыбку.

— Ты бы лучше эту штуковину спрятал,— сказал он строго, указывая на нож.

Не поняли.

— Easy man, easy. Say, let this fellow to go. No murder, OK? — Геннадий перешел на англицку мову.

— Не врубаются они,— констатировал факт Алексей.— Нука я... Laisse lui! — сказал Коршунов бородачу, кивнув на юнца.— А пацана развяжи. Не хорошо это. Вери бед. Моветон это.

— Не канает здесь твой французский,— процедил Черепанов.— А ну-ка отпусти парня! — рявкнул он командным голосом.

Парнишка глядел на Геннадия с надеждой и восторгом. Просто как на икону глядел...

Тут бородач, нехорошо осклабившись, ухватил пацана за волосы, запрокинул ему голову...

Черепанов еле успел перехватить его руку. Рефлекс сработал, обучили Геннадия в свое время крепко. Левой (в правой — дурацкий тесак) — перехват, поворот — и болевой. Прошло как по писаному. Бородач о дзю-дзютцу понятия не имел. Выронил нож, заорал, на колени грохнулся... Геннадий, еще не оклемавшийся от невесомости, силу не соразмерил.

Боковым Черепанов увидел, как на второго, белобрысого, грязного, охламона надвинулся Алексей. Взял на контроль на всякий случай. Тем более, у мужика топор к поясу прицеплен и тоже нож в чехле. Но мужик нападать и не думал. Явно перетрусил. Задом-задом — от Лехи... Споткнулся, шмякнулся в грязь, тут же подскочил — и к берегу. И тот, который ножом размахивал, про нож забыл. Припустил — только грязные брызги в стороны.

— Развяжи мальчишку,— скомандовал Геннадий.

Алексей шагнул к парню (тот зажмурился, запрокинул голову — блаженный, что ли?) и перерезал веревки, похлопал по плечу:

— Все нормально, пацан. Перезимуем. Только без глупостей! — добавил он строго.— Мы — русские космонавты. Международный проект. Совместный...

— Леха, ты бы лучше помолчал,— посоветовал Геннадий.— Погляди, какое у него украшение на поясе.

На поясе у синеглазого мальчишки имелась еще одна голова. Явно мужская. Это как-то не вязалось: юное «просветленное» лицо — и отрезанная бородатая голова в засохшей кровище.

И тут мальчуган проявил себя в полный рост: подпрыгнул, сорвал с пояса «украшение» и зафигачил в небо. А потом издал дикий вопль — аж уши заложило. На физиономии — полный восторг. Как у баскетболиста, забросившего в финальном матче.

Алексей проводил взглядом взлетевшую голову, сказал:

— Неплохой бросок. Что будем делать, командир? У нас с тобой запасных голов нет.

— «Что делать, что делать...» — проворчал Геннадий.— Выживать будем. Строго по инструкции.

Синеглазый парнишка больше не улыбался. Глядел на них, то на одного, то на другого, очень серьезно и очень внимательно. Похоже, указаний ждал...

Глава десятая

Алексей Коршунов. Контакт, не предусмотренный программой посадки (продолжение)

«Вот это называется „не вмешиваться“»,— подумал Алексей.

Ну командир, ну орел! Военный летчик, блин. Сверхбыстрая реакция. Уловил, что местные дрейфят,— и отреагировал. Парнишку спас и... Дальше, впрочем, большой вопрос. Может, этот симпатичный парнишка — местный сексуальный маньяк? «Злыдень писюкатый», как говорят на самостийний Вкрайини. Или убийца серийный, который головы отрезанные вместо мяча использует. И решило местное самоуправление его казнить. В присутствии свидетелей. А свидетели...

Местный «маньяк-убийца» преданно глядел то на Алексея, то на командира.

— Командир,— Алексей повернулся к Геннадию,— что дальше делать будем? Командуй.

— Пальцы гнуть,— буркнул командир. Он думал.

— Каумантиир,— вдруг сказал синеглазый парнишка.— Каумантиир,— повторил он, с восторгом взирая на Геннадия.

— А я — Алексей.— Коршунов показал на себя.— Алексей.

Пацан сглотнул. Затем зачем-то вытер руки о грязные портки. Постучал себя в грудь. И доложился:

— Книва.

— Так, Леха, последи за ситуацией,— бросил Геннадий и полез в люк. Споткнулся, выматерился. С координацией у него по-прежнему было неважно. И это очень неприятно, если их вдруг захотят побить. Или убить.

Парнишка вертел головой. Поглядывал то на Коршунова, то в дырку люка. С опаской.

Геннадий возился внутри недолго, вылез буквально через минуту, задраил люк. Разумно. Вода плескалась уже у самого края.

— Забирай барахло, Леха, и пошли,— распорядился он, махнув тесаком в сторону края болота.— Хрена тут топтаться.

И, пошатываясь, захлюпал к берегу. Голубоглазый Книва с готовностью потрусил за ним.

Глава одиннадцатая

Травстила-кузнец. Чужие боги

Отсюда, с края болота, хорошо видно было вместилище и боги подле него.

Боги ли?

Травстила видел богов. Боги нередко приходили в кузню. И они, боги, были иными. Боги таились в тенях. Или вдруг на миг показывались в языках огня. Иногда боги разговаривали с Травстилой. Но не так, как они разговаривают с бесноватыми. Иначе.

Порой боги были недовольны и губили железо. Но такое происходило редко. С годами Травстила научился ладить с богами.

Травстилины боги давали советы. Мол, вот так надобно делать и вот так. Тогда все выйдет как должно. А если Травстила ошибался, боги сердились и портили работу.

Те, что стояли на парусе, цвета снега и крови, были другими богами. Но Травстила знал, что облик у богов разный бывает. В Вальхалле тоже другие боги были. Не такие, как в кузне. И не такие, как эти.

В Вальхалле Травстилу жрец Овида водил. Вот уж кто в богах разбирается, и в своих, и в чужих. А как иначе? Он, Травстила-кузнец, топоры кует. Может и меч выковать. А Овида воинов выковывает. В мужской избе. Тоже кузнец в своем роде. Исстари так заведено. И это мудро.

Вчера, когда эти двое сопляков с квеманскими головами в село заявились, екнуло что-то в Травстиле. Чувствовал, добром все не кончится.

Спозаранку, чуть свет, пошел к Губериху-бобылю. И велел к Овиде в капище поспешать. Пусть-ка Овида-жрец сам, своими глазами посмотрит.

Не иначе кто-то из богов, из настоящих богов, совет нашептал. А то вон как все повернулось.

Да, вместилище. Непростая вещь, коли по небу летает. Только вот зачем глаз нужен? Ишь какой, будто кровью налитый.

Может быть, чтобы злых духов отпугивать?

Но зачем богам духов отпугивать? Это все равно что рабов бояться.

Хотя...

Может, не уверены в своих силах чужие боги. Оттого и глазом сверкают. И руны вон на вместилище наложили. Может, и так. Может, сами боятся.

Вот и птицей железной кричат. Пугают. Только ясно Травстиле, что птица — не настоящая. Настоящая птица каждый раз по-разному кричит, хоть и похоже. А эта — раз за разом одно и то же. Стало быть, не птица это. Украли чужие боги птичий крик и заперли. А птица та небось теперь без одного крика в небе кружит.

Недоброе дело сотворили чужие боги.

Боги ли?

«А доброе ли дело мы творим? — размышлял Травстила.— Или от страха сами не свои сделались?»

Травстила смотрел, как Вутерих с Герменгельдом тащат к вместилищу Книву, сына Фретилы. Покосился на Фретилу. Стоит, в землю потупясь.

А Хундила-старейшина напуган. Так напуган, как никогда прежде напуган не был. Ни разу таким его Травстила не видел.

Что там происходит? Похоже, недовольны те, кто из вместилища вышел.

Травстила, напрягая зрение, следил за чужими богами. Вот у Герменгельда нож отняли, вот Вутерих опять в грязь свалился. Судьба у него сегодня такая — по грязи на четвереньках бегать.

Тут Травстила усмехнулся в бороду, вспомнив, как по-собачьи чесал по болоту перепуганный Вутерих. Небось теперь дурной спеси у парня поубавится.

Сбежали от богов Вутерих с Герменгельдом. Один Книва с ними остался. Правильный сын у Фретилы. Понимает, что богам храбрость по нраву. А если все же не боги это, а герои, то и героям храбрость по душе.

Вот приблизился один из богов к Книве, что-то сказал ему, не слышно отсюда. Книва вдруг радостно завопил и квеманскую голову вверх бросил.

Вокруг все заговорили: как так?

Фретила, отец Книвы, воспрял. Весь вперед подался. Оно и понятно. Жизнь рода выше всего стоит, но Книва — сын ему.

Причем — младший. Младшего, известно, больше всех любишь.

Из болота выбрался на берег Вутерих. Герменгельда обогнал. Проворный. Глаза вытаращены, борода растрепана. Дышит, как конь после скачки. Только что не пена с бороды падает, а грязь болотная.

— Они, они...

На берег вылез Герменгельд. Мрачный. За руку держится.

— Да говори же! — рявкнул Хундила на Вутериха.

— Они не нашего языка! — выдохнул тот.— И не квеманского. У-фф! Чужие боги!

— Как? — опешил Хундила.

Травстила не удивился. Но молчал пока.

— А вот так,— огрызнулся Герменгельд.— Вот.

Он показал руку, на которой остались следы от хватки бога. Так себе следы. Два пятна красных.

— Сдавил, как клешней раскаленной. Уж свет в глазах померк...

Травстила усмехнулся в бороду. Ужли так страшно? Вот кабы он своими клещами кузнечными Герменгельду ручищу сжал, так не только б мясо — кость размозжил. А тут два пятнышка. И не ожог, а так, кожа примята.

— Тихо,— вдруг выдохнул рябой Хиларих.— Сюда идут.

Боги шли тяжело, будто пьяные. Будто великая тяжесть лежала на них гнетом.

— А по болоту ходить не умеют,— заметил Травстила.

Хундила злобно зыркнул на кузнеца, но Травстила уже отвернулся.

На сухое место первым выбрался Книва. Боги приотстали. Одежда на них была дивная. Будто из гладкого серебра, а на вид — мягкая, словно холст. И тоже рунами испещрена... Нет, точно пьяны были боги, богатырски пьяны: шли, будто земля под ними качалась.

— Эх,— проскрипел Хапала, покачивая седой головой.— Бедой пахнет. От небесного пира оторвали квеманских богов. Что им наша малая жертва? Вон и Книву они не приняли. Надо было тебе, Хундила, не своим умом думать, а на капище послать, за Овидой. Овида — жрец. Его в Вальхалле знают. Он с богами ладит. Надо было тебе, Хундила, за Овидой послать.

— Надо было,— буркнул старейшина.— Что уж теперь. Теперь пошлю. Прямо сейчас пошлю: Фретила, вели Сигисбарну...

— Не надо,— не повернув головы, бросил Травстила.— Я Губариха за Овидой послал. Еще засветло.

Глава двенадцатая

Алексей Коршунов. Контакт, не предусмотренный программой посадки (продолжение)

Перед тем как сойти с края парашюта, Алексей на миг помедлил. Все-таки это была «своя» территория. Он оглянулся на спускаемый аппарат, уже почти до половины погрузившийся в топь.

Чушь все это. Дикая невообразимая чушь.

Алексей мотнул головой и пошел вслед за командиром и Книвой, поминутно оскальзываясь на болотных кочках. Только бы не упасть. Падать сейчас никак нельзя.

Проклятое болото отвлекало на себя все внимание. Только выбравшись на относительно твердое место, Алексей смог наконец разглядеть тех, кто поджидал их на краю болота.

Увиденное не радовало. Люди, стоящие впереди, были как на подбор крупны и грязны. Рожи у всех мрачные, настороженные. На поясах топоры. В руках копья. Такие штуки Алексей только в музее видел. Но эти не выглядели музейными экспонатами.

Спасенный парнишка тут же, захлебываясь, принялся что-то втолковывать представительному краснорожему мужику с заметной проседью в бороде. Представительный некоторое время внимал недоверчиво. Супил кустистые брови. Рядом опирался на палку совсем ветхий сморчок. Тоже слушал.

Остальные, как ни странно, все больше и больше увядали. Переминались с ноги на ногу, искоса бросали боязливо-любопытные взгляды.

Ветхий старец что-то вякнул. Представительный рыкнул что-то — и Книва заткнулся.

Местные, все как на подбор крепкие, густо обросшие волосами, напоминали сибирских староверов. Или древних викингов. Мастью, статью, основательностью. Взирали на пришельцев недоверчиво. Их можно было понять. Судя по щитам-копьям, уро-

вень здешней техники был весьма далек от космического. Так что пара ребят, свалившихся с неба в «железном сундуке»,— это, пожалуй, покруче, чем корабль с голливудскими «Хищниками», приземлившийся в окрестностях Кремля. И вполне понятно, почему они побаиваются. И хорошо, что побаиваются. С другой стороны, тут важно не переборщить. Слишком большой страх может подвигнуть их к активным действиям. И вряд ли Алексей с Геннадием смогут отбиться своими жалкими тесаками от двух десятков мужиков, пусть тоже с холодным оружием, но зато существенно более серьезным и куда более для них привычным. Нет, до драки дело лучше не доводить.

Среди местных между тем возник оживленный разговор. Главными его участниками были Представительный, дедок с палкой и широкий, как двуспальная кровать, мужик с физиономией, испещренной черными крапинами, и ручищами с совковую лопату каждая. Остальные тоже повякивали, но видно было, что шишку держат эти трое. И, пожалуй, еще бородач, чем-то напоминающий недоросля Книву.

Алексей напряженно вслушивался в непривычные, хрипловато-растяжные звуки чужой речи, силясь понять. Отдельные слова вроде улавливались, но в целом язык был совершенно незнаком.

Еще Коршунов заметил, что Широкий и командир как-то особому друг друга рассматривают. И нашел, что было в них даже определенное сходство. Не то, что оба — квадратные, а что-то еще. Этакое сродство в «мировоззрении», если можно так выразиться. В том, как эти двое «взирали на мир». И было ясно, что они друг другу понравились. Так бывает: встретишь незнакомого человека — и вдруг испытываешь к нему необъяснимую симпатию. Вот, думаешь, нормальный мужик...

Между тем жаркая дискуссия подошла к концу. Представительный что-то сказал Книве, Книва приосанился, ответил — голос аж звенел от гордости. Дед с клюкой тоже что-то проскрипел: верзила, которому командир руку выкрутил, подскочил к деду, взял под руку... И вся компания, кроме Книвы, двинулась прочь, даже не попрощавшись. Один из аборигенов, помоложе других, проходя мимо Книвы, сунул ему в руки копье, а Широкий, уходя, подмигнул командиру. Тут Алексей понял, чем еще этот Широкий выделялся среди прочих аборигенов. Он не боялся.

Глава тринадцатая

Травстила-кузнец. О законе гостеприимства

— По обычаю, их надо в лучшем доме принимать,— настаивал Ханала.— Как ты Одохара или Стайну принимаешь. Или еще кого из вождей. Хоть и чужие они, но — боги.

— То-то и оно, что чужие.— Хундила-старейшина погладил бороду.— Примешь чужих богов в свой дом — свои боги обиду затаить могут. Да и боязно это — чужих богов в дом звать. А не позвать — они и разгневаться могут.

— Точно-точно! — встрял рябой Хиларих.— Разгневаются боги — и село разметают! А я только-только новый хлев построил...

— Цыть! — прикрикнул на него Фретила.— Что богам до твоего хлева!

— Да они не злые,— вмешался Книва.— Вот, гляньте, меньший бог все время улыбается...

— Ну и что с того? — возразил скрипучим голосом Ханала.— Гепиды вон когда в бой идут — смеются. А в сече — как вепри. Давай решай, Хундила. Негоже богов на берегу держать. Лучше, чтоб они гостями были. Не то разгневаются: начнут молниями кидаться или еще чего. Всех погубят.

— Тебе-то, старый, чего бояться,— пробурчал себе под нос Фретила так, чтобы глуховатый Ханала не услышал.— Уже одной ногой в Хеле стоишь...— и добавил громче: — Закон гостеприимства свят. Коли боишься ты — я к себе их позову.

— Закон гостеприимства — для людей! — возразил Ханала.

— Точно! — поддакнул Хиларих.— По-твоему выходит, Фретила, я всяку болотну нечисть в дом принимать должен, коли в село придут?

— Нельзя нечисть в дом звать! — вмешался Вутерих.— Позовешь — потом не выгонишь!

— Иди штаны постирай! — бросил Вутериху Фретилов сын Сигисбарн.— Гоняльщик!

Вутерих сжал кулаки, но драться не рискнул. Только зыркнул на Сигисбарна исподлобья.

А Хундила все никак не мог решиться: хмурился, бровями шевелил, на чужих богов поглядывал.

— Надо их в богатырской избе поселить,— вдруг сказал Травстила-кузнец.

Все поглядели на него.

— А хорошо ли это? — возразил кузнецу Фретила.— Там сколько лет никто не жил.

— Ничего. Обустроим. А пока суд да дело, пусть Хундила их сначала у себя в доме примет, трапезу с ними разделит.

— А разве боги наше, земное, едят? — спросил простодушный Герменгельд.

— Вот и поглядим, что они едят,— со значением произнес кузнец.

Но его никто не понял. Да особо и не пытались. Всем известно: кузнец — он только отчасти человек, а отчасти... кузнец. Потому слова его обычным людям не внятны.

— Примет их Хундила, попотчует, беседой займет...

— Так они ж по-нашему — никак! — опять влез Герменгельд.

— Книва поможет,— терпеливо ответил Травстила.— Книва теперь — их. Ему с ними и говорить надобно.

— А с чего ты взял — про сына моего? — озаботился Фретила.

— А кто руку Герменгельда удержал? — напомнил Травстила.— Один Герменгельда остановил, другой свою руку на Книву наложил. Наложил он на тебя руку, Книва?

— Ага! — Книва просиял.— Точно, было такое!

— Вот видишь, Фретила. Значит, сын твой теперь к богам приближен.

Фретила с важностью кивнул. А про себя подумал: «Мудрый человек Травстила. С таким дружить надобно. Пошлю ему поросенка, ежели все обойдется».

Дело ведь такое: поросенка съешь — и нет его. А мудрые слова долго живут.

— Порадуешь богов беседой и трапезой,— продолжал Травстила.— А потом с честью в богатырскую избу проводишь. Самое место богам — в богатырской избе. Ну так что, старейшина, решай.

Боги с интересом слушали. Но видно было — не понимают ни слова.

— Хорошо, пусть так.— Видно было: поперек себя шел Хундила.— Пусть Книва их ко мне на подворье ведет. А остальные пускай богатырскую избу протопят. И принесите туда все, что положено.

— Скоро Овида придет,— сказал Травстила.— Он твой дом очистит, не бойся.

Хундила рассвирепел:

— Я не за себя боюсь! Я за вас всех боюсь!

И прочь пошел, не оглядываясь.

Боги любопытствовали. У Книвы что-то вызнать пытались. Боги говорили на шипящем языке.

«Боги ли?» — размышлял Травстила.

Богам вместилище не нужно. Боги и так странствуют, где и как пожелают.

Нет, не боги это. Может, герои какие... Залетные? Тот, что постарше, Травстиле понравился. Кабы еще безбород не был, так и вовсе на Травстилина брата был бы похож. Который в бурге живет. Что безбород — это плохо. Неправильно. Сразу чужого видать.

Когда обратно в село пошли, Книву с чужаками оставив, Сигисбарн брату украдкой свою рогатину отдал. Травстила видел, но промолчал. Вреда Книве от этой рогатины не будет. И толку от той рогатины тоже не будет, ежели Книва пришлецов всерьез рассердит. Но с рогатиной в Книве солидности больше, следовательно, и тем больше почета.

«Кто бы они ни были, а лишний раз почтить не помешает,— подумал кузнец.— Худа не будет».

Глава четырнадцатая

Алексей Коршунов. Контакт, не предусмотренный программой посадки (окончание)

Ситуация оставалась по-прежнему непонятной, но Алексей тем не менее почувствовал некоторое облегчение: убивать их не стали. Должно быть, не такие они злые ребята, эти местные староверы-викинги.

Но тут его взгляд наткнулся на нечто, свидетельствующее о том, что добродушие не всегда свойственно аборигенам.

Шагах в тридцати, прямо в болотной грязи, лежал мертвец.

Черепанов ухватил его за куртку, перевернул...

Коршунов сглотнул. Зрелище было еще то.

Это был мальчишка. Не старше Книвы. И горло у мальчишки было перерезано от уха до уха.

Геннадий присел на корточки перед убитым.

Книва топтался рядом. Видно было: очень хочет услужить, но не знает — чем.

— Нидада,— пояснил он, показывая на труп.

— Что делать будем, товарищ подполковник? — без энтузиазма поинтересовался Алексей.

— Нидада...— пробормотал Геннадий.— Ну да, конечно, кто не знает Нидаду... Да...— Он выпрямился.— За что же его так? — спросил он, сопроводив вопрос соответствующим жестом.

И из Книвы хлынул словесный поток. Дык!.. Чувства прямо переполняли пацана. Дык!..

Он прыгал, бегал, даже упал несколько раз. Очевидно, «описывал» деяния убитого, приведшие того к преждевременной кончине. Бурные были деяния. И явно криминального толка. Закончились же они... Сами видите — чем. Вот так оно все и вышло.

Тяжело дыша, Книва переводил тревожный взгляд с Геннадия на Алексея и обратно: ну как? Понятно изложил?

— Генка, ты хоть что-нибудь понял? — спросил Алексей.

— Не уверен. А ты?

— Я тоже ни фига.

— Каумантиир! — воззвал Книва к Геннадию.

Несмотря на жуткую абсурдность всего происходящего, Алексей не удержался, фыркнул.

— Каумантиир,— вновь сказал Книва и показал туда, где торчал из трясины СА.— Хвас?

— Хвас...— Геннадий окинул Книву оценивающим взглядом.— Хвас-квас.— Это, брат, не квас и даже не пиво с водкой, а спускаемый аппарат нашего «Союза».

Книва растерялся:

— Сьюза? Нин. Зата ист нэй сьюза. Сьюза хири.— И он сделал жест, будто желая обнять весь мир.— Сьюза! — Потыкал себя в грудь: — Сьюза!

— Выходит, в Союзе мы,— подытожил командир.— Слышь, Алексей, может, мы все же в прошлое провалились? Эдак на полвека. «Союз нерушимый республик свободных...» А?

— Тогда точно посодют,— противным голосом изрек Коршунов.— «Добрые сталинские времена...» Только сдается мне, копья такого типа были сняты с вооружения несколько раньше.

— Уверен? А пики кавалерийские? А шашки?

— Уймись. Уж кавалерийскую пику я как-нибудь от пехотного копья отличу. А топор от шашки, думаю, даже и тебе отличить по силам.— Геннадий хмыкнул и отправился в камыши, оставив подчиненного наедине с голубоглазым «маньяком-убийцей».

— Аласейа? — Грязная рука Книвы благоговейно коснулась «пингвина». Аккурат там, где на двух языках было написано имя Коршунова. А также, покрупнее: «Росавиакосмос».

— Нравится? — усмехнулся Алексей.

— Бока,— сказал Книва.

Это он по поводу надписи.

— Бока,— согласился Алексей.

Появился Черепанов.

— Вижу, общий язык найден? — жизнерадостно поинтересовался он.— Ну что, Книва? Может, дранг нахт хауз?

— Хуз! — обрадовался Книва.— Йаа, хуз.

— Вот это дело! — одобрил Геннадий.— Ит энд дринк, йа?

— Йаа! — возликовал Книва.— Итан — манаги. Дринкан — манаги. Кимйис фора хузам.— Он показал знаками, что жратвы и питья в хузе — ешь не хочу.

— Ты, Книва, нормальный пацан! — Алексей хлопнул юнца по спине.— Пожрать и выпить. Й-а-а! Пошли, Генка! Хоть похаваем перед смертью.

Командир подхватил спецкомплект, Алексей — НЗ, и они пошли.

Уже отойдя от болотца, Алексей оглянулся. Интересно, мертвых своих аборигены так и бросают? Ох не к добру это...

Глава пятнадцатая

Алексей Коршунов. Поселок

Идти было чертовски тяжело. Три дня на орбите плюс прелести посадки давали о себе знать. В глазах плыло, ноги подкашивались. Алексея с Геннадием то из стороны в сторону шатало, то вбок вело.

«А ведь местные нас, поди, за пьяных принимают»,— мелькнула у Алексея совсем уже неуместная мысль.

А за кого их вообще могут принять? Допустим, эти волосатые с пиками — не староверы и не киношная массовка. Допустим, что они просто дикари, которые велосипеда в глаза не видели, не то что спускаемого аппарата корабля «Союз». Как дикари могут воспринять сошествие с неба двух незнакомых обормотов, если нет у них желтой прессы и разнообразной литературы про летающие тарелки? Зато у них наверняка имеются мифы. И имеются боги, которые обретаются на небесах. Логическая цепочка выстраивается. Пришли с неба? С неба. На небе кто живет? Боги. Значит, боги пришли.

Интересно, могут боги являться с небес на землю в дымину пьяными? В принципе, могут, наверное. На то они и боги, чтобы делать все, что заблагорассудится.

— Генка,— сказал Алексей.— А ведь они нас за богов приняли!

Командир усмехнулся, поправил на плече тючок с барахлом.

— Нет, ты сам подумай: кто, кроме богов, может с неба упасть?

— Дождь,— ответил Черепанов.— Дерьмо птичье. Ворона дохлая. Продолжить список?

— Я серьезно! — обиделся Алексей.

— И я серьезно. Ты понятия не имеешь, куда попал. Что это за мир? Кто эти люди? И люди ли они? А строишь логические цепочки — за них.

— Но я просто пытаюсь рассуждать! — возразил Коршунов.

— Это не рассуждения, а домыслы. Факты где, физик?

Коршунов заткнулся. Фактов и впрямь было недостаточно.

— Вот ты на пацана глянь,— сказал Черепанов.

Алексей глянул: их проводник Книва очень внимательно следил за дискуссией. Не понимал, естественно, ничего. Но пытался.

— Видишь? — заметил Черепанов.— Человек наблюдает. И помалкивает.

Тут парень, сообразив, что речь идет о нем, разразился длинной тирадой.

Космонавты рассмеялись.

— Насчет богов — не знаю,— сказал подполковник.— Но кой-какой авторитет у нас имеется. Не знаю, в том ли причина, что мы сверху свалились, или дело в том, что у нас морды бритые. Хотя не думаю, что к ним каждый день гости с неба пада-

ют. И это хорошо, Леха, что нас опасаются, но опасаются умеренно. Если бы сильно опасались, могли бы и прирезать со страху. Так что нам с тобой повезло. Если такое можно назвать везением. Потому что, парень, мы с тобой здесь чужие. А чужих здесь не любят. И есть у меня такое ощущение, что не свались мы у них на глазах с неба, а притопай вот так, на своих двоих, то был бы у них с нами разговор короткий и лично для нас крайне неприятный.

Тут командир так нехорошо засмеялся, что даже сияющий гордостью и радостью Книва перестал улыбаться и покосился на подполковника с опаской.

— Почему ты так решил? — спросил Алексей.

— А ты сам подумай. Вот вошел ты к себе в квартиру, а там — два незнакомых охламона. Что ты сделаешь?

— Ну-у...— Коршунов задумался.— Спрошу, кто такие, зачем ко мне влезли?

— Вот именно. А они тебе в ответ: мол, мы славные ребята, в квартиру к тебе забрались с самыми лучшими намерениями, но совершенно случайно. Шли мимо — и вот, заглянули. Ты как, поверишь?

— Вряд ли,— ответил Алексей. Он начал понимать, к чему клонит Черепанов.

— Вот именно. Ты вполне логично решишь, что эти парни собрались тебя ограбить. Или еще похуже. И выходит, что они перед тобой кругом виноваты, а ты имеешь полное право по шеям им навешать и в милицию сдать.

— Ну допустим...

— Вот и мы с тобой в чужой дом вломились без спросу. А милиции тут, скорее всего, нет. Тут каждый сам себе милиция, и рогатина наготове.— Он кивнул на оружие, которое Книва нес на плече.— Но бывает случай, Леха, когда ты, обнаружив у себя дома чужих мужиков, стушуешься и станешь вести себя очень вежливо. Когда?

— Когда? — повторил Алексей и поглядел на Геннадия.

Тут сзади послышался топот. Алексей с командиром одновременно обернулись. Алексей споткнулся и выругался. К ним бежал ражий мужик. Бородища всклокочена, зенки вытаращены. Шагах в трех бегун резко свернул, чуть не завалился на крутом повороте, обогнул по дуге, шумно дыша. Книва что-то повелительно проорал ему в спину. Мужик попылил вперед еще резвее.

— Ну так? — напомнил Алексей.— Когда же я, увидав дома чужих мужиков, не захочу их пинками с лестницы спустить? Сомневаюсь я, однако...

— А ты не сомневайся,— успокоил командир.— Если гости твои удостоверения предъявят с государственными гербами и, скажем, бумаженцию, которая «ордер на обыск» называется. Тихий и шелковый станешь, никуда не денешься. Еще и вину за собой чувствовать будешь...

— Это почему же? — возразил гордый Коршунов.

— По определению. Когда приходят серьезные люди и спрашивают: «А нет ли за тобой, мил-друг, какой-нибудь провинности?» — то провинность ты, брат, сам найдешь.

— И какой вывод? — осведомился Алексей.

— А такой, что мы с тобой и есть такие вот незваные гости. Возможно, с документами и верительными грамотами от высшего начальства.— Геннадий показал на небо.— Хотя поклясться в этом не могу, поскольку понятия не имею, кто, по их установкам, на небе живет. Но даже если и живут там, по их мнению, правильные ребята и, следовательно, мы — полномочные представители, прибывшие с внеочередной проверкой, то это тоже не слишком хорошо. Потому что грамоты наши — липовые. Местные этого еще не знают, но мы с тобой знаем точно.

Впереди показался поселок. Десятка полтора низких длинных изб. Крыши из соломы. Ничего особенного.

— Нет, я с тобой не согласен! — заявил Алексей.— Мы, с нашими знаниями... Мы тут все равно что боги. Они небось не то что тола и динамита, даже пороха не знают еще...

— Ага.— Командир хлопнул Коршунова по спине.— А ты, можно подумать, знаешь. Ну, космонавт-исследователь, из чего порох состоит? Ответишь?

— Легко! — бодро заявил Алексей.— Сера, селитра, уголь. Что ты ухмыляешься?

— Молодец! Ну, уголь ты, положим, узнать сможешь. А как насчет селитры? Как ее получают?

— А хрен ее знает,— честно ответил космонавт-исследователь.— Я в хозяйственном магазине покупал. Удобрение.

— Вот именно. Селитра — в хозяйственном, нитроглицерин для динамита — в аптеке, толуол и азотную кислоту для тола — в химреактивах...

— Зачем в химреактивах? — возразил Коршунов.— Половую шашку я, если надо, у барыг на рынке запросто куплю!

— Молодец! — похвалил Черепанов.— Только у здешних барыг ты максимум лук со стрелами купишь. И то — если местными деньгами разживешься. Не думаю, что тут примут твою кредитную карточку.

— Ладно,— буркнул Алексей.— Допустим, ты прав, и мы — полные лохи. Что дальше?

— Пальцы гнуть,— жестко ответил Геннадий.— Держаться с достоинством.

За хутором виднелся холм, обнесенный по верху могучим бревенчатым частоколом.

— Видишь? — Черепанов показал на холм.

— Не слепой,— отозвался Алексей.

— Как думаешь, стали бы они развлечения ради этакую фортецию возводить?

Коршунов не ответил. Да и что было отвечать?

Они пошли мимо первой избы. В черном проеме входа мелькнуло лицо и тут же скрылось.

— Страх — тоже сила,— сказал Геннадий.— Да, рано или поздно от нас, богов или кого там, потребуют чудес или еще каких доказательств нашего могущества. И тогда мы их предъявим.

— И где же мы их возьмем?

— Найдем,— твердо ответил командир.— Сейчас главное — время выиграть. Чтоб хотя бы период реабилитации завершить нормально и на ногах твердо стоять. Будем надувать щеки и бутафорить, потому что альтернативы у нас нет. Идея ясна?

— Так точно! — молодцевато ответил Коршунов.— Разрешите исполнять?

И тут из ближайшего подворья, им наперерез, с самыми черными намерениями метнулась здоровенная кудлатая псина. И едва не разрушила весь героически-божественный имидж космонавтов, но Книва очень вовремя огрел псину древком копья. Надо полагать, таков был местный ритуал общения с животными, потому что пыл зверюги моментально иссяк. Она тут же повернулась и флегматично потрусила обратно.

Книва фыркнул и процедил нечто презрительное, показывая на двор, куда убралась собака.

Село было безлюдно и тихо. Лишь иногда откуда-нибудь доносилось мычание коровы или еще какой-нибудь природный звук.

Возле одного двора Книва разразился комментариями. Судя по всему, именно в этой избе Книва и был зачат, рожден, вскормлен-вспоен и взращен. В словесном потоке ухо то и дело улавливало повторяющиеся слова: «Фретила» и «Атта».

«„Атта“ — это, вероятно, „отец“,— подумал Алексей.— „Атта, тато“, типа как по-украински. Значит, гид у нас — Книва Фретилович. Что это нам дает? Ничего не дает, если честно».

За плетнем исходил рычанием громадный пес. По кличке Хундс, как любезно поведал гид. По двору меланхолично бродили пятнистые тощие свиньи.

За избой имелось еще несколько строений. Из одного доносилось лошадиное ржание. Конюшня, стало быть. Алексея с командиром тут же услужливо обогатили информацией, что в конюшне лошадь имеется. Зовут лошадь Хлахни.

Алексей уже решил было, что Книва поведет их с командиром к себе, однако, видать, быт на хуторе был устроен посложнее. Путь лежал на другой, возвышенный, край села, где виднелись две избы, обнесенные общей изгородью.

Чтобы скоротать беседой путь, командир показал пальцем на другую избу. Оказывается, там обретался некий Оптила.

А на холме за частоколом жил Гарда. Он там жил постоянно. Фретила, Книва, Оптила и прочие тоже там жили. Но не постоянно, а время от времени.

Стало быть, не от нечего делать аборигены тын возвели. Ох, не к добру все это!

На подворье, куда Книва привел Алексея с командиром, имелись аж целых два пса. Стоило миновать ворота, как псы, захлебываясь от благородного рвения, бросились на пришельцев. Наперерез псам из избы выскочил давешний ражий мужик с палкой. Грубым рукоприкладством утихомирил псов.

Но Книва почему-то на мужика разгневался, принялся орать и размахивать рогатиной. Мужик трусил, а Книва все больше заводился — и вовсе уже на бородатого мужика с рогатиной пошел, но опомнился. Лишь кулаком погрозил. Потом к командиру с Алексеем повернулся и вроде как повинился: достал меня этот хмырь бородатый! Он, блин, всех в селе достал. Он и вас достанет, попомните мои слова.

Бородатого мужика звали Скалксом. Рейтинг в селе у него, кажется, и вправду был не ахти. Однако, похоже, власть имел, раз именно к нему в дом их повели.

Не иначе как кулак здешний. Достаточно на хозяйство его посмотреть. Крепкое хозяйство.

— Да ладно,— Алексей попытался больше знаками, чем словами, успокоить Книву.— Ведь ничего не случилось. Не тронули нас псы, не успели.

Ничего себе, «не тронули»! А если бы тронули? Он, Книва, так думает, Скалкса все-таки грохнуть необходимо. Достал он всех, гад!

Бородатый в нерешительности топтался поодаль.

Геннадий ухмылялся, а Алексей вдруг почувствовал себя неудобно, знаками показал бородатому: мол, извини, хозяин, что такую проблему тебе создали...

Понял ли бородатый — неизвестно. Но Книва точно понял.

И буквально вскипел. Это Скалкс-то здесь хозяин? Ну и шутники вы, парни. Хундила здесь хозяин, Хун-ди-ла! А Скалкс тут никто!..

Алексей смотрел на психующего Книву и вдруг понял: не убьет Книва Скалкса. И беснование Книвы — всего лишь ритуал. Вроде как с тем псом. Шестерка здесь Книва, не более. Достаточно на морду его битую посмотреть. А пальцы топырит оттого, что так полагается. Потому и Скалкс к этому спокойно относится, у которого в здешней жизни — тоже свое конкретное место. А вот у них с Генкой своего места нет. Им еще предстоит себя поставить...

Коршунов посмотрел на командира. Геннадий чуть заметно подмигнул и повел глазами на Книву.

Ладно, ладно, ритуал так ритуал. Сыграют и они свою роль. Роль божества, блин, слюни пузырем, пальцы веером.

И, вытаращив глаза, Алексей заорал на Книву:

— А-тставить! Сми-ирна-а!

Эффект был стопроцентный. Книва разве что честь не отдал. Тут же заткнулся. А Скалкса как ветром сдуло.

Вошли в дом.

В доме было темно. Свет проникал лишь через дверь. А еще в доме было дымно, отчего сразу защипало в глазах. Дым шел от очага и уходил через щель в соломенной крыше, плохо различимой в сизом тумане. Дверей не было. Вход занавешивался кожами, сейчас откинутыми, поскольку тепло. Каково в этом сарае жить зимой, даже представлять не хотелось.

Алексей сделал еще два шага, давая пройти командиру, и остановился. Пусть глаза к полумраку привыкнут.

— А ч-черт! — выругался сзади Черепанов.— Понавешали дряни всякой...

Мимо ужом проскользнул Книва. И с ходу тявкнул на кого-то. В глубине избы жалась к стене оцепеневшая от ужаса толстая тетка. Алексей сослепу ее и не заметил. Книвин окрик вывел тетку из ступора. Подскочила и кинулась вон.

М-да, обстановка в хижине спартанская. Чтоб не сказать больше... У очага три бревна в земляной пол вкопаны. Нет, не совсем бревна. На каждом — грубо вырезанные лица. Идолы, стало быть. И расставлены они так, чтобы в огонь смотрели и живущим тут не мешали.

Стол, срубленный на века. Возле стен широкие тяжелые доски. Лавки. У стола тоже пазы специальные сделаны, для досок. А снимают их, должно быть, чтобы места побольше было. Сборно-разборный комплект мебели, так сказать.

Дом оказался по-корабельному поделен на отсеки. В первом «отсеке» едят и спят, это понятно. А дальше...

Из темноты второго «отсека», едва не скуля от ужаса, мотнулась еще одна личность. Врезалась в Алексея, шарахнулась, взвизгнула — и пулей вылетела из дома. Только светлая коса мелькнула. «Алафрида»,— пренебрежительно сообщил Книва.

В глубине второго «отсека» обнаружился еще один персонаж «исторической драмы»: ветхая старушка по имени Стилихо.

Высокие стороны были представлены друг другу:

«Уважаемые боги — мадам Стилихо! Бабушка, вот боги! Прошу любить и жаловать».

Судя по всему, бабушке Стилихо было все равно, кто там перед ней. О своем размышляла, покачиваясь и в пространство задумчиво глядя.

Глава шестнадцатая

Алексей Коршунов. Переговоры на высшем уровне

Они сидели в неведомом «где» и в неведомом «когда», в темной и дымной избе — и потягивали пивко. Пивко было жидким и кислым.

Напротив восседал краснорожий представительный Хундила, местный старейшина. Рядом с Хундилой — сухонький старец именем Ханала. Сбоку примостился салабон Книва. В глубине дома бубнила бабушка Стилихо. Где-то поблизости обретались и другие обитатели поселка. Их присутствие чувствовалось, но не проявлялось. К разговору на высшем уровне они допущены не были.

А разговор не клеился. После формальных представлений говорить стало решительно не о чем. Языковой барьер, мать его. Опознать местное наречие Алексей с Геннадием не сумели. Диалект «викингов-староверов» включал в себя знакомые слова из разных европейских языков, но звуковое сходство еще ни о чем не говорило. Достаточно вспомнить английское «три» и некий русский глагол в повелительном наклонении, чтобы в этом убедиться. Так же мало говорили и имена: «Книва», «Хундила» — в этом было даже что-то славянское. «Алафрида» смахивало на немецкое. Типа «Зигфрид-Годфрид». А Стилихо вообще чем-то грузинским отдавало.

Алексей, лоббируя свою гипотезу о «провале в прошлое», высказал предположение, что аборигены общаются на некоем древнем протоязыке. Фактам предположение не противоречило, но с практической точки зрения было абсолютно бесполезно.

Коршунов раз за разом пытался пробить пресловутый «барьер». Его мучил кашель: избу топили по-черному, и от дыма першило в горле.

«Почему же эти чертовы аборигены по-славянски не говорят?» — злился Алексей. В конце концов, находятся они не где-нибудь, а на территории уже десять веков как безусловно славянской, и по тому, что помнил Алексей из курса истории,— исконно славянской и допрежь того. Не считая всяких там пришлых варягов.

Строго взирая на местных патриархов, Коршунов раздельно произнес:

— Мы (указав на себя и Черепанова). Россия. Русь. Рюрик, Олег, Ольга, Святослав, Владимир Святой...

— Валамир? — Местный председатель, хозяин избы, неожиданно заинтересовался. Повернулся к ветхому Ханале, спросил что-то. Тот ответил утвердительно. Тогда Хундила заговорил с Книвой. В речи несколько раз проскользнуло слово «Валамир». Потом оба уставились на старца.

Дедок помолчал важно. Столешницу поковырял. Пива отхлебнул. Посмотрел на Алексея со значением. На командира посмотрел. Показал ему кулак. Затем принялся медленно отгибать пальцы, сопровождая каждый палец репликой «Валамир», причем с разной интонацией. Книва тут же засуетился. Помогая себе жестами, попытался откомментировать: да, Валамира мы знаем. И не одного. Четырех Валамиров знаем. А какой из них вам нужен?

Алексей беспомощно поглядел на командира.

— Высокие стороны зашли в тупик,— констатировал Черепанов.— Ладно, зайдем с другой стороны.

Он плеснул на стол пива, обмакнул палец. Минутой позже на столе появился точный план поселка, с указанием избы, где они находились, и всех основных ориентиров, включая реку и болото.

Коршунов восхитился: вот что значит военная косточка!

Но аборигены не въехали. Тогда Геннадий упростил задачу. Нарисовал план избы, стол, участников застолья, указал каждого поименно, вслух. Затем ткнул пальцем в избу на общем плане. Доперло. Поняли, посоветовались, потом Книва тоже палец в пиве омочил, стол нарисовал и тоже пять точек поставил, пояснил: это, значит, мы тут сидим, пиво пьем. Ветхий Ханала даже способность к обобщениям выказал — изобразил нечто у края болота, знаками пояснил: это, мол, ваш спускаемый аппарат.

Дело пошло. Но до полного взаимопонимания было еще далеко. И это выяснилось, когда пришло время конкретных вопросов.

— А там — что? — Геннадий потыкал пальцем в направлении, где должен был находиться ближайший радиоисточник.

Там-то? Блин, парни, хреново там до невозможности, на пальцах пояснил «толмач» Книва. Ибба вот тут, а там Квеман, а вон там... там еще хреновее.

Тут Книва о чем-то осведомился у старейшины Хундилы. Хундила пожевал губами, а потом вдруг рассвирепел и наговорил Книве грубостей. Книва увял было, но тотчас вновь обрел бодрость духа и пивом начертал на столешнице грубое подобие дома. Не того, в котором они сидели, другого. И с торжествующим видом воззрился на Алексея с Геннадием. Потом заговорил, то и дело оглядываясь на хозяина.

Речь, насколько можно было понять, сводилась вот к чему. Все у нас в селе классно, все имеется, а вот богов, ребята, таких бравых

божественных парней, как вы, нет. Хотите, дом вам в нашем коллективном фермерском хозяйстве выделим, оттягиваться будем в полный рост. Хундила-председатель вон тоже не возражает.

Краснорожий Хундила и вправду не возражал. Осклабился: и вправду, парни, погостите у нас, а там, если понравится, и вовсе оставайтесь. Рабочих рук мало, так что милости просим...

Ветхий старец что-то прошамкал. Книва тут же бойко перетолмачил. Видел, мол, как они по воздуху летели. А откуда, если не секрет?

Командир с Алексеем переглянулись. Судя по поведению Книвы, старичок тут ходит в авторитетах.

Алексей жестами изобразил ответ: ой издалека, дедушка! Так издалека, что ни пешком, ни на пароходе не добраться. Потому и воспользовались воздушным транспортом, иначе никак.

Ханалу ответ почему-то не удовлетворил. Он дал это понять всем своим видом. Ладно, его проблемы. Командир попытался перевести нить беседы на актуальную тему. Вот река, вот спускаемый аппарат. Вот, стало быть, мы впятером пиво пьем. Там Ибба с Квеманом бесчинствуют, это мы усекли. А вот с той стороны что?

«Толмач» Книва опять взялся за рисование.

Оказалось, что «с той стороны», на севере то есть, ничего хорошего нет. И на юге, в общем-то, тоже. А вот на востоке, наоборот, замечательно. Там Одохар и Стайна. И другие. Тоже пиво пьют. За ними Книва еще группу точек поставил. И знаками дал понять, что там тоже пьют. А также с Одохаром и со Стайной дерутся. В том, что дерутся, ничего страшного нет. Наоборот. Нет лучше развлечения для мужчины, чем кому-нибудь кишки выпустить. Изображая процесс выпускания кишок, Книва необычайно воодушевился. Геннадий с Алексеем переглянулись: оба вспомнили отрезанные головы и безвременно загубленного Нидаду. Пожалуй, местные развлечения вряд ли придутся им по вкусу.

Хундила за пояснениями Книвы внимательно следил. Порыкивал время от времени: поправлял.

И вновь старый сморчок Ханала проявил дотошность и въедливость характера.

А все-таки скажите-ка, добры молодцы, откуда взлетели вы, прежде чем в пенатах здешних приземлиться? Поведайте, кто вы и откуда?

Алексей покусал губу. Вот ведь пенек старый. Ну как ему объяснить прикажете, что родом мы во-он оттуда, а стартовали во-он там, с территории суверенного Казахстана. Который раньше входил в состав... а после вышел...

Тем не менее вопрос требовал ответа.

Вон Ханала глазами так и сверлит. Даже голова у него перестала трястись. И Хундила-старшой ответа ждет, супит кустистые брови.

Воцарилась напряженная тишина. Стало слышно, как во дворе негромко переговариваются. Там, поди, все село собралось. Ждут, чем переговоры закончатся.

Поскольку гости молчали, заговорил Хундила. Опять поставил вопрос ребром. Давайте-ка, почтенные, колитесь, кто вы такие есть! Вот я, Хундила, здешний. И Ханала здешний. Аксакалы мы тутошние. И Книва здешний. А вы — нет. Ну-ка докладывайте по всей форме, какого рода-племени.

«Влипли»,— подумал Коршунов. Глянул на Геннадия. Командир пожал плечами.

— Имя, фамилия, звание, личный номер...— пробормотал он.

Коршунов не понял.

— Это я так, о своем,— сказал Черепанов.— Ты думай, парень, думай!

Эх, была не была.

Алексей глубоко вздохнул, со значением оглядел всех. Пальцем по пивным разводам на столе постучал. Вот, значит, мы тут, все впятером. Это если масштаба придерживаться. Вот река. Там Ибба с Кваманом. А во-он там...— Алексей встал с лавки. (Опять повело. Как некстати, блин.) — Так вот, уважаемые, стартовали мы оттуда.

Коршунов прошел в самый конец дома. Рядом в полумраке бормотала бабушка Стилихо.

— Книва,— требовательно рявкнул он.

Книва вскочил, подбежал.

— Гляди, Книва. И переводи.

И Алексей выдал пантомиму. Показал, как взлетели. Вот отсюда взлетели. С ревом, в облаках пыли и пламени. И вся земля окрест содрогалась, когда мы взлетали. Ибо безмерно могущественны мы, Книва. А место, откуда взлетали мы, называется Байконур. БАЙ-КО-НУР, усек?

Книва часто закивал. Понятно, мол, Байконур. В огне и грохоте.

И вот, значит, мы летим, продолжал Алексей. К вашим местам, значит, приближаемся. Коршунов, изображая полет, медленно приблизился к столу.

На миг встретился глазами с Геннадием. Вот ведь гад! Весело ему! Ну так получай!..

...Тогда Каумантиир и говорит: а не сесть ли нам тут, Алексей. Отчего же, отвечаю, не сесть. Давай сядем... Ну и сели.

Алексей оглядел всех грозно. Именно так все и было. Может, кто сомневается? Или еще какие неуместные вопросы?

...А родились мы, господа землевладельцы, не там. Не в Байконуре. Во-он там мы родились. Если масштаб карты соблюдать, то вон там примерно, где очаг у вас. Я подальше, туда вот к стене, родился, а Каумантиир — он и вообще на улице.— Алексей ласково улыбнулся Геннадию.— Не вместить вашему дому необъятных просторов нашей страны... Нет, Книва, ты неправильно понял. Не из огня мы вышли, хотя определенное отношение к укрощению огненной стихии имеем... У-фф!

Закончив спектакль, Алексей плюхнулся на лавку. Пива отхлебнул.

— Тебе бы в «Аншлаге» выступать,— пробормотал командир.— Успех бы имел.

— Мог бы и сам...— обиделся Коршунов.

Между Книвой и Хундилой завязалась оживленная дискуссия. Хундила на чем-то настаивал, Книва возражал. То и дело упоминался Байконур. Наконец аборигены пришли к какому-то решению. Хундила что-то Ханале сказал. Не убедил. Настаивать не стал. Подчеркнуто любезно обратился к гостям, через «переводчика». Предложил вернуться к предыдущей теме. Так что за дело у вас к Валамиру? И к какому именно Валамиру?

Ответить Алексей с Геннадием не успели. Снаружи раздались громкие голоса. Мужик давешний, которого Книва убить пытался, всунулся внутрь и тут же сгинул. А следом еще двое ввалились.

Книва подал голос. Представил новоприбывших. Оказалось — Фретила с Сигисбарном пожаловали. Фретила, точно, папаша Книвин. А Сигисбарн — брательник. Старший.

Отношения в семейке, видать, были еще те. Книва папаши явно побаивался. Но держался с ним нахально.

Папаша Фретила тоже взирал на отпрыска как-то... отстраненно. И вместе с тем — с гордостью. Что до братца Книвина, до

Сигисбарна, то стоял тот столбом, демонстрируя физиономией ум здравый и девственно чистый. Которому все по барабану.

Хундила Книве коротко что-то приказал. Книва вскочил, наружу выбежал. Хундила тем временем кивнул Фретиле, чтобы тот садился. Тот присел. С достоинством. Сбоку от Ханалы. Сигисбарн без всякого приглашения плюхнулся рядом с Алексеем. Ну точно борзой парень.

Хундила, ни на кого не глядя, заговорил. Фретила слушал. Ханала кивал. Коршунов с Черепановым не понимали ничего. Чувствовали только — о чем-то важном говорится. О них. И о Книве. Слово «Байконур» неоднократно звучало. Сигисбарн в процессе беседы тишком отодвинулся подальше от Алексея.

Вернулся Книва. Быстро оглядел всех. На папаше с тревогой взгляд задержал. Хундила пацану головой мотнул: садись, мол, не мельтеши.

Еще один персонаж у входа возник. Девка белобрысая. Хундила что-то молвил ей ласково. Девка на подгибающихся от ужаса ногах к очагу пробралась. Пошуровала там, уронила что-то. Потом с кувшином приблизилась к столу. И трясущимися руками начала из кувшина пиво по кружкам разливать.

Алексей оглядел ее с любопытством. Как местную представительницу прекрасного пола. Не воодушевила. А Черепанову, напротив, понравилась. Ему всегда такие нравились: блондинистые, худощавые, немножко нескладные.

Выполнив сию задачу, девка поскорее убралась прочь.

— Алафрида. Миино дохтар,— со значением сказал Хундила. Потом бороду разгладил, кашлянул. И осведомился: — так все-таки какое у вас дело к Валамиру имеется...

Глава семнадцатая

Алексей Коршунов. О наиболее безопасных способах путешествовать

— Слышь, командир, меня тут кусает кто-то.— Алексей почесал шею.

— Меня тоже,— отозвался Геннадий.— Здесь, поди, блох полным-полно. Полы-то земляные.

— Так изба-то вроде нежилая.

— Значит, в шкурах принесли.

Устроили их, можно сказать, в номере люкс. По здешним меркам. Отдельная изба, питание, удобства (правда, в виде ямы у забора), постель из натурального меха...

В избе было темно. В углу, в очаге, тускло и загадочно рдели угли... Люкс с камином. В котором невыносимо душно и дымно. Вдобавок «меха» воняют, лицо и руки искусаны, а тело, измученное посадкой, адаптацией и «пингвином», нещадно ноет.

И сон не идет, несмотря на страшную усталость. И мысли... Говно мысли.

— Слышь, Ген, как ты думаешь, мы тут навсегда? — спросил Алексей.

Услышал, как командир заворочался под шкурами на соседней лавке, почесался.

— Я пока ничего не думаю,— ответил он.— Я пока, Леха, информацию накапливаю. И анализирую.

— И что выходит?

Черепанов шумно вздохнул.

— Анекдот есть такой,— сказал он.— Армейский. Приезжает генерал в часть, в столовую заходит, а там обед. Личный состав «шрапнель» кушает. С селедкой. «Ну как, товарищи бойцы, на питание жалобы есть?» — интересуется генерал. Все молчат. «Нету жалоб,— констатирует генерал.— Выходит, хорошо у вас питание, товарищи бойцы? Ну вот ты скажи?» — показывает на ближайшего солдатика. Тот подскакивает: «Так точно, товарищ генерал! Питание выходит хорошо! Входит плохо!»

Алексей хрюкнул.

— Актуально,— согласился он. С местного пива их уже легонько пронесло. Пришлось даже к помощи аптечки прибегнуть.— И все-таки, как ты оцениваешь ситуацию?

— Оцениваю ее так, что надо нам шмотьем обзавестись,— уклонился от темы командир.— Сдохнем мы в «пингвинах».

— Понял. Намекну завтра этому Книве, что гостям цивильная одежка нужна. Мол, на земле по-земному желаем одеваться. Они дадут.

— Нет,— возразил Черепанов.— Хватит халявы. У диких народов положено: за подарки — отдариваться. Иначе уважения не будет. Так что будем ченч делать: они нам — полный комп-

лект обмундирования, а мы им — наше серебряное великолепие. Как думаешь, покроют наши «пингвинчики» стоимость гардероба?

— Даже с лихвой,— заверил Алексей.— Зуб даю: они их даже носить не станут: повесят в углу и молиться будут. Как своим идолам. Только вот...

— Что?

— Отчитываться за «пингвины» как будем? — Алексей повернулся и посмотрел туда, где скрытый мраком командир откровенно подбивал на расхищение казенной собственности.

Ответом было молчание, которое Коршунов истолковал вполне определенно.

— Значит, все-таки думаешь, мы тут навечно?

— А хрен его знает,— буркнул командир.— Нет, ты, Леха, хвост в грязь не роняй. Подполковник Черепанов сдаваться покамест не собирается. Для подполковника Черепанова не бывает безвыходных ситуаций, напарник. Бывают ситуации, требующие нестандартных решений, понял?

Коршунов промолчал.

— «Пингвины» — чешуя,— уверенно произнес командир.— Спишем. У нас, брат, в СА — два скафандра остались. Вот это — да.

— Ну ты ж люк запер,— сказал Коршунов.— Хотя там запор, конечно... Три раза повернуть и дернуть.

— Ничего. Для местных сгодится. Это ж еще сообразить надо, что повернуть требуется. Что-то я у них винтов-гаек не видел. Но вот за скафандры нам точно нагорит, если вернемся.

— Слушай, командир, а ты сам-то веришь в это «если»? — спросил Алексей.

— Ты будешь смеяться, Леха, но верю.

— Из-за радиосигналов?

— Да.

С полминуты Черепанов яростно чесался и матерился сквозь зубы. Алексей полностью разделял его чувства.

— Наверное, ты прав,— заметил он.— Насчет источников. Сколько отсюда до ближайшего?

— Километров четыреста.

— Не слабо.

— Ближе было не сесть. С нашей дебильной орбиты. А, зараза! Всего искусали.

— А если не искусственные радиоисточники? Если это природное явление какое-нибудь?

— Не думаю. Ты про подобные явления слышал когда-нибудь?

— А ты, командир, слышал когда-нибудь, чтобы космические корабли в прошлое перемещались? Чтобы вместо стыковки — медвежий угол с головорезами и блохами?

Черепанов промолчал. А что тут скажешь?

— Эх, нам бы в статусе богов подольше продержаться! — вздохнул Алексей.

— Продержимся,— буркнул Геннадий.— Мы только в роли богов и продержимся. Не знаем ведь ни хрена. Ни языка, ни обычаев. Побудем богами, а там, глядишь, что-нибудь да и нарисуется.

— Слушаю я тебя, Генка, и дивлюсь. Ты же авантюрист чистой воды. Как тебе в свое время «сушку» доверяли? — Коршунов захихикал.

— Тебя не спросили. Ты, кстати, обратил внимание, что у этого Хундилы в доме на столбах развешано?

— Щиты, что ли?

— Они самые. Щиты. Копья. Книва сопляк, а вон с копьем не расстается. И наверняка умеет с ним управляться. А ты?

Управляться с копьем Алексей не умел. Но был уверен, что может научиться. Если успеет.

— Усекай, Леха, вот как я все это вижу. Мы из себя изображаем богов. Сидим в этой роли, сколько получится. Одновременно знакомимся со здешним бытом. Осваиваем местное оборудование: как кашу варить, лепешки печь. Язык изучаем. С местным оружием навыки нарабатываем. В систему встраиваемся, одним словом. Вот таким макаром.

Алексей полежал некоторое время, обмозговывая слова командира. Звучит, как бред. Это ж надо... Им, КОСМОНАВТАМ, учиться на огне лепешки печь? Полная шиза. А с другой стороны, черт его знает. Генка — мужик парадоксальный. Во время подготовки им самые разные ситуации подсовывали. Так ведь ни разу не облажался подполковник.

— Командир, ты погоди спать,— позвал Алексей.— А чудеса как же?

— Какие чудеса?

— Что мы за боги, если чудеса творить не будем?

— А в этом-то, Алексей, вся хитрость.— Алексей услышал смешок.— Чудеса мы творить не будем.

— Как это не будем? Нас же мигом расколют!

— Не боись! Если это все не грандиозная подстава, мы действительно в прошлом, а аборигены и вправду такие дикие, то наше появление здесь само по себе чудо. А чудес много не бывает, так что наш спуск выработал нормальный лимит чудес на год вперед. И просить о других чудесах они не решатся.

— А вдруг решатся?

— Значит, откажем. Сделаем вид, будто не врубаемся, чего от нас хотят. Или дадим понять, что от чуда могут быть большие неприятности. Я к этим ребятам присмотрелся и могу тебе твердо сказать: не те это парни, что любопытства ради на риск пойдут.

— Это Книва-то не пойдет? — засмеялся Коршунов.— Да он...

— Книва-то, может, и пойдет,— перебил Геннадий.— Да кто его пустит. Я не о молодежи говорю, а о тех, что тут шишку держит: о мундилах местных — Ханале с Хундилой. И есть у меня серьезное подозрение, что Книва уже свой авантюризм проявил. На пару с корешем, который в болоте с перерезанным горлом остался.

— Почему так думаешь? — насторожился Алексей.

— Потому что одежда на покойнике — точно такая же, как на живых. Следовательно, он — из здешних. А старшина в этой роте — мужик серьезный и за просто так глотки резать не станет. Конечно, я обычаев здешних еще не знаю, но могу предположить, что в такой небольшой общине каждый взрослый или почти взрослый мужик — слишком большая ценность, чтобы их так просто списывать. Землю сохой пахать, знаешь ли, крепкие руки нужны. И чем больше, тем лучше. Опять-таки, если враги нападут. Значит, причина была, и причина серьезная, поскольку и нашего Книву тоже определенно в расход пустить пытались. Но тут уже мы вмешались — не дали.

— А может...— Алексей запнулся.— Слышь, Генка, а может, это из-за нас?

— Что — из-за нас?

— Парня того зарезали. Ну, мы же боги, а дикари богам всегда жертвы приносили... Ну вот и эти...

— Что, совесть мучает? — насмешливо спросил Черепанов.— Ладно, не напрягайся. Во-первых, это нормальные кре-

стьяне, фермеры. Такие если и приносят богам жертвы, то не из числа собственных перспективных молодых людей, а из второсортного материала: рабов, чужаков вроде нас. Во-вторых, если даже они и решили своих зарезать, то уж точно не с кондачка. Тут люди неторопливые, обстоятельные. А фактически как все было? Мы и выйти из аппарата не успели, а они уже одного порешили. Нет, брат, причина точно не в нас. А вот повод — возможно. Так что расслабься, Леха. Стоит только намекнуть, что от наших чудес село пострадать может, и местный сельсовет тут же на чудеса свое вето наложит. Логично?

— Вроде бы. Слышь, Генка, а ты про подставу серьезно?

— Какую подставу?

— Ну... Тихо!

— Что? — понизив голос, спросил Черепанов.

— Ходит кто-то снаружи.

— Может, и ходит,— согласился командир.— Что ж ты им — по своей деревне ходить запретишь?

— Да нет, вокруг дома кто-то бродит. Как бы не зарезали нас ночью... Эй, ты куда?

Но подполковник уже был снаружи. Алексей с секундным опозданием последовал за ним.

Снаружи не было ни души. Под низким темным небом спал неведомый мир. Черными тушами маячили во мраке приземистые хижины. В той стороне, где нашел в болоте свой конец спускаемый аппарат, кричала выпь.

Алексей с удовольствием вдохнул сладкий чистый воздух.

— Вон,— прошептал командир,— там. Видишь?

— Где?

— Да вон там. Видишь пятно темное? Залег, зараза! Сейчас мы его пуганем.

— Да это куст.

— За кустом.

Алексей всматривался в темноту. И впрямь что-то там...

— Сейчас...— В шепоте командира послышался азарт.

— Слышь, Генка, может, не стоит...

Но командир, бесшумно ступая, уже направился туда, где и вправду за кустом что-то темнело... И, не дойдя пяток шагов, вдруг издал оглушительный вопль. Темное «пятно» подскочило, обернувшись нормальным двуногим прямоходящим, и рвануло по направлению к селу. Геннадий хмыкнул и пошел назад.

— Вот так-то,— сказал он назидательно.— А ты «ходит, ходит». Пойдем-ка спать. Этот сегодня точно больше ходить не будет.

Они вновь вернулись в избу. Залегли на шкуры — на радость мириадам блох.

— Ты про подставу говорил,— напомнил Коршунов.— Что, может, не в древности мы, а подстава это. Ты это серьезно?

— Не то чтобы серьезно. Хотя...

— Хотя что? — насторожился Алексей.

— Нереально все как-то. Будто специально смоделировано... Ты к их языку прислушивался?

— Ага. Странный он какой-то. То на немецкий похож, то на русский, то — на литовский. А сидим мы, я полагаю, километров на четыреста восточнее, чем я намечал, то есть где-то в Приднепровье. Жаль, мы с тобой в истории не очень. С другой стороны, местные как-то подозрительно на викингов смахивают. Не на голливудских, конечно, а на тех, о которых в учебниках пишут. И при этом — на наших каких-нибудь сибиряков-хуторян. Это я тебе точно говорю: сам — из Красноярской области.

— Но есть один факт,— продолжал Геннадий после паузы,— который полностью исключает возможность того, что для нас с тобой устроили грандиозное представление на историческую тему.

— Какой же?

— Я тут уровень радиации замерил...

— И что? — насторожился Алексей.— Фонит?

— Наоборот. Существенно ниже нормы. И это в квадрате, где полвека интенсивно загрязняли окружающую среду. Не говоря уже о Чернобыле. Вот так вот, Леха. Можно нацепить на современного мужика старинные шмотки, соорудить избы и щиты по столбам развесить. Но радиационный фон подделать — это задача нереальная. Хотя есть, конечно, еще один вариант...

— Какой?

— Такой, что лежим мы с тобой, Леха, в ложементах «Союза» и грезим на пару. И лепит наше подсознание, понимаешь, некую псевдореальность.— Геннадий негромко засмеялся.

— Ты что, серьезно думаешь, что все это — глюк? — очень осторожно поинтересовался Коршунов.

— Все может быть...— уклончиво ответил Геннадий.— Космос — это не по Арбату прогуляться. Но имей в виду, Леха,— тон командира стал жестким,— этот вариант в расчет мы брать не будем. Как бесперспективный. Уяснил? Это приказ.

— Так точно,— отозвался космонавт-исследователь.— А я уж подумал, не потекла ли у тебя «крыша», командир. Или у меня.

— Едет крыша не спеша, тихо джипами шурша...— немелодично пропел Черепанов.

В животе у него вдруг так же немелодично забурчало. Жидкая бурда, которую местные ошибочно полагали пивом, бродила внутри и намекала, что ей пора наружу.

— Нам бы сейчас джип, командир,— мечтательно проговорил Алексей.— И горючего литров сто. И рванули бы мы прямо к источнику радиосигнала... Кстати, а почему бы нам на своих двоих туда не рвануть? Прямо сейчас? Зря, что ли, нас выживанию учили?

— Ответ отрицательный,— сказал Геннадий.— Обстановка не благоприятствует. Выживанию нас — да, учили. Но в другой ситуации. Один раз нам повезло — с неба грохнулись и в боги попали. Но, сам понимаешь, боги из нас — так себе. А чужих, если они, конечно, не боги, тут не любят. Им, если ты успел заметить, головы отрезают и другое нехорошее делают. Поэтому если мы сейчас рванем, как ты предложил, в увлекательное путешествие, то закончим, скорее всего, со стрелой в спине или копьем в брюхе.

— А что делать? Так и сидеть всю жизнь на этом диком хуторе и блох кормить? — с досадой воскликнул Коршунов.

— Не нервничай, Леха. Знаешь, как древние римляне говорили: Festina lente. «Спеши не торопясь»[1]. Я, конечно, истории не знаю, но могу тебе точно сказать, что был и в древности один сравнительно безопасный способ путешествия.

— Это какой же?

— Верхом на боевом коне. Во главе собственной армии.

Коршунов присвистнул:

— Ну ты загнул, Генка! Ты хоть на лошади ездить умеешь?

— Нет. Но научусь.

— А местные — с детства в этом живут. Ты меня извини, подполковник, но на хрена им нужен такой командир?

[1] Афоризм, приписываемый Октавиану Августу.

— Да,— спокойно отозвался Геннадий.— Кое в чем ты прав. И на лошади я действительно ездить не умею. Но я не думаю, что научиться орудовать копьем и управлять конем сложнее, чем истребителем-перехватчиком. У нас с тобой, Леха, есть существенное преимущество перед аборигенами. И оно не в том, что мы знаем про порох с динамитом, а в том, что мы мыслим по-другому. В том, что мы умеем учиться. И здоровье у нас не хуже, чем у них, и реакция. Иначе не взяли бы нас с тобой в космонавты. Так что поставленную задачу — выйти в местные полководцы — я, подполковник Черепанов, считаю реально решаемой. А вот средства и способы ее достижения нам с тобой следует продумать. После тщательного изучения обстановки, для чего требуется здоровое тело и здоровый дух. Потому слушай приказ, космонавт-исследователь Коршунов: забыть о блохах и сомнениях и использовать темное время суток для полноценного отдыха, то бишь — сна. Задача ясна?

— Вполне,— буркнул Алексей.

Выполнить приказ оказалось не так-то просто, тем не менее на душе у Коршунова полегчало. Все-таки молодец Генка! С ним не пропадешь!

Глава восемнадцатая

Алексей Коршунов. Первое утро в новом мире

...Поисковая группа все-таки добралась до района посадки. Сперва Алексей увидел, как из-за дальнего леса возникла «вертушка». Прошла над селом (на приличной высоте, судя по звуку) и снова удалилась в сторону леса. Ненадолго. Прошло совсем немного времени, и все ночное небо затряслось от рева. Прожектора чиркали по земле, выхватывая серые соломенные крыши. Горели габаритные огни. «Вертушки» садились повсюду, даже за рекой.

В небе повисли осветительные ракеты. Все пространство села заполнилось военными. Из-за дальнего леса, где, согласно полученной от местных оперативной информации, скрывались Ибба с Квеманом, доносились глухие раскаты. Похоже, Иббе с

Квеманом приходилось кисло. Почему-то Алексей точно знал, что из-за Иббы с Квеманом все и случилось. Известные террористы, они их с командиром и похитили. Вместе с кораблем. Свели, падлы, с орбиты. Вынудили совершить незапланированную посадку в незапланированном квадрате. Только просчитались. Болота не учли.

Внезапно появились еще люди. В бронiках, с автоматами. Много людей. Окружили. Алексея с Геннадием хлопали по плечам, тормошили, кричали что-то в лицо. Растолкав всех, появился генерал, огромный, как медведь. Облапил Коршунова, затряс, будто куклу...

Алексей открыл глаза. Это командир тряс его за плечо.

— Вставай давай. Хорош дрыхнуть. День уже на дворе.

Кряхтя, Алексей сел. Помотал головой. Обвел глазами неказистое убранство избы. Нет, не пришли спасатели.

Сразу накатила тоска.

Командир тоже угрюм был. Бродил по дому взад-вперед.

Очаг потух. Снаружи проникал свет: шкура у входа откинута.

— Пожрать бы,— размечтался Коршунов.

— Пожрешь,— обещал командир.— Но кофе в постель не жди. Не будет.

М-да, подумал Алексей, вспомнив «гениальный» командирский план. Далеко им еще до полководцев, ой далеко.

«А ведь ТАМ нас сейчас хоронят вовсю,— подумалось с тоской.— В новостях дикторы-некрофилы воду в ступе толкут, смакуя подробности... И не знают, дебилы, что мы еще небо коптим».

А может, и нет никаких дикторов. Может, из всего мира только они с командиром одни и остались.

Нет, не раскисать! Раскисать будем потом. А сейчас надо действовать.

— Нет, Леха. Ты только погляди. Каково, а?

Командир стоял возле стены.

— Ну чего там? Таракана, что ли, увидел? — буркнул Коршунов.

— Дурачок. Ты задницу от койки оторви и оглянись,— посоветовал Геннадий.— Тебе понравится.

Алексей послушно поднялся и обозрел интерьер избы.

— Ну?

— Ничего не замечаешь?

— В смысле?

— На это посмотри! — Черепанов похлопал по вкопанному посреди избы столбу. На столбе виднелись явственные «следы насилия»: кто-то с большим энтузиазмом опробовал на нем различный рубящий и колющий инструмент.

— Я когда на практике в общаге жил, у нас дверь такая была,— поделился воспоминаниями Алексей.— Мы в нее ножи кидали.

Судя по глубине зарубок, в столб кидали не ножи. Что-то посерьезнее.

— А на это что скажешь? — Командир показал на стену. На стене виднелись явные следы поджога.

Алексей пожал плечами. Еще раз мрачно оглядел непритязательный интерьер.

— Бомжатник местный,— пробурчал он.— Комната для гостей. Особо буйных. Слышь, командир, пошли искупаемся. У меня после ночи все зудит, как у паршивого пса.

— Пошли,— согласился Черепанов.

Село стояло на высоком берегу. Но домишко, в котором разместили космонавтов, строили на отшибе. Здесь спуск был более пологим.

«Странно,— подумал Алексей.— Зачем строиться там, где к речке приходится лазить по глинистой круче? Или в этом есть какой-то смысл?»

Солнце стояло высоко, ощутимо припекало. День обещал быть жарким.

— Давай там,— сказал Алексей. И показал направо, где имелось нечто вроде маленького пляжа.

Они стянули «пингвины».

Алексей взялся уже было за подштанники, но командир вдруг сказал негромко:

— Отставить! Там, за ивняком.

На речке они оказались не одни. Чуть подальше оттягивалась местная ребятня. Завидев «богов», детвора, естественно, игры прекратила и уставилась на новый аттракцион. Поскольку чудес не последовало, юные аборигены вернулись к прежним занятиям. Развлечения, что характерно, были те же, что и в на-

чале третьего тысячелетия от Р. Х. Пронестись над обрывом на привязанной к дереву «тарзанке» или просто сигануть сверху в теплый мягкий песок и прокатиться кубарем до самой воды. Но в саму воду никто из малышни не заходил. Должно быть, родители запрет наложили.

Но «богам», естественно, бояться воды было не обязательно.

После «блошиной» избы в теплой чистой водичке без малейшего следа химии и радиации было хорошо. Алексей с Черепановым минут тридцать гоняли наперегонки от одного берега к другому, потом принялись нырять — на выносливость. Выиграл Геннадий. Зато Алексей обнаружил, что в реке полно раков.

Накупавшись, выбрались на песочек и затеяли бороться. Собственно, честной борьбой это назвать было нельзя. Коршунов неплохо владел ударной техникой, но бить в голову и по другим уязвимым местам — опасался. А все остальное у Черепанова было совершенно деревянное. Может, какой-нибудь черный пояс «кекушинкай» и смог бы пробить железобетонный пресс подполковника... Вероятно, мог бы. Но для Алексея, как только Геннадию удавалось его ухватить, поединок тут же и заканчивался. Непродолжительным полетом с последующим приземлением в лучшем случае на четыре точки. Правда, Черепанов тоже гуманизм проявлял: захваты выполнял аккуратно, без болевых, и бросал аккуратно.

Минут через пять космонавты обнаружили, что, помимо ребятни, у них появились зрители постарше.

В частности, Книва, сын Фретилы, белобрысый молодой мужик Вутерих, один из тех, кто вчера намеревался пустить Книве кровушку, и Книвин брательник Сигисбарн, такой же белобрысый облом.

Увидев, что «боги» их заметили, Книва просиял, Вутерих нахмурился, а Сигисбарн нагло ухмыльнулся. Затем соскочил с обрыва, сдернул куртку и сделал Черепанову приглашающий жест: мол, давай и меня так кидани! Слабо?

— Ну что, Леха, поддержать славу богов? — спросил Геннадий.

— Ты его только не попорть,— озабоченно проговорил Коршунов.— Зарежут.

— Не учи батьку водку пить,— усмехнулся Черепанов.— Не покалечу. Вон какой здоровый лось!

«Лось» тем временем скинул башмаки, потоптался, уминая песок. Был он и впрямь здоровенный. На полголовы выше Черепанова, широкоплечий, мускулистый, румяный — кровь с молоком.

Геннадий сделал приглашающий жест: давай, мол, атакуй. Книвин брательник торопиться не стал. Набычился, сделал страшную рожу, заревел медведем: то ли напугать пытался, то ли просто боевой дух в себе поднимал.

Алексей стоял по щиколотку в воде, дышал сладким воздухом, пахнущим рекой и ранними травами. Солнышко грело ему грудь, а ветерок приятно охлаждал разгоряченную спину. Коршунов вдруг почувствовал себя так, словно он — на отдыхе. Пикничок на природе с друзьями. Позагорать, поплескаться, удаль молодецкую потешить, ну и водочки выпить, конечно, под сочный шашлычок...

Местный парень Сигисбарн закончил «разминку», подпрыгнул, рыкнул и обрушился на Черепанова. По-простецки: сгреб, придавил и, помогая себе ногами, попытался завалить на песок. Геннадий дал ему немного порезвиться, потом небрежным движением освободился от захвата и красивой «мельницей» отправил верзилу в песок. Публика одобрительно завопила. Особенно громко орал Книва. А вот Вутерих молчал, но ухмылялся.

Сигисбарн происшедшее не осознал. Поднялся, поглядел на противника несколько удивленно. Как это так? Только что я на ногах стоял, и вдруг — лежу?

Геннадий опять сделал ручкой: давай, родной, еще разок.

Сигисбарн рыкнул и кинулся...

Черепанов нырнул и послал красавца через себя. Зрители восхитились, а верзила опять не понял, что случилось.

Алексей его очень хорошо понимал и даже отчасти сочувствовал, поскольку имел удовольствие испробовать на себе командирские приемчики. Только что Генка стоял перед тобой, с косой ухмылочкой, и — р-раз! — уже куда-то исчез. И земля из-под тебя тоже исчезла, а сам уже летишь куда-то, летишь... И приземляешься.

После четвертого «полета» Сигисбарн решил, что с него — хватит. Тут дело нечисто, решил он. Не иначе — колдовство какое.

С большим подозрением косясь на Черепанова, он взобрался наверх, где между ним и Вутерихом тут же развернулась

оживленная дискуссия. Судя по жестикуляции, Сигисбарн пытался доказать, что победили его нечестно, колдовством. Вутерих же утверждал (призывая в свидетели Книву), что, наоборот, все было честно. Никакого колдовства. А что побили Сигисбарна, так это исключительно из-за его, Сигисбарна, неуклюжести и хилости.

Сигисбарн пришел в ярость. Попытался треснуть «свидетеля», но тот увернулся. Тогда оскорбленный в лучших чувствах Сигисбарн ничтоже сумняшеся врезал оппоненту между глаз. Вутерих в долгу не остался, и кореша принялись молотить друг друга кулачищами. Аж гул стоял.

Алексей было кинулся разнимать, но командир поймал его на полпути:

— Не лезь, сами разберутся.

И оказался прав. Минуты через две бойцы притомились и помирились. Последствия сокрушительных ударов оказались на удивление незначительными. Пара ссадин, юшка из носа да лопнувшая губа. Вероятно, здоровая жизнь обеспечивала повышенную крепость организмов.

— Обратил внимание, как дерутся? — спросил Черепанов.

— Угу. Русский кулачный бой в лучших традициях. С замаха в морду. Без подлянок.

— И без блоков, защита на уходах и уклонах, да и то редко,— резюмировал Геннадий.— Вывод?

— Вывод такой, что мы с тобой на пару весь этот поселок сделать сможем.

— Вывод неправильный,— отметил подполковник.— Правильный вывод: в настоящей драке они не кулаками орудуют, а кое-чем посерьезнее.

— Понимаю. Против топора на блоках не поработаешь.

— Да нет, можно и против топора,— сказал Геннадий, еще не подозревая, что ему очень скоро придется доказывать это заявление на практике.— Против меча, да, сложновато, а против топора — ничего, можно. Только этому надо специально учиться. И все равно щит будет эффективнее.

Сигисбарн спрыгнул с обрыва, сполоснул в реке окровавленную физиономию, повернулся к космонавтам, выпрямился и произнес торжественную тираду.

Его не поняли. Пришлось прибегнуть к помощи «толмача» Книвы.

Оказалось, почтенный отец достойных сыновей Фретила приглашает «богов» разделить с ним скромную, нет, скорее, обильную трапезу. В смысле, позавтракать зовет.

«Боги», само собой, отказываться не стали.

Глава девятнадцатая

Книва. Богатырская потеха

Книва, затаив дыхание, смотрел, как чужие боги играют с божеством реки. Чужие боги по очереди ныряли и подолгу под водой пребывали: должно быть, было о чем им с божеством поговорить.

Чужие боги знали все. И место выбрали не простое, а то, где три зимы назад Гиба утонул. Книва дружил с Гибой.

В те дни, когда можно входить в воду, они с Гибой вот именно здесь купаться любили. Потом речное божество Гибу к себе взяло.

Ублажив речное божество, чужие боги взялись плавать наперегонки. Как странно они плавают. Книва так не умел, и никто в селе не умел. Да что в селе, и в бурге не нашлось бы никого, кто бы мог так плыть.

Надо будет попробовать. Дождаться дней, когда можно купаться, и попробовать.

Рядом пошевелился Сигисбарн. Книва знал, что брат думает о том же.

— Не нравится мне это,— тихо проговорил Вутерих.

К Вутериху боги не благоволят. Они еще вчера, на болоте, яснее ясного дали это понять. Опозорили Вутериха, принудив на четвереньках по болоту бежать. Сегодня ночью Вутерих, чтоб храбрость доказать, ходил к богатырской избе. Но чужие боги узнали, что он за кустом таится, и напали на Вутериха.

Вутерих уверял, что злой ворожбой из богатырской избы тянуло. И что заесть его хотел старший бог. Но Сигисбарн поднял его на смех. И другие тоже смеялись. Должно быть, и чужие боги тоже над тугодумием Вутериха вволю потешились.

В селе только о богах и говорят. Хундила-старейшина сказал: если боги сегодня прочь не уйдут, назавтра он в бург по-

шлет. Раз неслыханное творится, то в бурге об этом знать должны. Пусть Одохар, военный вождь, и Стайна, вождь мирный, разбираются, кому богов принимать. Богам следует великое гостеприимство оказывать, а в селе разве такое возможно? Только в бурге.

Дивные одежды богов лежали на берегу. Вот бы в такой да в бурге показаться. Все бы от зависти умерли. И в бою такая одежда подмогой бы была. Не случайно руны на одеждах у богов — от меча да от стрелы такая одежда была бы защитой. Да и от молний, ибо одна из рун явно громовая.

Когда богам надоело в воде тешиться, они из реки вышли. Постояли, озираясь, думая, чем бы себя повеселить, а потом единоборствовать принялись. Младший бог Аласейа все бил и бил в старшего бога Геннаха. Но тщетно. Ибо великим воином и борцом преискусным был Геннах. А оземь раз за разом падал Аласейа, бог водный, ибо о том имя его говорит. «Безмерная водная ширь» — вот что имя это означает.

Сигисбарн первым не выдержал. Вдруг встал во весь рост, не таясь.

— Ты куда? — прошипел Книва.— Одурел.

Но Сигисбарн будто не слышал. Пошел туда, где боги тешились.

Старший бог Геннах к Сигисбарну снизошел. Бросал его и так и эдак, и животом в песок, и спиной. По-всякому. Если без понятия глядеть, покажется: крупнее Сигисбарн бога. Но это лишь видимость, потому что каждый знает: боги не таковы, какими кажутся. Настоящих богов воинам Овида-жрец показывает. На воинском посвящении. Это великая тайна. Но даже и без посвящения видно: мал для бога Сигисбарн. Подбрасывал бог Сигисбарна вверх, словно щенка, сам при этом вовсе не утруждаясь. Сигисбарн потом сказал: бог его волшебством победил. Исчезал с глаз, а потом неведомой силой схватывало Сигисбарна и оземь бросало. Вутерих еще над ним посмеялся: мол, ночью он волшебство богов на своей шкуре испытал, а Сигисбарн просто дурной. Вот и Книва видел: без всякого волшебства, одними могучими руками бог Вутериха поборол. Тут Сигисбарн рассердился и драться начал. У них с Вутерихом часто споры так заканчиваются.

«Не будь героем, но дружи с героем». Так Фретила, отец, говорит. А бог — это побольше героя. Даже и чужой бог.

Сигисбарн был очень доволен. Еще бы! Много ли найдется тех, кто с богами единоборствовал?

Даже забыл, что отец велел: пригласить богов трапезу с родом Фретилы разделить. Но Книва брату напомнил. И напомнил, что благодаря ему, Книве, боги именно роду Фретилы благоволение выказывают. Но Сигисбарн слова Книвы мимо ушей пропустил. Книва уже не раз замечал: если брат — старший, так туповат. Вот и Сигисбарн такой же.

Глава двадцатая

Алексей Коршунов. Фретила-гостеприимный с домочадцами

Как выяснилось, приглашение к завтраку на Вутериха не распространялось. Не доходя до цели, этот молодец свернул в сторону, буркнув нечто невразумительное. Книва откомментировал его уход в смысле: «Баба с возу — кобыле легче», а Сигисбарн как бы вообще не заметил: вышагивал впереди, гордо выпятив распухшую губу. Статный парень. На любой дискотеке имел бы у девчонок гарантированный успех, отметил Коршунов. Кстати, и Книва был парень хоть куда, несмотря на то, что почти мальчишка. Рост, пропорции... Тощий, правда, но мясо нарастет. И двигался хорошо: мягко, пластично. Таких Лехин сэнсэй называл: «идеальная заготовка». В смысле: реальный кандидат на черный пояс. Если характер есть. И желание. Коршунов, например, в черные пояса не вышел, хотя тоже хорошие данные имел. И характер. Желания настоящего не было. Охота была себя гробить! Видел он этих молодых «перспективных». Что ни соревнование — то травма. Несмотря на щитки-протекторы. Оно, конечно, кумитэ — не шахматный турнир, и Алексей, если надо, мог за себя постоять и ответить по-мужски, как полагается. Но он слишком любил свой организм, чтобы калечить его ради каких-то поясов. Вот Генка, тот другой. Генка если уж чем занимался — до упора. До самой верхней планки то есть. Зато и чувствовалось в нем нечто... леденистое. Вот они с Коршуновым — друзья. Причем Генка — друг настоящий, разговора нет. Но Коршунов отдавал себе отчет, что есть в лично-

сти подполковника Черепанова некая «закрытая зона», куда другу Лехе ход запрещен. Скажем, уродец Буратино, Генкин «талисман», он явно оттуда. И то, как Черепанов труп парнишки на болоте изучал, дотошно и безэмоционально, словно медэксперт,— тоже оттуда. Ну да ладно. У каждого — свои тараканы. Это нормально для взрослого мужика. А из Книвы толк будет. Если не убьют, конечно. Здесь, похоже, с этим просто.

Дом Фретилы оказался чуток поменьше, чем у Хундилы-старейшины. Но как-то... ухоженней, осанистей.

И сам Фретила, по всему видать, солидный мужик. Крепкий хозяин.

Когда они к дому подошли, он уже у плетня стоял, будто заранее поджидая. А может, так оно и было.

Псов на дворе не наблюдалось. Видимо, их заранее где-то привязали.

Ворота распахнулись, последовал короткий, но бурный диалог. Говорил в основном Книва, то на Коршунова с Черепановым показывая, то на Сигисбарна. Сигисбарн поддакивал, шамкая раздувшейся губой.

Хозяин, показав на эту самую губу, вполне дружелюбно поинтересовался, не бог сынку рожу расквасил?

Угадать, о чем речь, было нетрудно, поскольку — «годс» и «Геннах» в сопровождении соответствующей жестикуляции.

Узнав, что над физиономией Сигисбарна трудился Вутерих, Фретила заметно огорчился. Даже сплюнул в сторону соседского плетня.

Сигисбарн запротестовал, но папаша пресек протест короткой фразой и обратился к Геннадию с Алексеем. Говорил долго, торжественно, театрально жестикулируя.

Алексею вдруг пришла на ум мысль, что если бы этого папашу Фретилу побрить да одеть соответствующе, то был бы он в точности похож на какого-нибудь политика муниципального уровня из бывших профсоюзных лидеров.

Черепанов кашлянул. Многозначительно. Он это умел. Мол, не хватит ли во дворе стоять? Не пора ли — в дом? К столу?

Ну разумеется! Папаша Фретила чуть ли не ритмизованной прозой начал говорить. В лучшем виде. Непременно.

Он сделал широкий приглашающий жест.

— Пошли,— сказал Геннадий.

Однако повел Фретила гостей вовсе не в дом.

Оказывается, перед трапезой по программе была еще и ознакомительная экскурсия.

Просто, блин, в традициях Противника номер один. США то есть. «Не хотите ли, гости дорогие, осмотреть жилище?» И морда прямо сочится счастьем: вона какой у меня отдельный хауз выдающийся!

Побывали в хлеву. Там было пусто. Оно и понятно, скотина сейчас пасется. Ее к вечеру пригоняют.

Курятник. Амбарчик. Склад сельхозтехники. Непонятного назначения пристройка, размером едва побольше собачьей конуры.

Дом. Крыша. Солома, к которой имел отношение Книва. И отношения эти были довольно напряженными.

Неизменные пятнистые свиньи. Кстати, свинья на местном языке была «свиин». Почти как по-русски.

Дом назывался и «хузом», и «разном». «Разн» звучало чаще. А «гаразна» — это «сосед». «Гаразном» Фретилы был Вутерих. И мордоворот Герменгельд, которому бог «Геннах» (Да живет он вечно!) ручку изволил повредить. Герменгельд, оказывается, «брозар» недостойного Вутериха. Братан, стало быть.

Фретила вещал, Книва исправно «толмачил». Сигисбарн ходил следом, но помалкивал. Судя по всему, тут царит суровый патриархат. Когда старшие говорят, младшим положено держать клюв на замке. Пока не спросят.

Каждый раз, когда Геннадий с Алексеем изображали восхищение — а что еще оставалось? — папаша Фретила сиял, как начищенный чайник.

Когда все, что можно было осмотреть, было осмотрено, Фретила повел «богов» в дом. Судя по всему, осмотр хозяйства был отвлекающим маневром. Чтобы хозяйка успела на стол собрать.

Представлена была и сама хозяйка — тетенька сурового вида и могучего телосложения. Звали тетку под стать внешности — Брунегильдой. Имя было знакомое. Что-то из того, прежнего мира. Ассоциировалось с чем-то крутым. Но с чем, Коршунов не помнил.

А вот и гвоздь программы. Дщерь Фретилы.

По виду дщерь была совершеннейшей оторвой. Правда, оторвой симпатичной. Эдакая, кровь с молоком, разбитная

девочка. Светленькая с рыжинкой и с веснушками на носике.

Звали дщерь Рагнасвинтой.

Перед «богами» Рагнасвинта слегка оробела. Робость ей шла.

Фретила вновь толкнул пространную речь. На стол показывал, где дымился большой горшок с каким-то варевом, на Брунегильду, на улицу, на Книву. А закончил совсем неожиданно. Взял Рагнасвинту за плечи и легонько подпихнул ее к «богам» и сделал двусмысленный жест.

— Слышь, Генка, похоже, нам девочку предлагают,— сказал Коршунов.— Я бы взял. Классная девочка. Грудки просто наружу просятся.

— Расслабься,— притормозил его Черепанов.— Раскатал губу. Только попробуй, сразу по морде получишь. Причем от меня.

— Ты что, командир? — изумился Коршунов.— Я в монахи не записывался!

Черепанов поглядел на него, как на идиота.

— Ты, космонавт-исследователь, мозги-то подключи. Откуда ты знаешь, что этот бородач имеет в виду? Хочешь, чтоб на рогатину поддели? Сначала с языком и прочим разберись, а потом кобелюй. И рожу не криви! — прикрикнул он на посмурневшего Коршунова.— Тут дипломатию соблюдать надо. Вдруг он и впрямь тебе девку сватает? Улыбайся и молчи.

Рагнасвинта, запинаясь, вякнула что-то. И показала на стол. И покраснела.

Папаша Фретила гулко захохотал. И Сигисбарн захохотал, с торжеством глядя то на Геннадия, то на Алексея. И даже Книва прыснул. А Рагнасвинта, зло зыркнув на родителя, бросилась на улицу.

— Дела,— откомментировал Геннадий.— Все-таки обидели девушку. Будем надеяться, что не мы.

Кормились все из одного горшка, по очереди. Нечто вроде тушеного с курятиной зерна. Но курятины было больше. Не скупился хозяин. Откушали. Фретила тут же проставился пивком. Сигисбарн с Книвой приволокли здоровенный кувшин. И чашки деревянные. Себе — примерно на пол-литра, гостям — раза в три побольше. Эдакие ковши с ручками. Уч-

ли, значит, масштабы личностей. Космонавты, памятуя о последствиях вчерашнего пивопития (обоих, не к столу будь сказано, понос пробил), поначалу отнеслись к напитку осторожно. Однако были приятно удивлены. Пиво оказалось заметно лучше, чем вчерашняя кислятина. Алексей не преминул об этом сообщить. Фретила подтвердил величественно: его пиво — это Пиво, а у Хундилы — так, собачья моча. Книва «перевел» жестами, показал, как «хундс» лапу задирает, а Хундила оный собачий продукт — в кувшин. И пьет с удовольствием. И гостей угощает. В лицах показал. Определенно, незаурядный актер в парне пропадает. Фретила тут же внес дополнение: пиво Брунегильда варила. Он ее научил. И дщерь юную она тоже научила сему хитрому искусству. Отметьте сей факт, гости дорогие.

В общем, складывалась неспешная беседа, попутно обогащавшая словарный запас Черепанова с Коршуновым. Фретила вещал торжественно. Однозначно давал понять, что готов плотно закорешиться с гостями. Благодарил, что они оказали такое почтение его роду: Книву приголубили, Сигисбарна отмутузили. Одним словом, проявили крайнее благоволение. Он, Фретила, добро понимает. Он, Фретила, для дорогих гостей — хоть что. Вот хоть тот первоклассный котел готов подарить. Нужен богам котел или они пищу земную лишь из уважения к нему, Фретиле, вкушают?

Алексей посредством языка жестов и смеси немецкого, французского, русского и малороссийского дал понять, что «боги» теперь по земным правилам живут, следовательно, и кушать будут, что все прочие двуногие на земле кушают. Обычай такой. Одно нехорошо: у них, «богов», одежда небесная, а это непорядок. Вот ежели бы кто им, «богам», земную одежду подарил, вот такую, как на Сигисбарне, то это был бы очень правильный поступок.

Наглая просьба вызвала оживленную дискуссию.

— Может, зря ты так, в лоб? — проговорил Черепанов.

— Нормально. Ты что же хочешь, чтоб я, без языка, без понятий местных, полунамеками изъяснялся?

Однако все срослось в наилучшем виде. Фретила, прихватив сыновей, удалился и через некоторое время вернулся с продукцией местных кутюрье. В комплект входили две холщовые рубахи с завязками и затейливой вышивкой, пара штанов

типа «бермуды» с завязками из веревочек, еще — по паре кожаных курток и кожаных же штанов отличной выделки. В такие только молнии вставить — на любом блошином рынке с руками оторвут. Один недостаток — полное отсутствие карманов. К одежде прилагалось два комплекта обуви типа мокасин и шесть пар обмоток. В довершение расщедрившийся Сигисбарн положил на кучку, предназначавшуюся Черепанову, шикарный пояс, настоящее произведение искусства из толстой тисненой кожи шириной сантиметров пятнадцать, изукрашенное железными и бронзовыми бляшками и оснащенное множеством крючков и петель. Восхищение, которое выразил Черепанов, было вполне искренним. Робко улыбаясь, Сигисбарн дал понять, что хотел бы увидеть, хорошо ли будет смотреться подарок на старшем «божестве». Поскольку напяливать пояс на «пингвин» подполковнику показалось дурным тоном, он удалился в чуланчик, откуда появился, облаченный по местному обычаю. Даже с точки зрения Коршунова, командир смотрелся неплохо. Очень внушительно. Этаким могучим древним воином.

— Тебя бы еще оружием увешать,— ухмыльнулся Алексей.

Видимо, та же мысль пришла в голову и Сигисбарну, потому что он выскочил из «столовой» и вернулся с приличных размеров ножом в кожаном чехле. Сигисбарн лично прикрепил ножны к одному из крючков на поясе. К всеобщему удовольствию Черепанов извлек нож и с подчеркнутым вниманием его осмотрел.

— Говно сталюга,— произнес он нараспев, широко улыбаясь.— Я бы такой штукой даже огурцы резать постеснялся. Но баланс ничего, приличный. Надо бы им тоже чего-нибудь подарить, как думаешь?

— «Пингвин» свой отдай,— сказал Алексей.— Сам же говорил: шмотье на «пингвины» сменяем.

— Это мысль,— одобрил Черепанов. Улыбнулся еще шире, поднял двумя руками свернутый комбинезон, произнес очень торжественно своим рокочущим басом: — Вручаю вам, Фретила и сыновья, сей небесный прикид. Желаю вам никогда не надевать его, ибо ходить в нем вне условий невесомости просто омерзительно. Тем не менее эта совершенно бесполезная для вас вещь замечательно блестит и переливается, а также имеет надписи на двух языках, в которых сообщается, что она есть

собственность российского космофлота и изготовлена персонально на меня, Геннадия Черепанова.

Фретила с домочадцами внимали речи командира стоя, с такими благоговейными лицами, что подполковнику стало неловко, а Алексей изо всех сил сдерживался, чтобы не ухмыльнуться.

Расстались также крайне торжественно.

Половину пути к «гостинице» Коршунов неоригинально иронизировал над речью командира и его внешним видом. Но потом Черепанов походя заметил, что юморист Коршунов потеет и мучается в «пингвине», а он, Геннадий, чувствует себя вполне комфортно. Коршунов обдумал этот факт и заткнулся.

Глава двадцать первая

Алексей Коршунов. Утонувший кораблик

— М-да,— пробормотал Черепанов.— Надо было вчера прийти.

От спускаемого аппарата осталась только макушка, украшенная шпилем антенны.

— Как же он мог утонуть? — изумился Алексей.— У него же положительная плавучесть.

— Это болото, а не океан,— сказал подполковник.— Ладно, давай стропы резать: парашют вытаскивать будем.

Коршунов поглядел на двухцветное полотно, испещренное грязными пятнами и желтыми лужицами болотной воды. Парашют накрывал маленькое болотце почти целиком: от края до края.

— А смысл? — спросил Алексей, уже представляя, какая это морока: освобождать и вытаскивать тысячи квадратных метров шелка.— Отмахнем кусок этой хреновины — и хорош.

— А такой смысл, что на эту хреновину мы с тобой весь этот поселок с хундсами и хундилами сменять сможем. Давай, не валяй дурака, лезь, а я подстрахую.

Провозились они изрядно, почти до вечера. В грязище перемазались по уши. Ткань пришлось разрезать на десяток кусков, иначе было не управиться. Добычу выполоскали в реке. И сами помылись. Разложились на травке: на просушку.

— Эх,— вздохнул Коршунов, глядя на акры бело-красного шелка.— Какой ориентир с воздуха!

Но командир думал о своем, мечтам не предавался.

— Может, и хорошо, что аппарат затонул,— сказал он.— Целее будет. Местные — народ предприимчивый. Залезут — еще испортят чего-нибудь. Или пустолазные скафандры сопрут, а они — по лимону баксов каждый.

— Брось, Генка,— сказал Коршунов.— Никто тебе счет не предъявит. Некому. Давай лучше о приятном поговорим: о той девчонке, как ее — Рагнасвинте.

— Ага,— ухмыльнулся Черепанов.— Женимся, хозяйство заведем, землю пахать будем... Лепота!

— Да ты что? — испугался Алексей, представив описанную перспективу.— Не хочу я — в фермеры. Ты же говорил, помнишь? Ну, про полководцев?

— Говорил,— согласился подполковник.— Я — в полководцы, а ты — в фермеры. Будешь тут землю пахать, хундсиков с хундилками плодить... А я Рим возьму и императором заделаюсь. Как думаешь, есть тут Рим?

— Понятия не имею,— буркнул Коршунов.— Но землю пахать да блох кормить я точно не буду. Ты что же, бросить меня нацелился? Не выйдет! — Он с опозданием сообразил, что Геннадий шутит.

— Нервы беречь надо,— назидательно произнес Черепанов.— И желания свои — ограничивать возможностями.— Он широко ухмыльнулся.— Или крестьянка Рагнасвинта, или гарем из римских куртизанок. Что предпочитаешь?

— У меня как-то две подружки были, сестренки троюродные,— мечтательно произнес Коршунов.— Татарочки. Так вот однажды...

Глава двадцать вторая

Хундила, Вутерих, Ханала и прочие

Пока «боги» в поте лица отвоевывали у болота движимое, вернее, летающее имущество, в доме старейшины и основателя поселка почтенного Хундилы имела место весьма серьезная беседа, напрямую касавшаяся этих самых «богов».

Участниками беседы были сам старейшина, почтенный старец Ханала и племянник Хундилы Алзис, пришедший к дяде занять мешок зерна — да так и оставшийся до обеда. Присутствовали также заявившиеся с важной информацией Вутерих и Герменгельд.

Вутерих был мрачен, Герменгельд — задумчив. Хотя насчет дум Герменгельда никто в селе давно не обольщался. Невелик умом Герменгельд Что ему было от богов выделено, все в рост пошло, на ум ничего не осталось.

Как сказано, речь шла о пришлых «богах». Вутерих, уже составивший о них свое мнение, высказался однозначно:

— Чужие это боги — и весь сказ.

От волнения он даже кулаком по столу двинул.

— Чужие это боги. И зло замышляют.— Вутерих угрюмо посмотрел на Хундилу. Старейшина сидел, целиком погруженный в думы.

Алзис вместе с Герменгельдом налегали на пиво, оставшееся после вчерашнего совместного пиршества. Оно, конечно, неважное пиво варят в доме Хундилы, кислое и водянистое. Но коли другого нет...

Вутерих пива почти не пил, ораторствовал.

Это же неслыханное дело, чтоб боги к чужим племенам приходили. Это же нарушение всех обычаев, что земных, что небесных! У каждого народа — свои боги, коим и следует жертвы приносить и у коих помощь испрашивать. А чужие боги — что? Даже и захотят помочь чем, так откуда им ведомо, что чужому народу требуется? И опять же, свои боги обидятся. Уж своихто богов мы знаем. Если обидятся — беда. А эти? Что у них на уме?

— М-м-м...— протянул Хундила, вроде бы и соглашаясь, и вроде — с сомнением.— Так говоришь, единоборствовали на берегу?

— Единоборствовали.— Вутерих нахмурился.— А прежде с божеством реки общались. Только я вот что думаю. Не воинские это боги. И Герменгельд так считает.

Герменгельд хрюкнул, соглашаясь.

— Может, это скотские боги,— подал голос Алзис, племянник, тощий, рыжий, с оттопыренными ушами.— Пригнать к ним скотину и посмотреть. Если это боги скотские, то благословят скот.

— Ага, они благословят! — насмешливо сказал Вутерих.— А через седмицу твой скот и падет. А богов — поминай, как звали.

Вутерих повернулся к Хундиле.

— Вот и Травстила-кузнец тоже сомневается,— сказал он.

— Что говорит кузнец? — Хундила помрачнел. Одно дело — Вутерих, другое — Травстила. У кузнеца глаз верный.

— Сам же слышал,— напомнил Вутерих.— Сомневается он. Кузнец, он как обычно — себе на уме. Только, заметь, от богов он стороной держится.

— Он от всех — в стороне,— буркнул Хундила.— А ты почему думаешь, что чужие боги зло замышляют? — Старейшина зыркнул на Вутериха из-под кустистых бровей.

— А как мне еще думать? Что хорошего от них? А дурного — пожалуйста. Вот Герменгельду руку повредили. Скажи, Герменгельд.

Дюжий верзила Герменгельд поддакнул:

— Ага! — и потряс рукой.

Правду сказать, рука его уже забыла, что ее «повредили».

— Ты, Хундила, сам подумай.— Вутерих наклонился сначала к старейшине, потом быстро повернулся к Ханале: — И ты, Ханала, подумай. Ты же мудр, все повидал. Как было? Злые квеманские духи сперва в Нидаду вселились. Нидаду мы очистили, ладно. И что же дальше?

— Во-во,— поддакнул Герменгельд.— Что дальше? — и шумно отхлебнул из чашки.

— А дальше — ОНИ! — Вутерих поднял палец.— Они! Неведомые боги. Тут как тут. И что они делают?

— Что? — спросил Герменгельд с важностью.

— А они Книву привечают! — с торжеством воскликнул Вутерих.— Нечистого Книву, который с Нидадой был. Книва-то мало что нечист, так еще и глуп, молоко на губах не обсохло. Рад стараться! — Вутерих сжал кулаки.— Вот ты, старейшина, сам посуди: если бы наши боги пришли, нешто они бы так с нечистым поступили?

— Это точно! — насмешливо сказал Алзис.— Наши боги не только из Книвы кровь бы выпустили, но и из Герменгельда. Да и из тебя, Вутерих, тоже. Головы бы вам поотрывали за непочтение. А от этих я что-то зла пока не видал, так что в этом с тобой, Вутерих, согласен: не наши они боги. Да это и сразу ясно было, коли они языка нашего не ведают.

— Вот я к тому и клоню,— гнул свое Вутерих.— Хитрят они. Под себя нас гнут. Смотрите, что выходит. Сперва Книва. Теперь уже и Сигисбарн. Да что Сигисбарн. Вон и сам Фретила, на что муж уважаемый, а перед чужими богами стелется.

— И мне вон руку попортили,— напомнил Герменгельд и шумно отпил пива.

— Молчи, Герменгельд,— оборвал Вутерих.— Надоел со своей рукой. А ты, старейшина, думай. Вот и еще: сегодня Брунегильда на подворье у себя причитала. Чего блажишь-то, спрашиваю. А она в ответ: Фретила с чужими богами родниться хочет, Рагнасвинту к ним посылает.

Тут Вутерих метнул взгляд на Алзиса: как, понравилось, защитничек?

Алзис враз помрачнел, а Хундила аж подскочил:

— Что-о?! Этот? Фретила? С богами породниться? Пришлец бургoвский! Да кто его в селе приветил? Я! Стало быть, и мне...

— Сжечь их — и всех делов! — рявкнул Алзис.

Все посмотрели на него.

— А что,— заговорил Алзис. Его узкое, вытянутое, будто у хоря, лицо дернулось.— Пойти всем миром да в богатырской избе их и сжечь. Ясно уж — это квеманские боги обличье чужих богов приняли. Ну так и что ж, что боги? Сжечь их вместе с богатырской избой! Не устоять болотным исчадиям против огня!

Осерчал Алзис и осмелел на диво. Да и не без причины. Все в селе знали, что Алзис и так и эдак к Рагнасвинте подкатывается. Нравится ему Рагнасвинта. Как же ее — чужим богам? Вот и вскипел гневом Алзис. Сам, сказал, пойду и пожгу и избу, и богов этих праздных, негодных...

Но Хундила отваги племянника не разделил. А вот слова насчет Фретилова сватовства крепко ему в сердце запали. Увидел он в этом великую несправедливость. Кою исправить надобно. И можно исправить.

— Нет,— отрезал Хундила.— Молод ты еще, Алзис, про богов понимать. Может, и впрямь зло от них, а может, и благоденствие на село сошло вместе с чужими богами. Сперва все обдумать надо, присмотреться. Да и не нам тут это решать! — рубанул ладонью воздух.— Если Одохар или Стайна узнают, что мы дружеских чужих богов от земель наших отвратили, в большой гнев войдут. А я Одохара в гневе видел. Это похуже божьего гнева будет. Посему так сделаем.

Ты, Алзис, глупости свои забудь, бери моего коня, рыжего, да скачи в бург. По дороге, глядишь, и дурь из тебя вытрясется.

В бурге сперва к Одохару иди. Скажи: неслыханное дело случилось. Чужие боги пришли из краев неведомых. И не так, как приходят боги, а иначе. Либо напасть великая с ними пришла, либо великое благо. Не оборонить Хундиле село. И гостеприимство, богам подобающее, оказать мы не в силах. Не осень, чай, оскудели все. Пусть военный вождь дружину поднимает и в село немедля идет. И пусть торопится вождь, ибо неведомо, чего от богов ожидать. А ну как не сумеет им, по скудости своей, угодить Хундила? Тогда как? Разгневанного бога утишить — великий труд. Так что отправляйся, Алзис, прямо сейчас и к завтрему уж в бурге будешь. Оба вождя сейчас там — и Одохар, и Стайна. Коли не будет Одохар мешкать, то через три дня в селе у нас будет. Так я говорю?

И на Ханалу посмотрел.

Помолчал мудрый старец, пожевал губами, может, от важности помолчал, может, думал о своем. Долгую жизнь он, Ханала, прожил и много великого видел, и много мерзостного. Долго молчал Ханала, а потом заговорил, медленно, важно, как обычно.

Глава двадцать третья

Алексей Коршунов. В плену воспоминаний

Было это примерно за месяц до первого, отложенного, старта. **Вызвал** их к себе Петрович, начальник Центра подготовки. Порасспрашивал о разном, несущественном. А потом вдруг предложил:

— А не пойти ли нам прогуляться, мужики?

Когда генерал-майор и непосредственный начальник предлагает, отказываться не принято. От конторы до столовой — дорожка метров двести, с липами по сторонам. Вот по этой аллее они и ходили туда-сюда: слева Алексей, справа командир. А посередине Петрович. Как младшие по званию, Коршунов с Черепановым вежливо внимали.

— Тут, мужики, главное — очку в плен не попасть,— говорил начальник ЦП.

— Это в каком смысле? — позволил себе вопрос Коршунов.

— А в том, что когда оно, очко, играть начинает, поддаваться этому нельзя.

Петрович — начальник Центра подготовки. В отряде он — бог и царь. Все через него идет. И беседу эту он тоже явно неспроста завел. Гнул к чему-то.

— Я ваши бумаги смотрел, мужики. Вроде все нормально у вас. Но это — здесь, на Земле. А там...— Петрович помолчал.— Я вам вот что сказать хочу, мужики. Люди вы опытные. И не дураки оба. Но иногда лучше дураками друг перед другом оказаться, чем друг дружке в глотку вцепиться.

Алексей с Геннадием не понимали.

— Это я, мужики, не про «тут» говорю, а про «там». Там, мужики, мозги иначе работают. Особенно поначалу... Как бы это попонятнее объяснить. Вот, Гена, ты ведь налетал немало...

— Это с кем сравнивать, Сергей Петрович,— уклончиво ответил Черепанов.

— Ты погоди. Я не о том. Ты знаешь, сколько всяких инструкций и положений по нашей работе есть. Опять-таки — и уставы. И приказы... Но в половине случаев никакие приказы-инструкции тебе не помогут. Ты — сам себе приказ и инструкция... Потому что там,— он показал вверх,— все иначе. И те, кто внизу, это понимают тоже и помогут... Но тем, кто ТАМ, им сверху виднее. ТАМ все очень по-другому, чем здесь. Вас, конечно, пасти будут, но тем не менее. Все эти тесты — они здесь, внизу, хорошо работают, а ТАМ... Всякое бывает — и истерики, и прочее.

Генерал умолк. И его подчиненные тоже молчали. Поскольку им тоже было неплохо известно о том, что бывает ТАМ. Но пока известно только *теоретически*.

— Про «Салют-5»[1] знаете, поди? — нарушил молчание Петрович.— Вот вам классический пример.

Про космическую станцию «Салют-5» они знали. С ней и вправду сплошная мистика была. Запустили ее в 1976 году, к 35-й годовщине начала Великой Отечественной. И дату запуска выбрали — нарочно не придумаешь — 22 июня.

---

[1] Советская орбитальная станция «Салют» — официальное название. Фактически — военная станция «Алмаз».

Первыми туда полетели Волынов с Жолобовым на «Союзе-20». Через две недели после вывода станции на орбиту.

Что там творилось, никто не знает доподлинно. Только и у Волынова, и у Жолобова на борту сразу самочувствие резко ухудшилось. И во время сеансов связи о странных вещах докладывали. Будто стоит на станции отвратительный запах и становится все сильнее. А еще в жилом отсеке то ли свечение, то ли туман серо-голубой клубится.

Дошло до того, что видеть они друг друга не могли. Сидели в разных углах жилого отсека. Врачи на Земле на ушах стояли, а тоже поделать ничего не могли. Парни и лекарства разные принимали, а все без толку. Кончилось тем, что их досрочно на Землю вернули. Всего полтора месяца на борту и пробыли. А программа полета огроменная была.

Сразу же после посадки на «Салют-5» отправились Быковский с Аксеновым. И тоже всего месяц там пробыли. Вроде для геодезических исследований летели. Только липа это все была, слишком дорогая штука — запуск, чтобы ради геодезии миллионы долларов вколачивать. Впрочем, тогда секретили все почерному.

И этот экипаж на станции всего месяц пробыл, в сентябре уже вернулись. А в октябре «Союз-22» туда летит. Стыковка отменяется, экипаж совершает срочную посадку. И садились в нерасчетном месте: на озеро Тенгиз, к тому же ночью.

В феврале семьдесят седьмого на станцию корабль «Союз-24» запускают. Этот экипаж всего 17 суток на борту «Салюта-5» пробыл. Больше на «Салют-5» не летали, в том же семьдесят седьмом затопили его в океане.

И с туманом этим непонятно все так и осталось. Грешили на систему жизнеобеспечения. Даже газоанализатор потом на борт доставляли. Все в норме.

И у штатников сходная ситуация была. Они когда свой «Скайлэб»[1] запустили, то при старте от вибрации механика повредилась. И солнечные батареи полностью раскрыться не смогли. Да еще противометеоритный экран отлетел и заклинил. Первой экспедиции пришлось в жуткой жаре работать. Из-за того что солнечные батареи не полностью раскрылись,

[1] Американская орбитальная станция. Единственный и неудачный эксперимент.

система охлаждения почти не функционировала. И ничего. Экспедиция отработала, чувствовали себя нормально. А вторая экспедиция — то же самое, что у наших. Так и не оклемались до конца полета.

«Скайлэб», к слову сказать, тоже невезучим оказался. И его затапливать пришлось.

Петрович дал им проникнуться аналогией, затем продолжил:

— В общем, тема такая, мужики: если ситуация вас корежит, ломает, злит, вы не поддавайтесь. И чем больше злость в себе чувствуете или там отчаяние, тем больше вы к этому делу — с юмором. Вас плющит, а вы веселитесь. Меня это не раз выручало. Такие дела, мужики. Главное — к очку в плен не попасть.

Такой вот странный разговор тогда получился. Впрочем, потом выяснилось, что и с дублирующим экипажем Петрович таким манером беседовал. На той же самой аллее.

«Интересно, что ощущают сейчас Серега с Толиком, дублеры? В прессе да на телевидении сейчас небось сущее светопреставление. Еще бы, никогда такого не было, чтобы корабль исчез. В Думе снова грызня затеялась, парламентские комиссии и все такое. Как всегда. Петровича имеют, поди, все кому не лень. Будут стрелочника искать, пока не найдут. Или пока еще какая-нибудь катастрофа не приключится. Тогда о нас забудут...»

Алексей тяжело вздохнул.

— Слышь, Леха, а даки кем были? — Голос командира вывел Коршунова из задумчивости.

— Какие даки?

— Ну ты что, не помнишь, что ли? Фильм еще такой был, «Даки» называется. Неужто в детстве не смотрел?

— Смотрел, конечно. У него еще продолжение было, «Колонна».

— А даки кем были? Вроде не славяне, а?

— Не славяне. Они же с римлянами воевали, а славяне позже появились.

— Может, это даки, местные-то? — выдвинул предположение Черепанов.— Не похоже?

— Да нет.— Алексей перевернулся на бок, почесал искусанную блохами шею.— Даки вроде побогаче жили. И горы там. Фильм же румынский был.

— Слышь, а там с даками еще какие-то хмыри то дрались, то вместе воевали. Ну, они их еще подставили в конце. Кто эти хмыри были, не помнишь?

— У которых вождь в страшной маске такой на качелях качался?

— Ага.

— А хрен его знает. Варвары.

— На здешних похожи, точно?

Леха хмыкнул. Встал, потянулся.

— Эх, сейчас бы перед видиком завалиться. И чего-нибудь этакого для оттяжки. Современного. «Матрицу» какую-нибудь.

— Будет тебе «Матрица»! — хмыкнул Черепанов.— Будет тебе и какао с чаем. Поднимайся. Пойдем барахло оттащим, пожрем и до холма прогуляемся. Хочу я на крепость их поближе поглядеть. И с комендантом ее, Гардой, познакомиться, про которого Книва говорил. Любопытно мне...

Глава двадцать четвертая

Ханала. «Истощился мир...»

Долгую жизнь прожил Ханала, много удивительного видел. Видел, как истощался мир и лжи становилось все больше. Он как думает, Ханала: ни к чему могучим богам во вместилище железном странствовать. Нету в этом величия, как нет величия в поросенке, которого в мешке несут. Вот сидел он, Ханала, с богами чужими за одним столом. И не видел в них величия. А страх скрываемый видел. Будто у юнцов, которые впервые переступили порог мужской избы.

Не знает он, ох не знает. Может и так статься, что и боги в оскудевшем мире в ничтожество впали. А может, изгнанники они, оттого и странствуют по миру неприкаянно.

Тотила-жрец — он бы сразу сказал, боги пришлецы или люди. Но нет Тотилы, много зим уже нет. А тем жрецам, что ныне богам служат, с Тотилой не сравняться.

Вот когда был Ханала у тиудов, народа дикого, что сторожит путь к Скандзе, видел он чудное. Есть в тех краях холм ве-

ликий, а у подножия холма роща растет. В рощу ту никто не ходит, ибо в ней злое божество обитает. И для ублажения того божества тиуды делают так. Берут они пленника из племени, на которое набег учинили, и ведут на холм. А на вершине холма столб вкопан. К тому столбу и привязывают пленного. И оставляют. А сами вниз идут и прячутся.

Он, Ханала, собственными глазами это видел, оттого и говорит. И нету лжи в его словах.

В тех местах летом ночи нет, а лишь сумерки. И в сумерках из рощи заповедной облачко малое исходит и вверх по склону холма движется. И на вершине до рассвета стоит. А потом исчезает бесследно.

Когда день начинается, вновь идут тиуды на холм. Ханала сам с ними туда поднимался и видел все собственными глазами. Труп обескровленный на веревках, к столбу привязанных, висел.

То — божество истинное. А эти...

Не до́лжно богам от народа своего уходить. Никогда прежде не слыхивали о таком. Но — о многом прежде не слыхивали. А ныне — вот оно, есть.

К концу мир идет, ибо обветшал. Как ткань истлевшая расползается. И незачем в суть вещей вникать, ибо не стало сути. Изолгался мир, к концу стремясь. И люди мелкими стали и убогими. И боги, видно, измельчали.

Когда по широкой реке плывешь, берега медленно движутся. А узкой река делается — и берега назад быстро убегают.

Так и мир. Все суетно и ничтожно. Раньше все неторопливо шло. А ныне? Не упомнишь ничего, столь быстро все меняется. Да и помнить неохота. Нет ныне такого, глядя на что — радуешься.

Да, смотрел он, Ханала, на чужих богов. И на вместилище их смотрел. И вроде по облику боги они, а все равно сомнение гложет. И вот что он, Ханала, думает: праздные это боги[1]. Вроде луговых божеств. Или тех, которые на лесных опушках живут. И с этими, как с теми, поступать должно. А что есть праздные боги — то ведомо.

---

[1] К праздным богам относились примерно так же, как славяне — к полевикам с лешими, а кельты — к эльфам, то есть подозрительно-осторожно. В принципе могут и помочь, но скорее всего напакостят.

Глава двадцать пятая

Геннадий Черепанов. Форт

Деревянный форт был построен грамотно. Посажен на ближайшую к селу возвышенность. Частокол из двойного ряда вкопанных в землю бревен спиралью охватывал вершину холма, с «захлестом» примерно в пять метров. То есть желающие войти внутрь вынуждены были эти пять метров протискиваться между стенами. Один-два хороших бойца могли перекрыть доступ в крепость без всяких ворот. Сама стена тоже была довольно крепкой. Пространство между двумя рядами заостренных поверху бревен (внутренний несколько ниже внешнего) было заполнено глиной, доступ на стены изнутри облегчался двумя накатами и несколькими лесенками. Доступ на стены снаружи затруднялся небольшим наклоном внешнего ряда навстречу нападающим. Внутри форта оказались три строения: два дома и амбар. Дома обычные, местного стандарта, с очагами, лавками и тому подобным. Запасов провианта в амбаре не было. Была груда булыжников примерно одинакового размера. Для нужд обороны, надо полагать.

В домах тоже было — шаром покати.

Хлынул дождь. Проливной. Но кончился быстро и снова — солнышко. Геннадий с Алексеем вышли во двор.

Во дворе имелся колодец, довольно глубокий, с кожаным ведерком на веревке.

— Где, интересно, этот Гарда, про которого Книва толковал? — пробормотал Алексей.— Может, вот он? — Коршунов похлопал ладонью по столбу, вкопанному в центе форта.

На столбе были грубо вырезаны три хари с вытаращенными зенками и раззявленными ртами. Создавалось впечатление, что хари собираются блевать.

Черепанов на предположение Коршунова никак не отреагировал, молча полез на стену.

Сверху открывался отличный вид на окрестности. Да, стратегически превосходное место. И, учитывая местную технику, почти неприступное. Хотя — кто его знает? Стенобитные орудия еще древние греки научились строить. И китайцы. Впрочем, такие форты не для настоящих войн строили. Так,

отсидеться при внезапном набеге. До подхода помощи... Черепанов отдавал себе отчет в том, что еще не научился мыслить категориями века мечей и копий. А с точки зрения пилота тридцать пятой «сушки», оснащенной для удара по наземным целям ракетами класса «Х» с телевизионным, телекомандным, тепловизионным и лазерным наведением, ракетами крылатыми и аэробаллистическими, бомбами управляемыми (калибром до 1500 кг) и свободнопадающими, бомбовыми кассетами и НАР... Короче, одна только встроенная в крыльевой наплыв тридцатимиллиметровая пушка (оружие просто ничтожное в сравнении с перечисленным выше), выплевывающая полторы тысячи снарядов в минуту, превратила бы этот «могучий» бастион в кучу щепы и мертвого мяса за долю секунды.

Черепанов вздохнул. И еще раз вздохнул, вспомнив, что скорость, развиваемая «сушкой», на высоте составляет 2440 км/час, а у земли — 1400. Если сравнить со скоростью верховой лошади... Нет, даже сравнивать не хочется. Да, матушка-Земля, конечно, осталась прежней: те же 40 тыс. км — по экватору. Но вместе с тем стала намного-намного больше, потому что две или даже четыре ноги никак не тянут ни на четырехступенчатый ЖРД «Союза», ни на ТРДДФ АЛ-35Ф истребителя Су-35, ни даже на четыре колеса отечественного внедорожника по кличке «козлик».

Черепанов вздохнул третий раз и поглядел на село. На подворье Книвина папаши Фретилы бродила свинья. Тихо в селе. Но пока ничего подозрительного не видно. Ну тут, как говорится: «Errare humanum est»[1]. А тишина, как известно, предвещает грозу. Впрочем, если местные и установили за ними наблюдение, то маскируются наблюдатели грамотно.

Пахнуло дымом от местной кузницы. Дымом и еще чем-то индустриальным завоняло. Правильно, что подворье кузнеца — на отшибе. А сам кузнец — мужик занятный.

«Надо бы с ним поближе познакомиться,— подумал Черепанов.— Устроим тут промышленную революцию. Хотя — что мы можем реально? Я — военный, Лешка, правда, физик, но узкий специалист, мать его. От его кристаллографии при здешнем уровне техники толку — ноль».

[1] Ошибаться свойственно человеку *(лат.)*.

Правда, математический аппарат может пригодиться. Чтобы оптимальный изгиб сохи просчитать...

«Ну, это я и сам могу»,— не без удовольствия подумал Черепанов и поглядел на своего товарища.

Коршунов подхватил один из булыжников, сваленных под стеной, примерился, крякнул и метнул через частокол на манер ядра. Булыжник описал красивую дугу и шлепнулся в траву по ту сторону стены, прокатился пару метров.

— Камешки, камешки...— пропел Коршунов.— Слышь, Генка, мне как-то один старый журнал попался, «Знание — сила», что ли... Так вот, в журнале статья была. Про мужика одного, австрийца, который после аншлюса в лагерь угодил. То ли антифашистом был, то ли нет, не помню. Короче, попал он в лагерь смерти. Ну а там как. Вот валуны лежат, гора. Их надо перетаскать в другое место. И месяц все корячатся, эти валуны таскают. А как перетаскают — снова на старое место таскать заставляют...

— Ты к чему это? — удивился Черепанов.

— Слушай дальше. А мужик этот психолог был и не дурак. Вот он мозги подключил, попытался понять, что же вокруг происходит. И главное — для чего? Так и эдак прикидывал — ничего не выходит. Совершенно затратная штука получается. Экономический целесообразности нет. Взад-вперед валуны таскать, какой в этом смысл? А потом до него доперло. Смысл, оказывается, в том, чтобы у заключенных особый рефлекс выработать. Чтобы приказ в ноги шел, минуя голову. А мужик-то австриец, он и раньше до аншлюса все немецкую пропаганду по радио сто раз слышал. Ну там еще много чего в статье было. Но смысл в том, что нашел этот психолог ключ. Это была система по выявлению сверхчеловеков среди заключенных или что-то в этом роде. Ну и стал психолог, коль скоро систему нашел, пытаться в нее встроиться...— Коршунов поднял еще один булыжник, приложил к щеке и метнул с раскруткой, как ядро толкают. Получилось неплохо, лучше, чем в первый раз.

— Прекрати,— негромко сказал Черепанов.— Их сюда не для того принесли, чтоб ты тяжелой атлетикой развлекался.

— А для чего?

— А я почем знаю. Так что там дальше, с тем австрийцем?

— С австрийцем нормально. Преуспел. Встроился в систему.

— Сверхчеловеком стал?

— Вроде того. Он оказался единственным за всю историю рейха заключенным, которого на хрен выгнали из лагеря смерти. Система его отторгла. Усек?

— Не вполне.

— Ну ты и тормоз. А еще летчик. Если человек оказывается в ситуации, когда все вокруг иррационально, он, зная, что за этой иррациональностью стоит нечто рациональное, которое иррациональностью маскируется, делает вид, будто эту иррациональность приемлет. И тут же рациональное начало, которое за всем этим стоит, его выпинывает из ситуации.

— «Рациональное», «иррациональное»! Ты что, попроще не можешь выразиться?

— Могу. Смотри, мы сейчас вроде того заключенного мужика. Возможностей у нас почти никаких, изменить ситуацию под себя мы не можем. Воспринимаем ее как абсурдную, поскольку не знаем, что за всем этим стоит. Единственная зацепка — то самое радиоизлучение. По всем признакам — искусственного происхождения. Ты следишь за моей логикой?

— Слежу.— Геннадий отколупнул кусочек засохшей смолы с бревна частокола. Смола была естественного происхождения. Сосновая.

— В общем, идея такая, гражданин начальник. Мы с тобой в этом мире — как тот мужик в лагере смерти. И выход у нас один — ситуацию принять как данность и с ней максимально слиться. Тогда, возможно, она нас отторгнет. Обратно домой. Что нам, собственно говоря, и нужно.

— Понятно,— кивнул Черепанов.— Гипотеза интересная. И не противоречащая первоначальному плану. Но — только гипотеза.— Командир нагнулся, сорвал травинку. Пожевал.— Значит, надо сделать так, чтобы нам тут стало хорошо.— Геннадий спрыгнул с наката.

— Раз надо — значит, сделаем. Ладно, пошли отсюда.

Протиснувшись между бревен, они выбрались наружу. После дождя глинистый склон холма сделался скользким.

— Ну что, командир, начнем? — бодро спросил Коршунов.

— Ты о чем?

— В этот мир встраиваться. Не слабо́ отсюда, как с горки, съехать?

— Давай,— согласился Черепанов.— Заодно проверим, как координация восстановилась.

Глава двадцать шестая

Алексей Коршунов. Тернистая дорога к звездам

Когда Алексей Коршунов был мелким сопляком, принято было внушать подрастающему поколению, что у каждого в жизни должна быть великая цель. Ну просто у каждого. Мол, конечно, у нас все профессии равны, но некоторые — значительно равнее других. Космонавты, например. Космонавты — это идеально. И сверху им все видно, и их видно отовсюду. Сплошная геройская романтика. Ежели бы в те времена пройдоха — официальный биограф ваял историю Лехиной жизни, то написал бы, что с сопливых лет Алексей Коршунов так только и мечтал — космонавтом стать. В школу ходил — мечтал, после — тоже исключительно к этому стремился. Оттого и полетел в конце концов — и в герои выбился.

И было бы все это — чистое вранье. Ни в какие космонавты Лешка Коршунов не собирался. Да и планов на будущее никаких особенных не имел. Жил себе, хулиганил помаленьку. Как все сверстники.

После школы поступил в университет, на физфак. Физфак к тому времени уже за Петергоф перевели. Дорога в один конец два часа занимала. Так что прогуливал студент Коршунов, ну... Как большинство. Хорошо, на факультете порядки были либеральные, а Леха — активный спортсмен, что в те, советские еще, времена кое-что значило. Так что терпели Коршунова в деканате, не выперли. Тем более, сессии прилично сдавал. Первые два курса Алексей в основном лоботрясничал. А на третьем вдруг с головой ушел в учебу. Сам не понимал, как это получилось. Просто в один прекрасный день ему интересно стало. И сразу направление определилось — кристаллография.

В общем, определился и распределился Коршунов — удачнее некуда. Был направлен в очень серьезный закрытый НИИ. Тогда полным ходом шли работы по «Бурану»[1]. Туда-то он и попал. Хотя перестройка уже началась, и все слегка пошатывалось.

Вот Горби ругать принято. Мол, развалил страну. Алексей его всегда защищал. Потому, наверное, почему отец его, «шес-

[1] Советский космический корабль многоразового использования.

тидесятник», Хрущева хаять запрещал. В свое время Алексей этого не понимал. Понял позднее. Когда уже прожил кусок собственной жизни.

Просто на время правления Горбачева пришлись Лехины лучшие, самые развеселые годы. Как лучшие годы его отца — на хрущевскую «оттепель».

Дома Алексей в то время почти и не жил. Дневал и ночевал на работе. Или же по стране мотался. Но спортивную форму держал: осенью-весной два раза в неделю в зале мордобойничал, зимой — горные лыжи, летом — в горы. В 1987-м, когда они с Черепановым познакомились, Коршунов считался уже очень неплохим скалолазом. С Генкой они первый раз встретились в августе 87-го. В Капустином Яре. Там космодром старейший. Оттуда первые баллистические ракеты запускались в 50-х годах.

27 августа был пуск «Модели-504»[1]. Так назывался предпоследний аппарат серии «Бор-5». Представлял собой уменьшенную копию «Бурана» в масштабе 1 : 8. Пускали его в сторону озера Балхаш. Алексей принимал участие в создании «Модели-504», потому и был откомандирован конторой на стартовый комплекс. Не один, конечно, а в числе рабочей команды. И Генка туда приехал. От своего ведомства.

Познакомились. Но пообщаться в тот раз не удалось, некогда было. У Черепанова свои дела были, у Алексея — свои. И работы по горло.

15 ноября 88-го запустили первый «Буран». В беспилотном варианте. Все прошло на ура. Начали готовить второй пуск. Кое-что нужно было дорабатывать.

Наступил 1989-й. Газетно-журнальный бум, съезды народных депутатов по «ящику», академик Сахаров. А финансирование начали урезать. Причем — пугающими темпами. Перспектива второго пуска все отдалялась и отдалялась, тая в неопределенности.

К тому времени Алексей уже знал, что Генка включен в состав экипажа этого второго «Бурана». А в мае им снова довелось встретиться. В Москве. У обоих «окно» образовалось. Пошли на пару по Москве бродить. Смешное тогда было время, переменчивое. Матрешечники, певцы уличные...

[1] Модель «Бурана».

Побродили — да и расстались.

В отличие от Лехи, Черепанов в Звездный городок не волею случая попал, а своей собственной. С детства летать хотел. В смысле — летчиком стать — на космос не замахивался. Он был практичный юноша. Но так вышло, что по окончании Качинского ВАУ[1] был отобран в отряд космонавтов. Прошел подготовку к работе на «Салютах». Почти прошел. Потому что потом пошли в его жизни разные сложности и начался тот период его биографии, о котором рассказывать не положено. А потом период этот кончился, и Черепанову вдруг предложили пройти перепрофилирование. Тогда как раз стали формировать будущие экипажи для полетов на «Буранах». Геннадий и согласился. Он потом признавался, что это, наверное, самой большой ошибкой в его жизни было. Но кто же мог предвидеть? Перспективы с кораблями многоразового использования открывались головокружительные. «Буран» ведь намного совершеннее американских «Шаттлов», те когда еще проектировались — в семидесятые-восьмидесятые. С тех пор технология вперед на сто километров ушла.

Короче, все впустую оказалось. Работы по «Бурану» свернули. «Законсервировали», согласно официальной формулировке.

НИИ, где Алексей работал, тоже потихоньку начали переориентировать на программу работы со станцией «Мир». И группу Генки постигла та же участь. Несколько человек ушли, в авиацию вернулись. А Генка при его упертости, как Алексей теперь ясно понимал, остался. Прошел еще одну переподготовку — для полетов на кораблях «Союз-ТМ» и на борту орбитального комплекса.

И полетел бы. Да тут очередная хрень вылезла. Черепанов по росту чуть-чуть не подходил. Тут все дело в ложементе. На Земле все нормально. А на орбите, при долговременном нахождении в условиях невесомости, рост чуть-чуть увеличивается. Буквально на сантиметр-другой. Даже и не увеличивается, а позвоночник несколько деформируется. На Земле его сила тяжести прессует, а там-то — невесомость. Вот мышцы поначалу, пока еще крепкие, и «выпрямляют» спинной хребет.

По идее, что требовалось? Ложемент индивидуальный сделать. И оказалось, что сделать его ну никак невозможно. На

[1] Качинское высшее авиационное училище.

программу «Мир» деньги выделялись все в меньшем количестве, как и на космос в целом,— не до того было. А уж после павловской реформы и вовсе тоскливо стало. «Мир»-то когда запустили? В 86-м, сроком на пять лет. А в 91-м планировали «Мир-2» запускать. Только в 91-м в стране бардак был, потом путч этот карнавальный...

Короче говоря, ситуация так и оставалась в подвешенном состоянии. До 92-го. В девяносто втором вдруг решили ложемент для Лехи сделать. И сделали. А в 94-м он лететь должен был. И все было бы хорошо, да случайность помешала. Прямо перед стартом Геннадий как-то умудрился грипп подцепить. Полетел другой экипаж. Черепанов потом признавался Алексею, что тогда почти решил уйти. Тем более что и было куда уходить. Но — остался. Амбиции пересилили. Упрямство врожденное, опять-таки. Правда, сам Черепанов эту свою черту не упрямством, а упорством называл.

Короче, остался. Прошел переподготовку на командира корабля — до этого бортинженером был. А полететь все никак не удавалось. С одной стороны, были в отряде и те, кто хорошо полетал уже,— им, разумеется, предпочтение отдавали, с другой — те, кто помоложе.

На МКС Черепанов уже и не надеялся слетать. Возраст был слишком большой.

И вдруг привалила Генке удача. Где-то в недрищах нашей аэрокосмической бюрократической системы выродили решение — Черепанова к старту готовить. И вот в один прекрасный день Геннадия Петрович к себе вызвал и сообщил. И Алексея Генке представил: вот твой бортинженер.

Пока Черепанов за космос бился, Коршунов мирно занимался наукой. Влиянием микрогравитации на рост кристаллов. Казалось бы, крошечный участок науки, только для специалистов, но на самом деле — страшно важный. И где надо, это понимали. Работай Коршунов в Штатах, золотой ложкой ел бы. Но... Не то чтобы Алексей жутким патриотом был... Просто тема напрочь закрытая. Да и бывал он в этих Штатах. Ничего хорошего, кроме денег.

В тот день Алексею жутко везло. Все выстраивалось как нельзя лучше. С утра приходит на работу — докладывают: процесс, над которым несколько месяцев кряду бились, пошел. Значит —

расширение темы и новые дотации. Час прошел — из бухгалтерии звонят. Деньги, которые с доисторических времен проплатить не могли, а тут нате вам, сподобились: придите и получите.

А к вечеру к директору института вызывают. Не хотите ли в космос слетать, Алексей Викторович?

В общем, Алексей тогда не очень серьезно к этому отнесся. Согласился, конечно: отчего не попробовать. По дороге домой решил еще раз судьбу попытать. Зашел в зал игровых автоматов (первый раз в жизни) и с первой попытки изрядный выигрыш отхватил.

По правде говоря, на космос Коршунов согласился больше из-за денег. Деньги впереди светили действительно большие. Плюс карьера. На науку серьезных надежд уже не приходилось возлагать, здесь Алексей свой потолок отчетливо видел. Поскольку почти до него дошел.

Отбор Коршунов проскочил со свистом. Сам не верил, что пройдет, но — легко. И оказался в паре с Геной.

Судьба? Наверное. Это Черепанов к космосу пер с потом и кровью, мелкими перебежками, Алексея туда буквально катапультой выкинуло.

Вокруг МКС возня началась еще на первом этапе эксплуатации. Все пытались побольше урвать. Россия, само собой, приняла в этом самое активное участие. Что ни говори, а «Заря» и «Звезда»[1] — базовые модули, без которых МКС вовсе бы не было,— нашей разработки. «Заря», правда, на штатовские деньги сделана, зато «Звезда» — полностью российская. Несостоявшийся «Мир-2». У Америки нет и не было опыта в создании долговременных обитаемых орбитальных станций, а в СССР недаром рекорды длительности полетов устанавливали.

На МКС, как выяснилось, проводились опыты с микрогравитационной лабораторией. Программа была сверхплотная, но какое-то окно намечалось. И это окно должен был заткнуть российский специалист.

Вышло так, что этим специалистом оказался Коршунов. Повезло?

Тогда он полагал, что да. Но прав был древнегреческий философ, заявивший легендарному богачу Крезу, что о человеке нель-

[1] «Заря» и «Звезда» — модули МКС.

зя сказать, что он — счастливчик, пока этот человек не помер. Лидийский царь Крез получил возможность в этом убедиться. Коршунов... Нет, даже сейчас говорить о его удачливости-неудачливости было рановато. Во-первых, Алексей был еще жив (что лично ему было весьма приятно), во-вторых, царь Крез изначально был царем, а Алексей Коршунов — нет. Хотя... Чем черт не шутит...

Глава двадцать седьмая

Алексей Коршунов. Топорик

Когда космонавты вернулись домой с твердым намерением пообедать, то выяснилось, что возник дефицит дров. То есть дров было навалом: рядом с избой, под навесом, имелся внушительный штабель отличных сухих жердин. Но жердину в очаг не запихнешь, ее следует сначала разделать на чурочки. Последнее можно было проделать с помощью тесаков, но хлопотно. Топором — куда проще.

— Давай-ка, Леха, прогуляемся,— предложил командир.— Попросим взаймы топорик, а заодно круг знакомств расширим и словарный запас. Нет возражений?

Возражений не было, и они отправились к ближайшему подворью.

Минут через двадцать они уже стояли у чужой калитки, по другую сторону которой исходила лаем кудлатая дворняга.

Минутой позже откинулась шкура, прикрывающая вход в избу. На пороге нарисовался бородатый детина.

Увидев Алексея с Геннадием, детина заметно притрухал. Но тут же — молодец! — взял себя в руки: пинком урезонил дворнягу, открыл калиточку и знаками пригласил в дом.

Однако, как заметил Алексей, в глаза гостям детина старался не смотреть.

Вошли.

Интерьер оказался стандартный: как у Хундилы с Фретилой. Только победнее.

Помимо хозяина в избе присутствовал еще один мужик, постарше, две девчонки-малолетки и толстая тетка с малышом. Все дружно уставились на гостей. Без восторга.

Алексей с Геннадием переглянулись.

Командир прокашлялся.

— Нам бы топор,— сказал он,— сучья порубить.

Все ужасно изумились, когда он заговорил. Даже рты пооткрывали.

— Топор,— поддержал его Коршунов. И, лоб наморщив, выродил: — Гибанд.

«Гибанд» по-местному «дай». Вчера выучили.

— Топор,— повторил Леха и, ухватив воображаемый топор, занес его над головой. Опустил резко, будто полено раскололал.— Гибанд.— И на второго мужика, который постарше, посмотрел.— Топор гибанд, плиз, мы вернем.

Тетка прижала к себе пацана. Что-то пробормотала тихо. Пожилой мужик с натугой размышлял.

— Меки? — наконец переспросил он. Ни на командира, ни на Алексея он не смотрел. В пол уставился.

— Топор,— повторил Алексей.— Топор нужен.

И снова изобразил, будто перерубает воображаемый сук.

Не понимают. Или делают вид.

Алексей огляделся в поисках подходящих для разъяснения предметов... И взгляд его наткнулся на вожделенный топор. Как он его раньше не заметил? Топор был прислонен к стене, неподалеку от очага.

— Вот,— показал он на топор.— Топор. Мы его сейчас вернем. Гибанд.

— Да,— подхватил командир.— Гибанд.

Мужик перевел взгляд на топор. И молодой верзила тоже. И все семейство уставилось на топор, будто впервые его видело.

— Ну так мы возьмем? — фальшиво обрадовался командир. И, прошипев Алексею: «Не стой столбом, мудила»,— подошел к топору. Взял его, взвесил на руке, снова поставил на место. И, снова обратясь к немолодому мужику, осклабился: — Гибанд.

Алексей тоже радостно оскалился. И вдруг почувствовал, что сделал что-то не так. Атмосфера в доме как-то опасно сгустилась.

Детина тоже осклабился. Но как-то нехорошо. И на стену покосился. А на стене, как нетрудно было заметить, щит висел, а рядом — копье. С внушительным, шириной с ладонь, наконечником.

— Ладно,— бросил Черепанов,— отбой. Пошли-ка отсюда, не будем нарываться.

Тут одна из девчонок что-то пропищала. Белобрысый верзила переспросил, та повторила.

Немолодой мужик вдруг просиял лицом. И верзила просиял. Мужик ухмыльнулся и что-то бросил верзиле. Тот пошел в глубь дома, пошуровал там, в полумраке, и вернулся...

Нет, это был не топор. А если и топор, то точно не сучья рубить. Руки-ноги — да. Головы — милое дело.

— Секир-башка...— пробормотал пораженный Алексей.

Да, это была серьезная вещь. Длинная рукоять, хищно выгнутое лезвие, уравновешенное с противоположной стороны заостренным клювом. Секира и есть.

Верзила протянул орудие убийства командиру. Показал на топор у очага, презрительно хмыкнул. Потом постучал заскорузлым пальцем по лезвию секиры и поощрительно что-то прорычал.

Командир принял оружие. Кивнул верзиле, потом оглядел все честное семейство:

— Мы это... вернем скоро.

И — из дома бочком.

Алексей тоже, улыбаясь как болванчик, за ним следом.

— Уфф! — выдохнул он, выйдя во двор.— Пошли отсюда.

Двинулись к «своей» избе. Командир впереди, с секирой на плече, Алексей рядом. Вдруг что-то заставило его оглянуться.

— Ядрен корень! Эй, командир, обернись-ка!

За ними, сохраняя почтительную дистанцию, шли владельцы секиры. Нет, не только... Вон, и из другого двора выходят.

Из избы, где они только что были, выскочил пацан, побежал к соседнему дому.

— Пошли,— сказал командир Алексею,— не обращай внимания. Делай вид, что никого, кроме нас, тут нет. И вообще... соберись. Они от нас ждут чего-то.

— Есть собраться, товарищ командир,— бойко ответил Коршунов.— Будем готовиться к подвигу.

Настроение у Алексея неожиданно улучшилось.

Вернувшись, космонавты сразу за дело приниматься не стали: укрылись в избе. С нехитрым расчетом, что аборигены заскучают и разойдутся. Не тут-то было. Народу, наоборот, прибыло.

— Пошли,— сказал Геннадий решительно.— Пока все село не собралось.

Командир, напустив на себя беззаботный вид и посвистывая, направился к навесу. Местные (их уже человек двадцать собралось, не меньше) столпились за плетнем. Смотрели, переговаривались.

Рядом с навесом, укрывавшим от дождя запас топлива, имелся пень, совершенно определенно предназначенный для рубки дров.

Черепанов долго рылся в сучьях, вытащил сук покороче, на пень положил. Ухватил секиру, поднял над головой и — р-раз!..

Узкое хищное лезвие прорубило в суке щель и глубоко ушло в пень. Командир выматерился. За плетнем воцарилась тишина.

Алексей, изображая из себя беззаботного бога, пришедшего с неба, подошел развязной походочкой...

— Командир,— процедил тихо сквозь зубы,— дай я...

— Тихо, Леха, не суетись...— пробормотал командир.— Блин, легкая, стерва, совсем веса нет, никак не примериться.

— Ты сосредоточься, Гена,— озабоченно проговорил Коршунов.— Представь, что ты один.

— Не учи отца... А-ах!

Со второй попытки сук разлетелся надвое. Одна половина огрела Алексея по морде, другая, взлетев по баллистической траектории, упала на крышу избы.

В толпе за плетнем раздался несмелый смешок, потом еще один. А дальше — хохот. Местные ржали и неуважительно показывали на «богов» пальцами. На квадратном лице Черепанова румянец смущения смотрелся совсем неуместно.

Потирая оцарапанную скулу, Алексей обозрел толпу. Потом — мрачного командира... Осклабился во весь рот и отобрал у Геннадия «инструмент». Изобразил знаками, для публики: вот у нас Каумантиир какой шутник. Побаловаться решил, как ловко товарища по морде съездил. Трюкач.

Вытащив из-под навеса подходящий сук, Коршунов помахал им в воздухе, уложил на пенек и — бац-бац-бац — «разобрал» его на аккуратные отрезки.

Сообразительный Черепанов тут же подсунул новый сук. Местные перестали ржать: заинтересовались.

Минут через десять у колоды уже набралась приличная куча.

— Что, хорош? — спросил Алексей.

— Угу. Представление окончено.

— Почти...— пробормотал Алексей, покосился на командира, шагнул в сторону и вдруг завертел секирой со скоростью вентилятора. Это оказалось на удивление легко: баланс у орудия убийства был — что надо. Алексей поизгалялся минуту-две, так и эдак раскручивая боевой топор, перебрасывая его из руки в руку — под вполне одобрительные возгласы аборигенов, потом лихо запулил орудие в стойку навеса. Попал. Стойка жалобно крякнула, навес содрогнулся, но устоял.

Алексей глянул на командира. Тот кивнул. Тоже вполне одобрительно.

И тут некто долговязый перескочил через плетень. Сигисбарн. Вразвалочку подошел к секире, выдернул, жизнерадостно оскалился, сверкнул светлыми наглыми глазами.

Оттолкнув кого-то, к плетню притиснулся Книва. Вчерашний «фонарь» дозрел и налился цветом, так что один глаз Книвы совершенно заплыл.

Долговязый Сигисбарн ухватил рукоять поудобнее... И понеслась!

В отличие от Алексея, он не только вертел и размахивал секирой, но и вертелся сам, да еще подпрыгивал и издавал жутковатые вопли, от которых у Коршунова шерсть на затылке сама собой вставала дыбом. От того «танца с саблями», который перед этим изобразил Алексей, представление Сигисбарна отличалось примерно как балетные па — от конкретной уличной драки.

«Прикончив» очередного недруга с особо яростным воплем, белобрысый остановился, тяжело дыша и шаря взглядом по сторонам: чего бы еще такое учудить? Отыскал: подхватил с земли обрубок, раскровенивший Алексею скулу, подкинул и, хекнув, перерубил на лету.

Тут в толпе возникло движение. Расталкивая всех, к плетню прорывался папаша Фретила. Прорвался. И с ходу заорал.

Алексею сперва показалось, что орет он на них с командиром. Оказалось, нет. На сынка. Сигисбарна.

Тот как-то сразу стушевался и сник в ожидании нехорошего. И не зря. Громогласный папаша ловко форсировал плетень и немедленно учинил расправу. Ухватил чадо за патлы, принялся таскать по двору, сопровождая сие деяние громкими восклицаниями. Чадо терпело, только покряхтывало. Прочая публика

шумно комментировала. Через несколько минут Фретила утомился. Утомившись же, пинком направил великовозрастного отпрыска прочь и строго оглядел двор. Осмотром явно остался недоволен. Но смолчал. Величественно кивнул Геннадию, после чего медленно, с достоинством покинул подворье. На этот раз воспользовавшись калиткой.

Глава двадцать восьмая

Алексей Коршунов. О трудностях адаптации в незнакомой среде

Алексей старательно карябал в блокноте. При свете лучины. Словарик составлял.

«Хвас?» или «хват?» — «куда?»

«Хвадре?» — тоже «куда?». «Хидре» — «сюда».

«Ну» — «теперь». «Наух» — «еще». «Ни» — «нет», «нии» — тоже «нет».

«Нинаух» — «нет еще». «Ситан» — «сидеть», «ситья» — «сядь».

Время от времени приходилось обращаться за помощью к Черепанову, который тоже был занят делом. Жарил на углях поросенка. Поросенка незадолго до заката приволок Книва. Фретила послал. От нашего стола — вашему, так сказать. И еще мешочек соли. Так что НЗ можно было поберечь.

Обустроились они почти по-человечески. Даже постельное белье образовалось. Из парашютного шелка.

«Говорить» — «спиллан». «Пить» — «дринкан». «Есть» — «итан».

«Меч» — «меки». Меки — это серьезно. Мечи тут не у каждого есть, а только у великих воинов. Так Книва объяснил. У соседа, который им секиру в аренду сдал, меча нет. Поэтому и пришел он в такое смущение, когда потребовали у него боги оружие, чтобы на битву идти. Он же не знал, что богам оружие надо не для воинской потехи, а так, поразмяться. И тут же любознательный юноша не замедлил поинтересоваться: когда боги эту самую битву планируют? Может, завтра? Или послезавтра? Такие вещи лучше не откладывать...

Коршунов ответил уклончиво: скоро, мол. Может, завтра-послезавтра... Там видно будет. Как время наступит, Книва сам увидит. Мимо него не пройдет. Пацан жутко обрадовался: неужели боги его с собой возьмут, ратоборствовать?

Коршунов великодушно пообещал. Если что, потом всегда можно сослаться на языковой барьер: мол, не так ты меня понял, брат Книва.

«Мыться» — «твэхан» или «свэхан». С «твэхан» тут, похоже, большие проблемы.

Запах подрумянившегося поросенка смешивался с запахом дыма. Коршунов проглотил слюну.

«Я» — «ик». «Ты» — «зу». Или «су», никак не понять. «Мое» — «миина». «Дай» — «гиба». А если строго потребовать — «гибанд».

Командир плеснул на угли водичкой: чтоб не подгорало.

— Ну что,— сказал он.— Будем считать, что первый контакт у нас прошел удачно.

Дурацкий эпизод с секирой имел неожиданные последствия. Местные перестали прятаться по домам.

Странный какой-то этот мир.

— Кстати, Генка, а у НАС в том месте, откуда излучение засекли, что находится? Я тут прикидывал и так и сяк...

— Я бывал в тех местах,— сказал Черепанов.— Ничего там особого нет. Водохранилище. А вокруг несколько совхозов. И все. Это-то меня и удивляет.— Командир пошевелил палкой угли.— В том месте вроде никаких объектов нет. Там затопленные районы. Их после войны затопили, когда Днепрогэс восстанавливали. Каскады водохранилищ...

— А-а-а...

Дерево на здешнем языке будет «багмс» или «бахмс». А еще — «терва». Правда, в чем разница между «багмс» и «терва», непонятно. Книва тщился объяснить, но не смог.

Все-таки странный язык у здешних. Иногда полное ощущение, что по-русски говорят, иногда — будто финскую речь слышишь. А вслушаешься — что-то безмерно чужое ощущается.

— Надо бы нам, Леха, бабки подбить,— сказал Геннадий.

— В смысле?

— Чем мы располагаем и тому подобное.

— Опись имущества?

— Нет. Навыков. Ты, к примеру, землю пахать умеешь?

— Я же сказал, что в фермеры меня не тянет.

— Я помню. Так умеешь или нет?

— Нет, не умею. И ты тоже, могу поспорить.

— Не умею. А охотиться?

— Нет. Да и что толку — был бы я охотник? Ружье где взять? А с луком да рогатиной — это же совсем другой расклад.

— Не скажи! — возразил Черепанов.— Зверь, он зверь и есть. И следы такие же оставляет, и привычки...

Коршунов с интересом поглядел на командира.

— А ты в этом рубишь? — спросил он.

— Самую малость. Считай, что я больше с тем самым ружьишком, которого у нас нет, на номере стоял. Плюс навыки выживания.

— Ну, навыки выживания и у меня есть! — самонадеянно заявил Алексей.

Подполковник хмыкнул, но комментировать не стал.

— Зато я, Генка, рыбачить умею! — сообщил Коршунов.— А рыбы тут — прорва. Я сегодня видел, как барбоска одна голову рыбью жрала. Так если по голове судить, здесь в этой реке такие рыбины ходят... Мечта! Нам и не снилось! Слышь, командир, давай завтра на рыбалку сходим?

Черепанов встал. С наслаждением потянулся.

— Давай! — настаивал Коршунов.— Ухи поедим. Я — рыбак заядлый.

— Угу.— Черепанов ухмыльнулся.— Спереди крючок, сзади дурачок, что это?

— Шутки твои брить пора,— буркнул Коршунов.

— Дурачка я вижу.— Геннадий сделал соответствующий жест, если вдруг непонятно, кого он имеет в виду.— А вот все остальное... Хотя леска и крючки в НЗ должны быть...

— А я знаю, как рыба по-здешнему будет! — похвастался Коршунов.

— Как?

— Фиск. Или фиске, как больше нравится. Они все равно понимают. Со жратвой разберемся. А вот с оружием...

— Это ты верно поймал,— согласился Черепанов.— Было бы тут житье спокойное, не стали бы аборигены частокол на холме ставить. Соображения есть по этому поводу?

— Кислые у меня на этот счет соображения,— сообщил Коршунов.— Но — однозначные. Надо оружием обзаводиться. Вот секиру заначим, к примеру.

— По мне — так наши тесаки сподручней,— сказал подполковник.— Но с оружием вопрос нужно решать кардинально. Нужно и можно.— Черепанов почесал колючий подбородок.— Кузнец в селе имеется. Надо только подход к нему найти. Но оружием, сам понимаешь, еще и владеть надо.— Командир перевернул поросенка на другой бок.— Вот ты, например, где это так ловко топориком махать наловчился? На карате своем?

— Я не карате занимался,— с некоторой даже обидой возразил Алексей.— А то ты не знаешь!

— Уймись. Шутка. Отвечай на вопрос.

— Нет. На тренировках мы с палками, с нунчаками, с ножами — да, бывало. А с топором — это на мелиорации.

— Не понял?

— Я в студенческие годы на мелиорации халтурил,— пояснил Коршунов.— Канавы от кустарника всякого чистили. Это в основном топором делается. И хороший навык нужен, чтобы быстро.

— О том и речь. Чтобы БЫСТРО орудовать тем же топором, которым ты так ловко рубишь сучья, но уже не в быту, а в бою,— нужен навык. Безусловно, мы с тобой сможем действовать и топором, и рогатиной — на примитивном уровне. Кроме того, мы с тобой благодаря тренировкам и предполетной подготовке — в отличной физической форме. Но и у местных она не хуже.

— Судя по тому, что мы видели сегодня утром,— заметил Алексей,— реакция у местных — не ахти какая. Хотя сила есть, этого не отнимешь. При том, что ты местного главного силача, Герменгельда этого, одним движением на три точки поставил.

— Болевым,— уточнил Черепанов.— При том, что навыков освобождения от захвата у него никаких. Да он вообще о сопротивлении даже не помышлял.

— А Сигисбарн?

— Ты пойми, Леха,— проникновенным голосом произнес Черепанов.— Это же не воины, это крестьяне. Пусть у них в каждом доме щиты висят — все равно.

— Думаешь, такая существенная разница?

— Еще какая! Примерно как между обычным срочником и полевиком из «Вымпела» или «Альфы». Ладно, хорош лясы точить! — Он снял поросенка, подкинул в очаг дровишек, чтоб светлей было, и дареным ножом в три секунды расчленил жаркое на две примерно равные части.— Давай похаваем, а там и на боковую. Утро вечера... Сам знаешь.

Глава двадцать девятая

Алексей Коршунов. Девушки

Но выспаться как следует в эту ночь полковнику Черепанову не удалось. Равно как и Алексею Коршунову.

— Сдается мне, кто-то там ходит,— внезапно произнес Черепанов.

Оба прислушались. Точно, кто-то возился у плетня. Довольно шумно. Потом притих.

— Псина приблудная,— предположил Коршунов.— Или зверушка какая...

— Может, и зверушка,— с сомнением проговорил Черепанов.— Пойду-ка я гляну. Отолью заодно,— и потянулся за тесаком.

— Фонарик возьми,— посоветовал Алексей.

— Ни к чему.— Командир качнул головой.— Не фиг аккумуляторы сажать. Я в темноте вижу, как кошка.

Прежде чем Коршунов придумал, что бы еще такое сказать, командир уже откинул шкуру и исчез в темноте.

Буквально через несколько секунд снаружи раздался его голос, затем другой голос, потоньше, что-то пискнул — и оба, полковник и нежданный гость, ввалились в избу.

— Глянь-ка, какую зверушку я поймал! — Очень довольный, Черепанов подтолкнул в спину Фретилову дочь, Рагнасвинту.

Девушка застыла посреди избы. Потупилась скромно.

— Ты только глянь, Леха, сколько на ней навешано! — насмешливо произнес Черепанов.— Я и не знал, что Фретила наш под нового русского косит.

Коршунов пригляделся: а ведь верно! Неровное пламя очага отражалось в желтых плоскостях незамысловатых украшений из вполне узнаваемого металла.

— В сумме на полкило потянет,— заметил командир, похлопал гостью по плечу: — Ну, что молчишь, красавица? Говори, зачем пришла? И к кому? К нему небось? — Он жестом показал на Коршунова.

— Кончай наезжать на девушку, командир! — возмутился Коршунов.— Иди сюда, милая, присаживайся...— Он протянул ей руку.

Рагнасвинта сделала шажок, потом вдруг вскинула голову, быстро проговорила что-то и тут же умолкла.

«Красивая девочка,— подумал Алексей.— Хотя в этом возрасте все девочки — красивые. Если не колются или еще какой дрянью не испорчены. Любопытно, какая у нее фигурка?»

То, что угадывалось под балахонистым платьем, казалось многообещающим. А вид — забавный. Особенно косы баранками. В сочетании с ожерельями из золотых монет. Ба, у нас даже косметика имеется: брови начернены.

Маленькая ладошка оказалась жесткой, а пальчики сильными. Понятное дело, крестьянская девочка: сорняки полоть, козу-корову доить.

Алексей представил, как Рагнасвинта, присев на корточки, доит корову... Картинка показалась эротичной.

— Так, ладно,— сказал Черепанов.— Вы тут общайтесь, а я пошел.

И вышел из избы.

— Эй, погоди! — Алексей рванулся за ним, остановился, глянул на Рагнасвинту: — Присядь, милая! Ситья! Я сейчас вернусь!

Рубаха командира смутно белела в темноте. Геннадий направлялся к реке.

— Стой, погоди! — крикнул Коршунов.— Да погоди ты!

Черепанов остановился.

— Ты зачем девушку бросил? — спросил он.— Да не стремайся ты! — Геннадий негромко засмеялся.— Иди-ка обратно, а я часика два погуляю.— Он глянул на светящийся циферблат часов.— Хватит вам двух часов? Или давай я спальник возьму...

Со стороны избы донесся пронзительный женский вопль.

Космонавты, чуя недоброе, бросились к дому...

В избе шел бой. Отчаянно визжа, вцепились друг другу в волосы Рагнасвинта и Алафрида, беленькая дочка старосты.

— А ну прекр-ратить без-зобразие!!! — грянул с порога командирский рык Черепанова.

Девушки отпрянули друг от друга, как кошки, которых окатили водой.

Обе — растрепанные, раскрасневшиеся и очень похожие. Разве что Алафрида — повыше ростом и потоньше. В коротком бою их внешность еще не успела понести потерь, но глаза гневно сияли, и обе были донельзя очаровательны.

Черепанов солидно откашлялся.

— Так,— произнес он грозно.— Почему бардак на вверенной территории? Кто разрешил безобразничать?

Рагнасвинта посмотрела сначала на него, потом на Коршунова. На мордашке нарисовалось мучительное стремление понять. Алафрида не удержалась, что-то презрительно бросила: мол, не слушайте вы эту дуру, милорды боги. И украдкой покосилась на постель Коршунова.

Но взгляд не был намеком на нечто интимное, поскольку был обращен конкретно на алый лоскут парашютной ткани, приспособленный в качестве простыни.

— Короче так, командир,— быстро сказал Коршунов.— Беленькая твоя, рыженькая моя. Договорились?

— Ты думаешь? — с сомнением произнес Черепанов.

— Ну, Генка, ты даешь! Если две девицы приходят ночью в гости к двум мужикам, то уж не чаю попить, а? Так что давай действуй. А мы пошли.

Коршунов вытащил из мешка свернутый спальник, кивнул Рагнасвинте:

— Комон, бэби!

— Постой, ты куда? — ухватил его за рукав Черепанов.

— На речку,— ухмыльнувшись ответил Алексей.— Люблю ночью в теплой водичке искупаться.

— Опасно, ночь...

— Не смеши! Двум девчонкам — не опасно, а здоровому мужику — опасно. Ладно, специально для тебя топор возьму.— Он поднял секиру, продел рукоять в петлю на поясе, взял за руку Рагнасвинту и покинул помещение.

Блондиночка Алафрида, открыв рот, взирала на беседующих богов. Когда младший бог отдал явное предпочтение Рагнасвинте, дочь Хундилы нахмурила бровки, но когда стало ясно, что младший бог собирается уходить, а старший — нет, ее личико разгладилось.

Результаты «дележа» пришлись ей по душе. Тщеславная девочка.

— Ну что ж,— произнес Черепанов, не без некоторого смущения.— Будем знакомиться. Меня Геннадием зовут...

Взошла луна, озарив мир синеватым романтичным светом. Рагнасвинта покорно шла рядом. От нее вкусно пахло свежей травой

и волнующим ароматом чуточку разгоряченной юной девушки. Она крепко держалась за руку Коршунова, но на него не глядела. Когда Алексей свернул к реке, Рагнасвинта неожиданно заартачилась. Потянула в сторону родного дома, затараторила что-то, размахивая руками. Алексей не очень понял, чего она хочет. Похоже, предлагала идти к ним домой, выгнать всех домочадцев и предаться любви в ее родных пенатах. Мол, аттила Фретила будет только счастлив переночевать под елкой, чтобы бог Аласейа с комфортом потешился с дочкой. Чтобы у бога не возникло сомнений насчет характера развлечений, юная девушка сначала показала на Лехины штаны, потом похлопала себя по интимным местам и, наконец, обрисовала жестом внушительный живот.

Но Коршунов счел налет на избу Фретилы действием бестактным и ненужным. Решительно помотав головой, он не без удовольствия подхватил Рагнасвинту за гибкую талию и увлек с дороги вниз, к речному берегу, где утром они с командиром так славно единоборствовали.

Фретилова дочь попыталась сопротивляться, но ее слабая попытка не увенчалась успехом.

Остывший сверху песочек на глубине ладони еще сохранил тепло. Ночь вообще была теплой. Мягкий ветерок. И приятное отсутствие комариных полчищ, неизменного атрибута всех питерских пикников.

Коршунов показал на воду, сделал пару «плавательных» движений.

Рагнасвинта запротестовала, даже попятилась от воды.

— Дело твое,— не стал настаивать Коршунов.— А я сполоснусь.

Он быстро скинул с себя одежку и нырнул. Вода была теплой и мягкой. Поплескавшись пару минут, Алексей выбрался на бережок. Нехорошо оставлять даму в одиночестве.

Рагнасвинта сидела на песочке, подобрав колени. Выглядела маленькой и беззащитной. Лунный свет играл на золоте бус.

Коршунов подумал, не надеть ли портки? Решил: ни к чему. Все равно снимать. Мучительно мешало незнание здешнего ритуала ухаживания. И языковые проблемы. По правилам хорошего тона, которого свято придерживался Коршунов, девушку сначала следовало уболтать, а уж потом — все остальное.

Алексей вытерся рубахой, развернул спальник, жестом пригласил Рагнасвинту устраиваться. Та не шевельнулась.

Коршунов вздохнул, присел рядом на песок, обнял хрупкие, нет, если честно, не такие уж хрупкие, довольно сильные плечи.

— Ах, какие мы сладкие...— прошептал он, приподняв «баранку» косы и проводя языком по маленькому ушку.

Девушка вздрогнула и напряглась. Чертов «культурный барьер»!

— Девочка, девочка, милая девочка, что же нам делать с тобой? — воркующим голосом проговорил Алексей и погладил ее по спине. Даже под слоем грубой ткани чувствовалось, что спина — теплая.

Продолжая молоть всякую нежную ерунду, Коршунов попытался снизу проникнуть под защитный слой ткани: по гладкой голени вверх, к твердой коленке и теплому твердому бедру, выше... Ах ты... До нижнего белья в этом мире пока не додумались.

Рагнасвинта коротко, отрывисто вздохнула... И встала.

«Сейчас возьмет и уйдет?» — с легкой паникой подумал Коршунов.

Черт! А он даже не может ей слова внятного сказать...

Она не ушла. Узкий пояс скользнул на песок рядом с Алексеем. Потом тяжело упало золотое монисто. Еще одно движение — и платье взметнулось вверх, обнажая белые ноги, белый живот с темным пятном внизу... Платье оказалось на песке.

Коршунов смотрел снизу на обнаженную девушку. Любовался. И ждал.

Освобожденные «баранки» кос змеями упали вниз. До самых круглых икр.

Рагнасвинта шагнула вправо, опустилась на спальник, медленно опрокинулась на спину, раскинула стройные ноги...

— Ах ты, моя девочка,— нежно проговорил Алексей, устраиваясь рядом и проводя по впалому нежнокожему животу, по внутренним сторонам бедер.— Может быть, я и не бог, но мне совсем не хочется быть с тобой грубым.

Его ладони заскользили вверх, накрыли теплые холмики грудей, губы коснулись шеи чуть пониже уха...

Чуть позже он взял ее руки и начал водить жесткими ладошками по своей груди, плечам...

— Не бойся, маленькая, все будет как надо,— шептал он, лаская ее.— Тебе будет хорошо, Рагнасвинта. Я обещаю.

Ее дыхание стало чаще. Пальцы сжали плечи Алексея, потянули вниз, но он не поддался.

— Еще рано, крошка, еще рано...— продолжая ласкать ее кончиком языка, губами, руками — везде, пока спина девушки не напряглась, выгибаясь, а бедра не начали дрожать.

Тогда он опустился на нее и медленно, очень медленно...

Короткий стон, даже не стон — всхлип... Ладони Алексея накрыли ее ягодицы, помогая, заставляя двигаться, навязывая свой ритм, мягкий, бережный... Совсем не такой, какой хотелось бы телу Коршунова, но именно тот, что нужен.

Прерывистое дыхание, скользкий пот между мягких грудей, расплющенных его грудью, пальцы, впившиеся в его широкую и тоже влажную спину... Немного быстрее, еще немного... Только когда она задохнулась и вскрикнула, Алексей отпустил вожжи. И они оба взлетели над песком. И над рекой — одним протяжным криком.

— Ах ты, моя милая Свинка,— нежно говорил он ей полчаса спустя.— А ты, оказывается, страшно страстная женщина!

— Йа-а, Аласейа... Йа-а...— хрипловатым голосом отвечала она.— Квено? Йа-а? Аласейа...

Это была чужая ночь, чужой мир и, наверное, чужая женщина... Но для Коршунова сейчас это не имело ровно никакого значения. Да и кто придал бы значение такой ерунде на его месте?

Глава тридцатая

Травстила. Ночные размышления

Травстила сунул в жерло плавильни остывший наполовину выкованный серп, несколько раз качнул мехи. Мысли кузнеца неотступно возвращались к пришельцам.

Перед глазами стояло вместилище, его нутро, скупо освещенное мертвенным светом.

Кто же они такие, эти чужаки? И откуда? Ромляне?

Нет, не могут они быть ромлянами. Травстила немало повидал вещей ромлянской работы. Иные они. И не сказать, в чем они иные, а только одно он, Травстила, может сказать — не ромлянской работы вместилище. Опять-таки, никто и слыхом не слыхивал, чтобы ромляне в небе путешествовали.

Спору нет, многое ромляне могут. Но не это.

Хотя кто знает. Может, и научились. Ромляне умны, и много их. Вдруг да нашлась среди ромлян светлая голова.

Нет, чушь. Ромляне по-другому бы вместилище выковали. И железо у них другое.

Да еще и парус этот громадный из дивной ткани.

Зачем парус нужен, это ясно. Чтобы железное вместилище ветром по небу несло, как корабль — по морю. Только мал сей парус для настоящего полета. Видел Травстила, как падали чужаки. Лист древесный — и тот лучше летает.

Тогда вопрос, как чужаки на небеса сумели забраться? Вот в чем загвоздка. Видно, кто-то бросил вместилище вверх, где-то в краю далеком, и упало оно здесь.

Чужаки говорили — «Байконур». Травстила никогда не слышал этого слова. Может, так край прозывается, откуда чужаки родом?

Интересно у чужаков вместилище запечатывается. Хитро придумано. Хотя, если вдуматься, все просто. И ему, Травстиле, под силу такое сделать.

Ну, птицу железную можно заставить кричать. Но ведь это потешки детские. А вот зачем сучки внутри, которые шевелить можно, непонятно.

Наверняка есть во вместилище более важные сучки. Да и иных вещиц занятных там в изобилии. Только назад во вместилище чужакам не улететь. Нечем вместилищу летать, волшебством разве? Да и не своим хотением они, похоже, здесь оказались. Может, спьяну? Эк их шатало, когда наружу вылезли.

Своим ли хотением иль нет они в село попали, а засиживаться долго не будут. Что им тут сидеть? Чужаки или в бург пойдут, или в свои края отправятся, коли их сюда случайным ветром занесло. Как семечко. А может, и есть вместилище сие — железное семечко, из которого чужаки произросли? Вряд ли. Не припомнит Травстила, чтобы ветер в здешние края семечки с чужаками приносил. Не слыхал никогда, чтобы боги вот так с неба падали. Или люди... Кузнец усмехнулся. Чего только на свете не бывает. И не поверишь, а вот оно, перед тобой.

Непонятно только, как с пришельцами обходиться. Да им и самим непонятно. Бродят по селу, не знают, куда себя приткнуть, на берегу в потешки воинские играют.

Нечего им в селе делать. Значит, скоро в бург уйдут. И чем скорее, тем лучше.

А когда уйдут чужаки восвояси, тогда можно и о вместилище подумать. Волов подогнать, глядишь, и удастся из болота на твердую землю его вытащить. А там и разобраться можно будет. Может, и польза от этого всем выйдет. Там, откуда чужаки родом, много чего напридумывать успели, по всему видать. И еще любопытно было бы с самими чужаками потолковать, да как с ними потолкуешь, если языка людского не разумеют? Пальцами много ли покажешь в таком хитром деле, как Травстилино. А все-таки — любопытно...

Глава тридцать первая

Алафрида. Болотный демон

Когда Алафрида проснулась, чужого бога рядом не было.

Алафрида села на лавке, огляделась.

Чужой бог был добр к ней. Это очень хорошо, что он выбрал ее, а не Рагнасвинту. Старший бог сильнее. И по справедливости выбрал старшую из двоих, потому что старше дочь Хундилы-старосты, чем дочь пришлеца из бурга. А теперь, под покровительством старшего бога, еще более усилится род Хундилы.

Алафрида сделала все, чтобы понравиться чужому богу. Она пыталась объяснить ему, что почетно родство с родом Хундилы. Когда в бурге мирный вождь собирает большой тинг, слово Хундилы-старейшины значит многое.

Алафрида не знала, понял ли ее чужой бог. Это ничего. Если не понял сейчас, то поймет потом.

Вот только... Утренний дар. Чужой бог хотел дать кусок небесного паруса. И сказал: вот тебе, Алафрида, утренний дар. Так она поняла.

Одно плохо. Алафрида хотела красный кусок. Красный — это красиво. А бог дал ей белый. Белый — это цвет снега. Цвет снега — цвет смерти.

Алафрида не взяла дар. Показала, что хочет другой кусок — красный. И бог забрал подарок, а нового не поднес.

Неужели чужой бог дал ей понять, что она, Алафрида, умрет?

Нет, он же бог. Как он захочет, так и будет. Но только она, Алафрида, теперь имеет власть над богом. Чужой бог алчет ее, он это недвусмысленно дал понять.

Алафрида заплела волосы, подумала немного и решила: вот вернется старший чужой, нет, не чужой — ее, бог, и Алафрида попросит еще раз утренний дар — алый отрез небесного паруса. Как это красиво!

Некоторое время она представляла, как, гордо выпрямившись и выпятив губу, как делает мать, когда полагает себя оскорбленной, Алафрида протянет руку и потребует у бога дар...

Нет, конечно, она не осмелится. Уж больно грозен бог. Этой ночью он показал, насколько властен над телом Алафриды. По его воле она испытала великую радость. Она знала, как бывает, когда соединяются мужчина и женщина. Она многажды видела и слышала это: как же иначе, если весь ее род спит в одном доме? Но с богом было не так. Страшный бог совсем измучил ее радостью. Сначала она боялась, и все у нее сжималось от страха, как от холода. Но бог коснулся ее лона небесной амброй и дал ей глотнуть огненной влаги, от которой горло ее сначала объяло пламя, а потом грудь наполнилась солнечным теплом. И бог взял ее и дарил ей радость, пока ее силы не иссякли и она не стала просить бога, чтобы тот перестал. Но бог не понимал ее или не желал понять, и Алафрида совсем истаяла и ничего от нее не осталось, кроме бога у нее внутри...

И даже сейчас, когда она вспомнила об этом, в низу живота вновь затрепетало. И перехватило горло...

Нет, Алафрида не посмеет требовать, она просто попросит красный отрез... Красный, как кровь, которую она пролила. И у нее будет красный плащ. А белый... Пусть в белом Рагнасвинта ходит! Пусть Рагнасвинта и умрет по зиме. В хель ей, выскочке, дорога.

Да, именно так и будет. Уж Алафрида сумеет прельстить чужого бога. Она была уверена в этом.

Но где же бог? Куда он подевался?

Алафрида подумала немного и вспомнила, что не слышала, как он уходил. Она непременно услышала бы и проснулась: она всегда спит очень чутко.

Странно.

Может, бог стал невидим, как лесной дух? Ведь богу многое по силам. Да, наверное, так и есть. Бог стал невидим и сейчас наблюдает за ней исподтишка...

Алафрида встала с лавки, прошлась по избе, красиво покачивая бедрами. Жаль, что бедра у нее не так широки, как у матери. И грудь меньше. Но богу пришлось по нраву ее тело, бог ласкал ее тело и смеялся, значит, бог счел Алафриду красивой. Покрасовавшись перед невидимым богом, Алафрида надела рубаху. С любопытством оглядела избу. Алафрида никогда не была здесь, в богатырской избе. И не потому, что женщинам сюда воспрещалось ходить, вовсе нет. После того как ушли богатыри и не вернулись, в богатырскую избу мог войти каждый. Но никто не входил. Так повелось.

Алафрида провела пальцем по горшку. Из этого горшка едят боги. А возле этого очага боги греются вечерами. Интересно, нужно ли богам греться? У очага лежали завернутые в листья остатки печеного поросенка. Поросенка прислал Фретила. Об этом вчера Рагнасвинта кричала. Фретила прислал богам поросенка, а Хундила — ничего. Боги съели поросенка Фретилы, но все равно старший бог выбрал Алафриду. И нужна ли богам еда? Может, боги просто притворяются от скуки?

Алафрида прошла в глубину дома. Там лежали гладкие мешки из небесной ткани. У богов много всего. Большое богатство. Алафрида нахмурила светлые брови. Покусала губу... Старшему богу — большая часть положена. Уж она, Алафрида, проследит, чтобы в дележе доля ее бога большей была. Алафрида покажет старшему богу, что значит быть рачительной.

Алафрида — квено бога. В селе небось все умирают от зависти. И в бурге умрут. В бессильной ярости по земле кататься будут и локти кусать. И хорошо, и пусть себе катаются. Алафрида улыбнулась.

А может, и так станется, что удастся уговорить старшего бога назад на небо слетать и еще богатств принести. Вот только обдумать надо, как сделать так, чтобы вернулся чужой бог. Ну ничего. Хундила-отец — он мудрый, он наверняка что-нибудь измыслит, дабы вернулся чужой бог в род Пса.

А может быть, чужой бог и риксом станет. Отчего нет? Кто может с богом равняться, пусть и с чужим? Никто. Даже Одо-

хар. Чужой бог уже показал свою силу, победив Герменгельда и Сигисбарна. Бог — он над риксами рикс. Станет бог Геннах в походы хóдить, добычу приносить.

Алафриде даже захотелось всплакнуть от радости, когда она представила, сколько добычи может принести бог.

Она вернулась к лавке, застеленной шкурами. Ей показалось, что под шкурами кто-то прячется. Может, чужой бог спрятался под шкурами? А вдруг чужой бог прячет что-нибудь под шкурами? Она, Алафрида, к примеру, частенько что-нибудь прячет.

Дочь Хундилы одолело любопытство.

Алафрида откинула край медвежьей шкуры.

Чужой бог был там. Никуда он не уходил. Просто принял свое истинное обличье. И это был никакой не бог.

На Алафриду смотрел маленький — с пядь всего — востроносый болотный демон, несущий лихоманку.

У Алафриды сердце остановилось.

Так вот кого она ублажала всю ночь!

Белый цвет. Цвет снега — цвет смерти.

Алафрида истошно закричала.

Глава тридцать вторая

Алексей Коршунов. Счастливое утро

Утром Алексей проснулся от солнышка. Приятно просыпаться потрясающим утром после потрясающей ночи с потрясающей девушкой, пусть даже эта девушка — ни слова по-русски.

А девушка — вот она, рядом. Уже проснулась, волосы заплела, улыбнулась счастливо.

Свинка! Господи, вот привязалось. Ведь ничего общего, ни малейшего сходства с поросенком. Высокие, почти азиатские скулы, зеленоватые глазищи, очаровательный прямой носик, прозрачный пушок над припухшей губкой...

Темное пятнышко подсохшей крови на серой ткани спальника. Рагнасвинта Фретиловна. Вот так, други мои. Это вам не карамельку съесть!

— Эй,— окликнул Коршунов.— Доброе утро, солнышко! Как спалось? Сладко?

Обернулась.

— Аласейа! Махта...— и еще что-то нежное. Спросила что-то. За спальник подергала. Нет, не за спальник, за вкладыш от спальника, мешок из тончайшего ярко-синего шелка.

— Нравится? — Улыбка сама растягивала губы.— Нравится — так возьми. Твое.

Удивилась. Даже сначала не поверила. Мне? Неужели? Ты, наверное, шутишь? Мне одной — это все?

— Тебе! — подтвердил Коршунов, энергично кивая.— Тебе одной, больше никому!

Выдернул вкладыш из мешка, вложил невесомую ткань в ладошку.

Господи! Вот это темперамент! Опрокинутый на спину, Алексей пытался совладать с бешеным клубком энергии и счастья. Его тискали и целовали, его облизали и взлохматили и даже укусили за нос.

Алексей хохотал.

— Ах ты, Свинка-свинюшка! Прекрати! С ума сошла! Перестань!..

Ну чисто щенок!

Пресечь это можно было единственным способом, и Алексей был вынужден прибегнуть к крайнему средству.

Минуток через двадцать объятия распались. Алексей перекатился на спину, раскинул руки по песку. Засмеялся.

Его маленькая девочка тоже зашлась смехом.

Коршунов выгнул спину, лихим рывком вскочил на ноги.

Рагнасвинта села, подобрала было рубаху, потом вспомнила, бросила — и подхватила густо-синий шелк. Вскочила, накинула на плечи, закружилась, ловко перебирая ножками. Невесомая ткань оплела ее обнаженное тело.

— Купаться! — строго сказал Коршунов.

Отобрал вкладыш, положил на остальные ее вещи. Ну надо же: полкило золота на шее носит, а от какой-то яркой тряпочки — такой восторг.

— Купаться! — и потянул ее к воде.

Девушка неожиданно заупиралась. Быстро проговорила что-то, помогая себе жестами. Мол, нельзя купаться. Ни в коем случае нельзя!

— Со мной — можно! — твердо заявил Коршунов.

— Нии, Аласейа, нии! — И вдруг, другим тоном, вопросительно: — Аласейа? Й-а-а! — Радостно: — Аласейа! — таким голосом, будто перекореженное на местный лад имя все объясняло и разрешало.— Аласейа!

И с разбегу, увлекая за собой Коршунова, кинулась в воду.

И в этот момент Алексей понял, что покорило его в этой юной девушке. Нет, не славная мордашка. Не нежность кожи и сногсшибательный запах юности... Безоглядное доверие, вот что. Такое бывает у двух-трехлетнего малыша — к матери. Абсолютная вера и абсолютная готовность выполнить все, что ты скажешь. И Коршунов понял, что он пропал. Потому что такое доверие невозможно обмануть. Потому что, обманув такое доверие, тут же станешь полным дерьмом, окончательно и бесповоротно. Да, Алексей попал, вернее, попался. В полный рост. Но самое смешное, его это ничуть не огорчило. Потому что в этот момент он был так же окончательно и бесповоротно, чудовищно счастлив...

А плавала Свинка так себе. По-собачьи. Только-только на воде держалась...

Глава тридцать третья

Травстила. «Не боги они»

Травстила зачерпнул воды из бочонка, щедро плеснул на лицо. Грязные струйки потекли с его бороды на кожаный, порыжевший от жара фартук.

Вынул клещами из огня полоску железа, обстучал молотком, сбив окалину, оглядел. Потом покосился в угол, где на широкой лавке, упершись огромными ладонями в толстые колени, расселся Овида.

— Хундила — муж основательный,— сказал кузнец.— Но ум у него выше притолоки не поднимается. Говорит, что Ханала ему в ухо вложит. А Ханала, сам видел... Совсем стар стал Ханала.

— Так ты говоришь: не боги они,— задумчиво протянул Овида.

Голос у жреца был мощный, низкий, будто из самого дна объемистой утробы. Зов Вотана в голосе том слышался, даже когда не взывал Овида, а простую беседу вел. А уж когда взывал...

Кузнец сунул железку в огонь, качнул мехи. Пламя загудело веселей, металл налился багровым. Травстила вернул его на наковальню, ударил молотом: раз, другой, третий...

— Да, я думаю так. Не боги,— сказал кузнец.— К чему богам в железный горшок забираться?

Овида хмыкнул. Жрец пришел в село на рассвете. Один. Сначала к старейшине зашел, потом — сюда. Никто не удивился. Кузнец — тоже жрец, хотя и по-другому служит. Дружны Травстила с Овидой. Не раз Овида у кузнеца на подворье ночевал. Беседы с ним долгие ведет. О чем — другим знать не положено. Да и лучше не знать. Кузница на отшибе стоит. Сельчане стараются без дела сюда не заглядывать. Лишний раз мимо пройти — опасаются. Лучше кругаля дать, чем случайно кузнецовы тайны подсмотреть. Когда он с духами огня голосом железа говорит. Известно же: кто такое услышит — заболеет. А то и помереть может от нутряного жара. Но не Овида. Овида — могучий жрец. Его духи сами боятся.

Сидит Овида в кузнице. Не торопится. Оно и правильно. Мудрый спешить не станет. Сперва разберется, что к чему. Хундилу послушал Овида. К Фретиле заглянул. Тоже послушал, что у Фретилы говорят. Теперь кузнеца слушает.

— ...Сказал я им: надобно чужаков в богатырской избе поселить,— говорил между тем Травстила.— Коль богатыри они, герои небесные — там им и место. А коли боги, так тоже годится. Говорили же, что и боги у огня в той избе посиживали: и Доннар, и сам Вотан...

При этих словах сотворил кузнец особый знак, тайный, которые чужим видеть не должно. Но Овида — свой. И не просто свой — старший. Потому он тоже тайный знак сотворил. Но другой. Особый. Такой, что, ежели бы кто из Вотанова братства его увидел, понял бы, кто есть Овида, и старшинство его признал, ежели сам подальше от Вотанова трона стоит.

— ...А где Вотан сиживал, там и иным богам жить — за честь,— продолжал Травстила.— Потому и сказал: пусть чужие в богатырской избе живут. Обиды не будет. Прав я был?

— Прав-прав,— пробасил Овида.

Про богатырскую избу он тоже все знал. Что строили ее давным-давно, много зим назад, когда скудость в мире почти не замечалась. Строили ее девять богатырей, что, от удали и силы изнемогая, решили из жилищ отцовских прочь уйти, дом воздвигнуть и там жить сообща, ярость священную в себе греть и тешить. Ибо умаляется воинский дух, когда день-деньской работой будничной себя утруждаешь.

И воздвигли богатыри избу, а перед ней — хильд, место для кровавых поединков. И был в ту избу иным вход заказан. Да и не отваживались в ту избу ходить. Лишь по особым ночам девицы туда хаживали. И одаряли их семенем богатыри, чтобы не перегорало зря богатырское семя, а в женском чреве новых богатырей зарождало.

Вот те девицы и сказывали, что и Вотана, и Доннара порой в избе той видели. Ибо не гнушались боги пиршествами богатырей. Шумом тех пиршеств округа полнилась, а огнем ярости, от избы исходящей, все село согревалось.

И в других селах в те времена так было, а о бурге и говорить нечего. Исходил силой бург, удаль голову кружила. Рабы и те отважны были, яростью сотрясаемые. Два вождя в бурге было, как обычаем положено, военный и мирный. И не выдержал мирный вождь, священной удалью переполненный. На военного вождя с дружиной малой край оставил, а сам собрал богатырей и в великий поход отправился.

И девять богатырей тоже в поход ушли. И вел их мирный вождь. И в землях далеких со славой пали богатыри. И мирный вождь тоже пал. Потому что не дело мирного вождя ратоборствовать. Нет у мирного вождя настоящей удачи, что одна лишь к победам и обильной добыче приводит, а только удаль в нем и ярость священная. Потому лишь немногие вернулись из того похода. Едва один из дюжины. Они-то песни о великом походе и сложили. А песни те и ныне поются.

Из девяти богатырей только Ибба вернулся. Не сумел Ибба ярость в походе избыть. Мелким ему и ничтожным все виделось. Иббе. А изба богатырская пустой стояла. Потому что не было в селе новых богатырей. Ибба избу сжечь хотел, но духи восьмерых павших не дали. Тогда Ибба Агила убил, деда Хундилы-старейшины. И вутьей[1] стал Ибба, вут на плечах из похо-

[1] См. сноску на с. 13.

да принес. Благословил Иббу Странник, божественный вутья, сыном сделал.

Ушел из села Ибба. На квеманов один походом отправился. Он и сейчас в лесах между нами и квеманами живет. Не раз его следы там примечали.

Все знал про священную избу Овида, потому и признал правоту Травстилы.

Травстила ухватил клещами железо и сунул в ведерко с водой. Зашипело железо, остывая.

— А что боги говорят? — спросил кузнец.

— Разное говорят,— уклончиво ответил Овида.— Расскажи мне: чем чужаки у вас тешатся, какие дела творят?

— Пустые дела,— буркнул Травстила.— По селу бродят, от скуки бесятся. В реке купаются в заповедные дни.

— И не боятся?

— Да вроде нет. Меньшого из них Аласейей зовут. Фретилин сын, Книва, видел, как они с духами речными беседовали. Может, и не врет: чужаки ему явно покровительствуют. Кровь его пролить не дали, как Хундила с Ханалой хотели.

— Хундила с Ханалой много взять на себя желают,— проворчал Овида.— Будто им ведомо, что богам требуется. Хундилино дело — землю пахать, а не богов обиженных тешить.

Внезапно Овида рассмеялся. Гулко, аж эхо под потолком прошло.

— Ты чего? — спросил Травстила.

— А крепко мальцы ваши квеманских богов обидели! Много ярости из такой обиды произойти должно. Великую доблесть может явить миру сын Фретилы, коли наставить его на путь правильный.

— Ты что же, одобряешь его? — удивился Травстила.— Что доброго в том, что сопляк, который даже простого воинского посвящения не удостоился...

— Не удостоился, так удостоится,— заметил Овида.— Я говорил с ним. Храбрость в нем есть. И умом не обижен. Не то что старейшины ваши. Что гневаются квеманские боги — это верно. И пусть гневаются. Надобно только за Одохаром послать, чтобы было кому на гнев тот еще бóльшим гневом ответить.

— Одохар недоволен будет,— заметил кузнец.— Одохар в большой поход собирается. Ему сейчас с квеманами ссориться —

не с руки. Но он приедет. Захочет на чужаков взглянуть, я его знаю. Наверняка в этом особый знак усмотрит.

— А ты? — спросил Овида.— Ты в этом разве знак не увидел?

— Может, и увидел,— отозвался кузнец.— Да знак знаку рознь. И чужаки эти... Фретила дочь свою к ним послать хочет. Может, и послал.

Овида встал, потянулся.

— Развели вы тут богов,— проговорил с усмешкой.

Подошел к порогу, остановился.

— Глянь-ка, не один ли из них сюда идет?

Травстила тоже подошел, посмотрел.

Точно, к кузнице по берегу реки шел, насвистывая, старший из чужаков.

— Гееннах его звать,— сказал Травстила.

— Ишь, высвистывает,— отметил Овида.— И не по-птичьи свистит. Сразу чужака видать.

— Второй — такой же,— заметил кузнец.— Даже и еще чужее.

Чужак углядел Травстилу. Издали помахал рукой.

— Ты прав, брат,— уверенно произнес Овида.— Не бог это.

— А кто?

— Узнаем. Он ведь к тебе идет.

— Только он по-людски почти и не говорит,— предупредил кузнец.— Только по-своему.

— Ничего,— сказал жрец.— Мало ли что не говорит... Я про человека и без глупых слов пойму: кто он таков. Гееннах, говоришь? А второй, значит, Аласейа? Ну-ну... Сейчас узнаем, какой это Гееннах.

Глава тридцать четвертая

Геннадий Черепанов

Травстила — правильный мужик. И башковитый. Настоящий деревенский самородок-изобретатель. Черепанов и раньше это подозревал, а теперь знал наверняка. Для этого было достаточно подержать в руках вещи, которые он делал посредством своей первобытной технологии. И схватывал, умница, все на лету, несмотря на языковой барьер.

Вопрос со «стандартным вооружением» решили быстро. Но тут среди прочих заготовок Черепанов обнаружил две длинные пластины из закаленной упругой стали, и ему моментально пришла идея заказать Травстиле арбалет. А что? Вещь почти знакомая: приклад, спусковой крючок, не то что из лука стрелы метать. Все навыки стрельбы из огнестрельного можно использовать.

Они выбрались на свежий воздух. Там, с помощью «наглядных пособий» и подробных рисунков, Черепанов объяснил, что ему требуется. А требовался ему сравнительно небольшой арбалет с «размахом» стальных «крыльев» в три четверти метра, с рычажным взводом и стременем, чтобы упираться ногой, натягивая тетиву. «Крылья» предполагалось сделать складывающимися, а в боевом положении удерживать с помощью штырей-фиксаторов. Технология использования штырей привела кузнеца в восторг, в то время как сама идея арбалета особого энтузиазма не вызвала. Оказалось: идея не новая. Видел кузнец такие игрушки, только взводились они иначе, чем-то типа ворота. Определенную трудность вызвали единицы, в которых должно измеряться натяжение тетивы. Черепанов прикинул: чтобы механизм бил метров на сто пятьдесят и в то же время взводить его можно было в любом варианте, хоть лежа, хоть одной рукой,— тяга должна равняться килограммам сорока. Но как это передать Травстиле?

Неожиданно на помощь пришел здоровенный мужик, который за все это время не проронил ни слова, якобы дремал: сначала на лавке в кузне, потом на чурочке во дворе. Оказалось, хитрован только изображал сонливость. Как только беседа зашла в тупик, он вмешался, подвел Черепанова к куче камней и предложил выбрать подходящий по весу.

Черепанов выбрал валун пуда на два с половиной. Здоровяк (почти на голову выше Черепанова, плечи минимум пятьдесят восьмого размера) взвесил камешек на ладони, ткнул корявым пальцем в бицепс Геннадия и высказал предположение, что маловато будет для Черепанова сорока кило. Можно и побольше. Подполковник с присущим ему чувством юмора объяснил: надо, чтобы стрела просто пробила «мишень» навылет. Больше не требуется.

«Как не требуется? — удивился здоровяк.— А если — щит? А если мишень — там, за рекой прячется? С луком, например».

Это было справедливо. Коршунов задумался... Но решил силу натяжения не увеличивать. А вот хороший прицел не помешает. В принципе, если как-то забраться в спускаемый аппарат, то можно было бы из подручных материалов даже оптический сварганить. Или монокуляр из спецкомплекта приспособить. Но вообще-то можно и обычным диоптрическим обойтись. С прицельной планкой. Трубку из толстого тростника сделать...

Для чего нужен прицел, Травстила так и не понял. Но понял, что именно требуется, и покивал. Решил, видно: сделаю — разберусь.

Осталось утрясти денежный вопрос. Сошлись на двадцати квадратах парашютной ткани. За стандартное вооружение. За арбалеты (Черепанов заказал два) — отдельно. Но Травстила тут же сообщил, что много не возьмет. Только за материалы. Поскольку работа ему самому интересна. А можно взглянуть на черепановский меч?

Геннадий вынул из чехла тесак, который был с интересом изучен и кузнецом, и вторым мужиком, который оказался отнюдь не мастером по вооружению, а представителем «мирного» духовного сословия: здешним шаманом по имени Овида. Причем не каким-нибудь мелким жрецом, а как бы архиереем.

Правда, то, как ловко и привычно ухватил Овида рукоять тесака, вызывало серьезные сомнения в «мирности» жреца. И вообще: такими лапами можно без всякого оружия головы отрывать. Черепанов, доселе уверенный, что любого местного жителя без проблем «поставит в партер» или кинет на лопатки, в отношении Овиды засомневался. Дело было даже не в первобытной мощи местного шамана. Если грамотно подойти к грубой силе — любого носорога можно завалить. Где навыки спортивной борьбы спасуют, можно и дзю-дзютцу применить. Фокус в том, что двигался Овида вовсе не как безмозглый носорог, а как гризли. И даже мастью — стального цвета жесткой гривой да бородой — смахивал на серого медведя, с которым как-то, вдали от родины, у Черепанова имела место неприятная встреча. И тогда у Геннадия возникли очень сильные сомнения, что гризли можно остановить полудюжиной ТТ-ных пулек. К счастью, проверять эти сомнения на деле не пришлось. И хотелось верить, что то же будет и в отношении Овиды. Тем более, мужик симпатичный. Да и Травстила — тоже мужик что надо. Похоже, что и он, Геннадий, им по нраву пришелся...

— Никакой он не бог,— уверенно сказал Овида.— Герой, это да. Правильный муж. Наш. Хоть и чужой. Ты, Травстила, присмотрись к нему.

— Уж присмотрюсь,— пообещал кузнец.— Я сегодня много полезного узнал. И еще больше узнаю. Там, на небе, много интересного есть. Тем более, он не с нашего неба, так?

— Молодец,— похвалил Овида.— Догадался. Да. Не с того он неба, где наши боги обитают и куда мы с тобой попадем, здешний путь пройдя. Но сила в нем — исконная. Наша.

— Ах вот ты про что...— проговорил Травстила, покосившись на чужака. Как-то не верилось, что такой умный человек — да вдруг почти совсем не понимает их речи.— Но он же — чужой. Не нашей крови.

— Кто знает? — задумчиво пробасил Овида.— Может, и не нашей, да ведь не хуже его кровь, чем у гепида, а? — Жрец гулко захохотал, разинув мохнатую пасть.

Геннах глядел ему в рот с интересом. Травстила подумал, что у Овиды во рту есть на что поглядеть. Хоть и не молод Овида, а зубы — как у молодого: один к одному.

— Я вот что думаю,— сказал он, когда жрец перестал смеяться.— Непривычно чужаку наше оружие. И дивный самострел, который он мне изобразил,— тоже непривычен. Это сразу видно, когда о своем оружии говоришь, а когда — нет. Может, они там, на своем небе, вообще без оружия обходятся? Как думаешь?

— Думаю, нет,— уверенно ответил Овида.— Вижу я: многих убил Каумантиир Геннах. Воин он.

— Но ведь и голыми руками убивать можно,— заметил Травстила и опять покосился на Каумантиира. Значит, многих убил Геннах. Если Овида сказал: так и есть. Овида такое видит. Убил — и хорошо. Такой, как Геннах, из пустой похвальбы убивать не станет. А воин на то и воин, чтобы убивать. Только какой он воин? Такой, как рикс Одохар? Или такой, как Овида-жрец? Или, может, такой, как сам Травстила?

Что ж, придет время — и Травстила узнает. Куда торопиться?

— Грхм! — Овида откашлялся, повернулся в сторону дверей.— Слышишь, Травстила, в селе шум какой-то?

Травстила не слышал. Работа в кузнице слух портит. Но если Овида говорит: шумят — значит, шумят. Сколько помнил Травстила, Овида-жрец никогда не ошибался.

Глава тридцать пятая

Алексей Коршунов. Счастливое утро (продолжение)

Они остановились во дворе.

— Эй там, на борту! — крикнул Коршунов.— Мы пришли!

Изнутри не отозвались.

Тогда Алексей откинул шкуры и вошел, потянув за собой Рагнасвинту. Внутри было пусто: ни Геннадия, ни Хундиловой дочки.

— Ага! — Коршунов обнаружил завернутые в лопухи останки поросенка.— Живем, Свинка!

Выбрал кусочек побольше, протянул юной подружке...

Рагнасвинта стояла посреди избы, разглядывая кучку золота на столе.

— Хм-м...— Алексей подошел поближе.

Так-так-так... Блондиночка Алафрида забыла не только золото, но и кое-что из одежды. Поясок, например.

Коршунов поднял за ремешок драгоценное ожерелье. А прилично весит, граммов на триста потянет... Стоп!

Среди безыскусных отливок затесалась... Ну точно! Самая настоящая монета! Небольшая, чуточку обкусанная по краям, но с выбитым на аверсе классическим римским профилем и изгибающейся надписью неровными буквами. Что-то вроде «TI. CLAVD. CAESAR. AVG. IMPR. VI».

Вероятно, сие означает что-то вроде «Клавдий-Кесарь-Август-Император-шестой»? Или шестой — это год? Клавдий, Клавдий... Вроде был такой император. Но когда? Этого Коршунов не помнил. Вернее, не знал. Но одно он знал точно: надпись на монете сделана латинскими буквами. Вот как оно выходит... Значит, вот оно как... Будто ледяная змейка пробежала по спине. Если есть римские монеты, значит, и Рим — есть! И уже не на уровне разговоров и предположений, а как явный осознанный факт, выгравированный в сознании: ЗДЕСЬ ЕСТЬ РИМ!

...Рагнасвинта тоненько пискнула и рванулась к двери... Коршунов великолепным броском перехватил ее по пути, сгреб в охапку...

Вопреки ожиданию, девушка даже не пыталась вырваться, наоборот, прижалась к нему, мелко дрожа.

— Ты чего? — спросил Коршунов.— Хвас? Не бойся, я с тобой, дурочка.

Рагнасвинта спрятала мордашку у него на груди, потом украдкой выглянула — и снова спряталась.

Коршунов перехватил ее взгляд и обнаружил цель.

На лавке-ложе валялся Генкин талисман, ублюдок Буратино.

Ах ты, Господи! Неужели пластмассового уродца мы так испугались?

Последующий эксперимент показал: да. Именно этот незамысловатый продукт китайской легкой промышленности вызывает у маленькой отважной (заявиться ночью к страшным богам — тут незаурядное мужество требуется) Рагнасвинты панический ужас.

Была проведена воспитательная работа. Взятый за нос Буратино был подвергнут серии унижающих достоинство процедур. Как и следовало ожидать, никакой мести и гнева со стороны уродца не последовало. Та же глупая китайская улыбочка.

Вроде помогло. Поняла, дурочка, что бог не боится и ей не советует, поскольку у него, бога, все под контролем. Под его, бога, присмотром поганая кукла никому не посмеет пакостить.

Рагнасвинта оживилась. Внесла предложение: почему бы не разжечь огонь и не предать поганца очистительному пламени?

Алексей воспротивился. Показал: большие неприятности последуют. Ибо принадлежит сей недомерок самому Геннаху. Любит Гееннах над уродцем покуражиться в свободное от божественных трудов время.

Сошлись на том, что зловредного Буратино следует посадить в горшок и спрятать в дальний угол.

Так и сделали. Рагнасвинта немедленно оживилась. Поделилась злорадной идеей: мол, не просто так Алафрида Хундиловна ноги сделала, сокровища побросав. Перепугалась, дура, ничтожного Буратино. Иное дело она, Рагнасвинта...

Вредный Коршунов предложил, коли так, извлечь уродца на свет Божий: к чему его прятать, если Рагнасвинта столь бесстрашна?

Предложение было мягко отвергнуто. И внесено встречное: не позавтракать ли папашиным поросенком? Если, разумеется, поганый уродец не попортил пищу.

Коршунов уверил: с пищей все нормально. В доказательство откусил холодного мясца. Проголодался, черт! Ну, после такой ночи — неудивительно.

Ага! А Генка-то к спиртику из НЗ прикладывался! Ну коли так, то и нам не грех.

Коршунов капнул чуть-чуть Рагнасвинте, себе — граммов пятьдесят, девушке водички добавил: поперхнется с непривычки. Чистый этанол — не местное трехградусное.

Всосалось. Поросенка сообща доели в момент. От дамы поступило предложение: навестить папашу Фретилу. Жестами было показано: у папаши добра — хоть попкой жуй. А у Аласейи — как?

Есть немного, заверил Аласейа. На наш век хватит. А не хватит, так еще добудем.

Заявление было встречено с энтузиазмом. Ясно, Аласейа добудет! Какие вопросы!

Леха почувствовал, что и без языка вполне вписался в местный менталитет. По крайней мере, на уровне этой славной девочки.

— К Фретиле! — провозгласил он, откидывая шкуру...

В следующий момент он стремительно ушел в сторону, попутно отшвырнув Рагнасвинту к дальней стене, а внушительное копье с длинным и неприятно зазубренным наконечником вспороло воздух в четверти метра от его груди, с хрустом врубилось в стену за очагом и завибрировало. Сразу стало ясно, что тот, кто метнул копье, делать это умеет.

Во дворе разговаривали. По-местному. В углу тихонько попискивала Рагнасвинта.

Алексей ни черта не понимал. Хотя что тут понимать? И так ясно. Вот копье. И предназначено оно не спину чесать, а дырки в человеках делать. Так сказать, отверстия, не предусмотренные анатомией.

Судя по голосам, снаружи было не меньше дюжины человек.

Коршунов подхватил секиру, встал сбоку от входа. Кто сунется — сразу схлопочет. Мало не покажется. А вот наружу лезть — нежелательно. При таком явном численном перевесе.

Да, снаружи серьезная кодла. И пара голосов — вполне узнаваемые. Значит, местные. Значит, ситуации «мир, дружба, жвачка» — конец. Может, зря они с Генкой с девушками — это

самое? Может, нарушили строгие местные законы? И где, кстати, Генка? Ну, если эти дикари командира обидели...

Коршунов почувствовал, как внутри поднимается ярость... А вот это неправильно. Спокойно, парень. Думай головой. Иначе без головы останешься.

Голоса снаружи зазвучали громче и пронзительнее. Потом раздался смачный звук плюхи. Если в рядах противника разброд, то это хорошо.

И тут снаружи потянуло горелым. А вот это нехорошо! Запалить эту соломенную хатку — плевое дело.

Коршунов покосился на Рагнасвинту...

Нет, на ее помощь рассчитывать бессмысленно. Перепугалась девочка до синевы. Точно дымом пахнет...

И тут Алексея осенило.

Он кинулся к спецкомплекту, выхватил сигнальную гранату, вырвал шнур и, мысленно перекрестившись, длинным прыжком, отбросив шкуры, вылетел из дома.

Сознание запечатлело картинку: с десяток местных, при оружии, очень решительных — на подворье. Впереди Вутерих с Герменгельдом — в полном боевом прикиде. При щитах, с копьями на изготовку. За ними — Хундила с корешами. У одного в лапе — горящий факел, у другого — горшок с чем-то наверняка горючим. Во втором эшелоне — еще с полдюжины. Мелькнуло подбитым глазом напряженное лицо Книвы...

Коршунов не думал, не оценивал положение — он просто метнул гранату под ноги Герменгельду. А сам тут же отпрыгнул в сторону и прижмурился.

Сигнальная граната — это, конечно, не светошумовая. Не «Заря» и не «Радуга», после которой публика начисто отрубается. Но — мало не покажется.

Полыхнуло, бабахнуло — чуть уши не лопнули. Вверх повалил желтый вонючий дым. Вутерих с Герменгельдом шарахнулись в стороны. Тот, кто держал факел, метнул его в Коршунова, но промахнулся. Тот, что держал горшок, уронил его себе на ногу и завопил. Тут же еще кто-то завопил... Но Алексей с крайним огорчением осознал, что граната произвела ничтожный эффект. Он-то ожидал, что дикие варвары тут же разбегутся...

Куда там! Герменгельд уже обходил дымовой столб, намереваясь испробовать на Коршунове остроту своего копья. Хотя рожа у мужика была несколько обалдевшая...

Алексей не дал ему закончить маневр: крутанул «хвост дракона», подсек опорную ногу — и бородач плюхнулся на задницу, наверняка крепко приложившись копчиком.

Коршунов ухватился за копье Вутериха: тот (глаза мутные — от шока) потянул на себя, получил ногой по печени и сильно опечалился. Но копье не отдал, поганец.

В следующий момент Коршунов понял, что переоценил свои силы.

Их было немного: человек восемь. Еще трое (в том числе — Книва) остались за кадром.

Они взяли Алексея в полукольцо, но нападать не торопились. Окружили, оттеснив к стене избы.

Теснили — это не совсем то слово. Коршунову было совсем не тесно, наоборот, довольно просторно. Непривычно просторно, поскольку у его противников были копья, и они, соответственно, держали именно ту дистанцию, на которой удобно работать копьем. То есть вдвое больше той, которую обычно держат рукопашники. Так что Алексею на оставленном ему пространстве было достаточно просторно, и его противники тоже не жались плечом к плечу. Но тем не менее Коршунова именно оттеснили, и он даже не пытался вырваться из кольца, инстинктивно понимая, что окажется в досягаемости железных наконечников куда раньше, чем те, кто их держит, станут досягаемы для его безоружной атаки.

Тем не менее его противники не торопились. Осторожничали. Видимо, полагали, что у Коршунова в загашнике еще какой-нибудь сюрприз.

В другой ситуации Коршунов их бы сильно зауважал. Напасть на бога, да еще после того, как тот «явил гром»... Но сейчас Алексею было не до уважения. Глядя на украшенные стальными и бронзовыми заклепками щиты, на хищные наконечники копий, он очень четко осознал, что перед ним уже не трудолюбивые, хитроватые и немного простодушные земледельцы, а воины. И поняв это, Алексей как-то особенно остро ощутил непрочную тонкость своей рубахи...

Коршунов лихорадочно прикидывал, что можно сделать, но выхода не было. Кинься на одного — остальные тут же вздену на копья. Преимущество в скорости, навыки рукопашной сводились на нет боевым оружием и численным превосходством.

Они казались очень похожими. Кожаные круглые шапки с железными нашивками, заросшие волосом лица, прищуренные глаза — над кромками здоровенных щитов. В какой-то миг он перестал ощущать живых людей за этими щитами, иссеченными в неведомых прошлых боях... В них чувствовалась безликая сила, абсолютно неуязвимая для безоружного человека. Непоколебимая незыблемая опора для треугольных, отточенных по краям наконечников копий, которым достаточно лишь легонько скользнуть вдоль шеи...

«Ну что ж,— подумал Коршунов.— Умирать — так с музыкой! После ночи с потрясающей девочкой, в настоящем мужском бою... Только хорошо бы сразу. А то проткнут живот...»

Мысль о том, как тридцать сантиметров острого железа погружаются во внутренности, не взбодрила. Но Алексей успел изгнать ее раньше, чем она обросла страхом и слабостью.

Коршунов сделал совсем маленький шажок вправо. И крайний справа тоже самую малость подался назад. Зато остальные приблизились. Ровно на столько же. Они очень четко чувствовали дистанцию. И словно поддерживали некое хрупкое равновесие. Если Алексей покажет, что отступает, а сам сделает бросок... Ничего не выйдет. Не успеть...

Свирепый, леденящий кровь рев ударил его по ушам почти с той же силой, что и взрыв гранаты.

От этого чудовищного звука его противники как будто просели... Как проседает упруго натянутая резина проколотой камеры. Щиты опустились, копья поникли. Но Коршунов не воспользовался этим для атаки, потому что и его собственные мускулы внезапно обратились в теплое желе. Только на одно мгновение, но этого мгновения было бы достаточно, чтобы проделать в этом желе дюжину дырок. Но никто не стал тыкать в Коршунова железом. О нем словно забыли. Недавние противники отвернулись от Алексея и глядели теперь на того, кто обрушил на них нечеловеческой силы звук. И Коршунов тоже разжал кулаки и уставился на кричавшего...

Представьте себе байкера. Откуда-нибудь из Айдахо. Который всю жизнь гонял на «Харлее», жрал пиво и бил морды в кабаках. Два метра ростом, брюхо — с пивной бочонок, рыжая бородища — веником, прикид, ухватки...

Коршунов настолько обалдел, что даже не сразу заметил, что за «байкером» маячит кузнец Травстила, а за кузнецом — очень озабоченный Черепанов. Живой.

При виде командира у Коршунова сразу отлегло от сердца. Ну, раз командир здесь, значит, все будет в порядке!

«Байкер» неторопливо двинулся по дороге, миновал ворота (местные поспешно убрались с его пути), приблизился к Алексею. Отпихнул ногой сочащиеся дымом останки гранаты. Остановился. Бесцеремонно оглядел Алексея. Ражий наглый детина. Вид зверообразный и абсолютно асоциальный. На широкой, изукрашенной синими узорами морде — волосатая пасть, мясистый красный нос и кустистые брови, под которыми спрятались маленькие хитрые глазки.

Вокруг ощутимо сгустилась тишина. Коршунов услышал, как в избе всхлипывает Рагнасвинта.

Лапы у «байкера» были волосатые, в синих узорах татуировок. На правой костяшки сбиты — видать, недавно кому-то в пятак заехал. Подошел, навис над Алексеем. Весь в коже, заклепках и побрякушках, металлических, костяных, деревянных. С бизоньей шеи свешивается обильная коллекция клыков и когтей, а поверх всего, на кожаном ремешке,— здоровенный серебряный серп. Еще бы молот — и вылитый символ бывшего СССР.

Детина постоял немного, с носка на пятку перекатываясь, потом хмыкнул в бородищу и нацелился кулачищем — Лехе в живот. Коршунов перехватил. Удержал не без труда. У нормального мужика нога тоньше, чем рука у этого дяди. Померились немного: кто сильней. Сильней явно был «байкер», но он же и уступил. Отошел на шаг.

Тут вперед протолкался Черепанов, встал рядом.

«Байкер» проворчал что-то одобрительное. Хлопнул Геннадия по спине: аж гул пошел. Черепанов даже не качнулся. Борец, блин. Подмигнул Лехе и сам, точно так же, смачно приложил ладонью «байкеру» между лопаток. Тот крякнул. Похоже, удивился. Среди местных возникло некоторое движение и ропот. Но детина на них небрежно, через плечо рыкнул — и тишина.

В этой тишине детина опять подал голос: рявкнул нечто одобрительное, на Коршунова с Черепановым показал, потом повернулся и вразвалочку двинулся прочь. По дороге Травстилу с собой прихватил.

И как будто барьер рухнул. Вражда ушла. Местные смущенно заулыбались. Книва подошел. Его оттеснил Фретила, поспевший аккурат к шапочному разбору. Про дочь спросил.

— Рагнасвинта! — окликнул Коршунов.

Она тут же появилась. Синий вкладыш от спальника — вместо плаща. Надменно сообщила папаше: Аласейа подарил. Книва захихикал... И моментально схлопотал по загривку.

Смущенный Хундила что-то толковал Черепанову. Извинялся. В гости приглашал: показывал знаками, что готов проставиться. За обиду, значит.

Народ понемногу расходился.

Рагнасвинта вилась вокруг Коршунова, на своих поглядывала высокомерно, на Алексея — подобострастно. Ластилась, как котенок. Фретила на дщерь взирал с одобрением, Книва скалился.

— Ты где был? — спросил Коршунов.

— К Травстиле ходил,— ответил командир.— Насчет оружия пообщаться.

— И как?

— Нормально. Что у тебя здесь стряслось?

— А хрен их знает, чего они вдруг взъелись.— Коршунов пожал плечами.— Рассосалось, и ладно.

— Ну уж нет,— возразил командир.— Это надо выяснить. Чтобы впредь — без таких эксцессов. Если бы мы не подоспели — попортили бы тебе организм. Необратимо.

— Это точно,— согласился Коршунов.— А что это за мужик такой — с серпом и банданой?

— Главный жрец. Архиепископ местный. Овидой зовут. Его Травстила вызвал. Как я понимаю: нас с тобой протестировать.

— И каковы результаты?

— Сам видишь. Все путем.

— А если бы этот Овида нас не одобрил?

— А ты угадай! — Командир усмехнулся.— Ладно, проехали. Таможня дала добро. Он у них — высший арбитражный судья по религиозным вопросам.

— Значит, теперь мы с тобой — официально зарегистрированные боги? — спросил Коршунов.

— Не думаю. С богами так фамильярно не обращаются. Но, может, это и к лучшему. Лучше быть простыми авторитетными парнями, чем липовыми божествами. Тем более, мы теперь с ме-

стными вроде как родня.— Черепанов подмигнул Коршунову.— Как ночь прошла, по кайфу?

— Не то слово! — Алексей расцвел улыбкой.— А у тебя?

— Аналогично. Девочка меня навсегда запомнит, отвечаю.

— Угу. Интересно только, почему она смылась, даже золотишка своего не прихватив?

Черепанов нахмурился:

— Да? Это новость. Впрочем, ладно. И это выясним. Вот сейчас пойдем к Хундиле пиво пить — и выясним. Книва, спроси у аттилы Фретилы, он к Хундиле дринковать идет?

Книва-толмач осведомился. Его папаша с важностью кивнул.

Черепанов поглядел на Алексея:

— Давай, Леха, иди приведи себя в порядок, и двинулись. Что-то я проголодался.

— Пошли...

На полпути Коршунов вдруг сказал:

— А я гранату сигнальную рванул.

— Да,— кивнул подполковник.— Я слышал.

— Нет, ты не понял. Я эту гранату им прямо под ноги кинул, Герменгельду с Вутерихом.

— Ну и что?

— В том-то и дело, что ничего! Я бы на их месте полные штаны наложил, а этим — как с куста. Ну, оглушило чуток. Ей-богу, ты бы больше испугался!

— Вот это вряд ли,— сказал Черепанов.— Только с чего ты взял, что они должны были в штаны наложить?

— Ну, сам подумай: с их точки зрения, это — волшебство. Вроде огнедышащего дракона. Ну вот я сам сколько раз читал: какой-нибудь мужик закурит при дикарях — и те сразу на колени. Сверхчеловек, блин! Огнем дышит! А тут — ноль эмоций. Не укладывается у меня в голове такое, не понимаю.

— А придется,— усмехнулся Черепанов.— Поскольку — голый факт. И насчет сигарет... Ты, Леха, в какой такой литературе это читал? Что-то я не припомню...

— Ну...— Коршунов напряг память, вспомнил: — «Янки при дворе короля Артура»!

— А еще?

Алексей вторично напряг извилины, выдавил еще название:

— «Потомки скифов»! В детстве читал. Там, кстати, похожие мужики описаны. Даже серьезнее. Так те скифы сначала собаки испугались, потом курения...

Черепанов ухмыльнулся еще шире.

— Крутые у тебя источники информации,— заметил он.— Настоящие монографии по этнографии. Фантастика — она и есть фантастика. Тем более, тех времен: от писателей, которые писали про кабинетных ученых. В пенсне. Которым только трубкой попыхивать и умные слова говорить, поскольку больше ничего и не могут. Вот и приходится писателю изгаляться: табачным дымом дикарей пугать. Индиана Джонс — и тот авторитетней выглядит. Могу тебе точно сказать: реального дикаря сигареткой пугать — все равно что отморозка-ваххабита — фотографией летающей тарелки. Можешь мне поверить, я этих дикарей...

Тут подполковник осекся и закрыл, даже можно сказать, захлопнул рот.

Коршунову очень хотелось поинтересоваться, где это Генка успел пообщаться с дикарями, но он понимал, что бесполезно. Ничего командир не скажет. Поэтому он спросил о другом:

— И все-таки, Генка, объясни мне, темному, почему наши дикари моей гранаты не испугались? Я бы, например, точно испугался, если бы, скажем, из-за вон того холма огнедышащий дракон выскочил.

— Неверная ассоциация! — сказал Черепанов.— На дракона бы ты, в нормальных условиях, скажем на Дворцовой площади, вообще не среагировал бы. Решил бы, что голография какая-нибудь. А вот встреть ты в лесу тигра уссурийского... Ты ведь раньше на воле тигров не встречал?

— Не доводилось,— осторожно ответил Коршунов.

— Ну вот. Идеальный случай. Тигра ты в природе не встречал. Но как он выглядит, слышал. Даже видел. Так что элемент неожиданности есть, но несколько смягчен. Особенно если ты перед этим тигриные следы видел и в принципе допускаешь, что можешь его встретить. И встречаешь. Конечно, можешь в этой ситуации и в штаны наложить. Было дело, накладывали. Но, судя по моему собственному опыту и исходя из заключения психологов, которые тебя к полету допустили, твое поведение должно быть иным. Особенно если у тебя, скажем, карабин имеется. Что ты сделаешь, а?

— Хм... Тигр — животное серьезное,— признал Коршунов.— Не думаю, что я пойду на конфликт. Попытаюсь разойтись мирно.

— А если не выйдет?

— Буду стрелять. А куда деться?

— Вот именно. Улавливаешь связь?

— Не очень...

— Эх ты! Кабинетный ученый! — Черепанов засмеялся.— Ты со своей гранатой — вроде того тигра. Ты прикинь местный менталитет. Для них всякое волшебство-колдовство — не экзотика и статьи в желтой прессе. Для них это жизненная реальность. И они к этой реальности подготовлены. Даже получше, чем ты — к появлению тигра. У них на эту тему отлично проработанные инструкции. И тщательно разработанные законы. Вот они как раз появлению дракона не удивятся и даже не сочтут его галлюцинацией или, тем более, голографией. Они для начала попытаются этого дракона классифицировать, а потом будут совершенно точно знать, как себя вести. Если компетентные местные специалисты говорят, что при появлении такого дракона следует наложить в штаны — наложат. Если в инструкции сказано, что дракона следует порадовать девственницей — найдут девственницу. А если — копьем в глаз, значит — копьем в глаз. Улавливаешь ассоциацию?

— Все еще не совсем,— признался Коршунов.

— А я вот понемногу начал разбираться,— сказал Черепанов.

— Ну и?..

— Я это, понимаешь, допер, когда сегодня с Травстилой толковал. Который поначалу не знал, как со мной разговаривать... Как бы это сказать... В общем, статуса моего не знал. И ему это мешало. Хотя ему как раз намного меньше, чем прочим. А потом архиепископ местный ему пару слов сказал — и все на места встало. У меня знакомый был, опер. В серьезных чинах, но с юмором. Так он развлекаться любил. Зайдет в какой-нибудь отдел, где его не знают, сядет в уголке и сидит, присматривается. К нему, естественно, тоже присматриваются: что за мужик? А он внешне неприметный. Росту среднего, лицо обычное... Типичное даже. Так вот, к нему сначала присматриваются, потом беспокоиться начинают: непонятный мужик. Поведение нехарактерное. Кончалось обычно тем, что кто-нибудь поактивней

все же интересовался насчет документов... Ну это уже отдельная история. Суть не в том. Суть в том, что, когда мой знакомый в конце концов удостоверение предъявлял, где четко написано: кто, что, должность, звание,— сразу все успокаивались. Вот и мы отчасти, как тот опер. И статус наш неясен был. До сих пор. А потом пришел специалист, изучил наши документы и верительные грамоты... Уж как он это сделал, не знаю, но, должно быть, есть у них свои методики богов от прочих отличать. В общем, Овида этот нас идентифицировал и выдал соответствующую информацию остальным согражданам. То есть тому же Травстиле сказал пару слов, пальцами что-то показал — и все прояснилось. И Травстиле сразу стало проще со мной общаться, а мне, соответственно, с ним. И с тобой вышло точно так же. Поглядел, оценил, выдал резюме: не дракон это, братцы, а нормальный травоядный динозавр. В хозяйстве пригодится. И все. Нет конфликта. Как, логично?

— Более-менее. Особенно мне насчет девственниц понравилось.

Оба расхохотались, очень довольные друг другом. Жизнь была прекрасна и удивительна. А впереди ждало много разнообразных сюрпризов. Сюрпризов. Разнообразных. М-да...

Глава тридцать шестая

Книва. Пир у Хундилы

Алафрида — дура. Коза наша и то умнее. В роду Хундилы все такие. Кроме Ханалы. Но Ханала тоже от старости из ума выжил. Поверить, что Геннах, сам Геннах, который в кузне у огня сидел да не только с Травстилой — с самим Овидой-жрецом умные речи вел, чтоб сам Каумантиир Геннах — в квеманского болотного духа перекинулся! Даже глупой козе известно, как болотные духи огня боятся. Хороши, одним словом. Прибежала дурная девка, завопила — они и поверили. Всполошились, кинулись — как на рать. Немудрено, что разгневался Аласейа. Огнем и дымом ярость свою явил. Да так, что перепугал всех мало не до смерти. Поняли: сейчас разметает-разорвет всех Аласейа. И разорвал бы, да Овида вовремя подоспел. Закричал

по-особому, тем голосом, которым к богам обращается. Не внял Аласейа, потому что не бог он, а великий герой. Но ярость поумерил. И умалился гнев Аласейи, потому что и богов умеет смирять Овида, и зверей диких. Вот и с героями небесными Овида — в равных. А Аласейа, небесный герой, Книве теперь — родич. И Сигисбарну. Сигисбарн уже сказал Фретиле-отцу: когда поедет небесный герой Аласейа к Одохару в бург — славы искать, Сигисбарн тоже поедет. Негоже родичу небесного героя в земле ковыряться.

Отец Сигисбарна обругал. А зря. Может, теперь и вовсе на земле работать не надо будет. Аласейа Рагнасвинте рассказывал: повинуются ему духи земные, водные и небесные. Квеманский болотный дух, что лихорадкой людей губит, у Аласейи на посылках. А скучно становится Аласейе — он духа бить начинает и тем от скуки спасается. Вот у Травстилы в кузне огненные духи трудятся: металлу крепость дают. Почему бы Аласейе земным духам не дать повеление, чтоб землю рыхлили?

«Хэй, Аласейа! — говорит Книва.— Подожди пить! Скажи, велишь ли духам земным землю рыхлить или зазорно тебе такое?»

Улыбается Аласейа. Книва ему говорит, а он не слушает. Пиво пьет. Чашей о чашу Овиды стучит. Должно, у них на небе обычай такой: на пиру грохоту щитов подражать. Эх, какой теперь родич у Книвы! Довольно только поглядеть, как он пиво пьет. Сигисбарн... Да что Сигисбарн, сам старший брат Книвы Агилмунд, что у Одохара в любимых десятниках ходит,— и половины того пива не выпьет, что Аласейа в нутро пенным потоком льет. Четверть выпьет — и упадет. А Аласейа только смеется и чашей о чашу Овиды стучит. А Геннах меньше пьет. И утреннего дара Алафриде не дал Каумантиир Геннах. Но роду Хундилы в том обиды нет. С этим и сам Хундила согласен. Кто таков Хундила? А Геннах Каумантиир — ого-го!

Но Аласейа пиво пьет лучше Геннаха. И от гнева его земля горит и дымом исходит. Книва толкает нового родича:

— Слушай, Аласейа, а ты не можешь опять в гнев прийти? Чтоб гром гремел и дым из земли шел? Страсть как я грохот люблю, Аласейа! И когда огонь из земли, и дым!

Улыбается Аласейа. Не хочет ярость будить. Хорошо ему. А Книве вдруг плохо стало. Желудок к горлу подскочил. И Книва тоже подскочил, выбежал из избы — и сразу пополам согнулся.

Полегчало немного. Выпрямился Книва. Услышал рядом похожие звуки. Кого-то тоже выворачивало.

Шевельнулась шкура у входа. Овида появился. Сошел степенно к плетню, шнурок развязал, помочился. Постоял немного. Потом обратно пошел. После Овиды Геннах вышел. Вместе с Алафридой. Алафрида теперь — его тиви. Так вокруг и вьется. Геннах за ворота вышел — струю пустил. И Алафрида рядом присела, пожурчала. И тут же на Геннахе повисла, к берегу его потянула, где за кустами полянка с мягкой травой. Книве любопытно стало: как у небесных героев это дело происходит? Что они такое делают, что даже зловредная Рагнасвинта мягкой да пушистой сделалась, словно беличья шкурка.

Не утерпел Книва, прокрался тихонечко, за кустами присел. Ничего не видать, зато слышно все. Слышно, как Геннах зачем-то всю одежду снял. И с Алафриды тоже. Потом пошуршали немного — и Алафрида кричать начала. Сначала тихонько, потом громче, громче...

Мать Книвы тоже, бывает, кричит, когда отец с ней возляжет. И Вутерих говорил: жена его брата, Герменгельда, шибко кричит. Но Вутерих и соврать может. Он Сигисбарну хвастался, что и сам с женой брата баловался. Только вранье это. Герменгельд за такое Вутериху бы все мужество оторвал.

А Алафрида все кричала и кричала. Потом заохала и засмеялась, счастливая. И принялась рассказывать Геннаху, как ей хорошо было. А Геннах ей что-то по-своему говорил ласково. А потом они опять говорить перестали. И снова кричала и стонала Алафрида, словно выпь болотная. И скучно стало Книве это слушать. И завидно немного. И подумал Книва, что, когда мужское посвящение примет, непременно попросит Аласейю его, Книву, небесным забавам научить.

Глава тридцать седьмая

Алексей Коршунов. Звезды и огни

Посреди ночи Алексей проснулся. Хотелось пить. Вокруг была темнота. Насыщенная, плотная. Воняло шкурами. Чесалась искусанная блохами кожа.

Да, для этого стоило жить. Вгрызаться в науку. Защищать диссертацию. Оказаться отобранным среди множества претендентов. Пройти безумно трудную подготовку. Полететь в космос. Зачем? Чтобы проснуться в дымной темной избе в компании блох?

Сон пропал. Коршунов лежал, думал.

Из головы не шла проклятая римская монета. «Клавдий-Кесарь-Август-Император-шестой». Где же мы, черт возьми? Где, черт возьми, то Приднепровье, которое тут было? Или будет? Рим — есть. Бизоны — есть. И Китайская стена... Немецкие, английские, русские слова в речи аборигенов. «Байкер» Овида. Невозможно низкий радиационный фон, будь он неладен... И эти чертовы радиосигналы... В мире, в котором электричества в принципе быть не может. И в который эта самая монета отлично укладывается...

«А что ты хотел? — сказал себе Алексей.— Серебряный доллар обнаружить? Или царский червонец?»

Да, именно так. Именно этого он и хотел. Вот если бы в дикарском монисте обнаружился доллар или червонец, все бы встало на свои места. На те места, на которые желало бы поставить факты коршуновское бессознательное. Есть в мире заповедные уголки, куда не проникла настоящая цивилизация, конечно, есть. (Заповедный уголок — в Приднепровье? Гм...) Но *присутствие* цивилизации, наличие хоть какой-нибудь Великой державы должно ощущаться. В виде жестянки из-под пива. В виде серебряного доллара. Присутствие Великой державы в дикарском поселке, затерянном в джунглях Амазонки. Рано или поздно оно должно было проявиться: коршуновское нутро чувствовало это. И ждало. И проявилось. Присутствие. Великой державы. Только не *той*. А бессознательное все цепляется, генерирует ощущение того, что все подстроено. Что вокруг декорации, не более. Ткни посильнее — и они рассыплются. А тут — объективная и вполне ожидаемая реальность. Но не та, которую хочется принять.

Очень знакомое состояние, черт подери! Помнится, был у Алексея приятель, коллега по работе. Жена у приятеля ушла. И до этого жили вроде нормально. А тут собрала вещички — и ушла. К какому-то бухгалтеру. И приятель, тоже физик с конкретным логическим мышлением, все никак этого в толк взять не мог. Рассказывал: «Вечером прихожу домой, дверь открываю —

и удивляюсь, почему ее нет. В постели лежу, руку протягиваю... Ее нет. Все понимаю: знаю, что ушла, знаю к кому... А *осознать* не могу!» И так его это мучило... Не принимала душа голых фактов. Все логично, все понятно... Умом. А все равно не верилось. Вот так, должно быть, «крыша» и съезжает. Не когда факты в концепцию не укладываются, а когда факты как раз *укладываются*, а вот сама концепция — нет.

Алексея в детстве картинка одна очень занимала. Средневековая гравюра. «Монах, дошедший до края света» называлась. Там монах был изображен. Стоит на четвереньках, перед ним небо со звездами. А в небе дыра продрана, как в ткани. И монах в ту дыру смотрит. И видит механику мира. Круги светил, эпициклы Птолемеевы. Как в часах. А за спиной монаха Божий мир: реки, города.

Алексей тогда голову ломал, представить себе пытался, что этот монах чувствует. И как дальше жить будет? С тем, что увидел...

Еще он думал: вот наступит двухтысячный год: роботы, звездолеты фотонные и все прочее.

А мог ли он помыслить, что будет вот так вот в грязной избе валяться? И испытывать то, что тот монах с гравюры испытывать был должен, заглядывая в дырку в полотне мироздания...

Алексей понял, что уснуть ему точно не удастся, сел на лавке. Вот те на! А командира-то нет. Небось с Алафридой своей миловаться отправился.

А что? Это идея. Нет лучшего средства, чтобы примириться с действительностью, чем женщина. Обнаженная и желанная. Твоя.

Коршунов быстренько натянул штаны, обулся.

Со стороны поселка доносился приглушенный собачий брех.

«Надо будет палку взять»,— подумал Алексей.

Со здешними хундсами у него складывались сложные отношения. Если без дубья. С дубьем же — просто замечательные. Дружба навеки. А вот к Черепанову, хоть с дубьем, хоть без хундсы неизменно почтение проявляли. Было что-то такое в Генке, от чего даже здешние хундсы застенчивыми становились...

Командир никуда не ушел. Стоял возле плетня. Алексей подошел к нему, встал рядом.

— Тихо,— сказал Геннадий.— Как тут тихо.

Словно в ответ ему в одном из дворов снова залаяла собака. Тотчас ей с готовностью ответила еще одна. И с подворья Хундилы послышался лай.

— Чего это они? — спросил Алексей.

— Перекличку ведут,— хмыкнул командир.

Коршунов поглядел на небо. То самое, с которого они пришли. В городе звезды почти не видны. Загазованность мешает плюс освещение. А тут — пожалуйста. Небо над тобой, звезды и тишина вокруг.

И вдруг...

У Коршунова даже дыхание перехватило. Схватил Черепанова за плечо:

— Генка, гляди! Вон там!

По небу, беззвучно пересекая созвездия, двигался огонек. Для метеора слишком медленно. И не гас...

Внутри все сжалось...

— Генка! Самолет!

Черепанов посмотрел. И сказал тихо так, мягко:

— Нет, Алеша, это не самолет. Это наш с тобой «Союз». Вошел в плотные слои. Ему как раз самое время. Вот ведь повезло увидеть...

Они стояли и смотрели на огненную смерть того, что связывало их с ТЕМ миром. ИХ корабль.

Огонек пересек небосклон и скрылся за горизонтом. Навсегда.

Глава тридцать восьмая

Алексей Коршунов. Набег

— Ты не дергайся, Леха. Все идет как надо,— сказал Черепанов.— Вникай. Исследуй. Адаптируйся. Человек, он везде выжить может. А мы с тобой — тем более. Помнишь, о чем вчера говорили? Последовательно. Без торопливости. Врастаем в общество. Обзаводимся связями и навыками. Завоевываем авторитет. Сначала — здесь, потом — на следующем уровне. И так далее. Принимаем реальность как она есть. Это главное. Не

пинать реку, а выбрать ту струю, которая понесет нас в нужном направлении. Не обязательно к тому источнику сигналов. Это — дальняя цель. Сначала следует поразить те, что ближе. Поэтапно. Действовать, только когда все продумано и просчитано. Ты же физик, Леха, ты понимаешь. Эксперимент не ставят наобум.

— Вообще-то, по-всякому бывает...

— Нет. Если риск велик, то без методики ничего у тебя не выйдет. Чтобы наобум и в точку, надо опыт иметь и рефлексы.

— Но бывают ситуации... Вроде той, когда твоя Алафрида на Буратино наткнулась.

— Типичный случай непонимания,— кивнул Черепанов.

— Угу. Как бы, интересно, ты сам себя вел, подполковник, когда тебе в брюхо копье вогнать норовят? — осведомился Алексей.

— Остро бы реагировал. Активно. На явную агрессию только так и следует реагировать, Леха. Еще большей агрессией. Опережающей. Сокрушительной. Ты, вообще-то, неплохо действовал, но вяло.

— Ничего себе вяло! — возмутился Коршунов.

— Вяло, вяло! Следовало не одну гранату кидать, а две, три. И термитную шашку. И нападать сразу, пока не опомнились. Они же тебя и так боялись, Леха...

— Что-то я не заметил...

— Боялись-боялись, иначе не напали бы. А ты должен был их страх на другой уровень перевести, в панику превратить. Это не спортивный зал, Леха. Это — жизнь. Причем твоя. Тут воздействие не дозируют, броски не страхуют, а кидают так, чтобы сразу всей спиной — о землю. А еще лучше — на камень, чтоб хребет хрустнул.

— Не привык я так,— произнес Коршунов.— Чтобы хребет. Нос сломать или ребро — другое дело. А так...

— Только так, Леха. Иначе — пропадешь. В тот раз тебя Овида выручил, в следующий, может, некому будет выручать. Ничего, не расстраивайся.— Командир хлопнул Алексея по спине.— Надо будет — привыкнешь. Считай, что это часть твоей адаптации к местным условиям. Тем более если мы в полководцы метим. Ты меня слушай, Леха, и на ус мотай. Я ведь тебя не кристаллографии учу, в которой ты лучше меня разбира-

ешься, а тому, что на собственной шкуре прочувствовал. Так что — слушай и запоминай. Пригодится.

— Да слушаю я, слушаю,— проворчал Коршунов, даже не подозревая, что пройдет не так уж много времени — и он будет по крупицам извлекать из памяти все, что успел ему наговорить командир за эти шесть дней.— Ты, Генка, мне лучше расскажи, о чем вы с Травстилой сегодня толковали?

— О! Травстила! — О кузнеце Геннадий мог говорить долго.— Толковали мы, брат, о том, что...— Внезапно он оборвал речь на полуслове.

Потому что собачий лай, тот, что доносился с ближайшего двора, вдруг так же резко оборвался визгом и скулежом.

Про общество охраны животных тут слыхом не слыхивали. Пинок или палка — основные средства общения. Надо признать, что здоровенные псы этот «язык жестов» понимали безукоризненно.

Теперь зашлись яростным лаем сразу несколько псов. На берегу, что ли?

— Это там.— Командир показал рукой туда, где в просвете между кустами виден был участок реки.— Что-то они разволновались.

В свете луны видно было, как по реке движутся какие-то пятна.

— Кто это, интересно?

— Не разобрать отсюда. Вроде уток. Нет, побольше будут. Птицы какие-то водоплавающие.

— Может, бобры?

Командир поглядел на Алексея, как на слабоумного:

— Ты бобров-то когда-нибудь видел?

— Только в зоопарке. А ты что, видел?

— Доводилось. В таких местах они не живут.

— Все равно охота тут знатная,— заметил Алексей.— Дичь прямо перед домом дефилирует. Ладно, хрен с ними.

Темные пятна на реке исчезли из поля зрения.

— Пошли в дом,— поежился Алексей.— Холодно что-то.

— Погоди,— незнакомым, неприятным голосом проговорил Черепанов.

С того двора, где взвизгнула собака, вдруг донесся яростный вопль, почти рев. И в тон ему низко и утробно завизжала женщина. Это там, где мы секирой одалживались, сообразил Алексей.

— Генка...

— Молчи! — Пальцы Черепанова впились в Лехино плечо.

— Да ладно тебе. Семейные разборки...

— Не думаю.

Алексей кожей ощутил напряжение, исходящее от командира.

Еще крик. На этот раз с другого двора. И вой, послышавшийся сразу из многих мест.

— Ч-черт! Марш туда! — Командир толкнул Коршунова к навесу и кинулся в избу.

— Ты куда? — крикнул Геннадий, и тут до него доперло.

Он мотнулся к навесу, затаился. Из избы раздался грохот. Черепанов своротил что-то в темноте. Вот он выскочил, упал на землю рядом с Алексеем. Сунул ему в руку тесак.

Вой встал над селом. Яростные крики мужчин, пронзительные вопли женщин...

— Генка! — Алексей дернулся: бежать, помочь...

— Лежать,— просипел Черепанов, прижимая его к земле.

Посреди двора вдруг возник черный силуэт. Без лица. Нет, с лицом. Черным.

Черный замер на миг, перед входом избу, прислушиваясь. Потом вдруг издал короткий, горловой вой и тут же метнулся в сторону, замер сбоку от входа. Отвел руку, изготовившись для удара.

«Вот пес! — подумал Коршунов.— Думает, сейчас выскочат и...»

И сработало бы. Он, Алексей, точно выскочил бы...

Тут он обнаружил, что командира рядом нет. И сразу за спиной изготовившегося убийцы поднялась широкая тень.

Противный хрустящий звук. Чужой осел на землю, командир перехватил копье... Вовремя. За плетнем послышался топот, мелькнул огонь, и во двор ворвалась целая толпа. По крайней мере так поначалу показалось Алексею. Все — чужие, черные с ног до головы, с оружием.

Один с ходу швырнул факел на крышу сарая.

Остальные кучей кинулись на Черепанова. Алексей вскочил, бросился на помощь, но перед ним вырос из темноты еще один, двигавшийся быстро и упруго, как кошка. Удар был стремительным. И почти точным. Копье пропороло рукав, оцарапав руку. Алексей махнул тесаком — черный отпрыгнул,

не подпуская к ближнему бою, сразу ударил снова, целя в живот. Коршунов успел перехватить копье за древко, рванул на себя. Черный не догадался или не успел выпустить оружие. Тесак, хрупнув, вошел ему в череп. Алексею показалось: рукоять сама рванулась из пальцев, но он удержал. Лезвие выскочило из раны, и черный повалился Коршунову под ноги.

Раньше Леха никогда никого не убивал. Но сейчас не почувствовал ровно ничего. Не до того было. Коршунов быстро развернулся: как там командир?

В отблеске пожара — солома на крыше сарая уже занялась — увидел. На Генку, мешая друг другу, наседали сразу четверо, черные с ног до головы, в сполохах пламени — как черти в аду. Они бьют и колют, а Черепанов уворачивается (без копья, копье куда-то подевалось) и приседает, уходя от ударов и пытаясь выстроить противников в линию.

Алексей в три прыжка подскочил к дерущимся, с ходу всадил копье в чью-то спину. Попал во что-то твердое: противника швырнуло вперед, копье застряло. Другой чужак ударил Алексея сбоку, тупым концом копья — прямо в печенку. У Коршунова от боли пресеклось дыхание, он выпустил трофейное копье, но устоял, даже отмахнулся тесаком: попал куда-то. Чужак завизжал, как свинья, и пропал, а на его месте возник другой, с секирой. Морда — как негатив: сама — черная, а волосы и бородища — белые. Двумя руками вскинул секиру над головой... Алексей на рефлексе влепил ему, с носка, туда, откуда ноги растут. «Негатив» уронил секиру, взвыл. Коршунов наискось полоснул его тесаком по черной шее — кровь брызнула, как из порезанного шланга.

— Леха! Сзади! — хлестнул крик Черепанова.

Коршунов развернулся и увидел, что на него летит здоровенный детина в рогатом шлеме со щитом в одной руке и мечом — в другой.

Алексей еле успел уклониться от падающего клинка... Удар щита отшвырнул Коршунова в сторону, детина с ходу налетел на командира, но Черепанов как-то успел нырнуть вниз, под самый край поднятого щита... В следующее мгновение здоровяк оторвался от земли, перевернулся в воздухе и с маху воткнулся головой в землю. Что-то хрустнуло: может, рог на шлеме, но скорее всего — шея чужака.

Коршунов вскочил на ноги... Но драться больше было не с кем. По двору были разбросаны тела. Некоторые — еще живы.

Но самое удивительное, что живы были они с Генкой. Скулу саднило. Алексей потрогал: кровь. Это — здоровый. Щитом.

У командира рубаха вспорота в десяти местах, окровавлена, но не похоже, чтобы кровь была его.

Черепанов наклонился, мазнул пальцем по черной физиономии одного из убитых.

— Так я и думал,— сказал он удовлетворенно.— Краска.

— Ни хрена себе! — пробормотал Коршунов, оглядывая поле боя.— Где это ты так навострился, командир? Ты же летчик, а не коммандос!

— Всякое бывало,— уклончиво ответил Геннадий.— Ты как, не задели?

— Морду поцарапали...— Голос Алексея дрогнул.

Черепанов, выкручивающий меч из пальцев здоровяка — тот и мертвый оружие отдавать не хотел,— повернулся к Коршунову. Лицо у командира, в потеках крови, грязи, в отсветах пламени выглядело жутковато.

— Сам в норме, блевать не тянет? — медленно проговорил Черепанов.

— Да вроде нет,— пробормотал Коршунов, только-только начиная понимать, что изуродованные трупы вокруг — не кино и не муляж, а отчасти и его рук дело.

— Тогда марш в дом и вытащи наше барахло! — яростно рявкнул подполковник, и Алексей сорвался с места и кинулся в дом. Перекинется огонь с сарая — все сгорит, блин, к нехорошей матери. Когда он, выкинув последний тюк, кашляя от дыма, выбрался наружу, Черепанов бросил ему тяжелую куртень с железными нашивками, которую содрал со здоровяка. Скомандовал: — Надевай, живо!

— А ты?

— Надевай, мать твою! — и собственноручно натянул на голову Лехи сначала войлочный колпак, потом рогатый шлем. Коршунов даже успел удивиться: рога были настоящие, бычьи, но совсем легкие.

Над поселком стояло зарево. И маленькие огоньки прыгали у холма, где было деревянное укрепление.

— Село горит,— пробормотал Коршунов. На него вдруг накатила слабость и ощущение полной нереальности происходящего.

— На, жри! — Командир бесцеремонно запихнул в рот Алексею капсулу стимулятора.

Коршунов машинально проглотил, отметил, что пальцы Черепанова — в крови и грязи. Без всякой брезгливости отметил.

— Держи! — В руке Алексея оказался боевой топор на длинной рукояти, в другой — круглый щит с удобной скобой посередине.

Сам Черепанов вооружился копьем и мечом.

Сарай уже пылал по-настоящему. Шибало жаром.

— Вперед! — скомандовал Геннадий, и они побежали к поселку.

Глава тридцать девятая

Алексей Коршунов. Ночная битва

Шлем сполз на затылок. Навешанное на Алексея оружие звенело и бряцало, и весило все это барахло побольше, чем стандартная «полная выкладка», но бежать было легко: подействовал стимулятор.

Ближайший дом пылал, как копна сена, озаряя обширный двор. Живых тут не было — только мертвые.

Из хлева доносилось отчаянное мычание. Его стены уже начали дымиться.

— За мной, не останавливайся! — крикнул командир, и они побежали дальше.

Геннадий перепрыгнул через что-то, Алексей запнулся. Поперек дороги ничком лежала женщина. На какой-то миг пробило: Рагнасвинта!

Нет, не она, другая. Рубаха убитой светлела в темноте. Чуть поодаль белело еще одно пятно: ребенок.

— Ар-р-ха! — страшным голосом зарычал кто-то неподалеку.

Коршунов вскинул голову и увидел, что командира уже не видно впереди. Но звать или искать Черепанова не стал. Рванул вперед и минутой позже, перепрыгнув через опрокинутый плетень, влетел во двор Фретилы.

Во дворе было светло как днем. Но дом, слава Богу, стоял. Горел соседний — Вутериха с Герменгельдом.

Дом Фретилы стоял, и Рагнасвинта почти наверняка была внутри. Квеманы же, четверо,— снаружи. А у дверного проема плечо к плечу орудовали копьями сам хозяин и Сигисбарн.

Квеманы наседали. Орали, грохотали оружием. По двору носились ополоумевшие куры.

Коршунов быстро огляделся: не появился ли Генка? Командира не было. Может, свою Алафриду спасать побежал?

Ах ты...

Алексей увидел еще двоих чужаков. Один подставил спину, второй карабкался наверх, на крышу Фретиловой избы.

Внезапно в голове Алексея все как-то установилось и опустело. Это было знакомое чувство, сходное с тем, какое испытывает актер, когда поднимается занавес. Когда предстартовый мандраж куда-то уходит и остается только играть свою роль.

В несколько длинных прыжков Коршунов преодолел двор и с ходу рубанул верхом лезвия по толстой шее ближайшего чужака. С оттягом, будто сук отсекал. И на том же махе, петлей, снизу — по правой руке другого, наискось — и с каким-то кровожадным интересом увидел, как кисть руки с зажатым в ней древком отделилась от предплечья, в то время как рука, плечо, туловище чужака продолжали двигаться, нанося «удар».

Движение справа: Коршунов развернулся, увидел красный промельк железа сбоку, черную выпуклость щита прямо перед собой — и изо всех сил влепил подошвой прямо в щит. Узкий лист копейного наконечника дернулся и поразил лишь воздух, а сам копейщик отлетел назад, споткнулся... И захрипел, когда другое копье воткнулось ему в бок.

Сигисбарн мощным рывком выдернул оружие, выдохнул:

— О-о! Аласейа!

Коршунов увидел боковым зрением вынырнувшего из дверного проема Книву, замахивающегося копьем... на него?!

Копье, как чудовищный шмель, прогудело в дециметре от локтя Алексея. Глухой удар — Коршунов развернулся на сто восемьдесят — за его спиной сгибался пополам еще один чужак. Черная морда, вытаращенные белки, всклокоченная борода.

Чужак уронил топор, вцепился двумя руками в древко, разинул рот, выблевал на сапоги поток крови и повалился на бок.

Взгляд Коршунова заметался по сторонам в поисках новых врагов... И увидел, как двое чужаков удирают через плетень. Рядом возник Сигисбарн. С другой стороны — Фретила, дышащий надрывно, со всхлипом, как астматик. И Книва. Сосредоточенный, без всегдашней белозубой улыбки.

В дверном проеме (завеса из шкур висела клочьями) выглянула перепуганная мордочка: Рагнасвинта!

Увидела, рванулась к Алексею, но кто-то из своих сцапал ее и втянул обратно в дом.

— Квеман! — отрывисто, злобно, будто сплюнув, бросил Фретила.— Аласейа! Иди убивай квеман!

Коршунов понял. Трудно не понять.

В поселке горела половина домов. Вокруг холма, где стоял тын, мелькали огни. Видно, кто-то успел затвориться за стенами.

Горло першило от дыма.

— Аласейа! — полувластно-полужалобно выкрикнул Фретила.— Иди убивай квеман!

Коршунов быстро взглянул на него, показал знаком: ты остаешься. И бросился со двора.

Он мчался по улочке. Слева и справа от него, мягко, по-волчьи, бежали Книва и Сигисбарн. Мимо горящего дома Герменгельда (сам Герменгельд, с пропоротым животом, умирал в двадцати шагах от пожарища), мимо еще одного горящего дома, мимо поваленного плетня...

Нет, не мимо! Из дверного проема выскочил мужик с черной мордой — квеман!

Выскочил, замер на миг... Книва, хакнув, метнул копье. Квеман присел — и копье, пройдя над его головой, воткнулось в бревенчатую стену. Оно еще дрожало, когда Сигисбарн, набежав, ударил врага щитом, опрокинув на землю, и тут же добил коротким колющим ударом сверху.

Из черного дверного проема, как чертик из шкатулки, выпрыгнул еще один квеман, в прыжке ловко метнул копье... Алексей успел выбросить вверх руку со щитом — руку тут же отбросило назад. Железное жало с треском прошибло щит, высунувшись на добрую пядь. Коршунов бросил отяжелевший щит, увидел, как квеман, как-то ухитрившийся сбить с ног Книву, замахивается топором, одновременно отшибая в сторону копье Сигисбарна...

Не думая, Алексей метнул секиру, целя квеману в живот. Секира ударила не острием, а обухом, и не в живот, а в пах. Квеман дико завизжал. Книва вскочил на ноги, ухватил квемана за бороду и полоснул ножом. Вопль тут же перешел в бульканье...

Книва выдернул свое копье из стены. Алексей подхватил с земли новый щит, свой топор, махнул рукой: дальше!

И они помчались дальше. И Коршунов вел их и ощущал, как внутри вскипает яростный восторг. Будто он и впрямь «герой, пришедший с неба», ангел мщения.

Еще одно подворье.

Здесь дрались. Гулко бухало железо, истошно ржала лошадь в горящей конюшне...

Втроем они с тыла обрушились на врагов. Секунд десять, не больше,— и еще четверо мертвяков с перепачканными черным рожами.

А их уже пятеро. Двое старых знакомцев из тех, что чуть не вздели Коршунова на копья во время недоразумения с Буратино.

Дальше, дальше...

Двое черномордых волокут из сарая визжащую девчонку. Увидели. Бросили девку, схватились за топоры...

Коршунов прыгнул первым, сблокировал руку с топором, ширнул копьем в брюхо.

Получи, фашист, гранату!

Второго прикончили мигом позже.

Следующий двор. Аж трое. Один, с копьем, теснит к стене мужика с ножиком, а двое других уже разложили на земле женщину.

Ну все! Брошенное копье с хрустом пробивает грудь. Второй квеман подскакивает, но путается в спущенных штанах. Третий поворачивает голову — и мужик успевает ухватиться за древко копья. Рывок — и квеман летит на землю.

Сигисбарн наступает на спину запутавшегося в штанах, хищно оскалившись, дробит обухом топора его локти, колени. Квеман страшно кричит. Женщина перекатывается на живот, встает на четвереньки, полуголая; одежда на ней изодрана в клочья. Сигисбарн вынимает нож и бросает женщине, кивает на орущего квемана: он твой.

Их уже шестеро. Они бегут от двора к двору. Мимо пожаров, мимо трупов. Они проходят поселок насквозь. Подворье Хундилы горит, и живых там уже не осталось. Их уже больше десятка. Но Черепанова нет.

А на холме идет бой.

Коршунов делает знак: тише. Теперь они двигаются очень быстро и почти бесшумно. Даже амуниция на Коршунове почему-то больше не гремит.

Вот он, холм. Вокруг — целая прорва квеманов: в темноте не посчитать сколько. В тын наверху воткнуто несколько факелов. Враги теснятся у входа. Там, где стены образуют щель. Внутри — рубка. Кто-то закидывает на стену аркан, пытается влезть, но соскальзывает.

Коршунов проводит рукой по отнятому у квемана щиту, потом по лицу. Теперь он почти такой же черный, как квеман. Показывает: делай, как я.

Его небольшой отряд повинуется. Теперь — вперед.

Они поднимаются к стенам. На них не обращают внимания: взгляды врагов сосредоточены на маленькой крепости.

Коршунов видит, кто стоит в проходе, не пуская квеманов внутрь. Травстила. Алексей испытывает мгновенное разочарование: он почему-то надеялся, что это Геннадий.

Травстила — в настоящей броне (еще бы — кузнец!). У него — щит и длинный меч. Квеманы топчутся у щели. Никому не хочется лезть первым. Вот один сунулся... Кузнец ударил сверху. Без всякой хитрости, раз — и все. Щит треснул, кожаный шлем развалился. И череп. Травстила пихнул смельчака, тот упал, а кузнец — вот он, по-прежнему стоит меж двух бревенчатых стен. Живые ворота...

Тут Алексей перестал глазеть на Травстилу, потому что увидел вражеского вождя. На нем был рогатый шлем, вроде того, какой достался Коршунову. Но опознал его Алексей не по шлему, а по тому, что этот квеман явно распоряжался остальными. По его команде часть нападающих рассредоточилась, некоторые обогнули крепость...

Неглупая идея: напасть всем сразу с разных сторон.

«Убей вождя!» — посоветовал провокатор — внутренний голос.

Предложение Коршунову пришлось по вкусу. За последние четверть часа он обнаглел и почувствовал себя крутым воином.

— Сигисбарн! Вместе! Вперед! — выдал он, напрягши свои познания в местном языке.

Сын Фретилы кивнул, осклабился. Мужества им не занимать.

— Ур-ра! — заревел Коршунов, и вся его кодла бросилась на квеманов, которых, как с некоторым запозданием сообразил Алексей, минимум раз в пять больше.

Тут их заметили. Но замешкались. Видно, сбил с толку коршуновский прикид, содранный с громилы, которому Черепанов шею сломал.

Дюжина с Коршуновым во главе ударила единым кулаком, но до вождя не достала. Квеманов было слишком много. Кулак увяз.

Тут бы им и конец, если бы не свои в крепости.

Алексей, яростно работающий оружием, краем глаза успел засечь выход Травстилы.

Кузнец покинул свой пост и словно маленький танк вломился в толпу черномордых. При известном навыке это было нетрудно, поскольку перед ним была именно толпа, а не строй. Квеманы дрались все вместе, но — поодиночке.

Следом за Травстилой из крепости повалили другие. Началась мясорубка. Причем — почти в полной темноте, потому что один из факелов упал, а второй практически догорел.

Коршунова прижали к стене. Но не одного. Справа от него по-прежнему дрался Сигисбарн, а слева — Книва. Это было страшное дело: биться в темноте неизвестно с кем, почти не видя врага — только мелькающие тени. Алексею крепко перепало (и не один раз), но выручал шлем и трофейная железная рубаха.

А потом все кончилось.

Квеманы бежали.

Наверное, решили, что с них хватит. Удрали как-то все разом: попрыгали в реку — и исчезли во мраке на том берегу.

Под радостные вопли победителей, под женский плач, под стоны раненых, в отблесках пожаров, Алексей метался по поселку. Он искал Геннадия. Искал и не мог найти. Кто-то его видел... Или не его. Разве в этой кутерьме разберешь?

— Аласейа! — Книва ухватил Коршунова за рукав.

Рядом с Книвой стоял Вутерих. В грязных отрепьях, на голове — еще более грязная повязка, волосы склеились от засохшей крови.

— Геннах! — Здоровой рукой Вутерих махнул в сторону реки.

— Не может быть! — Коршунов растерялся. Он как-то сразу поверил Вутериху, но не мог понять, для чего командиру понадобилось преследовать квеманов.

— Для чего... ты знаешь...— медленно подбирая местные слова, попытался составить вопрос Алексей.

И вдруг он услышал.

Это было далеко. За рекой. Может, километрах в пяти-шести. Отдаленный сухой звук выстрела. Очень характерный, не спутаешь. И еще один. И еще... И все. Тишина.

Алексей рванулся к берегу... И остановился. Это было бессмысленно. Одному в темноте...

Книва опять тронул его за рукав, произнес:

— Геннах? Да? Там?

Коршунов кивнул.

Вутерих сказал что-то, Алексей не понял. Книва показал жестами: мол, не беспокойся: Геннах — великий герой. Вутерих видел. Не одолеют квеманы Геннаха. Утром вернется Геннах. И мешок отрезанных голов принесет.

— Дай-то Бог...— пробормотал Алексей.

Утром Черепанов не вернулся. Зато выяснилось, что квеманы бежали не с пустыми руками: прихватили с собой с полдюжины пленников. Вернее, пленниц. Тогда, в темноте, никто из местных этого не заметил. Но, вероятно, заметил Черепанов. Иначе зачем бы его понесло на тот берег?

Алексею хотелось сесть на землю и завыть от тоски. Но он не мог. Он был герой. Об этом говорили в селе все, кто видел, как он дрался. И те, кто не видел, тоже говорили. Он был — герой. Герои не воют, герои сражаются. Коршунову очень хотелось собрать выживших и двинуться на тот берег. Но он не был уверен, что ему не откажут. Слишком мало осталось в селе способных держать оружие. Уведи он их — и некому будет защитить оставшихся, тех, кто держать оружие не способен.

Коршунов включился в общую работу: помогал раненым, гасил пожары, перетаскивал мертвых... Сознание как будто отключилось от чувств. Анализировало происходящее. Прикидывало будущее.

Очевидно, что Геннадия надо искать. Но одному идти нельзя. А вдвоем?

«Книву проводником возьму,— подумал Коршунов.— Он — местный, охотник...»

Это тоже была авантюра. Даже не авантюра, а глупость. Но лучше застрелиться, чем сидеть сложа руки. Эх, Генка! Утаил от друга, что пистолет имеется. Хотя Алексей мог бы и сам сообразить. Командиру оружие по штату положено. Просто выле-

тело из головы. Нет, все равно утаил. И в ход пустил, когда уже совсем приперло...

«Эх, Генка, Генка... Что ж мне теперь делать? Живой ли ты?»

Живой, тут и думать нечего. Просто встать и идти. И сделать что можно. А Книву с собой лучше не брать. Слишком рискованно, а он ведь пацан еще: лет пятнадцать, не больше. Мальчишка, хотя и бьется отчаянно.

«Сам пойду,— решил Коршунов.— Вот закончим здесь, соберу, что нужно, и пойду. Один».

Но вышло иначе. Незадолго до полудня, часа через три после восхода, в село пришел Одохар. Военный вождь из бурга. С дружиной.

Часть вторая

БУРГ

Глава первая

Алексей Коршунов. Рикс Одохар

Мертвых квеманов складывали отдельно. Потом трупы должны были отвезти поближе к болоту и зарыть. Алексей таскал чужих покойников на пару с Травстилой. Львиную долю работы выполнял кузнец. Вот двужильный мужик. Ведь тоже ночь не спал: с квеманами рубился, пожары гасил... И не присел ни разу, и самое тяжелое на себя брал... Глядя на него, и Коршунов старался из последних сил, хотя его уже вело от усталости. Но местные работали — и он с ними. Потому что без местных ему теперь — никак. Без них ему Генку не отыскать и не выручить. А Травстила здесь — в большом авторитете. Это Коршунов и раньше замечал: тот же Хундила покойный мог целую зычную речь задвинуть... А потом Травстила одну фразу уронит — и все. Никто больше не ораторствует, все расходятся и начинают дело делать. Даже не понимая языка ясно, кто последнее слово сказал. Нет, кузнец — классный мужик. Не зря на Генку похож... Если он с Коршуновым к квеманам пойдет — это будет большая удача...

Мысли были холодные, безэмоциональные. Как будто компьютер внутри файлы гонял, перебирал варианты. Эмоции все выгорели. После такой ночи, после всей этой крови, огня, кошмара... Вот они подходят к квеману, спугивая ворон, берут покойника за руки, за ноги — и на тачку. И хоть бы что ворохнулось. Что мертвец (может, Коршунов его и убил), что бревно сосновое. Где-то внутри елозит: а могли бы и тебя — за руки-ноги, с выклеванной печенкой — в болото. Елозит, но не волнует. Только компьютер

потрескивает, анализируя происшедшее. Мыслительная машинка остановиться не может. Скорее по привычке. Все-таки физик по образованию и основной специальности. Коршунов и не пытается остановить. Наоборот. Надо. Первый воинский опыт. И не только здесь, но и вообще — первый. Это Генка — профессиональный вояка, а у Коршунова за спиной только военная кафедра в вузе, да несколько лет занятий единоборствами, да тринадцать спецкурсов, включая выживание,— по линии космонавтики... В общем, тоже немало. Но для будущего полководца — недостаточно. А полководцем он станет! В лепешку разобьется, а станет! Даже если Генки уже и в живых нет... Тем более если Генки нет! Последний приказ командира. Коршунов своего добьется. У него все есть для этого. Здоровье, упрямство, а главное — уровень сознания. Такой, который здешним дикарям и не снился. Они ни высшей математики, ни квантовой физики не изучали. Они, блин, даже писать не умеют. Таких понятий, как целевая постановка задачи, алгоритм решения... Тут все — на пальцах. Побежали налево, побежали направо...

Итак, исходные данные: две группы вооруженных людей. Одна нападает, другая защищается.

Уровень подготовки тех и других — примерно одинаковый. Тип вооружения — тоже.

Преимущества нападающей группы (квеманы) — внезапность. И численность. Квеманских трупов набралось десятка три. А было нападавших, надо полагать, под сотню. То есть вдвое больше, чем местных, если считать только тех, кто способен был оружие держать. Еще одно квеманское преимущество Книва Алексею час назад сообщил: сельчане, как люди правильные, любят днем воевать, а квеманы, добыча Хеля (нечто вроде местного ада),— те предпочитают ночью драться. И, судя по тому, что все у них в черный цвет покрашено, включая физиономии, так оно и есть.

Преимущества второй группы: знание местности плюс невозможность выйти из боя.

Шансы у нападающих примерно десять к одному. Ну, может быть, восемь к одному, но никак не меньше. Численный перевес, внезапность нападения и преимущество по времени суток. Все козыри.

Но — обломилось.

Почему?

Из-за ряда тактических ошибок. Первая: не обеспечили одновременности нападения и позволили группе защитников прорваться в крепость.

Коршунов примерно представлял, как это произошло. Квеманы напали со стороны реки. Ударили в центр поселка. Таким образом, и кузница, и богатырская изба оказались вне зоны первого удара. Ударили в центр — и упустили «фланги». Травстилу и их с Генкой.

Травстила, сообразив, что происходит, не кинулся в общую кашу, а как-то сумел объединить и организовать почти половину сельчан (в большинстве, правда, женщин и детей), отойти с ними к крепости и там затвориться. Нападавшие слишком поздно заметили этот маневр, а когда заметили, то допустили вторую ошибку: раздробили силы. Один из вождей с ударной группой отправился штурмовать крепость, второй, разделив своих людей на мелкие отряды, занялся зачисткой поселка. И проводил ее вполне успешно, пока не добрался до богатырской избы, то есть до них с Генкой. Где и погиб, оставив квеманов в поселке без «высшего руководства».

Дальше — очевидно. Они с Черепановым сыграли роль того снежка, на который «наматывается» шар снеговика. Пока нападавшие, разделившись, жгли дома и добивали порознь их хозяев, Коршунов стал «центром кристаллизации» организованного сопротивления. И спустя очень небольшое время очистил село от врагов и атаковал с тыла тех, кто штурмовал крепость. Поступок, безусловно, храбрый, но абсолютно неразумный. Сейчас Алексей это прекрасно понимал. Даже половины штурмующих хватило бы, чтоб смять и уничтожить Коршунова и его только что собранную команду, которую и командой-то назвать было нельзя, поскольку каждый был — сам себе командир, никакой сплоченности рядов. Но тут сельчанам просто повезло. Потому что квеманы допустили третью ошибку: не смогли в темноте адекватно оценить силы противника. И отступили. Вполне грамотно, надо признать, отошли к броду, форсировали реку и растворились во мраке.

То есть защитникам просто повезло, а нападающим — нет. Если, конечно, целью квеманов был полный разгром поселка, а не захват пленников. Коршунов когда-то читал, что у тех же древних ацтеков, к примеру, задачей войны было не убийство врагов, а захват их живьем с целью последующего принесения в

жертву. Выходит, вполне возможен, например, такой расклад: квеманы отступили не из боязни потерпеть поражение, а не желая дальнейших потерь. Но одно ясно: здешняя военная тактика далека от совершенства. И это дает Коршунову некоторые преимущества...

С квеманскими трупами закончили. Травстила ушел куда-то, а Коршунов отправился на речку. Ощущение было такое, словно на теле еще один панцырь[1] — из пота, крови и грязи. Влез в воду, вымылся пучком водорослей, одежду прополоскал. Полегчало. На всякий случай обработал царапины антисептиком из аптечки.

А вокруг, если в сторону села не смотреть,— все та же идиллия. Солнышко, песочек, водичка...

Алексей долго сидел, бездумно глядя на противоположный берег. Ничего не хотелось. Никто его не тревожил. Один раз подошел Книва, положил рядом лепешку с куском козьего сыра. Сам посидел немного, потом ушел. Сыр обсели мухи. Коршунов смотрел на них равнодушно. Есть тоже не хотелось...

...Проснулся оттого, что ощутил на себе чей-то взгляд. Сверху. Первое движение (непроизвольно) — к топору. Черт, уже рефлекс выработался! Коршунов отдернул руку, поднял глаза.

Сначала увидел мохнатые лошадиные ноги, потом человеческие — по бокам, без стремян, потом черную лошадиную голову, узду с целой гирляндой золотых побрякушек, вороненый отлив панцыря — и, на фоне неба, бородатую голову, увенчанную круглым шлемом.

От всадника веяло силой и тяжестью. Словно от конной статуи Императора. Береговой обрыв был пьедесталом, а Алексей — в одних портках, взъерошенный со сна,— ничтожным зрителем...

Коршунов спохватился. Быстро, но без торопливости надел рубаху, обулся, подпоясался. Затем подхватил оружие, свернутую в рулон трофейную крутку с привязанным шлемом, взбежал вверх по косой тропке...

Всадник был не один. Целый отряд. Человек пятнадцать. Все — верхами, вооруженные, ладные и ухоженные. Что кони, что люди. Позади толпились поселковые: Сигисбарн, Книва,

[1] Слово «панцырь» здесь и далее — в традиционной орфографии.

Вутерих... Пришельцы были явно того же племени, но чем-то неуловимо отличались. Вождь с дружиной?

Похоже. Тот, кого Коршунов увидел первым, определенно вождь. Широкий, кряжистый. Обветренная кожа, борода лопатой, перевитые жилами ручищи... А взгляд умный. Пронизывающий. Испытующий...

Коршунов глаз не отвел. Даже когда наклонился, чтобы положить на траву сверток.

Всадники за спиной вождя негромко переговаривались, поглядывали то на Коршунова, то на противоположный берег.

— Агилмунд,— негромко произнес вождь.

Здоровенный парень с гривой рыжеватых волос и темно-русой бородкой ловко соскочил с коня, подошел к Коршунову, обогнул его и остановился за спиной.

Увидев, как движется дружинник, Коршунов понял, чем вновь прибывшие отличаются от местных. Примерно тем же, чем матерый мужик-контрактник, отвоевавший в дюжине точек, отличается от выпущенного из учебки младшего сержанта ВДВ. И Алексей понял, что имел в виду Черепанов, когда говорил, что поселковые — не воины, а просто вольные землепашцы с оружием. Понял, когда увидел *воинов*. И краснорожий мужик на вороном коне был первым из них.

Между конских боков протиснулся Книва, что-то бросил рыжеволосому. Потом повернулся к Коршунову, произнес четко:

— Одохар! Рикс! — и показал на всадника на вороном.

«Рикс» — это почти что «рекс», а «рекс», насколько помнил Коршунов, не только собачья кличка, но и что-то типа «король».

Рикс Одохар, живая статуя, сверлил взглядом. Но Коршунов интуитивно чувствовал: уступать нельзя. Рыжеволосый Агилмунд, маячивший за спиной (Коршунов боковым зрением видел его тень), действовал на нервы.

Наконец вождь решил, что они достаточно поиграли в «кто-кого-пересмотрит», проворчал что-то одобрительное, двинул коленями. Вороной развернулся и потрусил прочь. Дружина — следом. И местные тоже потянулись за риксом. На берегу остались только Книва, Коршунов, Агилмунд и Агилмундова лошадь, гнедая кобыла, с заплетенной в косички гривой.

— Аласейа! — Рыжеволосый коснулся руки Коршунова.— Идем.

— Идем,— согласился Алексей, наклонился, чтобы поднять сверток с курткой и шлемом, но Книва опередил. Дал понять: имущество понесет он. Он — оруженосец.

Агилмунд шел впереди. Пешком. Лошадь вел в поводу. Надо полагать, ноги размять решил. Коршунов и Книва — следом.

— Рикс Одохар — хво? — спросил Алексей.

Книва попытался объяснить. Суть объяснений сводилась к тому, что Одохар — из бурга и почти так же велик, как герой Аласейа. По небу не летает, зато врагов приводит в священный трепет. Будь вчера в поселке не только Аласейа, но и Одохар, от квеманов бы один мелкий фарш остался. И село бы не сгорело. И...

Устроились на лугу за сожженным домом старосты. Расстелили попоны, расселись. Вождь из бурга — на седле, остальные — кто как: четверо дружинников Одохара, в том числе Агилмунд (которому рикс, как выяснилось, поручил особо присматривать за «небесным героем»), Фретила, который (как опять-таки выяснилось) некогда жил в бурге и даже воевал вместе с Одохаром. Трудно было поверить, что этот пожилой, изрядно растолстевший мужик некогда был таким же хищно-поджарым и опасным, как молодой Агилмунд, который, кстати, оказался не кем иным, как старшим братом Сигисбарна и Книвы.

Книва тоже был тут. В своем обычном качестве «толмача» при «небесном герое Аласейе». И Травстила. И еще несколько местных.

Речь шла о квеманах. Вернее, о том, что квеманов надо проучить. Говорили об этом в основном местные. Но дружинники явно одобряли. Тем более что почти все они — отсюда родом. Но Одохар молчал. Коршунов видел, что у рикса нет ни малейшего желания разбираться с квеманами. Будь его воля, он бы сделал вид, что набега и вовсе не было. Алексей этого не понимал. Даже если набег был спровоцирован (а похоже, так оно и было), по мнению Коршунова, выдать квеманам по первое число — прямая обязанность здешнего князя, коим, по сути, и являлся военный вождь. А он явно в бой не рвался. Пока другие произносили страстные речи, рикс присматривался к Коршунову. Алексею это внимание было не слишком приятно. Было во взгляде вождя нечто... Нечто от покупателя, изучающего

бутылку водки в ларьке. Стоит ли брать? Не разбодяжена ли? Не паленая? Может, лучше в универсам сходить?

Еще одним человеком, который не участвовал в общей дискуссии, был Травстила. Но с этим все ясно. Этот откроет рот, когда потребуется нечто значительное изречь. Не раньше.

Коршунов тоже молчал. Во-первых, потому, что понимал лишь отдельные слова, во-вторых, потому, что молчал Одохар. Алексею хотелось, чтобы вождь воспринял его как человека достойного и солидного. И все, что Коршунов пока мог для этого сделать,— это держаться достойно и многозначительно помалкивать.

Нет, не хочет Одохар идти на квеманов. А надо, чтобы захотел. Потому что Книва прав: будь здесь прошлой ночью рикс со своими четырнадцатью дружинниками, квеманам пришлось бы кисло. Или Коршунов все-таки переоценивает воинов из бурга? Даже если и так, все равно, возглавь Одохар миссию мщения — и шансы на то, что удастся выручить Генку (если он жив), возрастут очень существенно...

— Аласейа,— негромко произнес Одохар.— Твой друг Геннах идет за квеманами?

Стоило вождю открыть рот, как все остальные захлопнули рты. Только Вутерих еще пару секунд продолжал вопить, но и его заткнули.

— Твой друг, Геннах... Он идет смотреть квеманы? — четко выделяя каждое слово, повторил вопрос рикс.— Ты понимаешь?

Коршунов понимал, как ни странно. Он еще с первого раза понял.

— Понимаю,— кивнул Алексей.— Геннах... шел смотреть за квеманами...— Сосредоточился, подбирая слова: — Геннах смотреть квеманы, потом квеманы смотреть Геннах. Геннах — драться. Там.— Алексей махнул в сторону реки.— Убивать квеманов... Квеманов много...— Он поднял указательный палец, обхватил его пальцами другой руки...

— Геннах мертвый? — Одохар выглядел очень заинтересованным.— Ты знаешь?

Коршунов пожал плечами:

— Пойду узнавать.— Он махнул в сторону реки.

— Один ты?

Коршунов одарил рикса долгим взглядом, потом медленно кивнул.

— Один — плохо,— сказал он.— Квеман много. Геннах — друг.— Он коснулся ладонью груди.— Я должен. Скажи: где искать квеман?

— Я говорил. Ты не понял,— после паузы ответил Одохар.

— Книва! — Коршунов повернулся к парнишке.— Принеси...— и показал, что хочет порисовать.

Книва сорвался с места и через пару минут вернулся с обрывком шкуры и шилом.

Коршунов быстро набросал в одном углу картинку: поселок, реку, поля, лес за рекой. Реку заштриховал. Протянул шкуру Одохару. Если у них есть понятие карты...

Очевидно, понятие было, потому что рикс сразу сообразил, что имеется в виду. Более того, произвел привязку по сторонам света: у правого края нарисовал символ солнца. Пририсовал озеро, еще одно озеро... Нет, не озеро. Пояснил знаком: не чистая вода, болото. И дальше — болото. И лес. А вот здесь снова озеро. А вот здесь — квеман.

— Прямо на озере? — удивился Коршунов.

— Нет. Земля. Тут вода. А тут земля. Остров.

Слово «остров» не понял — угадал. Но говорить с Одохаром было легко. Чувствовалось, что у вождя есть навык общения с иноязычниками. Слова подбирал простые. И конструкции упрощал до детского уровня. Ясное дело, вождь. И по дальним землям пошарить успел и соседние знает в совершенстве. Судя по тому, как быстро и точно обрисовал расположение противника.

— Как долго идти? — спросил Коршунов, показав на квеманскую резиденцию.

— Половина день — лошадь,— показал Одохар на пасущихся коней.— День и половина ночь — ноги. Лошадь — нет. Болото.

— Квеман много?

Алексей не рассчитывал на точный ответ, но ответ последовал. От пяти десятков и более. Способных сражаться.

Коршунов кивнул: полсотни квеманов. Сущие пустяки. Только-только «небесному герою» поразмяться перед завтраком. Взял «карту», спрятал за пазуху.

— Когда ты пойдешь? — спросил Одохар.

Значит, все-таки не пойдет Одохар... Это скверно.

Коршунов подумал немного, попытался вспомнить, как будет «завтра», потому что сегодня уже не успеть. Тащиться ночью по незнакомому болоту совсем не хочется... Одохар ждал.

Алексей показал на солнце: когда снова взойдет, тогда и пойду.

Рикс кивнул.

— Хорошо. Ты идешь,— сказал он.— Он идет,— показал на Агилмунда. Тот обрадовался, заухмылялся. Все прочие сразу загалдели...

Рикс рявкнул, и шум стих.

— Агилмунд, Ахвизра...— Он назвал еще с десяток имен, видимо своих дружинников, потом показал на Сигисбарна: — Сигисбарн. Книва...— Фретила запротестовал, но Одохар повторил твердо: — Книва. Валарих. Алзис...— перечислил еще семерых. Те из названных, кто присутствовал на совещании, выразили шумную радость. Можно было подумать, что не на войну, а на пирушку вызвали.

— Я иду? — подал реплику Травстила, но Одохар покачал головой, и кузнец кивнул. Коршунов огорчился. Он видел Травстилу в деле.

— Утром.— Рикс поднял палец и указал им на Коршунова: — Аласейа поведет.

И добавил еще что-то: Коршунов не понял, но прочие заметно воодушевились.

Одохар встал. Коршунов — тоже. Он не знал: радоваться ему или огорчаться. Вроде бы все складывалось лучше, чем можно было рассчитывать. Даже первый шаг в полководцы сделан. И все-таки...

— Пойдем,— сказал рикс дружелюбно.— Итан.

Иными словами, пошли перекусим, пока время есть. Потом, может, и не будет.

И они пошли в крепость. К их приходу столы были уже накрыты.

Глава вторая

Травстила

Травстила и Одохар — братья. Один знак носят, одному богу клятву принесли. В миру Одохар старше. Но пред Вотаном оба — равны. И заслуги их — равны. Травстила оружие кует, Одохар в битвы дружину водит. И то и то Вотану любо. Без

оружия что за битва? А без битвы ни к чему и оружие. На том, что Травстила кует, знак особый стоит. И наговор. Такое оружие для Вотана убивает. По этому знаку Вотан своих узнает и в битве хранит. Если пожелает. Вообще-то, Вотан хранить не любит. Он любит победителей. И сам их отмечает. Победителей хранить не надо. Это от них надо хранить. Да как сохранишь от того, кто Вотаном отмечен? Никак.

— Повезло вам,— говорил Одохар.— А я опоздал. Задержался на день. Так вышло.— Другой бы сказал: случайно. Но не Одохар. Одохар сказал: так вышло. И знак сотворил: во всем воля Высших.

Травстила согласился.

— Квеманы могли всех вырезать,— заметил он.— Не захотели. Ушли.

— Может, они взяли, что хотели, потому и ушли,— сказал Одохар.— Может, они за героем Геннахом приходили? Каков он, Геннах?

— Овиду спросишь,— отказал в ответе Травстила.— Геннах непостижим для меня. Овида видит. Сказал: наш Геннах. Хоть и чужой крови. Нет, не за Геннахом квеманы приходили. За обиду мстить.

— Слыхал уж,— проворчал Одохар.— Не вовремя. Очень нехорошо.

— Мальцы доблесть явить решили,— вступился Травстила.— Ахвизру жаль. Последним в роду остался.

— Я его женю,— сказал рикс.— Не прервется род. Не о том речь. Повезло вам. Почему?

— Думаешь, Аласейа?

— А кто еще, не ты же?

— Не я,— согласился Травстила.— Я оборонялся, он — нападал. Не от меня, от него квеманы побежали.

— Ушли,— поправил Одохар.

— Ушли,— согласился Травстила.— Хочешь его удачу проверить?

— Хочу,— подтвердил рикс.— И Геннаха увидеть хочу. Хочу увидеть того, кто наш — и чужой.

— Так Овида сказал. Но и я кое-что видел. Как он тайный жест сотворил. Знак Гневного неба.

— Случайно?

— Может быть.

— А Аласейа?

— Про Аласейю Овида ничего не сказал. Но храбр он безмерно. Так храбр, словно смерть свою в сундуке держит.

— Не без того. На квеманов один хотел идти. Хотя ваши говорят: у него квеманский болотный дух в услужении?

— Нет.— Кузнец покачал головой.— Не квеманский. Овида сказал: похож на квеманского, но другой. И не дух это, а так. Настоящей силы нет. Не в духе дело, а в том, что храбрость в Аласейе безмерная.

— Или глупость,— проворчал Одохар.— Как у мальцов ваших.

— Вот и проверишь,— усмехнулся Травстила.— Тем более, ты с ним Агилмунда послал. И бойцов своих лучших. Верно?

— Верно,— согласился рикс.

— Только горячи они нынче,— заметил Травстила.— После вчерашней ночи. Обида в них. За родичей.

— Горячи — остынут,— возразил Одохар.— Я Агилмунду строго наказал: осторожным быть. Мне доблесть его в большом походе нужна. Расскажи, как гости ваши по небу летели? Как птицы или как боги?

— Скорей, как семечко,— ответил Травстила.— Не летели — падали. Но парус у них красивый. Цвета огня и облаков.

— Цвета снега и крови! — уточнил Одохар.— Так мне говорили.

— Можно и так сказать,— не стал спорить кузнец.

— Знак? — Рикс бросил на Травстилу быстрый острый взгляд.

Кузнец пожал плечами:

— Может, и знак. Не знаю. Если и знак, то нам ли? Но красиво. Ты зачем Книву с ними послал? Фретила на тебя сердится. Фретилу все уважают. Фретила тебе на тинге нужен, а Книва — мальчишка без посвящения.

— Пускай,— отмахнулся Одохар.— Он кровь уже проливал, мне сказали. Ничего. А я погляжу, сможет ли Аласейа сына Фретилы от мести квеманских богов уберечь. На квеманской земле.

— Ты — вождь,— произнес кузнец.

Непонятно было, одобряет он Одохара или нет.

— Да,— кивнул Одохар.— Я — вождь. Мне удача нужна. Осенью в поход идти. С другими вождями сговорено. И с Комозиком-риксом.

— Не верю я герулам,— сказал Травстила.— Враги они нам.
— Таких врагов иметь — радость,— возразил Одохар.
— Тебе видней.
— Да,— согласился Одохар.— Мне видней. Я с ними дрался.

Глава третья

Алексей Коршунов. Карательный рейд

Коршунов сидел в седле третий раз в жизни. Первый раз — в студенческие годы, развлечения ради — на тихой крестьянской лошадке. Второй — по пьяни пару кругов по парку на «прокатном» мерине сделал. Опыт небольшой, но даже его хватило, чтобы понять значение стремян. Которых здесь — не было. Местные тем не менее без них обходились: держались коленями. Классическая стойка «киба-дачи», то бишь поза всадника,— она и есть поза всадника. Так что мышцы соответствующие у Алексея были достаточно развиты. Но ведь еще навык нужен...

Короче, когда привал устроили, Коршунов ощутил немалое облегчение. Но это случилось позже. А пока он молча завидовал следопытам: Вутериху и Книве, передвигавшимся на своих двоих. Завидовал, но не спешивался. Из гордости. Хотя его «навыки» верховой езды были отмечены. Агилмунд даже вежливо поинтересовался: неужели у них в «Байконуре» нет лошадей?

Коршунов ответил в том духе, что лошади есть, но герои ими не пользуются. У героев другие лошади. Огненные. Агилмунд не на шутку заинтересовался, принялся уточнять подробности: задача при лексическом запасе Коршунова практически невыполнимая. Узнав, что доставить сюда огненных лошадей никак нельзя, «младший командир» рикса Одохара здорово огорчился.

Несколько раз Коршунов ловил на себе весьма неприязненный взгляд: один из местных по имени Алзис, не участвовавший в ночной битве, поскольку был отправлен в бург за Одохаром, явно не питал к Алексею теплых чувств. И не особенно это скрывал. Ну и хрен с ним. Его проблемы. По-настоящему беспокоило сейчас Алексея только одно: что с Черепановым?

Судя по оценкам следопытов, квеманы отступали двумя группами. Следопыты пошли за первой, той, что увела девушек. Квеманов было пятеро. Они несли кое-какую добычу и конвоировали троих пленниц. Вчера думали: пленниц больше, но оказалось, что только трое. Девушки, как узнал Коршунов, предназначались в подарок квеманскому божеству.

Черепанов догнал похитителей у опушки леса. Возможно, он управился бы даже и с пятью врагами, но ему не повезло. Подошел основной квеманский отряд. Чем закончилось дело, определенно сказать было трудно. Следы крови обнаружились и на траве, и на кустарнике. Книва нашел стреляную гильзу, с большим интересом обнюхал и показал Коршунову: не является ли предмет имуществом Геннаха? Получил утвердительный ответ и дополнительное сообщение, что где-то лежат еще две такие же штуки. Алексей помнил, что выстрелов было три. Гильзы нашли и торжественно вручили «небесному герою».

Спешившиеся Ахвизра с Агилмундом тщательно изучили следы крови. Обсудили результаты с остальными. Агилмунд сообщил Коршунову, что один из пострадавших был ранен в грудь, а второй — в живот. На основании чего были сделаны такие выводы, Алексей понятия не имел, но оспаривать не стал. Какая разница?!

Раненых не нашли. Вероятно, квеманы забрали их с собой. Коршунову показали следы волокуш.

Спешились, когда дошли до заболоченного берега озера. Сначала Коршунов ощутил немалое облегчение. Но очень скоро осознал: у всадника мешок везет лошадь, а пехотинец его на собственном горбу тащит.

Здесь, на болоте, следопытам пришлось некоторое время повозиться. Насколько понял Алексей, квеманы принялись заметать следы. Впрочем, недолго. Километра через два маскироваться перестали. Среди квеманских следов обнаружились и следы пленниц: отпечатки босых женских ног отличить было нетрудно. Охотники усиленно высматривали следы «небесного героя». Безуспешно. Агилмунд осторожно поинтересовался у Коршунова: не мог ли небесный герой Геннах отправиться обратно на небо?

Миновали поросшее мелким осинником болотце. Комарья поубавилось. Идти стало легче. «Воинство» Коршунова не за-

медлило этим воспользоваться: с шага перешло на рысь. Алексею, с его приличной подготовкой, кое-как удавалось поспевать. В крайнем случае можно глотнуть стимулятора из аптечки. Направление держали на северо-восток, как по линии,— Алексей постоянно сверялся с компасом. И мелкие ориентиры отмечал: где дерево сваленное, где камень, где овражек. Мало ли, придется одному обратно добираться. В лесу Коршунов ориентировался неплохо: благо, лес здесь был как лес. Ничего особенного. Но следы распутывать, как местные охотники, он не умел. А стоило бы научиться.

Привал устроили уже в сумерках. У какого-то ручейка. Костра не разжигали. Перекусили, Агилмунд распорядился насчет стражи (Коршунова в список караула не включили), и завалились спать. Обрадованное комарье приступило к пиру. Местным — хоп-хны, а вот Коршунову пришлось потратить чуток репеллента из аптечки: иначе не уснул бы.

Утром — по той же программе. Легкий завтрак — и вперед. Лес, болотце, снова лес, небольшая речушка, которую пересекли вброд, зачем-то покидав в воду лепешек и вяленого мяса. Проверка на наличие пираний? Коршунов теряться в догадках не стал: просто принял к сведению.

Несколько раз ноздри Алексея улавливали запах дыма. Местные наверняка тоже его чуяли, но особого волнения не проявляли. В общем, если не считать изматывающего темпа, рейд проходил спокойно: то шагом, то бегом. Покрыли они, по прикидкам Коршунова, не меньше пятидесяти километров. Солидная дистанция. Алексей, старый турист, даже немножко гордился собой: не посрамил себя перед аборигенами и даже не слишком вымотался. Тем не менее намотал на ус: местные бойцы способны к быстрым маршам по пересеченной местности. С точки зрения военного искусства — весьма важное и полезное свойство. Впрочем, и потенциальный противник наверняка способен к тому же. Что также следует учесть.

Рикс Одохар не ошибся. Поселок располагался на острове. Причем сам остров имел место быть не в каком-нибудь там озере, а прямо в болоте со всеми его «достопримечательностями». Но пройти по болоту было можно. Если знать тропу. Коршуновской

«команде возмездия» тропа была не известна. Не удивительно. Это была квеманская территория. Все сведения о ней поступили от Одохара, который был здесь лет десять назад, если можно так выразиться, с официальным визитом. В составе дружины прежнего рикса. Делили сферы влияния. Поделили, поскольку квеманы драки не хотели. Рикс со товарищи подраться были не прочь, но предпочитали драться, имея в перспективе приличные трофеи, а с нищих лесовиков что возьмешь? Только неприятности.

В общем, определили границы и мирно разошлись. Но в городок квеманский чужих не пригласили. Что тоже понятно. Только издали полюбоваться позволили. Это удовольствие и Коршунову с остальными было сейчас доступно. На острове, в отличие от самого болота, росли матерые сосны, которые отлично просматривались за редкими и низкими болотными деревцами-недомерками. Не так уж далеко оказалось до острова: около километра. Даже голоса иногда различить можно, лай собачий. Тем не менее, «не зная брода», можно было только констатировать «эффект локтя». Того, который не укусишь. Надо было что-то предпринимать. На «рубеж атаки» вышли около полудня. Заняли скрытную позицию в зарослях у края болота. На краю его, в камышах, выставили наблюдателей. Теперь инициатива, по общему мнению, должна была перейти к Коршунову. Местные следопыты привели «небесного героя» в месту битвы. Теперь — его очередь.

Памятуя уроки Черепанова, Алексей сначала ознакомился с мнением аборигенов. Мнений было два.

Первое: сварганить «мокроступы» и двигать прямо на противника. А там — как получится.

Второе: дождаться темноты, и далее — по пункту один. Первой точки зрения придерживались более молодые и активные вроде Вутериха и Сигисбарна. Второй — Агилмунд и те, кто поопытнее.

Но и те и другие были абсолютно убеждены, что стоит им войти в соприкосновение с противником — и противнику хана.

Коршунову очень хотелось в это верить, но он, в отличие от своих отважных до полной отмороженности спутников, допускал, что штурмовать в лоб укрепленные позиции (а какие-нибудь укрепления, вроде того же частокола, наверняка наличествовали) численно превосходящего противника — голая авантюра. Хотя при нападении на поселок Коршунов не заме-

тил у квеманов ни пращей, ни луков, но не может быть, чтоб у этих ребят совсем не было оружия дистанционного боя. А шлепающие по болоту «штурмовики» — ну просто идеальная мишень. Что же касается самих «мокроступов», то бишь сплетенных из лозы полуметровых «шлепанцев» для болотного хождения... Алексей здорово сомневался, что они помогут в настоящей трясине. Тем более — ночью. Ибо преимущества скрытного подхода в темноте полностью компенсируются невозможностью глядеть себе под ноги.

Возможно, Коршунов недооценивал навыки своих бойцов... Но в таких случаях лучше перебдеть, чем наоборот. Да и горячку гнать ни к чему. Если уж не успели перехватить квеманов по дороге, теперь можно не особо торопиться. Если Черепанов до сих пор жив, то вряд ли его прикончат в течение ближайших суток. То же касается и пленниц. Коршунов выяснил, что местное божество требует жертв исключительно в определенное время и в определенном месте. И это место не здесь.

Значит, надо выждать. Понаблюдать. Глядишь, и «язык» подвернется.

О чем он своих орлов и проинформировал. И поставил задачу: вести постоянное скрытное наблюдение. Ежели кто из леса направится к городку, горла ему не резать, даже вообще не хватать, а внимательно понаблюдать, как и где оная квеманская особь будет идти. Глядишь, и скрытую тропу установим. Резать же только в том случае, если указанная особь обнаружит присутствие чужих.

Если же, наоборот, кто-то из городка в лес подастся, то опять-таки не хватать сразу, а сопроводить тихонько, а потом деликатно взять за гузку и, не попортив, доставить командующему. Для беседы.

Коршуновский план действий воинственная молодежь восприняла без восторга. Эти простые парни не понимали, как можно оттягивать удовольствие хорошей драки только потому, что могут прикончить. Возможно, в местном религиозном уложении смерть в бою считалась большой удачей. Вроде как у воинов джихада или тех же викингов. То есть — прямо к Аллаху или в Вальхаллу.

Но Агилмунд Алексея поддержал на сто процентов, и недовольным пришлось заткнуться.

Рассредоточились, организовали наблюдение и стали ждать.

Первая «рыбка» попалась, вернее, благополучно миновала сети часиков в шесть по местному времени. Три квеманские тетки и один мужик, особо не прячась, появились из леса, прошли через «прогалину» между камышами, гуськом пересекли видимую часть болота и скрылись из виду. Согласно приказу Коршунова, им не препятствовали.

Прошло еще часика три, солнышко уже за деревьями спряталось, и тут из-за реденьких кустиков и появились двое местных жителей с большими свертками на плечах. Прошагали по открытому месту совершенно беспечно и скрылись в лесу. Но уже не в одиночестве, а сопровождаемые четырьмя дружинниками. Спустя полчаса вместе со своей ношей, оказавшейся свернутыми сетями, и без малейшего шума оба квемана были поставлены пред светлы очи «главнокомандующего».

«Языки» оказались двумя пацанами примерно Книвиного возраста. Явно трусили, но старались держаться гордо и прямо.

Коршунов оглядел пленников и представил инициативу допроса Агилмунду. Не только потому, что тот более опытен, но еще и потому, что Алексею было как-то стремно допрашивать мальчишек. Нет, он, конечно, понимал, что по здешним понятиям им никакой скидки на юный возраст не полагается. И правильно. Вот тот же Книва в свои юные годы уже успел пятерых зарезать, причем одну — женщину. И все-таки пусть лучше Агилмунд...

Агилмунд церемониться не стал. Взял того подростка, который держался посмелее, за грудки и воткнул ему нож в живот. А другой дружинник, Ахвизра, пацану рот ладонью заткнул, чтоб крик приглушить. Затем Агилмунд взял второго квеманчика за шиворот и приблизил нос к носу — к первому. Дал минутку полюбоваться и проникнуться, затем легонько полоснул первого по горлу, да так, что кровь оставшемуся в живых все лицо забрызгала. Подержал — и отпустил. Квеманчик наземь осел, глазки закатились...

Книва за спиной Коршунова бросил что-то пренебрежительное. Надо полагать, заявил, что он в подобной ситуации показал бы себя лучше. Сам Книва был в этом абсолютно уверен.

Полежать в обмороке квеманчику не дали. Быстренько привели в чувство парой оплеух, усадили.

Агилмунд повертел у него перед носом окровавленным ножом, задал вопрос. Получил вполне удовлетворивший его ответ. Задал следующий...

Короче, допрос прошел без малейших проблем, и информация потекла. К некоторому удивлению Коршунова, квеманский язык ничуть не отличался от языка его спутников. Может быть, самую малость... Но такую, что пониманию не препятствовала.

Выяснилось следующее: на острове около четырех десятков мужчин, способных держать оружие (не ошибся рикс Одохар), и раза в три больше стариков, детей и женщин. В набеге на поселок участвовали двадцать человек (остальные — из других поселений), вернулось четырнадцать. Пленницы находятся на острове. Только женщины, мужчин нет. Укрепление: частокол. И только со стороны тропы, потому что с других направлений к острову не подойти ни на плавсредствах, ни на своих двоих: трясина.

Замялся пленник только один раз: когда от него потребовали показать тропу. Но Агилмунд его «уговорил». Даже без особого кровопускания: пацан глядел на риксова дружинника, как бандерлог на питона Каа.

Тем временем почти совсем стемнело.

С разрешения Коршунова Агилмунд и Ахвизра взяли пацана и отправились «проверить» тропу.

Алексей самую малость опасался, что квеманчик может набраться храбрости и сыграть партию Сусанина, но обошлось. Спустя час оба дружинника вернулись. Без пленника, но вполне довольные. Есть тропа! Как, интересно, они в темноте чапали по болоту? И куда делся пацан? Хотя с пацаном как раз понятно. Учитывая то, как обошлись с его приятелем...

— Идем? — Голос Агилмунда аж вибрировал от предвкушения.

— Нет,— разочаровал его Коршунов.— Собаки нас учуют... Хундс...

Он не видел лица Агилмунда, но мог поклясться, что тот скорчил недовольную рожу. Вокруг столпились остальные: кто не занят в карауле. Коршунов физически ощутил, как растет напряжение. Еще чуть-чуть — и ситуация выйдет из-под контроля. Еще неизвестно, какие инструкции выдал дружиннику Одохар...

Коршунов глянул на часы (пусть парни тоже полюбуются на светящийся циферблат) — одиннадцать. Светать начнет без четверти четыре. Это Коршунов засек точно. Четыре — хоро-

шее время. Самый крепкий сон. И ветра по утрам совсем нет, а сейчас — от них к острову тянет.

— Пойдем,— сказал он, подыскивая местные слова,— не утро. Не ночь. Немного света есть. Ветер — нет. Собаки чуять — нет. Квеман есть крепко спать. Нас не ждать. Мы их резать. Сейчас — спать. Он,— Коршунов постучал по циферблату,— меня будить. Я будить всех. Идти убивать. Я сказал.

Поставил будильник на полчетвертого, демонстративно улегся под дерево, завернулся в плащ и сделал вид, что уснул.

Главное — показать, что даже мысли не допускаешь, что тебя могут ослушаться.

Его бойцы еще пару минут поговорили вполголоса — и разошлись. Бунт на борту был подавлен в зародыше. Эх, если бы и завтра все так гладко прошло! И где же все-таки Генка? Жив ли?..

Глава четвертая

Алексей Коршунов. Карательный рейд (продолжение)

Дожидаясь, пока подтянутся последние, Коршунов с авангардом укрылись в камышах у самого острова, выпирающего бугром из болотной топи. Стояли, слушали птичье цвирканье и редкий собачий брех с острова. Повanивало гнилью, под ногами шевелился черный ил. Солнце еще не взошло, но посветлело достаточно, чтобы разглядеть невысокий частокол без архитектурных излишеств, запертые ворота, а подальше, между соснами,— черные соломенные крыши.

Подошли замыкающие, Сигисбарн с Ахвизрой. Все. Тусовка в сборе. Одиннадцать дружинников и десять поселковых. Да сам Коршунов. Итого — двадцать две боевые единицы. Два отделения, выражаясь языком более поздних эпох.

Поселок спал, но вот-вот должен был проснуться. Четверть пятого, самое сладкое время.

Коршунов кивнул Агилмунду, Агилмунд — Ахвизре. Ахвизра передал соседу копье и щит, вылез на бережок, подпрыгнул, ухватился за верхний край частокола, подтянулся и бесшумно канул по ту сторону. Через полминуты негромко заскрипели ворота. Ахвизра отодвинул засов. Створы разошлись, и Коршу-

нов увидел уходящую вверх тропку, козу, привязанную к дереву, и квемана, ничком лежащего на земле. По рубахе квемана расползалось пятно, а его щит, копье и шлем лежали чуть поодаль. Видать, задремал мужик на посту. За что и был радикально наказан.

Коршунов приготовился командовать, но не успел.

Ахвизра принял у товарища собственное оружие и бесшумной рысцой устремился наверх. Остальные дружинники — следом. Никто не спрашивал у Алексея, что делать. Поселковые припустили за дружинниками, причем кое-кто даже сделал попытку обогнать, но Агилмунд махнул копьем — и энтузиасты сбавили темп.

Коршунов замешкался и обнаружил, что за ним — никого. Широкие спины в кожаных куртках с железными бляшками и без оных мелькали между сосен. Наверху серели квеманские хатки. Оттуда тянул ветерок, неся запах навоза.

Мемекнула коза. Коршунов очнулся. За это время его отряд уже преодолел половину склона. Бежать вдогонку было несолидно, поэтому Алексей сделал другое: затворил ворота, быстренько заложил засов, заклинил его железком копья убитого часового и с хрустом обломил древко. Соблюдать режим тишины было уже ни к чему: ребята Одохара добрались до первой избы. Заварушка началась.

Взбегая вверх по тропе, Коршунов думал о том, что он бы распорядился иначе. Тихонько рассредоточиться по селу, а затем одновременно ворваться сразу в несколько домов. А так — с первым же воплем эффект внезапности теряется напрочь.

А воплей хватало.

Дворы квеманов были расположены без всякого порядка. Никаких улиц. Огороды, плетни, сосны, заросли малины...

Первые два подворья были уже «очищены». У крыльца одной избы истошно голосила над трупом квеманская баба, из дома тоже раздавался плач. Тут вмешательство не требовалось. Коршунов побежал туда, где звенело и стучало, увидел впереди спину с железными пластинками поверх кожаной куртки. Кто это — не признал, но по деловитой целеустремленности понятно, что свой.

«Спина» перемахнул через плетень (отличный прыжок!), промчался по огороду, мимо сарая и выскочил к крыльцу в тот

самый момент, когда на это же крыльцо из дома вывалили аж трое квеманов, босых, полуголых, зато с копьями и щитами.

«Спина» с разбегу насадил на копье одного, сшиб с ног второго, а третьего зарубил секирой. После чего с ходу влетел в избу. Изнутри донесся визг, чей-то короткий вопль, через несколько секунд (Коршунов как раз успел добежать до сарая) дружинник (Ахвизра!) появился на пороге, мимоходом добил поднимавшегося с земли квемана, выдернул из другого свое копье, белозубо осклабился Коршунову, махнул щитом и устремился к следующему двору. Алексей за ним не побежал. Решил: этому парню помощь не требуется. А вот справа кто-то активно и шумно рубился...

Коршунов устремился туда. На манер Ахвизры перемахнул через плетень, проломился через кусты и оказался на лужке, где двое поселян — Вутерих и еще один, чье имя Алексей запамятовал,— сопя и кряхтя обменивались ударами с двумя бородатыми лохматыми квеманами. Третий квеман в драке участия не принимал, поскольку сидел на земле, наматывая тряпку на окровавленную ногу.

С появлением Коршунова квеманы оказались в меньшинстве. Один тут же получил краем щита в морду и свалился, а второй сам бросил оружие и задрал лапки.

Пленника в момент повязали, после чего Коршунов отослал Вутериха с приятелем вниз, к воротам, присмотреть, чтобы никто из квеманов не смылся с острова за подмогой.

И четверти часа не прошло, как разгром был завершен. Почти завершен, потому что около дюжины защитников заперлись в длинном бревенчатом доме на макушке острова и стреляли из луков во всех желающих исполнить роль мишени. Луки у квеманов были слабенькие: стрелы щиты-шлемы не пробивали. Но к тому времени, как Агилмунд нашел Алексея и поставил его в известность, что возникли трудности, двоих его бойцов уже подранили: одного — в ногу, другого — в предплечье.

— Пойдем посмотрим,— сказал Коршунов, и они двинулись наверх.

По дороге наткнулись на одного из своих. Молодец уложил животом на пенек молодую квеманку, задрал ей подол и усердно осеменял. Тощая задница энергично дергалась между белых ляжек. Квеманка страдальчески покряхтывала. Но сопротивле-

ния не оказывала. Агилмунд зверски оскалился и врезал молодцу пяткой по копчику.

Молодец взвыл, подскочил, явив всеобщему обозрению мохнатое лоно квеманки, свой детородный орган и разъяренную физиономию, которая при виде Агилмунда моментально перестала быть разъяренной, а вышеупомянутый орган стремительно съежился до размеров небольшой морковки.

— Алзис! — зашипел на него Агилмунд. Дальше Коршунов не понял, но сказанное явно не было похвалой сексуальному агрессору. А судя по жестам, в перспективе у агрессора была принудительная стерилизация без помощи хирургических инструментов в случае повторения эпизода. Алзис, моментально утративший румянец, подтянул штаны, подобрал копье и припустил в направлении, указанном дружинником.

Квеманка тоже поднялась, поправила платье и чуток враскорячку двинулась по своим делам. Такое впечатление, что грубое насилие являлось для нее совершенно обыденным явлением.

Агилмунд разразился длинной и эмоционально насыщенной фразой. Насколько понял Коршунов, дружинник рикса сурово осуждал волонтера Алзиса за то, что тот осмелился совать свой кривой отросток куда ни попадя, в то время как он, Агилмунд, занимаясь ратными трудами, еще ни разу не имел возможности «сбросить напряжение».

Это строение принципиально отличалось от прочих. Не столько размерами, сколько основательностью. Впервые после приземления Коршунов увидел дом, в котором были двери. В настоящий момент — закрытые. И первый дом, чья кровля была не из соломы, а крыта чем-то вроде черепицы из материала непонятного, но очевидно не горючего, поскольку заброшенный наверх факел с промасленной тряпкой догорал без малейшего результата.

Вероятно, сами стены можно было бы поджечь, если прямо под ними развести огонь, но для этого к ним надо было подойти. Чему активно препятствовали засевшие внутри. Из длинных узких бойниц было весьма удобно обстреливать всех желающих приблизиться. А народу внутри было достаточно, чтобы обеспечить круговую оборону.

Крутые парни Одохара сунулись было в атаку, получили отпор и отступили.

Теперь они обсуждали: не стоит ли плюнуть на засевших в доме и заняться грабежом?

Главным доводом против этого предложения была уверенность, что именно в доме и хранятся основные сокровища.

Коршунов с некоторым удивлением обнаружил, что именно перспектива грабежа, а вовсе не месть за набег на поселок является главным стимулом его воинства.

Ждали решения Коршунова.

Алексей подумал, прикинул и решил, что и проблемы-то нет. Просто надо соорудить что-то вроде «броневика» — и дело в шляпе.

Коршунов изложил идею. Для этого пришлось прибегнуть к рисованию и помощи Книвы. Здешний язык изобиловал знакомыми словами (если привыкнуть к произношению) из немецкого, французского и даже русского, и понимал его Алексей уже вполне прилично. Но вот изъясняться пока было затруднительно.

Осознав суть коршуновского предложения, публика пришла в восторг. Иные хлопали себя по лбу: как, мол, сами не догадались! Элементарно, Ватсон! Сделать каждому здоровенный щит — и вперед. Тут Коршунова снова осенило: зачем делать щиты каждому, если можно изготовить четыре штуки и запечатать ими бойницы на фасаде дома?

Новый взрыв энтузиазма.

«Но сначала — произвести „зачистку" поселка»,— распорядился Коршунов.

Он не забыл уроков квеманского набега.

Зачистка не заняла много времени, поскольку остров был невелик, а путь с него был только один. Кстати, предусмотрительность Алексея, пославшего парней к воротам, оказалась не лишней. Двое квеманов попытались ускользнуть. Попытку пресекли. Правда, в процессе пресечения в очередной раз подранили Вутериха, но рана оказалась пустяковой.

Дальше все шло как по маслу. Из подручного материала соорудили четыре здоровенных щита. Квеманы, конечно, утыкали их стрелами, но это не помешало нападающим прижать щиты к окнам и подпереть снаружи штакетинами. После чего Коршунов и Агилмунд взобрались на крышу. В крыше обнаружилась солидных размеров щель, «продух» очага. В Агилмунда, заглянувшего внутрь, тут же пустили стрелу, но у Одохарова десятника оказалась хорошая реакция.

— Разберем крышу, спрыгнем вниз и покажем этим недоноскам, что такое настоящие парни! — предложил он Коршунову.

Но Алексей решил, что лично он недостаточно подготовлен для подобного плана. Тем более что есть вариант получше. Например, кинуть вниз дымовую шашку и подождать, пока пчелки сами полезут из улья. Шашки у Коршунова не было, но ее с успехом можно было заменить снопами тлеющей соломы. Коршунов ознакомил с идеей Агилмунда, тот одобрил, и спустя полчаса план был с успехом реализован. Несмотря на все усилия защитников «крепости», из всех дырок строения повалил дым, а чуть погодя — и сами защитники, хрипя и кашляя, распахнули двери и вывалились наружу... Где их и повязали.

Глава пятая

Алексей Коршунов. ТТ

Всех пленников, около сотни человек, разделили на две группы. Одну: детей, женщин и стариков — заперли в каком-то сарае. Мужчин и подростков мужского пола обыскали, связали и под охраной разместили в том самом большом доме. Захваченных в поселке девушек (в том числе черепановскую Алафриду) освободили и привлекли к систематизации трофеев. Трофеев было изрядно. Предметом особенной радости были слитки «сырого» железа, обнаруженные в здешней кузне. Общим весом примерно в тонну. Вся добыча сносилась на полянку перед большим домом и раскладывалась на траве для последующего дележа. Бойцы Коршунова методично обшаривали все и всех, не обходя вниманием даже медной пряжки от пояса. Выгребали подчистую.

Коршунов в этом деле не участвовал. Он искал Черепанова. Или хотя бы его следы...

Ничего.

Даже избирательный опрос (с помощью Книвы) местных жителей дал нулевой результат. Квеманы либо действительно ничего не знали, либо делали вид, что не знают.

Мрачный и злой, он, по зову Агилмунда, явился на дележку трофеев. Мрачный и злой, он уставился на свалку разнообраз-

ного барахла... И вдруг углядел в куче металлических предметов знакомый проблеск вороненой стали.

Миг — и у него в руках смертоносная игрушка, порождение технологии, которая и не снилась здешним кузнецам. Пальцы удобно легли на прохладную рубчатую рукоятку со знакомыми пятиконечными звездочками. На мгновение Коршунову показалось, что он вернулся домой и эти люди вокруг — чужие люди в странной одежде с допотопным оружием — не реальность, а дикая киношная массовка. А реальность — небольшой увесистый предмет у него в ладони. Пистолет Токарева. Личное оружие нападения и защиты, в просторечии — ТТ. Калибр 7,62, емкость магазина — восемь патронов.

Алексей привычным движением извлек обойму, оттянул затвор, выщелкнул на ладонь «семечки». Один, два, три, четыре, пять... Пять. Да, все верно. Пять патронов и три пустые гильзы... Коршунов неторопливо заправил патроны обратно, вогнал на место обойму, поднял глаза и обвел всех этих чужих людей тяжелым недобрым взглядом. Где-то внутри клубилась, поднимаясь вверх, черная мутная ярость.

— Кто? Положил? Это? — раздельно произнес он.

— Я,— ответил один из одохаровских дружинников. Лицо слегка побледнело под угрюмым взглядом Коршунова.

— У кого взял? — так же медленно и негромко спросил Алексей.

Дружинник показал на одного из квеманов.

Не дожидаясь дополнительной команды, Книва с Сигисбарном выдернули указанного пленника из толпы остальных, подтащили к Коршунову.

Руки у квемана были связаны, в глазах был страх. Но квеман не сопротивлялся.

Черт! Знакомая морда... Да, точно. Коршунов уже спрашивал его о Черепанове. И эта сука заявила, что ничего не знает...

Так же неторопливо Алексей сунул ТТ под тугой ремень, шагнул вперед и врезал квеману в челюсть.

Ноги у квемана подкосились, но Коршунов не дал ему упасть, ухватив за волосы.

— Значит, ты не знаешь, где он, пидор вонючий? — почти шепотом проговорил Алексей, глядя в мутные глаза квемана и чувствуя, что еще чуть-чуть — и ярость вырвется наружу. И тогда...

Квеман оскалился — рот у него был в крови — и бросил какое-то слово... Коршунов не понял, но планка уже упала...

Подброшенный страшным ударом квеман отлетел назад, на Сигисбарна. Тот вновь толкнул его к Алексею...

Ближайшие несколько секунд выпали из памяти Коршунова.

Когда он очнулся, то обнаружил, что Ахвизра и еще один дружинник крепко держат его за руки, а квеман хрипит и корчится на земле.

Коршунов зажмурился и снова открыл глаза. Ничего не изменилось, только теперь перед ним стоял Агилмунд, а чуть позади — Книва.

— Нет, Аласейа,— убедительно проговорил Книва. Указывая на пистолет: — Это — вещь Геннаха?

— Да...

— Не убивай квеман. Сначала — спросить: где Геннах? Так, Агилмунд?

Агилмунд энергично кивнул.

— Я спрошу,— сказал он.— Я — лучше. Ты — в гневе. Можешь убить. Я спрошу — он скажет. Я умею. Меня Скулди-гепид учил.

Коршунов кивнул, и его отпустили.

Агилмунд сделал знак. Квемана подняли. Он был в сознании. И даже сказал что-то насмешливое.

Очень храбрый квеман.

Агилмунд крепко взял его левой за затылок, а большой палец правой хладнокровно вдавил квеману в глаз. Тот заорал, забился... Но его держали крепко, и Агилмунд продолжал давить, пока глазное яблоко не лопнуло и содержимое его потекло по щеке квемана...

Коршунов успел за эти дни навидаться всякого, но это зрелище... Содержимое желудка подступило к горлу Алексея. Он поспешно отвернулся и быстро пошел прочь. За ним никто не последовал. Только истошный нечеловеческий вопль квемана...

Спустя некоторое время его нашли Книва и Агилмунд.

Квеман оказался молодец. Держался долго, но в конце концов все рассказал. Геннаха в городке нет. И не было. Но его не убили. Квеманский вождь, один из тех, кто командовал набегом на поселок (шлем второго носит Аласейа), запретил. Потому

что Геннах сотворил огненное волшебство. Смертное волшебство с громом и молнией.

— Может, все-таки Геннах бог, а не герой? — спросил Книва.— Может, ошибся Овида?

Коршунов мотнул головой.

— Говори,— процедил он.— Что дальше?

А дальше было так, что квеманы не могли понять, кто же есть Геннах. И решил вождь взять Геннаха и отвезти его к квеманским богам. Пусть боги скажут, кто это.

— И где есть квеманские боги? — хриплым голосом спросил Коршунов.

Увы. Где обитают квеманские боги (не те боги, которые рядом живут, а те, которые разговаривают), не знали даже квеманы. Это — великая тайна. Квеманский вождь ее знает, да. Большие квеманские жрецы знают. Простые квеманы — нет.

— Я пойду и узнаю,— сказал Коршунов.— Вы — со мной?

Книва смутился, а Агилмунд покачал головой.

— Квеманская земля — большая,— сказал он.— Квеманов на ней много. Не найдем ничего. Смерть найдем. Да. Одохар сказал: этих квеманов побить — назад идти. И ты с нами иди, Аласейа. Ты — сильный вождь. Удачу приносишь. Прости, что я тебе квемана убить не дал...

И тут же они оба, наперебой с Книвой, принялись убеждать Алексея, что зря он так разгневался, что даже глядеть не захотел, как квемана допрашивают. Мертвый квеман ведь ничего не скажет. Или Аласейа умеет с мертвыми говорить? Умеет? (Коршунов покачал головой.) Ну вот! Значит, прав Агилмунд. А теперь Аласейа вполне может квемана прикончить за то, что тот руками своими непотребными к священной вещи Геннаха прикасался. Пусть только прикажет Аласейа — и квемана тотчас приведут, точнее, принесут, потому что сам квеман ходить не может, сомлел от Агилмундовых вопросов.

— Да хрен с ним,— буркнул Коршунов по-русски. И добавил по-местному: мол, гнев прошел, и не нужна больше ему, Аласейе, квеманова жизнь.

Это сообщение очень обрадовало и Книву, и Агилмунда. Оказалось, что квеман этот представляет большую ценность. Поскольку мужество изрядное проявил. Такого выдающегося квемана было бы очень хорошо в погребальной церемонии ис-

пользовать, когда, по возвращении их, в поселке мертвых будут хоронить.

Как именно предполагалось использовать мужественного квемана на похоронах, Коршунов спрашивать не стал. Он и так догадывался. Да и наплевать ему было.

Алексею нужно было принять решение. Причем сделать это сейчас. Искать ли ему Генку самостоятельно? Или вернуться с Агилмундом?

Ответ на вопрос был дан самим Черепановым. Точнее, его собственными словами: единственный безопасный способ перемещаться по этой земле — во главе личной армии. Значит, так тому и быть. Сегодня он, Леха Коршунов, сделал еще один шаг в данном направлении. Вполне удачный шаг. Так что, пройдет еще какое-то время...

А Генка не пропадет. Не такой человек подполковник Черепанов, чтобы пропасть. Он продержится. А Коршунов сколотит-таки свою армию. И тогда хана кветанам. И их богам тоже хана.

«Короче так, Генка,— мысленно поклялся он.— Я к тебе приду и вытащу тебя из любой жопы. Ты только дождись...»

— Мы возвращаемся,— сказал Коршунов вслух.— К Одохару. И уходим сразу. Пока другие кветаны не пришли.

Возражений не последовало.

Правда «сразу» не получилось. Надо было еще:

«упаковать» добычу,

отобрать пленников, которых собирались взять с собой,

хорошо покушать,

перетрахать всех кветанских женщин подходящего возраста.

Именно в такой последовательности. А уж проделав все необходимое, спокойно трогаться в путь.

На всякий случай Агилмунд отрядил четверых воинов наблюдать за окрестностями. Из поселка точно никто ускользнуть не мог, но ведь и гости могли в городище заявиться. Могли, но не заявились. Так что ближе к закату небольшой караван, состоящий из двух десятков впряженных в волокуши кветанов, шести наиболее приглянувшихся кветанок (тоже изрядно навьюченных), освобожденных пленниц и очень довольных победителей, перебрался через болото и отправился в обратный путь.

Освобожденные девушки, впрочем, были не слишком веселы. Особенно Алафрида, которая в одночасье лишилась всех

родных, да в придачу друг сердечный пропал в неизвестном направлении. Еще пару дней назад Коршунов непременно постарался бы ее утешить. Хотя бы из чувства долга перед Генкой. Но не сейчас. Жива, цела — и ладно. Остальное... Перемелется — мука будет.

К концу второго дня они добрались до места, где были оставлены лошади, а к полудню третьего уже были дома. Хотя это место Алексей вряд ли назвал бы своим домом, но по местным законам его «дом» был именно здесь. Поскольку здесь жил род его «квено» Рагнасвинты. Впрочем, Коршунов пока даже и не догадывался о том, что женат.

Глава шестая

Алексей Коршунов. Тризна

Нет, эти люди — ненормальные. «Законсервировать» своих покойников, обмазав тонким слоем меда, и держать так до возвращения «мстителей» — это нечто. Когда «консервы» укладывали на погребальные кос ры, шмон стоял: на сто метров не подойти. А этим — хоть бы что. С шутками-прибаутками, ГОЛЫМИ РУКАМИ, таскали полуразложившиеся трупы. Страшно довольные, потому что «мстители» вернулись с победой, добычей и двумя десятками квеманских мужиков, половину из которых (тех, кого компетентные специалисты признали наиболее отважными) предполагалось прикончить и кинуть в погребальные костры, «дабы в посмертии свидетельствовали доблесть погибших».

Еще меньше Коршунов понимал квеманов, которые покорно брели на убой, надрываясь, тащили волокуши, хотя иным, раненным во время захвата городка, и просто ноги переставлять было трудно. И наверняка ведь знали, что их ждет. Да любой нормальный человек в подобной ситуации шагу не сделал бы. Что это? Рабская психология? Но эти люди не были рабами ни по рождению, ни по воспитанию. С точки зрения Коршунова, они вообще мало чем отличались от обитателей поселка. И язык почти такой же, и внешнее сходство имеется. И дрались за свое городище достаточно отважно и упорно. А потом враз переме-

нились. Как будто поменялись ролями в игре «казаки-разбойники». Что стоило бы, например, любому из них скинуть петлю волокуши и ломануться в лес? В свой собственный лес, кстати. Ну догнали бы... может быть. Ну убили бы... в самом худшем случае. Почему люди, которым, по сути, нечего терять — хуже точно не будет,— идут на убой? Прямо как овцы на мясокомбинате. Даже хуже. Овцы-то как раз не знают, что их будут убивать. Кабы знали, хрен бы пошли. А эти знают — и идут. Какой-то идиотский фатализм. И с этим следовало разобраться. Обязательно. Потому что Коршунову среди этих людей — жить. И если все сложится, как задумано, ему этими людьми придется командовать. Следовательно, надо знать, что ими движет. Какие у них жизненные ценности. Ведь если группа людей ведет себя поидиотски, это еще не значит, что они дебилы. Возможно, у них иные жизненные ценности. Возможно, они прошли соответствующую обработку (как, скажем, члены тоталитарной секты в том мире, откуда выпали сюда Коршунов с Черепановым), возможно (и наверняка), они иначе относятся к смерти. Разве мало людей, для которых честь важнее жизни? Может быть, эти квеманы полагают честью, проиграв битву, умереть на погребальных кострах победителей? А что, очень даже может быть. Разве можно назвать дурой жену того здоровенного парня, Герменгельда (одну из трех, попавших в плен к квеманам и освобожденных «коммандос» Коршунова), которая, узнав о смерти супруга, перерезала себе горло и была уложена на костер рядом с мужем? Разве кое-кто из современниц Алексея не захотел бы поступить так же в аналогичной ситуации? И поступили бы, если бы традиция одобряла подобное. А здесь такое действие не только не осуждалось, но и считалось вполне достойным. Честь выше жизни. Детские игры взрослых людей. Смертельные игры. Правда, дети самоубийцы не остались сиротами. О них, как понял Коршунов, должен был позаботиться род.

Пылали костры, в воздухе плыл чад горелого мяса. Шипело пиво, льющееся из кувшинов в чаши. Хрустели на зубах свиные хрящи и утиные косточки. Тризна!

Нет, у этих ребят определенно другая психология. И все же кое в чем сходство с современниками Коршунова — налицо. Кое-кто из тех тоже мог нажраться на поминках до полного освинения. ТАМ Алексей терпеть этого не мог, здесь же... Как будто что-то родное проступило.

Длинные столы были поставлены на речном берегу. В непосредственной близости от чадящих погребальных костров.

Пили все. Сельчане обоих полов, скалксы (так по-здешнему называли холопов, полурабов-полуработников, не имевших «гражданских прав»), дружинники Одохара. Даже обнаглевшие хундсы ухитрялись лакать из хозяйских чаш, когда хозяева сами уже были не в состоянии.

Прислуживали главным образом пленные квеманы. Последние, кстати, могли кардинально подпортить победителям праздник, подмешав яду в напитки или попросту перерезав горло не вяжущим лыка...

Ели, пили, отползали проблеваться — и снова ели и пили.

Коршунов тоже пил. «Квено» Рагнасвинта внимательно следила, чтобы их чаша (пили они из одной емкости) не пустела. Властно покрикивала на «обслуживающий персонал». Очень быстро захмелела и принялась «грязно приставать» к Алексею. Впрочем, такое поведение не было чем-то особенным. Слева от Коршунова «тесть» Фретила оглаживал пышные формы Свинкиной мамочки, а слева от мамочки ее старший сын Агилмунд, усадив на колени пленную квеманку, недвусмысленно шарил у нее под юбкой, и нельзя сказать, чтобы квеманке это не нравилось, а кто-то из присутствующих косо поглядывал на происходящее.

Впрочем, один недобрый взгляд Алексей все же поймал: старый знакомец Алзис пялился на Коршунова с откровенной ненавистью. Коршунов никак не мог взять в толк, почему этот угрюмый парень так злобится. Неужто так из-за той квеманки обиделся? Впрочем, это его трудности. Но раздражает.

Может, пристрелить его? За поясом Коршунова красовался черепановский ТТ (сквозь кольцо пропущен ремешок — не дай Бог потеряется), поэтому он чувствовал себя круче страусиных яиц. Тем более что все серьезное оружие пирующих было аккуратно сложено в избе Фретилы: на тризне вооруженным пировать не полагается. Хотя ножи, конечно, были у всех. И у Коршунова. У него был самый крутой нож, поскольку — ТАМОШНЕГО производства. В спаскомплекте Алексей обнаружил пару «ножей выживания»: с кучей полезных вещей в полых рукоятях и устрашающими зазубринами на обухе. Но главным их достоинством были, конечно, не зазубрины, и даже не крючки-иголки в ручке, а невероятной твердости нержавеющая

сталюга. Пожалуй, с точки зрения полезности эти штуковины были поценней, чем тесаки-«мачете».

Родич покойника Хундилы сверлил Коршунова взглядом, пока это не заметила Рагнасвинта. Она сразу оживилась. Пихнула Алексея: видишь, мол, как эта немочь на тебя смотрит? Ну не весело ли? И очень звонко расхохоталась. Тут Алзис, который и без того был бледен, и вовсе позеленел, шваркнул об стол недопитую чашу, обрызгав соседа пивом, и сбежал.

Более или менее пристойно вели себя те, кто обосновался во главе стола. Там устроился сам Одохар, а справа от него — Травстила.

Рикс пил относительно немного, а Травстила, хоть и вливал в себя чашу за чашей, оставался в идеальной форме.

Они беседовали. Причем вполне вероятно, что беседовали — о Коршунове. Алексей пару раз ловил на себе их взгляды. Но самого разговора не слышал. От Одохара Алексея отделяли всего двое: Фретила с супругой, но гам стоял такой, что Коршунов и Рагнасвинту слышал через слово, а понимал — через пять. Впрочем, ее и слушать было нечего. Обычное щебетание...

Как в анекдоте: «А у меня жена — такая умница. И красавица, и по дому все делает, и веселая такая: все щебечет, щебечет, щебечет... идиотка...»

Одно из железных правил, усвоенных Коршуновым в ТОЙ жизни: чем меньше пытаешься вникнуть в смысл того, что говорит женщина, тем лучше для обоих. Главное — правильно улавливать интонацию.

Агилмунд внезапно воздвигся из-за стола, перешагнул через скамейку, подхватил молоденькую квеманку поперек туловища и молодецким рывком вскинул на плечо.

Квеманка запищала и задрыгала ногами в воздухе. Одежка ее задралась, явив взглядам пирующих не только ноги, но и то, что между ними. Вслед Агилмунду полетело несколько реплик. Очевидно, рекомендации по поводу того, как наилучшим образом употребить аппетитный «десерт». Агилмунд реплики проигнорировал. Пошатываясь — не от тяжести ноши, конечно, а от поглощенного пива,— направил стопы к ближайшим кустам.

Рагнасвинта больно укусила Коршунова за ухо. Как он смеет глазеть на «прелести» какой-то квеманской девки, когда она рядом! Куснула — и тут же принялась ласкаться.

А на дальнем конце стола тем временем назрела ссора. Одохаровский дружинник Ахвизра наехал на Книву. Заговорил яростно, обвиняя его в чем-то. Коршунов расслышал имя «Нидада». Алексей знал, что так звали парня, которому перерезали горло на болоте. Почему — еще не разобрался. Что-то, связанное с квеманами и Книвой.

Он еще размышлял, стоит или не стоит вмешиваться, когда Книва что-то брякнул, а разъяренный Ахвизра вскочил и схватил его за горло. Тут уж медлить было нельзя, и Алексей бросился на помощь. С другой стороны на подмогу брату устремился Сигисбарн...

Но быстрее всех успел рикс.

— Ахвизра! Отпусти! — рявкнул он командным голосом.

И Ахвизра с явной неохотой разжал пальцы.

Книва, потирая горло, глядел исподлобья. Волчонок.

— Иди сюда, Ахвизра! Сядь! — Рикс хлопнул рядом с собой по лавке.

— Аласейа! — Рагнасвинта повисла у него на локте и затараторила. Насколько сумел понять Коршунов, она советовала ему немедленно прикончить нехорошего Ахвизру, покусившегося на ее родича.

Ахвизра, как раз проходивший мимо, приостановился, поглядел на Коршунова угрюмо... А потом вдруг ухмыльнулся, подмигнул и, показав на Рагнасвинту, сделал неприличный жест. Подруга Коршунова свободной рукой попыталась ответить на оскорбление действием, но Ахвизра ловко увернулся, захохотал и вполне довольный плюхнулся рядом с риксом. И тут же ухватил кувшин с пивом.

— А он прав,— заметил Коршунов.— Пойдем-ка на речку.

Рагнасвинта нахмурила светлые бровки... Потом сообразила, просияла и потащила Коршунова на бережок.

На *это* дело она готова была утром, днем, вечером, ночью — словом, в любое время суток. Но никогда сама не проявляла инициативы, за исключением того, первого, раза. Должно быть, этого требовали местные правила хорошего тона. А традициям здесь, как успел заметить Коршунов, следовали железно. Все. От десятилетнего пацана до самого рикса. Нужно было быть богом или залетным героем вроде Коршунова, чтобы тебе позволили нарушить некоторые из правил. Богом или скалксом.

Глава седьмая

Алексей Коршунов. Местные понятия о браке

Просвещал Алексея Книва. Сигисбарн же — присутствовал. Восседал на пеньке с важным видом, молча свидетельствуя истинность сказанного младшим братом.

Итак, все здешние женщины, обладающие гражданскими правами, делятся на три категории: мави, тиви и квено.

Мави — это незамужняя девица. Мужней власти над ней нет, только родительская. Посему она может делать все, что ей заблагорассудится. В рамках дозволенного традицией. Рамки эти довольно широки, но кое-что запретно. Например, нельзя вольной девице потерять невинность. Потому что после этого она автоматически переходит в одну из двух следующих категорий: становится квено, то есть мужней женой, если совратитель девицы выразит на то свое желание. Или же — тиви, если попользовавшийся девушкой такового желания не выразит. Но он может оставить бывшую девицу при себе. В качестве наложницы. Или не оставить. Опять-таки — на усмотрение совратителя. То есть девица сама остро заинтересована в том, чтобы соблюсти честь, иначе ее социальное положение может существенно упасть, поскольку ярлык «тиви» — это пожизненно. И это не только позор, но и ущемление в правах — и для самой согрешившей девицы, и для ее детей. Ограниченное право наследования, например. Но не следует думать, что любому обольстителю «порча» невинной девушки сойдет с рук. Потому что за каждой здешней девушкой, как правило, стоит род. А родичи могут счесть, что превращение их представительницы в «тиви» является оскорблением рода. Согрешившую могут и убить: как-то казнить с помощью лошадей. Ну и совратителю, ясное дело, тоже мало не будет. Вопрос о том, ущемлена ли честь рода, решает старейшина. Например, если род не Бог весть какой крутой, а совратитель — рикс или выдающийся воин — согласен взять бедняжку в наложницы, так и ладно. Но «тиви» — это пожизненно. В законные жены ее уже никто не возьмет.

Вот, например, Аласейа мог бы Рагнасвинту в наложницы взять. При желании. Поскольку он есть официально признанный «небесный герой», а Рагнасвинту к нему лично батька Фретила заслал. Но Аласейа, к роду Фретилы и раньше необычайно рас-

положенный, решил и вовсе беспредельное почтение роду сему оказать: взял девку в законные жены. И это хорошо, потому что крайне своенравна Рагнасвинта. Не то что братьям старшим — отцу с матерью непрерывно перечила. Чтобы такую укротить, настоящий герой нужен: обычному мужу не совладать.

Сказать, что Коршунов удивился, получив эту информацию,— значит, сильно преуменьшить его истинные чувства. Неожиданно узнать, что милая подружка, которую ты рассматриваешь именно в этом качестве и ничуть не более,— является твоей законной женой... Конечно, Алексею хватило ума держать свое удивление при себе. А то ведь оскорбленные родичи и зарезать могут. Или конями стоптать. Предельно деликатно и осторожно Коршунов попытался выяснить, в чем выразилось его согласие взять очаровательную Свинку в законные жены. Выяснил. Выматерился про себя самыми нехорошими словами.

Оказалось, знаком согласия является так называемый утренний дар. Компенсация за пролитие девственной крови. В данном случае — шелковый вкладыш от спальника, так его растак! Муж дает этот самый «утренний дар», а жена приносит приданое, примерно равное по стоимости «дару».

Тут Книва поспешил заверить новоявленного родича, что это самое приданое никто не замылил. Все уже отложено в отдельный сундучок. А ежели Аласейа решит, что мало — они же понимают, как велика цена «небесной» ткани (Сигисбарн энергично кивнул),— то можно и прибавить, нет проблем. Род Фретилы — богатый. Вотан свидетель, не пожалеет Аласейа, что с ними породнился.

«А может, все не так уж и огорчительно?» — подумалось тут Коршунову.

Кто он тут? «Небесный герой». Статус, конечно, высокий, но неустойчивый. Насколько знал Коршунов, чтобы стать своим в сообществе подобного типа, надо здесь родиться. Пришелец, проживи он рядом хоть тридцать лет, все равно остается пришельцем. Но если он женат на местной — совсем другой расклад. Да везде так! Хочешь войти в высшую касту: соединись супружескими узами с тем, кто уже внутри. Иначе так и помрешь нуворишем.

— А как насчет развода? — поинтересовался Коршунов.— Что делать, если взаимоотношения супругов не сложились? Бывает такое?

Бывает, признал Книва. В этом случае жена собирает вещички (приданое и часть нажитого совместно имущества — сколько муж даст) и возвращается к папаше. Тиви она после этого не становится и может вдругорядь замуж выйти за хорошего человека. Но такое редко бывает. Чаще квено не разведенкой становится, а вдовой. Вдова же может наследовать имущество мужа полностью. Но традиция этого не одобряет. Традиция полагает, что жена обязана последовать за мужем. В лучший мир.

А вот для тиви это не обязательно. Хотя ежели захочет — милости просим. Общественное мнение такое решение вполне одобрит.

«Надо будет завещание составить,— сделал заметку в памяти Коршунов.— Ежели со мной что случится, то я настоятельно требую, чтобы Рагнасвинта за мной не последовала». Обоснование какое-нибудь серьезное придумать и Фретилу в свидетели взять. По здешнему образу жизни, грохнуть могут в любой момент. И незачем юной Свинке в его погребальном костре гореть. Ни к чему.

Внезапно в голову Коршунову пришла интересная мысль.

— А сколько у мужчины может быть жен? — поинтересовался он.— Одна? Или больше?

Книва с Сигисбарном искренне удивились.

— Конечно, одна,— последовал решительный ответ. При двух женах как после смерти мужа имущество делить между наследниками? Нет, квено только одна. А вот тиви — сколько потянешь. Вот у Одохара, военного вождя,— две тиви. А у Стайны, вождя мирного,— целых три. Хотя говорят, он, хи-хи, и с одной-то еле управляется. И такому воину, как Аласейа, просто положено тиви иметь. Куда он иначе будет силу свою изливать, когда у квено дни неподходящие или там беременность на последнем месяце?

Тут впервые подал реплику Сигисбарн: мол, можно и без тиви. Можно и рабыню попользовать. Вот он, Сигисбарн, вполне обходится. С рабыней оно даже и проще: подол задрал — и поехали. Никаких хлопот, и от дурного женского нрава ущерба не потерпишь.

Книва возразил, что это у Сигисбарна могут быть с женщинами хлопоты, а у «небесного героя» Аласейи таких проблем в принципе быть не может. Под Аласейей любая женщина змейкой стелиться будет. Вот на ту же Рагнасвинту поглядеть: до че-

го вреднющая девка, а Аласейе просто в рот смотрит. Аласейа и сказать не успел, а Рагнасвинта уже бежит исполнять.

«Ну Аласейа иной раз и скажет — не поймешь»,— возразил Сигисбарн. Но в целом согласился: вышколил Аласейа жену. Причем в самые кратчайшие сроки. Ну так и не удивительно: он же герой.

«Н-да,— подумал Коршунов.— Какие интересные вещи вдруг про себя узнаешь. Самому бы сроду не догадаться».

Глава восьмая

Алексей Коршунов. «Одохар зовет!»

Послышался стук копыт. Со стороны поселка наметом подлетел всадник. Осадил, красуясь, точно у ворот.

Агилмунд.

— Аласейа! Одохар зовет! — Подумал немного и добавил: — Хорошо зовет. Приходи! — Развернулся и полетел обратно.

Сигисбарн и Книва проводили старшего брата завистливыми взглядами.

Коршунов озадачился: в каком смысле «хорошо зовет»? В смысле: приходи по-хорошему? Или — с почтением приглашаю?

Решил, что второй вариант ближе. С чего бы рикс стал ему угрожать?

— Я сейчас,— сказал он новообретенным родственникам и зашел в избу — переодеться.

По зрелом размышлении решил снятую с квеманского вождя куртку, местный «бронежилет», не надевать. И шлем тоже. Нацепил трофейный пояс непомерной ширины, к поясу привесил тесак и «рэмбу», выживательный ножик. На шею хронометр нацепил. На местных жителей хронометр производил убойное впечатление: днем блестит, ночью светится, циферки мигают, стрелки двигаются...

Поверх всего этого «великолепия» накинул плащ из красной парашютной ткани. С точки зрения нормального человека — натуральный клоун, но местным должно понравиться. Им — чем ярче и пестрее, тем лучше. Вот и братья Фретилычи аж рты открыли в восхищении. Эх, им бы телевизор показать или почти но-

вую сотую «авдюху», которую Алексею из Германии полгода назад пригнали... Эх! Да...— Коршунов печально вздохнул.

— Пошли,— сказал он.— Рикс ждет.

Одохар «съехал» с холма и теперь квартировал у Фретилы. Дружинники тоже разбрелись по уцелевшим дворам. Все они были или сами здешние, или родственники здешних. Вот уж воистину родовой строй.

Внешний вид Коршунова риксу понравился. Особенно плащ и хронометр. Плащ восхитил — таких ярких красителей здесь не водилось, а хронометр заинтересовал. Коршунов отметил в уме: надо бы Одохару кусок парашюта подарить.

— Добро тебе, рикс,— поприветствовал Коршунов.

— Добро и тебе, Аласейа.

Домочадцы Фретилы вкупе с прочими любопытными по ту сторону плетня с интересом внимали.

Одохар окинул взглядом «зрителей», хмыкнул:

— Пойдем, Аласейа,— и, со значением: — Это разговор двоих.

Они вышли с подворья, и Одохар решительно направился к холму. Вопреки ожиданиям Коршунова, никто за ними не увязался.

— Ты не нашел своего друга-героя, Аласейа,— утвердительно произнес рикс.— Будешь искать?

— Буду,— ответил Коршунов.— Не сейчас. Позже.

— Понимаю.— Одохар шагал быстро, размашисто, совсем не так, как ходят во время прогулки. Но рикс всегда так ходил.— Понимаю. Ты герой. Но ты — один. Квеманов много. Даже Иббе-вутье не победить всех квеманов.

Коршунов слыхал это имя и знал, что вутья — что-то вроде берсерка. Вероятно, рикс сказал ему комплимент.

— Даже герою нужна дружина. Я дал бы тебе воинов, Аласейа,— сказал Одохар.— Я знаю, что ты удачлив. В нищем селении большую добычу взял, пленников всех своих обратно привел.

— Твои воины хорошо бились,— тоже решил польстить Коршунов.

— Они всегда хорошо бьются,— отмахнулся Одохар.— Храбрости воинов мало. Удача вождя нужна. Ты удачлив. Я дал бы тебе воинов, чтобы отыскать твоего друга Геенаха, но не

могу. Я большое дело задумал, Аласейа. Большой поход. Не один я пойду. Другие вожди тоже пойдут. Не одни лишь гревтунги. Герулы пойдут. Боранов позовем. Большое войско поднимем. Богатую добычу соберем. И славу немалую...— Рикс остановился, заглянул в глаза Коршунова: — Пойдешь со мной, Аласейа?

У Коршунова чуть не сорвалось: «Да», но он вспомнил, как Генка когда-то сказал: «Никогда не говори „да" сразу. Сначала подумай. А если думать не о чем, просто помолчи».

Поэтому Коршунов молчал, и Одохар, видимо, решил, что собеседник колеблется.

— Твой друг — великий воин,— сказал он.— Сам Овида-жрец так сказал. Не станут квеманы такого воина губить. И боги их не станут. Вернемся из похода — сам к квеманам пойду. Не отдадут Геннаха добром, силой возьмем... Пойдем со мной в бург, Аласейа! Пойдем со мной в великий поход! Я тоже удачлив, но и твоя удача пригодится! Больше удачи лучше, чем меньше! — Рикс улыбнулся.— Что тебе здесь, Аласейа? Вон и родичи твои со мной в бург пойдут. Фретила тебе телегу даст: добро везти. Я слыхал, у тебя много добра, Аласейа?

«Интересный вопрос»,— подумал Коршунов. Ответил осторожно:

— Кое-что есть. Не так уж много.

Одохар расхохотался.

— Вижу, не зря Фретила с тобой породнился,— заметил он.— Такие, как он и ты, бедными не бывают. Таким люди сами дают и спрашивают: не мало ли дали?

«Твои бы слова — да в уши каким-нибудь питерским банкирам,— подумал Коршунов.— А еще лучше московским...»

Тут он вспомнил, что нет больше ни банков, ни банкиров и от всего прежнего остался только спускаемый аппарат, утопший в здешнем болоте, да Генка Черепанов — неизвестно где... Вспомнил и опечалился. Но виду не показал.

— Благодарю тебя, рикс, за приглашение,— произнес он ровно.— Я поеду с тобой в бург. И в поход с тобой пойду... Если не передумаешь.

— Мое слово крепко, как древко копья Вотана,— с легкой надменностью произнес Одохар.— Иди собирайся. Завтра поутру уходим.

Глава девятая

Алексей Коршунов. «Были сборы недолги...»

Самым ценным предметом, оставшимся от ТОГО мира, безусловно, была аптечка. Антибиотики, стимуляторы и транквилизаторы, обеззараживающие и дезинфицирующие средства, витамины, даже сыворотка от змеиного яда. А вот самым ценным с точки зрения мира ЭТОГО, несомненно, являлся парашют. Хотя и прочие предметы были весьма ценными. Например, два отличных компаса. Ножи, фляжки, «пингвин», шестнадцатикратный монокуляр (к счастью, без электроники, голая оптика), спальники, крохотная палатка. И даже кучка вроде бы бесполезной электроники, вроде компактного газоанализатора. Все имущество ОТТУДА, за исключением парашюта, уместилось бы в одном рюкзаке, а весило вообще пустяки. Поскольку те, кто комплектовал снаряжение, боролись за каждый грамм веса. Но кроме имущества «небесного» у Коршунова имелись и «земные» богатства. Трофеи, взятые во время набега на квемачов: тройная доля, причитавшаяся Алексею, формальному командиру. Одного только «сырого» железа — почти три пуда. Железо Коршунов уже «пристроил»: договорился с Травстилой, который тоже ехал в бург вместе с Одохаром. Но доставка — на Коршунове. Еще — приданое Рагнасвинты. Два бочонка, набитых всяческим барахлом, несколько мешков зерна, пудовая «упаковка» меда. Все принято Коршуновым, можно сказать, «по описи». Пришлось. Иначе Фретила обиделся бы смертельно. Так что телега, предоставленная тестем (на время, как было особо подчеркнуто), оказалась нагруженной под завязку. Кроме того, Коршунов обзавелся конем. Коня, крепкого рыжего мерина, сторговали для Коршунова вместе с упряжью Сигисбарн с Книвой. Выглядел мерин так себе, но братья утверждали, что конь хорош. Алексей не спорил: он разбирался в лошадях примерно как братья — в мотоциклах. Стандартную местную упряжь Коршунов дополнил собственным новшеством: стременами. У некоторых дружинников новация вызвала улыбки. Мол, если кто верхом ездить не умеет, так все равно свалится, а от этих висюлек только хуже будет. Нога, например, застрянет... А вот рикса идея весьма заинтересовала. Он даже само-

лично их попробовал, проехавшись на коршуновском мерине. И заявил, что для обычной езды от стремян проку немного, а вот для боя они могут быть очень полезны: это ж совсем другой удар получается, если ноге есть во что упереться. Одобрил, одним словом.

Утром тронулись. Одохар — впереди. С широких риксовых плеч волной — бело-алый плащ из двух сшитых вместе кусков парашюта. Коршунов выполнил данное самому себе обещание. За риксом — дружина. За дружиной — караван. Шесть возов. Вернее, фургонов. Напоминающих те, что Коршунов видел в ковбойских фильмах: солидные деревянные платформы на больших колесах, с «верхом» из толстой кожи. Плюс упряжка из пары лошадей. Фургоны везли квеманскую добычу и кое-какое барахло, переправляемое поселянами в бург. Первым экипажем, набитым имуществом Коршунова, правила Рагнасвинта. В синем плаще из дареного супругом вкладыша. Сияя, как хромированный чайник.

За первым возом следовал второй. С добром Фретилы. И третий — тоже с имуществом «тестюшки». Вторым фургоном правил Книва. Третьим — коренастый квеман, трофейное «имущество» Коршунова. Не то чтобы Алексей рвался в рабовладельцы, но квеман, как выяснилось, не имел ничего против. Больше того, был даже горд, что попал в рабы к самому «небесному герою».

Ехали по дороге, мало чем отличающейся от обычного проселка между какими-нибудь Дьячково и Осинниками. Только колеи поуже: под тележное колесо, а не под трактор. Вокруг шумел лесок, довольно молодой, чирикали птички, в кустах шустрила какая-то мелочь. Да и не только мелочь: нередко пересекали дорогу цепочки «парнокопытных» следов. С дичью тут было все хорошо. Что естественно. Вон сколько места вокруг, а народу — раз-два и обчелся.

Дружинники ехали беспечно: дозоров не высылали, чесали языками, дремали... Ахвизра вон меч взялся шлифовать, который на свою долю квеманского железа сменял. А когда по клинку точильным камнем водят, звук известно какой. Дружинники ворчали, а Ахвизра и в ус не дул. Совершенно безбашенный мужик. Особенно ежели выпьет. Есть такой тип... «искателей при-

ключений», которые, накушавшись, только и ищут, какое бы безобразие учинить. Тем более, Ахвизра, как пояснил Книва, старший в роду. И последний. С тех пор, как Нидаду на болоте зарезали. Так что Ахвизре стесняться некого. Он вообще только Одохара и слушается. Да еще Агилмунда, потому что Агилмунд — посильнее Ахвизры. И ума у Агилмунда побольше, не без гордости добавил Книва.

Когда Коршунову наскучило стучаться копчиком о седло, он перебрался к Книве. Безрессорная телега тоже не «мерседес», но если сесть на мешок с шерстью — вполне терпимо. По пути Алексей попытался прояснить для себя навязчивый вопрос: почему не страдающие трусостью квеманы вдруг так резко сломались и пошли — кто под рабское ярмо, кто и вовсе на тот свет?

Оказалось — элементарно. Потому что исход любой битвы (по местным понятиям) зависит не столько от количества войска или храбрости оного, сколько от благорасположения горних сил к конкретному полководцу и конкретному же военному мероприятию. А божественное благорасположение, в свою очередь, определяется по прогнозам профессиональных предсказателей (жрецов), личному рейтингу полководцев и, главное, по результатам самой акции. Иначе говоря, если ты победил, значит, боги к тебе благоволят. А к противнику, соответственно, нет. И следовательно, ни о каком немедленном реванше или продолжении борьбы и речи нет. Сначала надо реабилитироваться в глазах высших сил. Например, личным участием в погребальной церемонии противника. В качестве жертвы.

«Выходит, если я удачлив, то могу в одиночку победить десятерых, не уступающих мне силой?» — осведомился Коршунов.

«Если твоя удача с тобой — можешь»,— последовал уверенный ответ. Но тут же последовало дополнение: только вутья, личность, особо приближенная к богам, набрасывается один на десятерых. Тот же, кто, не будучи вутьей или величайшим воином, попытается проделать подобное, тот просто дурак. И получит соответственно. Ведь все знают: кого боги не любят, того они лишают здравого смысла. О какой же удачливости тут может идти речь? — Книва даже удивился, что Аласейа не понимает таких элементарных вещей.

Конечно, Коршунов отдавал себе отчет в том, что услышанное — изложение местной воинской доктрины в понима-

нии местного же салажонка. Но Книва же не сам все придумал. Нет, такой подход определенно открывал Коршунову отличные перспективы. Особенно если учесть, что сам он, окажись в положении кандидата в жертвы, изо всех сил постарался бы унести ноги. Пусть местные боги обижаются: их проблемы. С другой стороны, набрав значительную массу личной харизмы, можно игнорировать мелочи, которые путаются под ногами. В том числе и «благорасположение» местных богов. Если даже допустить, что они существуют. Анекдот есть такой, про носорога. Носорог очень большой, у него хорошее чутье и слух тоже хороший, и бегает он очень быстро. Правда, зрение у носорога совсем плохое, не видит ни хрена... Но это уже не его проблемы.

С квеманов разговор перешел на более общие темы. О том, где какие народы живут.

Книва, разумеется, был полностью в курсе. Информацией, как всегда, делился охотно. Правда, понимал Алексей не все, но суть, как ему казалось, улавливал...

На восход и отсюда на много поприщ все правильные люди живут. Славные. По понятиям живут и со здешним племенем, тоже славным безмерно, почти что в родстве. А вот на полдень — народишко похуже обитает. Герулы. Ближние герулы — с которыми недавно война из-за оленя приключилась (в ней Книвин братан Агилмунд лично участвовал) — и дальние. Ближние герулы с дальними в постоянном несогласии пребывают. А с Одохаром у них теперь, после хорошей драки,— мир и дружба. На почве планов будущего совместного грабежа. В общем нормальные ребята. От новых родичей Коршунова почти не отличаются. И язык у них нормальный. Человеческий. За герулами, там, где вода большая, бораны хищные обитают, жадные — страсть! У этих и речь не людская, и боги неправильные, но сами — с понятиями мужики. Об этом некий Меритойс рассказывал, который у боранов долго тусовался и речь их бестолковую разуметь научился. С боранами у здешних проблем нет, поскольку помыслы алчных боранов на полдень устремлены, а не на полночь. Не сюда то есть. Если от боранов через море плыть — к ромлянам попадешь. Ромляне — народ хилый, мелкий, но многочисленный. И богатств у них много. Потому бораны к ним тянутся, а не к тем, кто от них на полночь. Хотя вот с герулами бораны время от времени сцепляются. Книва в

бурге видел двух рабов из боранов. Их у герулов на шкуры сменяли. Тех боранов две зимы назад, когда недород был, в жертву богам принесли. По слову Стайны, вождя мирного. И вняли боги. Стало быть, дошли бораны до наших богов и умолили их к нам снизойти...

...На закат — квеманы злобу точат. За квеманами на полночь анты хищные ярость в себе пестуют, с квеманами в пакостности соревнуясь. А на полдень от антов, где земля безлесна, люди кочевые сарматского корня рыщут. И у антов, и у сармат боги свои, и не счесть богов этих.

А если долго-долго идти на закат, на полночь немного беря, то придешь в край, где сидят племена, змей почитающие. От тех племен до Скандзы недалеко.

На полночь же от земель здешних совсем страшные и лютые народы обитают. Лесами их земли покрыты. И жуткие дела в тех лесах творятся. Сказывают люди, что народов и племен там без счета, и богов великое множество. И дики те народы и в убожестве век свой живут. Еле-еле одежду из шкур звериных скроить себе могут, а к стрелам костяные наконечники ладят.

В общем, скрасил Книва Алексею путешествие занятными байками. К сожалению, информация была достаточно расплывчата. И карту по этому описанию составить было абсолютно невозможно. С другой стороны, если ни о боранах, ни о герулах Коршунов в прежней жизни не слыхивал, анты и сарматы вызывали какие-то полузабытые ассоциации.

— Слушай, Книва, а вы-то — кто? — задал Алексей давно назревавший вопрос.

— Мы? — Книва удивился.— Мы — люди.

— Это я понимаю. Вот ты говоришь: квеманы, герулы... А себя вы как называете?

— О! — Книва понял, просиял.— Мы — славные! Очень хорошие! Готс! Славные люди мы!

М-да... Славные люди. Можно сказать, славяне. Что ж, судя по месту обитания и быту — похоже. Если исходить из того, что это — прошлое. Вот только язык не похож. Не мог же он настолько измениться. Или — мог? Или это вовсе не прошлое, а хрен знает что?

Ладно, разберемся, успокоил себя Коршунов. Вот до Рима доберемся — и разберемся. И с оленями, и с баранами. Римля-

не — ребята четкие: письму обучены, хронологии. Дело за малым: собрать армию из здешних вандалов и — дранг нах остен, то бишь вперед на Рим. В императоры. Согласно Генкиному проекту. В Риме хорошо. Там — куртизанки. Бани там... римские. Эх...

— Книва, а вы, случайно, не вандалы?

Юный родич энергично замотал головой. Нет, не вандалы. Ни в коем случае. Вандалы — они там живут (широкий жест в сторону леса), и люди они нехорошие, хотя и не без положительных качеств. Подраться любят...

М-да...

Глава десятая

Алексей Коршунов. Гостеприимство мирного вождя Стайны

Сначала Коршунов увидел башню и только потом — сам город. Бург то бишь. Он стоял на открытом месте, над рекой, отделенный от леса зелеными полосами возделанной земли, которая здорово смахивала на какое-нибудь садово-огородное хозяйство под Питером.

Когда Коршунов был маленьким, его родители как-то взяли участочек в таком хозяйстве, соорудили шалаш и убили целое лето, пытаясь взрастить экологически чистый провиант.

Здесь размеры участков были побольше, но сходство все равно было необычайное. Должно быть, из-за ветхих шалашиков и роющихся в земле полуголых человечков.

Сам бург — по здешним меркам — выглядел солидно. Основатели его звали толк в фортификации: поставила крепость на высоком мысу, образованном речной излучиной. С трех сторон, в дополнение к укрепленным бревнами земляным валам, возведенным руками человека, добавлялась преграда естественная: уходящий под воду сыпучий склон. С четвертой стороны был выкопан ров, через который был переброшен бревенчатый настил. Над воротами нависала та самая, заметная издалека деревянная башня.

Размеры бург имел весьма скромные, ограниченные площадью мыса, поэтому большая часть построек оказалась вне го-

родских валов. Постройки эти возводились по тому же «типовому» проекту, что и избы в поселке. Отличались они друг от друга только величиной и «степенью износа».

Примерно в полукилометре от города на берегу располагался «порт». Он состоял из обширной поляны, поросшей дикой травой, пяти длинных черных одноэтажных строений и трех деревянных причалов. У одного из них отдыхал кораблик со свернутым парусом, размерами с рыболовный баркас; на других пирсах местное население занималось стиркой. На речном песке сохло около двух дюжин больших и малых лодок.

Отряд заметили. Работавшие на полях прекратили трудовую деятельность. Кто-то выкрикнул приветствие. Коршунов соскочил с телеги, но на коня не сел, пошел пешком. Не из скромности, а потому что на своих двоих чувствовал себя увереннее, чем в седле.

Копыта коней простучали по настилу. Потом по нему прогрохотали колеса телег. Отряд въехал в ворота. Коршунов с интересом осмотрелся. Вдоль стен, изнутри, плотно, один к одному, теснились дома. Между бревенчатых стен оставался узкий, двум телегам не разъехаться, проход. Улочка длиной не больше ста метров трижды изогнулась, прежде чем вывела на открытое место, центральную площадь, одной из сторон которой был здоровенный двухэтажный домина, самое крупное строение из виденных здесь Коршуновым. На другой стороне имелось нечто вроде небольшого рынка. Остальную часть «обрамления» площади составляли высокие заборы, за которыми маячили весьма респектабельные (опять-таки по здешним меркам) здания.

Прибывших встречали. Зеваки, разумеется, как же без них. И официальные лица, которые четко делились на две группы. Одна выстроилась у двухэтажного дома, вторая — вдоль очень солидного забора, за которым тоже имелось весьма респектабельное здание. У первой группы явного лидера не было, зато второй предводительствовал бородатый мужичина шириной и толщиной с небольшой платяной шкаф. Одет сей образец интенсивного питания был роскошно и совершенно не по погоде: в костюм отличной кожи с тиснением, щедро изукрашенный бляшками и висюльками из драгметаллов. С необъятных плеч ниспадал тяжелый плащ из черного бархата, явно нездешнего происхождения, в мочках ушей имелись золотые серьги, а на голове — бархатная же

шапочка с серебряным шитьем, частично прикрывавшая обширную лысину.

Свита «бархатного плаща» состояла из двух категорий лиц: солидных мужчин среднего и пожилого возраста в «цивильной» одежде (хотя большинство — при оружии) и мужчин помоложе и покрепче, облаченных примерно так же, как парни Одохара. Очевидно, личная охрана толстяка.

Дружинники рикса спешились, Коршунов протиснулся вперед в тот момент, когда толстяк зычно провозгласил:

— Рад вновь видеть тебя, Одохар!

— И я рад, Стайна! — Особой радости в голосе рикса не чувствовалось.

Коршунов покосился на Агилмунда. Старший сын Фретилы, подбоченившись, надменно взирал на «охранников» Стайны. С неприкрытым вызовом. И он был не одинок. Подбородок Ахвизры был задран еще выше, чем у Агилмунда. Во взглядах «охранников» особой приязни тоже не читалось.

Тем бóльшим было удивление Коршунова, когда широкое лицо Стайны вдруг озарилось искренней радостью. И именно в тот момент, когда маленькие, заплывшие жиром глазки остановились на Алексее.

— О! Как я рад! — воскликнул толстяк, устремляясь вперед и заключая опешившего Коршунова в могучие объятия и прижимаясь к его лицу влажной от пота щекой. Объятия разжались, толстяк слегка отстранил Алексея, оглядел его так, словно они были старыми друзьями, не видевшимися лет десять.— Какая честь! Аласейа! Герой, пришедший с неба! Как мы рады! — Он оглянулся, махнул рукой, и хор басов и баритонов «свиты» нестройно загудел: «Рады, рады...»

Цепкий взгляд зажатых между щеками и надбровными дугами глазок остановился на хронометре, в острых, как иголки, зрачках что-то блеснуло... Коршунов даже испугался, что толстяк сейчас сорвет у него с шеи игрушку и быстренько засунет в карман. Но вместо этого Стайна дружески хлопнул Алексея по плечу.

— Добро пожаловать, Аласейа! — провозгласил он, источая радость.— Будь моим гостем, небесный герой! Окажи мне великую честь!

Коршунов слегка растерялся. Имя Стайны он уже слышал раньше и знал, что тот — тоже вождь. И не меньшего уровня,

чем Одохар. Но откуда Стайна знает имя Алексея и все прочее? И чему так бурно обрадовался?

— М-м-м... Я не один,— пробормотал он.

— Знаю-знаю! — воскликнул Стайна.— Герой слетел к нам и оказал всем нам великую честь, породнившись с родом моего друга Фретилы. Но должно герою жить в наилучшем доме бурга. А наилучший дом бурга принадлежит мне. Вели родичам своим везти на мой двор твои сокровища, дабы не затерялись они, а сам будь моим гостем, Аласейа! — Цепкие пальцы сжали локоть Коршунова.— В моем скромном жилище тебе будет хорошо! Раздели со мной трапезу, Аласейа! Лучшее в моем доме — твое!

Хм-м... «Скромное жилище» как-то не вязалось с понятием «лучшего дома в бурге». Но Коршунов не рискнул сказать «нет». Кто знает, может, таковы здешние обычаи?

Алексей покосился на Одохара. Лицо рикса было каменным... Зато на физиономии Рагнасвинты, слезшей с телеги и протиснувшейся в первые ряды, читалось неприкрытое удовольствие... И Коршунов принял решение.

— Благодарю тебя! — произнес он торжественно.— Я счастлив разделить с тобой трапезу, Стайна! Только позволь мне сказать слово моим родичам...— Он деликатно освободил локоть, подозвал Книву.

— Вам есть где поселиться в бурге? — спросил Коршунов вполголоса.

Сын Фретилы кивнул:

— Ты хочешь жить у Стайны?

— Пока только пообедать.

— Не вези твое добро в его двор,— совсем тихо проговорил Книва.— Стайна хитрый, а ты щедрый. Твое добро станет его добром.

— Уговорил,— так же шепотом ответил Коршунов.— Забирай Рагнасвинту (Коршунов решил не брать ее к Стайне. Интуиция?) и устраивайтесь. Справитесь?

— Если что — Агилмунд поможет. Подружись со Стайной, Аласейа. Стайна — большой человек. С ним не дружить плохо. Его голос в бурге везде слышен.

— Постараюсь. Езжайте.

Тем временем стоявшие у длинного дома смешались с дружинниками, сопровождавшими Одохара, а нагруженные фургоны тронулись, разъезжаясь в разные стороны.

Коршунов улыбнулся Рагнасвинте, кивнув на Книву. И направился к Стайне.

— Я готов следовать за тобой,— сказал он жизнерадостно.

— Это честь для меня! — расплылся в улыбке «большой человек» Стайна.— А где же твое добро?

— Что есть добро? — философски отозвался Коршунов.— Доброта людская — вот ценность!

Данная сентенция поразила Стайну. Он даже не нашелся, что ответить. Только проводил взглядом фургоны.

— Аласейа! — Коршунов обернулся.— Добра тебе, Аласейа! — Рикс Одохар кивнул ему и двинулся к большому дому. Его конь пошел за хозяином, как вышколенная собака.

В следующий миг Коршунова плотно окружила Стайнова свита. Его подхватили под руки и повлекли во двор. Совершенно незнакомые люди выражали необычайную радость от встречи с таким выдающимся человеком, как Коршунов. Любимый родич, возвратившийся после долгих лет отсутствия, не мог бы претендовать на большее. Чем-то эта ситуация была Алексею знакома...

Когда его, чуть ли не на руках, подняли на высокое крыльцо, Алексей вспомнил... Точно! Один к одному.

Дело было в ТОЙ жизни. Как-то подружка затащила Коршунова к одному гуру. А может, и не гуру, а проповеднику. Их, сектантов, столько в Питере развелось — хрен разберешься. Пришли Алексей с подругой на это самое сборище... Войти не успели, как на Коршунова целая толпа налетела. И все целуют-обнимают, радуются безмерно. Просто свадьба с цыганами: «К нам приехал, к нам приехал Лексей Викт-рыч да-раго-ой!» Под белы ручки берут, за стол сажают, кушинькать прямо в ротик кладут.

Коршунов сначала опешил, потом расслабился. Так тепло ему стало, приятно. Все тебя любят, понимаешь, и ты всех любишь тоже. Даже непонятно, как ты без них жил... Ну вроде как в хорошей компании — после второго стакана водки. Но без водки, что характерно. Короче, зацепило Коршунова. И стал он эти сборища посещать регулярно и с удовольствием. Приятно все же, когда тебя так уважают. Еще приятнее, когда полузнакомые, но симпатичные женщины мягкой грудкой к тебе прижимаются, в глаза заглядывают, слова заботливые говорят... А уж гуру этот, прочих «учеников» забросив, часами с Алексе-

ем о жизни толковал. С большим пониманием. И книжку свою Коршунову подарил. С цветными картинками.

И пропал бы будущий космонавт Коршунов ни за грош, если бы не Генка Черепанов, который как раз тогда в гости в Питер приехал. Послушал Генка восторженные дифирамбы Алексея в адрес «замечательных духовных людей», хмыкнул и сказал:

— Познакомь.

Коршунов спросил разрешения у гуру, пояснил, что друг его, военный летчик, без пяти минут космонавт, очень даже заинтересовался...

Гуру тоже заинтересовался и немедленно дал добро.

На следующий день Черепанов нацепил свой парадный мундир с полным набором орденских планок... И Коршунов получил возможность полюбоваться действом «возвращение блудного сына» со стороны. Дружный коллектив в лице самого гуру и особо приближенных с радостными восклицаниями и бурными проявлениями любви налетел на Черепанова. Но тот не растаял и не умилился, а отреагировал совершенно неожиданно для Алексея. «Желанный гость» активно включился в процесс. Причем даже активнее хозяев. С радостным рыком «Как я р-рад! Др-руг! Др-ружище!» он облапил субтильного гуру и затряс его, как медведь — незадачливого охотника. Гуру сипел, хрустел ребрышками и пытался вырваться из борцовского захвата. Но у него не было никаких шансов. Когда объятия разжались, коленки у гуру заметно дрожали, а по лицу блуждала отрешенно-счастливая улыбка любителя пива, добравшегося до туалета. А спектакль тем временем продолжался. Выразив «любовь» к учителю, Черепанов взялся за теснившихся вокруг учеников и учениц. Его бас покрыл многоголосый хор славословий, а объятия раскрылись для публики. Особы женского пола были поочередно оттисканы и перецелованы под громогласные заверения в вечной любви. Особы мужского пола были приветствуемы гулкими хлопками по спинам и рукопожатиями, после которых нормальное кровообращение восстанавливалось минут через пять. Нельзя сказать, что «сектанты» сдались без боя в этом соревновании «вселенской любви». Но где уж им конкурировать в скорости с пилотом «сушки»? «Излюбленные» до потери ориентации, они остались на «поле боя», а победитель, подмигнув Алексею, подхватил пару самых аппетитных «сек-

танточек» и двинулся в «помещение для совместных медитаций», где околачивались «неофиты» вроде Коршунова. И навел там такой шухер...

Коршунов осушил чашу и со стуком опустил на стол. Тотчас слева появилась смуглая тонкая рука с ковшом. Пиво, пенясь, полилось в чашу. Алексей быстро оглянулся, но успел увидеть только черную «баранку» косы и полную грудь, обозначившуюся под вышитой тканью рубахи. В следующее мгновение женщина повернулась к нему спиной, наполнила чашу Стайны и собралась уйти, но хозяин поймал ее за пояс и развернул.

— Поприветствуй моего гостя, Стайса! — воскликнул он.

Ее глаза были — как небо. Черное небо. Такое, как за облаками, за стратосферой. Абсолютно черное небо космического пространства. Такого не увидишь, пока не побываешь там. Но если долго смотреть в такие глаза, то покажется, что они не выпуклы, а вогнуты, а их блеск — не отражение света, а сам свет. Но этот взгляд не был долгим. Миг — и глаза спрятались за бахромой ресниц.

— Славы тебе,— тихонько проговорила женщина.

— Миина тиви,— с гордостью сообщил Стайна. «Моя наложница».

— Она — издалека. Очень издалека. Скажи ему, как тебя звали раньше, Стайса! — потребовал он.

— Анастасиа.— Она выговаривала слова не так, как другие. И кожа ее была смуглее, и таких иссиня-черных кос здесь не было ни у кого. И такое имя, тоже нездешнее — ТАМОШНЕЕ. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Коршунов сглотнул.

— Откуда ты, девочка? — быстро спросил он по-русски.

Не поняла.

Алексей повторил вопрос по-английски. С тем же результатом.

Дикая надежда угасла. Но от этого стоящая перед ним женщина не стала менее прекрасна. И менее желанна.

— Меня зовут Алексей,— произнес Коршунов.

— Алексий? — повторила она. И словно сноп искр брызнул между ними. Она видела. И он видел. Больше никто.

— Аласейа — небесный герой! — хвастливо сообщил Стайна.— Он пришел с неба, понимаешь?

Женщина быстро сказала что-то. Не по-здешнему.

— Она не очень умна,— сообщил Стайна.— Но хороша на ложе, а тело у нее нежное,— и разразился короткой речью, из которой явствовало, что Анастасия — специальный подарок Стайне. От далеких друзей, которые ценят и уважают Стайну. И Анастасия — подарок, выражающий их признательность. Очень дорогой подарок, потому что редкий. У Стайны очень много друзей, потому что со Стайной хорошо дружить и плохо ссориться.

Коршунов делал вид, что слушает. Смотрел на женщину и совершенно точно знал, что она должна быть — его. Что этот хвастливый бочонок сала понятия не имеет о том, чем обладает. У Коршунова даже возникла кощунственная мысль: не предложить ли обменять Анастасию на какую-нибудь из «небесных» игрушек. Например, на тот же хронометр. Но Алексей не предложил. Потому что испугался, что хозяин скажет «нет».

«Я получу ее! — мысленно поклялся Коршунов.— Во что бы то ни стало!»

Даже если для этого придется убить ее хозяина, Алексей ее получит.

Он перевел взгляд на Стайну.

Толстяк продолжал говорить. Липкие жирные губы шевелились, как слизняки, маленькие глазки замаслились. Когда короткие пальцы отрывали кусок мяса и запихивали в рот, речь становилась невнятной и желтый жир тек на бороду.

Коршунову страшно захотелось врезать кулаком в широкую рожу. Вбить в глотку черные зубы...

Чтобы справиться с собой, Алексей отвернулся и так яростно вгрызся в шмат грудинки, словно она была его кровным врагом.

Расправившись с мясом, в два глотка выхлебал чашу.

Анастасии рядом уже не было. Пива ему подлила другая, румяная толстая девка.

Как выяснилось, Стайнова дочь. На выданье. Жаль, что Аласейа успел породниться с Фретилой. А то стал бы, может, родичем самого Стайны. Уж Стайна не поскупился бы. Фретила — муж правильный, но до щедрости Стайны ему далеко. Никого нет в бурге и окрестностях щедрей Стайны. Хоть у кого спроси!

Хозяин широким жестом обвел стол. И толпа прихлебателей в разноголосицу подтвердила: точно, никого нет щедрее Стайны. А кто-то уже поднял здравицу: за щедрого хозяина!

А хозяин, не медля,— за славного гостя!

И напомнил: у него в доме до дна пьют. Знают, что хозяин пива не жалеет, а кто подумает, что жалеет, так хозяин и обидеться может.

«Ах ты зараза! — подумал Коршунов.— Да ты никак напоить меня вздумал! Ну ладно, пивная бочка! Давай, попытайся!»

И всерьез взялся за дело.

Пиво шипело, переливаясь из кувшинов в чаши, а из чаш — в желудки.

После дюжины чаш стали обходиться без тостов. Разом опрокидывали, разом закусывали, разом выходили во двор отлить.

Это уже не пир был — состязание. Оба вошли в азарт. Стайна, похоже, уже и забыл о том, для чего собирался подпоить гостя. Азартен, Парамоша! А может, сам процесс нравится...

Конечно, у толстяка было преимущество минимум в два пуда. Но зато Алексей пивал напитки и покрепче здешнего пивка, да и печень у Коршунова здоровше...

В общем, настал момент, когда Стайна не смог подняться из-за стола. Сделал усилие — и уронил тушу обратно на лавку. Засмеялся, попробовал еще раз — и опять не смог. На широком лице проступило озабоченное удивление. Потом раздался негромкий журчащий звук и потянуло характерным запахом. Впрочем, в пиршественной и без того воняло — будь здоров. И мочой, и блевотиной...

Облегчившись, Стайна грохнул лапой по столу, гаркнул. К нему тут же подскочили, подняли втроем. Хозяин на прощание махнул Коршунову и сообщил, что рад бы еще посидеть с гостем, да ждут неотложные дела... Стайну вывели вон, Коршунов огляделся и обнаружил, что дееспособных за столом больше нет. Кто — под столом, кто — мордой в стол, кто трубно храпит на лавке.

Правда, имелся в зале дееспособный «обслуживающий персонал» в лице «мажордома», пары «половых» и трех «официанток».

«Мажордом» вежливо что-то проговорил. Коршунов ни хрена не понял, но догадался, что тот интересуется, желает ли герой продолжить веселье? Покушать, выпить или, может, девочку, тиви? Так вот они. Герой может выбрать любую...

Алексей поглядел на «девочек» и выяснил, что взгляд его «потерял резкость» и «тиви» подозрительно похожи одна на другую...

Коршунов мотнул головой: отстань. Опрокинул еще одну чашу (Мать их так! Что у них, нормальных кружек нет?). Выбрал-

ся из-за стола, вышел во двор, отлил у забора, потрепал по голове зверовидного хундса, подумал, что надо бы идти домой, но никак не мог вспомнить, где его дом...

Поэтому он вернулся обратно и поинтересовался у «метрдотеля», нельзя ли в этой гостинице снять комнатушку.

Тот оказался совсем тупой, по-русски ни бум-бум. Пришлось показать знаками: мол, хочу в койку.

Доперло. Понял, пенек старый, обрадовался. Жестами показал: счас исполним. Кликнул двух хануриков, те деликатно взяли Коршунова под локотки, повели куда-то наверх...

Очнулся Алексей от приятного ощущения. Обнаружил, что сидит, привалившись спиной к стене. Что он — без штанов, в одной рубахе и ноги его — в кадушке с теплой водой. И моет их какая-то белобрысая...

Коршунов с трудом удержался от того, чтобы снова выпасть в приятное небытие. Было что-то важное... Что?.. Вспомнил! Пистолет!

С трудом разлепил веки, огляделся... А, вот он! Все барахло тут. Разложено на соседней лавке... Алексей с облегчением вздохнул и провалился в качающуюся бездну.

Глава одиннадцатая

Алексей Коршунов. Гостеприимство мирного вождя Стайны (продолжение)

Она пришла, когда в узком окне зажглись звезды. Тяжелые косы упали на грудь Алексею. Широкая лавка скрипнула, когда теплое мягкое тело прилегло рядом, и гладкая щека прижалась к шее Коршунова.

— А?.. Кто?..— Хмель еще не выветрился из головы, мир качался, а темнота завивалась спиралью.

— Тш-ш...— Маленькая, пахнущая мятой ладошка прижалась к губам.

— Настя? — прошептал он.

— Йа-а-а...— Она потянула его к себе, прижалась всем телом: лицом, грудями, лоном, коленями... И как-то сразу оказалась под ним, а он — в ней, и лавка уже яростно скрипела и рас-

качивалась, и протяжные сдавленные стоны подхлестывали: быстрей, быстрей...

И когда он содрогнулся в последний раз и обмяк, влажное тело выскользнуло из-под него, и через пару мгновений у рта оказалась кружка с чем-то прохладным и кисловатым. Коршунов начал пить... И кажется, даже и не допил. Уснул.

Проснулся уже поздним утром. За окном галдели незнакомые голоса, звенел бубенчик. Хрипло заорал петух.

Голова не болела, но тело было вялым и каким-то неприятно легким. Сквозь веки пробивался свет, но глаза открывать не хотелось.

Рядом кто-то спал. Женщина. Что-то несильно давило на горло. Коршунов пошарил рукой: коса.

Настя!

Глаза моментально открылись...

Коса была не черная. Пшеничная...

Коршунов осторожно приподнялся, повернулся.

Рядом, подложив под щеку свернутую рубаху, посапывала незнакомая девка. Толстощекая и веснушчатая. Большущие груди с махонькими сосками лежали одна на другой, как розовые поросята.

В первый миг Коршунов почувствовал не разочарование, а облегчение. Он не помнил, что было ночью. И хорошо, что то, о чем он не помнил, было с этой незнакомой девушкой, а не с ней. Это было бы все равно что после бутылки «Смирновской» проглотить бокал восхитительного старинного вина, которое достается всего-то раз или два в жизни. Жахнуть залпом — и закусить вялым грибочком.

Как выяснилось, ночевал Коршунов не в самом доме, а во флигеле. На втором этаже. Во дворе пахло навозом. На скамеечке у крыльца восседал Стайна. Нехорошо было Стайне. Похмелюга мучила. Вокруг него хлопотала Анастасия. Окунала в бадейку тряпочку, прикладывала к вискам хозяина, смачивала загорелую лысину. Улыбнулась Коршунову. Официально. Но у Алексея все равно в груди екнуло. Вся она была такая ладная, аккуратная, чистенькая. Даже на ногах не здешние чуни, а изящные плетеные сандалии.

— Здоровья тебе,— произнес Стайна.— Как ночь?

— Хорошо.

— И я — хорошо.— Он похлопал Анастасию по бедру.— Есть хочешь? Пить?

— Да.— Коршунов пнул свинью, которая вознамерилась пожевать его штанину.

— Иди в дом.— Стайна вяло махнул рукой.— Там все...— и закрыл глаза.

Коршунов мог бы его вылечить. Одной-единственной таблеткой. Но почему-то не хотелось.

Позавтракав (явно объедками вчерашней обжираловки), Коршунов опять вышел во двор. И узнал, что по его душу уже дважды приходили. Один раз — Книва, другой — посыльный от Одохара.

Алексей обдумал, кому следует отдать предпочтение, и остановился на Книве. Совесть Коршунова мучила: бросил их в чужом городе. Пусть даже и родичи у них тут...

Вопрос: как их теперь искать? Городишко, конечно, маленький. Небось и тысячи жителей не наберется, но все же...

Проблема решилась легче легкого.

Стоило выйти на «площадь», и среди болтавшегося там народу Коршунов углядел знакомую рожу Одохарова дружинника.

Дружинник время проводил не праздно: обучал молодое поколение благородному искусству боя. Выглядело это так: учитель, голый по пояс и босой, с топором в одной руке и щитом в другой, подвергся яростным нападкам четырех подростков с палками.

Надо полагать, это было обычное времяпрепровождение, поскольку зрителей было немного и их средний возраст колебался в районе шести-семи лет.

Зато около длинного двухэтажного дома тусовалась целая толпа и парилось на солнышке не меньше десятка лошадей.

Коршунов не без удовольствия понаблюдал, как матерый профи несуетливо «держит» четверых щенков, поднимающих тучу пыли и активно мешающих друг другу. Потом окликнул дружинника.

Тот покосился: кто, мол, зовет? Узнал Коршунова. Прекратил тренировку.

— Книва. Где? — спросил Коршунов.

Конечно, в последнее время он поднаторел в языке, но предпочитал простоту речи всяким лексическим изыскам.

— Книва? — Дружинник пожал плечами.

Алексей решил уточнить вопрос:

— Родичи Фретилы где? Знаешь?

Дружинник огляделся, поманил одного пацаненка.

— Из рода Фретилы,— сказал он.

Пацаненок энергично закивал.

— Где твой дом — проводи,— потребовал Коршунов, стараясь почетче выговаривать слова.

Пацаненок махнул грязной лапкой и запылил через площадь. Алексей последовал за ним.

Дорога не заняла много времени. Искомый дом прилепился к городскому валу. Двери — нараспашку. Изнутри — знакомый пронзительный голосок. Рагнасвинта. Коршунов замедлил шаг — и вот она! Вышла наружу с двумя кожаными ведрами — и попалась.

Запищала радостно, бросила ведра, повисла на шее. Тут же отпустила, бросилась обратно в дом с воплем: «Аласейа! Аласейа пришел!»

Старшим в здешнем роду оказался младший брат Фретилы, слегка омоложенная копия коршуновского свежеиспеченного тестя. Разумеется, женатый. Разумеется, с целой прорвой детей, старший из которых оказался ровесником Книвы.

К Коршунову Фретилин брозар отнесся с крайним почтением. Наверняка Книва со Свинкой наболтали с три короба про «небесного героя».

После степенного ритуала знакомства Алексею предложили откушать. Он не отказался. Сели за стол. Чуть погодя явился еще один Фретилин брозар. Молодой, но уже исполненный до краев чувства собственного достоинства. Правда, обитавший с семейством вне стен крепости, что по местным меркам — не слишком престижно. Престижно не престижно, а бочонок пива брозар приволок.

«Эдак я тут совсем сопьюсь»,— подумал Коршунов. Но с выпивкой пришлось погодить.

Едва разлили по емкостям, в избу ввалился Агилмунд. Разъяренный. Покрыл родичей местным эквивалентом матюгов. Они тут, понимаешь, квасят, а рикс Одохар ждать должен?

Брозары дружно возразили племяннику, что им Одохар — не указ. Пусть дружинниками своими командует.

Агилмунд пришел в совершенную ярость, но брозары не испугались. Они все по обычаю делают, и нечего тут орать.

Опасаясь, что и до драки может дойти, Коршунов решил вмешаться. Поинтересовался, в чем, собственно, дело? Что-то серьезное?

Оказалось, да. Герульское посольство у рикса сидит. Видал Аласейа герульский корабль, что в порту стоит? Да, помнит. Если под кораблем имеется в виду тот пузатый баркасик. Так вот, на корабле этом не товары привезли, а полномочный посол прибыл. От герульского вождя со смешным именем Комозик. Союзника в будущем великом походе. И сидят теперь достойные люди, Одохар с послом, и ждут. (И Стайна с ними. Но Стайна пусть подождет, ему не вредно.) А эти недостойные выдергиватели сорняков (кивок в сторону брозаров) смеют задерживать Аласейю за своим обшарпанным столом! Когда судьба великого похода решается!

— Понятно,— сказал Коршунов, поднимаясь со скамьи.— Спасибо, почтенные, за хлеб-соль. Пошли, Агилмунд.

Глава двенадцатая

Алексей Коршунов. Герулы

Посольство принимали в том самом длинном двухэтажном строении.

Этот дом не был домом Одохара. Это была «дружинная» изба, местные казармы. Дом Одохара стоял слева, отделенный от дружинной избы каким-то сараем. Конюшней, как позже выяснилось.

У дружинной избы толпился народ, но Агилмунд энергично распихал тех, кто стоял на дороге, обругал молодого парня с копьем, рассевшегося на крыльце, за беспорядок и потерю бдительности, ввел Коршунова внутрь, быстрым шагом миновал пару помещений, а у входа в третье остановился и пропустил Коршунова вперед.

Посольство принимали здесь. Сидели по лавкам: местные — у одной стены, гости — у другой. Вид посланцев Коршунова удивил. Мягко говоря.

Нет, одеждой и телосложением они не слишком отличались от здешних вояк. Разве что имели каждый по две косы. Но не это было удивительно, а то, что щеки и скулы герулов были нежно-зеленого цвета. Как белые штаны, в которых по свежей травке поерзали.

В остальном же — ничего особенного. Рослые бородатые мужики. Первый — постарше; официальный посол, так сказать. Двое других: сопровождающие. Один — угрюмый мордоворот: борода — от глаз, кулачищи — с пивную кружку. Второй — пошустрей, худощавый, какой-то хищно-агрессивный. Коршунову герулы сразу не понравились. Особенно шустрый.

Помимо зеленомордых герулов, в помещении присутствовали военный вождь Одохар и мирный вождь Стайна.

«А ведь мог бы предупредить!» — недовольно подумал Коршунов.

Впрочем, ладно. Толстяк все еще маялся синдромом бодунца, а глазки заплыли так, что их и вовсе не видно.

Кроме вождей, в зале находилось еще человек десять, но Коршунов знал только Ахвизру и первого сподвижника Стайны Вилимира. Этого со вчерашней пьянки запомнил.

Коршунову предложили почетное место: между Стайной и Одохаром. Агилмунд устроился справа от рикса.

Герулы Алексея проигнорировали. Они вели себя так... Ну примерно как американцы — в нашем трамвае. Или новые русские — в американском кабаке. То есть как будто кроме них вокруг людей нет. Исключительно обслуживающий персонал.

Одохар подождал немного и разразился высокопарной речью. Краткой историей чудесного появления «небесных героев». Не обошел вниманием ни «железное вместилище», ни последующие подвиги Коршунова с Черепановым. По его версии, Черепанов, охваченный лютой яростью, остановить себя не смог и продолжал гнать подлых квеманов. А Аласейа вот решил к славному походу присоединиться. Поскольку особым покровительством водных божеств пользуется и вообще удачлив крайне: с жалкого квеманского поселка одного только железа три воза взял, не считая прочего.

Герулы впечатлились. Двое. Третий, тот, что особенно не понравился Коршунову, с ухмылочкой осведомился: а где нынче то вместилище железное, на котором «небесные герои» прилетели?

Получил ответ, что вместилище утонуло в болоте. Кивнул с таким видом, словно уличил присутствующих в мелком воровстве. Затем поинтересовался: видел ли вместилище сам Одохар или с чужих слов говорит?

Рикс врать не стал: признался, что лично вместилища не видел. Зато великий герой Аласейа подарил ему часть небесного паруса, который то вместилище по небу влек. Цвета снега и крови. И плащ свой продемонстрировал.

Плащ был осмотрен с должным уважением, и два герула опять одобрительно кивнули. А третий, усмехнувшись, заметил, что ткань эта подозрительно смахивает на ту, которую ромлянам с восхода привозят. И еще вопрос: что ж это за небесное вместилище такое, что в болоте топнет? Это же вроде как вода, что огнем горит. Небывальщина.

И на Коршунова уставился. С вызовом.

«Ах ты поганец! — подумал Коршунов.— Сейчас я тебе устрою небывальщину!»

Развязал мешочек с аптечкой, зажигалку достал (самый подходящий момент, чтобы маленькое чудо устроить), налил в колпачок спирта, щелкнул...

Публика ахнула. Кроме недоверчивого герула. Этот пренебрежительно заявил, что горит вовсе не вода. Масло вон тоже горит — никто ведь не удивляется.

И свел эффект к нулю.

А затем поинтересовался: так почему же все-таки вместилище утопло?

Все уставились на Коршунова. Надо было что-то придумывать...

— Не утопло оно,— неторопливо, со значением произнес Алексей.— А спрятано. От чужих. Чтоб беды не было.

Тут вмешался Одохар. Заявил, что и без вместилища им есть где богатырей размещать. В каждом селе — изба богатырская. В такой вот избе герои и жили с почетом, пока по дальнейшей жизни не определились: Геннах — квеманов гонять, Аласейа — в поход геройский. Под парусом цвета снега и крови, коий дивное вместилище по небу нес.

Въедливый герул на некоторое время примолк: переваривал сказанное, потом нашел к чему придраться: а что, спросил, те, кто в богатырской избе жил до Аласейи с Геннахом, куда их переселили?

Вместо Одохара ответил Агилмунд. Мол, он сам родом из этого села, в курсе дела. Никаких проблем с поселением героев не возникло, так как со времен Иббы пустует у них в селе богатырская изба.

— Ага,— оживился хитрый герул.— Нету, значит, больше богатырей в селе. Перевелись, что ли?

Чем дальше, тем меньше этот парень нравился Коршунову. К тому же оказался, поганец, умом очень изворотлив. Просто не по-здешнему.

— Другие времена — другие богатыри! — осадил его Алексей.— Каждому овощу — свое время.

Черт, похоже, зря сказал. На надменной роже проявилось явное удовлетворение. Он наклонился к старшему, прошептал что-то.

Старший герул с важностью кивнул.

— Хотелось бы знать,— произнес он надменно.— Как зовут небесного героя?

— Аласейа.— Одохар был несколько удивлен.

Въедливый опять наклонился к уху старшего.

Тот выслушал и уточнил вопрос:

— Как звали героя там... откуда он пришел?

По интонации можно было без труда понять, что «небесное» происхождение Коршунова поставлено под сомнение.

— Отец назвал меня Алексей,— ответил Коршунов, поскольку не видел смысла скрывать.

Молодой герул ухмыльнулся и снова пошептал послу.

— А как зовут почтенного отца?

— Виктор.

— О-о! — изрек молодой герул.— А скажи мне, Алексий...— Тут он сделал многозначительную паузу.— Почему у твоего отца — ромлянское имя? Он — ромлянин?

Коршунов начал догадываться, к чему клонит герул.

«Нет, брат, так дешево ты меня не купишь»,— подумал он.

— Нет, у моего отца не ромлянское имя,— он усмехнулся.— Это у твоих ромлян — имя, *похожее* на имя моего отца.— Он сделал поправку на местный менталитет: — Наш род древнее.

— И каково же имя твоего рода? — осведомился герул.

— Коршун! — рявкнул Алексей по-русски, поскольку не знал местного слова. И пояснил, чтобы его поняли: — Большая птица. Хищная. Черная. С во-от таким (изобразил рукой) клювом.

Одохар одобрительно кивнул. Агилмунд задрал кверху подбородок: вона какой крутой тотем у нашего родича. Только нахальный герул не угомонился:

— А от кого сей славный род происходит? От зверя, от героя? Или от бога? А ежели от бога, то каково его имя?

— От бога! — отрезал Коршунов.— Но имя его назвать нельзя. Если имя его просто так назвать — беда будет!

Сказано же: не произноси имя Господа всуе!

— А имя первого предка можно произнести? — по-прежнему упорствовал герул.

— Можно. Кроманьонец его имя.

Герул наморщил лоб и наверняка подыскал бы еще какой-нибудь вопрос, но вмешался его старший сородич.

— Довольно,— сказал он.— Наш рикс Комозик спрашивает: сколько воинов придет с риксом Одохаром?

— Три или пять сотен,— твердо ответил Одохар.— Или больше.

— А сколько мешков зерна возьмет Одохар, чтобы кормить своих воинов, когда пойдут они по герульским землям и по землям боранов? — осведомился герул.

Одохар поглядел на Стайну. И герульский посол тоже поглядел на Стайну. Стайна же с ответом не торопился. Улыбался безмятежно, словно разговор его даже и не касался.

И в этот момент Коршунов понял сразу три важные вещи.

Первое: все присутствующие прекрасно понимают главное военное правило: солдат должен быть сыт. Потому что голодный солдат воюет вяло, а вот грабит, напротив, очень активно.

Второе: обеспечением военных кампаний ведает не Одохар, а Стайна.

И наконец, третье: Стайна этого похода не хочет. А почему не хочет, тоже нетрудно догадаться. Потому что неудачный поход принесет ему убыток, а удачный укрепит популярность военного вождя. Соперника.

Молодой герул, тот, который докапывался насчет происхождения Коршунова, сдвинул брови. Не нравилось ему молчание Стайны.

— Я найду, чем накормить воинов,— решительно заявил Одохар.— Надо — копьем добуду.

Молодой герул хлопнул себя по колену и заухмылялся. Понравился ему Одохаров ответ. А послу, напротив, не понравился.

— Что же, у бурга нет припаса, чтобы кормить своих воинов? — спросил он, поглядывая то на Стайну, то на Одохара.— И разве у рикса нет добычи, чтобы обменять на зерно?

— Ты подал мудрую мысль, Голос Комозика,— сказал Одохар.— У меня есть добыча, взятая у квеманов. Я отдам общую долю тебе. А ты отдашь нам зерном, когда мы будем на ваших землях.

— Ты не можешь отдавать общую долю! — возмутился Стайна.— Общая доля принадлежит бургу! Таков закон!

— Закон таков, что бург должен кормить своих воинов! — отрезал Одохар.— Если бург не кормит воинов, воины кормят себя сами.

— Я лучше знаю, что говорит закон! — Стайна побагровел.— Я — хранитель Закона!

— Ты хранитель собственного брюха! — заорал Агилмунд.

В перепалку тут же включились все присутствующие, кроме герулов и Коршунова. Часть — на стороне Стайны, часть — на стороне Одохара. Оба вождя вскочили с мест...

А герульский посол, морда зеленая, глаза потупил, но чувствовалось: доволен.

Поорали, поразмахивали руками... И успокоились. Решили сделать перерыв на обед.

Глава тринадцатая

Алексей Коршунов. Еще один пир у Стайны

Обедали у Стайны. В уже знакомом Алексею помещении с узенькими окнами и бесконечно длинным столом. Коршунов сел между Агилмундом и Ахвизрой. Собственно, сначала его пытались устроить на стороне Стайны, между его прихвостнями, но Коршунов решительно заявил, что желает сидеть рядом с родичем Агилмундом.

За обедом Алексей даром времени не терял: попытался прояснить товарно-денежный расклад в бурге. Ему очень не понравилось то, что гордый рикс Одохар, оказывается, находится в материальной зависимости от мирного вождя. Коршунов вырос в мире, где принцип «кто платит, тот и заказывает музыку» дей-

ствовал практически всегда. Алексей принялся выпытывать у Агилмунда, кто есть кто, и получил малоутешительную информацию. Оказалось, что в местном оркестре Одохару принадлежит всего лишь партия первой скрипки. А роль дирижера отведена мирному вождю Стайне. Именно он «держал» бурговскую «казну» и пускал ее в оборот. И «верховное судейство в последней инстанции» осуществлял тоже Стайна. Правда, обычай не поощрял воинственные действия мирного вождя. Но именно не поощрял: твердого запрета не было. Поэтому один из сравнительно недавних «больших походов» возглавил «изнывающий от удали» мирный вождь. Поход этот закончился неудачей, еще более укрепив местных жителей в убеждении, что мирный вождь должен заниматься исключительно мирными делами. С коими Стайна справлялся неплохо. Его оборотистость признавали даже дружинники Одохара. Правда, Ахвизра проворчал, что не дело мирного вождя и хранителя Закона (верховного судьи то бишь) торговлей заниматься и богатством кичиться. С другой стороны, свои обязанности Стайна выполнял — придраться не к чему. Земли под пахоту и выпас распределял по справедливости, судил строго по законам отцов. А что ловок был торговаться и оттого богател, так и богатства бурга от Стайновой ловкости умножались. Но это как раз и было причиной недовольства Ахвизры. Дружинник полагал, что для бурга полезней, когда богатства добывают копьем, а не торговлей.

Обосновывал логично: ежели имущество честным трудом нажито, то подобно тучной корове, на пастбище откормившейся, голодного хищника привлекает. А ежели задрал медведь быка и к берлоге сволок, так на быка этого никакой волк не покусится. Охота ему о медвежьи когти бока драть!

Коршунов, рожденный в более цивилизованном обществе, в котором капитал сам по себе был силой, понимал, что в его мире «путь торговца» является более эффективным способом преуспеяния, чем «путь воина». Не факт, что в этом мире дела обстоят по-другому. Так что, возможно, Черепанов был не прав насчет «полководца». Если «торговец» Стайна объективно сильнее «воина» Одохара, то не предпочтительнее ли стать «торговцем»?

Ум Коршунова был отточен таким образом, что должен был постоянно переосмысливать ситуацию при появлении новых фактов. Это был его способ двигаться к цели: не тупым упорст-

вом, а гибким познанием. В общем, ничего удивительного для ученого-физика, пусть даже и не блиставшего гениальностью. Именно в силу подобного образа мыслей Алексей и хотел вникнуть в здешние товарно-денежные отношения. Чтобы разобраться.

По мнению Ахвизры и Агилмунда, с накоплением и распределением богатств все было элементарно. Накапливаться оно должно было у врагов, а распределяться между друзьями по принципу «пришел-взял-поделил». Оба не скупились на примеры эффективности такого подхода. Одним из таких примеров, кстати, был совместный налет на квеманское городище. Наличие же у противника того, что «берут», по мнению дружинников, не зависело от объективных и материальных причин, а зависело исключительно от удачливости налетчиков. Не то чтобы объективные факторы совершенно игнорировались, нет. Время года, например, принималось во внимание. Считалось, что в поход лучше идти осенью, когда урожай собран, то есть свои полевые работы закончены, и на чужих землях с провиантом проблем не будет. Использовалась также разведывательная информация. Если где-то богатств поднакопилось, надо бы поделить. Лучше, впрочем, не делить, а все забрать. Подчистую.

Нет, все-таки кое-чем этот расклад напомнил Коршунову Россию. Россию бандитскую, если быть точным. Но он старался не подбирать аналогии, а просто накапливать факты. Аналогии и клише — опасная вещь, поскольку приводят к выводам «очевидным», но неправильным. Например, если пользоваться аналогиями, то Стайна выглядит демократически избранным мэром, а Одохар — главным бандюком, использующим «народные» средства для личного обогащения путем грабежа, от которого бургу, конечно, перепадает кое-что, но зато грозят серьезные неприятности со стороны этих самых соседей. А вот по мнению Ахвизры, неприятности со стороны соседей начнутся как раз тогда, когда Одохар перестанет их грабить. И в этом тоже есть логика. Опять-таки, процент от добычи попадает в «городской фонд», коим почти единовластно распоряжается мирный вождь, лишь изредка советуясь со старейшинами, которые, что характерно, Одохара недолюбливают, поскольку военный вождь «отвлекает» их сыновей от землепашества и втягивает в военные авантюры... И с этой точки зрения Стайна выглядит кем-то вроде вора в законе, контролирующего общак, а Одохар — главой бандитской груп-

пировки из «новых». Короче, аналогии — опасная вещь, так что Коршунов решил пока от них воздержаться и, выбирая «лагерь», к которому стоит примкнуть, руководствоваться исключительно здравым смыслом, собственными целями и личными симпатиями. Он допускал, что «путь торговца» может оказаться более простым, более быстрым и менее кровопролитным, чем «путь воина». При этом его изначальный потенциал «торговца» стоит достаточно высоко — благодаря парашюту и прочим вещицам, коих в здешнем мире и быть не может. В то время как его «военный» потенциал основывается главным образом на искусственно раздутой славе «небесного героя», а в честном бою тот же Ахвизра разделает Алексея, как повар — барашка. Но вот беда: не нравился Коршунову Стайна. Ну не нравился, и все тут. А Одохар, напротив, нравился. И парни, которые его поддерживали, тоже были Алексею симпатичны.

Коршунов предполагал, что Одохара поддерживает молодежь, а Стайну — старшее поколение. Оказалось: не совсем так.

Бург контролирует определенную территорию, на которой располагается десятка два сел. Некоторые из этих сел поддерживают Одохара, некоторые — Стайну. Вернее, оба вождя предпочитают набирать дружинников в разных поселках. Самих дружинников это вполне устраивало, поскольку давало дополнительный повод для драки. Ахвизра тут же принялся рассказывать, как он этой весной отметелил во-он того облома. И показал пальцем на одного из Стайновых парней. Тот заметил и отреагировал соответствующим жестом: мол, имел он таких, как Ахвизра, по трое за раз.

Ахвизра моментально вскочил со скамьи... И плюхнулся обратно: Агилмунд рванул приятеля за рубаху и зашипел злобно, чтоб перед герулами не позорился.

— Ха! — буркнул Ахвизра.— Это перед кем, перед Скулди? Да я с этим Скулди...

— Закрой рот,— посоветовал Агилмунд. И, обращаясь к Алексею, пояснил, что Ахвизра собой любой пир украсить может. Поскольку, выпив, агрессивен становится и непременно потеху устроит: или драку затеет, или поломает что-нибудь. Но сейчас не пир, а деловой обед, посему веселиться еще не время. Не из-за Скулди, конечно. Скулди — свой парень. А вот сам посол, который Голос Комозика,— еще тот фрукт.

— Скулди — это кто? — спросил Коршунов.

— Да вон он! — Агилмунд показал на того герула, который в дружинной избе так упорно придирался к Алексею и сейчас время от времени зыркал на Коршунова весьма недоверчиво. Возможно, Ахвизра с Агилмундом были с ним в приятелях, но на Алексея это приятельство точно не распространялось.

Тут все политические мысли вылетели у Коршунова из головы, потому что в комнате появилась Анастасия. Вернее, появились сразу три женщины, причем разодетые и увешанные украшениями по самое никуда. Но одна была — пожилая мордастая тетка, а вторая — помоложе, но ничем не примечательная, разве что беременностью.

Выяснилось, что мордастая тетка — Стайнова законная супруга, а беременная — вторая наложница. Вернее, первая. Со старшинством тут дело обстояло строго. Все расписано по обычаю. Без записей, правда, но каждый пункт в «документе» о правах, и особенно о праве наследования, оговаривался подробнейше.

Законной супруге освободили местечко около Стайны. Познакомили с послом...

А Анастасия уселась рядом с зеленомордым герулом Скулди и принялась с ним болтать. Да не на здешнем языке, а на... Ни фига себе! Раньше Коршунов этот язык только в виде пословиц слыхал: зи вис поссум парабеллум, или там: омниа миа мекум порта[1]. Генка Черепанов — большой любитель был (и есть, хочется верить) древнеримской мудрости. Так и сыпал латинскими поговорками. Но то — поговорки, а тут — вживую. Латынь. Однако! Ай да герул! Ай да Анастасия! С другой стороны, раз есть Рим, так и латынь, естественно, должна быть. Но все равно удивительно.

К удивлению, впрочем, примешивалось еще одно чувство: острое желание взять зеленомордого за косы и треснуть мордой об колено.

— Э-хэй, Аласейа! — Агилмунд хлопнул Коршунова по спине.— Ты погоди яриться! Нехорошо это сейчас!

— Что? — Алексей уставился на старшего сына Фретилы.

— Гневаться погоди, говорю! — сказал Агилмунд.— Нельзя тут.

— А я что, гневаюсь?

[1] «Хочешь мира — готовься к войне», «все свое ношу с собой» *(лом. лат.)*.

— А то! Я помню! Ты сначала так сделал...— Агилмунд скорчил рожу.— А потом квемана убивать начал. Еле удержали тебя, помнишь? Зачем так на Скулди глядишь? Скулди — правильный герул. Он Комозику говорит: «С Одохаром в большой поход идти надо». Комозик его слушает. Убьешь Скулди — Комозик в поход с нами не пойдет — на нас пойдет. Никудышная битва выйдет. Настоящую добычу на Комозике разве возьмешь?

— Уговорил,— хриплым голосом проговорил Коршунов.— Пусть живет твой Скулди.

И снова поглядел на Анастасию. И та, словно почувствовав этот взгляд, повернула голову, встретилась глазами с Алексеем и медленно так, словно со сна,— ему улыбнулась.

Глава четырнадцатая

Алексей Коршунов. Локальные войны по-аборигенски

Питерская июльская ночь. Уже не белая, но и не августовская темная. Большая комната. Все тонет в полумраке, лишь смутно белеет выложенная белым изразцом печь. Вокруг тонко звенят невидимые комары.

Откуда столько комаров? На террасу, что ли, дверь осталась открыта, оттуда летят?

Нет, закрыта. Ах, вот оно что. Марля на окне разорвана, здесь они в комнату и проникают.

За окном ветер шевелит листьями старой черемухи.

Эта комната похожа на другую, в другом доме, где прошло детство. Но это не та комната. Другая.

Алексей встает, идет к письменному столу. Зажигает настольную лампу. В круге света — лист бумаги, испещренный китайскими иероглифами. Трактат о великом походе...

Стоп! Он же не знает китайского. Здесь что-то не так!..

Нет, все правильно. «Великий поход». Это название китайской ракеты-носителя. Она вывела на орбиту «Шеньчжоу-3». Китайский пилотируемый корабль. Они должны с нами связаться...

Алексей просыпается. И сразу же тошнота подкатывает к горлу, встает вязким комом. И перевернутое лицо командира:

— Леха! Связь!..

Связь! Ее нету... И командира нет. Только то самое чувство безысходности двоих, запертых в герметичной консервной банке на околоземной орбите...

Алексей просыпается. На этот раз — по-настоящему. Черт бы побрал эти проклятые сны!

И комаров. Здесь их тьма-тьмущая. Бург стоит на берегу реки, вот и летят. Днем еще ничего, а ночью спасу нет. Правда, комары здесь ленивые и простодушные. Звенят громко, усаживаются нагло. Не в пример питерским подвальным, хищным и беззвучным, которых ничто не берет...

Рядом заворочалась Свинка, подползла поближе, руку Алексея нашарила, ухватила и задышала ровно. Сущий ребенок. Особенно когда спит. Трудно с ней. Вернее, когда спит — как раз легко. Кожа нежная, пахнет хорошо, молчит... Еще бы о той, другой, не думать. Ничего. Пару месяцев осталось перекантоваться. А там — в поход. В великий поход. За великой славой. Так говорил Одохар. Вчера.

Но сначала надо пару локальных войн провести. Ближним соседям силу показать. Это тоже Одохар говорил. Присутствия герулов не стесняясь.

Впрочем, войны здесь все какие-то несерьезные. Тоже убивают, но все равно несерьезные. Больше всего это напоминает бандитские разборки в России где-нибудь в начале девяностых. Количество участников примерно такое же. Да и вообще, здешние дружинники во многом «братков» напоминают...

Нет, вранье! Сходство поверхностное. Здесь все на другом держится. Без гнили и без подстав. Вождь любому дружиннику доверяет безоговорочно, тот — соответственно — вождю. Остаться в живых, если вождь рядом убит, бесчестье такое, что с ним жить не положено.

Вот, к примеру, тут недавно Оленья война была, так ее называют. О ней уже и песни поют. Врут, естественно. Фольклор и есть фольклор. Но у Коршунова — из первых рук информация. От Агилмунда с Ахвизрой, непосредственных участников. Повод у войны был абсолютно бредовый. Одохар позапрошлой осенью отправился с традиционной инспекцией: земли свои объезжать. До условной южной границы доехал, [illegible] —

вроде нейтральной полосы. Ничейный лес. А за лесом уже герульская территория. Короче говоря, Одохар в тех краях был, и приспичило ему в нейтральном лесу поохотиться. И надо же такому случиться, что и герульский Комозик (с ударением на втором слоге) тоже в это время свои земли объезжал. Что тоже нормально, поскольку обычаи и у тех, и у других — примерно одинаковые. Так что неудивительно, что Комозик тоже на охоту отправился. И тоже на нейтральные земли. Дальше — как в анекдоте. Или, вернее, как в балладе. Погнались два вождя за одним и тем же оленем — и столкнулись. Всадили в несчастное животное несколько метательных предметов. Животное околело, но что именно стало причиной смерти: копье Одохара или стрела Комозика — вот тут вышли разногласия. Оба вождя — в амбиции. Схватились. Но в тот момент у Одохара двойное численное преимущество было: пришлось Комозику со своей дюжиной бойцов отход произвести. А Одохар — на крыльях победы — на герульскую территорию проник и ближайшее село пограбил. Само собой, Комозик этого так не оставил и тоже село спалил. Чужое, естественно. И началась войнушка. С год где-то тянулась. Сожгли несколько сел, порубились дружинами в свое удовольствие, а потом помирились. Итог: около сорока убитых с обеих сторон, материальный ущерб и умножение песенного фольклора. И родившийся в хмельных головах замиривших риксов замысел великого похода. На ромлян, естественно. Ромляне со всех точек зрения — самые аппетитные. Есть чем поживиться, а убивать совсем не умеют: погрязли в «мирных» трудах.

Правда, почему-то так выходило, что били «мирные» ромляне воинственных героев минимум два раза из трех, но вожди, планирующие походы, как правило, уверены, что они попадут в удачливую треть.

Комозику готовиться к походу существенно проще, поскольку он у герулов — единственный вождь. Было два, но второго Комозик убил. Одохару сложнее: у него Стайна имеется. Одохар с удовольствием решил бы проблему — по соседской модели. Но для этого нужно основание. Такое серьезное основание, чтобы общество одобрило устранение мирного вождя. А не то вслед за Стайной самого Одохара устранят. Соберут тинг, то бишь всеобщее законодательное собрание, оно же — верховный суд и верховный исполнитель-

ный орган в одном лице. Заслушают стороны, проанализируют факты, и если выйдет по обычаю, что не прав Одохар, значит, не быть больше Одохару риксом. И вообще не быть.

Интересно, а вот на Руси во времена былинных богатырей — как оно было? Отчитывался ли Илья Муромец перед народом за то, что Соловушку отгундохал? Или Идолищу поганому макушку проломил? Наверняка ведь отчитывался. И полное одобрение получал. Возможно, и премиальные. И от Владимира Красное Солнышко, и от благодарного народа. Только в былинах об этом деликатно умалчивается.

Хотя былины — вещь темная. У Коршунова ТАМ сосед был. Молодой поэт лет сорока пяти. Так он где-то вычитал, что Владимир непосредственно от Ильи Муромца произошел. А тот — от древних готов. Мол, дед Святослава, Игорь Рюрикович, слишком стар был, чтобы сына зачать. Ну и Илюша ему маленько пособил в этом деле: «победил» разок-другой его жену, княгиню Ольгу, коя, сиречь, змея. По отдаленным псковским предкам. Потому и в былинах пишут: победил Змею Илюша... Или Добрыня. Коршуновский сосед тоже не очень хорошо все помнил, поскольку хоть версию эту ему самый настоящий былиновед-филолог излагал, но в особых условиях — в «скворешне»[1].

Вот забавно, если он, Коршунов, в прошлом оказался — да еще в то самое время. Нет, сомнительно. Илья Муромец, может, и былинный персонаж. Вымышленный. Но вся эта история с русскими князьями-варягами как раз здесь, в Приднепровье, и развивалась. А о Рюрике—Игоре—Владимире никто и слыхом не слыхал. А ведь это не такие персоны, о которых можно не слышать, будучи неподалеку. С другой стороны, может, это не ТА Земля... Или история, хм... альтернативная, потому и славян здесь нет. А местные аборигены по быту вряд ли от славян отличаются. Хотя Алексей, конечно, не спец. И Черепанов тоже. (Эх, Генка, Генка! Где теперь тебя искать?) О себе Коршунов точно знал: он вряд ли способен варяга от вандала отличить, или там гота от древнего новгородца. А может, это готы и есть? Те самые, от которых, по версии былинника из дурки, Владимир Святой попозже произойдет? М-да... Без привязки ко времени трудно.

[1] Психиатрическая больница им. Скворцова-Степанова в Санкт-Петербурге.

«Одно утешение,— подумал Коршунов.— Рим здесь есть. Вот соберем рать (тысячи полторы отморозков, по здешним меркам — огромное войско), пойдем в большой поход, возьмем этот самый Рим и определимся, какой век на дворе».

Некстати вспомнилось, как Черепанов насчет римских легионов говорил. Мол, в стандартном легионе примерно шесть тысяч человек и срок службы «призывника» — двадцать лет. А за двадцать лет можно даже из интеллигента-задохлика крутого спецназовца натаскать. Если выживет. Но ведь били же и местные римлян... Иногда.

С этой успокоительной мыслью Коршунов и уснул.

Глава пятнадцатая

Алексей Коршунов. «Мы придем!»

Каждое утро Коршунов с Книвой отправлялись купаться. Вернее, купался Алексей, а Книва сидел на берегу и глядел с завистью. Коршунов уже знал, что по местному обычаю купаться нынче нельзя аж до конца месяца. Ему хватило ума не уговаривать Книву лезть в воду: местные и так поглядывали косо. Но сам удержаться от такого соблазна Алексей не мог.

В это утро они возвращались обратно мимо причалов. Герульский кораблик стоял на прежнем месте. Алексей охотно разглядел бы его поподробнее, но не знал, как к этому отнесутся хозяева. Сами герулы на корабле не жили, устроились в одном из домов поблизости. Как выяснилось, эти дома специально строили для торговых гостей. Книва сообщил, что по осени здесь — большая «международная» ярмарка. Большая и «международная» — по местным масштабам. Приезжают в основном свои, из селений, находящихся под «протекторатом» бурга. Да еще герулы. Других мало, потому что герулы не любят пропускать чужих купцов через свои земли. Они вообще купцов не любят. Поскольку боятся, что не купцы это, а шпионы.

«Будто иным народам другого дела нет, как за герулами следить»,— пренебрежительно бросил Книва. С интонациями старшего брата Агилмунда. И с теми же интонациями продолжал: мол, тот же Скулди говорит, что прежний поход неудачен

оказался из-за того, что ромляне о нем заранее узнали. А какая, собственно, разница? Вот они тоже знали, что квеманы на них напасть могут. Ну и что? Разве это помешало квеманам напасть? И побили бы их квеманы, кабы не Аласейа с Геенахом. Коли удачи нет, так ее нет. И шпионы тут не при чем.

Голова Книви была забита романтикой. И это при том, что он уже успел поучаствовать в двух настоящих сражениях. Представления о том, как надо воевать, Книва черпал главным образом из застольного бахвальства родичей. К герулам же относился с недоверием. Это сейчас с ними мир, а полтора года назад война была. Эти герулы вообще...

Тут Книва замолчал, потому что сверху навстречу им рысцой спускался по тропинке герул. Из посольского сопровождения. Не Скулди, а третий. Коршунов про себя называл его Минотавром. Поскольку сходство герула со вставшим на задние ноги быком было несомненно.

Увидев поднимающихся Коршунова с Книвой, зеленомордый даже и не подумал притормозить. Тропинка шириной в полметра шла вдоль края сыпучего откоса. Слева — обрывчик, справа — крутой склон, поросший чертополохом. В принципе, можно было разминуться. Но наглый герул вел себя так, словно он на тропе один. Спускался вприпрыжку. Книва поспешно подался в сторону. Коршунов дороги уступать не собирался, вот еще! Но он в последний момент сообразил, что здоровенный, в центнер весом, герул просто его снесет,— и тоже подался в кусты... А когда пыхтящий герул козлом проскакал мимо, Алексей сказал: «Ой!» — и словно бы невзначай, поскользнувшись, толкнул герула плечом. И герул, хоть и был на четверть тяжелее, не удержал равновесия и кубарем полетел с откоса. Только ноги да косы в воздухе замелькали.

Ничего страшного не случилось. Склон мягкий. Так что, прокатившись метров двадцать, герул хлюпнулся в камыши и завозился там, злобно ругаясь.

Книва поглядел на Коршунова с восхищением, а тот пожал плечами: мол, ничего особенного.

Они отправились дальше, но едва успели подняться наверх, на дорогу, когда сзади послышался топот.

Разъяренный герул, пыхтя как распаленный бегемот, надвигался на них. Книва, слегка побледнев, взялся за нож.

— Не надо,— остановил его Коршунов.— Не лезь.

У герула тоже был нож (как у любого взрослого мужчины), но коли уж герул за нож не схватился, лучше без оружия обойтись. Тем более что это было выгодно в первую очередь Алексею.

Герул, потный, запыхавшийся, красный, как вареный рак, в разговоры вступать не стал: молча бросился на Коршунова, норовя сгрести в охапку. Алексей нырнул ему под колени, но бросок получился «грязным». Герул сшиб Коршунова с ног. Хотя и сам на ногах не устоял, нырнул с разбегу мордой в землю — и тут же вскочил... Правда, на секунду позднее, чем Алексей. Этой секунды Коршунову хватило, чтобы впечатать подошву в поясницу герула, обтянутую широким поясом. От удара спина герула прогнулась, а сам он вынужден был пробежать несколько шагов... Ему не повезло: наступил на развязавшийся шнурок «чуни» и растянулся в полный рост. Второй раз подняться Коршунов ему не дал. Прыгнул сверху, уперся коленом, поймал руку на болевой.

Герул рвался и ревел, как пароходная сирена. Алексей выкрутил ему руку так, что у нормального человека уже давно бы кость выскочила из суставной сумки, а мозги вырубились от болевого шока. Но то — у нормального...

В трубный рык герула вплелся предупреждающий окрик Книвы. На помощь сородичу бежали еще двое зеленомордых. Блин, эти ребята еще и с оружием!

Коршунов отпустил своего противника, вскочил на ноги.

— Дуй за подмогой! — крикнул он Книве.

Но парень не сдвинулся с места. Герой, блин!

Спешившие на помощь подоспели, как раз когда противник Коршунова поднялся с земли. Скулди и еще один, которого Алексей раньше не видел.

Противник Коршунова провел пятерней по лицу, поглядел на ладонь. Ладонь была частично зеленой, частично красной. Трудно не ободрать физиономию, дважды пропахав носом землю.

Коршунов ждал. Даже два герула с ножами — это уже перебор. А три, из которых один — с топориком, а второй — с тесаком в полметра длиной...

Если бы этот упрямец Книва не топтался рядом, Коршунов попросту сделал бы ноги. Но бросать парнишку — нехорошо. Может, удастся разойтись мирно?

Противник Алексея еще раз поглядел на свою руку... И вдруг с места прыгнул на Коршунова, ухватил его за рубаху и заехал в ухо.

— Ах ты гад! — по-русски заорал Алексей и снизу врезал герулу по челюсти. От души врезал, аж лязгнуло. Жаль, борода самортизировала.

Герула шатнуло. Рубаха затрещала. Но упорный герул ее не выпустил, потянул Коршунова к себе, разворачивая и прицеливаясь, как половчее схватить Алексея за горло. Коршунов охотно позволил себя развернуть. Более того, сам закрутился и с поворота локтем вставил в солнечное сплетение. И — как раз тот случай, когда выгодно иметь рост поменьше,— макушкой в подбородок.

Дальше стало легче, поскольку герул «поплыл». Он все еще цеплялся за рубаху Коршунова (таки порвал, гад!) и даже пытался бить свободной рукой, но это уже были так, козьи потягушки. Удары Алексей наносил исключительно по корпусу. Он помнил о двоих приятелях противника, которые пока не вмешивались. Не хотел их провоцировать. Но и по корпусу, даже такому, о который только стальные трубы гнуть, тоже можно работать эффективно. Если умеючи. Алексей умел. Сначала сбил герулу дыхание. Потом отработал серию в печень. И снова — в солнечное сплетение. Герул оказался мощен. Коршунов лупил по нему, как по «груше», а он все равно стоял. Сначала даже отмахивался кулачищами, потом просто стоял. Секунд десять, не меньше. Но удары в печень коварны. Сначала вроде ничего, а потом так скрутит... В общем, Алексеева рубаха расползлась, лишив герула последней опоры, и тот медленно завалился на травку.

Его приятели повели себя весьма достойно. Попрятали оружие и наблюдали с большим интересом.

Когда же противник Коршунова вышел из игры, никто ему выражать сочувствие не стал.

Скулди с большим интересом уставился на Коршунова. Потом ухмыльнулся.

— А со мной? Будешь? — осведомился он.

— Давай,— согласился Коршунов.

Конечно, Алексей подустал, но Скулди выглядел куда менее «солидно» (в плане размеров и массы), чем первый противник. Для Коршунова, с его навыками рукопашной, здешний «деревенский драчун» — сущие пустяки.

Скулди расстегнул пояс, передал сородичу. Затем стянул через голову рубаху. М-да, мужик крепкий, ничего не скажешь.

Поджарый, жилистый. И весь торс — в татуировках. Тут тебе и змеи, тут тебе и корабль под парусом, и надписи какие-то...

Коршунов слегка расслабился. Видал он местных драчунов: пока размахнутся — три раза высморкаться можно. И едва не словил нокаут. Хорошо, успел нырнуть в последний момент: кулак только по голове чиркнул — и тут — в корпус. Аж ребра затрещали. Ничего себе! Вот тебе и деревенский драчун!

Алексей быстренько ушел в сторону и набрал дистанцию. Нет, этот парень точно *учился* морды бить. Тут тебе и стойка (незнакомая, но вполне грамотная), и организация движений. Но теперь Коршунов был готов, и его было не так просто достать. Поначалу сам он от атак воздерживался, ушел в защиту, выжидая, когда можно будет поймать Скулди на встречном. И опять едва не проворонил — на этот раз подсечку. Ах вот как! Значит, мы и ногами умеем работать! Нет, в технике Скулди определенно чувствовалась школа. Но до настоящего мастерства герул не дотягивал. Иначе пришлось бы Алексею кисло. А так он поиграл минутку-другую на жестких блоках и установил, что «арсенал» приемов у Скулди весьма ограниченный. И против японо-китайских штучек, против прыжковой техники, против хапкидошных захватов, в которых Алексея в свое время очень неплохо поднатаскал Черепанов, отработанной защиты у герула не было. Хоть и ловок был Скулди, как кошка,— не помогло. «Раскачав» противника длинной серией разнообразных ударов, Алексей обошел-таки его со спины, сбил толчком под колено, притиснул к земле, зафиксировал на полминуты, чтобы герул прочувствовал ситуацию,— потом отпустил.

Скулди встал, неторопливо отряхнулся, окинул Коршунова цепким подозрительным взглядом. Так бабка-кухарка небось на заре технической революции глядела на поставленный в барской квартире телефон. Ясно, что придется теперь жить в одном доме с этой говорящей штуковиной, но... Может, треснуть по ней шваброй и сказать, что само разбилось?

Под этим пристальным взглядом Алексей вдруг очень остро почувствовал, что он и Скулди принадлежат к разным культурам. И Коршунов со всеми своими мордобойскими навыками, скалолазаньем, прыжками с парашютом, пистолетом в заначке и свежеприобретенным умением убивать ближних — по-прежнему отвратительно цивилизованный и интеллигентный кандидат физико-математических наук из хорошей семьи. Да, он может на-

давать Скулди по морде и даже убить, если достаточно разъярится... Но перед ним стоит чистокровный, урожденный варвар. Которому вовсе не нужно разогревать себя гневом, чтобы смахнуть кому-то голову. Этот здоровенный парень с зелеными скулами, ровесник Коршунова, возможно, знает куда меньше Алексея, но ничуть не глупее. И если он сочтет *целесообразным* расчленить Коршунова на заготовки для лангета, то он так и сделает. И сомнений или угрызений совести при этом он испытает не больше, чем домашний песик, хрумкающий «педигри». Вспомнился почему-то выдавленный Агилмундом глаз квемана...

Отвратительное чувство неуверенности после очевидной победы настолько взбесило Коршунова, что ему удалось сделать достаточно свирепое лицо, чтобы неподобающая «небесному герою» слабость не стала явной. Он окинул герула столь же надменным оценивающим взглядом и гордо выпятил обросший густой щетиной подбородок.

Чертов герул покосился на своего кореша с ободранной мордой.

— Алексий, сын Виктора, готовься! Мы придем к тебе. Я и Кумунд! — Скулди кивнул на Минотавра.— Мы придем, *Алексий*. Жди!

Глава шестнадцатая

Алексей Коршунов. «Контрразведчик»

Они пришли.

Время выбрали удачное: когда в доме, кроме Коршунова, были только детишки да беременная жена Фретилина брата. Остальные — в поле.

Строго говоря, и Коршунову тоже следовало в поле быть, но выяснилось, что в поле от Алексея толку — ноль. Не обучен он здешним сельскохозяйственным работам. Это, впрочем, никого не удивило. Где бы Аласейе научиться землю возделывать, если он с неба упал? Вместо «небесного» неумехи в поле трудился добытый «героем» в бою квеман-скалкс. Скалкс — раб по-здешнему, но квеман рабством своим не слишком был опечален. Поскольку был не урожденным рабом, а взятым в бою. Следовательно, его рабский статус — явление временное. И окружа-

ющие свободные это признавали. Ну, попал мужик в рабство. Пустяки, дело житейское, с каждым может случиться. Команду над квеманом взяла Рагнасвинта. Поскольку из ее мужа рабовладелец оказался никакой, да и хозяйство ему — по барабану. Рагнасвинта последнее очень не одобряла, но смирилась. Трудно ожидать нормального поведения от человека, который с неба рухнул. Ничего, она, Рагнасвинта, с хозяйством разберется. Пусть муженек на нее положится, а сам тащит в дом побольше военной добычи да еще скалксов пяток. Тогда можно будет со Стайной через Фретилу договориться и распахать большой луг за излучиной... Коршунов в планы своей квено не вникал. Поскольку сельским хозяйством заниматься не собирался. И в бурге обитать до старости не планировал. Если уж не удастся вернуться домой, то хотелось бы переместиться в более цивилизованное место. Алексей отдавал себе отчет в том, что долго жить в бурге он не сможет. Со скуки сдохнет.

Хотя сейчас ему было совсем не скучно. С такими-то гостями.

Пришли они, как и обещано, вдвоем. Скулди и Кумунд. Кумунд вошел первым. Коршунов, который в это время сидел за столом и занимался составлением словаря, вскочил.

Ссадины на физиономии звероподобного Кумунда подсохли, щеки опять жизнерадостно вызеленены. Но морда — мрачно-торжественная. Как на похоронах. Костюм парадный: куртка с тиснением, цепи-браслеты-побрякушки, пояс, шитый серебром, естественно, кинжал, секира, шлем под мышкой: снят из вежливости, когда его хозяин через порог переступал. Но Алексей уже знал, что это проявление уважения к дому, а вовсе не к Коршунову. В одной руке — шлем, в другой — кожаный мешок. И то и другое Кумунд плюхнул на стол. В мешке булькнуло.

— Хайре, Алексий! — на пороге появился Скулди. Тоже в парадном. Даже еще покруче: вместо топора — меч, пояс не серебром украшен, а золотом. И шлем не такой, как у Кумунда, тоже золоченый. И — знакомый шлем, черт... Такой знакомый шлем, но не вспомнить, где видел.

Скулди осклабился и разразился длинной тирадой... Кажется, на греческом.

Алексей покачал головой: не понимаю.

Скулди ухмыльнулся еще шире. Его приятель, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на лавку. Лавка жалобно пискнула.

— Радуйся, Алексий, сын Виктора из рода Черных Орлов, прилетевший из дальней земли Байконур! — провозгласил Скулди с откровенной насмешкой и тоже уселся.

Бесцеремонно взял блокнот, поглядел, хмыкнул.

Коршунов вежливо отобрал у него блокнот, спрятал.

— Здравствуй, Скулди,— сказал он.— Здравствуй и ты, Кумунд. Что это ты принес? — кивнул на мешок.

— Тебе понравится, Алексий.

Появилась Фретилина невестка. Несмотря на огромный живот, двигалась она проворно. И в отличие от Алексея знала, как следует принимать гостей.

На столе появились берестяные кружки, каменной твердости печенье, сыр.

Скулди развязал мешок, наклонил. Из мешка полилось. В кружки. Нечто сине-фиолетовое.

— Пей, Алексий!

Коршунов с сомнением поглядел на жидкость. Доверия она не внушала.

— Не бойся, Алексий, сын Победителя[1],— насмешливо произнес Скулди. Подхватил кружку, опрокинул себе в глотку. Поставил и снова налил.— Пей, хорошее вино.

Алексей взял кружку. Вкус пойла вполне соответствовал его виду. Кислый сушняк с мерзостным привкусом. От бурдюка, должно быть.

Видимо, своего ощущения от дегустации Коршунов скрыть не сумел, потому что Скулди заботливо поинтересовался:

— Не нравится?

— Редкая дрянь,— честно сказал Коршунов.— Вылей ее в яму. Будем лучше пиво пить, я скажу, чтоб принесли.

Скулди с Кумундом переглянулись...

— Чтобы ромлянин сказал: вино вылей,— такого быть не может,— заявил Кумунд.

— Сам знаю,— буркнул Скулди.— Семь зим провел среди них.— Подмигнул Коршунову: — Верю теперь, что ты — не ромлянин, Алексий! И рад этому, потому что вижу: славный ты воин. Не хотелось бы поступать с тобой как с врагом.

Коршунов молчал. Переваривал.

Потом не нашел ничего лучшего, как задать дурацкий вопрос:

[1] Виктор — Победитель *(лат.)*.

— А как бы ты поступил с врагом, Скулди?

Тот ответить не успел: перебил Кумунд:

— Известно как: поспрошать строго и...— универсальный жест — ладонью по горлу.

— Думаешь, это понравилось бы Одохару? — спросил Коршунов.

— Одохар знает,— последовал ответ Скулди.— Я ему сказал, что к тебе иду: вызнать, не лазутчик ли ты ромлянский. Одохар сказал: «Иди». Ты похож на ромлянина, Алексий.— Скулди вроде как извинялся.— Имя у тебя аттическое, эллинское, имя твоего отца — ромлянское. Речь нашу знаешь плохо. Держишься чудно́. И сам — из рода Орлов[1]. Мы большой поход готовим, Алексий. Новый поход. А прежний без славы закончился. Потому что знали о нем ромляне. Все знали. И встретили нас наготове. Эй, баба, неси пиво! Славно, Алексий! По глазам вижу: тоже спросить меня хочешь? Спрашивай.

В общем, много интересного узнал Коршунов. Перед ним сидел человек, который семь лет провел в Римской империи. Которая оказалась действительно империей. Богатой, огромной, централизованно управляемой и ведущей активную внешнюю политику. Хитростью и силой. Эти семь лет Скулди воевал за ромлян. Наемником в составе вспомогательного отряда. Потом командовал разведгруппой. Воевал с какими-то карпами, до особых чинов не дослужился, но добычу взял, по местным меркам, неплохую. И существенно расширил кругозор, потому, будучи доверенным лицом герульского рикса Комозика, возглавлял у последнего внешнюю и внутреннюю разведку. С обязанностями справлялся неплохо. Например, информацию о падении спускаемого аппарата получил даже раньше Одохара (интересно, кто настучал?) и сразу обеспокоился. Потому что из своих контактов с римлянами вынес две вещи: глубокое убеждение в их неисчислимых богатствах и почти мистический ужас перед их возможностями. Ничуть не сомневался, что ради внедрения агентуры хитроумные ромляне могут даже богами прикинуться. Так что касательно «небесных героев» у них с Комозиком изначально подозрения имелись. И решить

[1] Орел — самый известный символ Римской империи. Российский двуглавый — того же происхождения. С тех времен, когда Римская империя делилась на Западную и Восточную.

вопрос следовало незамедлительно: Одохар, доверчивая душа, вполне способен шпионов в дружину принять и даже возвысить.

За эдаким светским разговором они приговорили бочонок пива литров на пятнадцать, и расслабившийся Коршунов вспомнил анекдот про шпиона, которого пять лет готовили в ЦРУ, а потом внедрили на Полтавщину. И вошел этот шпион в хату, вербовать местного самогонщика, и говорит:

«Добрыдень, диду! Мэнэ Грицько Мигун звуть. Продай горилкы!» — и протягивает червонец.

«А доллары в тэбэ е?» — интересуется дед.

«Звидки ж в мэнэ доллары?» — разводит руками шпион.

«Ну як же? — удивляется дед.— Ты ж мериканьскый шпиен!»

Тут шпион удивился не на шутку и интересуется, как же дедок его так с ходу расколол: ведь и язык изучил, и обычаи...

«Та ты ж нэгар!» — говорит дед.

Вспомнив эту поучительную историю, Коршунов решил, что следует указать славному парню Скулди на его ошибки.

— Не станет хороший лазутчик в чужую одежду рядиться,— сказал Алексей.— И с неба падать не станет. И вид у него должен быть не диковинный, а самый что ни на есть обыкновенный. Незаметный.

— Вовсе нет! — запротестовал Скулди.— Наоборот.

Пояснил: у них тут любой посторонний сразу на виду, поскольку все друг друга знают. Поэтому для шпиона как раз логично богом прикинуться. Вроде бы и новый, а и не человек.

Но кандидат физико-математических наук Алексей Коршунов в логике был посильнее дикого герула и живенько объяснил, что задача шпиона — информацию передавать. А как ее передать, если ты на виду? Да и как ее собирать — тоже вопрос.

Насчет информации Скулди отчасти согласился, но сказал, что деятельность шпиона может и иначе проявляться. Например, поссорить рикса Комозика и рикса Одохара. Тогда и похода не будет.

Коршунов вспомнил про Оленью войну и заявил, что риксы и без римлян горазды ссориться. И пример привел.

Оказалось, неудачный пример. Поскольку лично Скулди был почти уверен, что оленя этого, из-за которого драка началась, как раз римляне и подсунули.

Ладно, залили разногласия еще одной порцией пива.

Вернулись с сельских работ владельцы дома, но мешать мудрой беседе не посмели. Только сам хозяин, Фретилин брат, с особо приближенным к «небесному герою» Книвой в уголке пристроились.

— Нет,— сказал Коршунов.— Ежели бы я захотел сведения о вас получать, я бы чужого человека присылать не стал.

— А что бы ты сделал? — заинтересовался Скулди.

— Завербовал бы кого-то из местных! Заинтересовал или подкупил.

— Это как же?

— Да просто. Вы с ромлянами торгуете?

— Мы — да! — гордо ответил Скулди.— Они,— кивок в сторону Фретилина брата,— нет. Ромлянские товары им мы привозим.

— Ты и Кумунд?

— Нет.— Скулди брезгливо скривился.— Мы — не торговцы. Другие герулы торгуют. И здесь, и с ромлянами.

— Не важно. Главное, чтобы связь была. Кто торгует — тот выгоды ищет. Какая разница, чем торговать?

— Точно! Правильно, Аласейа! — поддержал Коршунова простой парень Кумунд, который, не стесняясь, то и дело наливал себе, вне очереди, из бочонка.— Торгаш все продаст!

— Вот именно. В том числе и новости.

— И новости! — пьяно провозгласил Кумунд.— Точно!

— Например, новости о новом походе на ромлян!

— А ведь верно! — воскликнул Скулди.— Ведь верно, Алексий! Говори дальше!

— Что говорить?

— Ты мудр! — уважительно произнес герул.— Подскажи, как узнать, кто ромлянам тайны продает?

— Элементарно, Ватсон! Отследить, у кого капитал неожиданно вырос! — по-русски проговорил Коршунов, засмеялся и повторил по-здешнему: — Очень просто. Посмотреть надо, у кого непонятно как богатства умножились.

— Мудро,— одобрил Скулди.— Просто по-ромлянски мудро...— Он устремил на Коршунова пронзительный взгляд.— Ну-ка спой, Алексий! Спой, как вы в Байконуре поете!

— Зачем?

— Послушать хочу!

Действительно в голосе Скулди нехорошо звякнул металл или показалось?

Но почему бы и не спеть благородному дону для другого благородного дона, если тот просит?

Коршунов задумался... А потом встал и грянул «Боже, царя храни!»

Не потому, что монархист, а просто в голову пришло.

Хорошо исполнил. Зычно и с душой, прослезился даже. Хотя дома сроду не пел царского гимна. Тем более, в Байконуре.

Герулов пробрало. Скулди обниматься полез. Бормотал в ухо:

— Прости, Алексий! Опять про тебя нехорошо подумал: уж так ты по-ромлянски мыслил. Но теперь вижу: не ромлянин ты. Родную ты нам песню спел, сразу видно. А язык — незнакомый. Немного на язык боранов похож, но не их язык...

— Никаких это не баранов язык! — возмутился Коршунов.— Натуральный русский, зеленая ты морда! — и тут же сообразил, что говорит не то, что следует. К счастью, всю тираду он тоже по-русски произнес, так что у Скулди не было повода обидеться.

Потом они еще много песен спели. На разных языках. И еще: Коршунову очень хотелось Скулди про Анастасию спросить: кто она? Откуда он ее знает? Но не спросил. Не настолько он пьян был, чтобы с малознакомым человеком такие разговоры вести. Тем более, Скулди этот — не простак. С ним ухо востро держать следует...

Глава семнадцатая

Алексей Коршунов. Тренировка

Утром приехали родичи: Фретила со своими. Барахла привезли — возов десять. В братнем доме Фретила тут же повел себя по-хозяйски. Оказалось, дом этот — Фретилин. Поскольку Фретила в роду — старший. Есть, правда, еще какой-то дядька в каком-то селе, который возрастом старше Фретилы, но он «неправильного» происхождения — от тиви рожден, а не от квено законной. В общем, с тех пор, как помер папаша (из-за которого, как выяснилось, Фретила из бурга и отчалил), Алехин тесть все собирался в бург приехать да в наследство вступить. Вот и приехал.

Средний брат (без звука) собрал вещички, домочадцев и отбыл в другой дом — где обитал третий брат, младший. А тот, в свою очередь, подальше от бурга отъехал, поскольку и там тоже у рода недвижимость имелась. Богатый род у Фретилы, ничего не скажешь.

Кстати, Фретила с собой и Алафриду привез. Передал с рук на руки здешним родичам. Приняли ее хорошо. От Хундилы кое-какое добро осталось, так что не пропадет теперь девка. Вернее, уже не девка, а тиви. Ежели так случится, что встретятся Аласейа с Геннахом, пусть скажет Аласейа: мол, не бросил Фретила в беде Гееннахову тиви, помог. Позаботился.

Заботливый тестюшка сразу по прибытии развил бурную деятельность: припахал на работы по обустройству всех, включая Коршунова. Но совершил стратегическую ошибку: отстранил Агилмунда от руководящей работы по разгрузке и отправил чистить лошадей. Причем именно *чистить*, а не *руководить* чисткой. Забылся папаша. Не учел, что зазорно лучшему десятнику рикса собственноручно таким ничтожным делом заниматься. Да он, Агилмунд, и свою *боевую* лошадь не всегда сам чистит. А тут драить каких-то обозных кляч!

Изложив все это батьке, Агилмунд от работы самоустранился. Более того, отстранил от работ Сигисбарна и Книву. Заявил, что забирает их с целью тренировки. Фретила попытался протестовать, но Агилмунд поставил вопрос ребром: хочет Фретила, чтобы его сыновей в бою как ягнят зарезали? Если хочет, тогда пускай. Не станет их Агилмунд бою учить. Пусть их убьют. Только он, Агилмунд, о смерти их матери сообщать не собирается. Пусть Фретила сам к ней придет и скажет: вот, Брунегильда, убили твоих сыновей, потому что я, Фретила, не дал сыну своему Агилмунду, воину знатному, братьев бою обучить. Вот и убили сыновей твоих, Сигисбарна и Книву.

Фретилу такой демагогией было не сокрушить, но речь Агилмунда вовсе не к нему адресовалась, а к матери. Брунегильду же никто не назвал бы покладистой. Натуральная бой-баба, которой лучше поперек дороги не становиться и в дискуссии с ней не вступать. Мужу, конечно, она особо не перечила. Не принято здесь мужьям перечить. Нравы патриархальные: можно и схлопотать. Но если дело касалось ненаглядных детишек...

Короче, сплюнул Фретила себе под ноги и разрешил. Бери кого хочешь, сынок, и проваливай с глаз долой. И без тебя дел невпроворот.

Разумеется, Коршунов тоже к Фретилычам присоединился. Уж кому-кому, а ему потренироваться с местным оружием было остро необходимо. Но только как бы это сделать, чтоб славу «небесного героя» в грязюку не уронить?

Агилмунд и Алексей ехали верхом. Коршунов уже навострился: ляжек не стирал и спину коню — тоже. И седло у него теперь было получше: удобное, с высокими луками и другой формы, чем у местных. Седло он сменял у Ахвизры на несколько квадратных метров «небесного паруса». Ахвизра сам предложил. Присовокупив к предложению ироничный комментарий про «свинью на заборе». Седло было трофейное, и дружинник требовал за него кусок в десять шагов длиной. «Из моего седла ты, Аласейа, и захочешь — не вывалишься!» — утверждал он. Коршунов уже знал, что поторговаться — одно из первейших местных развлечений. Не столько даже ради наживы, сколько — красноречием поблистать. Сошлись на «двух шагах», но чтобы Ахвизра отмерял. Он и отмерил: на каждом шаге едва на шпагат не садился, чуть не упал. Присутствовавшие при этом Сигисбарн и Книва всласть повеселились. Но сейчас им было не до смеха. Агилмунд погнал их «с полной выкладкой» рысью, километра четыре. Когда выехали на симпатичную полянку, одежка на братьях стала — хоть выжимай.

Спешились. Передохнули. Ничего, ребятки молодые: Книве вот всего четырнадцать. Тощая длиннорукая жердина с белым пухом на подбородке. В движениях некоторая щенячья неловкость, но жилист и вынослив. И цепок. (Фактура, идеальная для скалолаза, профессионально отметил Коршунов. Еще бы растянуть его немного...) Реакция, глазомер — все при нем. С тридцати шагов копьем в цель попадает. Насмерть. Воспоминание об этом беспокоило Коршунова. В сознании не укладывается, что этот худощавый улыбчивый пацан — прирожденный убийца. По законам того времени, из которого пришел Коршунов, Книву следовало бы срочно изолировать от общества. Но *это* общество вполне одобряет мальчишку, который убивает без малейших эмоций и вдобавок отрезает убитым головы. На сувениры.

Тут Алексей ошибался. Как он впоследствии узнал, здешнее «общество» не вполне одобряло то, что Книва убивал врагов. Но потому лишь, что не прошедший посвящения паренек был не защищен от посмертной мести убитых и их потусторонних покровителей. Причем вовсе не из-за того, что они могут повредить самому Книве. Это, как говорится, его личные трудности. Но Книва был частью рода и частью общества. Он мог «навести» на общество разгневанных «мстителей» и принести обществу вред. За такое карали беспощадно, потому что в этом обществе действовали законы муравейника: личность — ничто, род — все. Но выдающихся личностей род поощрял. Поскольку они были полезны роду. Поэтому выдающийся убийца (врагов, разумеется) Книва был уже отмечен теми, кто понимал. А вопросы очищения... Любой родич Книвы, облеченный покровительством Вотана или иного скорого на расправу бога, вполне мог очистить Книву, «переключив» возмездие убитых на себя. А это вполне реально, потому что кровь одна, а «мстители» в первую очередь на кровь ориентируются. А коли ты посвящен, то стоит лишь сделать пару-тройку простых магических процедур, напоминающих богу-покровителю о том, что его адепт нуждается в защите... И на пути жаждущих крови душ-мстительниц встает сущность, неизмеримо более великая. Настоящий бог в полный рост, напившийся свежей жертвенной крови и мгновенно впадающий в ярость оттого, что кто-то рискует посягнуть на *его имущество*! Да за такое...

Правда, «безграмотное» с магической точки зрения убийство, совершенное, например, в священном месте или в запретное время, может затронуть интересы таких же божеств. Но ведь и с божествами можно договориться. Лестью, угрозами, подкупом... Для этого и специалисты имеются: жрецы. Договорятся и очистят. По крайней мере, общество очистится, если не удастся отмолить конкретного согрешившего индивидуума. Так что и у Книвы были все шансы стать «искупительной жертвой» собственного проступка. Но коли сказал Овида: «Книва чист»,— стало быть, так и есть. И не будет у общества проблем с потусторонним миром. А с посюсторонним... Придут мстители-кровники — разберемся. Это уже не жрецов дело, а воинов. И в этом случае даже щенок Книва имеет право колоть и резать в свое удовольствие. Если, конечно, его самого не нанижут на копьецо...

А вот Сигисбарн — уже не щенок. Молодой мускулистый пес. Ловкий, подвижный, безжалостный. И тоже с опытом че-

ловекоубийства. Схватись он по-настоящему, на копьях, с тем же Коршуновым, еще неизвестно, кто кого. Высокий, сильный, ловкий. Здесь такие парни вдвоем кабана берут, а втроем — медведя. Тем не менее в сравнении с настоящим профессионалом-воином Сигисбарн — такой же щенок, как Книва. Коршунов и раньше имел возможность в этом убедиться, но только теперь увидел, насколько велика разница.

Братья вооружились: Агилмунд — деревянным мечом, Сигисбарн и Книва — боевыми рогатинами с широкими наконечниками. Такими и колоть, и рубить можно. Если умеючи. Агилмунд осклабился и предложил родичам себя прикончить. Братья энергично взялись за дело. С точки зрения Коршунова у них получалось неплохо, но как-то так вышло, что копья у них перепутались, после чего Сигисбарн получил по ребрам, а Книва — очень больно — по мягкому месту. Пока обучающиеся терли подшибленные места, Агилмунд «выставил оценки»: Книве — хорошо, Сигисбарну — неудовлетворительно. Коршунов озадачился: на его взгляд, Сигисбарн работал точнее и энергичней. Это оказалось не важно. Главное: Сигисбарн — посвящен в воины, а Книва — нет. Вот когда Книву посвятят вскорости (у парня аж глаза загорелись!), тогда и спрос с них будет одинаковый. С этими словами Сигисбарн вручил братьям по здоровенному (раза в два больше коршуновской трофейной секиры) топору, вооружился кондово сработанным щитом и своей деревяшкой и опять дал добро на убийство. Братья еще более рьяно взялись за дело. Казалось, через полминуты от щита ничего не останется... Тем не менее на нем не появилось даже приличной зарубки. При этом Агилмунд даже не особо двигался, наоборот, его «противники» метались вокруг, ухали, подпрыгивали и совершали массу активных телодвижений. Коршунов наблюдал очень внимательно. Запоминал движения, стойки, то, как следует держать оружие. Он умел улавливать движения, но нужна была практика. А предложить Агилмунду поработать и с ним было стремно. Потому что даже Книва был опытнее, чем Алексей. Не хотелось ронять авторитет «небесного героя». Очень не хотелось. Тем более — послушав, как комментирует Агилмунд воинские качества своих братьев. Определения типа «гнилое пугало», «воронья пожива» и «две коровы на сносях» были самыми мягкими.

Алексей и не решился бы, но Агилмунд предложил сам.

Он объявил перерыв. Совершенно обессиленные братья повалились на траву. А Коршунов рта открыть не успел, как десятник рикса уже направлялся к нему с секирой в одной руке и своей деревяшкой в другой.

— Держи,— деловито сказал он, протягивая Алексею секиру.— Нападай! — и сразу: — Стой! — хотя Коршунов еще даже толком замахнуться не успел.

— Не так держишь,— пояснил Агилмунд. И показал как. И эдак. И жестким хватом, и мягким, когда рукоять свободно скользит в ладони.

Потом поглядел на Коршунова внимательно и показал, как рубить. Как менять направление удара, как «колоть» краем лезвия и блокировать топорищем. Каждое движение — несколько раз. Сначала медленно, потом быстрее. Заставлял Алексея повторять, исправлял ошибки. В общем оказался вполне толковым инструктором. Впрочем, и Коршунов все схватывал на лету. Тело у него было тренированное, с координацией — никаких проблем. Правда, мозоли натер, но это пустяки.

В общем кончилось тем, что Агилмунд дал братьям «автономное» задание, а сам занялся исключительно Коршуновым. При этом никаких острот в отношении ученика не позволял, а уж Алексей вообще помалкивал. Сбылись самые худшие его опасения: теперь Агилмунд наверняка знал, что никакой Коршунов не герой, а полный лох во всем, что касается «благородного воинского искусства» нашинковать своего ближнего.

Посвятив Коршунову львиную долю времени, десятник рикса вспомнил и о братьях и взялся обучать их пользоваться щитом. Опять посыпались комментарии вроде «трехногого шелудивого борова» и «умирающей от парши шавки». Громоздкий щит то и дело вываливался из рук обучаемых, оказываясь на траве. Или на траве оказывались сами обучаемые, а щит располагался сверху. И создавалось полное ощущение, что без этого оружия защиты парням было бы намного проще защищаться. И опять Агилмунд похвалил Книву и отругал Сигисбарна. И на обратном пути Сигисбарн волок и полупудовый щит, и еще килограммов тридцать всякого барахла, а Книва бежал налегке: всего лишь с копьем, топором и пятикилограммовым петухом-тетеревом, которого сам же и подбил ловко пущенным камнем.

Коршунов ехал рядом с Агилмундом и с беспокойством ждал, что тот скажет по поводу Алексеева «умения» владеть оружием.

И дождался.

Глава восемнадцатая

Алексей Коршунов. Двуногий талисман

— А ты ловок, Аласейа,— одобрительно произнес Агилмунд.— Хороший воин, оказывается.

Коршунов уставился на него в полном недоумении.

— А я думал — неумеха ты,— продолжал Агилмунд.

— Думал? — удивился Коршунов.— То есть ты и раньше знал, что я... Не очень?

— Не очень? — Агилмунд негромко засмеялся.— Что я, слепой? Не видал, что ты меч будто мотыгу держишь? А копьем шуруешь — как баба в печи кочергой. Это ж каждый видит, у кого глаза есть.

— То есть и Ахвизра?..

— Конечно!

— И Одохар?

— А Одохару даже смотреть не надо. Он и так увидит. По шагу хотя бы.

Коршунов некоторое время переваривал услышанное. Потом спросил:

— А когда Одохар мне предлагал в поход с ними идти — он знал?

— Ну, Аласейа...— Агилмунд поглядел на Коршунова как на слабоумного.— Это же Одохар. Рикс. Конечно, он знал.

Алексей еще пару минут переваривал информацию.

Они выехали из леса. Впереди блеснул синий изгиб реки. Кони перешли с рыси на шаг.

— Но зачем риксу нужен такой воин, который не умеет копье держать толком? — наконец спросил Коршунов.

— Да какое Одохару дело, как ты копье держишь? — в свою очередь удивился Агилмунд.— Не нужно Одохару твое копье, что, у нас своих копий нет? А вот удача твоя... Это да! Это нам нужно! Ха! В большой поход! С небесным героем! Под небесны-

ми парусами! Цвета снега и крови! Ах-ха! — Он толкнул коня пятками и пустил его легким галопом. Коршунов сделал то же, чтобы не отстать. Топот и пыхтение «пехоты», изо всех сил старавшейся не отставать от всадников, стихли в отдалении. Алексей догнал Агилмунда.

— Значит, я неумеха?

— Я ошибся, Аласейа! — заявил старший Фретилыч.— Ты не неумеха. Сегодня я это понял.

— Да ну? — не без иронии отозвался Коршунов.

Его очень утешило, что от него не ждут фехтовальных подвигов. Но нельзя сказать, что ему очень льстила роль «талисмана». Отчасти потому, что он помнил, как поступают с талисманом, который перестает «работать».

— И что же ты понял?

— Да то, что и раньше мог понять. Догадывался. Когда мне говорили, как ты в гневе камнем огонь и гром из земли высекаешь. Ты — воин. Только привык к другому оружию. Не такому, как наше. Верно?

— В общем да,— осторожно ответил Коршунов.

— Ха! А ты и впрямь в гневе гром и огонь метать можешь?

— Иногда,— еще более осторожно ответил Коршунов.

Он помнил, сколько у него патронов, и не собирался устраивать демонстраций. Без необходимости.

— Ха! А Ахвизра, чурбан, говорил: вранье! Покажешь?

Коршунов покачал головой.

— Нельзя,— сказал он.— Сейчас нельзя.

— А когда будет можно? — Глаза Агилмунда горели совершенно детским восторгом.

— Это редко бывает, чтобы можно. Редко, но бывает...— Подумал немного и добавил: — Но говорить об этом нельзя. Беда будет. Ты понял, Агилмунд?

— Ха! Конечно, понял! — Он коснулся рта пальцем и подмигнул.

Доволен. Теперь у них с Аласейей — общая тайна. Тайны же тут любили все. Тайны, тайные знаки. Коршунову об этом еще Черепанов говорил. Мол, даже Травстила с Овидой, серьезные люди, исподволь сигналами обмениваются. Даже показывал какими. Ну просто как дети.

— Все же, Агилмунд, я бы хотел и вашим оружием научиться пользоваться,— сказал Коршунов.

— Научишься,— успокоил его риксов дружинник.— Ежели ты уже воин, так с любым оружием освоишься. Ты быстро научишься, я видел, как у тебя выходит. Вот Скулди говорил: ему ромлянское снаряжение тоже сперва непривычно было, а потом привык. А со Скулди ты, вижу, уже подружиться успел?

— Вроде того.

— Это хорошо. Скулди при Комозике — как я при Одохаре.

— Да? — Коршунов поглядел на своего родича с большим интересом.— Скулди сказал, что его главное дело... (Как бы это поточнее выразиться?) Новости для Комозика собирать.

— Ха! «Новости»! Не новости! — Агилмунд поднял палец.— Не только новости. Все знать про всех, что риксу надобно.

— И ты знаешь? — спросил Алексей.

— Ясно, знаю! — самодовольно ответил старший сын Фретилы и коршуновский шурин.— И про того же Скулди, и про Комозика, и про каждого дружинника герульского! Все! Не сомневайся! У меня там...— тут он осекся и сказал, откашлявшись: — Ты, конечно, родич мне, Аласейа, и небесный герой, но все же пока не в дружине нашей. Лучше тебе того не знать, как я вести узнаю. Еще проболтаешься Скулди тому же...

— Ты меня что, болтуном считаешь? — недовольно спросил Коршунов.

— Да не обижайся ты! Не в том дело. Не обижайся!

— Ладно, забыли,— отмахнулся Алексей.— Ты мне вот что скажи: Скулди считает, что прошлый большой поход нехорошо кончился из-за ромлянских соглядатаев. И этот тоже может провалиться. Из-за того же. А что считаешь ты?

— Глупости! — отрезал Агилмунд.— Скулди как у ромлян пожил, так ему всюду ромлянские козни чуются! Не было тогда с нами настоящей удачи — вот и побили нас. А теперь у нас удача есть. Вот ты хотя бы!

Но Коршунов не был так уверен в своих способностях универсального «талисмана». Опасения герула показались ему вполне оправданными. И следовательно, имелась необходимость в поддержке Одохара. И Агилмунда, коли уж тот действительно заведует Одохаровой разведкой. Но чтобы привлечь его на свою сторону, нужны были аргументы. Аргументы, значимые именно для Агилмунда.

— Что есть мерило удачи? — спросил он.

— Слава,— не раздумывая ответил родич.— Богатство.

— Велика ли слава ромлян?

— Да уж не мала.

— А велики ли их богатства?

— Ха! — В глазах Агилмунда вспыхнула ничем не прикрытая алчность.

— Так какова же мера их удачи? — вкрадчиво спросил Коршунов.— Велика ли?

Агилмунд не ответил. Думал.

— Помнишь, ты говорил мне: лишая удачи, боги наделяют неудачника слепотой. И он, идя в бой, не видит настоящей силы врага?

— Помню,— ответил десятник рикса.— И что же?

— А то, что сила не только в числе воинов, а удача в битве может выглядеть и так, что ты знаешь о враге все: какова его сила, когда он хочет напасть, куда ударит... И ждешь его там, где он не ждет тебя встретить. Это ведь тоже удача, Агилмунд, верно?

— Пожалуй.

— Но это — *создаваемая людьми* удача, Агилмунд. И лазутчики ромлян как раз и могут создавать такую удачу. Они не надеются на то, что боги все сделают за них. Они действуют, Агилмунд. А боги любят тех, кто действует!

— Я понял,— сказал Агилмунд.— Я сказал Одохару: пусть Скулди ищет ромлян в бурге Комозика. У нас нет ромлян.

— А тех, кто служит ромлянам?

Агилмунд пожал плечами:

— Откуда они возьмутся? Зачем нашим людям губить собственную славу?

— А ты подумай о тех, кто не хочет, чтобы поход увенчался успехом?

— Таких у нас нет! — убежденно ответил Агилмунд.

— Да неужели? — усмехнулся Коршунов.— Если поход будет победоносным, Одохар станет сильнее. А если — нет? Неужели никто в бурге не хочет, чтобы Одохар стал слабее?

С мозгами у риксова десятника было все в порядке. Сразу сообразил.

— Ты хочешь сказать, что Стайна может служить ромлянам? — недоверчиво проговорил Агилмунд.— Стайна? Хранитель Закона? Мирный вождь?

— Не сам Стайна, конечно. Но, может, кто-то из его людей? Кто-то из тех, кто торгует с герулами? Кто-то из тех, кто возит товары на юг...

— Чего ты хочешь? — быстро спросил Агилмунд. Он был человек практичный.

— Скулди сказал, что будет следить за такими людьми на земле Комозика. Но здесь — не его земля. И у него нет здесь своих людей... В достаточном числе. А у тебя — есть. Сделаешь?

— Нет,— отрезал Агилмунд.— Нашим людям и без того хватает дел. Комозик — единый вождь, а у нас не так. Но я скажу о твоих мыслях Одохару. Это все.

Они были уже в полукилометре от ворот бурга.

А в бурге как раз начинался народный суд.

Глава девятнадцатая

Алексей Коршунов. Суд Стайны

Агилмунд судом не заинтересовался. Он был человек занятый, на службе. А Коршунов с младшими Фретилычами остановились поглазеть.

Здешний суд оказался серьезным мероприятием. Целым театральным представлением.

Подмостками служила центральная городская площадь. Она же — зрительный зал. Действующими лицами были: Стайна (верховный судья), Вилимир (присяжный заседатель) — солидный мужчина с зычным голосом. Вилимир — Стайнов первый приспешник. И дом Вилимира — рядом с домом мирного вождя. И сам Вилимир — всегда рядом со Стайной. Можно сказать, глашатай при мирном вожде.

Кроме Стайны и Вилимира — два Стайновых дружинника. Судебные приставы.

Разумеется, присутствовали истец и ответчик.

И свидетели. Человек тридцать. В основном родня истца и ответчика.

Имелось также вещественное доказательство: килограммов двадцать свиной колбасы.

Суть дела была такова.

Жила-была некая свинья. И забрела она на огород к ответчику. И убил ее ответчик, и сделал из нее фигурирующую в качестве доказательства колбасу.

Факт умерщвления и происхождение колбасы ответчик не отрицал. Но утверждал, что имел на вышеописанные действия полное право, поскольку покойница уже хаживала на его огород. Истец же настаивал, что данная свинья посетила чужой огород впервые, а до этого хозяйство ответчика проинспектировала похожая на покойную, но тем не менее совсем другая свинья.

Что же гласит Закон? А Закон, устами своего хранителя Стайны, утверждает, что свинью, единожды нарушившую девственность чужих посевов, надлежит изгнать за пределы территории, а хозяину ее выразить устное порицание. И только свинью-рецидивиста дозволяется вывести в расход и использовать по прямому свиному назначению. Скажем, пустить на колбасу.

Далее последовало собственно судебное разбирательство, задачей которого было установить идентичность первой нарушительницы с той, которая уже ничего не сможет нарушить, кроме, может быть, пищеварения при неумеренном потреблении колбаски.

Суд заслушал свидетелей (мнения разделились) и затребовал дополнительных доказательств: живую свинью, которую прочили в первые нарушительницы, и шкуру погибшей. Доказательства были представлены и внимательно изучены. С точки зрения Коршунова, все здешние свиньи если чем-то и отличались, то только худобой и прожорливостью. Причем не друг от друга, а от свиней, которых он видел до того, как попал сюда. Но оказалось, что каждая здешняя свинья обладает яркой индивидуальностью и неповторимым набором личных качеств. Изучив доказательства и еще раз заслушав свидетелей, суд (в лице Стайны) встал на сторону ответчика. Посему колбаса, шкура и прочее остались в его собственности. Истцу же, для покрытия судебных издержек, велено было после сбора урожая принести мешок зерна. Решение было оглашено Вилимиром. Все, кроме истца и нескольких его родичей, были полностью удовлетворены. Особенно ответчик, который от щедрот своих подарил суду некоторое количество «вещественных доказательств».

Глава двадцатая

Алексей Коршунов. «Хорошие люди — готьёс!»

Все-таки выяснил Коршунов, что это за народ. В неторопливой беседе с родичами Фретилычами выяснил. И как только они с Черепановым сразу не сообразили? Ведь и раньше местные на четко поставленный вопрос: «Кто вы такие?» — давали такой же четкий и недвусмысленный ответ. Вернее, смотрели на тебя, как на идиота, а потом соображали: ты же, Аласейа, из края далекого, оттого и не знаешь элементарных вещей. Люди мы. Хорошие люди. Славные. А «хороший» — по-здешнему «готс». И все, тупик.

Но как только Коршунов поднабрал словарного запаса и освоился, то сумел из тупика выбраться. Люди, мол, это да. Дело понятное. Мы вот у себя в Байконуре тоже люди. И герулы — люди. Вот хундс мохнатый — это не «люди», понятно. А между людьми ведь тоже есть различие? Конечно есть, согласились с ним. Вот мы — хорошие люди, а герулы... Ну теперь мы вроде с герулами друзья, но все равно: герулы — они герулы и есть.

Ну да, соглашался Коршунов, про герулов понятно, а все-таки какие именно вы люди? Ах вот ты о чем? — наконец до его собеседников дошло.— Мы те люди, которые гревтунги. А есть еще и тервинги. Они тоже «готьёс», славные, значит, ребята. Если на закат солнца идти — как раз к тервингам и придешь. Мы, значит, готьёс гревтунги, а они — готьёс-тервинги.

Вот тут наконец до Коршунова дошло. Готы! Почему вот только на исконно славянских землях готы живут? Ну еще скифы там или анты... Впрочем, познания Алексея в древней этнографии оставляли желать. Зато он хорошо помнил, что готы Рим взяли. Вместе с вандалами. Или после вандалов. Или до. Или гунны. Короче, доигралась загнивающая империя и пала под натиском варваров. Вот этих самых ребят, с которыми Коршунов пиво пьет и беседы ведет неспешные. А славяне, вероятно, потом появились. Может, от этих же готов. А что? Определенная связь имеется. Тервинги и гревтунги.

«Терва» означает лиственное дерево. Тополь, береза, липа — это все терва. Стало быть, тервинги — это те, кто по лиственным лесам живет. Древляне, выходит. А «гревта» означает камень или

булыжник. И широкое поле, особенно если оно с холмами и перелесками — тоже.

Вот и получается: древляне и поляне. Аккурат как у нас, в Древней Руси.

В конце июля (двадцать третьего числа, если ориентироваться по коршуновским часам, а еще точнее — в ночь с двадцать второго на двадцать третье) Одохар со своими дружинниками отбыл в неизвестном направлении. Со всеми тремя Фретилычами. Дом опустел. Вернее, заполнялся теперь только звонким голоском Рагнасвинты и визгливым — ее мамаши. Изредка — баском Фретилы. По утрам. С восходом все уходили в поле, прихватив скалксов: двух квеманов и еще одного, пожилого мужика неизвестного происхождения. Коршунову оставляли обед. Который он съедал в одиночестве. Вернее, в компании трех хундсов: лохматого дворового и двух охотничьих сук Книвы и Сигисбарна. Суки тоже скучали.

Днем бург пустел. Только на подворье Стайны кипела жизнь. Стайна сельским хозяйством не занимался, хотя, насколько было известно Коршунову, имел изрядно земли — и вблизи города, и пару хуторов подальше. На земле Стайны было кому трудиться, пока мирный вождь занимался «общественной» деятельностью. О своем богатстве Стайна Коршунову рассказывал еще тогда, когда Алексей у него в гостях бывал. Не то чтобы хвастался: давал понять, что сила у него, Стайны, есть. И немалая. Надеялся мирный вождь, что, выбирая между ним и Одохаром, Коршунов предпочтет все-таки Стайну. Алексей его не разубеждал. Чтобы иметь повод появляться в доме мирного вождя. Агилмунду со Скулди намекнул: мол, разведку веду. Насчет римской агентуры. Но себя не обмануть. На подворье мирного вождя он таскался исключительно ради того, чтобы увидеть Анастасию. Однако недавно Коршунову дали понять, что видеть его более не рады. Вилимир-сосед так прямо и сказал:

— Ты, Аласейа, больше к Стайне не приходи. Не будет тебе рад Стайна, мирный вождь.

Сказал Вилимир, но кому в бурге не известно, что Вилимир — голос Стайны. Грубый и зычный.

Причину немилости Алексей выяснять не стал. Понадеялся только, что она — в его последнем разговоре с Одохаром. Хоть и говорили они один на один и в собственном доме Одохара.

Очень не хотелось бы, чтоб такой причиной оказалась привязанность Алексея к Анастасии.

Может, и хорошо, что все кончилось так. До того, как ситуация вышла из-под контроля. Уж слишком желанна стала для Алексея эта женщина. И интуиция подсказывала: он тоже ей симпатичен. По меньшей мере. Но ничего хорошего из взаимного притяжения между Коршуновым и чужой наложницей — по местным понятиям, «собственностью» мирного вождя — выйти не могло. Кроме больших неприятностей.

Покинутый Фретилычами и Скулди, который еще раньше уплыл домой, пообещав вернуться примерно через месяц, Коршунов тем не менее времени зря не терял. Родичи в поле, а он — на коня и, бродом, за речку. Там было хорошо. Заливные луга, трава по плечи. И коню раздолье, и Алексею. Каждый день он часов по шесть упражнялся с оружием. Когда невмоготу становилось — делал перерыв, купался в теплой водичке и — снова за дело. Пока тело трудилось, голова была свободна. И думалось хорошо, особенно в воде. Или в седле. А подумать было о чем. О будущем, например.

За день до отъезда Коршунова пригласил к себе Одохар. Не в дружинный дом, домой пригласил.

— Про друга твоего, небесного героя Геннаха, новости есть,— сказал он.

— Какие? — внутри у Алексея екнуло.

— Непонятные. У квеманов говорят: жрецы новое место для святилища ищут. Мол, осквернил прежнее друг твой Геннах. И Геннаха тоже ищут — найти не могут.

У Коршунова отлегло от сердца. Молодец, Генка! Навел шороху! И особенно молодец, что живой!

— Откуда сведения?

— То тебе знать не обязательно,— сказал рикс.— Но сведения верные. Скажи, не мог небесный герой Геннах обратно в Байконур улететь?

Коршунов покачал головой.

«Надо же! — подумал Алексей.— Какие интересные подробности о командире выяснились».

— Ладно,— кивнул Одохар.— Если на наши земли выйдет Геннах — я узнаю. Хуже — если к антам выйдет. Анты чу-

жих не привечают и умом недалеки. Могут и не признать небесного героя. Хоть и говорил мне Фретила, что силен Геенах безмерно и корень его огонь, но многочисленны анты... Числом же и огонь остановить можно...— Помолчал немного и добавил: — А воду нельзя. Хочу тебе корабль подарить, Аласейа.

Коршунов изо всех сил попытался скрыть изумление. Поистине то был день новостей.

— Новый корабль. Его срубили для тебя и скоро пригонят в бург. Но парус ты должен поставить сам. Из небесной ткани. Согласен?

— Согласен,— не раздумывая, ответил Коршунов.

Он помнил насчет «парусов цвета снега и крови», о которых было объявлено герульскому послу.

В общем, было о чем подумать «небесному герою Аласейе». Например, о том, что Одохар, оказывается, даже среди «злокозненных» квеманов имел информатора. И о том, что простота здешней жизни — кажущаяся. По крайней мере та игра, которую ведет рикс, значительно сложнее и активнее, чем предполагал Коршунов. Просто Алексею позволяют видеть лишь незначительную часть процесса. Кусочек внешней оболочки. Даже герул Скулди наверняка куда более осведомлен о делах Одохара. Ясно одно: рикс — не только умный мужик, но и искушенный. Просто так ничего не делает. А о том, что делает, зря не болтает. Правитель. Хотя народу здесь — всего ничего. Тысяч десять, по коршуновским прикидкам. И все всех знают, что естественно при такой малочисленности, и живут патриархально, по прадедовским обычаям... Однако закулисная жизнь кипит вовсю. Ну да разве в численности населения дело? В обычной коммуналке на три-четыре семьи такие, бывает, интриги заворачиваются... Не любят люди жить просто. Скучно им. В жизни — как в науке. Это ведь только кажется, что в физике все по правилам-законам. Самый же вкусный для ученого кусочек — когда законы нарушаются. Вернее, *уже* написанные законы нарушаются. Когда в общей картине образуется неясность, щелочка. И сквозь эту щелочку можно за изнанку заглянуть... И новый закон открыть. М-да... Воистину познание есть змея, ловящая собственный хвост. И все же скучал Коршунов без своей родной кристаллографии.

Задумавшись, не заметил, как подъехал к бургу.

Ворота городка были гостеприимно распахнуты. Стражи — никакой. Хотя — от кого стража? От внезапного нападения? Так откуда оно возьмется, внезапное? Хоть и обширны окрестные леса, да вряд ли можно скрытно к бургу подойти. Наверняка в лесах этих у бурга наблюдатели имеются. Те же охотники... С другой стороны, сумели же они тогда внезапно напасть на квеманское городище? Но ведь бург полутора десятками не возьмешь, это ясно. А незаметно провести сотню-другую захватчиков — это уже сложнее.

Хотя, в принципе, можно. Выслать вперед дозоры, разведчиков. Подойти скрытно. А от ближайшего леса до бурга — всего-то километра два. Если верхом — три-пять минут хорошей скачки...

Тут все «стратегические» мысли вылетели из головы Коршунова, потому что он увидел Настю.

Конь запнулся — так резко Алексей дернул поводья.

— Славы тебе, Аласейа.— Она посторонилась, давая Коршунову проехать, да так неловко, что пошатнулась и едва не упала с настила в ров.

Не упала, успела ухватиться за ногу всадника, а всадник, наклонясь, поймал тонкое запястье с соскользнувшей к локтю змейкой золотого браслета.

— Прости, Аласейа, мою неловкость!

— Нет, это ты прости меня, Анастасия! — Смуглые пальцы женщины уже разжались, но всадник по-прежнему удерживал тонкую руку.— Я не очень хороший наездник! — Он улыбнулся.

— Разве воин может быть плохим наездником? — улыбнулась она в ответ.

— Там, откуда я родом, ездят не на лошадях, а на...— Алексей поискал подходящее слово,— колесницах. Огненных колесницах,— уточнил он.

Это не было враньем. Двигатель внутреннего сгорания как-никак.

— О-о-о! — поверила она или нет, неизвестно, но взглядом выразила восхищение.— По небу?

В общем его слова даже не прозвучали необычно. Здесь принято преувеличивать. Фантазировать, так сказать. В здешних байках побитые враги множатся и превращаются в шестируких

великанов. Причем рост и количество рук напрямую зависят от возраста рассказчика и объема выпитого пива.

— И по небу,— кивнул Коршунов.— На больших колесницах. С крыльями. И не только воины — все. Даже дети.— Руки ее он так и не отпустил, но она словно и не замечала этого.

— Верхом?

— Нет, в чреве. Наши колесницы столь стремительны, что верхом не удержаться.

— В чреве? — Она задумалась.— Как на корабле?

— Примерно.

— Мне бы хотелось полетать по небу,— проговорила она застенчиво и совершенно по-детски затрепетала веками: огромные глаза в черной бахроме выгнутых ресниц.

— Может быть...— Коршунов бросил быстрый взгляд по сторонам: они были одни. Ни одного человека ближе трех сотен шагов, открытые ворота, пустая пыльная улочка...

— Может быть, когда-нибудь...— Он низко наклонился в седле и коснулся губами узкой мягкой ладони.— Анастасия... Настя...

Глава двадцать первая

Книва. Посвящение

Книва просидел в яме целую вечность. Совсем окоченел. Очень хотелось есть. А пить совсем не хотелось. Овида сказал: «Воду не пей. Плохая». Это он про ту воду, что в яме скопилась. Как будто Книва совсем дурак. Станет он воду пить, от которой мочой воняет! Сколько тут до Книвы сидело, воинское посвящение принимавших? И все в эту воду облегчались.

Книва вздохнул. А как хорошо мечталось, когда на капище ехали! Агилмунд, Сигисбарн, сам Одохар с дружиной, даже Травстила-кузнец. Еды привезли полные мешки, пива. По дороге еще свинью добыли, с поросятами...

Все на капище пошли, а Книву Овида-жрец за руку — да в лес. Глаза тряпкой завязал и до самого вечера по чащобам водил. Книва все ноги сбил сослепу.

Наконец сюда привел его Овида. К яме. Щит плетеный, дерном прикрытый, с ямы снял. Раздеться велел и вниз прыгать.

Книва разделся и прыгнул. Хоть страшно было: яма-то ловчая, раз щитом прикрыта. Большая: на медведя или, может, тура. А в ловчей яме и кол может быть... Страшно, но прыгнул. Стараясь ближе к стенке упасть. Напрасно боялся — не было кола в яме. Воды вонючей — на ладонь, да еще на ладонь — грязи.

— Целый? — спросил сверху Овида.

— Целый! — бодро ответил Книва.

— Ну тогда сиди. Воду не пей. Плохая.

— А долго сидеть? — спросил Книва.

— Пока я не приду... Или еще кто.— При этих словах Овида хохотнул недобро, как филин ухает, да щит на яму надвинул, осыпав Книву землей.

Ушел Овида.

А Книва остался.

И сразу есть захотел.

Представилось, как на капище воины пируют. Свинью на вертеле жарят, а со свиньи жир капает и на камнях шипит.

А в лесу уже и ночь наступила. Это Книва только по звукам, что сверху доносились, понял; в яме-то всегда ночь. Ноги от воды немеют. Особенно когда на корточках сидишь. Мошки какие-то вьются, кусают. Плохо Книве. Страшно. Может, о нем забыли? Может, квеманы напали на капище и побили всех? Овида-жрец сказал: «Сиди, пока я не приду». А ежели он и вовсе не придет? Ежели он нарочно Книву в яму скинул, чтобы богам подземным потрафить? Зря, что ли, сказал жрец: или я приду, или еще кто?

Страшно Книве. У него с подземными богами — старые счеты. Думал Книва: очистили его тогда, на болоте, Каумантиир Гееннах с Аласейей. Ан нет, оказывается. Только вот сейчас сообразил Книва: не могли они его очистить, раз не боги они, а чужие герои. Были б свои — другое дело. Но ведь чужие. Разве их Вотан с Доннаром услышат? Вспомнил тут Книва, как Аласейа его все в реку звал, а Книва не шел: боялся обычай нарушить. А ведь наверняка Аласейа его не просто так звал. Понятно теперь: помочь хотел. Хотел, чтоб речной бог, здешний, с которым дружен Аласейа, Книву от нечистоты избавил. Не понял Книва. А теперь — поздно. Потому, может, и не взяли на капище Аласейю. Чтоб Книве помочь не мог.

Долго сидел Книва. И стало ему казаться, что из земли в яму скребется кто-то. Шуршит в земле, стену толкает. И грязь под

ногами вроде шевелиться начала. Понял Книва: это «нижние» злые духи носами острыми землю точат, к нему рвутся. Только вода их не пускает. Знает вода, что покровительствует Книве Аласейа, вот и не пускает подземных. Хотел Книва Доннара с Вотаном о помощи попросить, но вспомнил: не воин он. Нет у него права к воинским богам обращаться. Тогда с отчаяния Книва в голос Аласейю позвал. Может, услышит Аласейа и выручит? Больше ведь некому...

Видно, услышал все же Аласейа, потому что перестали духи в земле скрестись. Может, ушли. Или затаились. Или за подмогой отправились. В земле ведь много кто живет. И боги малые, и духи, и хольды черные, которые с людьми схожи, только что ростом малы. Ежели хольда в нужную ночь поймать и спросить правильно, он тебе все клады земные показать может. А ежели неправильно спросишь — хольд тебя чародейством опутает и на сорок зим под землю уведет. Войдешь юношей, а выйдешь седым стариком... Тут спохватился Книва: *о чем* думает, под землей сидя? И совсем ему нехорошо стало: весь испариной покрылся, даже мерзнуть перестал ненадолго.

...Сколько еще времени прошло — неведомо. Но устал Книва бояться. Присел опять на корточки и в дрему погрузился. Дрема — не сон. Дрема — это когда в засаде сидишь, дичь стережешь. Глаза и уши открыты, а мыслей совсем нет. Если зверь не придет, можно с полудня до заката так просидеть — времени ушедшего не заметить... Так сидеть Книву Сигисбарн учил. А Сигисбарна — Фретила. А Фретилу — предки. Предков же ласка учила. Ласка у рода Фретилы — покровитель. Потому никому из рода Фретилы ласку убивать нельзя. Только ласка — глупый зверь. Беспамятный. Это плохо. Зато отважна и свирепа ласка без меры. Это хорошо. Зверь-покровитель — он весь род бережет. Но только род — не отдельного человека. Человеку же боги пособить могут. Но у богов людей-просителей много, а у Зверя — только один свой род. Потому для рода Зверь полезнее.

Задремал Книва, но, конечно, услышал, как наверху крышка сдвинулась. Очнулся, встать хотел, да не смог: ног не чувствовал. А наверху темно было. И воздух свежий сверху пошел. Потом из темноты голос Овиды раздался. Окликнул Книву Овида. Но не по имени. Не отозвался Книва. Овида ему еще прежде сказал: нельзя отзываться. Тогда сверху веревка с петлей упала.

Книва ее на себя надел, затянул под мышками. Овида его наверх и вытянул.

Стоять Книва не мог: ноги совсем скрючило. Так и лежал на траве, клубком свернувшись, покряхтывал от боли.

Овида щитом яму прикрыл, Книву поднял, на плечо положил и понес. Как поросенка.

Книва молча лежал: помнил, что говорить ему нельзя.

А Овида его на озеро принес. Там уже ждали. Трое в шкурах звериных и личинах из звериных черепов.

Они его тоже спрашивали, но Книва молчал. Хотя по голосу узнал одного: Травстилу. Он молчал, тогда его бить начали и в воде топить. Но он все равно молчал, только раскашлялся, когда воды хлебнул. Потом трое его на траву положили и стали с Овидой переговариваться. На незнакомом языке. Потом Овида рядом присел и сам стал Книву мучить: ноги Книвины мять. Очень больно было, но Книва только зубами скрипел: терпел. Овида же мазь достал пахучую и с ног до головы этой мазью Книву натер. От мази Книве сначала горячо стало, а потом кожа онемела совсем, а в теле легкость необычайная возникла. Вскочил на ноги Книва и запрыгал по траве. И закричал на непонятном зверином языке. И убежать хотел, но поймали его, петлю на туловище накинули и через лес повели. А Книве так весело было, как никогда в жизни. И страшно убежать хотелось, но веревка не пускала.

Привели Книву в особое место. Там огонь горел. И много людей было. Все — с оружием.

Пока шли, веселье из Книвы вышло, и все чувства обострились. И голоса людские сделались тягучими и непонятными.

Трое в личинах поставили Книву в круг, и в кругу все запели разом. От звука этого ум у Книвы помутился. Упал Книва наземь и лежал на земле, содрогаясь и голову руками прикрыв. И не видел, что над ним творили...

Поднял Книву Ахвизра. Книва узнал Ахвизру и удивился: и тому, что Ахвизра его поднял, и тому, что он опять лица людские различать может.

Ахвизра же его к себе на колени положил. И Овида рядом присел и питьем огненным Книву поил. От питья того внутри Книвы огонь стал. И боль такая, словно пылающие угли во чрево сыпали. Но Книва выпил все. До капли.

А потом закричал и умер.

И в иной мир попал. Там пусто было: только воды морские — до горизонта. Книва моря не видел никогда, но понял, что море. И стоял Книва на воде ровной, хотя вокруг волны кипели. И тень на него падала: как огромное крыло. Посмотрел Книва вверх — и небо увидел. Цвета огня и снега, снега и крови. Тех самых цветов, что у паруса были, который вместилище Аласейи по воздуху нес. И понял Книва, что туда он попал, откуда небесные герои прилетели. В Байконур. И возрадовался. И сразу Голос услыхал. И говорил ему Голос важное...

А потом очнулся Книва и понял, что не умер он. Что лежит он на шкурах волчьих, а голова — на коленях у Ахвизры. И вокруг — воины стоят. Все знакомые. И Агилмунд, и Сигисбарн. И Одохар суровый. А рядом с Книвой, на коленях, Овида-жрец стоит.

— Что сказали тебе боги, рысенок? — спрашивает.

Догадался Книва: уже можно ему говорить. И хотел ответить, что ему Голос вещал... И понял, что позабыл все. Ничего не помнит. Только море и небо красно-алое. И заплакал Книва от горя.

Не знали воины, почему плачет Книва, но никто не засмеялся. Только Ахвизра руки Книвины сжал крепко. Сочувствовал.

Ничего не сумел вспомнить Книва из того, что Голос говорил. Помнил только, что тот все время позади звучал, как Книва ни поворачивался, тщась бога воочию увидеть.

Но объяснил Овида: хорошо это, что бог ему не показался. Потому что это чужой бог, не Доннар и не Вотан, и не Фрей веселый. От лика чужого бога и ослепнуть можно. И еще это значит: будет бог сей всегда за спиной у Книвы. Хранить его будет и на врагов направлять. И в большом походе бог этот с Книвой будет.

Еще сказал Овида, что Доннар с Вотаном тоже с ними в поход пойдут и с чужим богом они — в дружбе, иначе не перенесли бы Книвину душу в Байконур.

И еще сказал Овида, что Книва теперь — воин. И на руку Книвы показал. Увидел Книва, что на коже его воинский знак наколот. И узнал, что это Ахвизра собственноручно знак наколол, и стал теперь Ахвизра Книве вроде отца или брата старшего. Будет учить его бою, как раньше Агилмунд учил. И еще — языку тайному, знакам особым и всему, что настоящий воин знать должен. А Ахвизра рядом сидел, кивал и усмехался.

И хорошо стало Книве оттого, что он — воин. И что Ахвизра больше убить его не хочет. И оттого, что теперь точно его Одохар в дружину возьмет. А потом вспомнил Книва Нидаду, Ахвизрова брата, и снова опечалился и заплакал. Но опять не смеялся никто, а Овида после сказал: не зазорно воину от печали нестерпимой плакать. Или от радости. Хорошо это и богам приятно. Ибо эти слезы — совсем не те, что от боли, обиды или страха текут. Вот и Ахвизра нередко от печали бороду слезами мочил. И кивал Ахвизра, соглашаясь.

И вспомнил еще кое-что Книва и спросил: что ему с квеманскими головами, в прежних битвах добытыми, делать? Тех, что *прежнему* Книве принадлежали?

Овида задумался, а потом засмеялся и сказал: выкинуть их — и все дела. Не отыщут более Книву мстительные квеманские духи. А отыщут — пусть на себя пеняют. Ибо воин теперь Книва, и покровители у него — не квеманским чета.

А голов воин Книва еще немало добудет, потому что славный герой выйдет из Книвы. Это сам Одохар сказал, и все с Одохаром согласны.

И понял Книва, что такое настоящее счастье.

Глава двадцать вторая

Алексей Коршунов. Зуб Алзиса

Дернула нелегкая Коршунова Свинку на променад вывести. Честно говоря, его совесть мучила. Из-за Насти. Хоть и не было у них ничего. Но Коршунов вполне отдавал себе отчет: не потому не было, что женат он, а потому что не срослось. Пока. Но срастется непременно. Потому что никуда им друг от друга не деться. Потому что Судьба. Потому что хоть и чужая женщина, а все равно. И наплевать, что чужая. И наплевать, что будет, потому что голова кругом идет, едва к ней прикоснешься. То есть — влюбился, как школьник. Нет, покруче. Потому что школьник — он *легко* влюбляется, а матерый мужик вроде Коршунова — ох тяжко. Таких, как он, купидонова стрела навылет бьет. Намертво.

Но совесть все равно мучила. Рагнасвинта, девочка юная, прилепилась к нему тоже всерьез. И первый он у нее. И законный.

Хоть и случайно вышло, да малышке откуда знать, что случайно? Нехорошо это: свое счастье на чужой беде строить. Тем более что и счастья может не быть. Настя — не его женщина. И черта с два ее этот чертов кабан Стайна отдаст! Пристрелить его, что ли?

В общем оторвал от сельскохозяйственных работ Аласейа — небесный герой женушку свою законную. И вывел ее, Рагнасвинту Фретиловну, шестнадцати лет от роду, на прогулку. По городской площади, мать ее так. Может, купить чего или так пройтись.

А площадь была пустынна. Жара, пыль. Никого. Только один «лоточник», мужичок не из бурга, приехавший из какого-то дальнего села, разложил на рогожке поделки: упряжь, ремешки, пояса...

И тут — будто ждали. Вышла со двора Стайны целая толпа. Сам хозяин, прихлебателей с полдюжины, охранников четверо.

И тотчас один из прихлебателей к Коршунову подбежал. Мол, мирный вождь желает с небесным героем о делах перемолвиться.

— Ты тут пока постой, солнышко,— сказал Коршунов Рагнасвинте.— Приглянется что — бери.

Впрочем, знал, что лишнего Свинка не купит. Бережлива. Чтоб не сказать больше.

Стайна ходить вокруг да около не стал. Сразу к делу перешел, слов впустую не тратя.

— Продай мне небесный парус, Аласейа,— сказал мирный вождь.— Я тебе настоящую цену дам. Такой никто не даст. Только весь продай. Золотом заплачу. Вес за вес. Больше только за ромейские паволоки[1] дают.

«Ах ты хитрая бестия,— подумал Алексей.— Вес за вес. При том что парашютный шелк и не весит почти ничего, о чем тебе, толстяк, прекрасно известно».

— Не думаю, что это хорошая цена,— сказал Коршунов.— Сколько, ты говоришь, за паволоки дают?

— Один вес против трех,— неохотно проговорил мирный вождь. Наверняка занизил.

Коршунов пожал плечами:

— А ты мне — один против одного предлагаешь. За небесную ткань. Но за *хорошую цену* я, может быть, продам тебе не-

[1] Паволоки — шелка. Тут — не совсем точно. Шелк в Римской империи не производили, а привозили с Востока.

много. Или обменяю...— У него мелькнула шальная мысль. Махнуться! Шелк — на Анастасию!

— Мне нужно все,— заявил Стайна.— Только все.

— Все не получится,— развел руками Коршунов.— Часть паруса мне самому нужна. Но я тебе хороший кусок продам. Такой, что все твое подворье вместе с домом накрыть можно.

— Нет! — безапелляционно заявил Стайна.— Ты продашь мне весь небесный парус. Если цена моя кажется тебе малой, назови свою. Знай, Аласейа, за *весь* парус я ничего не пожалею. Назови цену! Что пожелаешь в дому моем — твоим станет.

«Знает? — подумал Коршунов.— Про нас с Настей? Эх, зачем я только пообещал Одохару!»

— Не получится,— сказал Алексей с искренним сожалением.— Я дал слово.

Если бы он точно знал, что Стайна согласится на обмен... Нет, все равно нельзя. Это значит предать Одохара. Даже если плюнуть на последствия такого действия, все равно. Не по-мужски это.

— Я знаю, что ты обещал Одохару,— спокойно сказал Стайна.— Я освобожу тебя от твоего слова. Я вправе. В этом бурге я — хранитель Закона. Не Одохар.

Ответил Алексей не сразу. Тут следовало подумать.

— Не могу,— наконец произнес он.— Не в Одохаре дело. В моем роду такой закон: не давши слова — крепись, а давши — держись. Нет, Стайна, по-твоему не получится. Я сожалею...

— Ты говоришь «нет» мне, Аласейа? — В голосе Стайны прозвучало удивление.

— Я говорю тебе, что не могу принять *это* предложение,— дипломатично ответил Коршунов.— Сделай мне другое, и я постараюсь сказать тебе «да».

Стайна задумался. Он сверлил Алексея своими прозрачными глазками и, можно поклясться, интенсивно пытался отыскать в его словах второе дно.

Коршунов отвел взгляд от широкого, лоснящегося от пота лица, повернул голову: как там его Свинка?..

Ну вот! На минуту одну оставить нельзя!

Рядом с Рагнасвинтой топтался какой-то длинный парень. Говорил ей что-то настойчиво, за руку взял. Рагнасвинта руку выдернула, выкрикнула что-то резкое. Парень тоже голос повысил...

— Мне нужно отойти,— сказал Коршунов.

— Мы не договорили,— с нажимом произнес мирный вождь. Он тоже смотрел в сторону Алексеевой квено. Видел. Но или ему было безразлично, что там происходит... Или, наоборот, не безразлично.

— Позже,— бросил Коршунов.

Один из парней Стайны встал у Алексея на пути, но Коршунов оттолкнул его в сторону, потому что в этот момент длинный снова схватил Рагнасвинту за руку...

Двадцать метров — это даже не расстояние. Коршунов пролетел его за три секунды и с ходу, ребром ладони, ударил длинного в основание шеи. Тот, не пикнув, повалился в пыль.

— Ты — в порядке? — спросил он свою квено.— Что ему было нужно?

— Ему?..— Свинка в восхищении взирала на Алексея.— Что ему было нужно...

— Да!

— Но, Аласейа, это же...— Тут в глазах ее что-то мелькнуло, Коршунов мгновенно развернулся.

Черт, это же Алзис! Морда перекошена, поднимается с земли, а в руке уже ножик в полруки длиной.

А за спиной — Стайна со своими. И, похоже, вовсе не собирается вмешиваться. Улыбается добродушно-покровительственно, типа: играете, мальчики? Ну играйте, играйте.

Окружающее отпечаталось в глазах Коршунова, как объемная картинка. Оскал, движение, нож... А туловище Алексея уже начало клониться в привычном развороте, и нога сама пошла на удар...

Мощно, с проносом, сбоку — по оскаленным зубам.

Алзиса опять швырнуло мордой в пыль. Коршунов выпрямился, выхватил из чехла собственный нож...

Стайна выкрикнул что-то резкое, и его охраннички моментально пришли в движение: повыдергивали топорики, встали между Алексеем и Алзисом. Что ж вы, хлопчики, только сейчас спохватились, а?

А мирный вождь по-прежнему благожелательно улыбался: мол, ничего личного, порядок есть порядок. Убивать никого не будем, но ежели кто желает...

Коршунов не желал. Не тот у него уровень, чтобы схватиться с оружием с четырьмя профи. А за пистолет хвататься — повод не тот, чтобы светить «секретное оружие».

Алзис поднялся. Сначала — на карачки, потом — на ноги. Красавец: глаза в кучку, морда в грязи и пыли. Постоял немного, потом наклонился (едва не упал), поднял нож. Подержал в руке немного, спрятал. Выплюнул на ладонь зуб, поглядел тупо...

— Дай мне,— потребовал Стайна.

Отобрал зуб, спрятал. Интересно, зачем?

Глава двадцать третья

Алексей Коршунов. Зуб Алзиса, акт второй

Зачем Стайна прибрал Алзисов зуб, выяснилось очень скоро. Когда от мирного вождя прибыл посыльный и сообщил: законность действий Коршунова в отношении пострадавшего Алзиса подвергнута сомнению и требует судебного разбирательства.

Суд же назначен на следующее утро.

Вечером состоялся «семейный» совет. Председательствовал Фретила. Высказал полное одобрение действиям зятя. Высказал недовольство мирным вождем. Оказывается, он успел пообщаться со Стайной с целью перенести судебное заседание. Стайна отказал. При этом высказал крайнее недовольство зятем Фретилы.

— Чем ты его обидел? — строго спросил старейшина.

— Небесный парус отказался продать,— ответил Коршунов.— Весь — и за бесценок.

— Правильно отказал,— одобрил бережливый Фретила.

Но родичи погрустнели. Полагали: очень нехорошо, что Стайна сердит на Аласейю. И что суд будет проводиться в отсутствие Агилмунда и Сигисбарна. Сыновья Фретилы, будучи одновременно родичами подсудимого и «штатными» дружинниками Одохара, могли привлечь к разбирательству военного вождя. У остальных такого права не было, а следовательно, у Одохара не было формального права выступить на судебном разбирательстве. Даже если бы и был в бурге Одохар.

Коршунов забеспокоился и попытался выяснить, что ему грозит в случае осуждения. Оказалось, ничего особенно страшного. Придется заплатить за выбитый зуб верегельд, то бишь штраф. Причем размер штрафа в данном случае строго определен и не так уж велик.

Алексей сразу успокоился и сказал, что это пустяки и нечего беспокоиться. Заплатит он сколько нужно. Что у него, денег нет, что ли?

Оказалось, что дело вовсе не в штрафе. Дело — в принципе. В ущербе чести. В утрате родом Фретилы неких непонятных Коршунову бонусов на будущем тинге. В том, что выплата штрафа наносит ущерб коршуновскому статусу «небесного героя», и получается, что он, «небесный герой», оказывается *должен* какому-то паршивому Алзису, у которого теперь, после гибели Хундилы, и родичей приличных нет. Короче, осуждения Аласейи допустить никак нельзя. А в отсутствие Агилмунда и Сигисбарна позиция рода Фретилы существенно ослаблена. Тем более, и рикса Одохара в городе нет. Следовательно, решение полностью зависит от произвола Стайны. А мирный вождь свою позицию уже обозначил.

Короче, дела плохи. Фретила, конечно, послал человека на капище: по возможности поторопить своих. И он очень рассчитывал на «перенос разбирательства». Но Стайна отказал, и все теперь зависит от того, как поведет себя на суде сам Аласейа. Тут все с надеждой поглядели на Коршунова, а тот совсем растерялся, поскольку понятия не имел, каким должно быть его поведение. Признать свою вину? Послать Стайну на три буквы? Еще раз дать по морде ублюдку Алзису?

После окончания семейного совета Коршунов попробовал прояснить этот вопрос у Фретилы. Тот сразу надул щеки и, сочась важностью, произнес речь по поводу «чести и достоинства» рода вообще и «небесного героя Аласейи» в частности. Много громких слов — и ничего полезного. Глава рода просто не понимал сути вопроса. И не желал понимать. Как не желал понимать, что есть некие элементарные вещи, о которых здесь знает каждый сопляк, а «небесный герой» и понятия не имеет.

Коршунов плюнул и прекратил расспросы. Эх, был бы рядом Книва, тот бы все растолковал просто и доходчиво.

В печали и растерянности Коршунов отправился спать. Но вместо сна ему пришлось вкусить «семейной жизни»: развлекать Рагнасвинту. Развлекать же ее можно было двояко: вести с ней «благочинную беседу» или трахаться. От «благочинных бесед» со своей квено у Коршунова ныли зубы. Не то чтобы она была полной дурочкой, но теперь, когда смысл ее «щебетания» стал внятен Алексею, он уже не мог умиляться. «Славная наив-

ная девочка» оказалась донельзя меркантильной и вдобавок страшно высокомерной по отношению ко всем, кроме себя и мужа. Нечто подобное Коршунов уже испытал, когда, овладев разговорным английским, послушал как-то любимые рок-хиты своей молодости. Короче, слушать Свинкину болтовню, состоящую из безудержного хвастовства и планов по использованию будущей коршуновской добычи, в нынешнем настроении Алексея было совершенно невозможно. И предаваться телесным утехам тоже стало нелегко. Во-первых, вокруг полон дом народу. Во-вторых... Во-вторых, в самый неподходящий момент возникало перед глазами тонкое лицо Анастасии и... Одним словом, беда. Хоть бы скорей в поход уйти...

Глава двадцать четвертая

Алексей Коршунов. «С вутьи спроса нет!»

Все было похоже на тот, первый суд. По поводу свиной колбасы. Но еще торжественнее: помимо скамьи для Стайны и «заседателей» на площадь выволокли двурылого деревянного уродца: местное судейское божество.

Распределились: слева — Алзис с кучкой свидетелей, «очевидцев» из свиты Стайны. Справа — Коршунов с Фретилой и прочими родичами мужского пола. Их набралось человек десять, в большинстве — пожилых мужиков. Молодые с Одохаром на капище отправились.

«Зрителей» набежало — полная площадь. Еще бы: и развлечение, и уважительная причина увильнуть от сельхозработ.

Рагнасвинта присутствовала, но в числе зрителей. Выпустить ее в качестве свидетельницы было рискованно. Такого наговорит...

Первое слово предоставили «потерпевшему», то бишь Алзису.

— Я,— сказал «потерпевший»,— стоял спиной, ничего не видел. И тут меня кто-то ударил сзади. Я упал. Тогда увидел, что напал на меня Аласейа. Я начал подниматься — он меня снова ударил. Зуб выбил (Вилимир продемонстрировал выбитый зуб) и убить хотел, но вождь Стайна рядом оказался: не дал меня убить.

— Так было дело? — спросил Стайна Алзисовых «свидетелей».

— Так! Так! — загудели они.— Подскочил сзади... Ударил... Потом еще ударил... Зуб...

— Кто другое видел? — спокойно спросил «хранитель закона».

— Я! — выкрикнул Фретила.— Не так все было!

— Ты *сам* видел? — ласково осведомился Стайна.

— Нет,— буркнул Фретила.

— Очень хорошо, достойный Фретила,— еще ласковее проговорил мирный вождь.— А то ведь и я там был, как ты знаешь. И все видел. А тебя, достойный Фретила, не видел.

— Раз ты все видел, так должен знать, что...

— Я, достойный Фретила, *должен* суд вершить. А не свидетельствовать. Не может хранитель Закона как свидетель говорить. Так по обычаю нашему следует, и это все знают. Верно, люди?

«Люди», толпа зрителей, одобрительно загудели. Коршунов оглянулся и увидел в первых рядах знакомые физиономии. Все как один — сторонники Стайны. Многих он за столом мирного вождя наблюдал, когда в день приезда у Стайны на пиршестве надрался.

В сравнении с этой толпой «группа поддержки» Алексея выглядела довольно жалко.

«Черт,— подумал Коршунов.— А ведь тут что-то нехорошее затевается. Этот хитрожопый судья какую-то гадость задумал. Точно!»

— Кто видел не то, что сказал Алзис? — рявкнул Вилимир.— Пусть говорит.

Братья Фретилы вытолкнули мужика, у которого Рагнасвинта поясок выбирала.

— Ты видел? — Глазки-щелки мирного вождя прицелились в торговца.— Сам?

— Сам,— пробормотал тот, глядя в землю.

— Что ты видел? — В мягком голосе Стайны еле-еле, но почувствовалась угроза.

— Этот... Алзис, он с дочкой Фретилы говорил,— пробормотал мужик.

— Громче! — потребовал Стайна.— Люди должны слышать.

— Алзис говорил с дочкой Фретилы,— погромче повторил мужик.

— С квено Аласейи! — рявкнул Фретила.

— С квено Аласейи...— покорно повторил мужик, бросил на Стайну тревожный взгляд, но тот кивнул великодушно: мол, продолжай.

— Говорил, значит, с квено, а этот чужак...

— Аласейа,— мягко поправил судья.

— Аласейа, да, ну он, значит, подскочил, и Алзис этот упал.

— Значит, ты тоже видел, что Аласейа ударил Алзиса сзади и тот упал? — щурясь, как довольный кот, осведомился Стайна.

— Как ударил — не видел. Только как Алзис упал.

— И как Аласейа ударил Алзиса второй раз — ты тоже не видел? — вкрадчиво спросил Стайна.

— Не, это я видел,— сказал мужик.

— Значит,— подхватил Стайна,— ты видел то же, что и остальные. И то же, что сказал Алзис?

— Ну... Да. Только он про эту... квено не сказал.

— Хорошо,— не стал спорить Стайна.— Алзис, что ты можешь сказать про квено?

— Я разговаривал с ней,— сообщил Алзис.

— Видел ли ты ее раньше? Знаком ли с ней? — осведомился Стайна.

— Ну да. Я ее знаю. Мы — из одного села. Я разговаривал с ней, а тут этот вутья...

— Во-от! — перебил Стайна и поднял большой палец.— Ты точно сказал, Алзис! Именно так! Вутья! Один лишь вутья может без причины на человека наброситься. Все это знают...

Площадь одобрительно загудела.

— С вутьи же — какой спрос? — добродушно-снисходительно произнес Стайна и ласково улыбнулся Коршунову.— С вутьи спросу нет, верно?

Снова одобрительные возгласы.

«К чему он клонит? — подумал Коршунов.— Конечно, „спросу нет“ — это хорошо, но с чего он такой добрый?»

Алексей покосился на Фретилу: Фретила стоял как в воду опущенный.

— Аласейа — не вутья! — выкрикнула вдруг Рагнасвинта.— Аласейа — небесный герой! Ты сам вутья, Стайна!

Поднявшийся ропот мирный вождь успокоил жестом.

— Правильно, женщина,— сказал он.— Аласейа — небесный герой. К богам приближенный. Кто же есть вутья? Тот, кто божественной яростью обуян. Потому и не удивительно, что

вутья — Аласейа. И Геннах, который с ним вместе был,— вутья. Знаем же мы, что Геннах ныне квеманов губит в неисчислимом множестве, ярость небесную смирить не в силах! Вот и говорю я вам: вутья Аласейа не в себе был, когда на Алзиса напал, и нельзя в том его винить, ибо то есть божественная ярость. Но Алзис пострадал, и потому верегельд ему следует. И неправильно будет, если он в ущербе останется. Потому должно роду Фретилы, с вутьей Аласейей породнившемуся, сей верегельд заплатить!

— Не бывать этому! — яростно выкрикнул Фретила, но его голос потонул в одобрительных возгласах сторонников Стайны.

— ...А вутью Аласейю следует из бурга изгнать,— продолжал как ни в чем не бывало мирный вождь.— И от селений людских его тоже следует гнать, ибо опасен вутья людям. Пусть он в лесах с медведями борется или, как Геннах, квеманов губит, а не нас, гревтунгов славных. Ибо ясно вижу я теперь: опасен Аласейа! — и закричал с драматическим пафосом: — Безмерно опасен Аласейа! Гоните же его прочь, люди! Гоните!

От такой подлости у Коршунова даже в ушах зашумело.

«Ты, сука, еще не знаешь, как я опасен,— подумал он яростно, нащупывая на поясе пистолет.— Ты еще не знаешь...»

Чужие пальцы сомкнулись на запястье Коршунова. Как клещами сжали. Алексей быстро повернулся...

Глава двадцать пятая

Алексей Коршунов. Божий суд

Чужие пальцы сомкнулись на запястье Коршунова. Как клещами сжали. Алексей быстро повернулся...

Рядом стоял Травстила. На заросшем буйным волосом лице — спокойствие. Такое же каменное, как его хватка.

— Не надо, Аласейа,— негромко произнес кузнец.— Не надо. Все обойдется. Оглянись.

Коршунов послушно оглянулся и увидел, что подступившие было к нему парни Стайны подались назад, а сквозь толпу уже протискиваются, раздвигая ее грудями коней, свои: Агилмунд, Сигисбарн, Ахвизра... И Одохар. Но рикс спешился в стороне,

а родичи попрыгали с коней рядом с Алексеем. Травстила както незаметно отодвинулся, а на его место встал Агилмунд. А рядом — Сигисбарн. И Книва — почему-то плечо к плечу с недолюбливавшим его Ахвизрой, который и вовсе не из Фретилова рода, но встал слева от Коршунова. И, оказавшись между здоровенными Агилмундом и Ахвизрой, Коршунов почувствовал себя так, словно подрос сантиметров на пять и на столько же в плечах раздался. Его окатил крепкий мужской дух: острого конского пота, нагретой кожи, разгоряченных тел. Ахвизра толкнул Алексея локтем в бок, и Коршунов увидел на его здоровенном бицепсе свежую татуировку: рогатую бычью голову.

— Ну-ка, ну-ка, Стайна, повтори, за что ты намерен изгнать моего славного родича?

Голос Агилмунда был звонок и весел, словно речь шла об удачной шутке.

И Коршунову стало совсем хорошо. Чертовски приятно чувствовать себя частью целого. Частью сильного и гордого содружества, которое называется — род. И которое не только всегда готово защищать своего, но и защитит, можно не сомневаться.

Но Стайна не смутился и не испугался.

— Да,— сказал он.— Я намерен изгнать твоего родича, потому что так гласит закон.

— Да что ты говоришь? — насмешливо воскликнул Агилмунд.

— Закон гласит: вутью должно изгнать, ибо опасен он для людей и должен жить со зверьми дикими, с ними же и ярость утоляя вдали от селений людских.

— И кто же тут вутья? — осведомился Агилмунд.

— Вутья — твой родич Аласейа,— спокойно ответил Стайна.— Тебя не было в бурге, Агилмунд, ты не знаешь. А мы знаем, мы видели, как без явной причины набросился Аласейа сзади на человека и убил бы, кабы моих дружинников оружных не увидал, не испугался и не образумился.

Агилмунд расхохотался, и Ахвизра вторил ему зычно, как жеребец. И даже Одохар усмехнулся в бороду.

— Воистину ты, Стайна, мирный вождь,— отсмеявшись, заявил Агилмунд.— Только тот, кто никогда не видел вутьи, может сказать, что вутья ИСПУГАЛСЯ! Жаль, что не скамар[1] ты, Стайна. Умеешь ты народ повеселить.

[1] Скамар — бродяга, скоморох.

— Ты не забывайся, Агилмунд! — рявкнул Вилимир.— С хранителем Закона говоришь! Как смеешь говорить: «Стайна — скамар»?

— Разве я так сказал? — деланно удивился Агилмунд.— Это ты, Вилимир, говоришь, что мирный вождь Стайна — *скамар*. Я же сказал, что Стайна — *не скамар*. Так я сказал. Но если ты говоришь, что хранитель Закона Стайна — *скамар*...

— Я не говорил, что Стайна — скамар! — заорал Вилимир.

— Да? А разве не ты сейчас кричал: «Стайна — скамар»? — Агилмунд развел руками.— Ну, Вилимир, это же все слышали. Твой голос трудно не услышать, Вилимир, когда ты кричишь на весь бург: «Стайна — скамар!»

Вилимир вскочил в бешенстве.

— Я НЕ КРИЧАЛ: «СТАЙНА — СКАМАР!» — заревел он.

— Ну вот опять,— заметил Агилмунд, когда эхо Вилимирова вопля улеглось.— «Стайна — скамар». Это твои слова, Вилимир. «Стайна — скамар». С таким громким голосом лучше бы тебе выбирать слова, Вилимир. Не стоит кричать «Стайна — скамар» так, что даже в ближних селах слышно...

Глаза Вилимира налились кровью, рука нашарила рукоять ножа... Он даже на миг дар речи утратил...

А Агилмунд спокойно развивал тему:

— Мы-то знаем, Вилимир, что мирный вождь Стайна — не скамар. И вряд ли тебе кто поверит, Вилимир, когда ты кричишь, что Стайна — скамар. Но все же лучше бы...

Тут Агилмунд умолк, и меч его будто сам выпрыгнул из ножен в руку. Потому что Вилимир бросился на обидчика с кинжалом в руке.

— Держите его!!! — гаркнул Стайна, и двое дружинников успели перехватить разъяренного Вилимира на полпути.

Впрочем, возможно, «по дороге» Вилимир и сам одумался, сообразил: набрасываться с ножом на полностью экипированного дружинника в «тяжелом» вооружении — чистое самоубийство.

Вилимира усадили на скамью, а Агилмунд, очень довольный, спрятал меч.

— Ну скажи, Стайна, разве Вилимир — не вутья? — спросил он.— Взял да и набросился на человека, который всего лишь повторил его слова: «Стайна — скамар».— Последнее Агилмунд выговорил с особым смаком. В толпе захихикали.

«Похоже, кличка приклеится»,— злорадно подумал Коршунов.

Стайна обжег сына Фретилы столь яростным взглядом, что, будь мирный вождь пирокинетиком, Агилмунд вспыхнул бы факелом.

— Нет, Вилимир — не вутья,— сухо произнес Стайна.— Ты взбесил его своими насмешками.

— Ты говоришь о том, что я повторял его слова «Стайна — скамар?» — невинно поинтересовался Агилмунд.

Теперь засмеялось уже человек десять, не меньше.

— Оставим Вилимира,— отрезал мирный вождь.— Сказанное им не имеет значения. Мы говорим об Аласейе.

— Хорошо,— согласился Агилмунд.— Оставим Вилимира. Это очень хорошо, что рядом оказались твои дружинники, Стайна. А то мне пришлось бы убить Вилимира. Причем из-за не имеющих значения слов «Стайна — скамар».

Народ веселился вовсю.

— Ты! — взревел Вилимир.

— Молчи! — гаркнул Стайна.— Ни слова, Вилимир!

— Правильно,— поддержал Агилмунд.— А то еще начнет опять кричать: «Стайна — скамар»...— Половина толпы уже стонала от хохота. Даже собственные дружинники Стайны с трудом сдерживали улыбки.— И, знаешь, Стайна, я уже не стану с ним спорить. Ну скамар и скамар. От скамара тоже польза бывает. Споет там на пиру или спляшет. Конечно, Вилимир — твой друг, и ему лучше думать, что говорит... Но он так вспыльчив. А я не хочу платить за него верегельд.

Стайна спокойно выслушал (железное терпение у мужика), подождал, пока толпа отсмеялась, а потом сказал:

— Вилимир, возможно, не сдержан, но он не напал на тебя сзади, без причины, как это сделал Аласейа.

— Не верю,— покачал головой Агилмунд.— Скажи мне, родич Аласейа, почему ты напал на Алзиса?

Прежде чем Коршунов сумел сформулировать подходящий ответ, раздался пронзительный голос Рагнасвинты:

— Потому что этот дурак Алзис схватил меня!

Внезапно над площадью повисла тишина. Алексей сообразил, что большинство присутствующих понятия не имеют о поведении Алзиса. А Коршунов-то полагал, что это всем известно...

— Я ему говорю,— звонко зачастила Рагнасвинта,— не трогай меня. Отпусти! Мой муж Аласейа убьет тебя! А он...

Тут кто-то из родичей изловчился и заткнул ей рот, пока она не успела сказать лишнего, а в напряженной тишине Агилмунд четко, раздельно произнес:

— Скажи мне, родич мой Аласейа, ПОЧЕМУ ТЫ НЕ УБИЛ АЛЗИСА?

— Его защитили дружинники Стайны,— честно ответил Коршунов.

— Г-р-рм! — откашлялся Одохар.

Пришло его время вмешаться.

— Верно ли, Стайна, что твои дружинники вступились за Алзиса, схватившего квено Рагнасвинту? — недобрым голосом осведомился Одохар.— Что говорит закон о том, кто покушается на чужую женщину?

— Повинен смерти! — ответил Стайна.— Но я *не видел*, что Алзис *хватал* квено Рагнасвинту. Я *видел*, как Алзис разговаривал с квено Рагнасвинтой, а это законом не возбраняется.

— Кто станет слушать женщину? — подал голос второй «присяжный».— Только дурак.

— Есть ли свидетели того, что Алзис *схватил* квено Рагнасвинту? — громогласно поинтересовался Стайна.

Свидетелей не нашлось. Коршунов мог поклясться, что кое-кто из Стайновых дружинников видел, как обстояло дело, но решил держать язык за зубами.

— Никто не видел,— удовлетворенно констатировал Стайна.

Но тут снова подал голос Одохар.

— А видел ли кто, что Алзис *не хватал* квено Рагнасвинту? — спросил рикс.— Кто видел это и готов подтвердить перед богами? — кивок на двурылого истукана.

Таких тоже не нашлось.

— Что говорит закон? — поинтересовался Одохар.

— Закон говорит: за выбитый зуб следует выплатить верегельд в размере...— начал Стайна, но Одохар перебил.

— Я не говорю о зубе,— заявил рикс.— Я говорю о покушении на чужую женщину. А за это не верегельд следует, а смерть. Что скажет хранитель Закона?

«Оба они с удовольствием порвали бы друг другу глотки,— подумал Коршунов.— Но вынуждены соблюдать правила игры. Политика, блин».

— Покушения не было,— возразил Стайна.— Никто не утверждает этого, кроме виновного перед судом и его жены.

— Но никто не утверждает и обратного,— заметил Одохар.— Что говорит закон?

— Алзис,— обратился Стайна к «истцу», уже наверняка жалеющему о том, что ввязался в это разбирательство.— *Хватал* ли ты квено Рагнасвинту?

— Не хватал я ее,— буркнул Алзис.— Ну, может, дотронулся... Случайно.

— А знал ли ты, что квено Рагнасвинта — квено Аласейи?

— Знал. Только прежде того Фретила мне ее обещал,— еще более мрачно проворчал Алзис.

«Так,— подумал Коршунов.— А я-то думал, чего это паренек на меня волком глядит?»

— Врешь, щенок! — закричал Фретила.— Не обещал я тебе Рагнасвинту!

— Тихо! — тоже повысил голос Стайна.— Не о том речь. Значит, ты *не хватал* квено Рагнасвинту?

— Нет,— глядя в землю буркнул Алзис.

«Ничья,— подумал Коршунов.— Пат».

Но он ошибался. Здешний закон предусматривал и такую ситуацию.

— Есть кто-то, оспаривающий слова Алзиса? — провозгласил Стайна.

— Я! — немедленно заявил Коршунов.

Агилмунд дернул его за руку: «Молчи!»

Стайна не успел отреагировать, как вперед шагнул Ахвизра.

— Я оспариваю,— с ленцой проговорил дружинник.— Ты врешь, Алзис, собачий сын.

Он вразвалочку приблизился к истукану, порылся в поясном мешочке, нашарил кусочек серебра и вложил в один из «ртов». Потом повернулся к Алзису, ухмыльнулся.

Алзис заметно побледнел.

— Струсит,— шепотом проговорил Сигисбарн.— Куда ему драться с Ахвизрой!

— Нет,— тоже шепотом возразил Книва.— Откажется — тогда ему точно худая смерть будет. Лучше уж от секиры. А может, Стайна за него своего бойца-судильщика поставит...

Алзис беспомощно поглядел на мирного вождя.

— Ну,— впервые Стайна не смог скрыть раздражения.— Ты готов?

Алзис, помявшись, все же подошел к истукану и сунул что-то во второй «рот».

«Дуэль,— подумал Коршунов.— Божий суд. Кажется, их на перекрестках устраивали?»

Насчет перекрестков он, видно, напутал. Потому что никуда они не пошли.

— Дайте ему топор,— велел Стайна.— И щит.

Алзису вручили требуемое. Ахвизра снял шлем и куртку с железными нашлепками. Чтобы все было по-честному. Если можно назвать честным поединок европейского чемпиона по боксу с перворазрядником-юниором.

Зрители раздвинулись, освободив пространство.

Ахвизра перекинул щит за спину, поплевал на ладони. Боевой топор в его правой руке казался почти игрушечным.

— Иди ко мне... щенок,— вполне добродушно проговорил он.— Я тебе ушки подровняю.

Алзис не заставил его повторять. Сорвался с места, бросился вперед, замахиваясь...

Ахвизра сдвинулся в сторону (самую малость), без малейшей торопливости, неспешно перебросил топор в левую руку и так же неторопливо, совсем несильно сунул обушком, мимо края щита, в физиономию противника. Раздался неприятный скрежещущий звук — и Алзис оказался на земле. Дружинник Одохара наступил ему на правую руку, вырвал из нее оружие и отбросил в сторону.

Затем засмеялся и так же неторопливо вернулся на свое место около Коршунова.

— Зря пожалел,— вполголоса проговорил Агилмунд.

— Он в роду последний,— так же тихо ответил Ахвизра.— Как я. Пусть живет.

— Его ж по закону лошадьми разметать должно! — вмешался Книва.

— Цыть,— оборвал его Ахвизра.— Это не тебе, а Стайне решать.

— Изгнание,— сказал Агилмунд.— Мой пояс против твоей уздечки с подвесками? Идет?

— Размечтался,— усмехнулся Ахвизра.— Давай, я — за изгнание, а ты — за смерть. Годится?

Агилмунд покачал головой.

И оказался прав. Стайна действительно приговорил Алзиса к изгнанию. По той же формуле, какую он цитировал, объявляя Коршунова вутьей.

С начала судебного разбирательства до объявления приговора и его (немедленного) приведения в исполнение прошло чуть больше часа.

Весьма производительна здешняя Фемида. И эффективна. Главное — встать на нужную чашу ее весов.

Глава двадцать шестая

Алексей Коршунов. Человек Одохара

Итак, все точки над «i» расставлены. Алексей официально стал человеком Одохара. Обряд совершен, договор «составлен», «служебная площадь» для проживания выделена: половина домика позади местной «казармы» — дружинной избы. Вообще-то жить в дружинной избе почему-то считается более почетным, но Коршунову не положено, так как он женат. Поэтому и получил автономную жилплощадь: однокомнатную и с «удобствами» во дворе, но зато — с отдельным входом и кладовкой. Счастливая Рагнасвинта принялась немедленно благоустраивать жилище. В ее понимании это значило: набить его под завязку всем, что удастся раздобыть. Коршунов тоже внес свою лепту: смастерил печку. Нормальную, с дымоходом. В молодости он пару месяцев помогал печнику, так что кое-какие навыки были. Сперва он не знал, где взять качественный кирпич. Но потом вспомнил, что в списке его знакомых имеется кузнец.

«Городская» кузня Травстилы располагалась поблизости от пристани. Так что найти кузнеца было легко.

Травстила в помощи не отказал, более того, проявил интерес. И к самой печке, и к «чертежам», которые рисовал Коршунов угольком на доске. Идея изображать изделие, перед тем как его изготовить, очень интересовала Травстилу. Еще с тех пор, как второй «небесный герой», Геенах, набросал ему схему самострела. Кстати, и самострел был почти готов. Но Травстиле при-

шлось его отложить и заняться изготовлением более традиционного оружия. До тинга оставалось всего ничего. А после тинга войску следует спешно собираться — и в поход. Чтобы поспеть вовремя к месту общего сбора — путь не близкий.

Пришла весточка от Скулди. Мол, все в порядке. Скоро, мол, будет. А как дела в бурге у гревтунгов? Есть успехи в деле, о котором они толковали?

Успехов не было. Коршунов установил постоянное наблюдение за подворьем Стайны и самим мирным вождем — с помощью проинструктированных Книвой пацанов из своего рода. Но особых результатов не ожидал, поскольку посторонних в бурге практически не было. Даже герулы отбыли. И все местное население было при конкретном деле. Страда как-никак.

Коршунов присутствовал при открытии этого «мероприятия», весьма торжественном и структурно невероятно сложном. В мире этих самых «славных людей» было такое количество божеств, духов и прочих нежитей, что даже кандидату физматнаук с ходу не разобраться. И каждое инфернальное существо следовало задобрить (уговорить, запугать), чтобы посевная-прополочная-уборочная прошла путем. И ничего не перепутать, иначе — беда. Созревание зерна рассматривалось, как многостадийный процесс, где за каждую стадию: прорастание, завязывание семени, созревание — отвечало отдельное божество. А ведь было и множество сопутствующих факторов: дождь, например, или вредители. Ошибка в любой из стадий вела к фатальному результату, а сам результат, по местным установкам, зависел не столько от физических усилий, сколько от магических. При том, что пахали ребята — будь здоров. От зари до зари. А «оборудование» у них было — смех один. Попробуй попаши целину деревяшкой, пусть и обитой железом. Впрочем, и урожаи здесь были — соответствующие. Сам-три — уже неплохо. Кабы не лес по соседству, совсем бы народ оголодал.

Коршунов тоже трудился. Но не на уборочной, а с боевым железом. Так навострился, что даже против Агилмунда стоял. Секунд тридцать.

Только Агилмунд да Книва в бурге и остались из близких родичей. Фретила с прочими на время в покинутое село отъехали. Собрать, что посеяно. И Рагнасвинту с собой забрали. С коршуновского разрешения.

Зато после уборочной в бурге должна была собраться прорва народу. Во-первых, тинг — всеобщее племенное собрание. Во-вторых, торговые гости наехать должны были, поскольку параллельно с тингом имела место быть большая ярмарка.

К тингу или немного раньше должны были поспеть Одохаровы «корабли». В том числе и персональное судно Коршунова. Любопытно, как оно выглядит?

С Одохаром Алексей, даже став дружинником, виделся редко. Дружина хоть и считалась «регулярным» подразделением, но по армейским законам не жила. Никаких ежедневных общих построений, караулов и прочего. Рикс с приближенными занимались таинственными делами, остальные же, в большинстве, на время сменили боевое оружие на мирный инструментарий. В страду каждая пара рук — на счету.

Анастасию Коршунов в последнее время вообще не видел. Он узнал, что Стайна отправил свою третью тиви на какой-то удаленный хутор. Кем-то вроде управляющей. Алексей томился и скучал, но активных действий предпринять не решался. Главным образом, чтобы Настю не подвести.

Но случилось так, что инициативу проявили за Алексея. В узком переулке повстречался Коршунов с той толстой девкой, с которой переспал по пьянке в доме у Стайны. Девка улыбнулась кокетливо и преградила Коршунову путь.

Алексей тоже улыбнулся и вознамерился протиснуться между девкой и стеной, когда румяная красотка сказала магическое слово:

— Стайса!

Оказалось, девка — служанка Стайновой наложницы. И попутно — ее доверенное лицо. Помнит Анастасия о небесном герое. И скучает. И желает видеть. В одну из ночей, когда луны на небе не будет.

— И где же я ее найду? — спросил Коршунов, даже не подумав о том, что приглашение может быть ловушкой. Отчасти потому, что ему очень хотелось увидеть Настю, отчасти — из-за абсолютно бесхитростной физиономии посланницы.

Оказалось, действительно, живет теперь Анастасия на хуторе. За лесом. Недалеко в общем. И дорога лесная туда ведет, так что — и найти просто, и верхами проехать легко.

— Что хозяйке сказать? Придешь? — спросила девка.
— Приду,— сказал Коршунов.— Обязательно.
До новолуния оставалось меньше недели.

Глава двадцать седьмая

Алексей Коршунов. Размышления о социологии, экономике и контрразведывательных мероприятиях

После суда, на котором Коршунова едва не объявили вутьей, Алексей стал осторожнее. А заодно узнал, что посягательство на чужую женщину резко не одобряется. Ну и ладно. Кто не рискует... Да и в порядках здешних Коршунов теперь получше разбирается. Если даже и прихватят — сумеет отбрехаться. Хотелось бы верить, что сумеет. Да и не до него сейчас Стайне. Скоро будет тинг. На тинг сойдутся представители всех родов, старейшины селений и прочие почтенные господа.

Род (куни — по-здешнему) — основа этого общества. Каждый здесь принадлежит к тому или иному роду. Вот он, Коршунов, принадлежит к роду Фретилы, и это хорошо, потому что безродный здесь был бы полностью лишен гражданских прав. Чем сильнее род, тем авторитетней индивидуум. Подчинение вертикальное. Слово старейшего в роду — закон. Проступок (или заслуга) члена рода распространяется на весь род. На род же переносятся и все имущественные взыскания. Если индивидуум не может сам покрыть расходы, то дефицит покрывается из имущества общего, коим единолично управляет старшина рода. Это удобно. Для торговли, например. Если член рода «берет кредит» и по объективным причинам (например, из-за насильственной смерти) вернуть его не в состоянии, кредит выплачивает род. Это дело чести. Род платит штрафы (вроде верегельда за убийство), мстит за оскорбления, а также является сдерживающим фактором для своих отдельных членов. Правильный гот ведет себя правильно в первую очередь потому, что хочет пристойно выглядеть в глазах родственников. Если член рода совершил нехорошее и приговорен к изгнанию, род вправе от него отказаться. По принципу: «Если рука твоя ведет себя плохо — отруби ее напрочь». Если род с решением суда не согласен, он может

отправиться в изгнание в полном составе. Тогда это уже не изгнание, а переселение. Кстати, отдельный индивидуум тоже может отделиться. Скажем, с женой и детьми. Как Фретила в свое время. В этом случае старейшина выделяет ему часть общего имущества. Сколько сочтет нужным. Может и ничего не дать. Аналогично — приданое. Но тут совсем ничего не дать нельзя. Другие стыдить будут. Еще один способ «выйти» из рода — войти в дружину кого-нибудь из вождей. Хотя в этом случае разрыв еще меньше, чем в случае «отделения хозяйством». Да и сами вожди стараются набирать дружинников из одних и тех же родов. Например, род Фретилы поставляет человеческий «материал» Одохару. На службе у Стайны родичей Коршунова нет. Такое разделение — не закон, не правило и не обычай, поскольку «противостояние» вождей — вещь сравнительно недавняя. Раньше военный рикс строго ходил под мирным вождем. Последний решал все дела со старейшинами селений, в том числе — кто и сколько «рекрутов» на военную службу направит. И какое «служилым» содержание следует, тоже мирный вождь решал. Собственно, он и сейчас все решает. Формально. Но многое помимо него делается. У Одохара есть собственный авторитет, собственный капитал и несколько сильных родов, на поддержку которых он может рассчитывать. И в жизни, и на тинге. Формально тинг — высший законодательный и исполнительный орган. Он многое может. Например, запретить Одохару идти в поход. Если найдется соответствующий закон. Если же закона не найдется, то запретить поход тинг права не имеет. Даже если большинство представителей родов — против. Тут не демократия, а типичная анархия. Не хочешь идти в поход — не ходи. Но если тинг поход одобрил, а конкретный род участвовать в нем не желает, вполне могут в трусости обвинить. И заклеймить позором. И даже штраф назначить за недостаточную воинственность. Не нравится? Свободны. Земли вокруг много. Собирайте вещички — и шагом марш под покровительство другого рикса. Или на самостоятельное проживание. Но последнее чревато неприятностями. Особенно если род не слишком силен. Внутри общества сильному слабого кушать не позволительно. А тех, кто вне данного племени, можно употреблять как душе угодно. Если отдача не замучит.

Но на грядущем тинге никаких дополнительных «военных налогов» не будет. Поскольку мирный вождь — представитель «ми-

ротворческой» партии. Так что по поводу тинга Одохар весьма беспокоится. И Алексея как козырную карту разыграть намерен. «Небесный герой», баловень удачи, любимец богов и все такое. За Одохаром — поддержка жречества в лице Овиды и «промышленной партии», которую неформально возглавляет Травстила. Ремесленникам, ясное дело, поход выгоден: новые заказы. Но очень похоже, что этих троих: Одохара, Овиду и Травстилу — связывает еще что-то. Личное. Хотя они и не родственники.

Против похода выступят «сельскохозяйственная партия», возглавляемая Стайной, и «торговая партия», которую Стайна даже не возглавляет, а составляет, поскольку вся торговля в бурге идет через него или через его ставленников. В отличие от Одохара мирный вождь цену деньгам знает. И их силу тоже. Для него богатство — нечто существующее само по себе, и поэтому его можно считать более «прогрессивным», чем рикса Одохара, для которого любое имущество — лишь средство для обеспечения военных мероприятий... С целью захвата еще большего имущества.

Коршунов как-то раз попытался объяснить риксу, чем отличается меновая торговля от нормальных товарно-денежных отношений. Не преуспел. Хотя Одохар выслушал его очень внимательно. Он вообще всех слушал внимательно, не только Коршунова. Особенно если не вполне понимал. Как в данном случае. Ничего не смог объяснить вождю Коршунов. Слишком большой была разница в мировосприятии, да и основами экономической науки Алексей владел слабо. С другой стороны, сопромат и теоретическую механику он знал прекрасно, но применить эти знания было весьма затруднительно. Из-за разницы технологий. И потому еще, что Коршунов был все-таки больше ученый, чем инженер-прикладник. Безусловно, он мог бы ответить на множество вопросов. Но этих вопросов ему никто не задавал. Время для них еще не пришло. А там, где можно было извлечь из будущих знаний реальную пользу, в знаниях самого Коршунова зияли огромные пробелы. Например, он мог бы без труда рассчитать идеальную кривизну лезвия для местной сохи, но понятия не имел, как выглядит плуг. То же и с оружием. Очень трудно рассчитать даже элементарную катапульту, если не знаешь коэффициентов упругости местных материалов.

Но было кое-что вполне применимое. Например, гелиограф. Несколько зеркал из отполированного металла, десятка два заранее оговоренных сигналов — и появляется налаженная связь —

получше, чем та, которую можно осуществлять с помощью дымовых сигналов. Посылать «солнечные зайчики» намного проще и быстрее, чем разжигать костер и манипулировать с ним посредством мокрой шкуры. И еще — знания о шпионаже, хоть и почерпнутые из детективов и фильмов, но вполне актуальные.

Пользуясь рекомендациями Алексея, Скулди вкупе с Агилмундом и Ахвизрой развили бурную деятельность по выявлению имперской шпионской сети. И в течение месяца в самом деле выявили нескольких возможных агентов из тех сородичей Скулди, которые, контактируя с римскими торговцами, неожиданно разбогатели. Один из таких, с несколькими товарищами, все лето жил в длинном доме на пристани. Торговал потихоньку. Общался с разными людьми. Однако он явно был не более чем посредником. По совету Коршунова купчину не стали резать, а установили за ним плотную слежку, которая пока не дала серьезных результатов. Коршунов был уверен, что у римлян в бурге имеется постоянный резидент. Причем — не из последних людей. Впрочем, такой человек мог быть и последним. Эти простые ребята не имели никакого представления не то что о дезинформации, но даже о том, что военные приготовления следует держать в тайне. Вот соберется тинг, назначит дату похода, назначит число участников и средства обеспечения... И с этого момента данные сведения станут общедоступны. И неизвестны только глухим и слепым от рождения. Секретность здесь можно было обеспечить только в локальных военных конфликтах. И то лишь потому, что происходили они спонтанно. Взбредет в голову Одохару пощупать западных соседей-тервингов, сядут дружинники на коней — и вперед. Если обскачут гонца, которого отправит местный соглядатай тервингов (а таковой точно имеется, равно как и соглядатай Одохара — в бурге противника), значит, нападение получится внезапным. Эх, как было бы хорошо к тингу выявить резидента, найти доказательства его деятельности и представить Одохару. В готских законах не было параграфа о шпионаже. Понятно почему. Сегодняшние враги завтра станут лучшими друзьями и союзниками. Вот как те же герулы. С другой стороны, и ежику понятно: если враг предупрежден, значит, и обороняться он будет лучше, и богатства успеет попрятать. Следовательно, добыча будет меньше, а убитых — больше. А убитые — это внуки и сыновья представительствующих на тинге старейшин. Потому им вряд ли придется по душе

деятельность шпиона. А уж Одохар сумеет подать новость надлежащим образом. Так что даже Стайне не удастся выгородить поганца. Да и рикс Комозик примет соответствующие меры... А если еще и дезу пустить, что, мол, не пойдут варвары в поход на Рим. Передумали. Тогда вообще красиво может получиться. Дело за малым: выследить и изобличить резидента. И выяснить все его связи. Желательно до тинга. Этакий пустячок...

Глава двадцать восьмая

Алексей Коршунов. «Ты пришел!»

— Ты? Ты пришел...— прошептала она, прикасаясь пальчиками к его лицу.— Ты пришел! Как ты отважен! — Мягкие руки дотрагивались до его лба, щек, бороды... *Ее* запах нахлынул волной: как будто вокруг вдруг закружился ворох жасминовых лепестков.— О Алексий! Это глупость, но я счастлива! Ты пришел! Святой Боже! Ты пришел...

Алексей обнял ее, притянул к себе.

— Как я мог не прийти, если ты позвала меня! — шепнул он в теплое ушко, спрятавшееся в черной волне волос.

— О да... Я звала тебя... Каждую ночь. Ты снился мне... Ты приходил...

Ах, какой у нее чарующий голос, низкий, как будто влажный, с дурманящей хрипотцой.

— Скажи, это ты, Алексий? Как ты нашел меня? Как узнал, что я здесь?

Какой-то еще сохранивший трезвость кусочек коршуновского сознания уловил ее слова, но осмыслил уже тогда, когда отвердевший сосок коснулся волос на его груди, а тонкая нездешняя ткань ее рубашки как будто сама собой скользнула по бедрам вверх...

— Как я узнал? — Он тихонько засмеялся, лаская бархатистую кожу повыше напрягшихся ягодиц.— Твоя служанка сказала мне, где тебя искать.

— Служанка?

— Ну да.— Алексей провел языком вдоль гибкой шеи: от выпуклой косточки у горла до пахнущей жасмином впадинки за

мягким ушком.— Чтобы найти тебя, мне не нужен свет луны. Звезд достаточно,— прошептал он.

Внезапно ее ладошки с неожиданной силой уперлись ему в грудь.

— Какая служанка? — спросила она обеспокоенно.— Какая служанка, Алексий?

Тут до опьяненного восторгом Коршунова медленно, сквозь счастливый туман начало доходить нечто очень неприятное.

— Та, которую ты послала ко мне,— механически ответил он.

«Ах ты... Похоже, я попал!»

— Я никого не посылала! — Голос Анастасии зазвенел. Коршунов поспешно накрыл ее рот ладонью, и от этого прикосновения приостывший жар желания вспыхнул вновь.

«А-а-а... Будь что будет!» — подумал он, снова притягивая ее к себе.

Она сопротивлялась беззвучно... Недолго. Минута — и она уже извивалась у него на коленях, откидываясь назад на сцепленные руки Алексея, метя пол гривой распущенных волос...

Черт! Алексей никогда не думал, что опасность так возбуждает...

Острое ощущение жизни кипело у него внутри, и такой же бешеный ритм (он чувствовал!) яростно пульсировал внутри ее лона. Черная (темнее ночи) грива металась во мраке, хлеща Алексея по лицу, когда Анастасия, вцепившись в его плечи, раскачивалась, как рвущийся с цепи маятник, взлетала и падала, звонко ударяясь ягодицами о его бедра. Казалось, она пытается вырваться из капкана коршуновских рук и вот-вот выскользнет, потому что невозможно удержать дикое пламя... Но в самый последний миг черный поток волос перехлестнул через плечи Алексея, тонкие цепкие руки обвили его, острые зубки впились в мышцу, а живой огонь неистово заплясал, забился, словно в агонии, на его чреслах... Тут уж и Алексей перестал что-либо контролировать и взорвался, как брошенная в костер петарда...

И сразу кто-то заколотил в дверь.

— Открой, госпожа! — потребовал мужской голос.— Открой!

Коршунов дернулся, но Анастасия не отпустила. Обмякшее, отяжелевшее тело ее распласталось, растеклось по его груди и животу, влажный пальчик коснулся его губ: молчи!

— Что тебе нужно, Хвитс? — сонным голосом спросила Анастасия.

— Открой! Мы знаем, что он — у тебя!

— Кто — «он»? — спросила женщина.— Ты дурак, Хвитс! Ты зачем прервал мой сон? Вот я Стайне пожалуюсь...

— Открой, госпожа, или мы сломаем дверь!

В дверь стукнули еще раз — кулаком, а потом добавили чем-то тяжелым.

Дерево захрустело.

«Как удачно, что здесь — двери, а не обычная завеса из шкур»,— подумал Алексей.

Так быстро Коршунов даже на курсантских сборах не одевался.

— Давай, ломай! — крикнула Анастасия.— Увидишь, что Стайна с тобой сделает, когда узнает, что ты ворвался ко мне ночью!

— Он все узнает, Стайса! — выкрикнул другой голос.— Лучше открой! Пусть твой любовник примет смерть как мужчина! Мы убьем его быстро! Эй, ты, слышишь нас?

— Молчи,— прошипела Анастасия.

Но Коршунов и не собирался вступать в дискуссию со стражей. Один раз, когда он пробрался сюда, эти бездельники его проворонили. Почему бы не повторить еще раз тот же трюк?

Пятно окна было чуть светлее, чем темнота в комнате. Коршунов осторожно выглянул...

Ага! Внизу топтались как минимум двое. Старались вести себя тихо, но у одного был насморк, а у второго, похоже, чесотка. Алексея это даже позабавило, хотя его положение трудно было назвать забавным. До бурга — километров десять, а вокруг полно людей Стайны. И все-таки, черт возьми, он ни о чем не жалел! Разве что о том, что невольно подставил Настеньку. Но ведь не убьет же ее Стайна! Что он, дурак — такую красавицу убивать? Что там у них за посягательство на чужую женщину полагается? Изгнание?

Он осторожно протиснулся в окно, зацепился за выступ, подтянулся — и через пару секунд уже лежал на соломенной крыше. Снизу ничего не заметили. И не услышали.

Анастасия через дверь громко препиралась со слугами. И одновременно очень тщательно вытиралась лоскутом ткани. Закончив, запихнула лоскут в щель между половиц.

За супружескую измену по здешним законам ничего хорошего не полагалось. Жену-изменницу — разметать лошадьми. Если речь шла о рабыне, дети не имели права наследования. Совратитель мог отделаться вирой. Или же мог быть казнен. Так же, как женщина. Если вина доказана. Мера пресечения устанавливалась судьей. Но муж мог отказаться от виры и мстить, если считал, что судья проявил излишнюю мягкость. Правда, в данном случае, когда потерпевший сам являлся Законом, на благорасположение судейства рассчитывать не стоило.

Вряд ли знание этой части здешнего кодекса порадовало бы Коршунова. Или заставило его быть еще осторожнее, когда он, практически бесшумно, соскользнул с другой стороны дома: сначала — на навес над крыльцом, потом — на землю. У «парадного входа» никого не было. В том числе и собачек. Теперь-то понятно, почему со двора исчезли барбосы. Чтоб раньше времени не спугнуть дичь.

Мимо протопали двое. Остановились у крыльца. У одного — что-то в руках. Подлинней топора, но покороче копья.

— Темно, как у лисы в норе,— пожаловался один.

— Ниче,— успокоил второй.— Я и на звук хорошо бью.— Коршунов услышал, как басом загудела тетива. Значит, лук?

— Ниче! Счас огонь принесут. Хозяин скоро прискачет. Дверь вышибем...

— А чего хозяина ждать? — буркнул второй.— Чего Хвитс тянет? Там на три раза топором тюкнуть...

— А коли нет у ней никого? — возразил первый.— И то: как бы он туда попал, ежели его никто не видал?

— Так он же герой с неба! — возразил второй.— Может, по небу и прилетел?

— Чегой-то никто в бурге не видел, чтоб он по небу летал,— сказал первый.— Ежли он летать умеет, так давно уж улетел — и искать нечего. А коли нет его, а мы дверь вынесем — хозяин нам такого выдаст! Сам как будто не знаешь?

— А ежли нет его там, так чего эта тиви будто под мужиком пищала?

— Да могла со сна пищать, бывает же, а то сам не знаешь? Куда торопиться? Вона уже факелы несут!

Точно, от служебных построек, мельтеша, приближались огни. Коршунов залег в траву (черт, крапива!), приник к бревнам.

Появился третий. Со средствами освещения.

Все трое сгрудились, разжигая факелы от того, который уже горел. Коршунов понял, что лучшей возможности у него не будет. Вскочил, обогнул угол дома и помчался к сараям. Уже у самой цели его угораздило споткнуться обо что-то в траве. Алексей грохнулся в яму, полную тухлой воды, окунулся с головой, вынырнул и...

С-с-с... Б-банг! — посланная на звук стрела врезалась в стенку амбара.

Коршунов осторожно приподнялся. Ничего хорошего не увидел. Двое бежали к нему, третий, стрелок, остался у входа и сейчас выцеливал невидимую дичь. Не слишком осторожный парень. Будь на месте Коршунова местный орел с луком или копьем, он бы стрелка — на счет «раз». Тот был идеально подсвечен воткнутым в оградку факелом.

Один из тех, кто бежал к сараю, споткнулся и уронил факел. Второй, вместо того чтобы бежать дальше, остановился. Коршунов вылез из ямы и прошмыгнул в сарай. Если там найдется сено, то можно в него зарыться и...

Твою мать! Сено в сарае было. И довольно много. Но в этом сене кто-то уже копошился.

— Ну, Хильди, ну дай, ну дай...— бубнил мужской голос.— Ну тебе ж юбку задрать — всего и делов. Ну, Хильди...

Женский голос ничего не говорил, только хихикал. К счастью, эти двое были заняты собственными делами и не заметили вторжения Коршунова. А вот не заметить его преследователей было мудрено.

— Ага! — радостно заревел один из них, широко распахивая двери и обнаруживая человеческое присутствие.

Женщина пронзительно завизжала. Ее соблазнитель вскочил на ноги, схватил какую-то палку... Выбитый факел полетел в сторону. Мужчины сцепились. Женщина продолжала визжать. С переливами, как противоугонная сигнализация. Коршунов втиснулся под какое-то деревянное сооружение типа кормушки. В сарай ворвался второй «факельщик». Озарил поле боя, гаркнул:

— Хильди, заткнись! Пришибу!

Это сработало. «Сигнализация» отключилась. Следующим действием «факельщика» был точный пинок, после которого сплетение из двух тел распалось.

— Дерьмо козлиное! — заорал «факельщик».— Что вы тут творите? — и тут же: — Да вы, недоумки, амбар подожгли!

Точно, пламя от брошенного факела уже ползло по стене.

Все трое кинулись тушить пожар. Справились. Для надежности еще водичкой залили. Из той ямы, в которой Коршунов только что ванну принимал.

Алексей сидел тихо, разумно предполагая, что после всех произведенных телодвижений эти ребята *здесь* искать его не будут.

Только они успели покончить с пожаром, снаружи раздался топот нескольких десятков копыт.

— Стайна приехал! — гаркнул один из парней, и все, включая девку, тут же выкатились из сарая.

Глава двадцать девятая

Стайна. Анастасиа. Не только наложница...

Сервы за дверью и под окном внезапно загалдели все разом, потом умолкли. Анастасиа услышала, как снаружи заржала лошадь, потом негромкий голос Стайны произнес:

— Стайса, открой. Это я.

Анастасиа соскочила с ложа и отодвинула массивную щеколду.

Едва не сбив ее с ног, в комнату ворвались охранники с факелами, мгновенно обшарили все...

— Его нет! — гаркнул Хвитс.

Стайна неторопливо вошел внутрь.

— Выйдите,— уронил он.

Охранники тут же покинули помещение. Последний воткнул свой факел в паз на стене и затворил дверь.

Стайна молча приблизился к своей наложнице, потянул носом воздух... И внезапно с силой толкнул ее в грудь.

Анастасиа отлетела назад, на ложе, опрокинулась на спину, ударившись затылком о бревенчатую стену. Но не вскрикнула.

Стайна рывком задрал рубаху, сунул руку между ног женщины, покопался там, потом понюхал пальцы...

— Он был здесь? — спросил полуутвердительно.

Анастасиа села. Поправила рубаху. Молча.

— Я тебя убью,— сказал Стайна.— Сука мокрая.

— Не грози,— ровным голосом произнесла Анастасиа.— И не говори глупостей. Ты ничего мне не сделаешь. И сам знаешь это. Тебе без меня не обойтись.

— Ничего, куплю кого-нибудь другого, кто умеет то же, что и ты. Денег хватит.

Анастасиа покачала головой. Волосы цвета воронова крыла накрыли обнажившееся плечо.

— Присядь,— низким вибрирующим голосом проговорила она.

Стайна опустился на постель. Лавка жалобно скрипнула под тяжестью мирного вождя.

Анастасиа сцепила руки на затылке, потянулась всем телом...

— Нет,— проворковала она.— Ты не найдешь никого. Нигде, даже в империи. Нигде, мой варвар.

Она вытянула ноги и положила их на колени Стайны. Ее ступни были такие маленькие, а кожа на них такая нежная, что понятно было: эти ножки никогда не ходили по земле босиком. И пахло от них не пылью и навозом, а благовонным маслом.

Масло и притирания для наложницы ежегодно обходились Стайне в сумму, на которую в Мезии можно было купить трех девственниц. Но эта женщина была права. Другую такую, как она, Стайна купить не сможет. Он и эту не покупал. Ему подарили. В благодарность за услугу. В обмен на вовремя сказанное слово. Вот как высоко ценится слово Стайны понимающими людьми. Конечно, Стайса — не только наложница. И дарители учли это. Наверное, они учли то, что после Стайсы любая женщина покажется пресной, как сухая лепешка с дыркой посередине. Если Стайна ее убьет — он потом долго будет вспоминать ее. Но Стайна — мужчина. Вождь. Если он захочет убить свою тиви, то зарежет ее собственноручно. Но сейчас он этого не сделает. Сейчас тиви ему еще нужна...

Стайна с силой сжал ее маленькие ступни. Стайсе было больно, Стайна знал, но лицо ее не дрогнуло. Ее научили переносить боль. И многому другому тоже научили.

Стайна сбросил ее ноги с колен, откинулся и поманил рукой: развлекай меня, тиви...

Наложница легко соскользнула на пол, к его ногам. Она была послушна ему. И нежна. А он — намеренно груб. Потому что она зашла слишком далеко в своей игре с Аласейей. Игре, одоб-

ренной Стайной, но... Она зашла слишком далеко. Нет, Стайна больше не сердился — только показывал, что сердит. Ведь Аласейа уже все равно что мертв. Потому что Стайна знает, в чем обвинить этого «небесного героя». Так что даже Одохар не сможет его выручить. Аласейа умрет. Не только потому, что осмелился противоречить Стайне. Еще потому, что он и его небесные паруса «цвета снега и крови» способны привлечь многих к походу, который задумал Одохар. А Стайне не нужен Одохар победоносный. Стайне нужен мертвый Одохар или хотя бы Одохар неудачливый, вдребезги разбитый ромлянами, захваченный в плен, ромлянский раб Одохар... Стайна даже зажмурился от двойного удовольствия: сладких мыслей и нежных прикосновений наложницы к его мощным ляжкам. Да, раб Одохар — это даже лучше, чем Одохар-мертвец. Стайна договорится со своими друзьями и *выкупит* раба Одохара. Вот это будет настоящий *триумф*, как говорят ромляне. Но чтобы все вышло гладко, надо избавиться от Аласейи. Он и впрямь удачлив, этот герой с чужого неба. Но из него течет кровь, следовательно, он смертен. Стайна сейчас был уверен в том, что его удача больше удачи этого Аласейи. «Удача» Стайны сейчас у ног Стайны побуждает крепнуть его мужской корень, а Аласейа кормит комаров в лесу и прячется от Стайновых слуг, как лис — от охотничьих собак. Он, конечно, ускользнул сегодня из ловушки и, скорее всего, ускользнет от посланных в погоню псов: на это его удачи хватит. Но очень скоро Стайна поймает его, заманит, как ли́са в курятник, и тогда псы Стайны разорвут лиса в клочья.

Стайна зарычал, схватил свою наложницу и подмял под себя. Он, Стайна, будет единственным вождем в бурге! Он достоин!

Глава тридцатая

Анастасиа. «Герои больше не сходят на землю»

На следующее утро Стайна привез ее в бург. Хотя ночью грозил бросить в яму, где держал провинившихся сервов. Он даже подвел Анастасию к краю ямы и велел сдвинуть решетку, чтобы она увидела разверстое чрево земли и вдохнула зловоние, исходящее из клоаки. Эти дикие варвары, не звавшие ни письма, ни мудрой философии, носившие грубые одежды и не

умащивавшие тела благовонным маслом, пившие пенную бурду вместо разбавленного вина, тем не менее сжигали своих мертвецов и не мыслили себе участи худшей, чем быть съеденными червями, порождаемыми Матерью-Геей для пожирания падали. Но Анастасиа не боялась. Она знала, что ее не зароют в землю, ни мертвой, ни живой. Потому что без нее оборвется тонкая нить, натянутая отсюда, из варварских земель, к югу, где обитают цивилизованные народы, где носят тоги, а не штаны и умеют возделывать оливы и лозу Вакха. Без нее оборвется нить, и серебряный колокольчик тревоги не звякнет вовремя. Анастасиа знала, что хозяин ее Стайна умен и хитер. Колокольчик должен звякнуть. И она должна еще раз послужить приманкой для странного и прекрасного варвара с родным для нее именем Алексий. Анастасиа думала о нем. Непрестанно. Она не могла о нем не думать. Потому что он был прекрасен. Прекрасно было лицо его с глазами цвета зимнего моря и кудрявой бородкой. Прекрасно было тело его, тело воина и гимнаста,— руки Анастасии помнили это тело, каждый завиток волос, каждую выпуклость и впадину. У Анастасии были умные руки массажистки. Они запоминали все, к чему прикасались. Навсегда. Но Анастасиа не была массажисткой. Вернее, не только массажисткой. Она была гетерой. Хотя родилась в благородной семье. Правда, ее матерью была рабыня-наложница. Но эту наложницу отец любил больше жены и потому воспитывал дочь как свободную. Как свою законную дочь. Но отец умер от черной лихорадки. И ее сделали гетерой. Из высших. В богатой разноплеменной жаждущей наслаждений Антиохии таких, как она, ценили. За ночь с такой отдавали мешок сестерциев. Она стоила больше квадриги с четверкой прекрасных коней, потому что помимо искусства любви умела вести тонкую беседу, знала наизусть Гомера и Гесиода. Анастасиа умела молчать. Но умела и говорить — так, что мужчина чувствовал себя мужчиной. Она знала греческий и латынь, понимала по-сирийски и даже чуть-чуть — по-арамейски. На этом языке с рождения говорил человек, тайно обративший ее в Истинную Веру. Тайно — поэтому Анастасиа и осталась в живых, когда в ее городе обезумевшие люди убивали христиан. Ее даже не заподозрили, потому что никто и подумать не мог, что утонченная гречанка-гетера может поклоняться мертвому иудею. Тогда Анастасиа спаслась. Но вера ее ослабела, и она вновь обратилась к Фебу и

Афродите. Аполлону и Венере, как называют их латиняне. И все было хорошо, и Анастасиа почти уже накопила сумму, достаточную для освобождения, когда случилась беда. И ни добрый бог иудеев, ни старые и прекрасные боги эллинов и латинян не защитили ее. Потому что, на беду, еще в доме отца кормилица научила ее языку варваров.

И вот, волею сильных мира сего, она совершила длинный путь и ела теперь грубую пищу дикарей в дымной избе за грубым столом, вместо того чтобы вкушать изысканные яства, возлежа в атриуме на ложе, в бесконечно далеком отсюда сирийском городе.

Но Анастасиа не роптала, ведь ее учили стойкости. Она не роптала, только иногда беззвучно плакала по ночам, вспоминая густой запах моря и терпко-соленую воду, которая больше никогда не обнимет ее нежное тело. И она уже почти смирилась с тем, что умрет здесь, в этой варварской деревушке, и никогда больше не увидит ни яркой мозаики антиохийских терм[1], ни искусной игры мимов в мраморной чаше театра. Не вдохнет возбуждающий запах крови и разгоряченной толпы на гладиаторских играх... Анастасиа привыкла, приучила себя к тому, что все лучшее — в прошлом. Но тут появился Он. Удивительный варвар с эллинским именем. О нем говорили: пришел с неба. Поэтому его звали небесным героем. Но времена, когда дети богов бродили по земле, давно минули. Анастасиа не верила в то, что говорили варвары. И ее хозяин тоже не верил. Стайна сказал ей, что ложь про небесных героев придумал Одохар. Чтобы заманить побольше дураков в глупый и бессмысленный поход. Анастасиа понимала его и соглашалась с ним. Много эпох прошло со времен, воспетых Гомером. Герои больше не сходят с небес и не рождаются от смертных женщин. Но как хотелось ей, чтобы это было не так...

Глава тридцать первая

Алексей Коршунов. Канун тинга

Они вернулись почти одновременно. Первыми — Фретила с родичами. На следующий день — Скулди с Кумундом. А еще че-

[1] Термы — бани.

рез день появились медленно ползущие вверх по течению пузатые корабли: герульские купцы. И пошло-поехало. Каждый день к бургу подъезжали все новые и новые возы. Каждый день во двор Фретилы наведывались дальние-ближние родичи и просто старые друзья. Те, кто успел первым, так и поселились в гостеприимном доме Фретилы. А кто не успел, тот, как говорится, опоздал. Но тем не менее гостям всегда рады. Так что теперь у Алексеева тестя с утра до вечера — теплая компания. Рассаживались чинно, попивали пивко, беседовали неспешно, обмениваясь новостями, вспоминая старые добрые... Иной раз специально посылали мальца за Коршуновым: представить нового родича почтенным гостям, похвастаться: вона какого зятя отхватил Фретила. Причем «небесное» происхождение гостя, восхищавшее гревтунгов помоложе, солидных мужей интересовало не слишком. Мало ли что с неба падает? Дождь, например, или там град. А вот имущество, коим обладал Аласейа,— это да. Ткань дивная, штучки всякие диковинные. Фретила не забывал упомянуть, что и в наземной деятельности его зять отличился: вона какую добычу на квеманах никчемных взял. А уж сколько из большого похода привезет — это даже представить невозможно. Коршунов заметил: не просто так тестюшка такие речи заводит: льет воду на Одохарову мельницу. Апеллирует к самому нежному чувству почтенных мужей — жадности. Все сходились на том, что ромляне — полезное племя. Есть у них чем поживиться. Параллельно муссировалась тема: не переместиться ли всем вместе поближе к границам империи. Ходили слухи, что кто-то из западных соседей так и сделал и щедрые ромляне тем даже денег дали: чтоб сидели спокойно и не ходили на имперскую территорию. Беседующие, впрочем, сходились на том, что ежели кто добровольно деньги дает, то этим свою явную слабость показывает. А следовательно, надо такого «щедрого» брать за вымя и доить до отказа. А потом вообще зарезать. На мясо.

Много интересного выяснил Коршунов из этих бесед. И о психологии достойных старейшин. И о здешней этнографии. Например, оказалось, что на сих благодатных землях славное племя гревтунгов сидит от силы лет сто. Отбили эти земли у неких спелов. В тяжелой битве, ясное дело. Спелы были воины страшно могучие, но гревтунги — еще круче. Раздраконили спелов и земли их заняли. Но это недавно было. А вообще готский народ уже давно в пути. А по дороге громят всех почем зря и

земли отбирают. Это, можно сказать, исконно готская традиция такая. От пращуров. Давным-давно прослышали еще более славные пращуры нынешних гревтунгов, что есть земли много богаче и плодороднее, чем те, на которых пращуры в то время располагались. И взяли гордые предки копья в руки, погрузились на фургоны и отправились в путь. Была, как оказалось, у предков (а также и у предков предков) заветная мечта о некоей земле обетованной, именуемой Ойум, где жизнь неимоверно прекрасна и удивительна. Вот и двинулось славное племя готьёс из краев полночных в теплые края. Пройдут немного, повоюют всласть — и садятся на время на отвоеванные земли, каждый раз все более богатые и щедрые. Посидят немного: лет сорокпятьдесят — и дальше отправляются. А некоторые остаются. Потому раньше все готьёс были одним народом, а теперь — разные. Хотя язык у всех один. Гревтунги — из тех, которым на месте долго не сидится. Считают они, что заветный Ойум, великая готская мечта,— еще не достигнут. А мечта — дело серьезное. Пренебрегать ею не должно. Но и торопиться не следует. Другое дело: не хотелось бы, чтоб иные готские племена (не говоря уж о тех же герулах зеленомордых) раньше до тех легендарных земель добрались и самый жирный кусок отхапали. Посему следует рикса Одохара в его желании пощупать ромлян всеми силами поддержать. А параллельно с этим пусть выяснит рикс, хороши ли земли на юго-западе. И крепко ли сидят тамошние племена на этих землях? Может, настало время всем гревтунгам сняться с места и двинуть к берегам теплого моря? В конце концов, разве не от соленых морских берегов пришли славные безмерно предки? Правда, то море было похолоднее...

Алексей прикинул и решил, что речь идет о Балтике. Как интересно, однако. Выходит, что предки Фретилы, по сути, земляки Коршунова.

К сожалению, у него было не так много времени, чтобы изучать местный фольклор. Надо было форсированными темпами завершать операцию «имперский шпион». Что оказалось чертовски хлопотно. Главным образом потому, что в бурге и окрестностях в одночасье образовалась целая прорва народу. Такая прорва, что места внутри стен не хватало даже съехавшимся на тинг старейшинам родов. И за городскими стенами тоже не хватало места для всех гостей, поэтому на просторном поле сразу за пристанью выросли шатры, поднялись наскоро сооруженные

навесы, и пошла-поехала мена-торговля. И всем этим ярмарочным столпотворением заправлял мирный вождь Стайна.

А Коршунов с Книвой и дюжиной мальчишек изо всех сил пытался уследить за множественными контактами, полагаясь больше на интуицию, потому что за всеми следить было просто невозможно. А Агилмунд и Скулди, к которым Коршунов обратился с мольбой о помощи, сказали, что им сейчас не до этого. Пусть Аласейа сам справляется. У них есть дела поважнее. Тинг. Коршунов даже слегка обиделся. В основном на Скулди. В конце концов, это ведь его идея: ловить римских шпионов. Но в принципе и герул, и Агилмунд были правы. До тинга — всего ничего. А ведь именно на тинге будет решаться судьба похода.

Поэтому Коршунов решил поднатужиться и справляться самостоятельно. Завербовал еще нескольких мальчишек. Составил список «подозреваемых» и оперативно проработал «биографию» каждого. Благо, здесь все знали всех.

Наибольшее подозрение вызывал один из Стайновых приказчиков: мелкий человечек в войлочной шапке, какие здесь нередко использовали в качестве подшлемников. Но человечек на воина не тянул, а от прочих отличался тем, что приехал вместе с тремя герулами и привез только три мешка, аккуратно упакованных в просмоленную ткань, и небольшой бочонок. Все это было немедленно доставлено на подворье Стайны. А прибывшие с человечком герулы вообще ничего не привезли, зато в первый же день взяли у того же Стайны три дюжины кип выделанных шкур. Чем расплачивались, никто не видел. Зато все видели, что герулы, нагрузив свое суденышко, уплывать не спешили, а откровенно маялись бездельем.

Коршунов попытался навести о герулах справки у Скулди, но тот только отмахнулся: мол, многочисленны его сородичи, всех не упомнишь.

Это так разительно отличалось от обычных хвастливых заявлений Скулди: «я-все-знаю», что Коршунов решил, что подозрительные герулы — «сотрудники» Скулди. И наблюдение за ними снял. Зато за маленьким приказчиком, наоборот, установил постоянный присмотр.

Это случилось за день до тинга. Такие события всегда случаются в последний момент. И всегда развиваются лавинообразно и сокрушительно.

Глава тридцать вторая

Алексей Коршунов. Канун тинга (продолжение)

Началось с того, что маленький человечек в неизменной войлочной шапке в очередной раз проскользнул в ворота Стайнова подворья, но буквально через пару минут выскользнул наружу.

О! Коршунов почувствовал прилив азарта. На поясе человечка появился цилиндрической формы кожаный сверток размером со сложенную подзорную трубу. Быстро, почти бегом, человечек пустился через площадь. К воротам? Коршунов выскользнул из своего укрытия... И тут его ухватили за руку.

Алексей стремительно обернулся, на рефлексе перехватил запястье... Перед ним стояла горбатенькая старушка в ветхом плаще с капюшоном. Из-под капюшона свисали седые патлы, похожие на козлиную шерсть.

Человечек тем временем исчез в щели улочки. Его еще можно было нагнать...

Но тут старуха приподняла капюшон. Самую малость. Только, чтобы Алексей увидел ее лицо...

— Ты? — прошептал Коршунов.

Анастасия!

— Я.

Коршунов заколебался.

Человечек явно получил нечто для передачи. Это было важно, но...

Но Коршунов остался на месте.

«Книва проследит,— подумал он.— Настя... Наверное, что-то случилось. Наверное, она хочет мне о чем-то рассказать...»

Он обманывал себя и знал, что обманывает. Ему было не важно, что может рассказать эта женщина. Ему была нужна она сама!

— Настя...

— Иди за мной,— шепнула мнимая старуха, выпустила его рукав и заковыляла прочь.

Коршунов последовал за ней. Сердце его сжималось в сладком предвкушении, а ум в полной растерянности пытался строить догадки... Пытался пробиться сквозь эйфорию, напомнить о

возможной опасности... Но сердцу было наплевать на опасность. Эта женщина действовала на Алексея, словно наркотик. Весь мир озарялся великолепным сиянием, внутри все вскипало от переполняющей силы. Все вокруг прекрасно и подвластно Коршунову! Какая опасность? Смешно даже! Единственная опасность — потерять эту женщину!

Коршунов шел неторопливым шагом, без труда поспевая за мнимой старухой, мерно тюкающей посохом. Через площадь, по улице, к воротам.

Играла она очень убедительно. Натуральная бабка, неприметная, серенькая...

На мосту Коршунов все же оглянулся, но ничего подозрительного не заметил. И впереди на дороге — тоже никого. В том числе и человечка в войлочной шапке. И Книвы...

А «старуха», заметно прибавив шагу, свернула с дороги и через огороды заспешила к ближайшей рощице.

Коршунов решил, что идти прямо за ней неблагоразумно. Поэтому он шагов через сто свернул с дороги и нырнул за угол чьего-то сарая. Перескочив через невысокий плетень, Алексей перебежал через грядку с проросшей репой, перемахнул через кусты малины...

Сутулая фигурка продолжала двигаться в прежнем направлении.

Миновав огороды, Коршунов оказался на лугу и нырнул в высокую, по плечо, траву. Пригибаясь, он промчался через луг, спустился, цепляясь за кусты, в овраг, пробежал метров двести по каменистому дну и выбрался наверх, существенно опередив Анастасию.

Он перехватил ее уже в роще. Притаился в зарослях, выждал и выпрыгнул прямо на тропинку. Сгреб в охапку.

Женщина вскрикнула от неожиданности... И в живот Коршунову уперлось нечто твердое и острое. Нож!

— Не бойся, это я! — Алексей засмеялся, сбросил с ее головы капюшон. Вместе с седым париком. Запрокинул ее голову, поцеловал жадно... Пальцы женщины разжались, и нож упал на землю. Миг — и ее руки обвили Коршунова. А в следующий миг он уже, подхватив ее на руки, уносил прочь с тропинки в глубину рощи, туда, где пятна тени лежат на ковре из запутавшихся в траве дубовых листьев и даже в июльский полдень прохладно, как середине мая.

Глава тридцать третья

Книва. Попался!

Книва увидел, как к Аласейе подошла какая-то старуха. Книва видел эту старуху в первый раз, но не встревожился. Старуха могла оказаться колдуньей, но что может сделать небесному герою Аласейе старуха-колдунья? Да ничего!

Поэтому он продолжал наблюдать и, выждав, когда человек Стайны отойдет достаточно далеко, последовал за ним. Книва не очень спешил, потому что был уверен, что бегает намного быстрее человека Стайны. И не слишком обеспокоился, когда, выйдя из ворот бурга, увидел, что человек Стайны уже довольно далеко и со всех ног бежит по дороге. Нет, Книва не побежал за ним. Он помнил, что говорил Аласейа: тебя не должны заметить. Поэтому Книва не побежал даже тогда, когда человек Стайны достиг опушки леса и нырнул в чащу. Уж в лесу-то Книва его не упустит.

Спустя какое-то время Книва очень порадовался, что проявил осторожность. Потому что увидел, как от пристани поднимаются два всадника. Зрение у Книвы было острое, поэтому он сразу узнал их: герулы. Те самые. А кони... А кони у них — из конюшни Стайны. По крайней мере одного, гнедого мерина, Книва узнал.

Герулы на рысях выехали на дорогу шагах в восьмидесяти впереди Книвы, взглянули на него с обычной герульской надменностью и поскакали прочь от города. Но недолго скакали. Свернули в тот же лесок, куда и человек Стайны.

Теперь-то Книва совсем обрадовался. Потому что ясно ему стало, что герулы поехали за человеком Стайны. И еще потому, что опытный охотник может запутать свои следы, а вот два всадника никогда бесследно в чаще не растворятся. Поэтому Книва последовал за всадниками. Это проще. И безопасней: сидя на коне и услыхать Книву труднее, а уж нюхом уловить совсем невозможно. Лошадиный запах все перебивает. Поэтому Книва даже и таиться особо не стал, припустил в полную силу и очень скоро догнал герулов. Лес — это не открытое место. В лесу Книва любого верхового легко догонит.

Человек Стайны ждал герулов в хорошем месте. Сразу и не заметишь. Вот и герулы не заметили, проехали бы мимо, кабы человек Стайны их не окликнул.

Один герул спешился, второй остался в седле. Тот, что спешился, вступил в разговор с человеком Стайны. Тот, что верхом, настороженно озирался. Но Книву он заметить не мог. Книва умел прятаться не хуже человека Стайны.

Говорили довольно долго. Потом человек Стайны передал герулу сверток с пояса, а герул передал человеку Стайны большую сумку из желтой кожи.

После этого первый герул вскарабкался в седло, а тот, что следил, наоборот, спешился и направился в сторону Книвы, на ходу развязывая штаны.

Книва удивился. Если герул хотел помочиться, то зачем куда-то идти? Удивился Книва и насторожился. И осторожно, задом, начал отползать прочь. Но отполз совсем недалеко, потому что нечто острое укололо в шею.

Книва замер.

— Перевернись,— велел мужской голос.

Книва медленно перевернулся на спину и увидел зазубренное по краям железко копья. И третьего герула, который это копье держал. Ну да. Теперь Книва сообразил: герулов-то трое было!

Книва хотел сесть, но герул кольнул его в щеку — и Книва остался лежать. Тем временем второй герул подоспел. Тоже встал над Книвой.

— Ты кто? — спросил тот, что с копьем.— Что тут делаешь?

— Да я... Силки проверить! — нашелся Книва.

— А что таишься?

— А?.. Что таился? — Книва изобразил смущение.— Да испугался я, вот и спрятался!

«Убьет,— подумал Книва, глядя на заросшее рыжей бородой лицо герула.— Убьет. И Аласейа ничего не узнает. Кто ему скажет?»

Герул немного отвел копье, собираясь ударить...

Книва напрягся, приготовившись откатиться в сторону. Но второй герул, угадав его мысли, поставил ногу Книве на горло:

— Лежи!

Подошел человек Стайны.

— Знаешь его? — спросил герул с копьем.

— Знаю,— кивнул человек Стайны.— Из дружины Одохара.

— Такой заморыш? — Губы герула презрительно искривились.— Совсем у вас народ измельчал, я гляжу. Таких дохляков в дружину берут.

«Ты бы это брату моему сказал,— злобно подумал Книва.— Он бы тебе показал „дохляка“!»

— Да этот недавно взят,— пояснил человек Стайны.

— Ты — дружинник? — спросил Книву герул.

— Да! — Книва попытался гордо выпятить подбородок, но помешала нога второго герула.

— Ага.— Герул опустил копье. Раздумал убивать.

— Вяжи его,— скомандовал он.— С дружинником Одохара мне потолковать интересно.

Книва понял, что лучше ему быть убитым, и, схватив второго герула за лодыжку, дернул изо всех сил. Герул не устоял, полетел навзничь... Книва вскочил, хватаясь за нож... Но рыжебородый, изловчившись, ткнул его древком копья в живот. Книва отлетел назад — в руки еще одного герула.

Человек Стайны бросился на Книву. Книва пырнул его ножом в живот, но попал в пояс из толстой кожи, и нож соскользнул, а герул, который держал Книву, ударил его по затылку. Искры брызнули из глаз Книвы, и тут же новый удар бросил его в темноту...

Глава тридцать четвертая

Алексей Коршунов. Что говорит закон...

Их тела обмякли. Последний вскрик растворился в щебете птиц, но сердца еще продолжали колотить в ребра. Коршунов откинулся на спину и лежал, расслабленный, медленно, с наслаждением ощущая, как тает, обращаясь в мягкое тепло, бешеный огонь страсти. Его рука лежала на влажном животе Анастасии, пониже пупка. Алексею было хорошо.

Ладошка любимой легла на его мокрый лоб.

— Не смотри,— прошептала женщина.

Через мгновение она выскользнула из-под его руки. Алексей услышал шорох удаляющихся шагов, но продолжал лежать с закрытыми глазами. Да, ему было хорошо. По-настоящему хорошо...

— А здоров ты с бабами, Аласейа,— внезапно раздался знакомый вкрадчивый голос.

Коршунов успел только глаза открыть, вскочить не успел: жала копий уперлись ему в живот и в грудь, а горло прихватила вилка рогатки.

— Или ты только с чужими тиви такой бойкий? — продолжал Стайна насмешливо.

— Только попробуй ей что-нибудь сделать...— прохрипел перехваченным горлом Коршунов.

Стайна засмеялся. И его дружинники, которые прижали Коршунова к земле, тоже захохотали.

— И что будет? — отсмеявшись, поинтересовался Стайна.

Коршунов промолчал. Глупо грозить, когда ты в таком положении.

— Не тревожься,— сказал Стайна.— Я не стану наказывать свою женщину. За что же мне ее наказывать? За то, что вутья-чужак ее снасильничал? Вот кабы она сама... Тогда следует по закону ее наказать. И сурово. Но ведь не сама же она с тобой легла. Подстерег ее в роще похотливый кобель и снасильничал. Так?

— Так,— выдавил из себя Коршунов.

«Неужели он не видел? — подумал Алексей.— Неужели не понял?»

Очень хотелось в это верить. Раз уж все равно пропадать... Вряд ли он Коршунова живым отпустит...

И тут рядом со Стайной появилась Анастасия. Успела уже накинуть на себя рубаху и плащ, лицо обтереть. Только коса немного растрепалась. Встала рядом со Стайной, обняла, потерлась щечкой о плечо толстяка.

— Вот,— Стайна повернулся к ней,— он уже признал вину. Поймал, говорит, снасильничал.

— А я тебе говорила.

Нежный голосок теплом отозвался в груди Коршунова. Хотя он уже начал понимать...

— Он признает все, что ты скажешь, господин мой. Так ведь, Алексий? — В голосе слышались молящие нотки.

— Ты... Вместе с ним? — В голове Коршунова не укладывалось, что эта женщина, его любимая женщина, которая минуту назад стонала в его объятиях, попросту заманила его в ловушку. Подманила, как теленка!

— Да, Алексий. А как же иначе? Ведь я принадлежу ему. Или ты забыл?

Коршунов хотел сказать, что он думает по этому поводу, Стайна сделал знак, и рогатка передавила Алексею горло. Вместо слов из него вырвался жалкий сип.

— Что ж нам теперь с ним, с насильником, делать? — глумясь, произнес Стайна.— Может, для начала ему корень детородный вырвать? Да прямо сейчас и казнить? Знаешь, Аласейа, что Закон говорит? Закон говорит: «Привязать за ноги к двум коням да и гнать коней, не переставая, пока насильника пополам не разорвет или не побьет до смерти». Именно так и говорит Закон, Аласейа. Уж поверь мне, хранителю. И я, как хранитель Закона, могу прямо здесь вынести тебе приговор. И сделать по сему. И никто мне не скажет дурного. Даже Одохар. Потому что и видаков у меня хватает, и поклянутся эти видаки перед богами, что своими ушами слышали, как без пытки, по собственной воле признал ты, что снасильничал тиви мою, Стайсу. Может, мне так и сделать, а то еще прилюдно откажешься от своих слов? Откажешься?

— Что тебе нужно? — прохрипел Коршунов.

— А ничего мне не нужно, Аласейа.— Толстяк прижмурился, как кот.— Даже и не признаешь ты, что силком взял тиви мою, что переменится? Ничего не переменится. Только уже не тебя одного, а двоих вас конями разметают. А Одохар так в твою удачу верил, Аласейа...— Стайна покачал лысой головой.— Так ошибся Одохар! Только и хватило твоей удачи, Аласейа, что квеманское село пограбить да чужую тиви на траву завалить. Что скажешь, Стайса, казним его сейчас? Или на суд тинга представим? Тебе решать. Откажется Аласейа от своего слова — размечут тебя конями. Как по Закону следует. И захочу я помочь тебе, а не смогу. Завтра тинг начинается, серьезное дело. Должен я к тингу готовиться, некогда мне со всякими насильниками возиться. Так что, если скажешь, что веришь ему, посадим его пока в яму. А завтра на суд тинга выставим. Говори, Стайса: завтра или сейчас?

Рогатка давила на горло, два копья упирались в тело, но руки и ноги Коршунова были свободны.

«Скажет „сейчас“ — рванусь! — подумал Коршунов.— Пусть лучше копьями продырявят».

Терять ему было нечего, и овцой подставлять шею под нож мясника он не собирался.

Глава тридцать пятая

Анастасиа. «Завтра»

Анастасиа ответила не сразу. Стайна был прав: именно ее жизнь и смерть зависели от того, как поведет себя на суде Алексий. Она рисковала всем. И она очень хорошо знала, как мстительны люди. Она действительно заманила Алексия в ловушку. По приказу мужа, но еще и потому что ей так хотелось хоть немного побыть с ним. И она, глупая, почему-то надеялась, что Алексий сумеет спасти и себя, и ее. Он казался ей таким... Настоящим любимцем богов. Почему она не предупредила его? Не потому ли, что обо всем забыла, оказавшись в его объятиях? Теперь его ждет страшная смерть. И она в этом виновата. Наверное, она должна разделить его судьбу. Хочет ли он ее смерти? Хочет ли она умереть?

Их глаза встретились...

«Помоги мне, Господи!» — Анастасиа в какой-то миг почувствовала себя так, словно она и Алексий возлежат в атриуме ее домика (чей он теперь?), в далекой Антиохии, у маленького мраморного бассейна, который кажется пустым — настолько прозрачна вода в нем... Только они вдвоем...

— Что ты бормочешь, Стайса? — недовольно проворчал Стайна.— Громче!

— Завтра,— чуть слышно проговорила женщина.

— Громче! — рявкнул Стайна.

Анастасиа знала, что он не хочет убивать Алексия сейчас. Алексий — дружинник Одохара. Одохар может спросить: «Почему ты казнил моего дружинника без моего ведома? Если он виноват, как ты говоришь, почему ты не захотел, чтобы и я услышал от него о его вине?» Нет, Стайне нужно, чтобы тинг осудил *Аласейю, Одохарова дружинника*, того самого *небесного героя*, с которым Одохар так накрепко связал удачу будущего великого похода. Позорная казнь Аласейи станет смертельным ударом для того, что намерен сделать Одохар. После этого мало кто захочет пойти за риксом в великий поход. Именно такого исхода желал Стайна. И Анастасиа должна была желать того же. Разве не для этого она живет среди грубых варваров?

Стайна знал, что его тиви знает его намерения. И он был уверен: она не посмеет сказать «сейчас». Разве он — не ее господин? Разве его планы не стоят того риска, которому подвергнется ее жизнь? Там более, Стайна уверен, что Аласейа глуп. Дважды угодил в одну и ту же ловушку. А глупцом управлять легко.

Анастасиа понимала, что Алексий не глуп. Он просто думает по-другому. Но она знала мужчин и увидела у него в глазах то, что искала: он — настоящий мужчина и не станет мстить женщине. И еще — его имя. Имя, которое на ее родном языке означает «защитник»...

— Я разделю с ним его судьбу, какой бы она ни была...— прошептала Анастасиа по-гречески. И добавила громко, на языке варваров: — Завтра. Не сегодня.

— Хорошо.— Стайна сделал знак Хвитсу, который стоял позади Алексия.

Тот снял с пояса мешочек с песком, наклонился и ударил лежащего по голове. Алексий обмяк.

Вчетвером охранники ее мужа подняли Алексия и закинули его на лошадь. Они увезут его в усадьбу. Там есть яма, куда сажают тех, кто ослушался Стайну. Та самая, которой господин грозил Анастасии. Они бросят Аласейю в яму, но сначала, возможно, будут бить его плетью, чтобы красивое тело Аласейи покрылось рубцами, а дух его ослабел. Завтра, когда избитый, перепачканный нечистотами Алексий предстанет перед тингом, никто не увидит в нем небесного героя. Стайна добьется своего, как добивался всегда. И Анастасиа будет по-прежнему служить ему, потому что таков закон мира. Ах, как хотелось Анастасии перерезать заплывшее тремя подбородками горло своего господина! Но она не смела.

Глава тридцать шестая

Книва. «Ты крепок, сын Фретилы»

Книва очнулся и сразу понял, где он, хотя вокруг было темно. На корабле он был. Слышно было, как снаружи у бортов плескалась вода. Темно и душно. Книва лежал на боку, и бок у

Книвы намок. Оттого, что лежал он на дне, под палубным настилом. И еще сверху что-то лежало. Рот Книвы был забит тряпкой и сверху еще одной тряпкой обвязан, чтоб Книва языком кляп не вытолкнул.

Книва лежал. Долго. Потом сверху голоса донеслись. Приглушенные, слов не разобрать. Книва забился, замычал... Без толку. То ли не услышали Книву, то ли не захотели услышать.

Корабль сильно качнуло. За бортом заплескало веселей... И сразу запела, заскреблась о днище вода. Поплыли. Книва догадывался, зачем его увозят. И было ему страшно. И очень обидно. Да и умирать совсем не хотелось. Тем более, так умирать. И еще он боялся, что не сумеет принять смерть как воин, когда начнут пытать его герулы.

Совсем недолго плыли. Скоро корабль тряхнуло, внизу зашуршало, и Книва понял, что днище скользит по песку. А через некоторое время над ним завозились, что-то тяжелое разбрасывая,— и сквозь решетку настила проник свет. Тусклый. Уже вечер. Или утро?

Двое подняли решетку. Двое герулов. Те самые. Молча подхватили Книву, подняли и через борт перекинули. Книва в воду упал, погрузился с головой, подумал: лучше бы утонуть... Но утонуть не успел. Третий герул его из воды на песок выволок. Кляп изо рта вынул, дал откашляться.

От носа корабля канат шел — к толстому дереву. Книву к этому канату привязали. Как будто он мог куда-то сбежать, связанный. Он сообразил уже, что герулы через реку переправились и еще вниз по течению отошли.

Лежал Книва на песке, а герулы тем временем костер развели, стали уху варить. От запаха у Книвы полон рот слюны набежал.

Но не стали герулы Книву кормить. Поели и сидели у костра, темноты дожидаясь. Известно, ночью люди слабее делаются, значит, и спрос вести ночью лучше.

Стемнело. В камышах лягушки заквакали. Двое герулов спустились к Книве, подняли, поволокли наверх, к костру.

Рубаху Книвину ножами распороли (жалко, совсем новая рубаха), в костер бросили. Со значением: мол, больше тебе рубаха не понадобится. Потом главный герул тем же ножом по Книвиной груди провел, кровь пустил и сказал:

— Расскажешь нам все, гревтунг, мучить не будем. Просто убьем.

Книва молчал. На костер смотрел. В костре много угольев было. Для Книвы эти уголья. Но вспомнил Книва, как на капище бог с ним разговаривал, вспомнил, как бог Аласейи Книву хранить обещал, и понял, что не даст бог герулам убить Книву. Что испытывает его бог через герулов: крепок ли Книва? Готов ли великую славу вместить?

Поэтому совсем перестал бояться Книва, ничего герулу не сказал, только усмехнулся чуть-чуть. Так и смотрел, усмехаясь, как другой герул уголья из костра выгребает, а третий обувку с Книвы стягивает...

Не обманул бог Книву. Помог. Увидел Книва, как между деревьев тень мелькнула. Герулы тени не увидели. Заняты были. А главный только на Книву смотрел: слабину искал.

«Ищи, ищи,— подумал Книва, улыбаясь злорадно.— Сейчас бог тебя...»

Но это был не бог. Это был еще один герул. Книва его только по зеленым щекам и узнал, потому что все лицо у герула было черным размалевано. Здоровенный герул, с хорошим длинным мечом в одной руке и маленьким кулачным щитом — в другой. Стоял, зубы скаля, пока те герулы, что Книву похитили, уголья кучкой сгребали, а когда один уж собрался ноги Книвы на эти уголья поставить, размалеванный громко откашлялся.

Эти трое аж подпрыгнули, хотели к оружию кинуться, да размалеванный не дал. Одного сразу насмерть зарубил, второго щитом по голове ударил, а третьего, главного, ногой в грудь пнул, отчего тот прямо в костер спиной упал, но тут же, через голову перевернувшись, вскочил... И из лесу еще один герул появился. Еще больше размалеванный. Схватил сородича своего и к себе прижал. Да так, что даже Книва услыхал, как у того ребра хрустнули. Но старший герул был настоящий воин, не сдался, а схватился за нож. Только сила есть сила. Огромный перенял руку, сдавил так, будто не пальцы у него, а челюсти волчьи. Затем вынул из пальцев Книвина пытальщика нож, руку его к березовому стволу прижал и пришпилил к дереву, вогнав отнятый нож в запястье, точно между костями. Да так все красиво большой герул сде-

лал: не спеша, спокойно. Словно не со взрослым воином, а с малым ребенком управлялся. Но похитивший Книву герул тоже красиво себя вел: даже не вскрикнул, когда лезвие руку просекло.

— Скулди! — бросил он, уставясь на первого размалеванного.— Так и знал, что это ты, барсучья отрыжка!

У Книвы сердце прыгнуло от радости. Как же он раньше Скулди не узнал! И Кумунда! Тут же пришла посторонняя мысль: как он силен, этот Кумунд! Скрутил столь сильного мужа, как мальчишку! А Аласейа Кумунда, как мальчишку, по земле валял! Сколь же велика сила Аласейи!

— Гляди, Скулди! — с угрозой прорычал герул.— Узнает Комозик, что ты его родича...

— А откуда он узнает? — удивился Скулди.— Думаешь, он скажет? — кивнул в сторону Книвы.— Так он не скажет, верно, парень? — Скулди подмигнул Книве: жуткая гримаса получилась. Хоть и знал Книва, что друг ему Скулди, а внутрь неприятный холод проник. А ведь не испугался Книва, даже когда его жечь собирались.

— Видишь, он не скажет! — засмеялся Скулди. И Кумунд тоже засмеялся басом. Будто пустую бочку покатили.

— Или ты думаешь, этот скажет? — Скулди ухватил и поднял с земли оглушенного герула. Тот неуверенно задвигался, но глаза мутные остались...

— Так и он ничего не скажет Комозику, может, его дух скажет? — Скулди быстрым движением вогнал меч между ребрами сородича. Точно в сердце.— Как думаешь, Кумунд, придет его дух к Комозику?

— Не-а,— пробасил Кумунд.— Его ромлянское золото сразу в хель утянет.

Скулди одобрительно кивнул, присел около Книвы, перерезал веревки.

— А ты крепок, сын Фретилы,— уронил он одобрительно.— Помнишь, Кумунд? Этот ромлянский прихвостень его уже на угли ставил, а он все равно им зубы показывал. Хороша у Фретилы кровь! Если Алексия убьют, я его квено за себя возьму!

— Не будет этого,— буркнул Книва, растирая руки.— Рагнасвинта тогда вместе с мужем на костер пойдет. Только не убьют Аласейю.

— Я тоже так думаю,— кивнул Скулди.— Ну ладно, некогда нам разговоры разговаривать. Надо дело делать. Кумунд...

Тут пришпиленный к березе герул рванулся изо всех сил. Но вырвать руку из пальцев Кумунда не смог. Зато вырвал нож из дерева приколотой рукой. Большого мужества герул оказался. Только не помогло ему это. Кумунд ударил его кулаком в живот, и герула свернуло пополам.

Скулди приблизился к нему, сдернул с его головы ремешок, который волосы удерживал, и перетянул выше локтя проколотую руку.

— Обдери его,— бросил он Кумунду. Так, словно речь шла о поросенке.— А ты (это уже Книве) рассказывай. Только покороче, а то знаю вас, гревтунгов: как начнете, так хорошо, если к зиме конец виден станет.

Хотел ему Книва ответить о гревтунгах... Да вспомнил, что спас его Скулди. Простил герулу глупые слова Книва и начал говорить. Когда он дошел до свертка, Скулди тут же встал и принялся потрошить мешки, сложенные у костра. Нашел, развязал. Внутри оказалась скрученная в трубку тонкая кожа, испещренная загадочными рунами.

Скулди присел у костра, послание изучая. То, что это послание, а не амулет, было сразу понятно. На амулетах столько рун писать не нужно.

— Эллинские,— наконец сказал он.

— Что говорят? — жадно спросил Книва.

Скулди пожал плечами.

— Я их речь понимаю, а вот руны... Ничего, этот скажет,— кивнул на герула, которого Кумунд уже раздел и крепко привязал к дереву.

— Ничего я тебе не скажу! — яростно прохрипел герул.

— А ты как думаешь? — спросил Скулди Книву.

— Не скажет,— уверенно ответил тот.

— А я думаю: скажет,— заметил Скулди, поднимаясь.— Я, когда ромлянам служил, частенько одному человеку помогал. Который для ромлянского рикса языки развязывал. Великий искусник был сей человек. Не было такого, чтоб у него пленник не заговорил. Многому я у него научился. Поди ближе, Книва, поучись тоже. Брата твоего старшего, Агилмунда, я тому искусству научил, и тебя тоже учить буду. Понравился ты мне. Молодец!

Глава тридцать седьмая

Агилмунд. Бабушка

— Агилмунд! — громко крикнули с площади.— К тебе бабушка!

Десятник высунул голову из окна.

Несколько дружинников развели костер прямо на площади, рядом с дружинным домом, и варили похлебку. Около них отирались мальчишки и пара девок. Девки были незнакомые. Видать, их родичи на тинг привезли: женихов поискать.

— Какая такая бабушка? — гаркнул Агилмунд.

— Твоя, чья еще! — Троих молодых из десятка Ахвизры вопрос Агилмунда очень развеселил.

Но сын Фретилы уже приметил неподалеку горбатенькую старушку. Очень похожую издали на бабушку Стилихо, которая в квеманский набег в Хундилиной избе сгорела. А из Агилмундовых бабушек одна жива была, да ростом и телом побольше — мать Брунегильда в нее пошла. А вторая уж двадцать зим как померла. Агилмунд же тогда сам мал был, и потому та бабушка ему тоже большой казалась. А она, выходит, махонькая...

— Иду! — крикнул Агилмунд.

Не из тех он был, кто испугается духа. Тем более, духа собственной бабушки.

Разговор «бабушки» с внуком оказался недолгим. И, вернувшись в дом, Агилмунд первым делом натянул поддевку, а на поддевку — кожаный жилет с железными бляшками. Поверх нацепил широченный боевой пояс с мечом, сунул в петли пару метательных ножей.

— Уходишь? — лениво осведомился Ахвизра.

— Да,— кивнул Агилмунд.— И ты тоже.

— Куда это? — У Ахвизры не было ни малейшего желания куда-то идти этой ночью. Завтра — тинг. А перед тингом лучше хорошенько выспаться. Мало ли что...

— Бабушка ко мне приходила...

— Да-а? — удивился Ахвизра.— А я думал: мои шутят.

— Нет.— Агилмунд присел около растянувшегося на лавке Ахвизры. Ножны его меча негромко звякнули.— Да только ба-

бушка — не моя. Так что мы с тобой, Ахвизра, сейчас наведаемся в одно место. И немного повеселимся.

— Да? — Ахвизра оживился.— К девкам?

— Стал бы я для девок всю эту сбрую надевать? — фыркнул Агилмунд.

— А почему нет?

— В такую жару!

— Тоже верно.— Ахвизра сел.— Дело спешное?

— Верхами за полночи обернемся, если хорошо выйдет.

— Кого еще взять? — Ахвизра уже обувался.

— Сами управимся. Я только Сигисбарна прихвачу. Пусть учится. Сигисбарн! — гаркнул Агилмунд.— Эй, ты! Ну-ка найди мне Сигисбарна.

— Ага.— Ахвизра затянул шнурок куртки.— Одохару сказать надо?

— Нет. Не до нас ему. Он с полудня со старейшинами заперся.

— Так и сидят? — удивился Ахвизра.— Ну ладно, пойду седлаться.

Вопросов он больше задавать не стал. Все, что требуется, Агилмунд расскажет по дороге.

Ворота этой ночью не запирались: тинг. Три всадника беспрепятственно покинули бург. Они объехали стороной большую поляну, где стояли шатры тех, у кого у бурге не было родни или кто не захотел в такую теплую ночь ютиться под крышей. Когда огни костров остались позади, всадники прибавили ходу: дорога позволяла.

— Ну,— сказал Ахвизра, поравнявшись с побратимом.— Рассказывай, что у нас за веселье будет?

* * *

Скулди не сумел узнать, что написано в послании. Не потому, что не умел спрашивать. Нет, спрашивать он умел. Увидел Книва: многому научился Скулди у того ромлянина. Лунный серп за деревья уплыть не успел, а пленник уже болтал, как две девки у колодца. Жаль только, что знал герул совсем немного. Поручено было ему (и уже не в первый раз) взять послание и передать своему родичу, который к ромлянам с товарами пойдет.

Не знал он и о том, кто писал. Но знал, что дело — тайное, поэтому проявил осторожность: пустил своих людей вперед, а сам задержался. И увидел Книву.

У Скулди и Кумунда была лодка. Поэтому трех мертвецов сложили на их же корабль, а корабль подожгли. Все трое ведь умерли в бою, с честью. А что один был пленен и заговорил, так у Скулди и межевой камень заговорил бы. Из имущества ничего не взяли. Скулди сказал: хорошо хоть, ни один из убитых с ними в родстве не состоял, очищения не требуется. А вещей им брать все равно нельзя. Книве — можно, но это тоже нехорошо будет, потому что жизнь Книвы сейчас Скулди принадлежит и за все, что Книва сделает, Скулди отвечает.

Это герульский обычай такой. Если герул кому жизнь спас, то спасенный ему — как дитя становится. Герул опекать его должен. Все шиворот-навыворот у этих герулов. А вот у родичей Книвы — все правильно. Если спас кого, то не ты спасенному, а спасенный тебе обязан. И по справедливости должен спасителю подарок сделать. Так что, когда возьмет Книва добычу у ромлян, непременно лучшее Скулди подарит. По *своему* обычаю.

Скулди с Кумундом подожгли корабль и оттолкнули от берега. Это было хорошее погребение. Даже лучше, чем развеять пепел над землей. Скулди сказал: если его убьют, он тоже хочет, чтобы его над водой сожгли. И Агилмунда о том попросит, когда спасенного Книву «дарить» ему станет.

Но когда они вернулись в бург, то Агилмунда там не нашли. И Ахвизры. И где они — никто не ведал.

* * *

— Собачки у них две,— прошептал Ахвизра, прислушиваясь.— Бойцовые собачки. Ромлянские.

Месяц только что спрятался — не видно ни зги. И они спрятались — за изгородью, с подветренной стороны. Как раз и ждали, пока луна зайдет.

— Это хорошо, что бойцовые,— заметил Агилмунд.

— Почему? — шепотом спросил Сигисбарн, тиская древко копья.

— Потому что обычная шавка брехать начнет, а бойцовая — кинется.

— И чего? — Сигисбарн никогда раньше не имел дела с ромлянскими псами.

— А ничего,— последовал ответ.— Волк пошустрей будет. Хотя эти — побольше. Ладно, пошли.

Два друга одновременно перемахнули через изгородь, беззвучно приземлились на ноги по ту сторону и бросились вперед. Сигисбарн замешкался, но перебрался через преграду так же бесшумно. Для человека. Собаки, ясное дело, услышали. Топот, рычание, справа-впереди — хрусткий удар топора... Внезапно нечто более темное, чем темнота, совершенно бесшумно возникло перед Сигисбарном. Вспыхнули два красных уголька — и... Сигисбарн принял пса на щит — как удар топора. Сшиб в сторону и тут же, наугад, ткнул копьем. Почувствовал упругое сопротивление — отдернул назад, пока не застряло. И тут же — хруст, короткий визг и тишина. Кто-то, Агилмунд или Ахвизра, подскочил и добил зверя.

Бегом пересекли двор. Впереди возникла громада дома. Изнутри — ни звука.

— Спят,— прошептал Ахвизра.

— Или ждут,— тоже шепотом отозвался Агилмунд. Достал три белых лоскута, один повязал на руку, два других раздал товарищам. Сигисбарн восхитился предусмотрительностью брата.

— Ты — у входа,— велел ему Агилмунд.— Ахвизра, пошли.

Не более чем на ладонь сдвинув шкуры у входа, оба дружинника проскользнули внутрь.

Сигисбарн ожидал криков, звона железа... Но никаких звуков боя не было. Ничего. Время шло... Ничего. Только под крыльцо ежик шмыгнул. Домашний, наверно.

Сигисбарн уже всерьез забеспокоился, когда внутри застучало о кремень кресало и брат его окликнул:

— Заходи!

Боя не было. Была резня. Четверо мужчин и две женщины. Мужчины были из дружины Стайны. Всех прикончили спящими. Только один из мужчин был в одежде. Его, верно, сторожить оставили, а он понадеялся на псов.

— Вояки,— пренебрежительно бросил Ахвизра.

Он отыскал факел, зажег от масляного светильника и вышел во двор.

Яму нашли за домом, быстро нашли. По запаху.

— Аласейа! — наклонившись, позвал Агилмунд.

Внизу заворочались.

— Пошел прочь, козлиное дерьмо! — пробурчали снизу.

— А ведь уйду! — посулил Агилмунд.— А ты так и будешь здесь сидеть.

— Агилмунд? Ты? — Аласейа явно обрадовался. Но тут же добавил: — Тише, услышат.

Ахвизра хихикнул.

— Я духов не боюсь,— сказал Агилмунд.— Сигисбарн, открывай.

Сигисбарн быстренько скатил с решетки валуны, сдвинул ее в сторону и аккуратно опустил вниз лежащий рядом шест с поперечинами.

Аласейа выбрался наружу. Пахло от него, как от свиньи.

— Цел! — Агилмунд звонко шлепнул его по спине.

Аласейа зашипел:

— Легче! Мне вроде ребро сломали...

«Плохо»,— подумал Сигисбарн.

Сломанное ребро может что-нибудь внутри проткнуть — и пропал воин.

— Ну-ка стой! — невзирая на протесты, Агилмунд быстро ощупал родича.

— Целы,— сказал он с облегчением.— Иди сполоснись, там бочка у дома. Одежа где твоя?

— Стайновы люди забрали.

— Сигисбарн, иди поищи,— скомандовал Агилмунд.— И ты, Ахвизра, тоже иди. Глянь, чего там взять стоит...

Сигисбарну уходить не хотелось, но Ахвизра подпихнул его в спину: понял, что хочет Агилмунд с родичем с глазу на глаз поговорить.

Аласейа тем временем добрался до бочки, полез внутрь, расплескивая воду, окунулся с удовольствием, аж закряхтел. Агилмунд еще раньше заметил: любит воду Аласейа. Без воды беспокоиться начинает, чесаться. И запах от него гуще становится. Трудно ему зимой будет, когда река замерзнет.

Аласейа высунул голову из бочки.

— Как вы меня нашли? — спросил.

Чудной он все-таки.

— Галка насвистела.— Агилмунд услышал, как в доме что-то опрокинулось, и тут же смех Ахвизры раздался.

— Книва вернулся?

— Книва? — Агилмунд насторожился.— Я не видел.

— Та-ак! — Аласейа рывком выбросил тело из бочки, обрызгав Агилмунда.— Вы верхами?

— Три лошади есть.

— Три?

— Сигисбарн и пробежаться может.— Агилмунд фыркнул.

Но мысленно признал: недодумал. Надо было четвертую лошадь взять.

— Если Книвы нет — это плохо,— сказал Аласейа.— Он за одним человеком пошел. Очень подозрительным. Так что давайте-ка вы с Ахвизрой обратно в бург, а мы тут как-нибудь с Сигисбарном сами...

— Нет,— отрезал Агилмунд.— Ты говори.

— А что говорить? — Аласейа хмыкнул, мотнул головой, стряхивая воду.— Попался, как рыбка на приманку. Даже и говорить не хочется.

— Рассказывай,— бесстрастно произнес Агилмунд.

И Аласейа рассказал.

— Лучше бы ты ее просто убил,— выслушав, заметил сын Фретилы.— Тогда бы заплатили виру, и все. За тиви вира небольшая положена. А за насилие — много хуже.

— Интересные у вас законы...— пробурчал Аласейа.

— Наши законы — от пращуров,— строго ответил Агилмунд.— За такое — лошадьми разметать. Всегда так было. И правильно.

— Да она сама...

— Сама — и того хуже. Жену и новую завести можно, а каково узнать, что сын твой — и не твой вовсе.

— Нет, ну какая дрянь...— пробормотал Аласейа.

— Не ругай ее,— сказал Агилмунд мрачно.— Это она мне сказала, где ты.

— Она?! — Аласейа аж подпрыгнул, схватил Агилмунда за плечи.— Она сказала? Где она, Агилмунд? Что с ней?

— У Стайны в доме, где ж ей быть в такой час,— проворчал Агилмунд.

— Бес! Как я хочу ее видеть...— пробормотал Аласейа.

Вот дурной!

— Ты беса не зови,— предостерег Агилмунд.— Не то придет. А Стайсу свою ты увидишь. Завтра на тинге. Когда тебя судить будут.

— Но... Почему судить? Вы что, меня тут оставите?

«Точно дурной,— подумал Агилмунд.— Или его так крепко по голове стукнули, что все перемешалось? Ну и народ у них в Байконуре! Каково их риксу с такими? Хотя у них и рикс, должно быть, такой же. Сильно, знать, им боги благоволят и удачи им отмеряют полные возы. Не то давно пожгли бы враги их Байконур».

— Не оставим тебя, Аласейа,— сказал вслух.— Если б оставили, Стайна, может, тебя на тинг и не поволок бы. Сам прикончил.

— Вот уж нет. Он же сам меня на тинге и судить собирается.

В доме опять что-то грохнуло.

— Шевелись там! — сердито крикнул Агилмунд.— На тинге судить, говоришь? Вот как?

Из дома появились Ахвизра с Сигисбарном. С полными мешками. Под мышкой у Сигисбарна — Аласейева одежда.

— А нож мой? — спросил Аласейа.

— Нету.— Ахвизра попытался развести руками, да мешки мешали.

— Ну-ка дайте глянуть...— Агилмунд решительно высыпал добычу.

Пока Аласейа одевался, сын Фретилы быстро отобрал то, что можно было признать как Стайново, и велел отнести в дом.

Затем щедро плеснул маслом на крыльцо, бросил факел. Пламя медленно поползло по перильцам. Сырое дерево.

— Уходим,— скомандовал Агилмунд.

— Нет, погоди! — вмешался Аласейа.— Хочешь, чтобы никто не догадался, что вы меня выручили?

— Хочу.— Агилмунд поглядел на Аласейю. У того в глазах металось лижущее крыльцо пламя. А лицо сияло. Вспомнил Агилмунд, что дивно хитроумен бывает Аласейа. Хотя иной раз — дурнее мальчишки Книвы.

Аласейа бросился в дом, выволок наружу одного из Стайновых людей, принялся вытряхивать из одежды.

Пламя наконец поднялось, поползло по стене, добралось до соломенной крыши и сразу взметнулось ввысь.

Аласейа, ободрав убитого, свернул одежду в ком и метнул в огонь. Ухватил мертвеца за руки, поволок, споткнулся, едва не упал. Ахвизра тут же подскочил, помог. Интересно было Ахвизре, что Аласейа задумал.

Вдвоем они дотащили мертвеца до ямы, в которой Аласейа сидел, уронили вниз, лица в сторону отворачивая. Потому что близко от дома была яма и жар от огня сильный был.

Аласейа к амбару кинулся, охапку сена приволок, швырнул между ямой и домом, потом еще одну. Жердей сверху накидал, так, чтобы яму прикрыли. Большую кучу накидал: Ахвизра с Сигисбарном ему помогали. Занялось все быстро. Будто погребальный костер над поганой ямой разожгли.

Аласейа встал рядом с Агилмундом, дышал тяжело, но доволен был сверх меры. А Сигисбарн еще не понял, что Аласейа задумал. Сообразил, только когда Ахвизра сказал:

— Стайнов-то прихвостень статью — точь-в-точь Аласейа.

Дом пылал так ярко, что светло вокруг стало, как днем.

Тут до Сигисбарна дошло. Засмеялся Сигисбарн, а Агилмундов взгляд на мертвого пса упал. Схватил Агилмунд дохлого пса за ноги, раскрутил и тоже в огонь швырнул, а Ахвизра — второго.

Ничего не скажешь, хитер Аласейа. Приедет утром Стайна, а вместо дома — пепелище жаром пышет. Даже если и вытащит Стайна из ямы, из-под угольев обгорелый труп, пусть-ка догадается, что не Аласейа это.

Хорошо задумано, однако поспешить надо. Беспокойно на сердце у Агилмунда: как бы с Книвой тоже беды не случилось!

Глава тридцать восьмая

Алексей Коршунов. Единство мира

Лошади двигались гуськом по тропе, которую со всех сторон обступили деревья. Время от времени Коршунову приходилось нагибаться, «ныряя» под низко нависшую ветку, которую он скорее чувствовал, чем видел. В лесу было совершенно темно. Зато он был полон самых разнообразных и чарующих звуков: стонов, уханья, писка, шорохов и скрипов. Алексей

погрузился в некое мистическое состояние. Он был одновременно и отдельной живой сущностью, и неразрывной частью этого мира. Он физически чувствовал свою связь: с лошадью, чье тепло он ощущал коленями, с воздухом, овевающим лицо, с деревьями, вросшими в нетронутую человеком землю, и с самой землей, запах которой чуял и которую ощущал каждый раз, когда с ней соприкасалось копыто его лошади. В эти, еще не кончившиеся, невероятно длинные сутки с Алексеем произошло нечто, отодвинувшее на задворки мир, в котором он жил прежде. Человек, рожденный в двадцатом веке, ушел в прошлое, а тот, который родился сегодня... Он был в большей степени Аласейей, чем Алексеем Коршуновым. Потому что Аласейа мог принять как должное мгновенный переход от любви к предательству, из объятий прекрасной женщины — в полную зловонной жижи яму... И от предательства — к верности, смывающей мерзость, как вода — нечистоты. До сегодняшнего дня он, несмотря ни на что, подсознательно не воспринимал необратимость происшедшего. Это была словно бы некая игра, в которую он играл с этим удивительным миром. Сейчас Алексей понимал разницу между тем, как воспринял «переход» он сам, и тем, как отнесся к нему Черепанов. Это была разница между глупым котенком, оказавшимся в незнакомом месте и полагающим, что все вокруг существует для его игры, и осторожным котом-одиночкой, случайно оказавшимся на чужой территории и отлично знающим, что место на этой территории надо *завоевать*. И это было важнее превосходства в силе, хитрости или знаниях. Коршунов помнил, какой простой казалась ему поначалу даже здешняя война. Напали — отбились. Сами напали — побили. И остается только пожинать плоды; добычу и славу. Все было просто, и, объясняя тому же Скулди элементарные вещи, Коршунов чувствовал себя просто интеллектуальным гигантом... И оказался совершенно никудышным сыщиком и еще более никудышным интриганом. Потому что он не понимал, что движет этими людьми. Не понимал, почему Анастасия сначала предала его, а потом выручила. Не понимал, почему Агилмунд с Ахвизрой с такой готовностью бросились его спасать и без малейших сомнений прикончили немало людей, *тех, кого они давно знали и которые были своими*, ради того, чтобы вытащить из неприятностей *в общем-то чужого* для них человека.

И, узнав, что спасали его зря (Агилмунд с ходу объяснил, что с точки зрения здешнего суда Алексей виновен без вариантов, а не явиться на суд — позор), ничуть не огорчились. И как дети радовались придумке с брошенным в яму трупом. И тут же лучшие риксовы дружинники, настоящие, без дураков, мужчины, Ахвизра с Агилмундом, совершенно как дети, разыграли сценку: как удивится Стайна, когда увидит живого Алексея. А то, что немногим позже Коршунова размечут лошадьми,— это не так уж важно.

«Я никогда этого не пойму,— решил Алексей.— Все, что я могу,— принять их такими, какие они есть. Так же, как они приняли меня...»

Глава тридцать девятая

Травстила. «Не важно — что, важно — как»

— Гляди,— сказал Травстила,— вот сюда упираешься ногой, потом... р-раз! — Короткая спинка, проложенная закаленными железными пластинами, выгнулась, крючок опустился, зацепив тетиву, толстую, вдвое против обычной. Короткая толстая стрела тоже была необычной, и граненый наконечник.

— А как бьет? — спросил Одохар, разглядывая хитрую штуку.

— Вот так.— Травстила приложил к плечу деревянный упор, похожий на седло и так же, как седло, обитый кожей.

Раздался звонкий щелчок, почти слившийся с глухим ударом, когда дивная стрела воткнулась в стену.

Одохар подошел, поглядел. Стрела вошла в бревно почти на ладонь. Бревно треснуло. Одохар взялся за стержень, потянул... Стрела не поддалась.

— Со ста шагов — щит и чучело в воинской одеже,— сказал Травстила.— Навылет.

Он взялся за хвостовик стрелы, расшатав, выдернул, потрогал наконечник, сказал:

— После каждого выстрела подтачивать надо.

Овида приблизился к столу, взял в руки оружие, повертел, попробовал пальцами натянуть тетиву — не вышло. Овида удивился. Взялся по-настоящему, аж мышцы на шее вздулись... И все равно самую малость не хватило. Овида покачал головой,

прижал ногой петлю, ухватился за рычаг, но не рванул, а потянул медленно, как Травстила делал...

— Легко как,— опять удивился он.

— Стрелять тоже легко,— сказал Травстила.— Целить легче, стрела ровнее идет, и ветром почти не сбивает, тяжелая.

Я вот что мыслю,— продолжал он.— Небесные герои такими машинами (слово «машина» он произнес по-ромлянски) слабость свою исправляют. А как ловко выдумывают — диву даешься.

— Но польза с того есть и нам,— заметил Одохар.— Те петли для ног, какие Аласейа себе сделал... Я велю каждому сделать. Коленями, ясно, держаться на коне привычней, но коленом так не упрешься. На петлях этих даже и встать можно, а тогда и копьем ударить сподручней, и рубить сверху...

— Предки наши без этого обходились,— проворчал Овида.— С такой снастью и воинов воспитывать ни к чему. Нынче твой, Одохар, воин мешок с полсебя весом между коленями удержит и коньем в щит попадет за сорок двойных шагов, а с этим...— Жрец кивнул в сторону самострела.— С этим любой неуч воином станет. С этим даже женщина тебя, Одохар, побить может.

— Да ладно тебе, старый, ругаться,— махнул рукой Травстила.— Видал я такие штуки у ромлян. И большие, и малые. Большие еще годятся в дело, а малые... Пока тетиву накрутишь...— Травстила изобразил, как вращает вороток,— тебе три раза глотку перережут.

— Но это...— Овида хлопнул по столу.— Это другое. Раз — и все.

— Да не важно это,— опять отмахнулся Травстила.— Не это важно.

— А что? — спросил Одохар.

— Не важно, *что* там у них в Байконуре делают. Важно — *как*. Вот я, к примеру, когда трудную вещь кую, которая из многих частей состоит, каждую часть по очереди делаю. И проверяю, совпадет иль нет. Иной раз легко выходит. Когда духи нашепчут и все разом увидится. А бывает, полный месяц провозишься. И помощникам не поручишь: скуют кто во что горазд. А у этих — по-другому. И Геннах, и Аласейа — они сперва изобразят, потом посчитают что-то... Да так хитро считают, что я сперва думал: ворожба это на рунах. Но порасспросил: го-

ворят — не ворожба. Потому как при ворожбе, сами знаете, боги разное говорят, а у этих всегда одно и то же выходит. И всегда правильно выходит. И не только с оружием. Вот я намедни лемех сделал: не такой, как всегда, а такой, как мне Аласейа изобразил... И лучше этот лемех моего. Сам пробовал. А ведь меня отец учил, а отца — дед. Это же — *тайна* кузнечная. И других тайн Аласейа много знает, и не тайна для него это вовсе. Только рассказать о них он не может. Язык наш плохо еще знает. Но я ведь не боюсь, Овида, что, вызнав мои тайны, всякий сможет железо ковать. А потому не боюсь, что Аласейа может что хочет делать — его духи не тронут. А другого, кто посвящение не прошел,— погубят. Так что зря ты боишься, Овида, что женщины вместо мужчин воевать станут. Не быть женщине воином, ежели ты, Овида, ее в воины не посвятишь. А ты, я думаю, этого делать не станешь, так, Овида?

Одохар улыбнулся, а Овида нахмурился:

— Не того я боюсь, что женщина воином станет, а того, что убивать она станет, как воин. И нечистота мир наполнит.

Он сделал рукой отводящий знак, и остальные не медля сделали то же.

— Я понял,— после долгой паузы медленно проговорил Травстила.— Я не буду делать новые вещи.

— Да,— кивнул Овида.— Ты понял.

И тут, словно знак окончания разговора, снаружи раздался голос, выкликающий Одохара.

Трое разом поднялись, на краткий миг соединили руки. И вышли из комнаты. Овида — последним. У дверей жрец махнул рукой — и восковая свеча на столе погасла. Темнота скрыла все, в том числе и дивное оружие, сработанное Травстилой. О нем даже не вспомнили.

Глава сороковая

Алексей Коршунов. Совещание

— Не спать мне и в эту ночь,— пробормотал Одохар, потирая виски.

— Я тебе снадобье дам,— прогудел из своего угла Овида.— Всем дам, не боись.

В самой большой комнате риксова дома тесно. Собралась уйма народу, да и народу не маленького. Сам рикс, Агилмунд, Ахвизра, Травстила-кузнец, семеро старейшин, на чью поддержку на тинге рикс твердо рассчитывал. В их числе — Фретила. Поближе к отцу, по привычке, устроился Книва. Особняком расположились герулы: Скулди с Кумундом. Еще несколько человек, о которых Коршунов ничего не знал.

История Аласейи была рассказана Агилмундом. Под таким углом, что на встречу с Анастасией Коршунов отправился исключительно из интересов дела. Одохара это вряд ли обмануло, но старейшины, кажется, поверили. Никто не удивился. Как понял Коршунов, от него ожидали еще и не таких выходок. Многие в бурге воспринимали Коршунова как юродивого. Вернее, как человека, непосредственно и непрерывно контактировавшего с высшими силами. Правда, в отличие от всяких вутьев коршуновское безумие считалось «контролируемым» и потому полезным. Те же, кто знал больше, тоже относились к его «необычным» поступкам спокойно. Принимали как данность. Никто его не ругал. Как не стали бы ругать топор, которым в запальчивости отрубили лишнее. Другое дело, что сам Коршунов чувствовал себя прескверно, свой «полководческий» имидж он видел несколько по-другому. Обсудили, прикинули, что лучше бы и впрямь Коршунов убил гречанку. Подумаешь, тиви. Хоть самого Стайны, хоть кого. Боги поведением Коршунова оскорблены не были. Это Овида засвидетельствовал. И на тинге то же скажет, коли спросят. Но есть еще Закон...

Единственный способ обелить Алексея — это опорочить Стайну. Трудно это будет, потому что у Стайны на тинге — мощная поддержка. Если Алексей будет «отстранен», на походе можно поставить жирный крест. При этом не важно, каким образом Коршунова «отстранят»: размечут лошадьми или просто изгонят, как Алзиса. Конечно, Одохар может пойти в большой поход и без поддержки тинга, но тогда с ним пойдет одна лишь дружина, да и ту толком снарядить не удастся. И другие племена, увидев, что мало людей у Одохара, тоже не пойдут. Да и сам Одохар трижды подумает... Один раз ведь поход уже провалился.

— Потому что ромлян известили! — заявил Скулди.— А теперь — не вышло!

Из сумки было извлечено послание. Оно пошло по рукам. Коршунов тоже его подержал... Буквы были знакомые. На греческие похожи. «Мю», «ню», «кси», «дельта» «эпсилон»... Как всякий физик, Коршунов с греческими буквами сталкивался, но связать буквы в слова, а слова — в текст даже и не пробовал. Среди остальных тоже не нашлось способного разобрать написанное. Овида знал, как и положено жрецу, родные руны. Травстила их тоже знал. Немножко. Других грамотеев в доме не было.

По часам Коршунова до рассвета оставалось часа два. И столько же длилось совещание. Единственное «дельное» предложение последовало, как ни странно, от Книвы. Парень предложил Коршунову соврать «под присягой». В ритуал суда входила дача показаний «пред лицом богов». Никто из местных в такой ситуации лгать не рисковал. Даже если боги и не покарают ослушника немедленно, то все равно найдут способ расквитаться. Они, боги, как известно, крайне злопамятны. Но Коршунов, как человек со стороны, перед здешними богами ответственности не несет...

Поглядели на Овиду: Овида промолчал. Значит, можно попробовать.

На том и порешили: Аласейе до времени не показываться. Одохару же вести себя так, словно он ничего о вчерашних событиях не знает. Когда Стайна сделает ход, на арену выйдет Коршунов и попробует отвести удар.

До этого времени Агилмунду следует изловить и допросить «человека в войлочной шапке». Скулди предъявит «послание» и сообщит, что ему передал его доверенный сородич, заверив, что сие есть донесение ромлянам о грядущем походе. Глядишь, и удастся переиграть мирного вождя. Судя по лицам участников совещания, никто в это особенно не верил. Но отступать тоже никто не собирался. В заключение Овида заварил какую-то траву с весьма неприятным запахом и оделил отваром всех присутствующих. По утверждению жреца, сей напиток вполне заменял сон. Коршунову тоже было предложено, но он отказался. Стимулятору из аптечки он больше доверял. Да и обезболивающее не помешало бы. У Алексея болело все, что может болеть. Кроме души. Душу его исцелило известие, что именно Анаста-

сия позаботилась о его спасении. Он, в свою очередь, поклялся, что завтра сделает все, чтобы отвести от нее беду. Даже если это будет стоить ему жизни... Впрочем, жизнь эту он тоже просто так отдавать не собирался.

«Только попробуй! — мстительно подумал он о Стайне.— И о-очень пожалеешь!»

Оружие на тинг брать не полагалось. За этим специально следили, но у Коршунова имелось свое оружие, секретное. Называлось: ракетница. При выстреле в упор — довольно неприятная вещица. Жалко, что ТТ к Стайне попал. Очень жалко!

Глава сорок первая

Алексей Коршунов. Великий тинг

Книва примчался, когда время подбиралось к одиннадцати.

— Быстро, Аласейа! — задыхаясь, крикнул он еще с порога.— Быстро! Одохар зовет!

Коршунов был готов. Только плащ накинуть оставалось. Рагнасвинта и накинула. Алый плащ, роскошный. Конь был оседлан заранее. Идти, конечно, всего ничего, но верхом — лучше. Солидней. Здесь, как, впрочем, и везде, внешняя респектабельность была большим плюсом. Особенно если учесть, что большая часть тинга Алексея еще не видела.

Взобравшись на коня, пустил его рысью. Книва поспевал следом, ухватившись за стремя.

Приехали. Поле кишело народом. Под тысячу, не меньше. Но середина была пуста. В середине расположились старейшины и наиболее почтенные мужи. И оба вождя, разумеется.

Коршунова увидели издали. Это была хорошая идея — прибыть верхом.

Белый в яблоках конь, крупный, боевой, подарок Одохара, грудью раздвинул толпу, «наружный» ее слой, состоящий из молодежи, женщин и тех, чей ранг был невысок. Вторая «линия», оцепление, расступилась сама. Коршунов ловко соскочил на землю, отстегнул от пояса меч. Меч, как и коня, ему подарил Одохар. Вчера. И пояс, шитый золотом,— тоже... Коршунов

торжественно вручил меч одному из тех, кто должен был поддерживать порядок. Дружиннику Одохара, кстати.

Выполнив необходимые формальности, Алексей неторопливо прошел в центр круга, степенно поклонился: тингу, старейшинам, Одохару, Стайне...

На Стайну было приятно посмотреть: мирный вождь выглядел удивленным. Мягко говоря.

«А ты как думал, гад? Решил: сгорел я в твоей яме?» — злорадно подумал Коршунов. Сохраняя, впрочем, на лице достаточно торжественную мину.

Он уже успел увидеть выложенные на траве собственные вещи: трофейный меч, нож, пистолет в самодельной кобуре, хронометр...

«Надо же,— подумал Коршунов.— Даже хронометр не заначил!»

Алексей сразу отметил пространственное разделение партий. С одной стороны — приверженцы Одохара, с другой — Стайны. Последних — существенно больше. К облегчению Алексея, Анастасии в этой группе не было. Впрочем, женщин вообще не было внутри меньшего круга.

— Надо же! — раздался зычный голос Агилмунда.— Аласейа! Живой! Кого же ты спалил в своей яме, Стайна? Уж не того ли, кто снасильничал твою тиви?

Но мирный вождь уже опомнился. Он — крепкий орешек.

— Тебе лучше знать, Агилмунд,— степенно ответил он.— Потому что раньше много непонятного для меня было в этом пожаре, а теперь многое понятным становится. И думаю я, что дом мой сожгли те, кто Аласейю из ямы вытащил. Думается мне, это ты, Агилмунд! — Палец мирного вождя указал на Одохарова десятника. Но тот нисколько не смутился.

— Значит, ты, Стайна, утверждаешь, что это я сжег в твоей яме неведомо кого? — осведомился Агилмунд.— А я утверждаю, что это ложь. Бери меч, Стайна, и пусть боги решат, кто прав. Хотя, сдается мне, боги не сумеют разглядеть воина под тем салом, которым ты оброс.

Тут же вперед сунулся кто-то из дружинников Стайны, крича, что он готов прямо сейчас доказать Агилмунду... Сторонники обеих партий разом заорали, и некоторое время над полем разносился только этот галдеж и карканье обрадованных ворон, которые, естественно, не могли проигнорировать такое

скопление народа, сулившее в перспективе им, воронам, роскошное пиршество.

Усилиями обоих вождей через некоторое время толпу удалось успокоить.

Вопрос об обвинении Агилмунда в поджоге был снят. Вернее, его замяли. И возвратились в прежней теме: насилию над тиви мирного вождя. Совету были повторно предъявлены доказательства: меч, пояс и прочее, взятые Стайной с места преступления. Как обвиняемый собирается объяснить этот факт?

Да легко.

— Купался я,— равнодушно сказал Коршунов.— Все знают: я люблю купаться.

Тут он сделал паузу, чтобы обитатели бурга вслух подтвердили это заявление. Пусть привыкают реагировать словом «да» на его высказывания.

— Вчера купался,— продолжил он, получив «подтверждение».— А кто-то вещи мои украл.

Тут Алексей сделал паузу. Чтобы у слушателей успела зародиться мысль, что раз вещи украдены, значит, нынешний их обладатель — вор. Но не настолько длинную паузу, чтобы Алексея успели перебить.

— Да, украл. Но не думаю, что это был почтенный Стайна. Да, я знаю, что желанны для Стайны мои богатства, но не стал бы он их воровать. Разве может украсть уважаемый всеми мирный вождь Стайна? Разве кто-то осмелится сказать, что Стайна — вор? Нет, не может украсть мирный вождь Стайна. Но напутать — может. Вот однажды он уже напутал, когда судил меня за то, что защитил я свою квено Рагнасвинту. Но понял вовремя мирный вождь Стайна, что ошибается. И не вутья тот, кто защищает свою квено, а правильный муж. Понял — и изгнал Алзиса, посягнувшего на чужую тиви. Умен Стайна, а умному человеку не стыдно признать, что он ошибается. Вот и сегодня вновь напутал Стайна с ямой, пожаром и всем остальным. Думается мне, именно вора, мои вещи укравшего, Стайна в своей яме держал и думал, что я это. Но я не сержусь. Наоборот, спасибо тебе, Стайна, что сохранил мои вещи. Что лежат они сейчас у всех на виду. А ведь мог бы сказать Стайна, что сгорели они... А сейчас я хочу их забрать.

В первую очередь Алексея интересовал пистолет.

— Нет, пусть пока полежат,— возразил Стайна.— Потому что эти вещи я сам взял у тебя, когда ты меня бесчестил, на мою тиви возлегши! И в том у меня свидетели есть!

Все, дипломатические экивоки кончились. Пошла игра в открытую.

Из «группы поддержки» мирного вождя выдвинулся Хвитс. Один. Почему один? В то время как в «захвате» принимали участие минимум трое... Остались в резерве или...

Тут Коршунов сообразил, почему «отсутствуют» двое других.

— Свидетели? — усмехнулся он.— Да? Пока я вижу только одного твоего прихвостня, Стайна. А где остальные?

— Сгорели,— буркнул Стайна.— В моем доме.

— Какой удачный пожар,— усмехнулся Алексей.— Как раз те сгорели, кто должен был свидетельствовать против меня. А может, больше никто из твоих людей, Стайна, не согласился соврать по твоему приказу?

— Хвитс! — гаркнул Стайна.

— Призываю богов в свидетели! — рявкнул Стайнов слуга.— Я видел, как этот Аласейа возлежал с тиви Стайсой!

— А я...— Коршунов тоже повысил голос,— призываю богов в свидетели того, что ты — лжец!

Краем глаза он увидел, как напряглось лицо Книвы. Обеспокоился парень: как боги отреагируют?

Боги, естественно, молчали. Гром с ясного неба не грянул, и солнышко светило по-прежнему ярко.

— Голос Аласейи — против голоса Хвитса,— громко произнес Одохар.

— И еще — мой голос! — заявил Стайна.

— Ты не можешь свидетельствовать,— холодно произнес Одохар.— Ты — хранитель Закона.

— В этом деле — нет! — выкрикнул Стайна.— В этом деле я не хранитель Закона, а тот, чья честь затронута.

— Ты сказал? — осведомился Одохар.

— Да! — Стайна кивнул Вилимиру.

Но тот не успел подать голос. Поднялся «первосвященник» Овида, скрестил могучие руки на груди.

— Я буду хранителем Закона! — гулким басом ухнул он, и по толпе прокатился одобрительный ропот. Действительно, кто как не верховный жрец достоин...

Стайна, который явно рассчитывал «провести» на место судьи своего «заместителя» Вилимира, бросил на жреца сердитый взгляд, но протестовать не посмел. Овида был в большом авторитете и не демонстрировал явно свою приверженность Одохару. А то, что они часто общались, никого не удивляло. Главному жрецу и военному вождю есть что обсудить.

— Хорошо,— бросил Стайна.— Мой голос, голос Хвитса и голос моей тиви — против голоса Аласейи. Стайса!

Два охранника Стайны помогли женщине протиснуться сквозь толпу, чье возбуждение нарастало с каждым мгновением.

— Этот человек свершил над тобой насилие? — строго произнес Стайна.

Женщина бросила быстрый взгляд на Коршунова, потупилась и чуть заметно кивнула.

— Так было! — торжественно произнес Стайна.— Станешь ли ты, Аласейа, утверждать, что эта женщина возлегла с тобой добровольно?

— Нет,— мрачно ответил Коршунов.

Он помнил, что ему говорили о местном законодательстве.

— Он признал свою вину! — торжественно провозгласил Стайна.— Овида! Что гласит Закон?

— Постойте! — сквозь толпу протискивался Ахвизра с двумя герулами. Они приволокли кого-то, с расквашенной физиономией. Приглядевшись, Коршунов не без труда узнал в избитом того мужичка «в войлочной шапке». Но сейчас головного убора на нем, конечно, не было.

На герулов народ взирал неодобрительно, на мужичка — с интересом.

— Ты, Стайна, служишь ромлянам! — гаркнул Ахвизра.

Мирный вождь прищурился и скривил губы в усмешке. Он не собирался оправдываться. И это была верная политика, потому что народ встретил заявление Ахвизры без доверия. Смешками.

Но Ахвизра уступать не собирался.

— Вот этот человек взял у тебя послание для ромлян! — заявил Ахвизра.— Он этого не отрицает. А ты?

— Что — я? — Глазки Стайны совсем утонули в сале щек.

— Ты не отрицаешь, что дал этому человеку послание, чтобы тот передал его герулам, а те — ромлянам? Вот это послание! — Ахвизра взмахнул над головой трофейным манускриптом.

— Где ты это раздобыл, Ахвизра? — спокойно спросил Стайна.

— Я дал ему! — заявил Скулди.— Я отнял его у твоих посланцев и отдал его Ахвизре. Ты предатель, Стайна! Этот человек,— Скулди пнул избитого,— сказал, что получил его от тебя! И не раз получал! Ты предупредил ромлян о великом походе! Ты повинен смерти, Стайна!

Толпа отреагировала очень неодобрительно, и Ахвизра похлопал Скулди по плечу: притормози немного.

— Не тебе, герул, решать на нашем тинге! — заявил Стайна.

— Ты прав,— неожиданно поддержал его Одохар.— Но мне хочется услышать, Стайна, что написано в этом послании. Ты ведь не отрицаешь, что это *твое* послание? Или отрицаешь?

— Не отрицаю,— охотно согласился Стайна.

«Уж очень легко согласился,— подумал Коршунов.— Потому что он уверен, что мы не сможем прочесть написанное? Или потому, что в письме не содержится никакой компрометирующей информации».

— Да, я знаю, что написано в этом послании,— сказал мирный вождь.— Потому что его писала моя тиви Стайса, а я говорил ей, что писать. И ты прав, Ахвизра, это послание ромлянину. Моему *рабу*-ромлянину, который торгует моими товарами и тем, что принадлежит бургу. В нем написано, что мой раб должен продать и что должен купить. Ты сказал, Ахвизра, что я служу ромлянам. Но ты ошибся. Это мой раб-ромлянин служит мне. Пусть тот из вас, кто способен прочесть послание, сделает это и тем докажет мои слова.— Он неожиданно повернулся к Скулди: — Я слыхал, что ты, герул, знаешь по-ромлянски и по-эллински. Читай же!

— Я не умею читать их руны,— неохотно признался Скулди.— Язык понимаю, да. И ромлянский, и аттическое наречие, на котором говорит твоя тиви. Но рун не знаю.

— Что ж,— усмехнулся Стайна.— Тогда тебе, Одохар, придется *поверить* мне. А сейчас хочу, чтобы Овида все-таки сказал свое слово. Коли уж этот человек, Аласейа, чьей удачей так хвалился уважаемый Одохар, прилюдно признал, что совершил насилие над моей тиви...

— Ничего я не признавал! — воскликнул Коршунов, которому неожиданно пришла в голову новая мысль.— Я лишь признал, что твоя тиви возлегла со мной не по собственному желанию!

Над тингом прокатился ропот. Коршунов их заинтриговал. Но он не спешил объяснять свои слова. Пусть интрига созреет.

— Сейчас ты скажешь, что это боги повелели тебе возлечь с моей тиви! — усмехнулся Стайна.— Похоже, ты совсем не боишься богов, Аласейа. Я думаю, ты просто глуп.

— А я думаю, что это ты глупец, Стайна, если сравниваешь себя с богами! — возразил Коршунов.— Потому что это ты, Стайна, велел своей тиви возлечь со мной! Станешь ли ты это отрицать?

— Не стану,— сказал Стайна.— Твой разум помутился, и это всем ясно. Я не стану спорить с помешанным. Зачем мне отдавать свою тиви такому, как ты?

— Затем, чтобы сорвать великий поход, задуманный Одохаром! — торжественно провозгласил Коршунов.— Затем, что ты служил и служишь ромлянам, Стайна! Затем, что это ромляне подарили тебе тиви Стайсу, мирный вождь Стайна!

Толстяк пожал плечами — мол, на такой бред и возразить нечего. Но «картинка» уже сложилась в сознании Коршунова. Очень логичная картинка.

— А подарили ее тебе ромляне для того...— Алексей сделал театральную паузу,— чтобы она записывала тайные послания на своем языке. Послания для ромлян. Послания, которые никто не сможет прочесть.

Стайна улыбнулся. Персонально Коршунову.

«Говори, родной, говори. Выговорись как следует перед тем, как тебя привяжут за ноги к лошадиным хвостам. Все равно *никто* не сможет прочесть то, что написано в письме. А без этого все твои заявления — пустое сотрясение воздуха».

«Если это письмо и впрямь всего лишь указания приказчику — я пропал»,— подумал Коршунов. Но отступать ему было некуда.

— Но ты ошибся, Стайна! — провозгласил Алексей.— Я *могу* прочитать твое письмо!

Стайна вдруг напрягся, бросил быстрый взгляд на Анастасию. Та ответила ему еле заметным отрицательным движением головы: подтвердила, что Коршунов ни бум-бум в греческом.

Но этот обмен знаками принес Коршунову немалое облегчение. В письме точно что-то было.

— Я не знаю этого языка,— заявил Алексей.— И тебе это известно, Стайна. Но я *знаю* эти руны. И я смогу сложить из них слова. И думаю, слова эти будут понятны Скулди. И Скулди переведет их всем.

Глава сорок вторая

Алексей Коршунов. «Марку Аврелию Клавдию, легату в Мезии...»

« — от вождя славных гревтунгов — привет!» — произнес Коршунов. И понял, что начало послания в переводе не нуждается.

Но тем не менее Скулди «перевел» его со всем старанием.

Письмо было написано по-латыни, но греческими буквами. Ну, блин, шифровальщики!

Пока Коршунов разбирал следующий кусок, перекрывая сдержанный ропот собравшихся, подал голос Фретила:

— Не знали мы, Стайна, что у тебя в рабах сам повелитель Мезии. То-то не хочешь ты, чтоб мы на ромлян в поход шли. Еще обидим твоего *раба*-ромлянина ненароком.

— А верно! — поддержал отца Агилмунд.— Коли ты так велик, Стайна, может, без битвы одаришь нас ромлянскими богатствами.

— Лучше — землей,— сказал один из старейшин. Его Коршунов видел на вчерашнем совете у Одохара.— Говорят, за Данубием[1] земля хороша.

Лицо мирного вождя стало мрачнее тучи.

— Дальше,— потребовали из толпы.— Аласейа, дальше толкуй, что там сказано!

«Надо же! — подумал Коршунов.— Какое доверие к печатному, вернее, написанному слову! Как это знакомо. И никто даже не усомнился, что я читаю правильно. Знал бы раньше...»

Он откашлялся и произнес следующую фразу, на этот раз совсем непонятную, но Скулди перевел ее без особого труда. И дело пошло.

«Марку Аврелию Клавдию, легату в Мезии,— от вождя славных гревтунгов — привет! Сообщаю тебе, что грозные соплемен-

[1] Данубий — Дунай.

ники мои вкупе со свирепыми герулами кровожадного рикса Комозика имеют намерение с наступлением осени вновь нарушить установленные границы между нашими землями. Я же, как и было уговорено между нами, и как и положено мне по моему высокому рангу мирного вождя, блюду мир между нами и, как и ранее, прилагаю все силы, чтобы весь могучий народ гревтунгов не принял участия в этой войне. Тех же немногих, кто осмелится переплыть Данубий или же достичь побережья Эвксинского Понта, ты, мой уважаемый друг, встреть как подобает и избей полностью и беспощадно, ибо это те, кто причиняет беспокойство не только тебе, но и твоему другу мирному вождю Стайне. Позже я извещу тебя о времени и численности сего войска, а также о том, какой путь они изберут, чтобы нарушить твои границы».

Несколько раз Коршунова прерывал ропот собравшихся, но Одохар поднимал руку — и ропот стихал. Никто, даже явные сторонники Стайны, не пытались поднять бучу. Вероятно, и им было интересно, что еще поведает их лидер «своему другу» римскому легату.

«...Прежде я уже сообщал тебе о павшем с небес вместилище с двумя существами, именующими себя героями из Байконура. Ныне одно из существ пропало в квеманских лесах, а другое намеревается возглавить непотребное действо, кое худшие из моих соплеменников именуют „великим походом". Называет себя существо сие „Аласейа", что на языке нашем обозначает „Великая вода", а настоящее его имя — эллинское и звучит „Алексий", а отца этого существа именуют „Виктор", что и вовсе есть имя ромлянское. И слава сего Аласейи в народе велика, а ярость против ромлян — еще более велика, и многие пойдут за сим Аласейей и великий ущерб причинят твоей провинции, а возможно, и всей вашей земле, поскольку подозреваю я, что сей Алексий, сын Виктора,— из числа внутренних врагов вашего Императора. Но ты, друг мой Марк Аврелий, можешь быть уверен, что твой друг Стайна сделает все, чтобы устранить сего Алексия, хотя задача сия тяжела, ибо безмерно хитер и могуч сей герой. Надеюсь, и ты, друг мой, не оставишь Стайну, мирного вождя славных гревтунгов, в своей поддержке и не допустишь, чтобы алчные торговцы ваши брали мои товары по тем ценам, что дают герулам, а давали за мои кожи и воск настоящую цену и день-

гами, и тканями, и всем, чем столь щедро обеспечена ваша славная Империя».

Ниже следовал отпечаток стилизованной лошадиной головы — личная печать Стайны.

Скулди произнес последние слова, и над тингом нависло напряженное молчание.

Нарушил его рикс Одохар.

— Что скажешь, Стайна? — жестко произнес он.— С твоих ли слов это написано?

— Ложь это! — выкрикнул Вилимир.

И, смешавшись, опустил голову под тяжелым взглядом Одохара.

— Да,— медленно проговорил Стайна, неторопливо окинув взглядом замершую толпу.— Да, это написано с моих слов. Я знаю, что делаю. Я, мирный вождь, знаю, что лучше для нашего народа. Не воевать. Разве бург не стал богаче с тех пор, как я стал вождем? Разве кто-то умер от голода? Разве мой суд хоть раз был неправеден? Ты, Одохар, хочешь воевать. И рикс герулов Комозик тоже хочет воевать. Мирный вождь герулов не хотел — и Комозик убил его. Ты тоже хочешь убить меня, чтобы я не мешал тебе воевать, потому что в войне приумножается твоя слава и твое богатство. Но в мире приумножается богатство всех гревтунгов. Поэтому легат Аврелий — друг гревтунгов, а ты, рикс Одохар,— нет.— Голос Стайны постепенно набирал силу, и никто не осмеливался его прервать.

«Он выкрутится!» — подумал Коршунов с ужасом и восхищением одновременно.

— Я хочу, чтобы каждый славный гревтунг стал богат и дети его не умирали голодными зимами. Я хочу, чтобы сыновья отцов жили и благоденствовали, а ты хочешь, чтобы их убивали ради твоей славы, Одохар!

— Ты стар, Стайна! — закричал Ахвизра.— А я молод! Я хочу славы, а не твоего жирного брюха!

— Твои родичи, Ахвизра, тоже хотели славы,— спокойно ответил Стайна.— Где они нынче?

— В Вальхалле! — воскликнул Ахвизра.

— Возможно,— согласился Стайна.— Но здесь ты — последний в роду, Ахвизра. И сыновей у тебя нет. Ты пойдешь за славой — и найдешь ее. Возможно. А твой род исчезнет, и неко-

му будет помянуть твоих предков, Ахвизра. Кто хочет для своего рода такой славы? Кто?

Ответа не было. Даже Ахвизра молчал.

— Вот правда,— сказал Стайна.— Одохар возьмет ваших сыновей и поведет их на ромлян. И ромляне убьют их. Как уже убивали. Даже если ты вернешься со славой и добычей, Одохар, ты оплатишь ее кровью гревтунгов. Поэтому я не хочу твоего большого похода, Одохар! — Мирный вождь повернулся к вождю военному.— Ромляне и так дадут нам все, что мы пожелаем. И не потребуют цену крови. Вот правда, которую ты не желаешь видеть, Одохар. Но тинг ее услышал.

— Да,— спокойно отозвался Одохар, и Алексей понял, что рикс нисколько не обескуражен речью противника.— Я услышал твою правду. Но почему я услышал ее только сейчас, когда тинг узнал о твоих сношениях с ромлянами?

— Я всегда был против похода. И этого, и прошлого. И тебе это известно! — с достоинством произнес Стайна.

— Да. Ты не хочешь нашего похода. И твой друг, римский легат, тоже не хочет нашего похода. Он не просто похода гревтунгов не хочет, а удачного похода гревтунгов. Он совсем не против, чтобы наша кровь пролилась на берегах Данубия, но он не хочет, чтобы наши сундуки наполнились ромлянскими сокровищами, чтобы мы все одевались в ромлянские ткани, как одеваешься ты, Стайна, хранитель Закона, более озабоченный не правдой, а умножением собственных богатств. И чтобы наш поход не был удачным, римский легат готов уделить тебе, Стайна, толику того, что мы бы отняли у него силой. А ты, Стайна, готов заплатить ему за это нашей кровью, кровью тех, кто пойдет в этот поход и угодит в сети ромлян, которые связал для них ты, Стайна! Ты великий торговец, Стайна, потому что заплатил ромлянам за свое нынешнее богатство кровью тех, кто ходил со мной в прошлый поход! Но тебе мало, и теперь ты опять готов заплатить ромлянам нашей кровью за свой барыш! Ты получишь золотом за кровь тех, кто пойдет со мной, попадет в ловушку, подстроенную ромлянами с твоей помощью, Стайна! Вот настоящая правда, и ты — не хранитель Закона, а торговец кровью гревтунгов!

— Но это ты поведешь их на смерть! — закричал Стайна.

— Да! Я! Я поведу их! И моя кровь прольется рядом с их кровью! А ты останешься тут, в безопасности. Ты — не грев-

тунг! Ты не славный охотник, что берет кабана на копье, рискуя жизнью. Ты — трупный червь, который жиреет на отбросах! Кабан ли убьет охотника, или охотник — кабана, трупный червь всегда в выигрыше. Ты червь, Стайна! Опарыш! Слушайте меня, люди! Хотите, чтобы опарыш был вашим вождем? Чтобы славные законы гревтунгов сменились законами опарышей?!

— Ты лжешь, Одохар, бешеный волк! — заорал, надрываясь, Стайна, и его сторонники тут же подхватили лозунг своего вождя.— Ромляне втопчут тебя в грязь! Тебя и Комозика! Вся твоя удача — чужак из железного горшка! — Он театрально выбросил руку, указывая на Коршунова.— Вся его удача — бесчестить чужих женщин!

Тысячная толпа с удивившей Коршунова быстротой разделилась на две примерно одинаковые части. Многие столь же быстро похватали оставленное поблизости оружие...

«Мой выход!» — подумал Коршунов, выдергивая из-за пояса ракетницу и нажимая на спуск.

Грохнуло. Красная сигнальная ракета с шипением прочертила дымную полосу над головами сторонников Стайны.

Конечно, они не разбежались в ужасе. И даже особенно не испугались. Но своей цели Алексей достиг: на пару секунд все участники назревающей драки закрыли рты и уставились на него.

— Прежде чем резать друг друга, славные гревтунги,— надменно произнес Коршунов в наступившей тишине,— спросите у хранителя Закона, что есть правда!

От подобного заявления опешили даже сторонники Стайны.

Только Вилимир с детской непосредственностью заявил своим зычным голосом:

— Но ведь хранитель Закона уже сказал!

— Нет,— качнул головой Коршунов.— Сказал тот, кто недавно прилюдно отказался от того, чтобы его считали хранителем и судьей. *Хранитель Закона Овида, скажи: в ком правда?*

Овида, который все это время неподвижно сидел на земле, скрестив ноги, неторопливо поднялся. Неспешно огляделся, тронул золотой амулет на груди, прикрыл глаза... А потом произнес четко и так громко, что его услышали абсолютно все:

— Прав Одохар!

Глава сорок третья

Книва. Новый вождь

И едва вымолвил эти слова Овида-жрец, как у всех, кто вокруг Стайны стоял, руки опустились. И многие из них от Стайны отошли, только те остались, кто ему родич, кто в доме его жил и кто от богатства его кормился. Но из последних тоже многие отошли, потому что вспомнили: негоже хранителю Закона богатством расти. Мирный вождь не для того поставлен, чтоб богатства множить, а чтоб обычай беречь. Потому сразу все поняли, что не прав Стайна. А Одохар прав, потому что вождь военный для войны избирается: чтобы врагов бить, славу множить и добычи ратной полные возы нагружать. Потому прав Одоха́р, что в большой поход зовет, а Стайна не прав, когда походу этому противится.

Так складно разъяснил все Овида-жрец, словно боги ему в уши шептали. А может, и шептали, кто знает?

И еще сказал Овида-жрец, что нельзя больше Стайне мирным вождем быть, потому что неправильный он вождь.

Тут кое-кто закричал: «Нет! Стайна хорош!»

Но Овида рявкнул, как он один умеет, так, что в чреве у тебя все переворачивается и уже ни спорить, ни ратоборствовать не хочется. И сказал Овида: кто не согласен — пусть выйдет и встанет перед тингом, как Аласейа — небесный герой стоит, тот, что в гневе огонь мечет и от чьей ярости земля, как сырая хвоя, дымится. Пусть встанет да и скажет громко: не прав Овида! Не ты — новый хранитель Закона, прежним хранителем Стайной объявленный! Не ты — хранитель Закона, а я!

Никто не вышел.

Может, кто из молодых, дерзких и встал бы, да всем молодым Овида воинское посвящение дал. Им с Овидой спорить — не удаль, а позор. И закричали люди: «Ты — хранитель Закона, Овида! Ты — мирный вождь наш!»

Но не захотел Овида быть мирным вождем.

— Меня боги избрали им служить,— сказал он.— А вы, люди, другого изберите! Вот того же Фретилу. А я, *временный* хра-

нитель Закона, свое право судить и обычаи наши от пращуров беречь — ему отдаю.

И простер руку к Фретиле и провозгласил:

— Встань, Фретила, хранитель Закона!

И встал Фретила. И закричали все, что хотят его мирным вождем. А Книва стоял и не знал: радоваться ему или печалиться. Потому что знал: крут нравом отец его Фретила, суровым он будет вождем. И не важно, что Книва теперь у Одохара в дружине. Скажет Фретила: нужен мне Книва в бурге — и останется Книва в бурге. И без него в большой поход пойдут.

Алексей Коршунов

Это был блестящий ход, и Алексей не без гордости думал, что именно он подсказал его Овиде. Но и Овида не сплоховал. И даже походя комплимент Коршунову отвесил: насчет огненного гнева. Хотя Алексей был абсолютно уверен, что жрец прекрасно знает источник «огненной ярости».

На Стайну было жалко смотреть. Он собственными руками передал другому меч правосудия. А когда пожелал вернуть его обратно, получил шиш.

Более того, стоило Овиде открыть рот и объявить порицание Стайне, как «группа поддержки» последнего мигом растаяла. Причем отошли от него даже его личные дружинники.

А уж когда Овида во всеуслышание объявил, что должность мирного вождя для него — *понижение*, Алексей тут же мысленно окрестил жреца «серым кардиналом». И еще более Коршунов утвердился в этой мысли после того, как тот провел в «мэры» Фретилу. Спору нет, Алексеев тесть — человек авторитетный, и Одохар его поддерживает...

Коршунов бы очень удивился, узнав, что Одохар вовсе не стремился увидеть Фретилу в роли мирного вождя. То есть Фретила, конечно, лучше Стайны, и род его накрепко связан с Одохаром, и править с ним вдвоем... В том-то и дело, что вдвоем. А Одохар хотел бы — один. Как Комозик. Фретила — друг. Но упрям и себе на уме. И обычай старый хорошо помнит. А по старому обычаю мирный вождь *выше* вождя военного.

Глава сорок четвертая

Алексей Коршунов. «Подарок» Стайны

Тинг прошел. Народ разъехался. Стайна перестал быть вождем. Но к некоторому удивлению Коршунова, никаких дисциплинарных мер к бывшему мирному вождю применено не было.

Народ разъехался, но не весь. Кое-кто из молодых, желавших принять участие в большом походе, остался. Их сразу отдали под начало Ахвизры. Муштровать. Уровень подготовки ополчения примерно соответствовал уровню, который был у Сигисбарна до начала спецкурса у старшего братца. В течение ближайшего месяца должны были подтянуться и остальные, от пяти до десяти сотен. Точно никто не знал, поскольку участие в походе — дело добровольное. Зато с припасом проблем не было. Бургские закрома, спасибо Стайне, были полны, да и ополчение прибывало не голышом, с амуницией и провиантом. Набор был типичный: копье, щит, боевой топор, нагрудник из толстой кожи, шлем. У некоторых еще и луки. Многие — верхом. Припасы везли на фурах. Те, что были с конными, а не воловьими упряжками, должны были тоже принять участие в походе. Три бургские кузницы работали круглосуточно: не все ополченцы были полностью экипированы, и те, у кого была возможность, желали сменить прадедовское копье на более современное. Или поменять кожаный или бронзовый шлем на железный. Никакого единообразия не было и быть не могло. О своем вооружении каждый заботился сам. Но Алексей имел возможность оценить воинственность «славных гревтунгов»: ни один из ополченцев не явился с косой или «домашним» топором. У всех было боевое оружие, пусть и разного качества. А кое у кого даже мечи имелись.

Единственное, что было поставлено из рук вон,— тактическое взаимодействие. Да и вообще любое взаимодействие. Оно ограничивалось тем, что группа родичей старалась держаться вместе. Ни регулярного строя, ни даже простого понятия о боевом построении. Индивидуально — да. Индивидуально каждого натаскивали управляться с оружием и быстро бегать с полной выкладкой или скакать верхом, по возможности не падая с коня. Но, с точки зрения Коршунова, это было не вой-

ско, а вооруженная толпа. Даже личная дружина Одохара была не лучше. Но Алексей помалкивал. И изо всех сил совершенствовался во владении холодным оружием. Придет время (хочется верить!) и для большего, а пока следует научиться работать железом не хуже риксовых дружинников. Хотя бы не хуже. А сейчас в дружине Одохара была по крайней мере дюжина бойцов, в единоборстве с которыми Алексею, что называется, ловить нечего. И еще с полдюжины — в дружине мирного вождя Фретилы. И человек пять — из охранников Стайны, которые остались с прежним лидером, несмотря на утрату им полномочий. Почему бы и нет? Даже перестав занимать «государственную» должность, Стайна продолжал оставаться самым богатым человеком в бурге. И по-прежнему почти вся торговля бурга шла через него. Коршунов попробовал обратить на это внимание тестя, но оказалось, что Фретила полностью в курсе и, более того, сам попросил Стайну вести торговые дела бурга, поскольку у бывшего вождя это получается очень хорошо. Святая простота! Втолковать Фретиле, что укрепление Стайны подтачивает его собственную власть, было невозможно. Ну как же! Фретилу ведь *избрали* в вожди старейшины гревтунгов! А Стайна — кто? Да никто он теперь!

Даже Одохар, который был существенно дальновиднее Фретилы, вдруг взял да и помирился с бывшим соперником. Какие-то у них совместные делишки завелись... Словно и не было противостояния на тинге. Словно бы и не уличили Стайну публично в шпионаже в пользу вероятного противника. Бред какой-то! И об Анастасии ничего не известно...

Зато Рагнасвинта ходила счастливая и еще более важная: непраздна! Но для Коршунова ее беременность — лишний повод для беспокойства. Следовало ожидать, что при здешнем уровне медицины роды — довольно рискованная процедура. С другой стороны, народ тут на удивление здоровый, а женщины весьма плодовиты. Не захирел еще генофонд. Да и как ему захиреть, если все слабое на корню отсекается. Ладно, с этим, скорее всего, обойдется. Но Анастасия...

Тревожно было Коршунову. И обратиться за помощью было не к кому. Скулди опять уплыл домой. Агилмунд... Агилмунду Стайна кольчугу подарил. Дивной работы, двухслойную, с зерцалом золоченым, а на зерцале — зверь страшный, элефант называемый. О!

Точно, элефант. Коршунов поглядел на великолепную чеканку, изображавшую голову слона с задранным хоботом, и понял, что просить родича прояснить ситуацию с Настей не стоит. Не поймет его родич.

Пришел корабль, который был торжественно обещан Коршунову Одохаром. Корабль — громко сказано. Пятнадцатиметровая лодка на шесть пар весел, выдолбленная из цельного ствола, с короткой мачтой и двумя рулями: один — на корме, другой — на носу. Флагман победоносной флотилии Одохара. Смешно, ей-богу. Ну да, по речке и на таком плыть можно. Но если рикс планирует на ней морскую экспедицию совершить... Черное море — оно, конечно, не Тихий океан. Но Коршунов помнил, какие там шторма в октябре-ноябре бывают. На этаком корыте — только крабов кормить.

Короче, не радужное было настроение у небесного героя Аласейи. Но он не предавался унынию. Гонял себя до двенадцатого пота. Осваивал арбалет, который ему сделал Травстила по черепановскому (эх, Генка!) заказу. Убийственная машинка получилась. Коршунов сварганил к нему что-то типа прицела. После трехдневной тренировки Коршунов научился попадать за сто шагов в неподвижную мишень величиной с ладонь. А с оптикой, в качестве которой служил подсоединяемый монокуляр,— вдвое дальше. Правда, если сильного ветра не было. Грозное оружие получилось, покруче ТТ. Хорошо бы еще по движущимся мишеням потренироваться... Скоро такая возможность представится. Одохар на днях большую охоту запланировал. Облавную. С практической целью: пополнить продовольственные запасы военной экспедиции. Об этом Коршунов от Книви узнал, а тот — от Ахвизры. Самого же Алексея как-то от дел «высшего командования» мягко отодвинули. Обидно. Все-таки это благодаря ему и шпионскую сеть разоблачили, и Стайну скинули, и Фретила в вожди вышел... Фретилу, впрочем, тоже к разработке будущих военных планов не привлекали. Зато Овида-жрец постоянно возле Одохара отирался, кардинал серый, мать его... Может, это он рикса против Коршунова настраивает? Очень может быть. Не зря же и Травстила Алексея сторониться стал. А ведь какие у них с кузнецом совместные планы были по совершенствованию вооружения...

Коршунов упражнялся с мечом во дворе, когда прибежал мальчонка с вестью от Книвы.

Остановился, запыхавшийся, в пыли, но проникнутый важностью поручения.

— Аласейа, Книва сказал: от Стайны бабу привели. Поганку ромлянскую. Одохар ее казнить будет. Книва за тобой послал! Вот!

Коршунов, как был, босиком, без рубахи, с мечом в руке,— так и кинулся со двора. Пронесся по узкой улочке — встречные шарахались в испуге. Еще бы! Голый, красный, разъяренный герой с оружием наголо!! Кто-то крикнул сзади: «За риксом послать! Вутья!»

Алексей выскочил на площадь из боковой улочки — прямо в толпу. Расталкивая бесцеремонно, протиснулся вперед...

«Не успел!» — мелькнуло в голове.

Дружина рикса стояла в две шеренги. Сам Одохар — у крыльца дружинного дома. Вокруг, в беспорядке — толпа.

А его Настя, в изодранном платье, со связанными руками, уже бежала... Убегала! Все быстрее... Кожаный ремень, натянувшись, увлекал ее за всадником, за конем, который шел пока еще крупной рысью, а не галопом, потому что в бурге тесно, не разогнаться в бурге, зато за воротами... Окровавленная мертвая кукла, волочащаяся за скачущим конем, подпрыгивающая на буграх, бьющаяся о камни...

Настя споткнулась...

— Аласейа! — закричал кто-то, но Коршунов уже отшвырнул стоявшего на пути дружинника, другой сам отпрыгнул, увидев обнаженный клинок.

Чья-то рука цапнула Коршунова за руку, но соскользнула с потной кожи.

— Стой! — закричал он по-русски, забыв, что понять его не смогут.— Стоять, сука!

Всадник оглянулся: лицо знакомое, кто-то из Стайновых... Скривил рожу, хлестнул коня, Настя снова споткнулась (у Коршунова захолодело внутри), но сумела, выправилась...

Алексей на бегу метнул меч, целя в спину всадника. Он не думал о том, что потом придется отвечать за убийство. Он знал только одно: *это* надо остановить. Копьем Алексей попал бы, но меч — не копье. Коршунов промахнулся. Зато без меча он побежал быстрее. А всадник, наоборот, сбавил, въезжая в проулок...

Алексей успел в последний момент, обогнал Настю, перехватил ремень и тут же уперся, рванул на себя, уже жалея, что бросил меч и перерубить ремень нечем. Конь дернул — их швырнуло в сторону, ударило о бревенчатую стену. Настя вскрикнула.

Всадник еще раз обернулся: Коршунов признал его: Хвитс! Ну сука...

Слуга Стайны ощерился, попытался развернуть коня, но в проулке было слишком тесно. Конь ударил задними ногами — Алексей увернулся и использовал рывок для прыжка. В следующий миг он уже сидел на крупе позади всадника, выворачивая у него из руки нож.

Хвитс бешено сопротивлялся, конь под ними, стиснутый между стенами, бился и лупил копытами в бревна. Больше всего Коршунов боялся, что они свалятся оба и конь понесет, увлекая за собой Настю.

Хвитс держался на лошади крепко, как клещ, и изо всех сил лупил Коршунова локтем левой руки. Но Алексей боли не чувствовал, жал, пока в правой руке врага не хрустнуло. Пальцы Хвитса разжались.

Коршунов перехватил нож и полоснул по ремню... И в этот же момент Хвитс изо всех сил ударил пятками в брюхо коня, и тот рванулся вперед.

Алексей не удержался, полетел на землю и так треснулся спиной, что воздух из легких выбило напрочь, а в глазах потемнело.

Прошло, наверное, несколько секунд, пока в голове у него прояснилось.

Первое, что он увидел: маленькая ножка Анастасии, разбитая до крови, и пара кожаных шнурованных сапог сорок пятого размера.

В следующий момент Алексея схватили за руки и рывком поставили на ноги. Коршунов узнал одного: дружинник Одохара, из молодых, и еще двое незнакомых. Алексей криво усмехнулся... И тут же получил кулаком в живот.

Бил незнакомый. Перекошенная от ярости рожа... Коршунов не стал разбираться, из-за чего его так невзлюбили. Он сделал вид, что удар «прошел»: разинул рот, задержал дыхание... И очень качественно заехал агрессору в пах. Потом влепил пяткой в свод стопы (жаль, что босиком!) одного дружинника,

треснул затылком в нос второго, вырвался и обнаружил, что к нему бегут, с самыми черными намерениями, еще человек десять. Он глянул на Настю: женщина пришла в себя и отползла к стене. Хорошо, может, не затопчут. И как назло, ничего подходящего, даже палки кривей...

Хорошо хоть, то были не дружинные. Но их было много и все как на подбор — крепкие ребята. За ножи не хватались: орудовали кулаками и дубьем, поэтому секунд десять Коршунов выстоял, даже ухитрился вырубить парочку... А потом в толпе мелькнуло оскаленное бешеное лицо Агилмунда...

«Теперь все!» — подумал Алексей, на собственной шкуре узнавший, на что способен старший брат Книвы.

Это было действительно все. Потому что вокруг сразу стало совсем пусто. Нападавшие отпрянули, как стая шавок при появлении волка.

— Ну зачем ты прибежал? — проворчал Агилмунд, покосившись на Коршунова через плечо.— Какой дурак тебя позвал?

Коршунов промолчал.

Так они и стояли вдвоем, у бревенчатой стены, пока, раздвинув толпу, к ним не вышел Одохар.

— Отойди от него, Агилмунд,— бросил рикс.

Агилмунд подчинился, но уронил многозначительно:

— Аласейа — мой родич, рикс!

Вождь кивнул.

Ясно, что Агилмунд — в своем праве. Родича следует защищать всегда. Независимо от обстоятельств. Сначала защитить, а потом разбираться, кто прав.

Вперед протиснулся Ахвизра, за ним — Книва. Встали за спиной Одохара. За ними — еще с полдюжины дружинников. Выстроились цепью. Толпа охотно подалась назад, уступая место профессионалам. Многие из добровольных помощников правосудия уже испробовали на себе коршуновские кулаки.

Алексею почему-то вспомнилось, как он точно так же прижимался к стене, когда его пытались убить из-за черепановского Буратино. Тогда он был — один против всех. А сейчас...

— Почему ты не дал ее казнить, Аласейа? — строго спросил рикс.— Ты, мой дружинник, поступил против моего слова...

— Почему ты не позвал меня, вождь? — непочтительно перебил его Коршунов.— Почему ты решил казнить ее, не спросив, что я об этом думаю?

— Потому что я — рикс,— сухо ответил Одохар.— Этого достаточно.

— Есть закон,— напомнил Коршунов.— И есть судья в бурге.

— Не для моей рабыни, чья вина объявлена.

— Она — твоя рабыня? — изумился Коршунов.

— Моя,— сказал Одохар.— Стайна подарил ее мне. Он знал, что она недолго проживет в моем доме. Ее вина известна. И тебе, Аласейа, она тоже известна. Эта женщина предавала всех. Она умрет.

— Нет! — перебил Коршунов.— Она не умрет. И я хочу, чтобы ее вина была объявлена при мне! Потому что я не знаю за ней такой вины, за которую следовало бы казнить только ее! Подумай, Одохар! Крепко подумай!

— Ты мне угрожаешь? — совершенно будничным голосом поинтересовался Одохар, но Алексей не обманулся. В этот миг его жизнь висела на волоске.

Краем глаза он увидел, как Агилмунд, будто невзначай, положил руку на оголовье меча, покосился на Ахвизру, потом повел глазами в сторону Книвы...

Вновь накатило теплое чувство: свои — рядом и защитят. Сейчас. А что — потом?

— Я *прошу*, вождь Одохар,— спокойно и веско уронил Коршунов.— Ты — рикс. Но я хочу услышать тебя и хочу быть услышанным. Разве это не мое право?

Одохар медлил...

Он был неглуп. И умел при необходимости обуздывать свои чувства. Среди его соплеменников это было довольно редкое качество. Коршунов знал, что нужен Одохару. Но не настолько, чтобы ради этого ронять свой авторитет. В конце концов, под парусами цвета снега и крови не обязательно должен стоять небесный герой Аласейа. Героя не будет, но шелк останется. С другой стороны, Аласейа — не просто небесный герой и кувшин с удачей. Он еще и родич мирного вождя (ох, не зря Одохару не понравилось избрание Фретилы!), и родич первого из его дружинников, и... Нет, придется сохранить Аласейе жизнь. Пока. Но у Одохара хорошая память и хорошее терпение. И он дождется времени, когда можно будет расквитаться с собственным дружинником, который из-за бабы пошел против своего вождя!

— Хорошо,— кивнул рикс.— Ты услышишь, в чем ее вина. Но она умрет, если ты не убедишь меня, Аласейа, в том, что этой женщине стоит сохранить жизнь. Я дал тебе слово, что ты пойдешь со мной в поход на ромлян. Но твоя смерть освободит меня от моего слова.— Тут он не сдержался, бросил презрительно: — Если ты желаешь умереть *вместе с моей рабыней* — ты умрешь. Агилмунд, забери эту женщину и проследи, чтобы она не сделала еще какую-нибудь гадость. А ты, Аласейа, вернись домой, приведи себя в подобающий вид. Потом приходи — я тебя выслушаю.— Одохар сделал знак, чтобы Коршунову вернули меч.— И не разбрасывайся больше моими подарками,— добавил вождь.— Не то у меня пропадет желание что-то тебе дарить.

Глава сорок пятая

Алексей Коршунов. «Подарок» Одохара

Они собрались в доме Одохара. В большой комнате на первом этаже, где висели посеченные щиты Одохаровых предков, а у холодного очага расположились и мрачно взирали на гостей закопченные истуканы местных богов. Собрались втроем: Одохар, Агилмунд и Коршунов. Неглупо со стороны Одохара. Если Коршунов скажет лишнее, то этим еще более восстановит против себя Агилмунда.

Старший сын Фретилы уже высказал Коршунову все, что он думал по поводу его поведения на площади. И напомнил, что род, принявший Аласейю, может точно так же и выкинуть его к чертовой матери.

— Это не тебе решать! — запальчиво выкрикнул Книва, который при любых обстоятельствах неизменно принимал сторону Аласейи.— Не ты старейшина!

— Не я,— согласился Агилмунд.— Фретила. Но Фретила велит Аласейе забыть об этой женщине и принести подарок Одохару за нанесенную обиду. Ведь Аласейа не позволил Одохару наказать свою собственную рабыню. А когда Аласейа откажется выполнить волю старейшины (а он откажется, верно?), то, дурачок Книва, отец наш изгонит его наверняка! Мне по сердцу

твой буйный нрав, Аласейа! Но вижу, что ты прикипел сердцем к этой тиви, а она хитра, как лиса, и глядит сразу на четыре стороны. И ты не смиришь ее, как смирил сестру нашу Рагнасвинту, потому что даже Стайне не удалось ее смирить, а Стайна — покрепче тебя.

— Не уверен.— Коршунов усмехнулся. Он уже успокоился. И нисколько не жалел о том, что сделал. Потому что действовал правильно. По-черепановски. Сначала любыми средствами пресечь агрессию и сохранить жизнь любимой женщине. Ну а потом можно и подумать, как договориться с Одохаром. Тем более, кое-какие идеи у Алексея имелись. О том, как повернуть дело так, что не только о рабыне заботился небесный герой, но еще и об успехе будущего похода. А заодно показать Одохару, что Алексея можно использовать не только в качестве знамени и вождь совершенно напрасно «вычеркнул» его из списка своих советников.

Вот поэтому сейчас перед риксом сидел не тот Аласейа, который противостоял вождю на площади, а совсем другой. Дружелюбный и рассудительный.

— Итак, в чем же ее вина, *мой* рикс? Уж не в том ли, что по воле своего повелителя эта женщина писала письма нашим врагам? Или, может быть, ее вина в том, что она, опять-таки по воле своего *тогдашнего* повелителя Стайны, возлегла со мной, чтобы погубить и меня, и себя, и наш поход? Давай забудем о том, что она же и спасла меня. Забудем об этом и станем помнить только о ее вине. Да и есть ли вина? Можно ли наказывать рабыню за повиновение хозяину, если сам хозяин остается безнаказанным? Разве по Закону хозяин не отвечает за действия своего раба? Если убийца твоего родича пришлет тебе свой меч, которым совершил убийство, неужели ты согласишься покарать меч вместо убийцы?

— Если меч достоин того, чтобы стать верегельдом, конечно, я его возьму,— не задумываясь, ответил Одохар.— Это справедливо. Но я понимаю тебя, Аласейа. Я не могу покарать Стайну, потому что этому еще не пришел срок. Вот когда мы вернемся с победой...— тут он оборвал себя и вернулся к прежней теме.— Стайна — змея. И он прислал мне не меч, а свой ядовитый зуб!

— Вот и отлично,— заметил Коршунов.— Почему бы нам самим не использовать этот зуб? Я говорю сейчас не о тиви Ана-

стасии, рикс, а о ядовитом зубе. Почему бы нам не смочить его ядом свои стрелы?

Одохар покачал головой:

— Это стрела, которая ранит не только врага. Даже Стайне она служила скверно. Даже хитреца Стайну она предала, когда ей представилась возможность.

— То есть ты хочешь наказать ее за то, что она пришла мне на помощь? — осведомился Алексей.— Не только мне — нам?

— Я вижу,— сказал рикс,— что эта женщина очаровала тебя. Она умрет, и чары спадут.

— Эх, Одохар...— Коршунов покачал головой.— Неужели ты забыл, *кто я*?

— Даже бога можно очаровать,— вмешался Агилмунд.— А ты точно очарован, Аласейа! Вот скажи, как рикс может *использовать* эту рабыню, кроме как на своем ложе?

— Скажу,— усмехнулся Коршунов, хотя мысль об Одохаре и Насте — в одной постели — ему совсем не понравилась.— Скажу. Например, она может написать письмо ромлянам, с которыми так дружен Стайна.

— Она уже написала,— буркнул Агилмунд.— Предлагаешь отправить ее послание ромлянам?

— Предлагаю,— кивнул Коршунов.— Только не то, а другое. В котором будет написано, что мы погрязли в распрях. Что Одохар с Комозиком сцепились и не пойдут в поход. Или еще лучше: напишем, что поход будет. Что несметная сила собирается вторгнуться в империю, и ромлянам следует собрать побольше войск, чтобы встретить нас...

— Это еще зачем? — возмутился Агилмунд.

«Все-таки для начальника контрразведки мой шурин слишком простодушен,— подумал Коршунов.— Скулди уже догадался бы».

— А потому, что мы в послании укажем одно место вторжения.— Алексей усмехнулся.— А сами ударим совсем в другое. И ромлянских войск там уже не будет. Угадай — почему?

— Неплохо.— Рикс оценил идею раньше Агилмунда.— И поэтому ты не дал мне ее убить?

— Не только.— Коршунов улыбнулся.— Но разве настоящий воин способен забыть о славе ради женщины? Но если вместе с женщиной выплескиваешь из чаши победу... *Нашу* победу, рикс!

Одохар покачал головой.

— Ну и родич у тебя, Агилмунд,— заметил он.— Воистину хитрее ромлянина.

— Скажи это Скулди,— отозвался старший Фретилыч.— Ему понравится. Он только и знает, что ромлянских хитростей искать.

— И он прав,— жестко, совсем другим тоном произнес рикс.— Теперь мы это знаем. Он прав, и ты прав, Аласейа. Этой женщине стоит сохранить жизнь. Ты нашел слова, которые меня убедили.

Поздним вечером того же дня, когда на подворье Фретилы, куда Алексей с Рагнасвинтой заглянули патриархально поужинать, псы во дворе залились лаем, а в ворота кто-то постучал.

Книва, младший из мужчин, пошел открывать. Минуту спустя он появился, растерянный и озабоченный.

— Аласейа! Тебе дар от рикса!

Тут он посторонился, пропуская внутрь еще одного человека.

В сенях было темно, но Коршунов узнал бы ее даже в абсолютной темноте.

Рикс Одохар нашел, как использовать ядовитый зуб и при этом самому уберечься от яда. И вдобавок отблагодарить дружинника за перспективную идею. Он всегда был практичен, военный вождь гревтунгов.

Единственное, что поначалу беспокоило Коршунова: как отнесется к «подарку» Рагнасвинта. Но Алексей беспокоился зря. Его *квено* отнеслась к появлению у мужа *тиви* вполне одобрительно. Как и положено по местным нравам. Чем больше у мужика наложниц, тем выше его статус. А чем выше статус мужа, тем выше он и у жены. А жена у Аласейи только одна — Рагнасвинта.

Вместо эпилога

«Чтобы главное помнить и чтоб все остальное забыть...»

Это были слова из какой-то совсем старой песни. Коршунов стоял на носу собственного корабля, чудного судна с дву-

мя носами, выдолбленного из цельного древесного ствола. Над головой Алексея вздувался пузырь из парашютного шелка, «небесный парус цвета снега и крови». Парус первого из двадцати трех таких же корабликов. То был «победоносный флот» славного рикса Одохара. Его сухопутная армия — четыре с половиной сотни всадников, примерно столько же пехоты и длинная вереница фургонов — двигалась сушей. По местным меркам, то была грозная армия, и здесь, на герульских землях, ее сопровождал полусотенный отряд дружинников рикса Комозика. Так, на всякий случай. Предупреждать местных жителей, что не враг идет, а союзник. Да и самому союзнику тоже время от времени не вредно напомнить, что он — *союзник*.

Коршунов стоял на носу и зорко высматривал мели, которых здесь, в устье, было немало. У него было отличное настроение, потому что жизнь была прекрасна и удивительна. Потому что у него была Анастасия, а все проблемы бурга в бурге и остались. Единственное беспокойство — будущий поход. Настя многое успела рассказать Алексею, пока их неторопливые корабли плыли вниз по реке, которую Настя называла — Борисфен. Она многое рассказала ему, прекрасная гречанка из римской провинции Сирия. О себе, о своей жизни, о виллах из мрамора и светлого туфа, о праздниках, о мудром философе из Александрии, о том, как по приказу Императора убивали христиан, и о том, как убивали в великом городе Риме самого Императора. Это был рассказ о жизни великолепной греческой гетеры, чья судьба была так похожа на судьбу ее родины, проглоченной римским львом и привнесшей в Империю Силы и Закона толику Мудрости и Красоты. Греция дала Риму то, что наполняет жизнь воина смыслом. То же давала сейчас Коршунову Анастасия. Но не только это. Слушая ее, Алексей зримо представлял себе мир, в котором она жила. Мир Великого Рима. Великолепный Колизей, раскинувшийся на полконтинента. И «великий» поход варваров теперь казался Алексею походом кучки обнаглевших муравьев, вознамерившихся захватить пятидесятитысячный стадион в разгар финального матча.

Но сегодня был последний день их плавания по спокойной реке, называвшейся ТАМ, откуда пришел Алексей, Днепром. И в этот последний день, прежде чем солнце миновало макуш-

ку неба, Коршунов изменил свое мнение. И изменил его потому, что за очередной излучиной взгляду его открылось потрясающее зрелище. Огромное поле, сплошь заставленное шатрами и палатками, заполненное телегами и загонами для лошадей и скота, кишащее людьми... Такого столпотворения он не видел еще с ТЕХ времен, и Алексея проняло. И он наконец понял, почему рикс гревтунгов Одохар называл будущий поход Великим.

Конец первой книги

Постскриптум

На просторной поляне неподалеку от заросшего лесом пологого холма расположилось около двух десятков вооруженных людей. Бóльшая часть их отдыхала, меньшая несла караул у двух больших клеток, связанных из ошкуренных древесных стволов. В клетках сидели двое голых мужчин. По одному — в каждой. Они были похожи, эти двое: оба невысокие, мускулистые, с квадратными лицами. Разве что у одного волосы светлее и не так густо покрывали тело, как у второго.

— Ты кто? — спросил тот, что посветлее.— Ху а ю?

— Эго? — спросил второй.— Я? Я — кентурион[1] первой когорты первого фракийского легиона Гонорий Плавт Аптус. Ты понимаешь латынь?

Первый мотнул головой:

— Латынь — нет. Тебя — да, кентурион Плавт.

— А тебя как звать? — Кентурион дополнил вопрос жестом.

— Геннадий. Подполковник Геннадий Черепанов.

— Геннадий Кереп... Как?

— Черепанов. Церебра...— Мужчина постучал себя по голове.

— А-а! Череп! Понимаю! — Римлянин ухмыльнулся, и его собеседник тоже ухмыльнулся. Очень похоже.

Их настроение не понравилось одному из сторожей.

---

[1] Ошибочно принято читать латинское «с» как «ц». Отсюда цесарь, Цицерон, центурия. Но большинство специалистов полагает, что правильнее читать ее как «к».

— Молчать! — крикнул он и совсем уже собрался ударить светловолосого древком копья, но встретился с ним глазами... И передумал.

— Что, Череп, пришло наше время умирать? — спросил римлянин.— Верно?

— Мори? Нет! — Светловолосый мотнул головой.— Не знаю, как ты, а я бы еще пожил! Эго витус, Гонорий! Эго...— Он на секунду задумался, подыскивая подходящее слово... Спирометр... Респиратор...— Эго спира, Гонорий!

— О-о! — Кентурион засмеялся.— Славно, Череп! У тебя отвратительная латынь, но я вижу: ты философ. Dum spiro, spero![1]

— Примерно так.— Геннадию была знакома эта поговорка.

— А как насчет этого? — Римлянин похлопал по деревянной решетке.

— Это? Это — ерунда! — по-русски сказал Черепанов и показал, как ломает палку о колено.— Вот с этими,— жест в сторону караульщиков,— посложнее.

Кентурион понял.

— Я бы с ними разобрался,— сказал он на своем языке.— Будь со мной мой меч...

— Гладиус не обещаю,— по-русски отозвался его собеседник.— Но что-нибудь мы тебе подберем, Гонорий Плавт. Что-нибудь подходящее... Мы еще с тобой повоюем. Милито, Плавт! Пара беллум!

— Я-то всегда готов, Череп,— отозвался римлянин.— Лучше умереть в бою, чем сдохнуть у ног их поганых богов!

— Нет,— покачал головой подполковник Черепанов.— Это — не лучше. Лучше — когда они сдохнут, а вот мы с тобой еще поживем немного...

[1] Пока дышу — надеюсь.

РИМСКИЙ ОРЕЛ

Часть первая

КЕНТУРИОН

Malum nessesarium[1].

[1] Malum nessesarium *(лат.)* — необходимое зло.

Глава первая,

в которой подполковник ВВС Геннадий Черепанов пробует себя в роли квеманского пленника

Все-таки с ним обошлись деликатно. Не убили, костей не переломали, никакого членовредительства. Синяки и ушибы — мелочь. А вот он обошелся с ними менее деликатно. Нет, взяли его грамотно, Черепанов не мог этого не признать. Зажали щитами и треснули обушком по макушке. Правда, не учли, что пистолет — идеальное оружие ближнего боя. Прорваться Геннадий не смог, но три раза пальнуть успел. Рукотворные гром с молнией в трепет его противников не привели. Но выводы были сделаны. Довольно неприятные для Черепанова выводы. Впрочем, разве сам Геннадий несколько дней назад не объяснял своему космонавту-исследователю, как настоящие дикари реагируют на «колдовство»?.. Но могло быть и хуже. Это он по личному опыту знал. Был в биографии подполковника такой эпизод: две недели в южноамериканской сельве. Решил, блин, подзаработать. Подрядился во время отпуска продемонстрировать российскую технику на заморском рынке. Теплый океан, экзотика, метиски-мулатки — и еще деньги платят весьма приличные. И машина знакомая — «МиГ-25». Черепанов на них начинал. На «МиГ-25УБ». Учебно-тренировочном. Хорошая машина «МиГ-25», скоростная, маневренная. С «сушками» последними, конечно, не сравнить, но для семидесятых-восьмидесятых — очень даже неплохо. По отечественным правилам на демонстрационных полетах особо выпендриваться не положено. Держаться уровня летчика «средней» квалификации. Да Черепанов и не выпендривался. Никаких закритических углов атаки, все скромненько. Разогнал до «сверх-

звука» (этой модели — это еще даже и не скорость) — сдох правый движок. Черепанов бы и на одном дотянул, но тут еще с гидравликой неполадки пошли... Короче, пришлось катапультироваться. Потом говорили: диверсия. Но Геннадий эту версию не поддерживал. Полагал: техники облажались. Машина старая, налетано на ней было — будь здоров, поизносилась птичка. Ясно было только: вины летчика в катастрофе нет. Но каково самому летчику, оказавшемуся в диких горах, в трехстах километрах от ближайшего населенного пункта... На крыльях-то — пустячок. Десять минут лету. А пешочком...

Нахлебался, одним словом. Вспоминать не хочется. Хуже только в Африке было, когда его двойка F-16 УРом достала.

В общем, грустно это, когда небо из подвластной тебе стихии вдруг становится недоступным пространством над головой. Но бывают вещи и погрустнее. Например, когда тебя смазывают патокой и голышом кладут на срезанную макушку муравейника.

На сей раз с Черепановым обошлись не так сурово. Правда, раздели и выпачкали какой-то липкой дрянью. Но исключительно из желания обезвредить опасного «чародея». К сожалению, господа квеманы «магическими» мерами безопасности не ограничились, но вдобавок очень качественно спутали Геннадия ремнями и спеленали сетью. Так что весь немалый путь от поселка до спрятанных в дремучей чаще дикарских святынь подполковник проделал будучи подвешенным между двумя шестами, опиравшимися на крепкие квеманские плечи. Хорошо еще, что липкая дрянь, которой его щедро умастили, насекомых отпугивала. Иначе совсем кисло пришлось бы.

Путешествие в «люльке» заняло три дня. Причем каждый вечер местный шаман старательно проводил над спеленатым Черепановым «обезвреживающие» процедуры — окуривал, тряс перед носом подполковника черным посохом, украшенным змеиными головами... Он же раз в день поил Геннадия сладковатым отваром и кормил жидкой болтушкой. Остальные квеманы старались держаться от «колдуна» подальше. Двое их товарищей, пострадавших от «злого волшебства», извергнутого пистолетом Токарева, уже отбыли в лучший мир. Третий, получивший сквозное ранение плеча, имел все шансы поправиться. Последнее шаман считал личной заслугой и доказательством того, что его волшба сильнее «огненного колдовства» Черепанова, о чем неод-

нократно сообщал пленнику. Пленник помалкивал, полагая, что скромность в данном случае — лучшая политика.

На четвертое утро шаман счел, что пленник уже достаточно безопасен, чтобы передвигаться самостоятельно. А может, носильщики утомились. Так или иначе, но Черепанова «распеленали», связали руки за спиной, накинули на шею петлю, конец ремня вручили шаману, и дальше Геннадий двигался самостоятельно. А если, по мнению шамана, пленник делал это недостаточно проворно, шаман слегка подбадривал его «змеиным» посохом. Но делал это беззлобно, исключительно по необходимости. Вообще, шаман обходился с Геннадием по-человечески. Обнаружив, что пленник сбил ноги, сплел для него обувку вроде лаптей, старые и новые царапины и ушибы тщательно обрабатывал. И не забывал вести «душеспасительные» разговоры о том, что против могучих квеманских богов злое колдовство Геннадия — мышиный помет, не более. Польза от этих увещеваний была очевидная: Черепанов обучался местному языку, который, как ни странно, почти не отличался от того, на котором говорили в поселке.

Так проходил день за днем. Леса сменялись болотами, а болота — лесами. Мелкие речушки пересекали вброд, крупную (похоже, это был Днестр) — переплыли на плотах. Черепанов делал, что говорили, агрессивности не проявлял. Глупо лезть в драку, когда ты связан, а противников больше двух дюжин. И вооруженных к тому же. Шанс еще представится, хотя на помощь со стороны рассчитывать не стоило. Правда, поселковые, как выяснилось из квеманских разговоров, сумели отбиться. Хочется верить, что и Леха уцелел. Нелегко парню придется, но ничего. Должен справиться, толковый. Жаль, конечно, что так вышло. Зря Черепанов той ночью за похитителями поперся. Геройство взыграло, противника недооценил. И попал, как кур в ощип. Однако еще не вечер. Русского космонавта за здорово живешь не забодаешь. Еще повоюем.

Добрались. Славное такое местечко: остров посреди великолепного синего озера. На острове — холм. На холме — частокол. На частоколе — выставка черепов.

К холму, впрочем, Геннадия не допустили. Переправили на плоту через озеро и привязали растяжками к двум соснам. Под контролем полной дюжины очень внимательных копейщиков. Вспомнили, блин, о мерах предосторожности. Черепанов даже по-

жалел, что не попытался удрать по дороге. Тогда все-таки был какой-то шанс... Правда, совсем маленький: если для Черепанова лес был плацдармом для выживания, то для квеманов — домом. Не говоря уже о том, что за несколько переходов до острова к его конвою присоединились еще трое: зверообразного вида охотник в шкурах и две разнокалиберные, но знающие дело собачки. И та, что покрупнее и полохматей, смахивающая на очень грязную южно-русскую овчарку, решила, будто Черепанов нуждается в ее личном присмотре. В общем, до прибытия на остров Геннадий ничего не предпринял, а после побег стал и вовсе невозможен.

Заботившийся о Черепанове шаман куда-то сгинул. Зато появился кузнец и приклепал к ноге Геннадия браслет из толстого железа, соединенный цепью с еще более толстым обручем, обвившим сосновый ствол.

И началась у подполковника омерзительная жизнь цепного волка. Для утоления жажды — озерная водичка, для утоления голода — однообразная болтушка из репы и плохо протертого зерна. Хорошо хоть лето, тепло.

Развлечений никаких, поговорить не с кем, поскольку караульщикам беседовать с пленником было либо запрещено, либо боязно.

Время от времени с холма, из-за частокола, доносились какие-то вопли и завывания. По ночам, разумеется, а как же иначе?

Остров был довольно крупный: километра полтора в поперечнике, как прикидывал Черепанов. Постоянного поселения не наблюдалось, хотя оно могло быть по ту сторону холма или наверху, за частоколом. Охранники Геннадия обитали в нескольких шалашах неподалеку. Жили на подножном корму, и куда сытнее, чем пленник: дичь, рыба, грибы-ягоды. Ароматы из их «кухни» постоянно дразнили аппетит Черепанова. Но подполковник, хотя и любил вкусно покушать, в рабстве у желудка не состоял. И на караульщиков не обижался. Скорее всего, им приказали держать пленника на «облегченной» диете.

Черепанов вообще все эмоции отложил до поры до времени. Исходя из ситуации, он поставил себе предельно простую задачу: не опускаться и поддерживать форму. Исходя из возможностей: тщательно пережевывать все, что давали; мыться под дождиком; не менее десяти часов в сутки заниматься физическими упражнениями, но при этом не перегружаться, иначе на такой диете можно и ноги протянуть.

Караульщики на его гимнастику старались не смотреть. Полагали, видимо, что сие есть некое опасное волхвование. Но не препятствовали. Вероятно, потому, что команды не было.

Так прошло одиннадцать дней.

На двенадцатый день на остров заявился знакомый шаман. И не один, а с коллегами.

Черепанова опять взяли на растяжки: чтоб не трепыхался. Далее состоялся шаманий консилиум, в процессе которого подполковника тыкали различными предметами из дерева, металла и кости, изучали его физическое строение и даже реакцию зрачков на свет — путем принудительного поворачивания головы к солнцу.

Подполковник терпел, понимая, что бороться бессмысленно. Все это чем-то напоминало медкомиссию в том, потерянном времени. Зато «врачи» были несравненно колоритнее. Вместо фонендоскопов — ожерелья из волчьих зубов, вместо белых халатов — живописные одеяния из кожи и меха. Вот только с гигиеной у здешних «докторов» было неважно.

Обследование закончилось, и развернулась дискуссия. Ее предметом было: следует ли предъявить пленника богам немедленно или отложить это представление до некоего большого праздника. Скудный словарный запас подполковника не позволял уяснить детали, но суть была понятна. Главным сторонником первого предложения был знакомый шаман, главным противником — мерзкого вида дедок с лысой головой и метровой бородищей, в которой вши чувствовали себя достаточно вольготно и безопасно, чтобы время от времени выбираться из «зарослей» на променад.

Знакомый шаман настаивал, что пленник есть великий колдун. Дедок возражал, что по всем внешним признакам пленник вовсе не колдун, а просто ловкий мошенник. Но из дальних краев.

С полчаса обсуждалось предложение: не освободить ли пленника, чтобы тот сумел проявить свой дар? Лысый дедок утверждал, что легко нейтрализует любого колдуна, тем более шарлатана.

Знакомый шаман возражал, напоминал насчет метания грома, от которого умирают в муках вполне квалифицированные воины.

Из этого Черепанов сделал вывод: связь между «громом» и пистолетом его захватчиками не установлена.

Лысый дедок заявлял, что лично его «громом» не прошибешь. И никого не прошибешь, если он, дедок, поблизости.

Геннадий многое отдал бы за возможность проверить, достаточно ли наглый шаман квалифицирован, чтобы отбить пулю лысиной. Но сейчас он мысленно поддерживал линию старого пердуна.

«Давайте, ребята, освободите меня, и я вам такое „колдовство" покажу...» Тем более до озера — метров пятьдесят, не больше.

Еще один «консультант» подал альтернативное предложение: спутать Черепанова цепями и бросить в озеро. Дескать, против огненного колдовства вода вполне убережет, тем более когда испытуемый — в железе. Ну, а ежели клиент утопнет, то, значит, не такой уж он грозный чародей, как утверждают некоторые.

Предложение вызвало бурную дискуссию. Главным доводом против было вполне резонное замечание, что ежели пленник — обычный человек, то он, будучи утоплен, утонет. Причем совершенно бесполезно, так как время для ублажения Хозяина озера нынче самое неподходящее. А заполучить неуправляемого утопленника, да еще чужого и на весь квеманский народ обиженного, и вовсе нехорошо.

Наконец лысый дедок выродил уточнение: утопить, но слегка. То есть притопить немного, да и поглядеть, чего будет. А если в процессе эксперимента выяснится, что Черепанов — человек, то есть явно станет клиент загибаться, то вытащить испытуемого, откачать и использовать в дальнейшем с максимальной эффективностью.

Геннадий слушал сей спор несколько отстраненно: словно бы и не о нем речь. Но когда его «отсоединили» от деревьев и принялись вязать, Черепанов сопротивляться не стал, поскольку бесполезно. Зато украдкой сделал гипервентиляцию легких, так что когда его со всеми предосторожностями погрузили в озеро, спокойно опустился на песочек, расслабился и попытался получить от вынужденного купания удовольствие.

В такой ситуации что главное? Не нервничать и не напрягаться. Тогда и потребление организмом кислорода сводится к минимуму. Это первое. А второе — подавить естественный дыхательный рефлекс, связанный, как известно, с накоплением в организме углекислоты.

Посему Геннадий выждал пару минут (с его объемом легких — пустяк), а потом очень медленно начал выпускать воздух, еще более расслабляясь и стараясь впасть в состояние, какое йоги называют шавасаной, или в просторечии «позой трупа». А трупу, как известно, воздуха и вовсе не требуется...

В общем, его вытащили раньше, чем он нахлебался воды.

Положили обсыхать на песочек и возобновили дискуссию.

Проведенный эксперимент удовлетворительного результата не дал. Лысый по-прежнему настаивал, что пленник — человек. Выдающийся, бесспорно. И потому необычайно ценный, поскольку, ежели такого отправить к богам с конкретным посланием, то послание это он непременно до божественных ушей доведет и на своем настоит.

Старый приятель Черепанова продолжал утверждать, что пленник — колдун. Просто нынче не в форме благодаря тому, что лично он, шаман-профессионал, пленника обезвредил. А посему следует немедленно представить пленника *настоящим* богам. Во избежание неприятностей.

Победил лысый. Как более авторитетный.

Представление отменили, и подполковника снова водворили на цепь.

Положительным результатом консилиума можно было считать то, что после испытания кормить подполковника стали значительно лучше. И охрана стала вести себя более раскованно. Это, впрочем, ничего не изменило. Порвать голыми руками дюймовой толщины железо, пусть даже и скверного местного качества, было невозможно.

Так прошло еще десять дней. А потом у Черепанова появился сосед. «Коллега».

Глава вторая,

в начале которой квеманскому пленнику предоставляется персональное жилище, а в конце которой у подполковника появляется сосед

В этот день Геннадия переселили. Утречком с холма спустились три пожилых шамана в полном боевом, увешанные ожере-

льями, талисманами и прочими блестящими побрякушками, как новогодние елки.

Затем притащили охапку прутьев и жердей, из которых десяток квеманов попроще быстренько сварганили что-то вроде клетки. Вернее, двух клеток — примерно три на три метра каждая. Жерди для прочности связали между собой ремнями из вымоченной кожи. Прилично получилось. Крепко. У Черепанова немедленно возникли нехорошие предчувствия насчет предназначения данных изделий.

Когда закончили строители, за дело взялись шаманы. Разожгли костерок, набрали водички в кожаные ведра. Вскипятили водичку древним способом — закидывая в ведро раскаленные камни. Загрузили в кипяток всякой дряни... Запах от супчика пошел такой, будто собачье дерьмо варили, но шаманов сие не смутило. Когда супчик дозрел, они подхватили по венику типа банного, окунули в варево, окружили клетки и заголосили в три глотки, щедро кропя изделия кипяченными помоями. Впрочем, пением дело не ограничилось — дошло до пляски. Плясали шаманы, надо признать, лихо. Несмотря на почтенный возраст. Активно и долго. В результате совсем умаялись и, побросав метелки, повалились на землю кто где стоял.

Охрана Черепанова и строители восприняли сие как должное. И трогать священнослужителей не стали. Зато тронули Черепанова. Пока он, не подозревая худого, взирал на таинственный процесс, один из воинов тихонько подкрался сзади и подло огрел Геннадия дубиной по голове. Или не дубиной. О том, какой предмет был использован, подполковник мог только догадываться, поскольку отключился мгновенно.

А очнулся он уже в сумерках. Внутри одной из клеток. С большой шишкой на затылке, зато без железки на ноге.

Очнулся как раз вовремя, чтобы увидеть прибытие волокуши с «пассажиром».

С первого взгляда можно было понять, что прибывший не относится к привилегированным классам квеманского общества. Да и вообще к сему племени вряд ли принадлежит: обошлись с ним довольно грубо — в точности как с Черепановым. Треснули по голове обмотанной кожаным ремнем дубинкой и в бессознательном состоянии загрузили в соседнюю клетку.

Рассмотреть соседа Черепанову толком не удалось, потому что совсем стемнело.

Спалось подполковнику неважно. Видимо, даже гранитная выдержка летчика-космонавта имела предел. И этот предел был уже близок. Даже обычная установка Геннадия: принимать как данность то, чего не в состоянии изменить, есть все, что дают, и спать, когда больше нечем заняться,— старая и проверенная установка, выработанная еще в курсантские времена,— начала давать сбои. Не спалось. Мучила какая-то неопределенная... нервность. Смутное беспокойство. Ожидание нехорошего. Вернее, совсем скверного. В сочетании с полной беспомощностью.

А рядом возился, стонал, ругался на знакомом, но непонятном языке собрат по несчастью... Тоже не лучшее снотворное.

Утром, однако, настроение неожиданно улучшилось. Во-первых, солнышко согрело черепановские косточки. Во-вторых, завтрак оказался довольно приличным. В-третьих, Геннадий еще до завтрака изучил свое новое жилище и решил, что если очень приспичит, сможет его покинуть. Пара жердин была явно тоньше прочих, и, скорее всего, подполковнику по силам их сломать. В-четвертых, Черепанов наконец разглядел своего соседа, и сосед ему понравился. И симпатия, очевидно, была взаимной. А раз так, то неплохо было бы установить с ним контакт.

Глава третья,

в которой подполковник ВВС знакомится с «коллегой» из вооруженных сил Великой Римской империи

Они были похожи, эти двое: оба невысокие, мускулистые, с широкими квадратными лицами, казавшимися еще шире из-за отросших бород. Разве что говорили они на разных языках, да у одного волосы светлее и не так густо покрывали тело, как у второго.

— Ты кто? — осведомился Черепанов, сопроводив слова жестом.— Ху а ю?

— Эго? — спросил второй.— Я? Я — кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт. Примипил Плавт. Ты понимаешь латынь, варвар?

Первый мотнул головой:

— Латынь — нет. Тебя — да, кентурион Плавт. И я не варвар.

— Ха! Я готов спорить... А, неважно! Тебя как звать, друг? — Кентурион тоже дополнил вопрос жестом.

— Геннадий. Подполковник Геннадий Черепанов.

— Геннадий Череп... Как?

— Черепанов. Церебра...[1] — Геннадий постучал себя по голове.

У него был некоторый запас латинских слов. Примерно на половину машинописной странички. В основном состоящий из популярных латинских изречений, коими подполковник Черепанов любил иногда щегольнуть. В той жизни. Вот и пригодилось невинное хобби. Хотя то, что говорил этот курчавый крепыш, подполковник скорее угадывал, чем понимал. Так на ковре «угадываешь» мысли противника. Тем легче, чем больше противник похож на тебя.

— А-а! Череп! Ясно! — Римлянин ухмыльнулся, и его собеседник тоже ухмыльнулся. Очень похоже.

Четверо караульщиков-квеманов слушали их беседу равнодушно, а вот пятому общение пленников пришлось не по нраву.

— Молчать! — крикнул он и даже примерился ударить Черепанова древком копья, но... Встретился с ним глазами и передумал.

— Похоже, Череп, эти верзилы тебя побаиваются,— заметил кентурион.— Видно, ты, как и я, задал им хорошую трепку! — Плавт изобразил, будто колет мечом, а затем скорчил физиономию, какая бывает у человека, когда ему в живот втыкают клинок.

— Пусть рискнет здоровьем,— мрачно отозвался Черепанов.— Я ему руки выдерну раньше, чем он насадит меня на свой вертел. Меа глориа нон транзит.

— Да, Череп, ты прав. Пришло наше время умирать,— сказал римлянин.— Умрем же со славой, верно? Хотя, как сказано одним мудрым человеком: «Живой пес лучше мертвого льва».

Геннадий понял, мотнул головой.

---

[1] По-латыни — череп. Здесь и далее фонетика Черепанова не вполне соответствует «общепринятому» латинскому произношению. Хотя каким оно было, правильное латинское произношение,— можно только догадываться. Но латинское «с» скорее всего произносилось именно как «к». Сравните: caesar — кайзер, кесарь, цесарь...

— Melior est leon vivus canis mortuo![1] Не знаю, как ты, а я бы еще пожил! Эго витус, Гонорий! Эго...— Он на секунду задумался, подыскивая подходящее слово... Спирометр... Респиратор...— Эго спира, Гонорий!

— О-о! — Кентурион засмеялся.— Славно, Череп! У тебя отвратительная латынь, но я вижу: ты философ. Dum spiro, spero![2]

— Примерно так.— Геннадию была знакома и эта поговорка.

— А как насчет этого? — Римлянин похлопал по деревянной решетке.

— Это? Это — ерунда! — по-русски сказал Черепанов и показал, как ломает палку о колено.— Вот с этими,— жест в сторону караульщиков,— посложнее.

Кентурион понял.

— Я бы с ними разобрался,— сказал он на своем языке.— Будь со мной мой меч...

— Гладий не обещаю,— по-русски отозвался его собеседник.— Но что-нибудь мы тебе подберем, кентурион Плавт. Что-нибудь подходящее... Мы еще с тобой повоюем. Милито, Плавт! Пара беллум![3]

— Я-то всегда готов, Череп,— отозвался римлянин.— Лучше умереть в бою, чем сдохнуть у ног их поганых богов!

— Ты правильный мужик, Плавт,— сказал Геннадий.— Только немножко пессимист.

Кентурион засмеялся. Понял. Похоже, и с чувством юмора у него порядок. С чувством черного юмора. Внезапно Черепанов понял, что настроение его совершенно необоснованно поднялось на три позиции. Безо всяких на то объективных причин, лишь потому, что рядом появился этот римский сотник[4].

Летчики — суеверный народ. А космонавты — самые суеверные из летунов. Слишком многое по ту сторону атмосферы не поддается рациональному объяснению. С непредусмотренными факторами можно было бороться — используя наиболее про-

---

[1] Melior est leon vivus canis mortuo *(лат.)* — живой лев лучше мертвой собаки.

[2] Dum spiro, spero *(лат.)* — пока дышу, надеюсь.

[3] Готовься к войне. Часть известной латинской пословицы «Хочешь мира — готовься к войне». А также марка пистолета.

[4] Численность римской кентурии (центурии) колебалась от шестидесяти до ста человек.

стые системы, дублируя все, что можно... Но это далеко не всегда помогало. А бывали ситуации, когда даже двойное и тройное дублирование не защищало от случайностей, статистически маловероятных, но приводивших к катастрофическим последствиям. Посему летчик-космонавт Черепанов в случайности не верил, зато верил в благосклонность римской богини Фортуны. Нет, он не был фаталистом, во всем полагавшимся на Судьбу. Просто в список учитываемых управляющих факторов Геннадий включал эту самую случайность. Со знаком плюс или минус. Так что можно было надеяться, что серьезный парень Гонорий Плавт появился тут не затем, чтобы скрасить Геннадию последние часы.

— Нет, дружище,— сказал подполковник Черепанов.— Умереть с честью — не лучше. Пусть лучше они умрут с честью. А мы с тобой еще поживем немного...

Глава четвертая

Шаманский консилиум

Им дали пожить еще немного. Четверо суток. Дни подполковник тратил на беседы с соседом, ночи — на аккуратное и незаметное расшатывание слабых прутьев. Дело двигалось. Если бы еще хороший дождик прошел и ремни намокли, было бы вообще замечательно. Но дождя не было, а на четвертый день затишье кончилось. С самого утра на острове появились шаманы. Не меньше двадцати. Большинство тут же отправилось наверх, но пятеро двинулись к клеткам.

Предводительствовал совсем замшелый дед, опиравшийся на плечи двоих «подмастерьев», чьи физиономии были так густо исчирканы шрамами и татуировками, что от положенной по рождению внешности практически ничего не осталось. Зато на костях у парочки наросло столько мускулатуры, что с лихвой хватило бы на троих. Остальные шаманы были старыми знакомцами: один — личный «куратор» Черепанова, второй — лысый дедок, руководивший его «купанием». Но в отличие от того раза, лысый пальцев не гнул, держался скромно, только походя шуганул квеманов-караульщиков.

Здоровяки подвели патриарха к клеткам и почтительно отошли. Тот тяжело оперся на клюку и уставился на Черепанова. Глаза у дедушки были на удивление ясные, прозрачные и почти бесцветные. Две блестящие лужицы на длинной физиономии, состоящей из глубоких морщин и крючковатого носа, ниже которого располагалась серо-желтая длиннющая борода, заправленная за пояс. Голову деда украшала большая засаленная шапка, выглядевшая еще старше, чем ее владелец.

Патриарх с минуту созерцал Черепанова, потом точно так же уставился на римлянина.

— Как тебе экземпляр? — поинтересовался Геннадий. Он уже довольно бойко изъяснялся на латыни, дополняя ее русскими, немецкими и английскими словами. Какой-нибудь ученый-латинист из двадцать первого века вряд ли бы его понял, но кентурион понимал.

— Идеально подходит, чтобы портить воздух,— отозвался Плавт.— А вот его парней я бы купил. Крепкие сервы.

Дедуган притопнул посохом. Здоровяки подхватили его под руки и повели прочь.

Ни одного слова не было сказано.

Зато после ухода колдунов стража оживилась. Похоже, ребятки радовались, что их служба подошла к концу. Хотя, по мнению обоих пленников, стража не слишком себя изнуряла. Кентурион не единожды высказывался, как поступил бы со своими легионерами, ежели бы те так халатно относились к своим обязанностям. Душа профессионального вояки вскипала, замечая такое пренебрежение службой. Но даже такая халтурная работенка набила сторожам оскомину. И парни не скрывали удовольствия, что наконец все заканчивается и можно разъехаться по домам.

Итак, приближалось некое событие, после которого судьба пленников должна была резко измениться. И Геннадий не был столь наивен, чтобы рассчитывать, будто их освободят. По крайней мере добровольно.

Прошло совсем немного времени, и со стороны берега опять послышались голоса, плеск весел, а затем звук вытаскиваемых на песок лодок. Деревья заслоняли берег от узников, но нетрудно было догадаться, что на остров прибыла еще одна компания. И не маленькая.

— Похоже, нас ждут большие варварские *луди*[1],— заметил Плавт.— Не записали бы нас с тобой, Череп, в гладиаторы.

— Я думаю: дать нам оружие — будет очень большой ошибкой с их стороны. Ляпсус гигантус. Ошибка со смертельным исходом. Экситус леталис...

Латынь Черепанова вызвала у собеседника гомерический хохот. Стражники перестали болтать и с подозрением уставились на него.

Но тут же отвлеклись. На полянку гуськом вышла стайка молодежи. Дюжина парней и девчонок в самом расцвете юной красоты. Сопровождали их двое квеманов постарше, с длинными копьями, острия которых были зачем-то обмотаны тряпками.

Молодежь выглядела испуганной и возбужденной одновременно. Те, кто за ними присматривал, наоборот, пучились от важности.

Юные квеманы и квеманки увидели клетки и пришли в еще большее возбуждение. Несколько парней даже сунулись рассмотреть узников поближе. Их остановил окрик одного из опекунов.

— А, сладкие малышки! — воскликнул римлянин.— Череп, ты говоришь на их диком языке. Скажи: папа Гонорий хочет их всех!

Черепанов засмеялся.

— Ты ржешь! — недовольно буркнул Плавт.— А я так давно не имел женщины. Не удивляюсь, что бог-покровитель, счастливый Приап, лишил меня удачи. Год жизни отдал бы за час в паршивом лупанарии[2].

— А есть у тебя этот год? — осведомился подполковник.

Появились жрецы. Та самая тройка, которая около часа назад «освидетельствовала» Геннадия и римлянина. Но на этот раз они пришли не к ним.

Молодежь, рассевшуюся на траве, подняли и построили. Затем...

— Нет, это пытка,— пробормотал кентурион.— Клянусь чреслами Юпитера Капитолийского! И я должен на это смотреть... Только смотреть!

— Можешь отвернуться,— предложил Черепанов.

— Ну уж нет! — возмутился кентурион.— Сам отворачивайся, если желаешь.

---

[1] Луди (лат.) — игры.

[2] Лупанарий — бордель.

Но Геннадий тоже отворачиваться не стал. Собственно, никто из присутствующих на полянке мужчин не спешил отворачиваться, потому что зрелище шести девушек, сбрасывающих одежды, было достаточно увлекательно. Тем более что девушки были чрезвычайно молоды и действительно красивы. Юноши, впрочем, тоже были ничего, надо отдать им должное. Вполне соответствовали подружкам.

— Как думаешь, в царстве Орка[1] бабы есть? — сглотнув, спросил Гонорий.

— Скоро узнаем,— отозвался подполковник.— Если будешь думать фаллосом, а не головой.

— Я три месяца не был с женщиной, Череп! — возмутился Плавт.— Моему богу это не нравится. О чем они говорят?

Юношей поочередно подводили к «верховному» дедушке-шаману. Тот задавал им какие-то вопросы. Юноши отвечали. Но ни вопросов, ни ответов Черепанов расслышать не мог. После юношей наступила очередь девушек. Этих не столько спрашивали, сколько осматривали и ощупывали. Ничего эротического. Обычный медосмотр.

Караульщики у клеток тоже развлекались. Обменивались мнениями-предположениями насчет того, какую из девчонок и как долго они бы могли «развлекать». Постепенно голоса стали громче, дискуссия горячей. Спорщики хлопали себя по причинным местам, размахивали руками... Так увлеклись, что не заметили, как один из шаманов-здоровяков перестал исполнять роль подпорки патриарха и подошел к диспутантам.

Звук оплеухи прозвучал как пистолетный выстрел. Самый горячий спорщик отлетел шага на три, снеся по дороге рогульку с котелком. Его оппонент уставился на здоровяка... Получил в лоб, отлетел к клетке Черепанова, едва ее не опрокинув.

Остальные караульщики моментально заткнулись, и здоровяк с достоинством удалился.

Врезавшийся в клетку Геннадия квеман пытался встать, цепляясь за прутья. Черепанов взял его за локоть, помог. Квеман зыркнул злобно, выдернул руку и, пошатываясь, двинулся к своим... Не заметив, что одна из железных бляшек с его куртки осталась между пальцами узника.

[1] На том свете.

«Медосмотр» закончился. Молодежи позволили одеться. Подручные расстелили на траве оленью шкуру. Шаманы уселись на нее. Главному вручили мешочек, который архижрец долго и сосредоточенно тряс, затем высыпал его содержимое на шкуру. Что именно было в мешочке, подполковнику разглядеть не удалось: все трое служителей культа наклонились, изучая результат действий старшего. Затем последовало короткое совещание, после которого от общей группы отделили юношу и девушку. Двое с замотанными копьями увели избранников наверх, за частокол. Остальные нестройной гурьбой отправились к берегу. Похоже, они были разочарованы. И Черепанов очень скоро узнал почему.

Глава пятая,

в которой подполковник Черепанов получает предательский удар

— Вы оба — великие воины,— заявил шаман-куратор подполковнику.

Это случилось на следующий день.

— Что он говорит? — забеспокоился Гонорий.

— Говорит, что мы великие воины.

— Мозги у него варят,— одобрительно пробормотал кентурион.— Что дальше?

— Вам оказана великая честь,— продолжал квеманский жрец.— Одного из вас ждет великий путь!

Верховный шаман торжественно кивнул. Костяные бубенчики на его невообразимой шляпе звякнули.

— Не позднее чем солнце коснется края земли,— продолжал «опекун» Геннадия,— боги благословят одного из вас на великое дело. Переведи ему.

Черепанов перевел, насколько позволяли знания латыни.

— Звучит неплохо,— буркнул римлянин.— Пусть скажет, кого надо убить.

— Вы пришли из разных мест. Ты,— кивок на римлянина,— великий воин из великой империи. Ты,— жест в сторону подполковника,— великий герой из небесной страны.

«Надо же,— подумал Черепанов.— Работает разведка!»

— Сегодня, раньше, чем Даритель Жизни коснется Матери-Земли, будет зачат великий герой. Переведи ему.

Черепанов перевел. Менее цветисто и опустив насчет «небесного героя».

Кентурион ухмыльнулся.

— Еще лучше,— заявил он.— Зачать — это я с удовольствием! — И похлопал себя по мужскому достоинству.

Жест не остался незамеченным.

— Великий герой будет зачат,— торжественно проговорил шаман.— Но не тобой, чужеземец! Зато дух одного из вас войдет в чрево его матери, и рожденный из этого чрева будет повелевать племенами и править там, откуда вы, чужеземцы, родом. Он поведет за собой тысячи, и они пойдут за ним, и земли, где жили ваши предки, лягут под ноги наших воинов!

«Очень поэтично,— подумал Черепанов.— Только долгонько вам, ребята, придется идти!»

— Переведи ему! — повелительно произнес шаман.

Подполковник перевел.

Кентурион задумался. Было с чего.

А шаман продолжил. И хотя речь его дышала религиозным восторгом, Черепанов этого восторга не разделял. Равно как и Гонорий. Потому что суть сказанного сводилась к следующему.

Нынче великий день. День, в который, как уже сказано, будет зачат великий герой квеманского народа. Легендарный (в будущем) завоеватель. Отцом и матерью его станут безупречные во всех отношениях юные соплеменники шамана, прошедшие аттестацию и получившие сертификат качества от верховной шаманской коллегии во главе с самим Древом Мудрости (патриарх опять звякнул бубенчиками), и посему плоть героя будет такой же идеально безупречной и при этом — плоть от плоти квеманского народа.

А вот дух героя будет двойственным. Внутренностью его станет один из квеманских богов, чье имя не будет названо. Оболочкой же — воинственная душа одного из уважаемых пленников. Того, кто окажется круче. Поскольку мнения относительно того, кто из двоих круче, разделились, задачу следует разрешить здоровым соревнованием. То бишь — поедин-

ком. Который предполагается устроить немедленно. Когда же выяснится, кто есть божественный избранник, его бренное тело будет отдано могучим квеманским богам, а освободившаяся от плоти душа войдет в чрево юной квеманки, и через положенное богами время выйдет на свет во плоти будущего завоевателя.

— Ну как тебе перспектива, нравится? — желчно осведомился Черепанов.

Римлянин сплюнул.

— Только варварам могла прийти в голову мысль, будто, зачиная героя, боги нуждаются в помощи смертных. Ха! Хочу увидеть, как этот старый пердун подсовывает Юпитеру выбранную им девку! Ладно. Одного из нас собираются прирезать. А второго? Спроси его!

Черепанов спросил.

Ответ был уклончивый, но, похоже, второму выпускать кишки не собирались.

— Я бы не стал им верить,— заметил римлянин.

— А у нас есть выбор?

— Поглядим. Пусть только они выпустят нас наружу и дадут в руки оружие.

К сожалению, оружия им не дали. Более того, даже связали руки. Чтобы великие герои в священной ярости не убили друг друга до смерти.

В общем, их выпустили из клеток со связанными за спиной руками и поставили друг против друга.

— И что теперь? — спросил Черепанов.— Будем драться?

Римлянин мотнул головой и выругался.

— Я драться не собираюсь! — заявил он.— Потянем время. Сколько там еще до захода осталось?

Подполковник глянул вверх, на солнце...

И в этот миг кентурион прыгнул вперед и нанес Геннадию, не ожидавшему подобного коварства, страшный удар головой в подбородок.

Очнулся подполковник уже в клетке.

Римлянин располагался в соседнем «помещении».

— Ты что сделал, сучий сын? — яростно прохрипел Черепанов.

Кентурион засмеялся.

— Ты мне понравился, Череп,— сказал он.— На опциона моего первого похож. Так что живи. Принеси потом в жертву теленка, чтоб моя душа порадовалась.

Час спустя им принесли обед: по большому горшку рагу с изрядным количеством мяса и по кувшину такого же отменного эля. Вот только рагу, в отличие от прежней пищи, было здорово пересолено. Возможно, это было проявлением щедрости (соль представляла изрядную ценность), но у Черепанова родились нехорошие подозрения.

— Постой, Плавт! — сказал он соседу, энергично зачерпнувшему из горшка.— Думаю, сейчас нам лучше попоститься.

— Хочешь лишить меня последнего в жизни пира? — возмутился кентурион.— Ну уж нет!

— Идиот! Уверен, они туда что-то подмешали!

— Ну и что? Значит, я умру в хорошем настроении! — Римлянин опять сунул пятерню в горшок.

— Погоди, говорю! Глянь сюда! — Черепанов осторожно показал ему кончик сорванной с квеманской куртки бляхи.— Видишь? Еще не вечер, кентурион! И раньше, чем он наступит, нам понадобится все, на что ты способен. А способен ты, я думаю, на многое.— Подполковник погладил обросшую светлой бородкой челюсть. Она все еще ныла, черт побери этого латинянина!

При виде железной чешуйки глаза Плавта вспыхнули. Кентурион соображал с похвальной быстротой. Примерно так же, как действовал.

— Ты еще увидишь, на что способен примипил Гонорий Плавт Аптус[1]! — заверил он и принялся опорожнять горшок в ближайшие кусты. Потом выплеснул туда же и содержимое кувшина. И вдобавок помочился на это место, чтобы ни у кого не возникло желания шарить под кустами.

Черепанов последовал его примеру. Но сначала потратил минут десять, чтобы до бритвенной остроты наточить железную чешуйку о горшок.

«Бдительная» стража ничего не заметила: четверо квеманов азартно играли в некую игру вроде «ножичков», остальные столь же азартно болели. В общем, им было не до каких-то там пленников. И напрасно.

[1] Аптус — меткий.

Глава шестая,

в которой рассказывается о том, как подполковник Черепанов и кентурион Плавт принимают участие в человеческом жертвоприношении

Выглядели они примерно так, как и представлял Геннадий. Здоровенные, черные, блестящие от жира. Все пространство внутри частокола было разделено невысокими глиняными стенами. Похоже на лабиринт для детишек. Только игры в этом «лабиринте» были не детские. И дым курений не мог перебить запах мертвечины. Идолов было четыре. Два кумира изображали мужчин, два — женщин. Рядом с каждым идолом — некое подобие алтаря. Четыре каменные плиты, положенные горизонтально у женских идолов и установленные вертикально — у мужских. В трех плитах были пробиты сквозные отверстия, через которые были пропущены ремни. На четвертой стоял горшок с ручкой, очень похожий на «ночную вазу». Золотой.

Клетки с узниками заблаговременно подняли на холм. Римлянина водрузили на возвышение. Черепанов такого почтения не удостоился — его просто засунули в угол, образованный глиняными стенами «лабиринта». Геннадий не расстроился: во-первых, и отсюда все было прекрасно видно, во-вторых, о стены было удобно подтачивать режущую кромку чешуйки — поганая железка тупилась с невероятной быстротой.

На торжественной церемонии, помимо римлянина и космонавта, присутствовали:

шестеро шаманов во главе с престарелым Древом Мудрости, восседавшим на камне напротив самого крупного идола;

пара личных телохранителей Древа, тех самых здоровяков;

двое незнакомых, немолодых уже квеманских вождей в «цивильном», то бишь без доспехов и боевого оружия, если не считать «традиционных» шлемов, увенчанных здоровенными бычьими рогами.

— Этого я знаю! — заявил Плавт, ткнув пальцем в одного из «рогатых».— Это он меня у аланов перекупил.

До заката оставалось часа три, и солнышко светило ярко. Тем не менее вид у собравшихся был достаточно зловещий.

Вкупе со злобными идолами вид сей мог привести в трепет даже не слишком пугливого человека.

Но римский кентурион Гонорий Плавт, похоже, был начисто лишен страха, а у Черепанова просто не было времени пугаться: он пилил ремни, которыми была скреплена клетка. Задубевшая кожа поддавались слишком медленно. Одно хорошо: на Геннадия никто не обращал внимания — взгляды присутствующих сосредоточились на том, что происходило у подножия идолов. А происходило там нехорошее.

Из сарайчика, прилепившегося к частоколу, вывели девушку. Бедняжка почти не сопротивлялась, когда с нее сорвали лохмотья, которые язык не повернулся бы назвать одеждой, и поволокли к подножию одного из кумиров. Быстрое движение серпа с черным гладким лезвием — и хлынувшая из перерезанного горла кровь залила каменную плиту.

А из сарайчика уже тащили такого же ошеломленного парнишку.

Еще один взмах черного серпа — и алая кровь плеснула на толстый живот деревянной «богини» с ощеренной, как у дракониха, пастью.

Снова запрыгали, завыли шаманы. В небо пополз желтый липкий дым. Тела жертв бросили на каменные плиты, привязали ремнями... Словно они могли сбежать.

Черепанов вполголоса выругался: мордовороты Древа Мудрости направлялись к клетке Плавта. А Геннадий еще не закончил!

Здоровяки ухватились за прутья, напряглись (подполковник увидел, как набухли жилы на бычьих шеях)... Хруст, треск — и жерди вывернулись из гнезд. Прежде чем римлянин успел что-либо предпринять, квеманские богатыри схватили его и потащили к третьему, самому крупному идолу. Между двумя гигантами кентурион казался малышом. Здоровяки опрокинули римлянина на плиту-алтарь площадью с четверть боксерского ринга, прижали к камню.

К счастью, с ходу резать кентуриона не стали. Древо Мудрости издал каркающий звук, и из хижины вполне самостоятельно, в обнимку, появились юные избранники. В чем мать родила.

Двое шаманов рангом пониже бросили на алтарь охапку шкур — сбоку от распластанного на плите кентуриона.

Девушка улеглась на спину. Она действительно была очень хорошенькая. Юноша неловко взобрался на нее. Древо Мудро-

сти бросил молодоженам что-то подбадривающее... Но дело не ладилось. Возможно, столь представительная аудитория мешала пацану сосредоточиться.

Шаманы наперебой подавали советы. Один из вождей шепнул что-то другому. Тот заржал.

Там временем Черепанов одолел последний ремень.

Пока все внимание участников церемонии сосредоточилось на оплошавшем юнце, подполковник очень осторожно, безо всякого шума и треска, вынул две жерди и выбрался из клетки. Пригибаясь, он проскользнул между стенами «лабиринта» и оказался позади Древа Мудрости. Его никто не заметил — кроме идолов, которые, естественно, промолчали.

Черепанов очень осторожно снял с головы старца засаленный шляпуган, взялся за волосатую голову и свернул квеманскому «епископу» шею. Аккуратно уложив безвременно усопшего, подполковник неслышно переместился к вождям. Те оживленно беседовали и не заметили, что к ним присоединился третий. То есть заметили, но слишком поздно: когда Черепанов одновременно выдернул их ножи из чехлов и полоснул по загорелым шеям. Один хрюкнул и осел, безуспешно пытаясь остановить ладонью хлещущую кровь. Зато второй — тот самый «покупатель» Плавта — успел оттолкнуть руку подполковника, и нож лишь оцарапал горло. Вождь издал рев, достойный быка... но тут же оборвавшийся, когда тяжелая рукоятка второго ножа пришла в соприкосновение с квеманским затылком.

Но рык вождя сделал свое: на Черепанова обратили внимание.

Все дружно завопили. Один из здоровяков тигром прыгнул на подполковника. Тот ускользнул и ловко пихнул в объятья богатыря кстати подвернувшегося шамана.

Тем временем кентурион, тоже парень не промах, времени не терял: врезал по помидорам второму гиганту, подхватил черный серп...

И пошла потеха.

Собственно, Геннадий был уже не нужен. Ему осталось только наблюдать, как действует настоящий специалист.

Один здоровяк тут же свалился с перерезанными поджилками. Троих вопящих шаманов римлянин прикончил походя. И со страшной силой вогнал изогнутый конец серпа второму гиганту в лоб. Серп сломался, а квеман рухнул навзничь с обломком черного камня, блестевшего на манер третьего глаза.

Весь процесс занял от силы пару секунд. Ровно столько, чтобы из хижины, сдирая чехлы с наконечников копий, выскочили еще двое квеманов.

Черепанов бросился наперехват, но кентурион успел раньше.

Один из квеманов перекувырнулся в воздухе и приземлился затылком о камень: ему между ног попало древко копья второго. Но не просто так, а с помощью Плавта, перехватившего это копье и всадившего обломок серпа в живот его прежнего хозяина.

— Извини, приятель, некогда с тобой возиться,— пробормотал подполковник, перерезав горло оглушенному вождю.

С момента, когда Черепанов свернул шею кровожадному дедугану, прошло максимум полминуты, а поле боя уже очистилось от врага. Приятно все же работать с хорошим напарником.

Таким образом внутри частокола остались лишь двое квеманов. Самых юных. Как только парнишке прекратили мешать глупыми советами, он прекрасно справился с задачей и так увлекся, что вышел на второй круг, не замечая, что обстановка существенно изменилась.

Зато подружка его пронзительно закричала, увидав над собой заросшее черным волосом лицо римлянина.

— Хочешь быть вторым? — спросил Плавт Черепанова.

Подполковник мотнул головой. Он решил, что римлянин спятил. Снаружи, по ту сторону частокола толпился народ. И этот народ уже наверняка заподозрил недоброе.

— Ты прав,— сказал кентурион.— Я тоже не люблю быть вторым, но иногда приходится.

С этими словами он ухватил неудавшегося отца будущего завоевателя и скинул его с алтаря.

— Пригляди тут,— бросил он Геннадию, занимая место юного квемана.— Не бойся, детка, папа Гонорий умеет делать таких солдатиков, что твоему сопляку и не снилось.

В сарае нашлась пара круглых щитов. Остальное они содрали с убитых. В живых оставили только перепуганную бедняжку («Дал бы тебе пару динариев, да твои соплеменники все вытрясли»,— сказал ей на прощание Гонорий) и ее «жениха». Последнего — исключительно по настоянию Черепанова. Кентурион собирался прирезать сопляка.

Снаружи чувствовалось шевеление, но войти никто не решался, хотя ворота и не были заперты.

Плавт взял золотой кувшин с четвертого алтаря, понюхал, пригубил:

— Ба! Череп, хочешь молока?

Черепанов был занят: пытался поджечь смоченную маслом тряпку с помощью кремня и кресала.

— До утра провозишься! — Римлянин отобрал у него инструмент и в два счета добыл огонь. Возможно, он не стал бы помогать, если бы знал, что собирается делать Геннадий.

Пока римлянин набивал мешки добычей и найденной жратвой, подполковник довел дело до конца.

— Эй! Ты что! — заорал кентурион, когда увидел, что его новый друг поджигает квеманских идолов.— Они же отомстят!

— Спокойно,— отозвался подполковник.— С местью разберемся! Зато как красиво горит.

Плавт пожал плечами и обломил древко копья, оставив кусок в две ладони длиной и превратив оружие в подобие короткого меча.

— Так привычней,— пояснил он.— А теперь — вперед!

Закинув мешки за спину, друзья подхватили щиты и бросились к воротам.

Створки они распахнули разом.

— Бар-ра! — страшно заревел римский кентурион, огромными прыжками устремляясь по склону.

— Ур-ра! — вторил ему летчик-космонавт Черепанов, не отстававший ни на шаг.

Народ, столпившийся у подножия холма, порскнул в стороны: два зверовидных воина на фоне пылающих богов (дерево, пропитанное маслом, горит отменно!) — зрелище не для слабонервных. Наверняка никто из квеманов и не вспомнил, что на их стороне двадцатикратный численный перевес. Каждый думал: как бы унести ноги.

На пути чужеземцев оказался один-единственный квеманский молодец, который от страха впал в ступор.

Кентурион сшиб его щитом, перепрыгнул через тело и побежал дальше. К лодкам.

На берегу их оказалось аж пять. Пока Черепанов спихивал одну на воду, Плавт ловко продырявил днища остальным.

Через минуту они были уже в ста метрах от берега.

Вопли осиротевших квеманов разносились над водой.

— Не забудь,— напомнил Плавт, налегая на свое весло.— Ты обещал отвести от нас гнев варварских богов.

— С богами я разберусь,— заверил подполковник.— Меня больше люди беспокоят.

— С людьми разберусь я,— заявил кентурион.— Второй раз меня эти пожиратели желудей не возьмут, это точно!

Друзья переглянулись, ухмыльнулись и еще энергичнее налегли на весла.

Над покинутым островом поднимался жирный черный дым.

Глава седьмая,

в которой воплощается в жизнь старинная римская пословица

— И куда мы теперь, друг Череп? — спросил Плавт, останавливаясь у развилки.

— Меня зовут Геннадий,— напомнил Черепанов.

— Хорошее имя,— отозвался кентурион.— Эллинское. Означает: благородный. Верно? Но ведь ты не эллин. Кто дал тебе такое имя, варвар?

— Родители. Тебе что-то не по вкусу, Гонорий?

Спору нет, этот римлянин — крутой парень. Но именно таким крутым парням надо время от времени напоминать, с кем они имеют дело.

Секунд десять Черепанов и Плавт играли в «кто кого переглядит».

Римлянин первым отвел глаза, засмеялся:

— Все в порядке, Геннадий. Хорошее имя. И ты тоже хорош. Так куда бы ты хотел направиться?

— Туда, откуда меня увели.

— Что за место? Твоя родина? — Римлянин был заинтересован.

— Нет. Селение. Примерно в двадцати переходах отсюда. Там остался мой друг, и я беспокоюсь, как бы с ним не случилось худого.

— Как называется это место?

Черепанов пожал плечами:

— Понятия не имею. Мы... прибыли издалека. В общем, случайно. И даже толком языка здешнего не знали.

— Случайно? — Кентурион одарил Геннадия долгим взглядом, приподнял бровь. Но понял, что его товарищ не склонен давать объяснения.

— Твой друг похож на тебя? — спросил римлянин.

— Отчасти.

— Вряд ли он пропадет,— уверенно произнес кентурион.— Не думай об этом. Ты не можешь ничего сделать. Сейчас. Поэтому мы пойдем туда, куда хочу идти я. А я хочу вернуться домой.

— В Иллирию? — Черепанов помнил, в какой из римских провинций родился его товарищ.

— Дом легионера — его легион. Но для начала нужно выйти к границам империи. Это — там.— Кентурион махнул рукой.— Пойдем со мной, Череп. Мой легат[1] Максимин — великий человек. Понравишься ему — поможет отыскать твоего друга. Он знает варваров, и они знают его. Думаю, твой земляк не останется незамеченным среди варваров, если он и впрямь похож на тебя.

— Пожалуй,— согласился Черепанов.

«Уж Леха-то, с его темпераментом и с охапкой артефактов двадцать первого века, внимание на себя наверняка обратит,— подумал подполковник.— Лишь бы только не грохнули его из-за этого темперамента и ценного имущества».

Но римлянин прав: Геннадий не в состоянии помочь Алексею. Даже дороги в тот поселок не отыщет — заплутает в здешних чащах и болотах.

— Я пойду с тобой. Куда?

— На юг.— Кентурион вскинул на плечо мешок и решительно двинулся по левой тропинке.

Геннадий последовал за ним. В конце концов, он с самого начала собирался добраться до Рима. Даже Леху в этом убедил. И решительный кентурион — именно тот человек, которого стоит иметь рядом, когда оказываешься в чужой стране. С первого взгляда видно, что Плавт — из тех, на кого можно положиться. Из тех, у кого на лбу написано: «Хочешь со мной поссориться?

---

[1] Легат — военный или гражданский чиновник высокого ранга. В данном случае — командир легиона.

Давай! Увидишь, что будет!» В любом случае выбора у Геннадия нет. «Volentem fata ducunt, nolentem trahunt»[1],— как говорят земляки Плавта.

Глава восьмая,

в которой господа офицеры совершают разбойничий налет

Если сравнить этот лес с азиатскими джунглями или южноамериканской сельвой,— нет никакого сравнения. Нормальная растительность юга России. Первосортный лиственный лес. Старый. С кучей грибов и ягод. С великолепными дубовыми рощами на возвышенностях, с бесчисленным зверьем. Пуганым, к сожалению.

Тем не менее Черепанов чувствовал себя в этом лесу как дома. Куда лучше, чем его римский приятель. Который, впрочем, не жаловался.

В первый день они отмахали километров сорок. Форсированным маршем. Черепанов слегка запарился (не мальчик, чай), а кентуриону — хоть бы что. Пер по лесу, как лось. Причем волок на горбу килограммов тридцать всякого барахла, не считая оружия. Когда Черепанов посетовал: жаль, лошадей нет,— римлянин только фыркнул:

— Сразу видать, ты не легионер! Знаешь, как нас зовут? Мулы!

— Что? — не понял Черепанов.

— Помесь лошади и осла! Потому что не всякий осел унесет столько, сколько воин великого Рима.

— И что же он несет? — поинтересовался Черепанов.

— Во-первых, оружие. Гладий, кинжал, пилум, пила...

— Пила — это что? — спросил Черепанов. Что такое пилум, он знал.

— Тоже копье, но поменьше. Метать. Затем скутум. Это большой щит. Потом шлем, составной доспех (лорика сегмен-

[1] Volentem fata ducunt, nolentem trahunt *(лат.)* — желающего судьба ведет, нежелающего — тащит.

тата) [1]. Это оружие. Во-вторых: сундучок для личных вещей, фляга, миска и котелок, запас пищи дней на пять, сагум...[2] Когда сухой, он весит немного, но если намокнет... Дальше: строительный инструмент — кирка, мотыга или лопата...

— Слушай,— перебил Геннадий,— как же можно унести такую прорву?

— Еще как можно! — с удовольствием заявил кентурион.— Это вы, варвары, как обезьяны: все в руках тащите (Черепанов решил на «варваров» не обижаться). А у нас для того фурка есть.

— Это что?

— Такая палка. С поперечиной. И с веревкой.— Плавт изобразил руками нечто вроде подобия небольшого лука, привязанного к шесту. Очень удобно. Но это еще не все. Если местность голая, то каждый еще два кола несет. Для лагерного частокола. Ну и кошель, конечно, который у хорошего легионера никогда не бывает легким.

Черепанов представил себе навьюченного подобным образом солдатика...

— И со всем этим барахлом он еще *ходит*?

— Еще как! — гордо заявил Плавт.— Тридцать миль[3] в день. Римский сол...

— Стой! — оборвал его Геннадий.

Кентурион мгновенно заткнулся и остановился тоже мгновенно: замер с поднятой ногой.

Черепанов осторожно обогнул его, наклонился: точно. Тоненькая бечевка, выкрашенная в зеленый цвет, натянута поперек тропы. Ни хрена себе! Неужели мина на растяжке? Здесь? Сердце екнуло.

Подполковник осторожно снял со спины мешок, сложил на землю оружие. Другой конец бечевки прятался в кустарнике. Черепанов проследил его... И ощутил мгновенное разочарование. Самострел. Причем настороженный на зверя, а не на человека: слишком низкий прицел. Но ногу вполне могло продырявить.

---

[1] Кожаная рубаха с нашитыми на нее металлическими пластинами: лорика заменила распространенную ранее кольчугу-безрукавку, поскольку обеспечивала большую свободу движений.

[2] Сагум — шерстяной плащ.

[3] Римская миля — тысяча двойных шагов, примерно 1,5—1,6 км.

— Ага.— Гонорий протиснулся сквозь кусты, увидел самострел.— На кабана. Молодец, Череп. Глазастый.

Последнего слова Геннадий не понял, но догадался.

— А ведь это хорошая новость,— продолжал между тем римлянин.— Значит, где-то поблизости люди.

— Считаешь, это хорошо?

— Ну да! — Кентурион даже удивился.— Запасы дополним. Сориентируемся. Может, там и женщины найдутся. Мой маленький приап,— Гонорий похлопал по соответствующему месту,— без женщин очень скучает.

Черепанов хмыкнул:

— И как ты собираешься их искать?

— Я бы подождал здесь,— ответил римлянин,— но не думаю, что это хорошая мысль.

— Плохая,— согласился Черепанов.— Август кончается. Если уже не кончился.

— Август[1] умер? — удивился Плавт.— А, ты говоришь о месяце.

— Да. На носу осень. Не знаю, как ты, а я предпочитаю идти, когда тепло и сухо, а не когда мокро и холодно.

Поэтому они перешагнули через веревочку и двинулись дальше. Но вскоре после полудня им улыбнулась удача.

Плавт остановился и потянул носом воздух:

— Чуешь?

---

[1] Август — титулование римского императора. Впервые принят «наследником» Юлия Цезаря (Кесаря, но для имен будет сохранено более привычное для нас произношение) Юнием Октавианом и означает «священный». Наш месяц август, соответственно, сохранил римское название. Кстати, июль также назван в честь первого римского императора, Юлия Цезаря. Вообще в русском языке на удивление много латинских слов, что и позволяет герою кое-как изъясняться с римлянином. Здесь нет особой натяжки и нет нарушения принципа, которого я придерживался и придерживаюсь при создании романов историко-приключенческой серии: во всем, кроме первой посылки (попадание наших современников в мир прошлого),— никакой фантастики: голый реализм и историческая достоверность. Но разумеется, латинское произношение и грамматика Черепанова поначалу оставляют желать... Например, следующая фраза: «Я предпочитаю идти, когда тепло и сухо, чем когда мокро и холодно» в варианте Черепанова (опирающемся на его словарный запас) звучит на латыни примерно так: «Мой приоритет ходить в сухой и теплый погода, не водный и холодный». Но для удобства чтения я «адаптирую» реплики героя в соответствии с правилами русского языка.

— Что?

— Дым. Дымом пахнет.

— Пожар? — насторожился Черепанов.

Римлянин принюхался еще разок, и узкие губы его растянулись в улыбке.

— Не-ет... Пожар по-другому пахнет. Ну-ка, пойдем! — и решительно свернул в чащу.

Спустя четверть часа Черепанов убедился, что кентурион был прав: то был не лесной пожар, а расчистка под поле. Горели обложенные хворостом пни на вырубке.

— Ну у тебя нюх! — восхитился Геннадий.

Гонорий ухмыльнулся... Но как-то криво.

— Ты меня обманул! — воскликнул подполковник.

— Но ведь это не пожар! — возразил Плавт.— Пошли, нечего время терять! — И вытянул из петли на поясе импровизированный меч. На первой же после побега стоянке кентурион подрезал древко квеманской рогатины по руке, обмотал куском кожи, а края наконечника отточил поострее. Получилось вполне приличное оружие: нечто среднее между длинным кинжалом и коротким мечом.

По хорошо заметной тропинке они вышли к дому — нет, домом это называть не стоило. Халупа, отличавшаяся от соседнего сарая только размерами.

Кентурион скинул мешок и огромными прыжками устремился к избушке.

Подполковник за ним не побежал. Поэтому у него хватило времени увидеть на земле свежие следы раздвоенных копыт. Относительно свежие. И менее заметные, но все же различимые на взрытой почве отпечатки чуней. Большие и маленькие. Да, можно было не торопиться. Обитатели халупы, кем-то предупрежденные, успели сделать ноги. Геннадий их понимал. Наверняка слух о «подвигах» двух чужеземцев уже успел широко разойтись. Ни один разумный человек не стал бы рисковать и встречаться с парой кровожадных отморозков, если у него за спиной нет небольшой армии. Тем более слухи склонны преувеличивать все, в том числе боевые возможности чужеземцев.

Так что подполковник никуда торопиться не стал. Подобрал мешок римлянина и без лишней спешки двинулся к избе, полагая, что в ней уже никого нет.

Существовала, конечно, вероятность засады, но Черепанов не мог представить здесь такой засады, которая *бесшумно* взяла бы Гонория Плавта Аптуса.

Геннадий ошибся. Изба не была пуста. В ней обнаружился один из местных жителей, не ударившийся в бега, вероятно, по причине преклонного возраста.

Замшелый дедок с грязно-желтой бородой до колен, который в настоящий момент беседовал с разочарованным римлянином.

Беседа не складывалась. Вообще-то кентурион не был профаном в языкознании. Как успел выяснить Геннадий, Плавт свободно говорил по-гречески и по-сирийски; немного знал парфянское наречие (на уровне армейского разговорника: «стоять!», «бросить оружие!», «где стоит ваша часть?», «нам нужен провиант!» — и далее). А вот в местном языке кентурион ничего не смыслил: не пожелал гордый римлянин изучать язык своих «хозяев». Дедок, как и следовало ожидать, латыни не ведал. Но в старческий маразм не впал и охотно отозвался на приветствие Черепанова.

Подполковник с облегчением скинул на лавку мешки.

— Спроси, где его родичи? — потребовал кентурион.

Геннадий спросил.

Ушли родичи. Давно ушли. Не догнать.

Насчет «давно» старый пенек врал, но Черепанов не стал его уличать.

Пока Черепанов беседовал, Плавт «проводил обыск» помещения. Со сноровкой, выказывающей большой опыт. Хотя что в такой избушке спрячешь? Все на виду. И горшки-лари-бочонки. И окорока свиные копченые — прямо над очагом висят.

Единственными существенными находками были старый меч из почерневшей бронзы и помятый, но старательно выправленный медный шлем с куцыми ошметками некогда красного султана.

— Спроси его: золото у них есть? — потребовал кентурион.

«Откуда у них золото, у такой бедноты?» — подумал Черепанов. Хотя, может, это и не беднота? По местным масштабам.

— Где золото прячешь, дед?

Старик замахал руками: какое золото, почтенные?

— Серебро, оружие?

Ответ аналогичный.

— Пятки ему прижечь надо бы...— деловито произнес Плавт.

— Может, он не врет? — Идея пытать старичка подполковнику не очень понравилась.— Зачем нам их деньги? У нас в мешках минимум два кило золота.

Золото они на капище взяли.

— Золота много не бывает,— философски заметил кентурион.— А мне очень много золота нужно, Череп. У меня в Риме большие долги остались. Очень большие долги...

Судя по выражению лица кентуриона, свои долги он собирался платить не золотом, а железом. Но Геннадий не стал вдаваться в подробности.

— Думаю, старик не врет,— повторил он.

— Может, и не врет. Вот и узнаем. А заодно узнаем, где их бабы попрятались. Не могли они далеко уйти — со скотом и детишками.

Оказывается, не один Черепанов следы приметил!

— Давай спрашивай! — потребовал кентурион.— А ты, дед, учти: я шуток не шучу! — Плавт сунул старику под нос лезвие ножа.

Дед скосил глаза на нож, но не шибко испугался. А когда Черепанов спросил, куда спрятались его родичи, бесстрашно заявил, что незваные гости их никогда не найдут. Они могут убить старого Кнеуха, Кнеуху все равно.

— Я тебе нос отрежу. И уши. Где они?

Внезапно Черепанову показалось: ему все это снится. И во сне повторяется то, что было в жизни. Только тогда он сам сидел со связанными за спиной руками, и маленький жилистый краснокожий человечек вертел у него перед носом блестящим кривым ножом. И кричал на чужом языке. А большой чернокожий человек переводил этот крик бесцветным равнодушным голосом...

Глава девятая,

в которой Геннадий Черепанов вспоминает кое-что из того, о чем предпочитает не вспоминать

Он приземлился на дерево. Относительно удачно, ничего не сломал. Даже не ободрался. Без особого труда, обрезав стропы,

спустился вниз. Посидел немного на травке, приходя в себя, ожидая, пока спадет неизбежный после стресса колотун и восстановятся силы.

Объективно говоря, ситуация была аховая. Триста километров по чертовым горам, по проклятым местам, где цивилизацией и не пахнет, где, по слухам, из двуногих — только птицы и дикари с отравленными стрелами. Будь это боевой вылет, было бы легче. Хотя бы потому, что у него был бы спаскомплект — с картами и полным «джентльменским набором» для выживания. Да и искали бы его старательно и до победного конца. Всего и дело-то — оставаться где-нибудь поблизости от обломков самолета и просигналить подмоге, когда она прилетит. Нет, ерунда. Это идеальный вариант — если ты грохнулся на собственной территории. А на чужой... На чужой первыми к месту падения явятся совсем другие парни. И эти парни будут настроены очень недружелюбно. Еще бы! Извечная ненависть ползающих по земле к парящим в небе. А если «парящие» в придачу имеют обыкновение швыряться напалмовыми, вакуумными, кассетными и прочими смертоносными игрушками, если они способны превращать гектары земной поверхности вместе со всеми их обитателями в огненные озера...

Так что объективно дикари лучше.

Геннадий поглядел наверх, где запутался в ветвях парашют. Высоковато. Обрезанные стропы болтались метрах в двух над головой — не допрыгнуть. То есть в принципе залезть можно: ствол густо оплетен всякими ползучими лианами. Но игра не стоила свеч.

Черепанов встал. Подвигал руками-ногами-головой, проверяя, как чувствует себя организм. Что ж... бывало и лучше. Но серьезных травм нет, и это хорошо. Значит, в путь.

За три дня он прошел километров двадцать пять. Будь у него мачете и веревка — результат увеличился бы вдвое. Самый отвратительный вариант горной местности — это горная местность, сплошь заросшая всякой ботаникой. Часто — колючей. Еще чаще — изобилующей представителями фауны. Мелкой и зловредной. Больше всего Геннадий опасался подхватить какую-нибудь дрянь вроде лихорадки или местного энцефалита. Зато с более крупными представителями животного мира проблем было значительно меньше. Вопреки кинематографическим стандартам, Черепанова не укусили ни ядовитая змея, ни паук

размером с чайное блюдце. То есть он видел и змей, и пауков, но поскольку не хватал их руками и не наступал на хвосты, то змеи и пауки тоже его не трогали. У них были свои дела, у Геннадия — свои. Правда, вечером второго дня его навестила пума. Остановилась шагах в десяти от костра и с большим интересом наблюдала, как человек кушает поджаренного на костре грызуна, напоминавшего при жизни очень большую морскую свинку. Возможно, пума рассчитывала, что человек с ней поделится. Но Черепанов и в лучшие времена не был склонен к благотворительности, к тому же не собирался прикармливать диких зверей. Страха он также не испытывал. Пума размерами не превышала немецкой овчарки и ни малейшей агрессии не выказывала. А пожелай она напасть — ее трудности. У Черепанова под рукой имелся старенький, но вполне надежный кольт, которым чья-то добрая душа снабдила аварийный комплект. И Геннадий не сомневался, что успеет им воспользоваться, если что. Но пума не напала. Посидела неподалеку с полчасика и удалилась. Огня, что характерно, она совершенно не боялась.

А на следующий день Геннадий нашел труп.

Собственно, день не складывался с самого начала. С утра. Началось с того, что пришлось выбросить остатки «морской свинки» — мясо кишело маленькими красными и ужасно кусачими муравьями. Потом пришлось обходить полкилометра сплошных зарослей, сквозь которые без мачете пробиться невозможно. Вдобавок вода во фляге заканчивалась, а ручейки, которые то и дело попадались в прошлые дни, куда-то запропастились. Наконец Черепанов вышел-таки к речке. Но радости в этом было мало, потому что речка текла по дну узкой расщелины с совершенно отвесными и кое-где даже отрицательными склонами. До дна было рукой подать — метров двадцать. Минута — при наличии веревки. Или пара секунд полета. Других способов добраться до воды не имелось. И при этом чертова расщелина шла аккурат поперек маршрута.

Зато левее Черепанов углядел древесный ствол, очень удачно улегшийся поперек пропасти. И обрадовался.

А зря. Потому что весь следующий час пробивался к заветному месту через колючий кустарник, для прочности «усиленный» живой сетью из каких-то ползучих растений. Злой и исцарапанный, с помощью ножа и матерщины он наконец пробился к цели, однако цель оказалась — с подвохом. Естественный «мост» ус-

пел изрядно подгнить, облезть и покрыться слоем сизой скользкой плесени. Но мысль о том, чтобы совершить еще один бросок через колючки, сделала Геннадия достаточно решительным. Одному Богу известно, как ему удалось не навернуться. Ствол местами сгнил настолько, что руки тонули в мокрой трухе. Там же, где не было гнили, ствол на ощупь напоминал полированную гранитную колонну, щедро политую шампунем.

А внизу, между ма-аленькими (если смотреть сверху) камешками, весело струилась речка.

Но Черепанов все-таки не сверзился, перелез, взобрался на очередной холм, увенчанный здоровенным деревом, напоминавшим кедр... И увидел труп.

Труп выглядел давнишним: плоти на костях почти совсем не осталось. Хотя, может, потрудилось здешнее зверье.

Черепанов не любил трупов. Ни старых, ни свежих. Этот же ему особенно не понравился. Поскольку был совсем маленьким, явно детским. И был приколочен к дереву с помощью ржавых стальных костылей.

Чисто рефлекторно Геннадий проверил, на месте ли револьвер. На месте.

Преодолевая отвращение, Черепанов подошел поближе. На красноватой коре были выцарапаны какие-то знаки. Костыли вогнали прямо в них. С макушки почти голого черепа черной паклей свисали длинные пряди волос. Чертовски маленький скелет. Даже если учесть, что здешние аборигены отнюдь не великаны. И еще одна неприятная деталь: локтевые и коленные суставы скелетика были раздроблены. Разумеется, это могли сделать и после смерти бедняги. Так же, как и прибить к дереву могли уже мертвое тело...

Дальнейшие действия Геннадия вряд ли можно было назвать разумными. Просто откуда-то изнутри возникло непреодолимое желание сделать это. И он сделал. Подобрал с земли камень побольше, выбил из дерева костыли, снял маленький скелетик, вырыл ножом неглубокую яму и похоронил останки.

На это все у Геннадия ушло несколько часов. В общем, глупость. И он отдавал себе отчет, что делает глупость: практика выживания подобной лирики, мягко говоря, не одобряет. Но Черепанов не мог поступить иначе. Не мог, и все.

Компенсируя потерянное время, остаток дня он двигался ускоренным маршем, и к вечеру ему повезло: наткнулся на источ-

ник — маленький родничок, сочащийся между камней, на которых обнаружился еще и ужин: десятка полтора большущих улиток.

Все бы хорошо, но Геннадия не оставляло отвратительное чувство: будто кто-то смотрит в затылок. Когда стемнело, Черепанов, вопреки обыкновению, костра разводить не стал. Четвероногого зверья он уже не боялся. А вот зверья двуногого, способного на извращенное убийство ребенка... Конечно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и в цивилизованной нынче Европе еще лет двести-триста назад «лишних» младенцев живьем в сугроб выкидывали... Однако ж Геннадий был убежден, что обилие подлецов вокруг — недостаточный повод, чтобы самому стать подлецом. Хотя и осознавал, что подобные убеждения серьезно препятствуют карьере.

Спал Черепанов на дереве. Привязавшись ремнем. Не самый комфортабельный вид ночлега. Особенно если по тебе постоянно бегает какая-то мелкая живность.

В общем, ночь прошла — и слава Богу. А утро...

Утро преподнесло неприятный сюрприз. Когда, цепляясь за лианы и покряхтывая от боли в отлежанных местах, Геннадий спустился на землю, прямо у него над ухом раздался негромкий удар. Черепанов скосил глаза и увидел воткнувшуюся в бугристую кору стрелу. Перышки на ее охвостье были ярко-алыми, а наконечник вошел в дерево совсем неглубоко. И потому было отлично видно, что он вымазан какой-то черной липкой дрянью. Отчасти поэтому Черепанов не стал делать лишних движений, когда из зарослей материализовались трое аборигенов. Причем только один из них держал в руке лук. Остальные были вооружены вполне современно: армейскими винтовками. И одеты были аборигены соответственно: двое с винтовками — в линялые шорты, а вот голова третьего украшена плюмажем из ярких перьев.

Этот третий выглядел особенно неприятно, хотя и остальных никто не назвал бы симпатягами: плоские коричневые физиономии, похожие на маски из крашеного дерева. А вот морда третьего и впрямь была маской: ее покрывал слой серой глины, на который были нанесены синие, красные и черные полосы. Выглядело жутковато. Но Черепанова куда больше беспокоили не морда «замаскированного» и нацеленный в живот кончик стрелы, смазанный черной дрянью. Даже карабины пу-

гали меньше. Карабин — привычное оружие. Но отравленная стрела...

— Ты! Пистолет. Брось! — скомандовал раскрашенный на ломаном английском.

Глава десятая,

в которой Черепанов узнает кое-что о религиозных пристрастиях кентуриона, а также о том, как тот решает проблемы и пресекает разногласия

— Оставь его,— сказал Геннадий римлянину.— Давай лучше пожрем горячего. Вон у них горшок с похлебкой. И искать не надо.

— Успеем,— отмахнулся Плавт.— Ну все, дед! Прощайся с ухом!

Кентурион схватил старика за волосы... Но довести операцию до конца не смог.

— Эй, Череп! Ты что делаешь? — Римлянин рванулся, но освободить руку с ножом из захвата Геннадия ему не светило.— Ты спятил! — выкрикнул кентурион, отпустил деда, замахнулся... И оказался в совершенно беспомощном положении. Нож, выпавший из его пальцев, глухо стукнул о земляной пол.

Старик квеман с опаской наблюдал за этой сценой.

— Предатель! — зарычал Гонорий, делая безуспешные попытки вывернуться из борцовских объятий Черепанова.— Помет стервятника! Я тебя убью!

Геннадий внезапно разжал руки. Рванувшийся римлянин едва не упал. Но тут же развернулся и схватился за оружие.

Подполковник демонстративно скрестил руки на груди.

Острие укороченного квеманского копья остановилось в ладони от его горла.

— Не стоит,— спокойно произнес Геннадий.— Мы нужны друг другу. И деда не трогай. Не надо.

— Пошел ты к Орку! — в ярости закричал римлянин.— Я ремней нарежу из этого старого пня!

Подполковник покачал головой:

— Нет.

— Да!

— Тогда начни с меня.

Римлянин несколько секунд бешено глядел на Черепанова. Широкое железное перо наконечника маячило в дециметре от сонной артерии. Геннадий знал, что если Гонорий захочет его убить, то так и сделает. Он умел пользоваться оружием этого времени не в пример лучше Геннадия. Но подполковник не сомневался, что кентурион не ударит. Черепанов просто и мысли не допускал, что такое возможно. И знал, что его уверенность сама по себе способна предотвратить удар. Настоящего врага такое, конечно, не остановит, но Гонорий — не враг...

— Но почему? Что тебе этот старый пень? — в сердцах воскликнул кентурион, опуская оружие.

— Не хочу, чтобы ты его трогал, вот и все.

— Но как я тогда узнаю, где спрятались его бабы? — В голосе кентуриона звучали обида и разочарование.

— Неужели ты не можешь воздержаться от женщин неделю-другую? — с легкой иронией спросил Геннадий.

Гонорий в сердцах метнул свое оружие. Квеманское копье с обломанным древком рассекло воздух — так близко от головы Черепанова, что у того даже волосы шевельнулись,— и воткнулось в стену.

— Ты не понимаешь, варвар! — напыщенно воскликнул римлянин.— Приап — мой бог! Если я не стану служить ему, он не пошлет мне ни удачи, ни милости!

— Сядь,— предложил Черепанов.— Давай мыслить логически.

— Логически...— проворчал Плавт.— Вот еще... Будто я какой-нибудь долбаный грек... Мне эта тухлая логика еще в школе надоела. Логически! Тьфу!

Тем не менее он уселся на скамью, и Геннадий тут же подсунул ему горшок с похлебкой и черную корявую ложку.

Пару минут они молча наворачивали густой квеманский супчик.

Стойкий дед глядел на них сычом, но не таковы были Геннадий с Гонорием, чтобы от недоброжелательного взгляда у них пропал аппетит.

— Ну,— сказал Плавт, когда горшок опустел,— что ты там о логике толковал?

— Почему ты думаешь, что твой бог подобен крысе? — осведомился Черепанов.

— Что?!

— А то! Только крыса жрет все подряд, любую дрянь, которую можно сожрать. Думаешь, он хочет, чтобы ты, как бестолковый щен, запрыгивал на все, что движется? Может, дело не в боге Приапе, а в твоем собственном приапе? Может, тебе нравится... сам процесс?

Кентурион нахмурился:

— Ну... Допустим, тоже нравится. Ну что? Почему не должно нравиться мне, если нравится моему богу?

— Ладно,— не стал спорить Геннадий.— Но ты сам говорил, что у тебя три месяца не было женщин.

— Говорил.

— И что твоему богу это не нравится, говорил?

— Говорил.

— И вот, в результате ты оказался на свободе и в хорошей компании! — Черепанов ухмыльнулся и ткнул себя в грудь.

— Возможно, моему богу еще меньше нравилось, что я не могу ему служить,— возразил Плавт.

— Допустим. Но в таком случае что ты суетишься? Твой бог наверняка обеспечит тебя всем необходимым.

Кентурион усмехнулся:

— А ты здорово наловчился болтать по-латыни, варвар! Ладно, не стану отрезать деду уши. Поглядим, прав ты или нет.

Он подошел к стене и выдернул из бревна оружие.

— Я не буду отрезать ему уши...— Римлянин молниеносно повернулся — и старик, хрипя, опрокинулся с лавки.— Я его просто убью,— закончил Гонорий, наступая старому квеману на живот и выдергивая оружие.

Изо рта деда хлынула кровь, и он умер.

— Не оставлять врага за спиной — так меня учили,— бросил кентурион мрачному Черепанову.— Пошли! Чует мое сердце, если его семейка вернется, то вместе с ними заявится целая прорва разъяренных варваров. Все же зря ты порубил их богов!

— Не зря.— Геннадий закинул на спину мешок.— От этого мы с тобой станем проворней.

— С чего бы?

— Будем знать, что с нами сделают, если поймают.

Глава одиннадцатая,

в которой Геннадий Черепанов вновь обращается к воспоминаниям

Туземные боги, духи, зомби и прочая нечисть — существа разнообразные, капризные и непредсказуемые. Но всех объединяет одно: стремясь им угодить, люди совершают такие паскудства, о которых даже *думать* тошно. И при этом абсолютно уверены, что *имеют право.*

Индейцев в хижине было четверо. Вождь с лицом, смахивающим на перезрелую грушу, колдун (нечто неописуемое и омерзительное), толмач — амбал-полукровка с добавкой негритянской крови, и мелкий, похожий на тощего пацана индеец по имени Тца. Тца единственный вел себя естественно: вертел ножом перед носом привязанного к стулу Геннадия. Тца был в бешенстве. Он вопил, шипел и плевался.

— Я с тебя шкуру сдеру, белый. Я тебе яйца отрежу, сварю и сожрать заставлю. Зачем ты это сделал, ты...— флегматично переводил толмач.

Английский у полукровки был так себе. Для философских бесед не годился. Но чтобы вразумительно объяснить, почему Черепанова так нелюбезно приняли, словарного запаса хватило.

Девочка, труп которой опрометчиво похоронил Черепанов, была дочкой того, кто сейчас вертел у Геннадия перед носом разделочным ножом. Папаша продал ее вождю, а вождь передал колдуну для использования в ритуале, предназначенном для подкупа злых духов, чтобы те, в свою очередь, оказали поддержку племени в споре с соседями. Конфликт произошел из-за небольшой долины по соседству. В долине выращивалось нечто особо ценимое белыми людьми и дорогостоящее. Черепанов подозревал: какое-то сырье для наркотиков. Тело несчастной девочки должно было провисеть на дереве сколько-то времени, после чего с ее косточками что-то такое собирались сделать... Не важно что. Для Черепанова не важно. А вообще-то очень важно, потому что колдун заявил, что все труды его — впустую. И более того — духи обиделись, и теперь их следует задабривать. Поначалу

и Черепанова приняли за духа, потому что не знали, откуда он появился в здешних местах. Поэтому за ним некоторое время следили, но не трогали. Опасались. Но вскоре местные отыскали парашют и поняли, что имеют дело с человеком. А с человеком можно не церемониться. По их меркам, колдун, который зверски замучил маленькую девочку, и раскрашенный папаша, который продал собственную дочь,— закона не нарушали. А вот Черепанов — нарушил. И должен быть наказан. По местному праву выбор способа казни принадлежал вождю. И вождь колебался: скормить ли преступника мелким сухопутным крабам, в изобилии водящимся в окрестностях, или привязать у муравейника. Вождь колебался, потому что колдун не мог уверенно ответить, какой именно способ казни более симпатичен духам. А сейчас эти двое вызвали охотника Тца (который, кстати, был одним из тех, кто выследил Черепанова) и потребовали, чтобы тот вернул поученные за дочку деньги. Поэтому Тца так рассердился и так размахивал ножом, которым, несомненно, умел пользоваться. Шаман был склонен разрешить Тца отрезать от Черепанова кусочек-другой. Вождь был против. Главным же заступником Геннадия был, как ни странно, толмач.

За трое суток, проведенных Геннадием в индейском поселке, толмач был единственным человеком, который выказал Черепанову что-то вроде симпатии. Вероятно, потому, что полукровка сам был в поселке гостем. Правда, гостем, пользовавшимся определенным уважением, поскольку у него здесь была отдельная хижина и своя «женщина», девчонка лет тринадцати, с которой толмач занимался любовью по нескольку раз в день, выказывая большую выносливость. Все это Черепанов знал доподлинно, поскольку большую часть времени валялся связанным на земляном полу хижины толмача. Черепанов подозревал, что, пользуя свою маленькую подружку на глазах пленника, полукровка демонстрирует ему, пленнику, свое превосходство. В промежутках между половыми актами толмач усаживался рядом с летчиком и обстоятельно разъяснял, в чем он, летчик, был не прав, и пытался вызнать код черепановской кредитки. Толмач был не чужд цивилизации. Как выяснилось позже, он являлся связующим звеном между этой самой «цивилизацией» и дикарями-горцами. И не одобрял идею скормить Черепанова крабам, полагая, что летчику можно найти лучшее применение. Толмач полагал, что за Черепанова заплатят хорошие деньги.

Тца схватил Черепанова за нос и взмахнул ножом... Пугал, сволочь. Без дозволения вождя этот паршивец портить лицо пленнику не рискнет. Шакал. Будь Геннадий свободен, он бы тщедушного аборигена голыми руками на части порвал. Знать бы, что все так обернется, хрен бы они его взяли так просто. Ну, как говорится: знал бы, куда упадешь, соломки бы подстелил.

Толмач что-то сказал вождю. Вождь вякнул по-своему, и Тца оставил Черепанова в покое.

Между полукровкой и вождем возникла дискуссия. Похоже, толмач предлагал Черепанова продать. Геннадий, разумеется, слов не понимал, но мулат сопровождал речь активной жестикуляцией, а слово «доллар» — оно международное. Похоже, вождь склонен был согласиться. И даже Тца успокоился: решил, видно, что и ему что-то перепадет. Жаден, паршивец. Дикарь. Черепановский «роллекс», подарок хорошего человека, себе на шею повесил. На один шнурок с когтями, зубами и прочей пакостью.

Вождь уже почти согласился было, кивать начал, но тут встрял шаман. Есть такие люди: одного взгляда достаточно, чтобы понять — гнида и садист.

Разорался шаман, завизжал, зафыркал. Принялся вождя стращать, толмачу «козу» показал. Мулат стерпел, попытался вежливо возразить... Шаман перебил: завопил еще громче.

— Взял бы ты его за ноги — да и треснул о столб,— громко посоветовал Геннадий по-английски.

Толмач зыркнул на него и тут же отвернулся. Остальные даже голов не повернули. Для них Геннадий — не человек.

Чужак — и этим все сказано. Конечно, жизнь у них — не сахар. Нищета. Насекомые. Всей цивилизации — дизель у хижины старосты да спутниковый телефон — у толмача. (Вот бы украсть! Хоть на пару минут.) И оружие, разумеется.

Толмача зовут незамысловато: Сэм. Через него в селение приходит много разных полезных вещей. Например, карабины. И виски. И медикаменты. И порножурналы, которые, впрочем, привлекают туземцев не столько содержанием, сколько цветной яркостью глянцевых картинок. Толмач — полезный чужак, поэтому к нему прислушиваются. С его подачи пленнику предоставили даже кое-какую свободу. Посадили на цепь перед хижиной. И кормят полезным для здоровья неочи-

щенным рисом. Рис — не здешний. Его насыпают из мешка с иероглифической надписью. Мяса не дают. Когда Тца убил дикую свинью, ее ели всем местным табором, но Черепанова никто не угостил.

Вообще-то туземцы — симпатичный народ. Особенно дети. Изящные, смуглые, большеглазые. Глянцево-черные волосы, белые ровные зубы. Но здешняя красота быстро сходит на нет. Особенно у женщин, которым приходится вкалывать от зари до зари.

Детишки делают попытки пообщаться с Геннадием. Они еще не знают, что чужак — не человек. Им любопытно. Дети — и шаман. Этот еще в первый день отрезал у Черепанова клок волос и попытался наворожить какую-то гадость. Теперь приходит и высматривает: не подействовало ли колдовство?

Геннадий развлекается тем, что обкладывает шамана по-русски, многоэтажно. Тот слушает. Вникает. Морщит собачью черную морду.

Пятый день в плену...

Толмач ушел. Звякнул по трубе, поговорил о чем-то по-испански, трахнул напоследок свою девчонку, сказал Черепанову «гуд бай, флаер» — и отбыл.

И сука-шаман воспользовался его отсутствием, чтобы уломать вождя.

На третий день Черепанову подмешали в рис какую-то дрянь, и он отключился. Пришел в себя на камешках, у ручья. Голый. Связанный по рукам и ногам. Качественно связанный. Вокруг расположились аборигены: шаман, вождь, старейшины, пяток наиболее авторитетных охотников. Сука-шаман подошел, наклонился и полоснул Черепанова ножом по животу. Неглубоко, только кожу вспорол. Кровь пустил. И тоже уселся на почетном месте. Ожидался увлекательный спектакль. С Черепановым в главной роли. В роли главного блюда. На кровь тут же слетелись мухи, облепили рану. Геннадий толкнулся связанными ногами и скатился в ручей. Вода была ледяная. Мухам она не понравилась. Черепанов уткнулся лицом в мелкие камешки на дне. Утонуть все же приятней, чем быть заживо съеденным.

Утонуть ему не дали. Схватили, вытащили, придавили ноги бревном: лежи, не рыпайся.

— Край![1] — с мерзкой улыбочкой посоветовал шаман.— Край!

Надо же, какие мы полиглоты.

Положение у Черепанова было — хуже некуда. Но все равно не верилось, что это конец. И еще было очень обидно. Ну что за удача у него такая долбаная! Сколько раз уже так бывало: надежное, казалось бы, дело внезапно оборачивается морем каких-то диких, абсолютно неожиданных проблем. При этом Геннадий — не из тех, кто ищет приключений на свое седалище. Совсем наоборот. Долбаные приключения сами его находят, выскакивают, словно крыса из-под холодильника, и нагло хватают за палец. Почему, черт возьми, эта долбаная крыса поселилась именно под *его* холодильником?

Сколько Черепанов себя помнил, всегда было именно так. Причем в по-настоящему опасных операциях, когда риск запланирован и учтен, все шло как по маслу. Его личный магнетизм в отношении всяких обломов и безобразий проявлялся внезапно и похабно. Как полтергейст. Геннадий этот аспект своей жизни осознавал и старался учитывать любую потенциальную неприятность. Черепанов был почти уверен: возьми он с собой спутниковый телефон и договорись о подстраховке с местными спасателями (есть же здесь спасатели?), обошлось бы без катапультирования. Отлетал бы нормально.

Была, правда, у черепановских «приключений» одна положительная особенность. Каждый раз как-то удавалось выкрутиться. На автопилоте. Как черепановскому соседу-бизнесмену уже два года удавалось каждый вечер безаварийно возвращаться домой на собственной «мазде», выжирая перед тем минимум два стакана. И ни одного ДТП. Утром на похмельную голову сосед вспоминал и ужасался. Понимал, что эта везуха — до *первого* ЧП. Второго уже не будет. Утром понимал, а вечером опять, набухавшись, усаживался за руль.

Точно так же и Геннадий понимал: и ему *одного* раза будет вполне достаточно. Но сейчас хотелось надеяться, что этот первый и последний раз еще не наступил. Пожалуй, это единственное, на что мог надеяться голый связанный человек, на которого уже взбирался первый и совсем безобидный на вид маленький клешнястый крабик.

---

[1] Кричи! *(англ.)*

Глава двенадцатая

И пал с неба гром...

И пал с неба гром.

И пришло спасение в облике...

В облике пятнистого брюха транспортного вертолета, сначала обрушившего с небес на землю чудовищный грохот винтов, а потом явившегося воочию с ревом и бурей, от которой заходило ходуном маленькое ущелье, порскнули по щелям тонконогие крабы, так и не полакомившиеся человечинкой, а организаторы и зрители чудовищного спектакля повскакивали с мест в полном смятении. Только главный герой остался на прежнем месте, потому что связанному и придавленному трехпудовым обрубком дерева особо не попрыгать.

А пятнистое брюхо, заслонив небо, медленно проплыло над самыми макушками деревьев, скользнуло вниз вдоль склона... И рев смолк.

«Сел,— отметило профессиональное сознание летчика Черепанова.— Совсем рядом сел».

Вождь рявкнул, и пара зрителей помоложе отправилась выяснять новости. Еще одному охотнику было велено распутать ноги Черепанова, что и было тут же проделано под громкие протесты шамана.

Крабий банкет отменялся.

Черепанова заставили подняться и, подпихивая палкой, погнали обратно в деревеньку. Геннадия била дрожь. От холодной ванны или от переживаний — трудно сказать. Колени тоже дрожали, но летчик старался шагать проворно и не спотыкаться, поскольку каждая заминка вознаграждалась тычком в почку.

Вертолет сел метрах в ста от поселка, на чахлое индейское поле. Черепанова провели мимо летательной машины. На краю открытого грузового люка, свесив ноги, сидел чернявый парень в «камуфляже» и пижонских черных очках. На коленях у парня покоился автомат. И не какая-нибудь фитюлька вроде «Узи», а здоровенная дура с подствольным гранатометом.

На появление процессии аборигенов с вождем во главе и связанным белым в арьергарде чернявый не отреагировал.

В поселке царило оживление. Все население, включая собак, толпилось на центральной «площади». Здесь же присутствовали

толмач Сэм и человек десять латиносов с автоматическим оружием и зверообразными мордами. Командовал ими азиат изрядного (для азиата) роста с торчащими вперед крупными зубами.

Узрев спотыкающегося Геннадия, азиат открыл пасть и злобно понес на вождя. По-испански.

Вождь завозражал. Тут же вмешался шаман, но вождь его осадил. Черепанова вытолкнули вперед.

— Ты — летчик? — спросил азиат по-английски.

— Летчик,— не стал скрывать Черепанов.

И азиат, и его компания Геннадию не понравились. Но терять-то нечего. Выбирая между откровенно бандитской шоблой и крабами, Геннадий без раздумий предпочел бандитов.

— Забери его,— скомандовал азиат одному из своих.

Вождь запротестовал. Мол, они еще не сговорились насчет цены. Включился толмач. Открыл лопатник, вытащил пачку разноцветных банкнот. Отсчитал дюжины две. Вождь ощерился: мало. Толмач добавил. Но по мнению вождя — недостаточно. Завязалась дискуссия.

И без того асимметричное лицо азиата перекосилось. Он рявкнул на диспутантов. Толмач сразу заткнулся, а вождь — нет. И зря. Потому что азиат перестал кривиться, вытащил пистолет и хладнокровно выстрелил вождю в лоб.

Среди аборигенов вспыхнуло волнение... И угасло под дулами нацеленных автоматов.

У горцев тоже было оружие, но мало у кого — с собой.

— Где твоя одежда? — спросил азиат.

— Там.— Геннадий кивнул в сторону хижины толмача.

Он не испытывал к убитому вождю теплых чувств, но подобное решение споров Черепанову очень не понравилось. Впрочем, свое неодобрение он демонстрировать не стал.

— Возьми его вещи,— велел азиат Сэму по-английски.— И отправляйтесь в вертолет. Живо!

Тесак полоснул по веревкам, и руки Геннадия снова стали свободны.

— Давай,— пихнул его Сэм.— Шевели задницей, летун!

Естественно, имущество Черепанова рассосалось. Все, вплоть до нижнего белья.

— Дерьмо,— констатировал мулат. Он не удивился. Пошарил в своем мешке, выудил шорты, черную майку и пластиковые шлепанцы.— Надевай. Хорош тут шарами трясти.

Черепанов оделся. Шорты оказались длинноваты, а майка налезла с трудом.

— Сойдет,— резюмировал Сэм.— Двинулись.

В селении шла разборка. Кто-то кричал, кто-то плакал. Головорезы в «камуфле» сгоняли народ в одну кучу.

Мимо Черепанова стрелой пронесся индеец. Парень хотел нырнуть в чащу за хижинами, но не успел. Дудукнул автомат, и беднягу швырнуло в траву.

— Шагай,— мулат подтолкнул его в спину,— без тебя разберутся. Или по крабам соскучился?

— Нет уж! — Черепанов подумал, что с этого дня он крабьего мяса в рот не возьмет.

Парень в черных очках скинул им трап. Чрево вертолета было огромно. Мощная двухвинтовая машина. В такой можно весь здешний поселок увезти. Вместе с хижинами.

Поближе к кабине был выгорожен пассажирский отсек. Туда Сэм и отвел Черепанова.

— Сиди и не дергайся, летун,— посоветовал он.— Захочешь отлить — вон лючок. Остальное — не твое дело.

— Остальное — это что? — спросил Черепанов.

— Это то, что тебя не касается! — отрезал мулат.— Я тебе добра желаю, понял? Вы, русские, вечно на жопу приключений ищете. Один из ваших тут в военных советниках числился...

— Да? — обрадовался Черепанов.— И где он теперь?

— Был — и нет,— отрезал мулат и скривился.— Твое дело — не рыпаться и язык за зубами держать. Особенно с Ляном. Лян болтунов не любит.

— Я заметил,— сдержанно произнес Геннадий, а про себя подумал: попадись ему этот Лян без своего пистолета, один на один... Уж они бы *поговорили*.

Глава тринадцатая

Секретная база

Снаружи бухнул выстрел. И тут же трещотками, взахлеб залаяли автоматы. На полминуты грохот стрельбы заглушил все

прочие звуки. Потом пальба смолкла, и стали слышны плач и жалобные крики.

— Сидеть! — скомандовал мулат, хотя Черепанов даже и не пытался подняться.

Снаружи заговорили по-испански. Кто-то повелительно гаркнул. Черепанов поднялся, выглянул в окошко.

— Сидеть! — приказал мулат.

— Да пошел ты в жопу,— пробормотал Геннадий.

К вертолету двигалась цепочка местных: детей, женщин, мужчин. У некоторых руки были связаны. Молодчики Ляна — по обе стороны...

Мулат схватил Черепанова за руку, потянул книзу. Геннадий перехватил его руку, сжал... Физиономия мулата перекосилась.

Когда Геннадий еще не был летчиком, а всего лишь подающим большие надежды спортсменом, в силовую часть их подготовки входили упражнения с брезентом. То есть вдоль стены зала вешался брезент, и будущие чемпионы, хватаясь руками за ткань, лазали по нему, как мухи по стенке. Очень полезное упражнение. Одно из многих полезных упражнений. И с тех пор если уж Геннадий брал кого-то за руку или еще за что-нибудь *по-настоящему*, то это производило *нужное* впечатление.

— Не нервничай,— спокойно произнес Черепанов, ослабив хватку.— Я просто посмотрел.

— Я тебе добра желаю,— обиженно проворчал мулат, растирая запястье.

— Спасибо, Сэм.— Черепанов не собирался ссориться с этим парнем. В конце концов, тот его выручил. Кабы не он, Геннадия уже доедали бы крабы.

В соседнем отсеке шла погрузка. Туземцев загоняли наверх. Из-за переборки доносился детский плач, перемежаемый бодрыми командами «погонщиков».

Спустя некоторое время в пассажирский отсек ввалилось полдюжины бандюков-«коммандос». Очень довольных. Старший из них, бычара с крохотными черными усиками и следом ожога на полщеки, что-то сказал по-испански. Сэм ответил. Потом покосился на Черепанова и продемонстрировал запястье, на котором остался след от хватки Геннадия.

«Обожженный» кивнул, а остальные «амигос» одобрительно защелкали.

— Говорит, ты такой здоровый,— пояснил Сэм.— Панчо говорит: сразу видно — русский.

Черепанов ухмыльнулся. Он знал, что в маечке смотрится достаточно весомо. В отличие от многих бывших спортсменов, Геннадий тщательно следил за тем, чтобы поддерживать себя в форме. Профессия летуна требовала идеального здоровья. Тем более он уже тогда целил на самый верх, *за* пределы воздушной стихии. А *там* требования еще выше...

Вертолет рвануло, дернуло, мотнуло в сторону. В грузовом завизжали. Практически пустая машина пошла вверх так, словно поднималась с предельной загрузкой.

«Любитель»,— пренебрежительно подумал Черепанов о пилоте. Вспомнилось, как взлетают *настоящие боевые* вертолетчики. Резко, низко, под острым углом к горизонту, чтоб затаившийся вражина не влепил подарочек на взлете...

И тут Геннадия пробила тоска. Остро захотелось *неба*. Не так, как сейчас: грузом в неуклюжей машине, а чтобы ходил в руках теплый чуткий штурвал, чтобы заворачивалось вокруг *пространство*...

Молодчики гомонили по-испански, перекрикивая рев двигателей. Оружие они держали между колен, беспечно. Черепанов мог бы легко дотянуться до ближайшего автомата...

И что дальше? Даже если он сумеет положить всех в отсеке?

Летели недолго. Может, с полчаса. Потом вертолет ухнул вниз так, что уши заложило, завис, опять нырнул — и сел. Вернее, плюхнулся.

«Коммандос» полезли в грузовой отсек. Меченый Панчо мимоходом звонко хлопнул Черепанова по плечу, изрек что-то одобрительное.

Минут через пять поднялся и Сэм:

— Пошли!

Это была узкая долина, к удивлению Черепанова, «оборудованная» самой настоящей взлетной полосой. В дальнем конце ее имелся прикрытый камуфляжными сетками ангар. За ангаром, под деревьями,— одноэтажные бараки.

Индейцы из поселка сбились в кучу, жались друг к другу. В основном — молодежь и подростки. Несколько взрослых мужчин со связанными руками и окровавленными физиономиями.

Из кабины вертолета спустился Лян. Вернее, спрыгнул. С четырехметровой высоты. Отлично спрыгнул, мягко. Черепанов оценил. Сам бы он так не смог, хотя прыжковый опыт и навыки имел изрядные. Оценил и отметил: опасный мужик. Очень опасный.

Азиат подошел к кучке аборигенов, что-то сказал своим, и индейцев погнали к баракам. Геннадий профессионально отметил, что с воздуха поселок прикрыт идеально. Да и полоса тоже неплохо замаскирована. Во всю длину ее выложена полоса мелких и крупных камней, между которыми проложили тусклую металлизированную ткань. Но это снизу видно, что тряпка, а сверху наверняка покажется, что ручеек. И на солнышке блестит. Да уж, такое не лох придумал. Но возникает вопрос: зачем?

Лян жестом поманил их к себе:

— Как тебя зовут, русский летчик? Кто ты и как сюда попал?

— Геннадий Черепанов. Летчик-испытатель,— лаконично ответил Геннадий.— Демонстрировал модель на столичной ярмарке. Были неполадки с системой. Катапультировался. Попал к местным...— подумал, не пошутить ли по этому поводу? Нет, не стоит. Физиономия китайца не располагала к шуткам.— Теперь у вас. Это все.

— Какой самолет ты пилотировал?

— «МиГ»-двадцать пятый.

Азиат кивнул:

— Военный летчик?

— Да.

Не было смысла скрывать то, что очевидно.

— Сейчас где служишь?

— Нигде. У нас сокращение штатов.— Черепанов криво усмехнулся.

Вспомнился анекдот советских времен.

На совещании в генштабе:

«Товарищи офицеры. Главный вопрос сегодняшнего совещания — сокращение штатов. Вопросы есть? Предложения? Так, если других предложений нет, начнем с Канзаса...»

Нынче все реализовалось с точностью до наоборот.

Зато вот у боевого офицера самой что ни на есть закрытой категории во время отпуска появилась возможность подкалымить в западном полушарии. Вот и подзаработал... Нет, правильно их при совке за бугор не пускали.

— Все, что ты сказал, будет проверено,— заявил китаец.— Если врешь, то лучше признайся сейчас.

Черепанов пожал плечами:

— Проверяйте. В том, что я сказал, ничего секретного нет.

— Он будет жить в шестом блоке,— сказал китаец Сэму по-английски.— Покажешь ему, где столовая.

Глава четырнадцатая

Развлечения латиноамериканских мачо

Пронзительный вопль раздался снаружи. Черепанов опустил ложку...

— Ты кушай, русский,— невозмутимо посоветовал Сэм.— Тебя это не касается.

В столовой, приземистом здании на коротких сваях, кроме них, было еще человек десять. Все — мужчины. И никто не обратил внимания на крик.

Черепанов поглядел в окно, затянутое противомоскитной сеткой: на лужайке перед столовой старый индеец чистил котел.

Кричал явно не он.

Еще один вопль.

— А посмотреть я могу? — спросил Геннадий.

— Можешь,— кивнул мулат.— Посмотреть можешь. Но лучше сначала покушай.

«Ешь, когда дают, и спи, когда есть возможность». Старое солдатское правило.

Это происходило за углом. Расчищенная от джунглей лужайка. Яркое солнце. Яркие цветы. Вопли попугаев в зарослях. В куче отбросов под полом «столовой» рылась пегая свинья.

А на лужайке развлекались головорезы Ляна.

Туземец, один из тех, кого взяли в поселке, был подвешен к перекладине за ноги. Руки его были свободны, и он изо всех сил пытался защититься от двух усатеньких латиносов, которые тыкали его палками. Туземец снова взвыл, и приятели латиносов разразились одобрительными воплями.

— Такая игра,— пояснил Сэм.— Кто заставит обезьяну подать голос, получает очко.

По животу и груди индейца текла кровь. Один глаз заплыл, щека была разорвана.

Неподалеку, сбившись в кучку, как перепуганные овцы, стояли сородичи подвешенного. Дети, женщины, подростки. Одна девочка плакала, остальные просто смотрели.

— Хочешь сыграть? — спросил Сэм.— У тебя ведь к обезьянам должок?

Черепанов в упор поглядел на мулата.

— Если кто и похож здесь на обезьяну, то это ты,— произнес он по-русски. И добавил уже по-английски: — Нет, не хочу.

— Дело твое.

На полянке появились еще двое. Панчо с приятелем. Деловито направились к пленникам, выдернули из группы девочку лет десяти. Женщину, попытавшуюся им помешать, приятель Панчо ткнул кулаком в лицо. Та упала. Приятеля Панчо это очень развеселило. Панчо что-то громко сказал, обращаясь к остальным пленникам.

Парочка, мучившая подвешенного, на некоторое время прекратила игру, заинтересовались. Ублюдки.

— Он говорит: если кто после его удара устоит на ногах, может быть свободен,— перевел Сэм.— Он шутник, наш Панчо! — добавил мулат, ухмыльнувшись.

Тут девочка, о которой на время забыли, сорвалась с места и бросилась к Черепанову.

Упала на коленки, обхватила ноги Геннадия и быстро-быстро заговорила. В ее черных и блестящих антрацитовых глазах плескался ужас.

Хрупкие смуглые плечи, толстые черные косы с вплетенными яркими перьями, в вырезе платья, между чуть обозначившихся грудей — дурацкая китайская игрушка на красном шнурке. Запах юной, нагретой солнцем кожи... Запах не женщины — ребенка...

— Что она говорит? — спросил Черепанов, хотя и так было ясно, о чем она говорит.

— Прогони ее,— велел Сэм.— Быстро!

А к ним уже двигался Панчо.

Головорез был намного выше Черепанова и так же широк в плечах. Он наклонился, намереваясь отцепить девочку от ног Геннадия.

— Не тронь ее! — четко произнес летчик по-английски.

Панчо медленно выпрямился, поглядел на Черепанова сверху вниз. Осклабился.

— Что, русский, любишь маленьких сучек? — перевел Сэм.— Они пока не про тебя. Ты еще не заработал. А если свербит, можешь трахнуть вот ее! — Меченый махнул в сторону свиньи, рывшейся в отбросах.— Хочешь?

— Или тебя,— холодно произнес Геннадий.— Не вижу разницы между тобой и свиньей.

Не стоило это говорить, но Черепанов ничего не мог с собой поделать.

Сэм запнулся...

— Что он сказал? — потребовал по-испански Панчо.

— Переведи ему, Сэм!

Мулат перевел. Очевидно, перевод был точен, потому что Панчо тут же перестал ухмыляться.

— Посмотри на это, русский? — В руке латиноса был здоровенный автоматический пистолет. «Ингрем», кажется.— А теперь туда! — Панчо выбросил руку, грянул выстрел, и подстреленный попугай тяжело плюхнулся на землю. Пуля напрочь снесла его голову.

— Хочешь попробовать? — Пистолет уже глядел в переносицу Черепанова.

«Не „ингрем“,— подумал Геннадий.— „Ингрем“ одиночными не стреляет. И откидного приклада нет».

— Панчо, нет! — выкрикнул Сэм.— Не спорь с ним, летчик! Он дурной, он выстрелит! — Мулат был по-настоящему испуган. Он нес за Черепанова личную ответственность перед Ляном.

Геннадий на пистолет не смотрел. Он смотрел прямо в глаза меченого.

— Отпусти меня, детка,— сказал он по-русски и погладил юную индианку по гладким волосам.

Девочка поняла. Разжала руки, встала. Ее черная макушка не доставала даже до нагрудного кармана Панчо. Совсем крошка...

Головорез снова осклабился, начал опускать оружие, открыл рот, чтобы что-то сказать...

Черепанов выбросил вперед руку...

Панчо тут же нажал на спуск. Пистолет был направлен в живот Геннадия, но выстрела не произошло, потому что по ту сторону спускового крючка, между ним и скобой оказался палец Геннадия. В следующее мгновение рука Панчо хрустнула в запястье, а сам он с воплем грохнулся на траву. А его пистолет остался у Геннадия.

Но и на летчика уже было направлено не меньше дюжины стволов. У головорезов Ляна тоже была отменная реакция и солидный опыт.

— Не стрелять! — Из-за угла столовой появился китаец.— Не стрелять! — повторил он по-испански и еще раз по-английски, для Черепанова.— Что здесь произошло?

Панчо, баюкая сломанную кисть, заговорил яростно. Лян прервал его на половине фразы.

— Сэм?

Мулат зачастил по-испански. Пока он говорил, азиат пристально разглядывал Черепанова. Пистолет в руке Геннадия он игнорировал.

«Коммандос» загалдели, но азиат сказал что-то, даже особенно не повышая голоса. И стало тихо.

— Умеешь драться? — спросил китаец Черепанова.— Хочу проверить, чего ты стоишь, русский. Положи пистолет и покажи мне, на что способен.

— Зачем?

— Затем, что мне этого хочется. А тебе разве — нет?

«Он крут,— подумал Черепанов, вспомнив, как лихо китаец сиганул с четырехметровой высоты.— И наверняка владеет всякими кун-фу, у-шу. Но ведь и мы не лыком шиты. И весу во мне килограммов на пять больше... И терять мне нечего опять-таки, а вот я ему, похоже, нужен». Черт возьми! Разве не было у него самого желания накостылять самоуверенному азиату?

Черепанов поставил пистолет (австрийский, надо же!) на предохранитель и бросил на траву.

— Давай,— сказал он.— Попробуем...

Головорезы тут же подались в стороны. Загалдели, но уже скорее одобрительно, чем осуждающе.

«Мужики везде одинаковы,— подумал Черепанов.— Хлебом не корми, дай на хорошую драку поглазеть. Даже если понимают, что не в игрушки играем».

Он скинул шлепанцы — босиком надежнее, потер ладони, шеей подвигал, подышал...

Китаец ждал. Предоставлял гостю право первого броска. Ну что ж...

В быстроте с Геннадием мало кто мог конкурировать. Азиат только и успел, что чуток назад податься, а уже оказался в захвате. И сразу — бросок. Жалобно затрещала рубаха китайца,

скрученная черепановскими пальцами. Почва ушла из-под ног китайца. Правда, он ухитрился вцепиться обеими руками за каменное предплечье Черепанова, а тот уже послал противника резко и мощно — вверх и назад...

И тут что-то произошло. Бросок был уже сделан, Лян был уже в воздухе, но пальцы Геннадия, подхватившие китайца под ремень, почему-то сами по себе разжались. И упал азиат совсем не так, как должен был упасть — плотно припечатанный о землю, а боком. При этом вывернулся и ухитрился чуть ли не на ноги сразу встать. Но его рубаха была все еще в захвате, и Геннадий рванул его на себя, собираясь перехватить второй рукой... Но второй, левой руки у него не было. То есть она была, но почему-то висела плетью и отказывалась повиноваться. А китаец легко, необычайно легко подался навстречу...

На этот раз Черепанов успел понять, что произошло. Вернее, почувствовать, как мягкая, почти нежная рука Ляна скользнула по его руке, от запястья вверх, а потом пальцы китайца как-то проникли между черепановских мышц, уже у локтевого сгиба, и правая рука Геннадия отнялась так же, как и левая. Миг спустя дикая боль, словно удар тока, проскочила между онемевшими руками Черепанова. У Геннадия как будто сердце остановилось. Наверное, он закричал. Если этот вибрирующий вой можно назвать криком. В следующий момент китаец резко хлопнул летчика ладонью точно в центр груди. И Черепанов отключился.

Отключился и не слыхал, как восторженно заревели «коммандос». И не увидел, как Лян поднял руку, призывая к молчанию. Кивнул на лежащего Черепанова:

— Летчика отнесите в блок. Аккуратно.— Затем азиат указал на Панчо.— Ему — десять плетей и в лазарет.

Подручные зароптали было, но холодный, равнодушный, как у ящерицы, взгляд раскосых глаз прошелся по лицам — и ропот увял.

— Этого,— кивок на подвешенного,— кончайте. Остальных — к делу. Мне нужны рабочие руки, а не харч для кондоров. Можете взять пяток баб — на всех. А эту,— жест в сторону девочки, которая опрометчиво понадеялась на защиту Геннадия,— эту — мне. Выполнять!

Китаец повернулся и неторопливо двинулся прочь. А его подчиненные, не мешкая, принялись выполнять приказ. Точно и быстро.

Правда, те, кто тащил Геннадия, не удержались и уже внутри попинали бесчувственное тело. Но аккуратно попинали. Без членовредительства. Они знали своего командира. Только очень хорошие деньги могли удержать этих людей рядом с таким чудовищем. С другой стороны, деньги действительно были очень хорошие, а чудовище крайне редко убивало своих ради развлечения.

Глава пятнадцатая

Китайское предложение и последствия «утонченных» развлечений настоящих китайских мужчин

— Это хороший самолет,— сказал Лян.— Маленький, но быстрый. Слетаешь в Мексику и обратно.

— А потом? — спросил Геннадий.

— А потом получишь деньги. Десять тысяч долларов.

— Не слабо.— Черепанов сделал вид, будто сумма его заинтересовала. На самом деле он ни минуты не сомневался, что никаких денег не будет. Его используют, а потом убьют.— А что мы повезем?

Китаец сделал вид, словно не услышал вопроса.

— За каждый рейс будешь получать десять тысяч. Наличными или на кредитку. Как предпочитаешь?

— Наличными.

— Хорошо.

— Маршрут?

— Узнаешь перед вылетом.

— Трудности?

— Какие трудности?

— Если за два вылета платят десять тысяч баксов, значит, должны быть трудности.

— Единственная трудность, русский, в том, что это должен быть беспосадочный рейс. Даже если кто-то захочет, чтобы ты сел. Но я знаю, что ты хороший летчик. Я узнавал о тебе. Ты справишься.

— Справлюсь. Если нас не собьют и хватит горючего.

— Так и будет.

— Мне бы хотелось попробовать машину.

— Попробуешь в полете. Мои мальчики тебя больше не обижают?

— Меня трудно обидеть.

— Трудно, но можно. Ты здесь чужой. Никто.

— Но тебе я нужен, верно?

— Да, русский. Мне ты нужен. Мой пилот совсем никудышный. В этой стране очень трудно найти хороших пилотов. В этом тебе повезло. И в том, что я послал Сэма договориться насчет рабочих именно в это селение.

— Может, мне и повезло, но не этим индейцам.

— Думаешь, я жестокий человек? — спросил китаец.

— А разве нет?

— Ты ошибаешься. Я не жестокий, я мудрый. Мудрый не жесток и не добр. Я управляю. Жизнь или смерть не имеет значения. Здесь, в горах, живут очень жестокие люди, русский. Они не позволили бы мне делать мое дело, если бы не ощущали, что я — их господин. Вот моим мальчикам нравится быть жестокими. Я специально подбирал таких. Потому что в них живет страх. А я управляю их страхом. Вот в тебе страха нет. Ты очень храбрый человек, русский. Вы, русские, все такие: храбрые и глупые. Вас тоже хорошо использовать.

Черепанов промолчал.

Эта косоглазая сволочь была права. Его использовали. Как повод, чтобы расправиться с индейцами. Как вещь — чтобы показать «бойз», насколько крут их хозяин.

Черепанов подозревал, что Лян умело спровоцировал его, еще когда они садились в вертолет. Заронил в Черепанове желание проверить, кто из них сильнее. Но приемчики у него что надо. Геннадий охотно поучился бы таким.

— Хочешь что-то спросить?

— Хочу,— сказал Черепанов.— Покажи, как ты это делаешь?

Китаец понял, о чем идет речь, качнул круглой головой.

— Нельзя, русский. Это тайна моей семьи. Если я открою ее — умру. И ты тоже умрешь.

Похоже, он не шутил.

— Жаль.

— Хочешь выпить?

— Нет, спасибо. Когда вылет?

— Торопишься? Это хорошо. Вылет — завтра.

Черепанов удивился. Но кивнул. Завтра, так завтра.

— Иди,— сказал Лян.— Отдыхай. Собирай вещи.

Шутка.

Этот чертов китаец начинал нравиться Геннадию.

Черепанову всегда нравились сильные противники. Даже если не удавалось их победить, все равно. Даже после проигрыша оставалось замечательное ощущение *достойного* поединка.

Черепанов вышел из «командирского» блока. Постоял, наблюдая, как мечутся среди ветвей длиннохвостые обезьянки.

Упругий ветерок был вкусен, как бывает только в горах. Черепанов вдохнул полной грудью. И тут ветер переменился... И принес запах тлена. Вернее даже не тлена, а смерти. Крови и нечистот. Совсем слабый запах, но у Черепанова острое обоняние.

Она лежала на земле, у опорной сваи, накрытая куском грязного брезента. Узнать ее было невозможно. Не потому, что лицо ее было изуродовано, нет. Просто это было уже не *ее* лицо. Не хотелось даже думать о том, какой смертью она должна была умереть, чтобы лицо стало *таким*.

И тем не менее Геннадий ее узнал. По кукле, длинноносому китайскому уродцу-«буратино» на тонком красном шнурке.

Черепанов не помнил, сколько он так простоял,— глядя на мертвую индейскую девочку. Может, полминуты, может, четверть часа. Его безукоризненное ощущение времени внезапно отключилось. Особое состояние мгновенного постижения сути мира. И осознание своего места в нем. Осознание того, почему он, Геннадий Черепанов, находится здесь. Почему и *зачем*.

Понимание пришло и ушло, оставив внутри ощущение *предназначения*, силы, которую невозможно ни отбросить, ни одолеть. Геннадий наклонился, разорвал тонкий красный шнурок, сунул игрушку в карман и снова накрыл тело брезентом.

...И услышал доносящийся из окна голос Ляна.

Голоса его собеседника не было слышно. Очевидно, китаец разговаривал по спутниковому телефону.

— Да,— говорил он.— Да. Вам не следует беспокоиться. Мне пришлось избавиться от того пилота... Да, у меня есть другой. Доставит продукт вам. Но обратный рейс должен сделать уже ваш пилот... Избавьтесь от него. Нет, он хороший пилот, но его

невозможно контролировать... Да... Да... Завтра ближе к вечеру. Конец связи.

Черепанов мрачно улыбнулся и двинулся прочь от «командирского» блока.

Ночью Черепанов долго лежал без сна. Не потому, что снаружи орала и вопила всякая фауна. И не потому, что — бессонница. Уж чего-чего, а бессонницы у Черепанова сроду не было. Просто не хотелось спать. И было о чем подумать. Все-таки не каждый день ощущаешь прикосновение *высших* сил. В сравнении с этим все остальное: катастрофа, индейцы, угроза смерти — казалось чем-то вроде декораций в театре. Декорации ведь не определяют спектакля. Это спектакль определяет декорации. Но было и нечто, не подлежащее замене. Например, лицо мертвой индейской девочки. И непередаваемое чувство *предназначения*. Казалось бы, если ты знаешь, что должен сделать, это лишает тебя свободы. Но на самом деле именно в этом была истинная свобода. Геннадий мог *все*. Например, он мог сейчас встать и уйти в сельву. И никто не смог бы ему помешать. Но Черепанов не уходил. Зачем? Мир и так принадлежал ему. Нечто подобное Геннадий не раз испытывал в небе. Когда внизу, под упругими крыльями *его* машины со скоростью двух тысяч километров в час прокручивалась поверхность земного шарика. Но то было в небе, где истинная мощь определялась не мускулатурой летчика, а огненными смерчами турбореактивных двигателей и смертоносными сигарами ракет на консолях крыльев. То было в небе. На земле же Черепанов раньше никогда не испытывал ничего подобного. Это было здорово. Потрясающе. Утром...

Глава шестнадцатая

Еще одна авиакатастрофа

Утром Геннадий вновь проснулся обычным человеком. Пережитое вчера казалось чем-то вроде сна. Не более.

Черепанов встал, умылся, сходил в столовую. Коренные обитатели лагеря не замечали его. Похоже, самоуверенный Лян даже не приставил сторожа. И Сэм куда-то подевался. И индей-

цев куда-то увели. В лагере осталось человек тридцать «коммандос» и всякая обслуга.

Черепанов не стал разгуливать по лагерю. Вернулся в отведенную ему комнату, достал из кармана «буратино», сжал в кулаке... И ощущение внутренней силы вернулось. Самовнушение?

Геннадию не предоставили времени, чтобы обдумать это. За ним пришли.

Панчо и его приятель. Кисть Панчо была упакована в куколь из бинтов. Кобура перекочевала с правого бедра на левое.

Они принесли Черепанову комбинезон и ботинки. Это правильно. Шлепанцы — не самая лучшая обувь для пилотирования.

— Поднимайся, летчик. Одевайся. Пойдем.

Самолетик оказался французской работы. Но ничего особенно сложного. Стандартный комплект приборов, стандартная система управления. Зато под крыльями были установлены дополнительные баки с горючим.

К полету его уже подготовили. В салоне между креслами стояло несколько ящиков без маркировки. Очевидно, весь груз. Наркотики?

Передать Черепанову самолет поручили вертолетчику. Его английского хватило, чтобы отвечать на простейшие вопросы. Впрочем, у Геннадия сложилось ощущение, что он имеет дело не с профессиональным пилотом, а с любителем-самоучкой. Но самолет был подготовлен нормально, и вроде бы все работало. Вертолетчик передал Черепанову комплект карт. Геннадий убедился, что маршрут проложен грамотно. Лететь предстояло действительно в Мексику. По большей части — над океаном. Вне государственных воздушных пространств. Общая протяженность маршрута составляла около тысячи километров. Вполне реально для этой модели даже без дополнительного запаса горючего. Черепанов еще не знал точно, как построит полет, но уже знал, что до Мексики не долетит. Какой смысл лететь туда, где от тебя собираются избавиться?

Напоследок он спросил пилота, показывая на ящики:

— Драге? Наркотики?

Тот мотнул головой.

— А что?

— Не твое дело.

Пришел Лян.

— Как настроение, русский? Нормально? Молодец! Слетаешь туда и назад, получишь десять кусков. И я, может быть, покажу тебе кое-что... Из семейных приемов. Хочешь?

Геннадий изобразил живейший интерес.

Лян уже вычеркнул Черепанова из списка живых.

«Ну-ну, помечтай»,— подумал Геннадий.

С полосы убрали камни. Осталась только коротко остриженная травка. Все-таки винтовые самолеты имеют свои преимущества. Для реактивного зверя полосу пришлось бы удлинить вдвое и вдобавок вылизать дочиста. Мусор, втянутый в воздухозаборники,— это смерть. Помимо Черепанова в самолет загрузились четверо «коммандос» во главе с Панчо. Этот уселся в кресло второго пилота, остальные разместились в салоне.

Геннадий запустил двигатели, проверился — нормально. Вырулил на взлетную, прибавил обороты. Самолетик, подпрыгивая, поскакал по полосе. Чертовы латиносы не выровняли ее как следует. Поворот, закрылки, форсаж, штурвал на себя — машина послушно оторвалась от земли и ушла вверх. После сверхскоростных истребителей — как с мотоцикла на велосипед пересесть. Но небо есть небо. И слушался французский самолетик идеально. Черепанов заложил вираж. Потом еще один. Он хотел как следует запомнить местность.

Внизу фигурки в пятнистых куртках опять выкладывали муляж ручья.

Геннадий нырнул вниз и прошел низко-низко, над самыми верхушками, отметив, что при правильном заходе и сборные домики на сваях, и тяжелый вертолет под маскировочными сетками вполне можно засечь. Если заранее знать, где искать.

Панчо сердито рявкнул и махнул в сторону солнца. Давай, мол, на маршрут. Черепанов кивнул и послал машину на восток, к океану.

Реально лететь до берега было минут двадцать-двадцать пять, но Черепанов не торопился. И старался держаться пониже. У него уже сложился примерный план действий, основанный на том, что никто не станет стрелять в пилота, пока

самолет не окажется на земле. И еще — на беспечности остальных «коммандос», даже не потрудившихся пристегнуться.

Полет в горах на небольшой высоте имел то преимущество, что из-за постоянной смены направлений непрофессионалу было крайне трудно отследить, насколько точно самолет придерживается маршрута. Даже Панчо, поначалу старательно таращившемуся на мелькающие склоны, через полчасика это дело обрыдло. Задремал орелик. А самолет тем временем продолжал лететь. В общем — в сторону Атлантического океана. Но при этом постепенно забирая все дальше и дальше к югу. Все дальше от предписанной маршрутом Мексики и все ближе к тому месту, откуда несколько дней назад рванулся в воздух сверхскоростной истребитель-перехватчик «МиГ-25».

Когда впереди показался океан, Черепанов отыграл почти четыреста километров. Так что теперь он мог спокойно развернуться и взять курс на север.

Надзиратель Панчо проснулся и заворчал, требуя, чтобы Черепанов взял дальше к морю. Черепанов проигнорировал.

Внизу слева показалась полоска магистрали, пляж — и высотные коробки большого города.

Панчо вытаращил глаза и некоторое время старался осмыслить происходящее. А Черепанов по плавной дуге начал разворачивать самолет влево. Его идея была проста, как грабли. Пока он за штурвалом, никто ему ничего не сделает. А когда он посадит самолет на аэродроме, с которого взлетел четыре дня назад, посмотрим, посмеют ли они его прикончить. И смогут ли... У Геннадия был припасен для головорезов Ляна очень неприятный сюрприз.

Панчо наконец сообразил: происходит нечто незапланированное. И возмущенно заорал. Черепанов проигнорировал. Панчо схватился за телефон. Очевидно, его начальство высказалось достаточно недвусмысленно — Панчо заорал еще громче, и остальные головорезы тоже завопили. Но воплями не ограничились, а повскакивали с кресел и бросились к Черепанову. Это было самое глупое, что они могли сделать. Потому что в следующий миг Геннадий рванул штурвал на себя, и послушное изделие французских авиастроителей вошло в мертвую петлю.

Панчо заревел, как ошпаренный осел, швырнул в Черепанова телефоном и (полный придурок!) вцепился во второй штурвал. Едва не угробил всю компанию. Самолет, оказавшийся под углом девяносто градусов к поверхности океана, «сошел» с дуги, «клюнул» вперед в попытке исполнить фигуру высшего пилотажа, называемую «коброй». Черепанов оную фигуру выполнять умел, поскольку она очень эффективна, когда требуется, скажем, «сбросить с хвоста» прилипшие ракеты противника. Да, Геннадий умел выполнять «кобру» но, исключительно на «СУ-27» или «СУ-35». А вот маленький гражданский самолетик...

Они ухнули в штопор. В салоне раздавались вопли и грохот. Что-то трещало и ломалось. Мир вокруг вертелся и опрокидывался. Ошизевший Панчо, в первые же секунды выпустивший штурвал, изверг содержимое желудка на прозрачный пластик фонаря и больше участвовать в управлении машиной не пытался.

Черепанов же изо всех сил старался выровнять самолет. И в конце концов ему это удалось — на высоте каких-нибудь трехсот-четырехсот метров. Все-таки Геннадий был летчиком экстракласса. Он справился. И даже позволил себе оглянуться. В салоне царил полный разгром. Трое «коммандос» были качественно обездвижены. Причем один — навсегда: размозженный череп с понятием «жизнь» несовместим. Что касается других, то с беглого взгляда определить, живы ли они, было затруднительно. Зато причина треска и грохота выяснилась с первого взгляда. Таинственные ящики. Эти уроды не потрудились закрепить их как следует, и во время падения ящики тоже находились в состоянии свободного полета. Внутри салона.

Пахло в кабине премерзко. Дерьмом и блевотиной. Ладно, разберемся. Самолет по-прежнему слушался, и Черепанов, снизив скорость, развернул его в сторону берега. Интересно, как выглядели с земли их кульбиты? Ничего, скоро он это узнает. Когда приземлится.

Брошенный Панчо телефон запищал где-то под ногами. Черепанов исхитрился наклониться и подобрать его. Конечно, он не знал испанского, зато голос узнал без труда.

— Хай! — сказал он.— Хау ду ю ду, чайна бастард? — У Геннадия было как раз подходящее настроение, чтобы поговорить.

Но человек, как говорится, предполагает, а располагает, как известно, уже Судьба.

Очнулся Панчо. Очнулся, поглядел тупо: сначала на приближающийся берег. Потом развернулся и обозрел то, что творилось в салоне. Затем — на Черепанова.

В ошарашенном мозгу громилы-латиноса замкнуло.

Он страшно оскалился и зашарил здоровой рукой, отыскивая кобуру. И таки нашел ее. И достал пистолет и выпалил в пилота. В Геннадия то есть. Промахнулся. Выпалил еще раз. Попал. Куда-то. Штурвал сразу потяжелел, самолет рыскнул. Черепанов выматерился и толкнул штурвал вперед. Самолет нырнул вертикально вниз, ополоумевший стрелок уронил пистолет и повис на ремнях... В следующий момент увесистый ящик пронесся в полуметре от Черепанова, задел металлическим углом шею Панчо, вспоров ее не хуже топора, обрушился другим углом на пластик фонаря, проломил его и отправился в морскую пучину.

Поток встречного воздуха яростно ударил в лицо Геннадия. Черепанов, щуря слезящиеся глаза, тянул штурвал на себя. Самолет повиновался очень неохотно. Обороты двигателя упали до минимума, а через полминуты он и вовсе заглох. Голубая скатерть океана стремительно приближалась. До берега было не близко: километра три-четыре, но это как раз было хорошо, потому что сажать самолет на песчаный пляж — самоубийство.

Геннадий кое-как выровнял машину, постарался предельно снизить скорость, выпустил закрылки... Черт, может быть, даже удастся удержать самолетик на плаву.

Не удалось. Хвостовая часть чиркнула по поверхности, и пластиковое брюхо самолета с силой ударилось о воду. Черепанова мотнуло так, что затрещали ребра. В глазах потемнело. На миг он лишился сознания, но в следующий момент через пролом фонаря хлынула вода и привела Геннадия в чувство. К счастью, хвостовая часть оказалась тяжелее, и нос самолета задрался. Но качественно сработанная машина еще несколько секунд изображала из себя поплавок, раскачиваясь на длинных океанских волнах. Этого хватило, чтобы Геннадий отстегнулся от кресла и выкарабкался наружу.

Минутой позже, избавившись от ботинок, он взял курс к берегу. Проплыть километр с небольшим — пустяки. Если, конечно, пловцом не заинтересуется какая-нибудь акула.

Глава семнадцатая,

в которой летчик-испытатель Геннадий Черепанов возвращает долги и выполняет обещания

Акулы им не заинтересовались. Примерно через час слегка потрепанный, но не побежденный, он выбрался на пляж. От летного комбинезона Геннадий избавился еще в воде и теперь мало отличался от прочей отдыхающей публики. Разве что отменным телосложением и относительно слабым загаром. Впрочем, он сумел сохранить две вещи. Одну — из суеверия, вторую — на всякий случай.

Не мудрствуя, Черепанов направился к первому же полицейскому и объяснил с помощью жестов и условного английского, что он есть русский летчик с ярмарки, который пошел купаться, а вернувшись, не обнаружил ни одежды, ни бумажника.

Геннадию показалось, что эта версия выглядит правдоподобнее настоящей истории.

Полицейский отнесся с пониманием и сопроводил облаченного в мокрые трусы Черепанова в «участок». Там занимались делом: со всем южным темпераментом обсуждали недавнее падение самолета. Узнав, что Геннадий — летчик, местный остряк тут же поинтересовался: не с *того* ли самолета?

Черепанов изобразил непонимание. И попросил связать его с руководителем русского представительства.

Его желание было выполнено. Почему бы и нет? Вместо руководителя трубку взял один из менеджеров.

— Это я,— сказал Геннадий.— Да, Черепанов. На пляже. Вышлите машину. Черт, откуда я знаю, куда? Выясни у местных.— Он сунул трубку одному из полицейских.

Спустя час за ним прислали машину. За этот час его трижды угостили кофе и поднесли стаканчик текилы. Очень интересовались его профессиональным мнением по поводу рухнувшего самолета. Геннадий отговорился тем, что катастрофы не видел. Нырял. Зато сам выяснил, что никаких значительных следов на месте падения обнаружить не удалось. Так, мелкий мусор.

— Я все-таки не понимаю, как ты оказался на пляже.— Руководитель русского представительства господин Иванов Михал Михалыч протер платком загорелую лысину.

— Я же говорю: выбрался к побережью, а там рыбаки,— терпеливо пояснил Геннадий.— А до побережья меня подбросили на вертолете. Какие-то местные.

— Какой-то бред!

— Ко мне есть какие-нибудь претензии?

— Да нет, я же сказал: мы нашли обломки и извлекли «черный ящик». Какие к тебе могут быть претензии? Что ты живой, что ли? Как ты себя чувствуешь, кстати?

— Нормально,— Черепанов сдержанно улыбнулся,— отдохнувшим.

— Бред! — Господин Иванов выкинул бумажный платок и достал новый. Сухой.— Триста километров по горам. Отдых, мать твою!

— Меня подбросили,— напомнил Черепанов.— На вертолете. Но сначала я упал в реку и потерял все свои вещи. Поэтому...

— Да хрен с ними, с вещами! Живой и ладно. Летать можешь?

Геннадий улыбнулся. Чуточку шире:

— Всегда!

— Отлично. Нам как раз нужен летчик твоего профиля. Боливия хочет «МиГ-29» купить. Наземного базирования. Желают поглядеть, каков он в деле. Надо отработать по наземным и по воздушным. Отдельно. Готов?

— Почему нет? — спокойно произнес Геннадий, но внутри у него все перевернулось.— Какая задача?

— Собьешь пару воздушных целей, потом раздолбаешь старую баржу. Ничего особенного.

— Баржу? — Черепанов изобразил сомнение.— Не слишком эффектно.

— А что ты предлагаешь?

— Я бы по наземным целям отработал. По площадям. На реальной местности. Куда эффектнее выйдет.

— Угу. И кого же ты бомбить собираешься? — саркастически поинтересовался господин Иванов, человек сугубо штатский, зато с серьезными политическим связями.

— Там, где я недавно... гулял, полно совершенно пустых ущелий,— сказал Черепанов.— Никого, кроме попугаев. Па-

рочку я точно запомнил. С воздуха узнаю легко. Договоритесь?

— Хм-м... Можно попробовать. Говоришь, эффектнее выйдет?

— Еще как! Море огня!

— Ладно, попробую договориться. Молодец, майор! Иди, отдыхай.

Иванов договорился. Легко. Как он потом сказал Черепанову, местный чиновник из департамента территорий, не моргнув, принял «барашка» и выдал разрешение. На осторожный вопрос, не окажется ли на данных территориях местных жителей, махнул рукой и сказал, что если русские угробят десяток-другой дикарей, так страна от этого только выиграет. От этих горцев одно беспокойство.

Ярмарка закончилась. Катастрофа, постигшая самолет Черепанова, неожиданным образом сыграла в плюс. Поскольку повсеместно было заявлено, что имела место диверсия, но несмотря на печальные обстоятельства, пилот остался в живых. Вот, значит, какие у нас надежные машины. Заинтересованная публика приходила посмотреть на живучего пилота. А какой-то недоброжелатель заменил пластиковый коврик в ванной номера Черепанова на металлизированный, заземленный через водопроводную трубу. И дабы ни у кого не оставалось сомнений насчет цели этого акта, к ванне посредством провода с «крокодильчиком» было подведено напряжение. Электрик-энтузиаст даже позаботился, чтобы русский пилот не мучился. Напряжение было подано не прямо из сети (127 вольт), а через трансформатор (2000 вольт). К сожалению, русский пилот оказался излишне наблюдателен и вдобавок знал, как выглядит специальная токопроводящая ткань.

Случай не стал достоянием гласности, зато служба безопасности господина Иванова взяла Геннадия под особую опеку. Ненадолго, потому что отлет группы намечался через два дня — сразу после того как Черепанов продемонстрирует возможности русской военной техники.

На этот раз все проверили качественно. И Черепанов мог быть стопроцентно уверен: со стороны машины проблем не бу-

дет. Какие проблемы, господа? Немного пострелять, слетать отбомбиться, записать все на видео — и домой.

Разнести пару радиоуправляемых «этажерок» — сущие пустяки. «РП-29»[1], способный осуществлять поиск и сопровождение на проходе до десяти воздушных целей в любых метеоусловиях, в свободном пространстве или на фоне земли, с дальностью захвата порядка 70 км, был предназначен для серьезных противников, а не для престарелых распрыскивателей гербицидов.

Черепанов обозначил курс и позволил автоматике поиграть в пилотирование. Сам же достал небольшой черный предмет, запаянный в гибкий пластик, и нажал на кнопку.

Три дня назад он имел возможность убедиться, что живучесть японской техники ничуть не уступает живучести русских пилотов и намного превосходит живучесть южноамериканских «коммандос». Хозяин спутникового телефона Панчо уже несколько дней грелся в аду, а его «труба» превосходно функционировала. И отлично помнила последний набранный номер.

— Привет, китайский ублюдок! Узнаешь меня?

— Да, русский. Я тебя узнал. Зря ты смеешься, русский. Ты — мертвец. Ты от меня не спрячешься. Я найду тебя везде. И в твоей России. Я найду...

— Искать меня? — перебил Геннадий.— Не надо меня искать, дерьмо обезьянье! Я уже иду к тебе!

— Ты? — По тону чувствовалось: удивил Черепанов Ляна. Не на шутку удивил.— Идешь ко мне!

— Угу! Жди, ублюдок! Я скоро буду у тебя!

— Да ну? — не поверил глазастый. И зря.— Неужели? И когда тебя ждать, русский?

— Да прямо сейчас! — Черепанов сунул трубку в зажим, включил видеокамеры и взял управление на себя.

— Слишком низкий заход на посадку! — строгим женским голосом сообщила Черепанову речевая система оповещения.

— Отстань! — бросил Черепанов.— Я здесь уже садился. Хватит.

Серебристая птица вынырнула из-за гребня, опередив даже рев собственных турбин. Две маленькие сигарки соскользнули с

[1] «РП-29» — радиолокатор, разработанный специально для этой модели.

консолей и нырнули вниз. Секундой позже к земле устремились контейнеры.

Серебристая птица задрала изогнутый клюв и свечой ушла в небо. Чуть раньше, чем яростное пламя до краев наполнило полукилометровую горную впадину с качественной имитацией ручья посередине.

— Впечатляет,— сказал боливийский полковник, после того как видеомагнитофон прокрутил последние кадры.— И какова вероятность, что после такой обработки кто-то останется в живых? — Он посмотрел на Иванова, а тот, в свою очередь,— на Черепанова.

— Вероятность такая существует,— кивнул Геннадий.— Если на данных площадях имеются серьезные оборонительные сооружения.

— А если нет?

Черепанов улыбнулся.

— Пепел — хорошее удобрение,— сказал он.— Но трава на этом месте еще долго не вырастет.

— Понимаю,— произнес полковник.— Пожалуй, я убедился, что ваш самолет подходит для наших целей. Мы его покупаем.

На следующее утро Геннадий опять был в небе. Но уже в качестве пассажира. В одном кармане его легкой куртки лежала новая кредитка с солидной суммой (оплата плюс премиальные), в другой — дешевая китайская игрушка с длинным облупившимся носом. Спроси сейчас Черепанова: какой из двух предметов для него важнее, он затруднился бы ответить.

Да, и еще одно. Вернувшись в Москву, Черепанов позвонил одному из своих старых приятелей-вольников, серьезно занимавшемуся восточными техниками, и напросился в гости.

— Хм-м,— пробормотал тот, когда Геннадий описал ему фокусы покойника Ляна.— Похоже на циньна...

— Это еще что за хрень?

— Одна из техник у-шу. Относительно свежая, и сотни лет не наберется. Циньна-гэдоу. Эффективная вещь. Захваты, броски, болевые. Точечная техника, техника разделения мышц, перекрытия вен и дыхания. Работа с оружием и без оружия. В Китае по этой технике спецназ готовят и эфэсбэ ихнее.

— Что серьезная, это я уже понял. Слушай, я бы этой штуке поучился.

— Да ну? — Приятель усмехнулся.— Я бы тоже. Только вот у кого? Мастеров такого уровня, какой ты описывал, в Москве точно нет. Да и в Союзе тоже. Тьфу! В ЭсЭнГэ. Я бы знал. Слушай, а твой этот... Не согласится?

Черепанов покачал головой:

— Он не сможет.

Это уж точно. Это только в сказках покойники консультируют живых по вопросам единоборства.

— Жалко. Слушай, а зачем *тебе* это надо? Ты же из спорта еще в восьмидесятом ушел. Или нет?

— Ушел,— согласился Черепанов.— Я не для спорта. Для себя.

— М-м-м...— Приятель подумал немного, потом предложил: — Слушай, есть у меня один мужик. Вполне конкретный. Хапкидо тренирует. Хапкидо, конечно, свои дефекты имеет...— Приятель почесал могучий загривок.

— Например?

— Специфическая вещь. Не так, конечно, как таэквондо, но все-таки...

— Да говори ты толком! — не выдержал Черепанов.

— Понимаешь, это же не современные техники. Там половина приемов на работу против всадника поставлена. Вот и прикинь: на кой хрен нам с тобой работа против всадника? Ментов конных на парадах из седел вышибать? — Приятель засмеялся.— А вообще-то какая тебе разница, если для себя? А мужик этот реально у желтых обучался. И помимо хапкидо, еще всякого-разного в свой курс напихал. Короче, исключительно прикладная техника.— Приятель подмигнул.— Раз приложишь — и крездец. По-нашему, в общем. У тебя как с деньгами? Двести баксов в месяц найдется?

— Если дело того стоит...

— Двести баксов — это если скажешь, что от меня. А так — пять сотен. Сходишь, посмотришь — сам и решишь: стоит или нет. Пиши адресок...

Черепанов так и сделал. И решил: стоит. И правильно решил. Это часто так бывает: кажется что-то — не нужно. А оказывается — очень кстати. Как, например, приемы, ориентированные против всадника, в нынешней черепановской ситуации могут оказаться необычайно полезны.

Глава восемнадцатая,

в которой рассказывается о военной карьере командующего римской придунайской армией легата Максимина по прозвищу Фракиец

— Мальчишкой он пастухом был,— рассказывал Плавт.— А потом в конную стражу пошел. Это у них во Фракии вроде как вместо вигилов[1]. Думаю, годков через десять его бы и эдилом[2] избрали. Он уже тогда здоровенный малый был. И храбрый. Разбойников в тех краях сразу поубавилось, потому что хоть и молод он был, мой легат, да уже тогда хитер и на ловушки всякие и засады — большой мастак. К тому же с преступниками не церемонился: сразу — на крест. Или еще какую казнь придумает, пострашнее. Ему за это многие пеняли: дескать, не должен мальчишка, хоть бы и огромного роста и силы, сам правосудие вершить. Пеняли, но помешать не смели. Понимали: если отметили боги человека геркулесовой силой и красотой, да еще умом пожаловали, значит, не простой это человек. После, когда он возвысился, даже слух пошел, что не человек его отцом был, а сам Марс или даже Юпитер. Сам-то он против этих слухов не возражал, да только вранье это. Я, Геннадий, его отца видел. Тоже великан, каких поискать. Но что отметили его боги — это точно. Потому что устроилось так, что прибыл тогда во Фракию сам Август, император Септимий Север[3]. И вышло так, что уст-

---

[1] Вигилы — римский вариант полиции.

[2] Эдил — выборная должность, вроде полицмейстера. Эдилов было два. Они следили за порядком, за общественными зданиями, правильностью мер и весов.

[3] Септимий Луций Север император, правил с 193 по 211 г. от Р. Х.

Ему наследовал старший сын, Юлий Бассиан Каракалла (правильнее — Каракалл), правил с 211 по 217 г. До 212 г.— совместно с младшим братом Гетой, а после того как (при приказу Каракаллы) брат был убит,— единолично. Убит заговорщиками по приказу сопрефекта претория Макрина.

Марк Опеллий Макрин — император. Правил с апреля 217 по июнь 218 г. Разбит и казнен сыном Каракаллы Антонином Элагабалом.

Антонин Элагабал (Гелиогабал) — император, правил с 218 по 222 г. Убит заговорщиками из преторианской гвардии, возглавляемыми Юлией Мэсой и Юлией Мамеей, матерью будущего императора Александра Севера.

Александр Север, царствующий в описываемое время, стал императором в 222 г., в возрасте тринадцати лет. Правил совместно с матерью.

Данный список императоров приведен для удобства и ориентации читателя.

роил он в честь дня рождения сына своего Геты военные игры. И на играх тех Максимин отличился. Пробился к самому императору и потребовал, чтобы дали ему разрешение состязаться с настоящими воинами. Септимий, восхищенный его дерзостью, ростом и красотой, разрешение дал. Хотя и видел, что варвар перед ним. Максимин тогда и по-латыни с трудом говорил, больше — на фракийском наречии.

Правда, не с лучшими воинами разрешил ему бороться император, а с обслугой лагерной, обозниками. Но из тех Август лично выбрал самых сильных. А когда Максимин побил шестнадцать противников без передышки и получил шестнадцать наград, приказал император записать его в лучший из своих легионов. Вот так вот. В кавалерию.

И так случилось, что на третий день после этого император выехал в поле, на учения поглядеть, и увидел, как Максимин по-варварски вперед из рядов выехал да воинов из противного строя в стороны расшвырял.

Велел тогда трибуну император, чтобы призвал новобранца к порядку и дисциплине научил.

А Максимин, услыхав, что о нем говорят, пробился к императору, спешился и встал у стремени его...— Гонорий усмехнулся.— Мой легат и в юном возрасте был о себе столь высокого мнения, что возомнил себя лично отмеченным вниманием императора. Но Септимию Северу нравилась дерзость в молодых. И решил он испытать фракийца. Пустил коня рысью и велел новобранцу бежать за ним, да не отставать. А конь у императора, ясное дело, был хорош. Да и сам Август был кавалеристом отменным: и сворачивать умел на всем скаку, и в сторону коня бросать, и маневрировать по-всякому. Но фракиец оказался настолько ловок и выносли, что не отставал и держался, пока сам император не утомился, ведь уже не молод он был в те времена.

И сказал тогда Септимий Север: «Помнишь, фракиец, желал ты помериться силой с лучшими воинами? Готов ли ты бороться — или устал?»

«Бороться — это сколько угодно, император!» — ответил ему Максимин.

И тогда поставил его Август против самых сильных своих преторианцев, вдобавок ничуть не утомленных. И семерых подряд победил Максимин по своему обыкновению, без передышки.

Правда,— тут Плавт опять усмехнулся,— победил их не потому, что был умелым борцом, а потому что силу имел медвежью, а ловок и быстр при этом был как горностай. Но победил честно и получил за то большую награду серебром. И отдельно в подарок от Северина — золотую шейную цепь, которую и по сей день с большой гордостью носит. Вот тогда и оценил его император по-настоящему. И понял, что верен будет ему Фракиец, и только ему. Потому зачислил его в личную гвардию, и велено ему было стоять в дворцовых караулах. И стал Максимин самым юным из преторианцев. Самым юным, но на голову выше любого из императорской гвардии. Император души в нем не чаял. Велел ваять с него статую Марса. Да он и впрямь был — словно бог войны, столь же красив, сколь и могуч. Истинный Мит... Марс!

Плавт умолк и подбросил дров в огонь.

— А когда ты с ним встретился,— там, во Фракии? — спросил подполковник.

— Да, во Фракии, но позже. Когда император Антонин Каракалл, сын Септимия, воевал с германцами. Максимин был тогда кентурионом первой когорты, как я сейчас. А я — мальчишкой. Но я хорошо показал себя с германцами,— с гордостью заявил Гонорий.— Но Максимин заметил меня позже, в Парфии. Я тогда уже был опционом и получил венок за взятие крепостной стены[1]. Максимин — великий человек. Жаль, при нынешнем Августе славы не добудешь. Вот мы в Мидии как славно повоевали, а что проку? — Тут кентурион вздохнул и добавил: — Но и то правда, что Александр — не Септимий. И у матери Августа власти больше, чем у него.

— Прости невежественного варвара, но позволено мне будет узнать: кто у вас нынче император? — осведомился Черепанов.— И кто его мать?

— Александр Север,— ответил римлянин.— Мать его — внучка Септимия Севера.

— А-а-а...

— Это была его идея — договариваться с варварами,— мрачно произнес Гонорий.— Его и его матери. Максимин был про-

[1] Венки в римской наградной системе заменяли современные ордена. Венки давались за взятие крепостных стен и укреплений, за захват вражеского корабля, спасение товарища. Существовали венки триумфаторов и венки, которые давались солдатами своему полководцу, который вывел их из опасного положения, и т. д.

тив. Варваров надо бить, а не улещивать. Не послов к ним слать, а легионы. К воронам! — Кентурион сжал покрытые ссадинами кулаки.— Вбить их в землю по пояс! Сжечь их поганые поселки! Мужчин — на кресты! Баб и их щенят — на рынки! Только так, Череп! Только так!

— Не уверен.— Геннадий покачал головой.— В моей стране говорят: война — результат плохой дипломатии. Хороший посол может сделать больше, чем сильное войско. Если твой император послал к варварам хорошего посла...

— Он велел подобрать посла Максимину. И тот подобрал отличного посла! — На лице Гонория появилась кривая усмешка.— Превосходного посла, лучше не бывает!

— Ты уверен?

— Абсолютно. Мой легат послал к ним меня!

Глава девятнадцатая,

в которой Гонорий Плавт Аптус делится воспоминаниями о своей не слишком удачной дипломатической деятельности

— Скажи ему, раб! Скажи, что величайший император Рима дает ему ровно три дня. Если через три дня его сброд не отойдет от реки на тридцать миль, то пусть пеняет на себя!

Толмач перевел. При этом так лебезил и шепелявил, словно наглый варвар был его хозяином.

А варвар — борода веником, патлы до пояса, вся рожа в синих разводах татуировок — сидел на подушках напротив Гонория и скалил белые зубы.

У проклятого гета — не меньше двух тысяч копий. И вдвое против того — у его союзников. Раньше тут сидели квады[1]. Тоже не подарок. Но квадов били и Аврелий, и Аврелиан[2]. Проклятые геты вышибли квадов еще дальше на север, а сами...

[1] Квады — германское племя.

[2] Римские императоры. Марк Аврелий пятнадцать лет (с 165 по 185 г. от Р. Х.) воевал с макроманнами и их союзниками квадами, император Аврелиан разбил их в 270 г.

Варвар открыл рот и заговорил. Его хриплый высокий голос резал слух.

— Мы ничего не имеем дурного против Рима,— перевел толмач.— Наоборот, мы готовы поселиться на этих землях и позаботиться, чтобы никто злой и недобрый не перебрался через реку — обижать беззащитных римских землепашцев. Но Рим должен поддержать своих друзей.

— На какую же поддержку рассчитывает рикс? — желчно осведомился Гонорий.

— Разве доблестный римлянин не знает? — удивился варвар.— Разве Рим не платил дань тем, кто сидел на этих землях прежде нас? Ваш император должен быть рад, что теперь у его границ будут сидеть более доблестные воины.

— Доблестные, ха! — фыркнул Гонорий.— С чего ты взял?

— С того, что их жены теперь греют наши постели, ты, пес! — рявкнул варвар, вскакивая.

Бледный толмач перевел, стараясь смягчить сказанное.

Сила была на стороне варвара. У него тысячи воинов, а у Гонория — всего лишь два десятка легионеров. Но это там, за кожаными стенами шатра. А здесь их только двое. Толмач не в счет. И не станет Гонорий Плавт Аптус праздновать труса перед каким-то дикарем! Но с другой стороны, разве не просил его Максимин быть *дипломатичней*?

— Сядь,— бросил Плавт.— Допустим, ты прав. Чего ты хочешь?

— Золота! — прорычал варвар, вновь опускаясь на подушки.— Столько золота, сколько вы платили тем, кого мы выкинули отсюда!

— Не выйдет,— покачал головой Гонорий.— Разве что ты со своими воинами станешь воевать за Великий Рим.

— О да! — заявил рикс.— Я готов воевать. Ни один враг Рима не пройдет через мои земли без моего позволения.

«Ах ты татуированная обезьяна! — подумал Плавт.— И сколько ты собираешься содрать с наших врагов за разрешение пройти через твои земли?»

Впрочем, ничего удивительного. Гонорий знал: это обычная практика. Варвары не помнят добра. У них нет законов. И предают они так же естественно, как дышат. К счастью, друг друга они тоже постоянно предают. А там, где нет законов, порядка тоже нет.

«Я посылаю тебя,— сказал Гонорию Максимин,— тебя, а не хитрожопого чиновника, потому что ты — воин. У тебя на лбу написано, что ты воин. Эти волки не терпят собак,— но уважают других волков. Ты будешь говорить с их риксом как равный. Не раздражай его сверх меры: они дикари и мало уважают право посольской неприкосновенности. Ты можешь вернуться ни с чем, но я хочу, чтобы ты вернулся».

— Рим даст тебе золото,— сказал Плавт.— Но ты дашь Риму воинов. Как давали их квады. Границы империи велики. Твои люди будут биться с врагами Рима там, куда направит их император. Если они так храбры, как ты говоришь, то добудут себе вдоволь славы и богатства.

— Конечно, они храбры,— заявил рикс.— Но если они уйдут, кто защитит *наши* земли?

— Их защитит страх перед вашей доблестью,— парировал Плавт.— И если потребуется — сила Великого Рима.

— Она не защитила квадов! — отрезал варвар.— Что еще велел тебе передать император?

— Это все. Он будет ждать моего возвращения с *твоим* ответом. Каков он будет?

— Не сейчас.— Рикс поднялся. Он был довольно высок, но все-таки намного-намного ниже ростом, чем Максимин Фракиец.— Ты узнаешь мой ответ позже. Иди, римлянин. Я распорядился, чтобы тебя и твоих людей устроили как подобает.

Их устроили с почетом. Принесли вдоволь еды и даже нормального вина, а не горького пива, которое пинтами высасывали эти варвары.

Плавту даже предоставили девку на ночь, но утром...

Утром, едва он вышел из шатра, чтобы облегчиться, на него накинули ловчую сеть. Как на дикого зверя.

Позднее Гонорий оценил хитрость лохматого рикса. Попробуй они взять его иначе, это стоило бы гетам крови. А к крови у варваров серьезное отношение. Какой-нибудь родич вшивого дикаря, напоровшегося на меч Плавта, на законном основании мог потребовать смерти римлянина. А хитрый рикс вовсе не хотел его убивать. «Нехорошо убивать послов»,— так он сказал и посадил кентуриона в клетку. А клетку велел увезти на север. Подальше.

«Твой император получит ответ,— пообещал рикс.— Только не из твоих уст, а с жал наших копий. А за тебя, думаю, твои родичи дадут неплохой выкуп».

Тут он ошибался. У старшего кентуриона не было богатых родичей. Но Плавт не сомневался, что Максимин заплатит за своего посла. Или сначала заставит заплатить Августа. Золотом. А потом заплатит гетам сам — железом.

Эта мысль утешала кентуриона, когда неторопливые волы тащили повозку с клеткой по скверным варварским дорогам. Если такое можно назвать дорогами. Еще Плавт думал о том, что стало с его людьми. Живы ли? Или их души уже в подземном мире?

По поводу внезапного нападения дикарей на имперские земли Гонорий не особенно беспокоился. Максимин знал, что варварское войско — по эту сторону Данубия. А Максимин похитрей какого-то нестриженого вождя. И все уловки гетов ему известны. Он ведь и сам гет. Наполовину.

Дикарский рикс неплохо придумал спровадить Плавта. Но не учел характера своих соплеменников.

На третий день пути эти парни, и без того расстроенные, что не удастся порезвиться на римских землях, повстречали других варваров, своих дальних сородичей, успешно повоевавших с соседями, тоже варварами. Теперь за встречными варварами тащился полон дюжины в две рабов.

И те и другие решили сделать привал и вдоволь пообщаться. Привал длился двое суток. Варвары пьянствовали, задирали юбки женщинам из полона и играли в азартные игры. В результате охрана Плавта *продула* римлянина своим соплеменникам. Прямо у него на глазах.

Утешением могло служить лишь то, что оценили его весьма дорого. Какой-то разжиревший сенатор из бывших проконсулов возжелал устроить Игры в честь дня рождения своего сына. Будто он — император, сожри его Кербер! Но по этой причине цены на рабов, способных, прежде чем подохнуть, некоторое время продержаться на песке[1], существенно возросли.

Не будь Гонорий Плавт Гонорием Плавтом, он, возможно, позволил бы привезти себя в Сирию в качестве раба. Оказавшись на земле империи, он автоматически переставал быть ра-

[1] Слово «арена» происходит от латинского «песок».

бом. И покупатель, будь он хоть трижды сенатор, *вынужден* был бы его освободить. Но честь не позволяла Плавту вступить на родную землю в *качестве раба*. Он полагал, что это несмываемый позор.

Новые хозяева Гонория из клетки выпустили и к общей цепи приклепали. Ночью Плавт поломал железо на своей ноге, стража тихонько задушил, забрал у него оружие, которым прикончил остальных варваров. А пленных освободил. Только зря он это сделал. Те ведь тоже были варвары. Суть — твари неблагодарные. Когда на следующую ночь Плавт взял себе женщину и отошел с ней помиловаться, эти мерзавцы тихонько подкрались к нему, оглушили и снова забили в железо. И присматривали за ним строго, и увезли далеко, а потом продали квеманам. Вот и вся история.

Глава двадцатая

«Легионер умеет все»

Каша, заваренная по Гонориеву рецепту, пахла довольно аппетитно. Кентурион накидал туда всякой всячины, реквизированной в квеманском поселке, который они недавно «посетили». «Веселый» был визит. Шестеро вооруженных бородачей-квеманов, местная «крутизна», решили повязать незваных гостей, вопреки закону гостеприимства. Если таковой в здешних краях существовал. Понадеялись мужики на численное превосходство и личную силу. Очень опрометчиво с их стороны. Плавт, который был на полголовы ниже самого мелкого из бородачей, минуты за полторы практически без участия Черепанова (тот просто не успел поучаствовать) порубал всех шестерых, навел страшный шухер на прочих обитателей деревеньки, состоявшей из нескольких черных хаток, согнал плачущих и стенающих сельчан (за исключением четырех приглянувшихся девиц) в какой-то амбар, который намеревался сжечь, и сжег бы, не вмешайся в ситуацию Черепанов.

Девиц грозный римлянин заставил приготовить жратву, затем вымыться (возможно, в первый раз в этом месяце), залил в каждую литра по два местного кислого пива, после чего приступил к удовлетворениям естественных потребностей. Деви-

цы, которые на поверку оказались не девицами, насилие снесли безропотно — мытье далось им труднее. Черепанов, исключительно чтобы не огорчать друга, воспользовался одной из квеманок. Безо всякого удовольствия. Это был не тот тип женщин, который ему нравился. Тем более что и женщине он был совершенно безразличен. Во всех смыслах. Плавт, раза по три обработавший каждую из своих, не преминул высказаться по поводу черепановской «слабосильности». Геннадий ехидство римлянина проигнорировал. Он уже давно перерос юношеское «трахать все, что шевелится и не ежик», и был в этом деле куда более разборчив, чем, скажем, в выпивке.

Ночь прошла спокойно, если не считать богатырского храпа одной из девиц и приглушенных коллективных стенаний тех, кто был заперт в хлеву.

С рассветом друзья набили мешки провизией и не мешкая двинулись дальше. Часа через два поруганные квеманки проспятся и выпустят родичей из хлева. Жаль, конечно, что семьи лишились самых трудоспособных мужиков, но те ведь сами напросились.

Впрочем, Геннадий не обольщался. Без драки все равно не обошлось бы. Не тот у Плавта темперамент. С другой стороны — «на войне как на войне». Вольно было квеманам нападать на поселок, убивать и похищать девиц. И самого Черепанова. Конечно, то были другие квеманы, но Геннадий ничуть не сомневался, что эти в аналогичной ситуации повели бы себя не лучше. Для чужаков здесь существовал только один закон: насилие. Поэтому и сами аборигены к насилию сильных относились философски. Не убили — и на том спасибо.

А каша между тем поспела. И мясо козленка, вопреки ожиданиям Геннадия, козлом не пахло.

— Можно кушать,— сняв пробу, сообщил «шеф-повар».

Они сидели под деревом в лесу. По прикидкам Черепанова, где-то на территории Венгрии. То есть там, где, возможно, когда-нибудь будет Венгрия. Летчик-космонавт Черепанов и кентурион Плавт. Поскольку Черепанов не склонен был вдаваться в подробности о своем происхождении (хватит с него «божественных» почестей), беседовали главным образом о том, что волновало римлянина. Например, провалил Гонорий свое посольство или наоборот: высший смысл посольства как раз и состоял в том, чтобы спровоцировать варваров на нападение.

— Если твой легат так умен, как ты утверждаешь,— рассуждал Черепанов,— то должен был видеть, что из тебя неважный посол,— сказал Черепанов.— Ты уж прости, Гонорий, но дипломатия — она изворотливости требует.

— Я хитер! — возразил Гонорий.— Ты меня еще в настоящем деле не видел!

Он, похоже, обиделся.

— Да я не о военных хитростях,— уточнил Геннадий.— Я о политике.— Он задумался, подыскивая подходящее слово. Мерде... Шит... Экскремент... Ага! — Говнистости в тебе не хватает для хорошего посла,— сказал подполковник.

— Не согласен,— возразил Плавт.— Дело посла — договариваться. Торговаться. Это как оливки покупать.

— Вот потому-то ты и неважный посол,— сказал Черепанов.— Дипломатия — это не торговля на рынке. Это нечто вроде фьючерсных[1] договоров, составленных с учетом инсайдерской[2] информации.

— Не понимаю,— буркнул Плавт.— Твоя латынь, Череп, хуже, чем у сирийского грека.

Обиделся Гонорий. Но, к сожалению, насчет языка он был прав. Латынь Черепанова была все еще далека от совершенства. Хотя бы потому, что целая охапка слов в первоисточнике имела совершенно другое значение. Но Геннадий очень старался, поскольку понимал, что язык ему понадобится, а хорошее знание языка плюс нужное произношение очень часто служат пропуском в высшее общество. Черепанов же был твердо намерен попасть именно в высшее общество. Пусть это намерение выглядело смешно, когда его выказывал человек в звериных шкурах, гревшийся посреди дикого леса у примитивного костра. Но Геннадий Черепанов всегда добивался своего. По максимуму. Например, если уж быть летчиком, то не пилотом гражданской авиации или там сельскохозяйственной, а до предела и за предел. В стратосферу и выше. И судя по тому, что рассказывал о своем Риме Плавт, это было реально. Если какой-то там варвар Максимин из безграмотных пастухов смог выбиться в генералы, то подполковнику Черепанову это тоже должно быть по силам. Но кое-что, конечно,

[1] То есть договоров о будущих сделках.

[2] Закрытой.

придется подработать. Язык, например. Или технику владения оружием.

— Слушай, Гонорий, кто тебя научил так ловко с мечом управляться? — полюбопытствовал Черепанов.— Никогда раньше такого мастера не видел.

— Это точно! — Кентурион моментально перестал обижаться.— Римский легионер — это тебе не бычий хрен в соусе! Настоящий легионер умеет все! А ты бы видел, к примеру, как наша фаланга держит удар парфянской конницы!

— Надеюсь, еще увижу,— перебил Черепанов.— Но я хотел бы тебя попросить потренировать меня. С вашим оружием.

— Можно,— кивнул Плавт.— Но учти: только варвары бьются каждый на свой собственный лад. Настоящая сила армии — строй. Это если пехота. Да и конница тоже. А индивидуально мечом махать — это, друг мой, не воинское дело, а потешное. Гладиаторство.

— Это я понимаю,— кивнул Черепанов.— Меня в свое время тому же учили.— Деталей он уточнять не стал.— Но нас здесь двое, так что строя не получится. Да и коней у нас нет. Сам понимаешь.

— Понимаю. Значит, будем исходить из того, что есть,— согласился Плавт.— Ты покушал?

— Да, благодарю. Ты отличный кулинар.

— Пустое,— отмахнулся римлянин.— Я же сказал: легионер должен уметь все. И кашу сварить, и мост построить. А сейчас, Череп, возьми копье и займемся делом...

Глава двадцать первая

Вандалы

Недели за три они без особых приключений отмахали, по прикидкам Черепанова, километров четыреста. Могли бы и больше, но приходилось сходить с курса, чтобы запутать след. Хотя, по предположению Плавта, это были уже не квеманские земли, тем не менее квеманский отряд копий примерно в сорок все это время тащился за ними. Раз десять друзьям удавалось увидеть их с относительно небольшого расстояния, например,

при переправах. Раз десять им казалось, что квеманы потеряли след. Но лесные варвары были упорны. А может, просто очень сильно обижены. Плавт не раз пенял Черепанову: мол, ни к чему было рубать варварских идолов. Геннадий же резонно возражал: пока со стороны богов мести не наблюдается, а преследуют их исключительно люди. Вот ежели бы сами боги на них накинулись, тогда он, Черепанов, принял бы ответственность на себя. Что же касается людей, так разве кентурион не обещался разобраться с ними собственноручно?

Крыть было нечем. Тем не менее предложение Черепанова зайти преследователям в тыл и устроить охоту на охотников Плавт отверг.

Во-первых, сказал он, это их местность, и все преимущества ландшафта на стороне лесовиков-преследователей. Во-вторых, игра не стоит свеч, поскольку в мешках у друзей куча добра, а добыча, которую можно взять на преследователях, весьма сомнительна. В-третьих, он зуб готов дать, что охотятся на них не какие-нибудь мужики от сохи, а крутые ребята. И лично он, Плавт Аптус, не берется подкрасться к таким незаметно и порешить без помех. В-четвертых, в любой заварушке можно запросто схлопотать, например, стрелу в ляжку. А в их ситуации это все равно что летальный исход. В-пятых, лично он, кентурион, считает, что свой долг квеманам уже отдал, а если старина Череп полагает иначе, то ему ничто не мешает добраться до цивилизованных мест, навербовать за наличные сотню рубак — Плавт готов ему в этом помочь — и врезать преследователям прямо и грубо, по-солдатски. Но уже на равных.

Впрочем, убеждать Черепанова особо и не требовалось. Он был уже не в тех годах, чтобы играть в Рэмбо без острой необходимости. Главным побуждающим мотивом в данном случае было желание вернуться к тем местам, где утонул в болотной грязи его спускаемый аппарат. Не к аппарату, а к оставшемуся в одиночестве летчику-исследователю Алексею Коршунову.

Повернуть же вспять, когда за тобой идут несколько десятков разгневанных головорезов, было, мягко говоря, опрометчиво. И задача упрощалась до примитива: унести ноги. Тем более что Плавт не уставал повторять: первый кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона — это не какой-нибудь варварский вожак в волчьей шапке с бляшками, а очень даже значительная фигура. Но только не в этих мокрых чащобах, а

на цивилизованной территории Великой Римской империи. До которой, кстати, уже и рукой подать.

Черепанов очень сомневался насчет личной крутизны Плавта. Вряд ли даже очень крутой сотник имеет реальную власть в стране, где армия исчисляется сотнями тысяч. Много ли значит какой-то там командир роты? Правда, если этот командир роты знаком с командиром дивизии и, более того, является его личным другом — дело другое. Но кто поручится, что дружба кентуриона и легата — не вымысел самого Гонория?

Но Плавт был единственным пропуском Черепанова в цивилизацию. И не худшим из возможных, потому что, если не считать чрезмерной похотливости, не имел никаких недостатков. С точки зрения подполковника. И можно было не сомневаться, что родина кентуриона ценит, поскольку сам он эту родину искренне любил и ценил, хотя и был человеком практичным и сугубым реалистом, если можно так выразиться о том, кто три раза в день во всеуслышание объявляет о своей приверженности богу Большого Пениса.

Кентурион остановился. Лес, и без того светлый, впереди еще более посветлел. Поляна или прогалина. Или хутор какой-нибудь.

«Опять Плавт бесчинствовать будет»,— мрачно подумал Черепанов.

В прошлый раз, когда они на селение наткнулись, Гонорий (как, впрочем, и обычно) такого шухера навел... Не знай Черепанов заранее, кто тут цивилизованный римлянин, а кто — дикие варвары, точно перепутал бы. Плавтовы установки были примитивны и практичны, как резиновая дубинка: мужиков резать, баб трахать. Причем и то и другое — прямо с порога. Под эту практику, ясное дело, подводилась идеологическая база: мол, берем на опережение. Пока они нас не взяли. Но подполковник не сомневался: будь лесовики даже абсолютными пацифистами, поведение Плавта и на йоту не изменилось бы. Но Плавт Черепанову, можно сказать,— друг. А местные лесовики — враги. И это факт.

Кентурион шумно потянул носом воздух.

— Угу,— сказал Черепанов.— Дым. И корова мычала. Жилье неподалеку.

— Да,— римлянин широко улыбнулся,— дым, да. И Данубий.

— Что?

— Река. Большая река. Я чую ее: она близко. Данубий это. Череп! Я уверен!

— И что? — Подполковник не понимал его восторга.

— Там...— Кентурион махнул рукой вперед.— Там, дальше,— она.

— Кто?

— Она, друг мой Геннадий! Империя! Рим! Вперед, ну! — И Плавт вприпрыжку понесся вниз по склону. Подполковнику ничего не оставалось, как последовать за ним.

Радость римлянина заразила Черепанова. Он тоже мчался вперед, перепрыгивая через корни и валежник — только стволы мелькали...

Как и следовало ожидать, ничем хорошим подобная беспечность закончиться не могла.

Они с ходу вылетели на опушку...

Оп-паньки!

Шагах в пятидесяти тянулась узкая грунтовая дорога. Ниже, примерно в полукилометре, синела большая река. Между лесом и рекой лежал невысокий холм, увенчанный деревянной крепостцой, вокруг которой в беспорядке были разбросаны домишки, маленькие огородики и узкие желтые полосы полей.

Поля, поселок, река, крепость, дорога... И человек двадцать вооруженных всадников, поднимавшихся по дороге вверх.

Гонорий плюхнулся ничком в траву так быстро, словно его ухватили за ноги. Черепанов последовал его примеру, замешкавшись не более чем на полсекунды.

— Ах ты, мохнатая задница Орка! — прошипел кентурион.— Вандалы! Откуда они взялись, пожри их Кербер!

У Геннадия не было ответа на этот вопрос. Определять племенную принадлежность местных дикарей он мог. А о вандалах знал только, что они захватили и порушили Рим. Вернее, захватят и порушат, если *здешняя* история соответствует *той*. И сим деянием навеки обессмертят себя популярным словом «вандализм».

Плавт осторожно приподнялся над травой и тут же снова прижался к земле.

— Они едут сюда. Череп,— прошептал он.— Что скажешь?

— Попробуем удрать? Может — в лес?

— В таком лесу от конных не спрячешься.

— Тогда — драться?

Римлянин бросил на него быстрый взгляд.

И кивнул.

— Лучше удар в лицо, чем стрела в спину,— сказал он.

«Что в лоб, что по лбу»,— подумал Геннадий, но промолчал. Он надеялся, что и на этот раз как-то удастся вывернуться. Если ты раз за разом попадаешь в ситуации, когда шансы превратиться в удобрение раз в сто превышают шансы уцелеть... и все равно остаешься в живых, то к этому как-то привыкаешь. И начинаешь думать, что так и должно быть. По крайней мере с тобой. И нет безвыходных положений, а есть только критические моменты, когда выход неочевиден. И если не хлопать ушами, а пошевелить тем, что между ними...

Словом, «пока все идет неплохо», как сказал один молодой человек, пролетая мимо двенадцатого этажа.

А всадники приближались. Подполковник уже отчетливо слышал дробный стук копыт.

Гонорий, не поднимаясь, закрепил покрепче мешок с барахлом и переместил щит так, чтобы тот прикрывал спину, после чего сразу стал похож на черепаху-переростка.

— Идея такая,— прошептал римлянин.— Выжидаешь, сколько можешь, а потом прыгаешь и стараешься захватить лошадь. И удираешь во весь опор.

— А как насчет стрелы в спину? — осведомился Геннадий.

— Ну это как получится.— Кентурион оскалился.— Не боись, Череп! Прорвемся!

— Да я особо и не боюсь,— заметил Черепанов.— Но думаю, нам стоит переползти к тем кустикам.

Римлянин скривился:

— Раньше надо было... Уже не успеем. Все, молчи.

Но сам тем не менее осторожно пополз влево. Правильно, лучше набрать хоть какую дистанцию.

А вандалы были уже совсем близко. Можно было услышать, как они переговариваются. Похоже, эти парни точно знали, что Геннадий и кентурион где-то рядом. Знали и не торопились.

Геннадий, перекинувший щит назад по примеру Плавта, вжался в землю, зарывшись в длинные желтые лохмы травы. Он знал, что судьба всегда дает ему шанс. Хотя бы один.

Стук копыт — рядом. Но недостаточно близко.

А вот еще...

Длинная тень коснулась жухлой травы, прикрывавшей руку Геннадия. И копье, которое держала эта рука.

Подполковник не видел — чувствовал, как надвигается, нависает над ним сдвоенная массивная фигура: конь и всадник...

Вандал заметил зарывшегося в траву человека, почти наехав на него... Заметил и издал короткий гортанный возглас — удивился.

А уж как он удивился в следующий миг!

Черепанов ждал до последнего... Ждал, когда конское копыто окажется в метре от его головы, ждал этого удивленного возгласа...

Резко воткнув черен копья в землю, Геннадий выметнулся вверх, ударил двумя ногами в вандальский щит. Вандала вынесло из седла — охнуть не успел. И не успел он еще удариться оземь, а Черепанов уже утвердился в седле. Вот и пригодился хапкидошный «противоконный» приемчик.

Геннадий рванул узду, не дал коню встать на дыбы. Пинок по морде — когда конь вознамерился цапнуть его за ногу, пинок по ребрам — пошел! Конь злобно заржал, заплясал на месте! Еще раз получил по ребрам — шевелись, скотина! Пошел! Марш!

Конь завизжал — будто железо по стеклу заскрежетало. Боковым зрением Черепанов успел увидеть, как к нему летит, выставив копье, еще один всадник. И как навстречу вандалу из травы выбрасывается нечто темное и стремительное. Всадник летит с лошади...

Тут трофейный конь Черепанова наконец решил сдвинуться с места и пустился тряским галопом в сторону леса.

Геннадий слышал позади пронзительные вопли, но не оборачивался. Он припал к шее коня, к жесткой пыльной гриве и беспокоился только о том, чтобы не свалиться.

Через полминуты они влетели в лес. Геннадий еще плотнее прижался к гриве. Лес был редкий, но все равно запросто можно было напороться на какой-нибудь сук.

Погоня не отставала. Наоборот, приближалась. Над головой свистнула стрела. Другая. Еще одна чиркнула по щиту. Глухой удар. Конь под Черепановым содрогнулся, заржал отчаянно: стрела вонзилась ему в круп. И сделала то, чего не мог добиться не слишком умелый всадник: конь понесся во всю прыть. Геннадий распластался на нем, прилип к мощному телу скакуна, вдыхая острый запах конского пота. Мимо мелькали древесные

стволы. Какой должна быть скачка, чтобы она показалась *быстрой* тому, кто закладывал виражи на «МиГах» и «сушках»...

Правильно. Смертельно рискованной.

Погоня отставала. Черепанов уже начал надеяться, что все, уйдет...

Раздался звонкий, как щелчок, хруст, широкая, влажная от пота спина коня ухнула куда-то вниз, и Геннадий оказался летящим в воздухе, безо всякой опоры, но очень быстро...

Он успел сгруппироваться. Успел даже подумать: хорошо, что стремян нет...

Земля со страшной силой ударила Черепанова в бок. Он отскочил от нее, как мячик... И приложился головой обо что-то еще более твердое. Не будь шлема — тут бы история его жизни и закончилась. Но медный шлем, смявшись, принял на себя большую часть удара. Тем не менее Геннадию хватило. В глазах его вспыхнуло черное пламя. Вспыхнуло и погасло. Вместе с сознанием.

Глава двадцать вторая,

в которой знакомство подполковника Черепанова с вандалами продолжается, но по-прежнему приносит одни неприятности

Командовал вандалами рыжий детина с лохматой бородой и копной жестких, как конская грива, волос. Рядом с ним местный вождь, «комендант», правивший маленькой крепостью и прилегающими к ней землями, смотрелся совсем не колоритно. Этот был уже в солидных годах, пузатый и — сразу видно — большой хитрован. Но вандал тоже был не простак. И золота на нем было килограмма на полтора больше. И оружие более качественное — даже не искушенному в местном вооружении Черепанову это было сразу видно.

Когда Черепанов очнулся, вернее, когда его привели в чувство с помощью ведра воды, оба лидера: рыжий вандал и седой рикс — были тут. Рикс глядел на мокрого Черепанова с явным интересом. Возникало такое ощущение, будто он пытается вспомнить, видел ли Геннадия раньше. Кого-то ему подполковник определенно напоминал...

Рыжий вандал, плечистый бугай на пяток сантиметров повыше Геннадия, раздумьям не предавался. Махнул своим, чтобы поставили пленника на ноги, подошел да и двинул Геннадия по уху.

Черепанов, у которого в голове после обморока еще не все устаканилось, даже не сделал попытки уклониться. Но на ногах устоял.

Вандал буркнул что-то одобрительное своим, потом пролаял нечто, уже обращаясь непосредственно к Геннадию. Голос у рыжего был высокий, звонкий, даже визгливый — и крайне агрессивный. Слова он выговаривал быстро и непривычно, так что смысл реплики до Черепанова не дошел. Тем более, что соображал он сейчас туговато. Голова пухла от боли, и в каждом ухе — по комку ваты. Плюс еще и медный звон в том, по которому съездил рыжий.

Вандалу молчание пленника не понравилось, и он опять махнул кулачищем... Но на этот раз Черепанов успел среагировать и нырнул. Волосатый кулак мелькнул у него над головой и врезался в шею здоровенного вандала, возвышавшегося у Геннадия за спиной, а подполковник, чисто на рефлексе, влепил рыжему апперкот в челюсть.

То ли борода самортизировала, то ли вождь мощно держал удар,— но рыжий устоял, только зубами скрежетнул и...

Впрочем, едва Черепанов успел осознать, что вандальский вожак принял удар достойно, как его самого тут же саданули по голове, и он пришел в себя только после очередного ведра воды. Но на этот раз руки у Геннадия оказались связанными за спиной.

Черепанова снова поставили на ноги. И рыжий опять что-то пролаял. А Черепанов опять не понял, и рыжий опять прибег к рукоприкладству. А Геннадий опять уклонился. А поскольку он *всегда* давал сдачи, если имелась хоть какая-то физическая возможность, то тут же подсек рыжего, развернулся раньше, чем тот успел приземлиться, и пнул в колено другого вандала, который вознамерился еще разок попотчевать Черепанова дубинкой.

На этом битва закончилась, потому что сразу три вандальских бугая разом бросились на Геннадия и с ловкостью, которая приобретается только большой практикой, стиснули его щитами. Может, будь у подполковника развязаны руки... Хотя к чему пустые мечты?

В общем, ему спутали и ноги тоже. Но бить больше не стали. Более того, когда вандал, получивший по колену, вознамерился

обработать Черепанова древком копья, рыжий рявкнул, и его подчиненный оставил свою идею.

Местный рикс наблюдал за сценой с большим интересом и, когда все закончилось, неожиданно предложил за Черепанова аж три крупные золотые монеты. Геннадий не знал местных прейскурантов, но по реакции окружающих понял, что цена изрядная. Рыжий, в свою очередь, поинтересовался, чем пленник так приглянулся риксу. Тот принялся темнить, вандал потребовал внятного ответа, но чем кончилась дискуссия, Черепанов так и не узнал. Потому что его погрузили на телегу и увезли в вандальский лагерь.

Нельзя сказать, что с Геннадием обращались особенно жестоко. Разместили в отдельном шатре. Кормили. Путы вязали аккуратно: крепко, но не туго. Овчину дали: чтоб на земле не лежал и ночью не мерз.

Судя по тому, что Черепанов остался в вандальском лагере, риксу не удалось перекупить пленника. Но в одиночестве подполковник пробыл недолго. Очень скоро к нему присоединился старый приятель. Гонорий Плавт Аптус.

Глава двадцать третья,

в которой подполковник Черепанов существенно расширяет свои познания в области римской стоматологии и работорговли

— Что они здесь делают, эти вандалы, разорви их пополам! — Кентурион сплюнул красный сгусток на земляной пол.— Это ж гетский поселок, мы тут как-то высаживались с Максимином, я помню.

— Делегация,— сказал Черепанов, который за двое суток, слушая разговоры своей охраны (вандальский диалект отличался от квеманского, но разобрать было можно), поднабрался информации.— К здешнему риксу от вандальского большого лидера. Посольство. Они как раз домой отъезжали, когда мы сдуру прямо на них выскочили.

— Откуда знаешь?

— Слышал, как стражники болтали. Как же ты все-таки попался?

— Да вот...— недовольно проворчал кентурион.— Попался. Арканом накрыли. Я уж думал — оторвался. Ан все-таки выследили.

В тот день, когда захватили Геннадия, римлянин ухитрился уйти. Сиганул с лошади на дерево. Лошадь дальше поскакала, и погоня — за ней. Ушел Плавт. Но все-таки его выследили. И взяли. Может, римлянин и сумел бы ускользнуть, если бы немедленно прочь двинул. Но Плавт все это время поблизости отирался. Почему — не говорил. Но Геннадий догадывался: из-за него. Хотел, должно быть, Черепанова выручить. Но не смог. И вот теперь они опять — той же компанией и в том же положении, что на квеманском острове.

— Выследили меня,— буркнул Плавт.— Устерегли. Был бы лес погуще. Да хоть копье нормальное, доспех, может, и отбился бы. А так только одного я и завалил, на второго нацелился — копье перехватить, а тут — р-раз! Петля сверху — и я на земле.

— Понятно...

Черепанов осторожно перекатился на другой бок. Все же крепкая у него голова. Так грохнулся — и даже блевать не тянуло.

Римлянин снова сплюнул.

— Зуб выбили,— пожаловался он.

— Сочувствую.— Черепанову меньше досталось. Пара шишек да распухшее ухо. Пустяки.

— А золото наше я запрятать успел,— злорадно заявил кентурион.— В лесу. Хорошо запрятал — эти ни за что не найдут. А зуб — пустое. Все равно сломанный был. Выберемся — золотой поставлю.

— Что? — изумился Геннадий.— Золотой зуб? Каким образом?

Неужели он что-то напутал, и *этот* Рим — не *тот*, о котором писано в той истории? Вставные зубы как-то не укладываются в представление о древних...

— А вот таким.— Гонорий с нотками превосходства принялся объяснять, каким образом римские стоматологи восстанавливают утраченное. Нет, высокими зубными технологиями, к сожалению, здесь не пахло. Самой популярной методикой было крепление протезов к зубам здоровым. Посредством золотых петель. Но, по словам Плавта, такие примитивные «мосты»

вполне функционировали. А зубы можно было изготовлять хоть из драгоценных камней, хоть из золота, хоть из слоновой кости. А можно выдрать у какого-нибудь раба поздоровее и в свой рот приспособить. Но это что! Вот у одного опциона[1], что под Плавтовым командованием служил, парфянской стрелой кусок черепа выбило. Так лекарь-грек на это место пластинку золотую приспособил — и ничего, нормально потом служил опцион.

Черепанов слушал и думал, насколько все-таки устойчивая вещь — имперское превосходство. Как в России в советские времена, каждый гегемон был абсолютно уверен, что он круче какого-нибудь шведского или венгерского банкира, потому что *мы делаем ракеты и в космос летаем*. А теперь этот вот обломок *другой* империи, понятия не имеющий не только о ракетах и металлокерамике, но даже о велосипеде, самодовольно поучает приятеля-*варвара*. При том что сам валяется связанный, в мокрых штанах, и жить ему осталось...

— Слушай, Череп, а ты не слыхал: может, вандалы нас здешним отдадут? — внезапно спросил Плавт.

— Не отдадут. Местный рикс уже подбивал клинья, золото за меня сулил — не вышло.

— Жалко. Много золота предлагал?

— Прилично. Три монеты примерно вот такого размера.— Черепанов показал, какого именно.

— Ого! — восхитился римлянин.— По здешнему курсу это, считай, почти фунт серебра[2]. Жаль, что вандал отказался.

— А нам-то какая разница? Или ты хочешь ему за нас *наше* золото предложить? Спрятанное?

— Ну ты сказал! — Римлянин поглядел на него как на ненормального.— Заберут — и все дела. Еще и пытать станут: все ли отдали или утаили что? А что этим гетам... тьфу!.. готам нас не отдали — это плохо. С готами я бы, может, договорился. Думаю: неспроста за тебя такую цену предлагали. Очень жаль, что не отдал нас вандал. С этими готами Максимин в дружбе. Максимин же сам — из готов.

— Ты же говорил: он фракиец,— напомнил Черепанов.

— Ну да, он из Фракии. Но отец его — из готов-федератов. А мать, кажется, из аланов, точно не знаю. Максимин насчет

[1] Опцион — младший офицер, помощник командира кентурии.

[2] Римский фунт — 327 граммов.

своего происхождения не распространяется. Хочет, чтобы его считали настоящим римлянином.— Плавт хмыкнул.— С его-то выговором. Хотя сынок его отменно выучен. Не хуже какого-нибудь патриция...

Гонорий еще долго распространялся о своем любимом командире, но Черепанов не слушал. Он размышлял, для чего понадобился здешнему риксу. Будь на месте Черепанова Плавт, рикса еще можно понять: Гонорий — римлянин. За римлянина могут приличный выкуп дать. Или обменять на что-нибудь. Или — на кого-нибудь. Но Геннадий — не римлянин. Он вообще здесь чужой. То есть цена его — это цена здорового крепкого раба мужского пола по рыночному курсу.

— Слышь, Гонорий, сколько сейчас в империи раб стоит?

— Смотря какой: если умелый мастер или там грамматик-критор — то дорого.

— А если просто крепкий мужчина?

— Думаю, от пятидесяти до ста динариев[1]. Никак не больше. Хотя ежели такой, как ты или я, драться обученный,— до тысячи потянуть может. От сезона зависит, от ланисты[2] тоже.

Да, тут было над чем поразмыслить. Или рикс спутал Черепанова с кем-то из своих знакомцев, или существовал некий фактор, заметно повышавший ценность Геннадия. Очень сомнительно, что рикс предлагал золото из чистой благотворительности. Значит... Значит, ничего хорошего ожидать не стоит. Жизненный опыт подполковника свидетельствовал: приятные сюрпризы, как правило,

---

[1] Динарий — римская монета.

Каноническая имперская денежная система была создана императором Августом (27—14 гг. до Р. Х.), и с тех пор все монеты империи получили фиксированный номинал. Правда, качество металла (например, содержание золота в аурее) могло снижаться, если у государства возникали финансовые трудности.

Система эта, продержавшаяся до III в., была такова.

Высший номинал — золотой динарий, он же аурей. Четверть римкого фунта, то есть около 8 граммов золота.

Аурей равен 25 серебряным динариям, содержавшим по 4 грамма серебра во времена Цезаря, а в описываемое время — менее 2 граммов. Инфляция, что поделаешь.

Серебряный динарий соответствовал четырем латунным сестерциям, весившим порядка 25 граммов во времена Цезаря, а в описываемое время также изрядно полегчавшим.

Более мелкие монеты: дупондий (0,5 сестерция), асс (0,25 сестерция), квадрант (четверть асса).

являются следствием собственных усилий. Сюрпризы, возникающие самостоятельно, относятся к другой категории. Что ж, будем ждать неприятностей. Не впервой. Кто предупрежден, тот вооружен, как говорится. Хотя бы морально...

Глава двадцать четвертая

Квеман и вандал

Полог шатра откинули, и яркий солнечный свет ударил в лицо. Геннадий зажмурился.

Вошли четверо вандалов. Пленников подняли и потащили наружу. Перед шатром стояли оседланные кони и запряженная парой лошадей телега с высокими бортами и колесами в половину человеческого роста. Геннадия и Гонория зашвырнули внутрь. Один из вандалов взобрался на передок, подхватил вожжи. Остальные вскочили в седла, и телега, трясясь и подпрыгивая, покатилась по дороге. Лежа на колкой соломе, Черепанов созерцал прозрачное синее небо и черный силуэт хищной птицы, парящей прямо над ними. Внезапно жуткая тоска накатила на Геннадия. Нестерпимо захотелось, чтобы мир перевернулся, чтобы небо было вокруг, чтобы все это: телега, всадники, домики, дорога — оказалось внизу, стало маленьким, игрушечным. Чтобы каждой жилкой чувствовать дрожь серебристых крыльев, разрезающих прозрачную пустоту. Чтобы с бешеным криком нырнуть вниз и ощутить, как такая крохотная и такая могучая

Монеты чеканились не только в Риме, но по всей империи. Со времен императора Августа чеканка золотых и серебряных монет была государственной монополией. Монетные дворы в провинциях имели право чеканить собственную монету только из бронзы и меди. Кстати, именно посему отличались большим разнообразием. Кроме обычных, в римской денежной системе существовало множество «юбилейных» монет, чеканившихся по случаю важных событий: побед в войнах, дней рождений императоров и т. д. В том числе и событий, не слишком позитивных, с нашей точки зрения. Например, на одной из монет середины I в. до н. э. изображен Брут (убийца Юлия Цезаря), а на другой стороне монеты надпись «EID MAR» (мартовские иды, дата убийства), шлем и два кинжала.

[2] Ланиста — владелец и руководитель гладиаторской школы, поставляющий «живой материал» для гладиаторских игр.

машина рвет пленку звукового барьера, и как внезапно наступает тишина, и земной пегий ковер беззвучно летит навстречу, а где-то позади, безнадежно отставая, терзает пространство непереносимый для человеческих ушей рев.

Обычному человеку этого не понять. Разве что вспомнить те ощущения, когда нажимаешь на педаль газа, и сотня лошадиных сил бросает тебя вперед. А потом умножить это чувство в сто, в тысячу раз, во столько, во сколько мощь двигателей «сушки» превышает мощность самого крутого автомобильного движка. А ведь есть еще *небо*...

Вернее, было. И теперь... Теперь небо есть у этой маленькой хищной птицы. А летчику-космонавту Геннадию Черепанову осталась только земля... Но он все же был *там*, наверху. Там, где нет ни птиц, ни атмосферы, на такой вершине, выше которой быть невозможно. И если Геннадий сейчас умрет, то он все равно будет знать, что прожил круто. Круче не бывает.

Подполковник улыбнулся. Тоска пришла и ушла. Осталась реальность, которую следует принять такой, какая она есть.

«Dura lex, sed lex»[1], как говорят соотечественники кентуриона Гонория. И еще они говорят: «Tempora mutantur et nos mutamur in illis»[2], что как нельзя более подходит к тому положению, в котором оказался подполковник Геннадий Черепанов.

Плавт заворочался рядом. Он был не прочь поболтать, но его спутник и собрат по несчастью молчал, и кентурион из уважения к нему тоже не нарушил молчания. Возможно, их сейчас убьют, и это время — последнее, отпущенное им. А коли так, то лучше не тратить его на пустые разговоры, а подумать о прожитом. А еще лучше — помолиться богам, чтобы ножницы Атропос[3] не пресекли сегодня нити их жизней.

Их путешествие закончилось.

На обширном лугу собралась приличная толпа.

Местная гвардия во главе с седым хитрованом-риксом.

---

[1] Dura lex, sed lex *(лат.)* — Закон суров, но это закон.

[2] Tempora mutantur et nos mutamur in illis *(лат.)* — Времена меняются, и мы меняемся (в них).

[3] Атропос — одна из трех парок. Парки — Клото, Лахесис и Атропос — согласно верованиям римлян — плели ткань из нитей человеческих жизней, и если нить жизни перерезалась или обрывалась, то человек, соответственно, умирал.

Вандалы под предводительством рыжего, лохматого громилы, нацепившего поверх куртки золоченую кирасу с причудливыми узорами.

Серая толпа простонародья из окрестных поселений...

И пестрая компания квеманов во главе со старым знакомцем Черепанова. Тем самым вождем, что командовал ночным налетом на приютивший их с Коршуновым поселок. Тем самым, который захватил Геннадия в плен. Рядом с вождем имелись парочка увешанных оберегами и талисманами шаманов (ну как же без них?) и дюжины две воинов с топорами и копьями.

Когда пленников без особых церемоний выкинули из телеги, квеманы заметно оживились.

Рыжий вандал шагнул к квеманскому лидеру:

— Золото привез?

Квеман надменно оглядел рыжего, уронил: «Да».

Несмотря на приличный рост и здоровенный «рогатый» шлем, прибавлявший квеману еще четверть метра, рядом с рыжим он смотрелся так себе. Никакая надменность не могла скрыть того, что прикид у вандала намного богаче, оружие — лучше, а природного куража — существенно больше.

— Покажи, что привез!

Квеман полез за пазуху, вытянул мешочек, развязал, продемонстрировал содержимое.

Вандал кивнул.

Квеман, в свою очередь, кивнул шаманам. Те двинулись к пленникам (вандалы-сторожа посторонились), оглядели «товар», кивнули: те самые, мол. Можно брать.

«Вот попали!» — подумал Черепанов. И очень серьезно усомнился в благосклонности к нему дамы Удачи.

Мешок с деньгами перекочевал к рыжему. Тот встряхнул его на ладони, кивнул в ответ на вопросительный взгляд местного рикса, сделал знак своим, и те подтолкнули пленников ко квеманам.

Квеманский вождь ухватил Геннадия за волосы, наклонился к его уху.

— Ты понимаешь меня, чужак,— прошептал он.— Ты и твой дружок, вы будете умирать медленно, так медленно, что...

— Все, кто слышит меня! — выкрикнул вдруг римлянин.— Все, кто слышит меня! Кто сможет: передайте моему другу легату Максимину, что стало с его послом примипил-кентурионом Гонорием Плавтом Аптусом! Передайте ему!..

Рыжий вождь вандалов, все еще державший мешочек с деньгами и намеревавшийся вытряхнуть его содержимое на мозолистую ладонь, внезапно остановился и уставился на римлянина.

— Ты сказал: ты — старший кентурион? — спросил рыжий на ломаной латыни.

— Я — первый кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт Аптус! — с неподобающей пленнику гордостью ответил римлянин и вздернул подбородок.

— Он уже мой! — вмешался квеманский вождь.— Ты взял деньги. Забирайте их! — скомандовал он своим.

— Нет, постой! — рявкнул рыжий. Одним плавным движением он преодолел разделявшее их расстояние, смахнул со своего пути едва не упавшего квеманского воина, схватил Плавта за плечо и развернул к себе.— Ты точно первый кентурион, дружок? Если ты врешь, то, клянусь секирой Доннара, я заставлю тебя раскаяться!

— Я примипил Первого Фракийского легиона легата Максимина Фракийца! — отчеканил Плавт, глядя снизу вверх на рыжебородого.— Или ты глух, варвар-вандал?

Рыжий отпустил римлянина, широко разинул мохнатую пасть.

— Доннар услышал меня! — провозгласил он и расхохотался. А потом швырнул квеманское золото квеманскому вождю.

Мешочек, звякнув, упал к ногам «рогатого». Несколько монет выкатились на траву.

— Я передумал! — заявил рыжий.— Забери свои деньги!

— Подними! — злобно прошипел квеман.— Сделка совершена. Эти негодяи — мои! Мои! — яростно выкрикнул он.— Ты их не получишь!

— Ты так думаешь? — Вандал осклабился.— Почему ты так думаешь?

На первый взгляд казалось, что вандалу очень весело, но Черепанов знал этот тип «веселья». На месте «рогатого» он не стал бы искушать судьбу.

Но квеманский вожак сам был в ярости. И не собирался уступать.

— Потому что они осквернили богов! — закричал он.— Потому что на них кровь моих родичей! Я их не отдам!

Одной рукой он выдернул секиру, второй вцепился в волосы Черепанова. И Геннадий, черт возьми, ничего не мог сделать: со спутанными ногами и руками, скрученными за спиной.

Квеманы схватились за оружие. А вандалы... Вандалы тут же, без лишних слов, молча ринулись на противника... Рыжий остановил их пронзительным выкриком.

Затем выдержал небольшую паузу, чтобы квеманы прочувствовали ситуацию и ощутили жадную готовность его людей расчленять и усекать. А потом осведомился подчеркнуто мягко:

— Значит, они — твои кровники, лесовик? И они оскорбили твоих богов, да?

— Да! — Ледяное спокойствие рыжего в сочетании с кровожадной пылкостью остальных вандалов произвело нужное впечатление. Понял, дурилка, что *этой* драки он может не пережить.

— В таком случае они стоят намного дороже, чем ты мне дал,— еще мягче произнес рыжий.— Выходит, ты хотел обмануть меня, человече. Я огорчен,— вандал демонстративно вздохнул,— я очень огорчен. И поэтому я забираю их обратно. Хочешь мне помешать? — В высоком голосе вандальского вожака проскользнула вдруг тоскливая нотка. Что-то вроде скулежа бойцовой собаки, которой очень хочется вырвать врагу глотку, но нельзя. Пока тот не преступил некой черты...

— Сколько тебе нужно? — отрывисто бросил квеман.— Назови свою цену!

Вандал покачал головой.

— Ты такой хитрый.— Рыжий усмехнулся.— Боюсь, ты снова захочешь обмануть меня. Мой ответ: нет.

Черепанов чувствовал, что квеманский вождь дрожит от ярости. Но квеманов было человек двадцать, а вандалов — вдвое больше. И вооружены они были лучше, и выглядели более суровыми вояками.

Но здесь присутствовали местные. И похоже, они не очень-то симпатизировали вандалам.

Узкое хищное лезвие секиры маячило у Геннадия перед носом, и это было довольно неприятно. Если квеман захочет смахнуть подполковнику голову, даже сотня вандалов не успеет ему помешать. Тем более что местный рикс, выразивший лицом полное одобрение, когда речь шла об увеличении суммы выкупа (в доле, небось?), при категорическом отказе рыжего нахмурился.

— И мой ответ: нет! — рявкнул квеман.— Ты...

В этот момент хватка его пальцев, вцепившихся в волосы Черепанова, несколько ослабла, да и сами волосы, хотя и отросли за пару месяцев, были все еще довольно короткими...

Черепанов резко присел — и освободился. Затем снизу, плечом, с силой пихнул квемана в грудь, оттолкнулся двумя ногами и по-лягушачьи прыгнул вперед.

Потерявший равновесие квеман запоздал на мгновение, а когда его топор метнулся вслед пленнику, между оружием и пленником как-то неожиданно образовался круглый щит одного из вандалов.

И в этот же миг весь вандальский отряд одновременно, словно единое живое существо, разом вскинул щиты и ощетинился железом. Весь отряд, кроме рыжего.

Тот продолжал подчеркнуто игнорировать манипуляции с топором, совершаемые вожаком квеманов.

Но Черепанов видел, что и рыжий начеку. Просто уверен, что наверняка успеет опередить квеманов. И Геннадий склонен был считать, что уверенность рыжебородого имеет основания.

Квеманский вождь не полез в драку. Вместо этого он повернулся к местному «коменданту».

— Рикс! — воскликнул «рогатый».— Неужели ты допустишь, чтобы чужаки оскорбляли тех, кто с тобой одной крови?

Зря он это сказал.

Рикс явно был на его стороне... До последней фразы.

После заявления о родстве расположение рикса к нему мгновенно испарилось. Вероятно, тут были затронуты какие-то старые заморочки.

— Ты мне не родич! — холодно произнес рикс.— Ты — *квеман*!

И Черепанов вдруг сообразил, что «квеманы» — вовсе не название народа. Квеман означает — пришелец. Иными словами, чужак.

Поняв, что поддержки не будет, квеман заметно огорчился. И, учитывая явное преимущество противника, решил пойти на уступки.

— Тебе нужен ромлянин? Забирай. А мне отдай этого! — Вождь указал на Геннадия.— За цену двоих.

Вандал повернулся к подполковнику.

— Ты тоже — римский вожак? — спросил он Черепанова полатыни.

— Да,— соврал Геннадий и, вспомнив недавний рассказ Плавта о трепанации черепа, добавил: — Опцион.

— В таком случае ты не получишь и этого, лесовик,— отрезал рыжий.

И повернулся к собеседнику спиной: для него разговор был закончен.

— Грузите их в телегу,— распорядился он.— И на корабль. Сегодня мы отплываем.

— Ты пожалеешь...— с угрозой прошипел в прикрытую кирасой спину квеманский вожак.

Рыжий мгновенно развернулся.

— Да? — почти дружелюбно осведомился он и положил ладонь на рукоять секиры.— Я готов *пожалеть* прямо сейчас. Что скажешь?

Квеман в рогатом шлеме ничего не сказал.

Удивительно, но ярость квеманского вождя угасла, как упавший в колодец уголек.

Ничего не ответив, он повернулся и пошел прочь. Остальные — за ним. Только шаман постарше на мгновение задержался, поднял одну из своих побрякушек, направил на рыжего...

— Давай, попробуй,— предложил вандальский вождь тем же равнодушно-спокойным голосом.— Проверь, насколько *мое* железо быстрее *твоей* волшбы!

Шаман проверять не стал. Молча потрусил за своими.

Нет, этот лохматый громила определенно начинал нравиться Геннадию. Несмотря на распухшее ухо.

Глава двадцать пятая,

в которой рыжий рикс жалуется на слабые места вандальской военной тактики и делает своим пленникам конкретное предложение

Рыжего звали Дидогал. И он был «родовой» вождь. Независимый, но на службе у рикса, возглавлявшего тех вандалов, которые называли себя асдингами. Рикс Дидогала уважал. И прочие асдинги — тоже. Дидогалу же одного уважения было маловато. Он тоже хотел стать риксом. Но чтобы стать риксом, надо было воевать.

Причем — успешно. Успех же, в свою очередь, исчислялся размерами добычи. Дидогал воевать любил. И умел. И побеждал нередко. Но проблема была в том, что побеждал он исключительно в локальных конфликтах с соседями — такими же варварами. Настоящую же добычу можно было взять только по ту сторону Дуная. В империи. А вот с империей у Дидогала не ладилось. Первой проблемой были расположившиеся западнее чужеплеменники, которые предпочитали грабить империю сами. Иногда — с союзниками, но Дидогала в союзники не приглашали. А ближе к востоку берега Дуная осели готы. Готских племен здесь было великое множество. Не имея общего руководства, они, тем не менее, имели общие традиции и говорили примерно на одном языке. Язык этот не многим отличался от вандальского, но ни вандалы, ни готы никогда не забывали, что принадлежат к разным сообществам. И те из них, что осели на берегах Данубия, не поощряли передвижения по своим землям чужих войск. Собственно, именно за это готам-федератам и платила империя: чтобы «держали» границы. Готы тоже были проблемой, но не главной. С готами договориться можно. Или даже в компанию взять. Готы — ребята спокойные, надежные, хозяйственные, а «лось большой, всем хватит», как сказано было в одном старом мультике. Куда более серьезной проблемой был флот. Римский флот. Многоводный Данубий охраняли боевые корабли данубийской флотилии. Которые были настолько мощнее вандальских посудин, насколько медведь сильнее волка. Конечно, стая волков может и с медведем управиться, но во что обойдется стае такая победа?

И наконец, самая большая проблема — римские легионы. В отличие от тех же готов и вандалов, у которых каждый землепашец мог при случае взяться за топор и смахнуть им пару-тройку голов, имперские пахари были просто овцами для стрижки. Не суйся туда, где на земле сидят варвары-федераты, и с землепашцами проблем не будет. Но легионы... Профессиональная армия империи — это серьезно. То есть с ними просто ловить нечего. Самое большее, на что была способна дружина Дидогала,— разбить личную охрану какого-нибудь римского землевладельца-латифундиста. И выпотрошить его виллу и закрома. Но против легионеров вандальские парни не тянули. При том что каждый отдельно взятый легионер ничего особенного собой не представлял. Любой головорез из дружины Дидогала накрошил бы полдюжины этих коротышек. Но чтобы раздавить сотню та-

ких недомерков, требовалось уже не меньше сотни вандалов. А по́лтысячи римлян запросто стаптывали тысячу храбрых варваров. Дидогал, прочувствовавший все это на собственном печальном опыте, очень хотел разобраться, в чем тут дело. Он прекрасно помнил, как еле ноги унес от римских катафрактариев[1]. Унес, но всю добычу пришлось бросить. Обидно, однако! Дидогал не дурак, кое-какие выводы сделал. Например, посадил всех своих воинов на коней. Сначала к алеманнам ездил: с подарками. Алеманны — конники изрядные. А с вандалами им делить нечего. Поучился у них Дидогал. Затем своих стал учить. Два года обучал. В долги влез: дорогое удовольствие это — конную дружину выучить. Правда, потом дела пошли лучше,— когда Дидогал от теории к практике перешел. И материальное положение улучшил, и большое уважение завоевал у соседних племен. С другой стороны, многие соплеменники и соседи после этого здорово невзлюбили Дидогала. Да и рикс тоже стал коситься на своего вождя с подозрением. А против рикса Дидогал идти был еще не готов. Благородством не вышел. Чтобы такой серьезный недостаток восполнить, нужна была серьезная победа. Славная и добычей обильная. И тогда понял Дидогал: надо идти на римлян.

Нынешняя поездка рыжего вандала — подготовительное мероприятие в рамках будущего проекта. Договориться с готами, чтобы те связались со своими родичами по ту сторону Данубия, а те в свою очередь не чинили препятствий вандальскому воинству.

Готский рикс согласился. Но потребовал «предоплату». Дидогал предложил долю добычи. В итоге сошлись на смешанном варианте. В общем, такой результат вандала устраивал. И в остальном его поездка тоже была успешной. Нашел союзников. Одно из племен неких карпов. Наполеоновских планов Дидогал не строил. Задачу поставил себе конкретную и четко ограниченную: перебраться через реку и пошарить по богатым имперским землям. Городов не брать, в сражения не вступать... По возможности. Но поскольку в общей сложности под командой Дидогала должно оказаться около тысячи копий, то бегать от гарнизона какого-нибудь провинциального городишки стыдно. Тем не менее, несмотря на общий эмоциональный подъем, сиде-

[1] Катафрактарии (катафракты, клибакирии) — латная конница римлян. Вооружение их скопировано у парфян. Это типично для римлян — перенимать у противника.

ла в вожде вандальском некая неуверенность, чтобы не сказать — страх. И не в нем одном — в каждом из бесстрашных вандальских парней жила эта позорная опаска. Рим есть Рим. Пусть в последнее время он уже не подминает под себя чужие земли, но старики еще помнили страшные удары римских легионов, следовавшие за вторжениями на земли Великого Рима. Да и те, кто ходил с Дидогалом на тот берег, тоже не забыли, как драпали от имперских орлов. В общем, и психологическое состояние войска было, по мнению Дидогала, не на должной высоте. Это раз. Кроме того, Дидогал, как уже сказано, мужик рассудительный и пытливый, очень хотел узнать побольше о том, как воюет враг. Это два. И наконец, совсем неплохо было бы перенять кое-какие полезные навыки у *лучшей* армии мира. Это три.

Именно поэтому рыжий вандал и не пожелал обменять Гонория и Черепанова на золото. Он счел, что знания и опыт пленников — дороже квеманского золота.

Все это вождь изложил своим пленникам, когда корабль вандалов, который справедливее было бы назвать лодкой, влекомый упряжкой из четырех лошадей, неторопливо поднимался вверх по течению речки, впадавшей в полноводный Данубий.

Большая часть отряда Дидогала ехала сушей, но сам вождь с десятком дружинников и обоими пленниками предпочел седлу палубу.

Временами речь вандала становилась невнятной, поскольку, рассказывая, вождь одновременно вгрызался в здоровенный кусок копченой грудинки, обильно запивая его пивом.

Пленники же имели полную возможность наслаждаться *видом и запахом* еды и сглатывать обильную слюну: у обоих со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, и вождю это было прекрасно известно.

Изложив вкратце свои проблемы, Дидогал перешел к проблемам и перспективам, ожидавшим Черепанова и Плавта.

«Печальна судьба ставших рабами вандалов,— повествовал рыжий.— Трудятся они от зари до зари на самых грязных и тяжелых работах, и все ими помыкают, даже женщины.

Рабской же работы,— делился информацией прихлебывающий пиво Дидогал,— у вандалов очень много. Поскольку сами вандалы работать не любят, а любят сражаться. Зато уж у тех, кто сражается вместе с вандалами, не жизнь, а малина.

Так что решайте, граждане, кем вы будете: рабами или воинами? Согласитесь поработать военными советниками — мы в свою очередь станем относиться к вам не как к военной добыче, а как к друзьям рода.

А с друзьями мы, вандалы, а особенно я, военный вождь Дидогал, невероятно щедры и великодушны»,— вещал рыжий, вдохновенно жестикулируя распространявшим дивный аромат куском грудинки.

Например, если римляне прямо сейчас поклянутся своими богами, что готовы помочь асдингам в будущем походе, то с них немедленно снимут путы и угостят вот такой копченой грудинкой с добрым медовым пивом, которым щедро снабдил вандалов в дорогу их союзник, готский рикс. Ну, решайте!

Геннадий очень сильно опасался, что гордый кентурион пошлет вандала куда подальше, но этого не произошло.

Гонорий выслушал рыжего вождя очень внимательно, затем безо всяких экивоков поинтересовался, каковы будут конкретные размеры вандальской «щедрости». Иными словами, сколько им заплатят за консультации.

— Долю в добыче! — немедленно ответил варвар.— И еще двойную долю каждому, если вы оба согласны участвовать в походе.

— Не пойдет,— тут же отрезал римлянин.— Я знаю силу Рима. Может, и не будет у вас никакой добычи, а будет каждому по хорошему деревянному кресту с тремя длинными железными гвоздями и возможность любоваться богатыми римскими землями и доброй римской дорогой, пока добрые римские вороны не выклюют вам глаза.

Геннадий был удивлен необычной образностью Гонориевой речи, но варвар воспринял ее вполне естественно.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Три золотых мне и один — моему опциону (кивок на Черепанова) за каждое десятидневье, что мы будем учить вас. И в поход мы с вами не пойдем, потому что не пристало римлянам воевать против римлян...

Тут рыжий расхохотался и заявил, что не надо держать его за дурака. Он прекрасно знает, что римляне в последнее время только и делают, что воюют с римлянами.

— Да, это так,— скривившись, согласился Плавт.— Но мы не будем. Мы останемся у гостеприимных и щедрых вандалов и по-

дождем, пока великие воины вернутся из победоносного похода и привезут мне и моему опциону по две доли добычи.

— По одной,— тут же возразил Дидогал.— И четыре золотых за десятидневье — слишком много. Я дам вам два — делите как хотите.

— Три! — заявил Плавт.— И ни сестерцием меньше!

Они торговались минут пятнадцать, связанный римлянин и рыжий варвар с мокрыми от пива усами.

Договорились.

Плавт и Черепанов поклялись Юпитером и Минервой, что приложат все усилия, чтобы вандалы Дидогала понесли наименьшие потери в будущем походе, а вождь асдингов в свою очередь поклялся Доннаром, что оплатит услуги военных советников согласно устной договоренности.

Как только сделка была заключена, пленников немедленно развязали и даже вернули ножи.

Глава двадцать шестая,

в которой рикс Дидогал и подполковник Черепанов получают некоторые теоретические знания о римской военной тактике

— В легионе — десять когорт,— рассказывал Плавт.— В каждой когорте шесть сотен легионеров, это три манипулы, в каждой манипуле — две кентурии. Строят их так: первые три когорты — в первой линии с промежутками. Во второй линии — три когорты стоят против промежутков в первой линии. В третьей линии — четыре когорты. Стоят напротив промежутков во второй линии.— Гонорий высыпал на доску песок, разровнял и начертил палочкой, как именно расположены когорты римского легиона.— Между тяжелой пехотой стоит легкая: лучники, пращники. А на флангах — орудия. Онагры, карабаллисты, катапульты...

— А конница? — спросил внимательно слушавший Дидогал.

— Конница — это вспомогательные войска,— ответил кентурион.— Фланги прикрывать или, если противник слаб или побежал, добивать. Конница — это не главное.

Вандал помрачнел. В прежнем походе его именно конница и разбила. Приятно ли узнать, что тебя разгромили *не главные* войска.

— А если конно ваши когорты атаковать — что будет?

— Много мертвых конников будет,— усмехнулся Плавт.— Не пробить конникам римский строй. Конница с удара хороша, но наши гастаты-копейщики — лучше. Строй устоит, а всадники в промежутки между когортами попадут, завязнут, и их раздавят.

— А если из луков бить, издали? — спросил вандал.

— Хороший вопрос,— одобрил кентурион.— Сразу вождя видно. Только не помогут тебе луки, Дидогал. «Черепаха» что такое — знаешь?

— Зверь такой, со щитом на спине.

— Угу. И еще построение воинское. Первый ряд — на колено и щит к земле. Второй — щиты к щитам первого. Третий — щиты над головами. Получается — как черепаший панцирь. Только римский скутум[1] покрепче панциря. Стрелой не пробьешь. Нет, всадник против пешего воюет плохо. Коня щитом не прикроешь, а в большую цель и попасть легче.

— Значит, ты советуешь пеше воевать? Кони не нужны?

— Почему не нужны? — возразил Плавт.— От коней тебе тоже польза будет. Убегать, к примеру, верхом намного сподручнее.

Нельзя сказать, что эта идея пришлась вандалу по душе.

Он уставился на римлянина: не издевается ли?

Но на квадратной, обросшей черной щетиной физиономии Плавта не было и намека на насмешку.

— Но били же твоих римлян! — заявил он.

— Били,— согласился Гонорий.— И такое бывало. Ты скажи: откуда латынь знаешь?

— Выучил,— буркнул Дидогал.— Раба купил и от него выучился. А как иначе? Латынь надо знать.

На физиономии Плавта выразилось удовольствие: он всю дорогу втолковывал Черепанову, что ни к чему римлянину варварское бормотание учить. Пусть варвары латынь учат, к культуре приобщаются. Но после следующей реплики вандала кентурион улыбаться перестал.

— Как же мне — без латыни? — сказал Дидогал.— А ежели, к примеру, надо вызнать, где ваши золото спрятали? Что ж, я

[1] Скутум — большой щит римского легионера.

через толмача буду допрос вести? Да он мне такого натолмачит! Ты не вопросы задавай, а говори, как мне с империей воевать! — добавил он, вдруг рассердившись.

— Насчет толмача он, к сожалению, прав.— Проигнорировав недовольство варвара, кентурион обратился к Черепанову: — Нынче такую *серебряную* монету чеканят, что там от серебра одно название осталось. Сплошная медь. Вот и стал народ старые деньги в землю прятать[1]. Те, что остались.

У Плавта была поразительная способность игнорировать направленный на него гнев. И при этом не переступать некоей опасной черты.

— Значит, тебя интересует, как воевать с Римом? — произнес он, обращаясь к Дидогалу.— А вот так! — Гонорий сунул палец в рот, показал дырку от зуба, выбитого парнями Дидогала.

— Только так,— повторил он.— Навалиться кучей, вдарить, ухватить, что выпало,— и уносить ноги. Твоя добыча для Рима, что для меня — выбитый зуб. Жаль, конечно, но силы не убавилось. По-умному нападать. Знать — куда. Знать — когда. Как волк из овчарни овцу тащит. Главное: удрать, пока псы да люди не набежали. Да ты не мрачней, варвар, я тебя всему научу! — В голосе кентуриона опять появились высокомерные нотки.— Ты только про золото мое не забывай.

— Научишь,— проворчал рыжий вождь,— ясное дело. Да только и я тебе скажу: бывает, как волки стаей на отару накинутся, так тут бы и собакам да пастухам самим шкуры уберечь!

— Бывает,— согласился Плавт.— Зимой, когда с голоду страх теряют. Или когда на земле у людей беспорядок. Да только не думаю я, что ты так голоден, чтоб ум потерять, да и порядок на землях римских пока что есть.

— Пока,— ухмыльнулся вандал.— Пока. А золото я тебе дам. Вот прямо сейчас и дам! — Он развязал кошель и выложил на доску три золотые монеты.

---

[1] Еще с конца II в. центральная власть империи испытывала хроническую нехватку средств. Уже при Септимии Севере содержание серебра в динарии сократилось вдвое, при Каракалле еще уменьшилось. Инфляция вызвала усиленное накопление старой полноценной монеты в кладах, которые впоследствии были раскопаны археологами. Понятие о размерах подобных кладов можно получить, скажем, на примере находки, сделанной в Кельне: более 100 золотых монет и свыше 20 000 серебряных.

Плавт сделал движение — и монеты исчезли. Гонорий подмигнул Геннадию.

«Фокусник»,— подумал Черепанов.

Что-то во всем этом было... Неправильное. В том, как вел себя храбрый кентурион. Или Геннадий не совсем правильно представлял себе, что есть его товарищ Гонорий Плавт. Или кентурион совсем не так прям и простодушен, как желает выглядеть.

Сразу вспомнилось, как Плавт заявлял: «Я хитер! Ты меня еще в деле не видел».

И все-таки туповатая жадность ярого поклонника Приапа выглядела очень даже натуральной. И при этом совсем не сочеталась с тем Плавтом, который был столь же ярым патриотом и для которого его Рим был важнее и превыше всего. Но если Плавт актерствовал, изображая алчного наемника, то почему тогда он выкладывал варвару информацию, которую тот мог использовать против его страны? Ведь то, что рассказывал Плавт, не было дезой. Черепанов кое-что читал о Древнем Риме, его армии, тактике и стратегии. Даже «Записки о Галльской войне» Цезаря как-то проштудировал, еще в училище. И все, что говорил о римской тактике Плавт, на взгляд Геннадия, было правдой. И про структуру легиона, и «шахматную» тактику, и даже про вспомогательную роль кавалерии. А ведь кентурион мог и соврать... Итак, либо Геннадий чего-то недопонимал, либо прежнее представление, составленное Черепановым о кентурионе, было неверным. Но докапываться до истины в присутствии посторонних Геннадий не стал. Со временем и так узнает. In praxi[1].

Глава двадцать седьмая,

в которой подтверждается, что подполковник Черепанов неплохо разбирается в людях

Нет, все-таки Черепанов имел о своем друге-приятеле правильное мнение. А вот симпатичный рыжий вандал, поверивший, что римлянин будет ему служить, ошибся.

[1] In praxi *(лат.)* — на практике.

«Fide, sed cui fidas vide»[1] — как говаривали две тысячи лет назад в *том* Риме. И в *этом* Риме, очевидно, такие же правила. Потому следующей же ночью спящего подполковника разбудил не зычный голос стражника-вандала, а осторожное прикосновение.

Он открыл глаза и увидел много-много звезд и знакомый силуэт над собой. Короткое движение руки — и, повинуясь, Черепанов выскользнул из-под овчины, которая служила ему одеялом.

Если не считать обычных для приречного луга ночных звуков, вокруг царила тишина. Вандальский лагерь, расположившийся на высокой береговой круче, спал. Черепанов отчетливо видел темные холмики: вандалов, завернувшихся в такие же шкуры, подложивших под головы седла, крепко спящих после длинного трудного дня. Еще он знал, что оружие у каждого из них под рукой и крепкий сон крепок лишь до первого подозрительного звука. Все они — воины. А воин, который не умеет спать чутко, рискует заснуть навсегда. Но сейчас все они спали, кроме часового, который... Черепанов присмотрелся внимательнее и скорее догадался, чем сообразил,— сидящий около угасшего костра часовой не бодрствует. И не спит. Он мертв.

В ответ на вопросительный знак Черепанова Плавт коротко кивнул и сделал быстрый короткий жест: пошли быстрее.

Идея была понятна: внизу — вандальская лодка. Четырех рук вполне достаточно, чтобы направлять ее вниз по течению.

Но вряд ли Дидогал настолько беспечен, что оставил свой «корабль» без охраны...

Да, так и оказалось. Когда они вышли на край берегового откоса, то сразу заметили темный силуэт лодки, застывший в нескольких шагах от песчаного берега. Черепанов, который превосходно видел в темноте, сумел разглядеть на палубе двоих. Похоже, спящих.

На лодке было темно и тихо. Зато на берегу имелся бодрствующий караульный. Он стоял, опираясь на копье, и глядел в сторону речки. Рядом слабо алели угли костра. Со стороны реки огонь был не виден, заслоненный корпусом лодки, но песча-

[1] Fide, sed cui fidas vide *(лат.)* — Верь, но смотри, кому веришь.

ный берег угли освещали неплохо. И караульщик наверняка вовремя заметил бы опасность, если бы смотрел в нужную сторону. Но, неизвестно почему, сторож-вандал глядел туда, откуда ничего не угрожало. Может, задумался. Или услышал подозрительный звук. Но в любом случае часовому не стоило отворачиваться. Особенно когда с косогора бесшумными тенями соскользнули Черепанов с Гонорием.

«Я сделаю»,— знаком показал Плавт и в одно мгновение оказался за спиной караульщика. Тот был намного выше Гонория, поэтому кентуриону пришлось высоко поднять руку с ножом, чтобы нанести удар. Но сам удар получился безукоризненным. Почти бесшумный и абсолютно смертельный. Кентурион очень ловко подхватил убитого и опустил его на землю, ухитрившись сделать так, что ни щит, ни копье не упали на землю.

Черепанов коснулся плеча римлянина, показал на лодку и поднял два пальца. Плавт кивнул, и оба они осторожно вошли в воду. Довольно холодную — осень все-таки.

В лодке действительно было только двое спящих вандалов, которые через несколько секунд стали мертвыми вандалами.

По поводу этих убийств Черепанов не испытывал ни малейших угрызений — убитые, возникни у них при жизни такая потребность, прикончили бы его самого, глазом не моргнув. В общем, совесть Геннадия была спокойна. И все-таки еще пару месяцев назад подполковник не стал бы их убивать. Оглушил бы и оставил на песочке. Но тут был другой мир. Геннадий осознал это еще тогда, когда они с Лехой развлечения ради обследовали деревянную крепость на холме. И Леха рассказал историю про мужика, которого единственного за всю историю фашистского рейха выгнали из концлагеря. Которого отторгла система, когда он въехал, для чего все устроено. Выкинула из себя. То есть, как предположил Леха, если весь этот мир — гигантский испытательный стенд для пары заблудших космонавтов, то разберись они, ради чего их тестируют,— и сразу окажутся дома. Это была гипотеза. Не глупее прочих. А базовые предпосылки ее были очень даже толковыми. Это другой мир, с законами и основами, отличными от законов и основ Российской Федерации начала двадцать первого века. И испытуемым, командиру корабля подполков-

нику Черепанову и космонавту-исследователю Алексею Коршунову, следовало принять эти чужие законы. Потому что в противном случае этот вполне реальный и по-своему сбалансированный мир сам отторг бы чужаков. И (в этом Геннадий был уверен) не обратно — в начало третьего тысячелетия, а совсем в другое место, откуда возвращаются крайне редко и то лишь в виде бесплотных призраков. Да (и Черепанов это знал), существовали ситуации, когда следовало отказаться от привычной морали, этики и норм поведения и принять те условия игры, которые предлагала ситуация. И главная проблема здесь не только в том, чтобы научиться выживать на войне. Этому как раз можно научить очень многих. Проблема в том, чтобы, оказавшись вне войны, дома, в центре Москвы, среди родных и близких, не притащить войну с собой. Вернувшись из своего южноамериканского вояжа, Черепанов сумел справиться с этой проблемой. Но попутно узнал, что очень немногие из его современников, побывавших там, где другие правила, сумели избавиться от войны внутри. Вот тогда Геннадий всерьез заинтересовался этим вопросом. И историей войн. А также психологией тех, кто в этих войнах участвовал. И выяснил много интересного. Например, что для средневековых рыцарей-феодалов подобной проблемы вовсе не существовало. Вернее, они решали ее просто: вот мой дом, мои близкие, моя земля. А вот весь остальной мир — и «кто не спрятался, я не виноват!» Иными словами, внутри каждого человека живет несколько разных личностей, сформированных жизненными обстоятельствами. И личности эти поочередно вылезают наружу, чтобы справляться с жизненными трудностями. Словно обученные псы: этот — охотничий, этот — санки возить, а этот — наркотики искать или глотки рвать. Сам же человек, их законный хозяин, должен тщательно следить, чтобы конкретный пес вылезал из будки исключительно в нужное время. Это была игра, которую Геннадий вел сам с собой. Увлекательная игра. Рискованная. Но подполковник считал, что может себе позволить любые «шизофренические» игры, поскольку психика у него была — железобетонная. Он готов был дать подписку, что физически не способен «поехать крышей». И полсотни лучших в стране врачей и психологов поставили бы под его подписью свои закорючки. Тем не менее, когда требовалось «сменить правила игры», подполковник

Черепанов «спускал с поводка» соответствующую личность, и эта личность решала возникшие проблемы. А сам ее хозяин стоял в сторонке и наблюдал. Спокойно и сосредоточенно. Готовый в любой момент «перехватить управление».

Поэтому, если возникала необходимость убивать, Черепанов убивал. Но если была возможность не убивать, подполковник ее использовал. В данном случае — передоверив «зачистку территории» своему другу Гонорию Плавту, для которого отправлять вражеских солдат в лучший мир было так же естественно, как помочиться с горки.

Избавив вандалов от лишних вещей, кентурион по очереди перекинул их через борт — в руки Геннадия, который предал тела неторопливому течению реки.

Скрипнул и пополз вверх рей, увлекая за собой тяжелый квадратный парус.

«Черт,— подумал Черепанов,— могут услышать...»

Не услышали. Геннадий полоснул ножом по канатам, закрепленным на берегу, и перемахнул через борт. Темный парус над головой наполнился ветром. Плавт на корме уже взялся за рукоять рулевого весла и уверенно направил лодку прочь от берега. Минута — и береговой откос поглотила темнота, только тусклый свет догорающего костра еще некоторое время служил ориентиром. Пока и его не поглотила ночь.

Побег удался.

Глава двадцать восьмая,

в которой выясняется, что рикс Дидогал не любит, когда его кидают

На рассвете они миновали изобилующее мелями устье и выплыли на настоящий водный простор. Дунай. Теперь Черепанов узнал эту реку. Собственно, мог и раньше вспомнить, потому что по-английски Дунай и в *его* мире назывался Danuby. И видел его Геннадий неоднократно, поскольку бывал и в Чехии, и в Словакии, и в Венгрии. Сейчас подполковнику иногда чудилось, будто он узнает знакомые берега.

— Мы спустимся пониже,— сказал Плавт.— К Понту[1], к Мезии [2]. А то здесь по обе стороны варварские поселения. Правобережным мы платим: якобы за охрану наших границ. Но...— римлянин усмехнулся,— варвары и есть варвары. Мы спустимся ниже, там уже наши. Высадимся и станем искать Максимина...

Ветер спал. Тяжелую лодку медленно влекло вниз по течению. Вставало солнце...

— А я уж подумал: ты готов служить этому рыжему вандалу,— сказал Черепанов.— Ты так с ним торговался из-за золота...

Гонорий рассмеялся, поскреб подбородок.

— Оброс,— пробормотал он.— Не люблю.— Достал нож, выправил кромку точильным камнем и принялся соскребать щетину со щек.

— Если бы я не торговался, он бы мне не поверил,— пояснил кентурион.— Да и золото нам не помешает. Неужели ты впрямь подумал, что я могу предать *мой* Рим?

— Ну...— Геннадий смутился, что с ним в последние двадцать лет бывало редко.— Я не знаю ваших обычаев.

— Обычаи наши просты,— сказал Плавт («хр-рс-хр-рс» — прошуршало лезвие, соскабливая щетину).— Есть Римский Мир. Миропорядок. Цивилизация. Все остальное должно ему служить. Только так.

— Ты уверен?

— Да. И ты должен быть в этом уверен, если хочешь служить Риму. Ты хочешь?

Вопрос был задан прямо и требовал такого же прямого ответа.

---

[1] Имеется в виду Черное море.

[2] Мезия — римская провинция. Древняя область между нижним Дунаем и Балканами, первоначально населенная фракийскими племенами. В VI—VII вв. до н. э. территорию Мезии колонизовали греки; с конца I в. до н. э. находилась под властью Рима. В IV в. здесь осели готы, в VI—VII вв. — славянские племена. С севера ее границей был Дунай (эту часть Дуная называли также Истром), с востока — Понт (Черное море), с юга — Фракия, с запада — Далмация, Иллирия, Паннония. В описываемое время была уже разделена на две административные единицы — Нижнюю и Верхнюю Мезии. К северо-востоку от Мезии располагалась провинция Дакия (завоеванная императором Траяном), ограниченная Истром, Флютаввзием (р. Олт, левый приток Дуная), Карпатами и Трансильванскими Альпами, но в описываемое время Дакия уже практически принадлежала занявшим ее варварам.

— А разве у меня есть выбор?

— Выбор всегда есть.— Гонорий плеснул на ладонь немного вина из кожаной фляжки, снятой с убитого вандала, размазал по лицу.— Хочешь? — Он протянул Черепанову нож.

— Не сейчас.— У него не было сейчас желания бриться. Тем более тупым ножом вместо привычного «жиллет-слалом-плюс».

— Рим — это все. Но что есть Рим? — Вопрос был риторический.— Рим есть сила. А сила Рима (толстый грязный палец назидательно воздет вверх) в непобедимых орлах римских легионов. Золотой орел на древке аквилы[1], друг мой Геннадий, это великий символ Рима. Для легионера его *орел* выше Юпитера и Олимпа и всяко важнее болтунов из сената. Римские орлы хранят величие Рима. Они рождают Августов. Армия Рима — это и есть Рим.

— А как же законы, народ, культура?

— Все это есть, потому что есть мы. Ты видел варваров. Что для них культура? Что для них наши боги, наши обычаи и законы? Свиньям ни к чему умелые повара. Свиньям все равно, что жрать. Что помои, что фаршированные финики. И чтобы свиньи не лезли в триклиний[2], у входа должен стоять слуга с палкой. Служить *римскому орлу* — высочайшая честь, друг мой! И ты, я уверен, вполне достоин этой чести. Ты увидишь, ты почувствуешь... Эх, Череп! Когда я сейчас вспоминаю, как сверкает на солнце орел моего легиона, как стоят мои воины: плечо к плечу, щит к щиту, кентурия к кентурии...

Геннадий увидел, как по свежевыбритой кирпичного цвета щеке кентуриона сползла прозрачная слезинка...

— Это такое счастье, Череп,— пробормотал Плавт.— Это лучше сирийской куртизанки, лучше самых изысканных деликатесов...

— Я понимаю,— мягко проговорил Черепанов.— Я понимаю тебя. И уважаю твои чувства. Но взгляни на берег: мне кажется, там кое-кто знакомый.

Плавт моментально обернулся:

— Клянусь тестикулами Марса — вандалы! *Наши* вандалы!

---

[1] Аквила — боевой штандарт. Каждый римский легион имел свою аквилу. При утрате ее легион расформировывался.

[2] Триклиний (*лат.* triclinium) — столовая древнеримского дома.

Именно так.

Вдоль берега, обгоняя медленно плывущую лодку, скакала цепочка всадников. И в одном из них без труда угадывался рыжий вождь Дидогал. До берега было метров триста, но рыжего Геннадий узнал бы и за километр — по сверкающей кирасе и огненной гриве.

Он что-то кричал сердито, но слова съедало расстояние.

Плавт помахал ему рукой, потом изобразил руками, как перерезают горло. При этом он выпустил рулевое весло, и лодку тут же повернуло боком. Ничего худого, впрочем, не произошло. Как несло их течение, так и продолжало нести. Ветра не было, и парус обвис тряпкой.

Всадники помчались берегом дальше и вскоре пропали за очередной излучиной. Только человек десять продолжали неспешно двигаться вровень с лодкой.

— Может, за весла — и к тому берегу? — предложил Геннадий.

— А-а-а...— римлянин махнул рукой.— Ничего они нам не сделают. Руки коротки — не дотянуться.

Так они и плыли — с береговыми сопровождающими. Ветра все не было, но это было неважно. Километра три-четыре в час они делали. Вполне достаточно.

Черепанов поспал немного, потом сменил у руля Гонория, чтобы и тот подремал. Но римлянин спать не стал. Занялся изучением военных трофеев. Оружие было неплохое. И еды в рундуках на корме было достаточно. А вот денег было маловато. Дюжины две монет разного достоинства, но все мелких. Немного рубленого серебра. Золота не было совсем. Плавт ворчал недовольно: жалел о потере того, что взяли на квеманском капище. Не маячь на правом берегу вандалы, он непременно начал бы подбивать Черепанова высадиться и забрать спрятанное в лесу имущество.

Спокойная жизнь кончилась, когда река сделала очередной поворот. Дунай за излучиной сузился примерно до полукилометра, и течение усилилось. Это само по себе было бы неплохо. Плохо то, что впереди, примерно в паре километров ниже по течению, обнаружился городок с пристанью. И от этой пристани как раз отчаливали две крохотные лодочки, полные людей. Крохотными, впрочем, их делало исключительно рас-

стояние. На самом деле они ничуть не уступали размерами той, на которой плыли друзья. Но в отличие от их посудины, послушно влекомой рекой, эти суденышки щетинились несколькими парами весел и уверенно разворачивались против течения.

— Плавт, подъем! — гаркнул Черепанов.— У нас проблемы!

Римлянин вскочил, глянул и сразу сообразил, чем пахнет.

Пока Геннадий без особого успеха пытался развернуть тяжелую неуклюжую посудину к правому берегу, римлянин освободил конец, и рей соскользнул вниз, опуская бесполезный парус.

Лодку продолжало нести вниз, неуклонно приближая к судам, выгребающим вверх по течению. Похожие издали на черных многоногих жуков, они упорно, хоть и довольно медленно, ползли вверх по реке.

Гонорий закрепил в ременных уключинах пару здоровенных весел.

— Брось! — крикнул он Геннадию, пытавшемуся как-нибудь закрепить руль.— Орк с ним! Взялись!

Они разом вскинули весла. Лодка неуклюже развернулась.

— И... раз! И... раз!

Весла оказались крайне неудобными. Тем более одной пары для их посудины было явно мало. Римлянин и подполковник минут пять упирались изо всех сил, взмокли, но сильное течение неуклонно сносило их обратно на стрежень. Вдобавок природа отпустила очередную шутку: подул ветер. И подул, разумеется, от правого берега, что вообще свело на нет все усилия.

— Брось,— пропыхтел Гонорий, забрасывая свое весло на борт.— Бесполезно.

— Согласен.— Черепанов последовал его примеру.— Будем драться? Или попробуем вплавь?

— Не выйдет,— буркнул римлянин.— На кораблях нас в момент достанут. Утопят, как щенят. Нет уж! Если мне суждено подохнуть, то я хочу прихватить с собой за компанию пяток варваров.

Кентурион натянул через голову кожаный, с железными нашивками «жилет», принадлежавший одному из покойных вандалов. Черепанов сделал то же самое. Хорошо, что «броник»

был не цельный, а со шнуровкой на боках: прежний хозяин был на пару размеров мельче Геннадия.

Лодки противника приближались. Уже можно было различить отдельные лица: разумеется, на носу первой балансировал старый знакомец Дидогал в сверкающей золотом кирасе. Стало слышно и слаженное уханье гребцов. Четыре пары весел — по два гребца на каждое — уверенно толкали вандальские корабли вперед.

— Копий по двадцать,— заметил кентурион.— Пустяки!

— Угу,— согласился Геннадий.— Сухарями закидаем.

— Идея! — обрадовался кентурион. Свернул из льняного кушака подобие пращи, поискал подходящий снаряд, не нашел, вытряхнул из кошеля несколько бронзовых монет поувесистее...

Лодку медленно разворачивало. Теперь ее несло кормой вперед, но это было неважно. Важнее то, что судну Дидогала оставалось пройти каких-нибудь полторы сотни метров. Второй кораблик приотстал.

— Эй, варвар! — закричал Плавт.— Иди скорей сюда, сейчас я пущу тебе кровь.

Рыжий не ответил, только помахал здоровенным топором.

Между ними оставалось метров восемьдесят.

Кентурион раскрутил импровизированную пращу. Свистнуло, раздался тупой удар. Один из гребцов завопил и выпустил весло: монета попала ему в лоб.

— Не зря меня Аптусом кличут,— удовлетворенно заявил римлянин, закладывая в петлю следующую монету.

Гребцы сбились с ритма, вандальская лодка потеряла ход...

— Не стрелять! — заревел Дидогал, когда его люди схватились за луки.— Грести! Грести, во имя Доннара!

Лодка выправилась. Свистнула праща... И вандал отшиб монету плоскостью топора.

— А-а-а, римлянин! — закричал он.— Я иду, римлянин! Я уже...

И тут он осекся и лицо его враз сменило маску радости на маску бешенства. Гребцы сбились с ритма, кто-то вскрикнул испуганно. «Неужели их так напугала праща Гонория?» — подумал Черепанов. Сомнительно...

Третья монета с шипением пронеслась над водой и звякнула о чей-то шлем.

Римлянин даже не посмотрел, куда попал. Он смотрел в противоположную сторону, и Геннадий увидел, как по его свежевыбритой физиономии расплывается счастливая улыбка. Черепанов тоже обернулся...

Позади, из-за поворота, появилось еще одно судно. *Настоящий* корабль. Геннадий увидел высокий узкий темно-красный нос с далеко выдающимся форштевнем. Длинные черные весла слитно опускались и поднимались...

— Трирема! — проговорил Плавт с восхищением.— *Наша* трирема. Из данубийской флотилии...

Черепанов, как зачарованный, глядел на стремительно приближающийся корабль, который *вырастал* буквально на глазах. На несколько секунд он даже забыл о Дидогале.

Каких-то несколько минут — и трирема поравнялась с ними. Геннадий увидел высокий борт, воинов в таких знакомых по фильмам *римских* шлемах, два ряда длинных весел, услышал гулкие удары барабана...

— А-а-а! — закричал Плавт.— Аве! Виват! Рим!

Сверху ему что-то крикнули в ответ. Черепанов, вспомнив, глянул на вандалов. Лодка Дидогала, такая маленькая в сравнении с триремой, быстро-быстро выгребала к берегу.

Трирема прошла в сотне метров от нее. Залп — и сверху на вандалов обрушился дождь стрел. Варвары вскинули щиты, прикрывая себя и гребцов, которые продолжали отчаянно работать веслами. Вторая лодка тоже подалась к берегу, но не успела. Трирема с ходу ударила ее в борт. Треск — и за кормой уже чернеют обломки и барахтаются в воде с десяток вандалов.

Трирема совершила широкий плавный разворот и пошла назад — прямо по головам, не снижая скорости. Барабан загремел чаще. Трирема устремилась на лодку Дидогала.

У вандалов не было никаких шансов, но они продолжали грести изо всех сил...

Внезапно на триреме раздался повелительный крик. Весла замерли в воздухе... И двинулись в противоположную сторону. Боевой корабль сбрасывал ход.

— Проклятье! — выдохнул Плавт.— Ушли!

Черепанов понял, что произошло. Слишком близко от берега. Капитан триремы побоялся выскочить на мель.

«Ну и ладно»,— подумал Черепанов. Несмотря ни на что, он не хотел, чтобы рыжий вандальский вождь отправился к праотцам. Нравился ему рыжий, ну что тут поделаешь!

Трирема застопорилась, развернулась и двинулась к ним. Красный гладкий борт навис над лодкой. Сверху упал канат, который Плавт тут же закрепил.

— Кто такие? — крикнули сверху.

— Первый кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт Аптус! — с гордостью провозгласил друг Геннадия.

— Кентурион первой когорты? — переспросили сверху.— Примипил? Эй там, позовите субпрефекта Гельвеция!

Новая физиономия, увенчанная шлемом с алым султаном, появилась над бортом.

— Аптус! Ты, что ли? Откуда?

— Я это, я! — заорал Гонорий.— Ты сбросишь мне лестницу, Гельвеций, или так и будем орать на всю реку?

— Лестницу вниз! — крикнул воин с красным султаном.— Ну, парни, мы и рыбку поймали! А кто это с тобой, Аптус? Варвар?

Гонорий глянул на Черепанова.

— Друг! — гаркнул он и подтолкнул Геннадия к упавшей вниз веревочной лестнице.— Полезай, Череп! Хвала всем богам и особенно Приапу! Считай, что мы уже дома.

Глава двадцать девятая,

в которой подполковник Черепанов знакомится с римскими «морпехами» и попутно выясняет, что недооценил размеры «звездочек на погонах» римского офицера Гонория Плавта Аптуса

Оказалось, Черепанов недооценивал Плавта. Оказалось, что кентурион первой кентурии — не совсем кентурион, то бишь офицер уровня командира роты. Кентурион первой кентурии одновременно являлся старшим кентурионом всей когорты. А кентурий в когорте было шесть. Итого — шестьсот бойцов. А должность первого кентуриона первой когорты,

примипила, была еще серьезнее, поскольку он был четвертым по статусу (после командующего-легата, старшего из трибунов и префекта лагеря) офицером в легионе. Более того, старина Плавт оказался не пехотным командиром, а кавалеристом. Потому что первая когорта Фракийского легиона, как выяснилось, была когортой катафрактариев-клибанариев, тяжелой кавалерией то бишь. Это, впрочем, было не стандартом, а новацией, внесенной лично командиром легиона Максимином, еще в парфянской кампании сформировавшим ее из лучших наездников, набранных в *основных* (не вспомогательных) подразделениях. Так что тайны римской тактики, которые Гонорий излагал вандалу, малость устарели. И нынче «шахматным» строем пользовались весьма ограниченно, воевали не манипулами, а сплошным строем. А кавалерию, напротив, очень даже уважали. Так что все, что «сгружал» вандалу хитрый кентурион, преследовало две цели: запугать варвара силой Рима и убедить в готовности пленников сотрудничать. А уж в стратегии и тактике Плавт, чье воинское звание соответствовало, как минимум, подполковнику, разбирался несомненно. Геннадий сделал в памяти отметку: расспросить об этом подробнее. В более подходящее время. В общем, подполковник ВВС Черепанов (который в случае успешного завершения полета мог стать полковником, а там и генералом) и первый кентурион-примипил Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт Аптус были практически в одинаковых чинах. На равных. Пока они странствовали по варварским лесам. Но теперь ситуация изменилась, поскольку Гонорий снова стал реальным командиром, чином повыше, чем субпрефект Гельвеций, командовавший «морпехами» триремы «Гордость Клавдия», а вот Черепанов так и остался пришельцем без роду и племени. Но Гонорий Плавт, оказавшись на своей территории, где уже не требовалась помощь напарника, не забыл о нем. И ничуть не переменился к своему *другу*.

— Слушай, Череп, а ведь если тебе выкрасить волосы в черный цвет и подправить латынь — ты будешь вылитый Аптус! — заявил Гельвеций, когда вечером того же дня они вчетвером: Плавт, субпрефект, Черепанов и долговязый капитан триремы по прозвищу Гастий — попивали подогретое вино на квадратной крыше рубки, расположенной на корме триремы. Внизу, в

метре от локтя Черепанова, маячила макушка рулевого. У триремы почему-то не было нормального руля. Управлялась она длинным веслом, закрепленным у левого борта.

— Ерунда! — заявил Плавт.— Во-первых, моя грудь волосатее, а следовательно, я буду богат! Это раз. Во-вторых, мой живот тоже волосат, что говорит о моем здоровье и долголетии, а у Черепа живот гладкий, как попка африканки. В-третьих, моя спина тоже волосата, что говорит о том...

— ...что ты родич африканской обезьяны! — перебил Гастий.

Плавт расхохотался. Он был в отличном настроении, поскольку недавно выиграл у капитана десять динариев в игру, очень похожую на шашки. А кроме того, выиграл у субпрефекта Гельвеция «желание». И потребовал, чтобы трирема зашла в то готское селение, где их держали в плену.

Гельвеций вынужден был согласиться. Но с условием, чтобы Плавт не затевал драки. Дескать, он, Гельвеций, имеет строгое указание префекта флотилии: с федератами не ссориться.

— Никаких драк я затевать не буду! — обещал Гонорий.— Только возьму свое.— Тут он подмигнул Черепанову, и тот моментально заподозрил, что, когда его друг начнет «брать свое», драка возникнет наверняка.

Нет, все-таки Гонорий Плавт не так прост, как хочет казаться.

— Может, я и похож на обезьяну — волосатостью! — изрек кентурион.— Но у тебя, Гельвеций, в точности обезьяньи мозги. Поскольку не видишь главной разницы между мной и моим другом Черепом! — Плавт поднял палец.— Разницы, которую никакой краской не исправишь!

— Ты имеешь в виду кривые ноги? — осведомился субпрефект.

— Нет! Я имею в виду мой маленький... Ха! Что я говорю! Мой *большой* приап! Который не имеет себе равных! Скажи, Череп, разве я не превосхожу тебя в темпераменте минимум втрое?

Геннадий улыбнулся.

— Зато любой осел втрое превосходит тебя! — заявил Гельвеций.— А приап у него намного больше!

— Не оскорбляй моего бога! — возмутился Плавт.— Не то он превратит тебя в осла, как того парня в истории африканца Апулея, а потом тебя продадут ливанцу, который отрежет тебе

яйца и заставит возить гнилую морковку на рынок куда-нибудь в Кесарию. Чтобы повитуха нашего славного императора Александра[1] отравилась ею, если, конечно, старина Орк уже не прибрал ее к себе.

— Хорошо бы он прибрал и нашего императора,— пробурчал Гельвеций, понизив голос.— Слыхал? Он опять одарил золотом поганых германцев, вместо того чтобы отдать его нам, своим солдатам. Клянусь Юпитером, уже давно пора обойтись с ним так, как его мамаша обошлась с развратником Гелиогабалом[2].

— Ну, Александр хоть не подставляет задницу собственным гвардейцам,— проворчал Плавт.— И не тащит в Рим поганых эмесских идолов. Хотя я бы многое отдал, чтобы поглядеть, как плывет по Тибру труп его мамаши[3]. Я мог сдохнуть под ножами варваров из-за его поганой политики. И сдох бы, не встреть Черепа. Череп! — Он повернулся к Геннадию.— Пью за тебя!

— А я — за тебя! — отозвался Черепанов.— Потому что это ты вытащил меня оттуда! И за славного Гельвеция, который вытащил нас обоих!

— Это точно! — крякнул Плавт.— Виват!

— Виват! — провозгласили субпрефект и Гастий, опустошая кубки.

Глава тридцатая,

в которой подполковник Черепанов получает возможность увидеть римскую пехоту в действии

Когда они высадились на берег, пожилого рикса едва не хватил удар.

Появление римской триремы у стен его деревянной крепостцы было подобно ситуации, описанной в одном из читанных Че-

[1] Александр Север родился в городе Кесарии Сирийской.

[2] Имеется в виду император Элагабал, предшественник Александра Севера, убитый 11 марта 222 г. вместе с матерью.

[3] Тела убитых Элагабала с матерью бросили в Тибр. Тибр — река, на которой стоит Рим.

репановым детективных боевиков (очень недурном, кстати), когда на традиционную бандитскую «стрелку» одна из сторон, как водится, прибыла на навороченных иномарках, а вторая выставила... новейший вертолет огневой поддержки.

Зрелищем высадки римских легионеров на подведомственный риксу бережок стоило полюбоваться. И Черепанов полюбовался с удовольствием. А вот подавляющее большинство местного населения — нет. Потому что на всякий случай драпануло в лес.

К чести рикса, он удирать не стал. Явился в сопровождении личной охраны встречать нежданных гостей. Правда, охрана эта в сравнении с шеренгами римских «морпехов» смотрелась жалко. И уж совсем жалко стал смотреться сам рикс, когда узнал Плавта с Черепановым.

Нет, благородные римляне не стали наказывать «союзников». Гельвеций отечески пожурил престарелого вождя — вот и все. Ну еще взял с него небольшую контрибуцию в виде продуктов питания. Да намекнул риксу, что надо бы устроить небольшой праздник по случаю их визита, а сбежавшим в леса готским «дамам» не худо бы на этом празднике присутствовать. Поскольку что ж это за праздник — без женщин? Лично для него, Гельвеция, такой праздник — и не праздник вовсе. А уж его старый друг, любимец самого легата Максимина, о котором рикс наверняка слышал (рикс часто-часто закивал), тот и вовсе без дам обходиться не может. Болеет. Причем болезнь его в очень неприятной форме выражается. Крушит все доблестный кентурион Плавт Аптус. И все живое вокруг рубит без удержу. Пока сотни две народу не покрошит, не успокоится. Случившийся рядом Гонорий подтвердил с гнусной ухмылочкой: да, есть у него такая проблемка.

Разговор шел по-готски, с отдельными вкраплениями латыни. Черепанов не мог не восхититься, насколько точно «пограничник» Гельвеций копирует степенные интонации и неторопливую речь варваров. По форме. А по сути совершенно бестактно наезжает на притрухавшего рикса. Но рикс оказался понятлив: спорить не стал и все условия принял. Разместил гостей почетно: в крепостце, чем, как выяснилось, весьма порадовал рядовых легионеров, которым (в ином варианте) пришлось бы заниматься обустройством лагеря. Попутно варварский

вождь послал гонцов за своими подданными, и вскоре сбежавшее население потянулось обратно к родным очагам и пажитям, дабы могучий «союзник» не превратил эти самые дома и пажити в пепел и уголья. Как выяснилось, старый лис послал не только за односельчанами, а вдобавок и направил гонца к вышестоящему риксу — за подмогой. Но это обнаружилось позже. А пока, в то время как не слишком радостные федераты готовились к «радостному» пиру, Плавт позаимствовал из риксовой конюшни пару коней, позвал Черепанова, и они отправились на лесную прогулку.

Наездник из Геннадия был довольно посредственный. Даже и после того, как он раздобыл пару ремней и приспособил в качестве стремян. Но, имея кое-какие теоретические познания, небольшую практику и отличную физическую подготовку, подполковник не сомневался, что очень скоро будет сидеть в седле как влитой. А это насущная необходимость, коли уж в римской армии именно кавалерия, а не пехота является основным и привилегированным родом войск. Попутно он поспрошал Плавта насчет новой римской тактики.

Оказалось, не такая уж она новая. И единственно возможная. Особенно на востоке, где без конницы вообще ловить нечего. И всегда так было. В назидание же кентурион рассказал историю времен Цезаря[1], когда некий консул Марк Красс, чье имя было Черепанову смутно знакомо, получив в управление Сирию, вознамерился превзойти подвиги Александра Македонского и завоевать Индию. А для начала сокрушить парфян. И даже частично преуспел в этом — переправился через Евфрат и захватил с дюжину месопотамских городов и крепостей, не встретив особого сопротивления. Поскольку для парфян данный наезд оказался сюрпризом и к войне с Римом они были не готовы. Тут бы честолюбивому Крассу и развить успех, но... Но тут пришло время сбора налогов в подведомственной ему богатой провинции Сирия. Должность же наместника в Римской *республике* была своеобразным призом для выдающихся политических деятелей. Традиционным способом поправить финансовое положение, обдирая подданных как липку. А уж это ответственное дело жадный наместник не пожелал доверить никому. Потому, оста-

[1] Традиционно неверное написание имени Юлия Цезаря здесь сохранено мною исключительно, чтобы не путать читателя.

вив в захваченных городах небольшие гарнизоны, консул вернулся в Сирию. А поскольку грабить и так подвластную ему богатую провинцию было куда менее хлопотно и куда более доходно, чем воевать, то доблестный консул и занялся этим делом вплотную, от жадности забыв о грядущей славе. Всю зиму доблестный консул потрошил сирийцев, набивая карманы, а вот парфяне времени даром не теряли и очень серьезно готовились к будущей войне.

Ранней весной к Крассу прибыл посол парфянского царя. С деловым предложением. Римлянам предлагалось убираться с его территории. При этом посол намекнул, что столь мягкое отношение его царя к ситуации связано исключительно с почтенным возрастом римского военачальника. Дескать, если инициатива нападения исходит от Рима, то он, парфянский царь, будет драться беспощадно и свирепо. Но если нападение на Парфию — самостоятельная идея впавшего в старческий маразм Красса, то, так и быть, царь его прощает и даже готов отпустить тех римлян, которых парфяне захватили, отбирая назад крепости, захваченные Крассом во время летней кампании.

Красс взбесился и заявил, что в следующий раз они будут говорить в столице Парфии.

На что наглый посол рассмеялся, показал римскому консулу ладонь и сообщил, что скорее на этой ладони вырастут волосы, чем римляне войдут в парфянскую столицу.

С тем посол и отбыл.

А чуть позже начали возвращаться солдаты, которым удалось уцелеть в зимних боях с парфянами. Собственно, зимой летняя история повторилась с точностью до наоборот. Если летом Красс легко вышибал из городов и крепостей слабые и неподготовленные гарнизоны парфян, то зимой парфяне с той же легкостью вышибли из своих укрепленных пунктов солдат Красса. И солдаты эти много чего рассказали о парфянах. Дескать, кони у них быстры, как ветер, стрелы пробивают любую броню, а сами они сплошь герои и гиганты. Если бы у Красса была голова на плечах, то он многое мог бы почерпнуть из этих рассказов о тактике противника. Но вместо головы у консула был сундук для золота, и сам он был вояка еще тот. Всех его «славных» побед — разгром толпы взбунтовавшихся рабов Спартака. (Тут Черепанов вспомнил, откуда он знает имя Красса. Точно, из

«Спартака».) Вот консул и решил, что семи легионов, четырех тысяч всадников (половину их составляли галлы-федераты, которых прислал Крассу Цезарь) и четырех тысяч легкой пехоты достаточно, чтобы стереть парфян в труху.

Возможно, этого и хватило бы, если бы командовал ими юный Александр Македонский, которого вознамерился превзойти старый пердун Красс. Или если бы во главе легионов стоял великолепный Гай Юлий. Может быть, тогда парфянскому послу и пришлось бы выращивать волосы на ладони... Но Красс не был ни Александром, ни Цезарем. Вдобавок жадный и глупый консул поверил мнимому перебежчику-парфянцу и завел свою армию в пустыню. А когда наконец измотанное войско наткнулось на парфян... В общем, не было в мире пехоты, способной разгромить римские легионы. Но это с успехом сделала парфянская конница. Римлян окружили и забросали стрелами. Все попытки контратак проваливались. В одной из них погиб сын Красса. К чести консула, вид отрезанной головы сына не поколебал его духа. Но на общем результате это не сказалось. В конце концов парфяне Красса прикончили. А аквилы его легионов достались им в качестве трофеев. И только в прошлом году, благодаря воинскому искусству Максимина,— заявил друг Черепанова,— и еще личной отваге Гонория Плавта Аптуса и его соратников, эти аквилы вернулись в Рим[1]. И хотя эту заслугу все приписывают императору, но ни хрена это не заслуга императора, поскольку не император, а Максимин бил парфян. И это факт. Такой же, как и то, что историю Красса Плавту рассказал именно Максимин, которому не зазорно было учиться на чужих ошибках, даже если этим ошибкам — без малого четыре века. Великий Максимин, который никогда не терял своих орлов и никогда не проливал попусту кровь своих легионеров. И сколько бы его ни упрекали в жестокости...

Короче, Плавт сел на своего любимого конька. Наилучший, непогрешимый, величайший, богоподобный Максимин...

— Слушай,— неуважительно перебил славословия Черепанов.— А какой нынче все-таки год?

---

[1] Насчет аквил Красса Плавт приврал. Они были возвращены еще Августом, в 20 г. до Р. Х. Ардашир возвратил (вероятно) штандарты разбитых им легионов.

— Одиннадцатый от начала царствования,— последовал ответ.

— Хм-м... А если по более *общему* летоисчислению? — поинтересовался Геннадий.— Есть у вас такое?

— Разумеется! — Плавт снисходительно взглянул на «невежественного варвара».— Девятьсот восемьдесят шестой год. Ab urbe condita[1].

«М-да,— подумал Черепанов.— Под городом[2], очевидно, подразумевается Рим. А основали его то ли в восьмом, то ли в девятом веке до нашей эры. То есть нынче у нас третий или четвертый век. Если летоисчисление совпадает. И до памятной даты крещения Руси остается, соответственно, пять или шесть веков». Неудивительно, что на днепровских берегах всякие готы расположились. И какой изо всего этого вывод?

— Ага! — воскликнул Плавт.— Вот он, родимый!

В желтеющей кроне ближайшего дерева серел его вещмешок. Набитый квеманскими драгметаллами.

— Ну разве я не молодец! — воскликнул кентурион, обращаясь к Черепанову.

Тот охотно кивнул. Его собственный вещмешок достался вандалам. К счастью, предусмотрительный Гонорий все более или менее ценное складывал к себе. «Так надежнее»,— приговаривал он каждый раз. Черепанов не спорил. Умение хранить деньги среди его достоинств не числилось. Что ж, хорошо, что оба они оказались правы.

Ехали не спеша. Куда торопиться? Поэтому когда друзья нашли то, что искали, уже перевалило за полдень и оба изрядно проголодались.

Они спешились, привязали коней и принялись «замаривать червячка». Благо было чем. Тут тебе и копченый окорок, и осетринка, и маслины. И вино, разумеется. В количестве, достаточном, чтобы смочить горло двум серьезным мужчинам.

К сожалению, как следует пообедать им не удалось.

Первым этот звук услышал Черепанов. У него, как уже не раз отмечалось, был превосходный слух. Ничуть не хуже зрения и обоняния.

---

[1] Ab urbe condita *(лат.)* — от основания Рима. Годом основания Рима считается 753 г. до Р. Х. Соответственно, действие происходит в 233 г.

[2] Urbis *(лат.)* — город. Отсюда современное слово — урбанизм.

Звук был далекий, но достаточно характерный. Специфический шум, который создает множество лошадей, движущихся по дороге. И то, что дорога проходила довольно далеко, было совсем неприятно. Поскольку означало, что лошадей действительно много. А что такое много лошадей, передвигающихся вместе? Где-нибудь в степи это мог быть табун, перегоняемый с пастбища на пастбище. Да и в лесу — тоже мог быть табун. Но вряд ли. Скорее всего, на каждой лошади имелся наездник. И скорее всего — вооруженный. А когда много вооруженных всадников собираются вместе и поспешно куда-то направляются, то это уже называется войско.

— Тихо! — произнес Черепанов напряженно.— Слушай!

Гонорий перестал жевать и... В следующий миг он уже совал в мешок недопитую фляжку, а через полминуты оба уже сломя голову неслись через лес, рискуя вылететь из седел, наткнувшись на низкую ветку.

Но когда друзья вылетели на дорогу, там уже не было никого. Хотя пыль еще не успела осесть. Скакать вслед колонне было глупо. Ломиться через лес, когда враг движется по дороге,— еще глупее. К юго-востоку была еще одна дорога к поселку. Вдоль реки. Качеством даже лучше этой, лесной. Зато более извилистая...

Не сговариваясь, друзья пересекли грунтовку и снова двинулись через лес. Спустя четверть часа они увидели Дунай.

И все-таки они опоздали.

Когда их полузагнанные кони вылетели на пригорок, с которого были видны поселок и готская крепостца, варварское войско — несколько сотен конных — уже разворачивалось для боя.

Плавт резко осадил коня. Отсюда, с прибрежного холма, открывался отличный вид. Все как на ладони. И готские домишки, и деревянная фортеция на соседнем холме, и отдельные человечки в форме легионеров, бегущие к крепости вверх по склону, и римская трирема со спущенным парусом.

Варвары разделились. Большая часть их с криками понеслась к берегу, рассчитывая захватить корабль.

На тририеме спешно рубили концы. Если она успеет отчалить, а Гельвеций со своими запрется в крепости, то варварам не повезло. Даже такое жалкое укрепление не искушенным в фортификационном деле варварам быстро взять не удастся.

А овладеть крепостью измором не получится, потому что очень скоро сбежавшая трирема вернется. С подмогой.

Но кажется, отчалить триреме все-таки не удастся. Варвары были уже на берегу. Некоторые прямо с седел прыгали на борт и карабкались наверх. Другие осыпали стрелами немногочисленных защитников корабля.

— Черт! Что он делает! — воскликнул Черепанов.

Сверкающая сталью и бронзой змейка выползла из крепости и начала неторопливо, но четко перестраиваться в боевой порядок, «всасывающий» тех, кто бежал вверх по склону. Гельвеций решил дать бой.

— Стой! — Плавт ухватил повод черепановского коня.

— Но...— Геннадий удивленно уставился на него.— Там же наши!

— Без тебя разберутся! — отрезал Плавт.— Успеешь еще подраться.

Как только варвары обнаружили, что римляне не собираются отсиживаться за стенами, их планы моментально изменились. Те, кто и так направлялся к холму, прибавили ходу. Да и большая часть тех, кто штурмовал триремy, бросила это занятие и устремилась к холму.

К сожалению (для варваров), у подножия холма был вырыт ров. Да и сам склон изобиловал рытвинами. Так что большинству нападающих пришлось спешиться. Лишь с полсотни варваров остались в седлах. Часть из них преодолела ров по узкому мосту, остальные решили, что их коням вполне под силу перепрыгнуть препятствие. Некоторым это и впрямь удалось, хотя не всем.

Зато на римлян обрушился настоящий град стрел. И тут Черепанов своими глазами увидел, что такое римская выучка. Мгновение — и растянутая шеренга легионеров сжалась втрое. И превратилась в некое подобие «черепахи», панцирем которой были сомкнутые щиты. Стрелы сыпались на «черепаху» сверху, били спереди... Но не причиняли заметного ущерба. В точности, как объяснял когда-то рыжему вандалу Плавт. Кавалерия кавалерией, а римская пехота тоже не разучилась драться.

А разъяренные варвары пестрой лавой катились вверх по склону. Черепанов слышал их рев, грозный даже с расстояния в полкилометра. А уж как он звучал для тех, кто прятался за щитами у стен крепости!

Все! Стрельба прекратилась, и орущая, взблескивающая сталью лавина накатилась на римлян и захлестнула их, как морская волна захлестывает сложенную из гальки крепость.

Черепанов на мгновение ощутил внутри сосущую пустоту. Он понял, что, когда волна отхлынет, то оставит после себя вывернутые из рук, разбитые щиты и окровавленные тела...

Но вышло иначе.

— Вскройсь! — резко выдохнул Плавт.

И, словно услышав его команду, захлестнувшая легионеров волна, куча из сотен сгрудившихся варваров,— взорвалась!

Да, это было именно так! Словно внутри рубящегося и орущего месива сработал какой-то механизм — и сжавшаяся римская «черепаха» одним мощным усилием, буквально расшвыряв навалившихся на нее варваров, снова развернулась в четкие шеренги. Черепанов не мог видеть отдельных деталей — слишком далеко. Зато очень хорошо услышал, как трубный боевой клич легионеров «Бар-ра!» перекрыл рев варваров. Плотный строй римской когорты пришел в движение. Сначала — неторопливо, потом все быстрее. Он увидел, как падают варвары, пронзенные дротиками и копьями, а шеренги римлян, все ускоряясь, накатываются на дикую толпу и подминают ее, словно бульдозер, пятная изувеченными телами оставленный позади склон.

— Бар-ра! Бар-ра!

Нет, варвары не побежали. Все, кто был на склоне холма, продолжали сражаться яростно и беспощадно. Но боевая машина римского строя сминала, сгребала их и гнала в сторону рва, как нож бульдозера гонит перед собой вырастающую кучу земли и мусора.

Но у самого рва шеренги остановились. Одновременно. И снова в ход пошли пращи и дротики.

И тогда варвары побежали. Те немногие, кто уцелел.

— Ну, Череп,— процедил Плавт.— Теперь и мы с тобой можем повеселиться! Бар-ра! — мощно выдохнул кентурион и бросил коня вниз, наперерез разрозненным фигуркам удирающих варваров.

Геннадий последовал за ним.

Молча.

Поселок жечь не стали. Хотя поступало и такое предложение. Гельвеций решил: федераты, на собственной практике убе-

дившиеся в силе Рима, будут более лояльны, чем федераты, не прочувствовавшие зубами, сколь крепок римский кулак. Посему победители домов не жгли и населения не резали. Даже двурушника-рикса наказывать не стали, просто выгребли из готских ларей и схоронок все, что представляло хоть какую-то ценность, и переправили в трюм триремы. Точно так же гуманно поступили и с военнопленными: посадили всех под замок и отправили риксова племянника гонцом к родичам. Договориться насчет выкупа.

Зная, впрочем, характер варваров, римляне почивать на лаврах не стали, а выставили боевое охранение и взяли под контроль все подходы к поселку. Чтобы в случае чего быстренько погрузиться и отчалить, прихватив наиболее ценных пленников.

Самый же ценный пленник принадлежал Плавту. Как оказалось, там, на холме, кентурион не просто наблюдал за ходом сражения, а успел высмотреть того, кто командовал варварами, и, когда те драпанули, с идеальной меткостью (не зря его Аптусом звали) выхватил добычу из общей массы беглецов, словно кусок свинины из бурлящего котла с кашей. И, кстати, попутно пресек попытку этого самого вождя превратить неорганизованный драп в тактически грамотное отступление.

Да, у Гонория было чему поучиться. И Черепанов учился. Наматывал на отросший ус.

Вождь оказался готом. Из племени вези. Старшим сыном большого и грозного рикса, под которым ходят другие риксы и который, можете не сомневаться, выкупит у римлян своего наследника. И всех соплеменников, которые оказались в римском плену. Но — только соплеменников. Остальных пусть выкупают собственные сородичи. В роли остальных оказались старые знакомые. Квеманы. И даже совсем старый знакомый — тот самый рикс в рогатом шлеме. Правда, ни Черепанов, ни Плавт уже не смогли засвидетельствовать квеманскому вождю уважения. И грозный рогатый шлем тоже пришлось отправить на переплавку, поскольку водрузить его на голову уже было невозможно. Упрямый квеман оказался среди тех, кто штурмовал трирему. А на палубе оказалось несколько небольших, но вполне боеспособных орудий. И небольшая (размером с копье) стрела «скорпиона» угодила

аккурат в шлем грозного квемана и радикально попортила и шлем, и то, что было под ним. И это очень огорчило Плавта, который мечтал потолковать с квеманским лидером о превратностях бытия. Отчасти утешило кентуриона, что квеманское золото, на которое собирались купить их с Черепановым, стало частью общей римской добычи.

Выяснилось также, почему готы так быстро и энергично отреагировали на появление римлян. Да просто потому, что у них под рукой очень удачно (или очень неудачно, если оценивать по конечному результату) оказалась полностью укомплектованная и готовая к бою ватажка. Правда, изначально эта «армия» предназначалась для войны с «обнаглевшими» вандалами, но ее молодой военачальник оказался не в силах противостоять соблазну. А тут еще и беспокойные квеманы подлили масла в огонь: посулили дополнительный выкуп, ежели в числе пленных окажутся интересующие их персоны. Словом, юный (ему, как оказалось, всего семнадцать зим) вождь ринулся в бой, не дожидаясь одобрения папаши. Ну не было у него опыта драки с римлянами!

Зато теперь — есть.

Папаша прибыл спустя три дня. Без армии, но с подобающей свитой. Привез деньги. И выкупил всех: сына, соплеменников и пятерых уцелевших квеманов. Заверил Рим в вечной дружбе и благорасположении. Мол, сынок молодой, горячий, спит и видит — как бы воинскую доблесть проявить. А вообще-то мы люди степенные, незлобивые. Если что — всегда готовы помочь. Например, если кому холку намылить (тем же вандалам, к примеру), то только скажите. Для друзей — всегда пожалуйста.

Под этим предлогом степенный, но хитрющий как лиса рикс намеревался выкупить пленников задешево. Не прокатило. Гельвеций с Плавтом тоже были ребята не промах.

Пришлось риксу выложить денежки. И немалые. Но похоже, на римлян он ничуть не обиделся. Наоборот, зауважал.

Лично Черепанову оборотистость субпрефекта с первым кентурионом принесла увесистый мешочек серебра — долю общей добычи. Что в совокупности с той долей, которую отсыпал ему из своего мешка Плавт, составляло весьма приличную сумму. Как ему объяснил тот же Плавт. Будет чем расплачиваться

за удовольствия, которыми так щедра цивилизация. По крайней мере на первых порах. А там, глядишь, и постоянная работа подвернется. Уж он, Плавт, позаботится, чтобы римская армия и лично легат Максимин по достоинству оценили возможности его друга Черепа.

И он не соврал, первый кентурион Гонорий Плавт Аптус. Он вообще был человек честный. С друзьями, разумеется.

Часть вторая

НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ

Ferro ignique[1].

[1] Ferro ignique *(лат.)* — огнем и железом (подразумевается, мечом). Овидий.

Глава первая,

в которой Геннадий Черепанов вступает на землю Римской империи и видит настоящую римскую дорогу

Трирема «Гордость Клавдия» высадила их в Кисимии, прибрежном городишке у очередной излучины Дуная. Собственно, Плавт собирался плыть с Гельвецием и дальше, в Паннонию, но прослышал, что Максимин обосновался в лагере неподалеку от некоей Сердики[1]. То есть примерно в ста милях от Кисимии.

Черепанову это расстояние показалось изрядным (учитывая недавний опыт путешествия по лесам), но Плавт отмахнулся.

— Дня за четыре доедем,— заявил он.— А то и за три. Это тебе не по болотам шастать, это *Рим*! Цивилизация!

Признаться, городишко Кисимия не произвел на Черепанова «цивилизованного» впечатления. Улочки, правда, были прямыми, но донельзя грязными. И домишки — такие же грязные и обшарпанные. Если не считать, разумеется, того, который назывался «курия» и где обитал местный «градоначальник». Плавт двинул прямо к нему, но Черепанова с собой не взял — оставил отдыхать на скамеечке у протухшего пруда, напротив маленького рынка. Единственное развлечение, которое предоставлялось Черепанову,— созерцать, как двое тощих подростков чистят лошадей. Дело серьезное, и Геннадию было полезно понаблюдать, поскольку сам он этим важным навыком не владел. Полезно, но скучновато.

У пруда Черепанов был не единственным бездельником. Тут же околачивались какие-то местные мужички самого пройдо-

[1] Сердика — современная София в Болгарии.

шистого вида. Поглядывали то на Геннадия, то — с откровенным вожделением — на мешки у его ног. Но предпринять более активных действий не решались. Черепанов, бородатый, экипированный разнообразно, но достаточно грозно, выглядел сущим варваром. Собственно, таковым он и был по здешнему статусу. А варвар — слишком крупная добыча для мелкого жулья. Еще зарубит ненароком.

Появился Гонорий. Вот кто совсем уж на варвара не походил! Гельвеций презентовал ему полный комплект обмундирования армейского офицера — из личных запасов. Темно-красную тунику, короткие штаны, поножи, шарф, армейские сандалии на толстой подошве. Оружие у Плавта было свое, трофейное, вполне подходящее римскому офицеру. Вот только шлем подкачал: не тот это был шлем, который подобал крутому кентуриону. Но несмотря на шлем, Гонорий Плавт Аптус выглядел именно тем, кем являлся: кентурионом. Причем очень недовольным кентурионом. Поэтому при его появлении тершиеся поблизости от Черепанова сомнительные личности мигом исчезли.

— Ублюдок собачий,— буркнул Плавт, явно имея в виду недавнего собеседника. И погромче: — Эй, вы! Чьи это лошади? Я их куплю!

И купил. Даже особо не торгуясь. Похоже, Гонорий решил как можно быстрее убраться из городишки.

Впоследствии выяснилось, что Плавт, ссылаясь на свой статус посла, потребовал от местного начальства коней и денег на дорожные расходы. Но местный правитель (профессиональный военный, как и положено, учитывая пограничный статус городка) отсутствовал, а замещал его чиновник, который Плавту отказал, ссылаясь на то, что кентурион ничем подтвердить своего статуса не может. Плавт, естественно, вспылил и пригрозил гневом Максимина. Чиновник в свою очередь посулил кликнуть вигилов. То бишь местную пожарную команду, по совместительству являющуюся полицией. Вигилов кентурион не боялся, но понял, что денег и лошадей все равно не будет. Поэтому плюнул на стол чиновника, обозвал его крысой и удалился.

После покупки лошадей Гонорий отправился в местный «обменник», расположенный тут же, на главной площади, и обменял трофейное серебро на мешок римских монет. Причем монеты Плавт принимал поштучно и тщательно осматривал: не фальшивые ли? Старой ли чеканки? К новым относился неодобрительно.

Совершив ченч (удачный, судя по кривой роже менялы), кентурион порылся в кучке драгметаллов (меняла по совместительству работал в городишке ювелиром), откопал и приобрел золотую бляху с чеканкой в виде крепостной башни в обрамлении лаврового венка. Бляху эту Плавт велел прицепить к золотой цепочке из вандальских трофеев. Черепанову же римлянин заявил: мол, точно такая же была у него на шее, когда сцапали варвары. И если ту медальку прихватизировал варварский рикс, это еще не значит, что Плавт должен отказаться от заслуженной награды.

После менялы они заглянули в таверну. Там вкусно пахло горячим, но Плавт Черепанова разочаровал.

— В дороге пожрем,— буркнул он, набивая сумку продуктами.— Поехали!

Черепанов спорить не стал: другу виднее.

Обшарпанные ворота были распахнуты. А за воротами...

За воротами тянулось прямое, как стрела, ровное и широкое шоссе. Правда, не асфальтированное, а мощенное каменными плитками.

Черепанов удивился. И вероятно, не сумел скрыть удивления, потому что Плавт моментально выпятил подбородок и с гордостью заявил:

— Вот, Череп, любуйся! Настоящая римская дорога. Века простоит.

Он был прав. Дорога была качественная, из плотно подогнанных камней, выпуклая посередине, с поребриками, насыпью и дренажными канавами по сторонам.

Позднее Черепанов имел возможность пронаблюдать, что качество — не только поверхностное. Под плоскими каменными плитами на утрамбованном грунте лежало еще четыре слоя: слой песка, крупные камни, скрепленные цементом, камни поменьше и плотно утрамбованный гравий. Да, к дорогам римляне относились очень серьезно[1]. В первую очередь из военных

[1] «Путеводитель Антонина Августа» — принадлежавшая ко временам Каракаллы карта шоссейных римских дорог, включала к началу III в. до Р. Х. сеть дорог длиной около 53 000 римских миль. Учитывая, что средняя стоимость работ по прокладке одной мили дороги составляла в среднем 100 000 сестерциев (семь с половиной килограммов золота), можно представить, какое значение придавалось в Риме путям сообщения. Правда, эксплуатационные расходы были сравнительно невелики, так как строили дороги действительно качественно. На века.

соображений. Качественные дороги позволяли в любое время года с невероятной быстротой перебрасывать воинские подразделения из одной точки в другую. Следовательно, само число войск, охраняющих обширные границы империи, можно было подсократить. Государство и так вынуждено было держать огромную армию: более тридцати легионов только для охраны границ, по утверждению Плавта. Учитывая, что в каждом легионе тысяч по шесть бойцов, число получалось неслабое. А ведь, кроме пограничников, были еще «полевые» части. И личная гвардия императора. Содержать такую армию — недешевое занятие. Так что стоимость прямых, как стрела, дорог наверняка окупалась.

В общем, дорога была отличная. А мост, переброшенный через небольшую речку, который они миновали через час,— еще лучше.

Черепанов получал изрядное удовольствие от верховой езды. Он уже наловчился сидеть так, чтобы не натирать ляжки и не оттаптывать копчик, приноровился к шагу коня. Седло было удобное. Сбрую, естественно, покупал тоже Плавт, и подполковнику он подобрал такое седло, которое соответствовало скромным возможностям Черепанова. Геннадию лишь осталось дополнить его парой импровизированных стремян. Для себя Плавт приобрел совсем другую сбрую. Такого седла, например,— с четырьмя похожими на рога выступами по углам — Черепанов не видел никогда. Но судя по тому, что скорняк назвал это седло «милитаристским», то бишь военным, надо полагать, оно было именно таким, к какому привык кентурион.

Итак, Гонорий с Геннадием ехали рядом по отличной дороге. За ними цокал копытами мул, навьюченный их имуществом, а впереди медленно сползало к горизонту большое рыжее осеннее солнце.

Дорога, как уже сказано, была превосходная. К сожалению, вокруг нее царило запустение.

Поля заросли бурьяном, сады и рощи тоже не выглядели ухоженными. Время от времени попадались обгоревшие остовы домов. Или не обгоревших, но явно брошенных. И людей тоже что-то не было видно. Зато чуть позже Черепанов заметил вдали, на холме, большое здание с колоннадой. С заметными следами огня. В общем, окружающее мало походило на процветающие земли.

— Слышь, Гонорий, что-то тут не слишком оживленно,— заметил подполковник.

— Это точно,— согласился римлянин.— Пару лет назад здесь варвары прогулялись. Алеманны. Это когда мы еще на востоке стояли. После войны с Ардаширом Парфянским. Мы там, а эта граница, считай, голая была. Вот они и воспользовались. Прошлись по Паннонии[1] аж до Сирмия[2], а потом и сюда заглянули. У кое-кого из моих легионеров тут родные жили. Представь, каково это? Воюешь, воюешь на проклятом богами Востоке, а у тебя дома варвары бесчинствуют. Потому в наших данубийских легионах многие Александра Августа недолюбливают, хоть он и жалованье повысил, и премии выплачивает, как положено. Не могут простить ему парни, что он из-за своих любимых сирийцев их родичей без защиты оставил. Ведь германцы — они как волки. Только слабость почуют — сразу рвут. Сам видишь, что вышло.— Плавт вздохнул. Потом добавил: — Ничего. И не то переживали. Подальше от границы уже отстроились — увидишь. А тут если и обитает кто, так одни разбойники. Хотя земля хорошая. Ничего, дай срок — и здесь наладится. Pax Romana[3] — это, друг мой Геннадий, великая сила!

— А про разбойников ты — серьезно? — спросил Геннадий.

— То есть?

— Не шутка? Кого им грабить, если не живет никто?

— Дорога-то есть. Купцы ездят, люди ходят, торговцы всякие... с девками! — Кентурион засмеялся.— Да вот хоть мы с тобой. В общем, Череп, девок мы, может, и не встретим, а вот разбойников повстречаем непременно! — Плавт перегнулся в седле, хлопнул Геннадия по плечу и захохотал.

Черепанов же ничего смешного в возможном наличии разбойников не находил. С его точки зрения, двое всадников с солидно навьюченным мулом представляли для «романтиков с большой дороги» лакомый кусочек.

---

[1] Паннония — римская провинция. Также делилась на две: Верхнюю Паннонию (столица Савария), находившуюся между Дунаем и р. Дравой; и Нижнюю Паннонию (столица Сирмий), между реками Дравой и Савой в их нижнем течении. С запада от Паннонии располагалась провинция Норик, с юга и востока — Иллирия и Мезия, с севера — Дунай.

[2] Сирмий — столица провинции Паннония, современный город Сремска-Митровица.

[3] Pax Romana *(лат.)* — римский мир, вернее, римский миропорядок.

Глава вторая,

в которой выясняется, почему Гонорий Плавт Аптус не боится разбойников

Плавт оказался неплохим пророком. Ближе к вечеру, когда солнце коснулось горизонта, по одну сторону дороги выстроился молодой лес, а по другую вытянулся заросший кустами овраг, разбойники появились.

На фоне великолепного заката возникли три живописные фигуры с копьями наперевес.

— Ну, Череп, повеселимся! — сквозь зубы процедил Плавт.

Он даже не подумал придержать коня. Осадил его, только когда тот мордой едва не уткнулся в жало копья.

Стоило им остановиться, как из оврага выскочили еще трое, а из леса — четверо. Все — при оружии. Вот только оружие, как заметил Черепанов, было не ахти какое. Даже варвары-квеманы выглядели на порядок солиднее, не говоря уже о молодцах-вандалах. Эти же вообще какие-то оборванцы. Зато — десятеро против двоих.

Преградившие путь держали оружие на изготовку, а вот Плавт даже рукояти меча не тронул.

— Ну? — надменно уронил он.— Что застыли, как суслики на кучках? Спросить чего хотите? Так спрашивайте. Нам недосуг.

— Хотим! — заявил тот, что целил копьем в морду Плавтовой лошади.— И спросим! Дорожное мыто![1] Что везете?

— Ты что, эдил? — ухмыльнулся Плавт.

— Для тебя — эдил! — Разбойничек-вожак явно хорохорился.— Серебро есть?

— Есть.— Плавт, похоже, искренне наслаждался ситуацией.— И золото есть. Хочешь глянуть?

— Ну-ка? Покажь! — нервно выкрикнул вожак.

Справа от Черепанова маячили двое. Слева — тоже. Парень с большущим, явно предназначенным не для боя, топором вознамерился взять за узду мула, но Геннадий сдал назад и отпих-

[1] Мыто — налог.

нул парня крупом коня. Пустить в дело свой дровосецкий топор разбойник не рискнул.

— Хочешь, значит, глянуть,— удовлетворенно протянул Плавт.— Любишь золото, да?

— А кто его не любит! — фыркнул разбойник.

— Это точно,— согласился Гонорий.— Только золото не всех любит. Мое, например, тебя любить не станет. Поэтому никаких пошлин тебе мы с другом платить не будем.

— Это почему же? — спросил разбойник, совершенно обескураженный.

— Потому, что наш славный Август Антонин Александр Север, да живет он вечно, пожаловал меня и моего друга, рикса Черепа, пожизненным освобождением от всех дорожных налогов.

Атаман глянул мимо Плавта — на Геннадия. Тот не стал строить страшных гримас, подобающих варвару. Но и без гримас двое разбойничков, подобравшихся поближе и явно готовившихся при случае сдернуть подполковника с коня, серьезно задумались, стоит ли воплощать это намерение. И, поскрипев мозгами, решили, что неглупо было бы отступить на пару шагов. Нет, эти ребятки явно не имели практического опыта. Потому что выбрали дистанцию, на которой никак не могли своими «инструментами» достать Геннадия. А вот он — мог.

— А не хочешь ли ты узнать, дружище, за что нас пожаловал император? — осведомился Гонорий.

— За что? — тупо спросил вожак.

— А ты угадай! — посоветовал кентурион, ухмыльнувшись. И, оттянув ворот туники, почесал волосатую грудь. И заодно продемонстрировал свою цепь с бляхой.

— Как тебе мое золото? — спросил Плавт издевательски.— Хорошо блестит?

Вид драгметалла подействовал на разбойника странно. Копье атамана опало, как отработавший пенис. И сам он тоже сник и попятился.

Плавт тронул коня и проследовал мимо. Черепанов — за ним. Разбойнички повели себя скромно: разными острыми предметами в спины кидаться не стали. Хотя Черепанов еще некоторое время чувствовал на затылке чужие взгляды и был готов при малейшем подозрительном звуке соскользнуть с седла.

— Вшивари,— сказал Гонорий спустя некоторое время.— Колоны[1]. Рабская порода.

— Впервые вижу, чтобы разбойник испугался вида золота,— заметил Черепанов.

— Это не просто золото, Геннадий.— Плавт щелкнул ногтем по пластине с чеканкой.— Это золото, на котором стоит значок: «Мой хозяин умеет брать, но никогда не отдает взятого». Я же говорил, что награжден венком «За взятие крепостной стены». Сам подумай: разве у таких вшиварей хватит мужества напасть на человека, который *первым взошел на вражескую крепостную стену*? Ты хоть представляешь, что это такое? — В голосе кентуриона звякнула бронза.

— Примерно,— ответил Черепанов.

— Сброд, не стоящий даже плевка,— заявил кентурион.— Забудем о них. Э-э! Кажется, я чую дым. Неужели кто-то выстроил здесь гостиницу? Вот это был бы приятный сюрприз!

К сожалению, это была не гостиница. Придорожный костерок, у которого грелись шестеро путников невзрачного вида. Серый ослик был привязан неподалеку.

При виде вооруженных всадников путники сначала испугались, но Гонорий, спешившись, успокоил их, объявив, что достаточно богат, чтобы не грабить нищих. Если нищие поделятся с ними ужином, он кивнул на вертел, на котором вращалась, медленно прожариваясь, туша то ли оленя, то ли дикой свиньи.

Нищие, двое мужчин, две женщины и пара детишек, возражать не стали. Тем более что у гостей имелись вино и медовые лепешки.

Черепанов и Плавт напоили коней (рядом имелся ручеек), стреножили их и подсели к костру.

Путники оказались будущими поселенцами. Им был обещан надел в одной из здешних префектур. Имелась и соответствующая бумага с печатью, которую бедняки с гордостью продемонстрировали. Сами они читать не умели. Зато Черепанов наверняка смог бы прочитать написанное. Но выставляться не стал. Зачем? Статус «дикого варвара» пока что его устраивал. Будучи сам представителем империи (пусть даже и без императора), Че-

[1] Колон — крестьянин, обрабатывающий чужую землю. Нечто вроде российского крепостного.

репанов понимал, что лучше не выпадать из выбранного образа. Там, где есть государство,— с армией, чиновниками, податями и полицией,— наверняка имеются и аналоги спецслужб. Какой-то там дикий варвар их вряд ли заинтересует, а вот варвар, который, не умея толком говорить, умеет читать, моментально возбудит подозрения. Поэтому он бросил на документ равнодушный взгляд и вплотную занялся мясом.

Это оказалась оленина. Бедняга-олешек сломал ножку и был зверски убит безжалостными людьми. Ужасный поступок — с точки зрения какой-нибудь сентиментальной дамы, современницы Геннадия. Но большая удача с точки зрения здешней бедноты. И взрослых, и детишек. Два мужичка с азартом рассказали Плавту и Черепанову, как прикончили животное дубинами. Описание привело бы в ужас любого защитника животных, но *эти* детишки слушали с восхищением. Потому что мясо убитой зверюшки было *пищей*, следовательно — *их* жизнью. И они понимали, что любое мясо когда-то бегало, щипало травку, мычало или хрюкало. Да, их родственники, не обладая охотничьими навыками, приканчивали животное долго, неумело и неаппетитно. Но они были сущими добряками в сравнении с «гуманными технологиями» двадцать первого века, когда на мясокомбинатах выпускают кишки и сдирают кожу с живых коров, вздернутых на стальные крюки конвейера. Если, как слыхал Черепанов, в мясе убитого животного на биохимическом уровне «записывается», какой именно смертью умерла бедная скотинка, то в расфасованных бифштексах из супермаркетов содержатся настоящие кошмары. Но попробуй лишить сентиментальную «любительницу зверюшек» бифштекса! И ты узнаешь, что такое *настоящий* кошмар!

«Нет,— подумал Черепанов,— у дикости есть много больших плюсов. Например, лицемерия поменьше».

Он ошибался, полагая здешнее общество более диким, чем то, где родился. И насчет лицемерия — тоже ошибался. Мир, в котором он сейчас оказался, был первоосновой всей европейской культуры — политики, этики, законодательства и государственности. Со всеми их плюсами и минусами. И как всякая основа, он во многом был глубже и правильней многочисленных построек, выросших на фундаменте Римского Миропорядка. К сожалению, Черепанову не суждено было увидеть Рим в эпоху расцвета. Только накануне гибели. Но гибель Тысячелетнего Рима — дело долгое. Изнутри и не заметишь, что титан

умирает. Все кажется — это не смерть, а лишь временная полоса неудач, как уже не раз бывало. Может, потому и умирают великие государства? Когда череда взлетов и падений становится слишком длинной и кажется естественным, что за провалом следует подъем? Когда всем — и подданным, и власть предержащим — кажется, что выход из пике должен произойти сам собой? Что история проворачивается, как туша на вертеле, подставляя огню то один, то другой бок? И забывается вдруг, что кто-то должен крутить вертел, а кто-то — срезать мясо до того, как оно обуглилось. А туша при этом становится все тоньше и тоньше...

...Оленья туша неторопливо поворачивалась на вертеле, которым служила грубо оструганная жердина, установленная на рогатках. Сотрапезники отмахивали ножами куски — по мере готовности, сдабривали солью, дули на горячее мясо...

Плавт, снимавший обжаренные, шкворчащие куски небрежным и идеально точным взмахом ножа, тем же движением ловко забрасывал их в глиняную миску, из которой ели детишки — мальчик лет пяти и заморенная девчушка года на четыре постарше.

Девчушке кентурион напоследок сунул кусок медовых сот, которым она поделилась с братцем.

Черепанов, зная темперамент и установки кентуриона, опасался, как бы Гонорий не стал к ней приставать, но, видимо, даже с точки зрения любвеобильного Плавта, девчонка была еще слишком мала. Что же касается двух присутствовавших женщин...

Возможно, они не отказали бы славному воину, а их мужчины не стали бы возражать (интересно, как бедолаги могли бы *возразить* Плавту?), но уж больно грязны и невзрачны были эти крестьянки. Кстати, именно крестьянки, в первоначальном значении этого слова. На обеих Геннадий заметил маленькие деревянные крестики. А старший из мужчин после трапезы пробормотал что-то вроде «Pater noster»[1].

Внезапно тонкий жалобный вой пронзил темноту. Совсем близко. Стреноженные лошади, пасшиеся неподалеку, нервно заржали и подались к людям.

Даже слой пыли не мог скрыть, как побледнели женщины. Да и мужчины занервничали.

---

[1] Pater noster *(лат.)* — Отче наш.

— Лупус,— прошептала девочка.— Волк.

И тут же получила от матери оплеуху.

— Накличешь, дура!

— Оставь ее,— спокойно уронил Плавт.— Ну, волки. Что с того? Пойдем, Геннадий, лошадей привяжем на всякий случай.

Черепанов поднялся.

За все время их совместного путешествия волков он не видел ни разу. И не слышал. Следы — да. Следы попадались. И волчьи шкуры у варваров по ту сторону Дуная встречались столь же часто, как сапоги типа «казак» осенью на Арбате.

Вой раздался совсем близко. И тут же солисту ответил целый волчий хор.

— Кровь учуяли,— сипло произнес старший из мужчин.— Его кровь.— Он показал на недоеденную тушу оленя.

— Может, отдать им? — неуверенно предложил второй.

— Вот еще,— проворчал Плавт.— Волков жареным мясом кормить. Да я их лучше сам съем! Вместе с хвостами! — Кентурион подмигнул перепуганной девчонке.

Та неуверенно улыбнулась.

Черепанов ощутил, как редеет сгустившийся над поляной страх. Даже ему как-то спокойнее стало...

В следующий миг он вскочил, словно подброшенный пружиной. Ширкнул выдернутый из ножен меч — серый зверь с тусклыми красными глазами отпрянул назад и застыл между двух кустов. При свете костра была видна нитка слюны, свисающая из пасти.

— Обнаглели,— проворчал Плавт.

Он единственный как сидел, так и остался сидеть.

— Совсем обнаглели. Добро бы зима была, а то ведь осень...

Еще один волчара возник по ту сторону костра. С той стороны, где были привязаны лошади и ослик. Животные уже рвались с привязей...

— Раз, два, три...— спокойно считал Плавт.— Четыре, пять... Восемь.

Красные угольки-глаза окружили поляну со всех сторон.

— Во Фракии за пару ушей динарий дают,— сказал Гонорий.— Здесь, наверно, не меньше, как думаешь?

Он неторопливо поднялся.

— Да убери ты меч,— сказал он Черепанову таким тоном, словно речь шла о выборе наживки для рыбалки.— Спугнешь. Да

и шкуру попортишь.— И шагнул в сторону от костра. В опущенной руке — нож, которым кентурион полчаса назад резал мясо.

Черепанов не боялся диких зверей — он отлично знал, что человек сильнее любого. Но все-таки выйти с ножом на целую стаю...

Плавт успел сделать шагов десять. Не шагов — шажков... Серая стремительная тень метнулась из темноты...

Черепанов увидел, как Гонорий плавно, даже неторопливо подался в сторону — и поймал тень на лету. Поймал, чиркнул ножом — и легко перебросил через плечо.

Короткий визг — и серый зверь тяжело шлепнулся на землю и забился на траве, брызгая кровью из распоротой шеи.

Дети пронзительно заверещали.

А красные угольки, окружившие поляну, разом погасли. Волки исчезли так же внезапно, как и появились.

Плавт подошел к костру, поглядел на зверя. Тот уже затих, глаза остекленели. Был он совсем небольшой, тонконогий, поджарый. Но с таким впечатляющим арсеналом в пасти...

Плавт наклонился, отмахнул волчьи уши и сунул девчонке, а нож обтер и спрятал.

— Обдери,— сказал он, кивнув на волка, младшему из мужчин.— Шапки деткам сошьешь. Здесь не Италия. Зимой холодно бывает.

Глава третья,

в которой Геннадий Черепанов узнает, как выглядят «настоящая римская» еда и «настоящие римские» шлюхи

Гостиница располагалась метрах в ста от дорожной развилки. А на самой развилке на каменном постаменте стояло изваяние человечка, выкрашенного в красный цвет. Вид у человечка был донельзя жизнерадостный, а уши почему-то ослиные. Из-за пазухи изваяния торчали желтые колосья и черные виноградные грозди. И такие же грозди свешивались из рога, который человечек держал двумя руками. Но самой выдающейся частью статуи был устремленный вперед метровой длины фаллос, изваянный с большой точностью и старанием.

Гонорий необычайно оживился. Соскочил с коня, подбежал к статуе и принялся оглаживать и охлопывать изваяние, всячески выражая восторг.

Черепанов тоже спешился, подошел поближе. Пока Плавт исполнял «танец радости», Черепанов не без труда разбирал сделанную на постаменте надпись. Она гласила:

«СКАРЕМИЙ — 10 миль»[1].

А пониже:

«Но то, что нужно тебе, о путник,— рядом».

И еще ниже:

«Не унывай, пока жив,
Следуй желанным путем.
Пищей себя подкрепи —
И жилы твои укрепит
Всеизобильный Приап».

Ага, вот, значит, каков бог-покровитель Плавта. Понятненько.

Геннадий посмотрел на ликующего друга... И у него впервые за все время их знакомства зародилось некое подозрение. Подполковнику показалось, что римлянин *изображал* ликование. Актерствовал. Зачем? Или это тоже определенный ритуал?

«Черт их разберет, этих идолопоклонников»,— подумал Черепанов и отложил возникшие сомнения в дальний уголок. Но именно отложил, а не отбросил.

Гостиница, солидная постройка из камня с внушающими уважение воротами, недавно выбеленными стенами и красной черепичной крышей, издали произвела на Черепанова очень приличное впечатление. Вполне под стать дороге. Правда, подойдя ближе, Геннадий увидел, что под свежей побелкой проступают

[1] Межевые столбы на римских дорогах были многочисленны, но не унифицированы. И формой, и надписями. На них могло быть указано расстояние до ближайшего населенного пункта, до ближайшего большого города, столицы провинции или Рима. Или до границы. Часто на столбе было написано имя принцепса (императора), который распорядился данную дорогу построить. В данном случае указано только расстояние до ближайшего города.

неистребимые настенные граффити и даже имеются некоторые свежие надписи, например, «Евстихий — сын безрогой козы». На случай, если читатель не был знаком с упомянутым Евстихием, рядом красовался портрет, причем недостаток профессионализма художник с лихвой компенсировал фантазией.

Черепанов хмыкнул. Человеческая натура неизменна: вид чистой белой стены оскорбляет взгляд обывателя. Когда-то Геннадий прочитал, что количество и плотность настенного «творчества» на единицу площади соответствует общему уровню культуры народа. «Дописки» прекращаются, как только поверхность перестает «оскорблять» взгляды масс своей «недопустимой» чистотой. Судя по данному забору, культура в Римской империи была на высоте. Правда, и забор был выбелен относительно недавно.

Внутри гостиница тоже была хоть куда, с конюшнями, обширным хозяйственным двором и галереями. Более того, постоялый двор располагался вокруг источника, чьи прозрачные воды наполняли небольшой бассейн, выложенный потрескавшейся плиткой. Надпись на камне свидетельствовала, что источник имеет давнюю историю и посвящен самому Геркулесу.

— Нравится? — самодовольно поинтересовался Гонорий, вручая повод ослика слуге.— Я всегда здесь останавливаюсь по пути в Никополь[1] или Сердику. Здесь недешево, зато вино отменное, нет клопов и отличные девочки. Раньше тут мансион[2] был, но его еще при Антонине Каракалле продали отцу нынешнего хозяина. Теперь полный порядок. Эй, Парсий, ты еще жив? — гаркнул Гонорий, пинком открывая дверь.

Внутри было темновато, не слишком чисто, зато запахи витали такие, что у Черепанова рот сразу наполнился слюной.

Парсий, упитанный мужчина с бородой колечками и золотыми серьгами граммов по двадцать каждая, услыхав возглас, повернулся навстречу новым гостям всем своим массивным телом и изобразил крайне радушную, но явно фальшивую улыбку.

— Великолепный Плавт! — воскликнул он.— А люди болтали, будто тебя зарезали варвары! О! Я никогда не верил, что какие-то варвары могли такого доблестного воина...

— Хватит болтать! — оборвал его кентурион.

---

[1] Никополь — Гонорий имеет в виду город, основанный в начале II в. императором Траяном в провинции Нижняя Мезия.

[2] Мансион — государственная гостиница.

— Да, господин! Конечно, господин примипил Гонорий! Прошу пожаловать в триклиний, господин примипил!

Триклиний представлял собой просторный зал с дыркой посреди потолка. Внутри было шумно и густо пахло едой.

Плавт, высокомерно оглядев зал, прошествовал мимо обычных столов со скамейками и табуретами к столу низкому и квадратному, размещавшемуся в дальнем углу и частично отгороженному ширмой. С трех сторон от стола-коротышки располагались прикрытые синими покрывалами широкие ложа на бронзовых ножках. Отстегнув меч, Плавт плюхнулся на одно из них, подгреб под себя подушку, махнул рукой Черепанову:

— Давай располагайся! Наконец-то мы можем отдохнуть по-человечески.— И, уже хозяину: — А ты что стоишь, жирняй? Тащи все самое лучшее. Живо! Если мой друг, благородный рикс с благородным именем,— широкий жест в сторону Геннадия,— останется недоволен твоим гостеприимством, я ублаготворю тебя черенком вон той метлы так, как ты ублаготворяешь своих сопливых мальчишек тем, что болтается у тебя под брюхом.

— Все будет самое лучшее! — воскликнул хозяин.— Для тебя, великолепный Плавт, только самое лучшее и немедленно! — При этом толстяк не только никуда не побежал, а выпятил живот и принял «ораторскую» позу, явно намереваясь толкнуть речь.— Превосходное испанское вино, смешанное с горячим медом, свинья, фаршированная колбасами, с приправами и сладким пюре из сыра, яиц, пшеничной муки и меда, пирог с рублеными кишками, белый хлеб с орехами, теплый, только что испеченный...

— Довольно! — оборвал его Гонорий.— Принеси для начала своего хлеба, свежего козьего сыра, оливкового масла и терпкого вина. Это чтобы я почувствовал, что наконец вернулся домой. А потом тащи все остальное. И приготовь нам ту комнату, где я всегда останавливаюсь. И еще одну, рядом. И не говори, что занято. Меня это не интересует. Ты понял?

— Разумеется, великолепный примипил Гонорий! Непременно все будет, как ты пожелаешь! Я, конечно не осмеливаюсь спросить, есть ли у такого благородного примипила деньги...

— Ты уже спросил.— Гонорий расхохотался.— Есть. Шевелись, кабан, или я заплачу тебе железом вместо серебра!

— С ними только так и надо,— пояснил кентурион Черепанову, когда толстяк наконец удалился.— Не то умрешь от голода, и тебя еще обжулят вдобавок.

Вероятно, он был прав, потому что сыр с травками, хлеб и терпкое красное вино появились буквально через полминуты.

Перед каждым из сотрапезников постелили по салфетке, и друзья занялись едой. Это был серьезный процесс. И длительный, поскольку вскоре поспело горячее. Та самая фаршированная свинка. Двое слуг приволокли ее на блюде, дабы у благородных гостей не возникло сомнения, что свинка представлена им *целиком*. Затем эти же рабы довольно ловко разделали кушанье и разложили на серебряных тарелках. Предложено было также несколько соусов, два из которых остро пахли пряной селедкой, один — фруктовый и еще один — вроде майонеза. Черепанову было любопытно, и он попробовал из каждой соусницы, но использовать предпочел фруктовый. На его вкус, мясо и так было чересчур пряным, а уж с чесноком и вовсе перебор, особенно в колбасках. Поэтому он весьма активно прикладывался к чаше с *мульсумом*, молодым вином, изрядно приправленным медом.

Все блюда, кувшины и чаши расставлялись на низком широком столе с покрытием из голубоватого мрамора. Посуда явно была недешевая, а чаши, ножи и ложки — из настоящего серебра, причем искусной работы, с тонким орнаментом. К сожалению, привычные Черепанову вилки отсутствовали. Чтобы разобраться в местном застольном этикете, Черепанов приглядывался к тому, как ест кентурион. Но то ли этикет здешний был прост, то ли сам кентурион был чужд светских условностей, поскольку исповедовал принцип: «Если бы боги хотели, чтобы люди ели столовыми приборами, они снабдили бы человека ложками, а не пальцами».

Ложа, широкие, низкие, на толстых бронзовых ножках, были примерно той же высоты, что и стол. На каждом имелся набор слегка засаленных подушек и валиков, позволявших принять достаточно удобную позу. Тем не менее есть лежа Геннадию было непривычно. Но очевидно, в этом был некий особый, приличествующий их положению шик. Потому что большинство других посетителей «ресторации» сидели на табуретках и скамьях за нормальными столами. Непривычно также было видеть мужиков в «платьях». А все эти римские туники и тоги, несмотря на живописные складки, а может быть, благодаря складкам и прочим рюшечкам, выглядели именно как женская одежда. С точки зрения Черепанова, когда из-под подола белой или синей юбки торчат волосатые кривые ноги в стоптанных сандалиях — это не очень

эстетично. С другой стороны, вон у той девчонки-служанки ножки очень даже ничего. И мордочка...

Девчонка, поймав взгляд «уважаемого» гостя, кокетливо улыбнулась. Совсем молоденькая. Губки накрашены, каштановые волосы уложены в сложную конструкцию из локонов и завитков. Но ушки — на виду. И в ушках — золотые сережки. Слишком дорогие для обычной служаночки. Тем не менее красотка явно выполняла в этом кабачке функции официантки: принесла трем бородатым мужичкам полный кувшин, забрала пустой и удалилась, грациозно покачивая аккуратной попкой и позвякивая крохотными колокольчиками на ножных браслетах.

«Нет, все-таки варвары в этом мире выглядят куда мужественнее, чем цивилизованные граждане Великого Рима»,— подумал Геннадий.

Платья эти, кольца-сережки, вон у того глаза накрашены, а у этого — губы. И щеки нарумянены. Просто как в гомосечий притон попал, ей-богу. Нет, ну натурально тусовка секс-меньшинств. Хотя кто знает? Может, у них здесь большинство — геи. Впрочем, нет, большинство не может состоять из геев. Финансы страны не позволят.

Это как в анекдоте: один оболтус звонит другому. «Знаешь,— говорит,— я теперь гей, хи-хи».

«Да? — говорит приятель.— А у тебя что, коттедж теперь свой?»

«Да нет, нет у меня коттеджа, в коммуналке живу».

«Ну так ты, значит, иномарку купил крутую?»

«Да ты че? Откуда у меня бабки на иномарку?»

«То есть у тебя и бабок нет?»

«Ну...»

«Так какой же ты гей, мать твою? Ты просто пидор!»

Но вот этот жирняй, скорее всего,— гей. По местным меркам. И не стесняется, подлец!

По самые глаза обросший салом мужик в сиреневой тоге и венке, водруженном на загорелую лысину, усадил на колени юнца лет тринадцати и шарил у него под туникой просто-таки безо всякого стеснения. А юнец только хихикал и с невероятной скоростью поглощал какие-то сухофрукты. Оба уже пьяные в сосиску...

Геннадий перевел взгляд на Плавта, и ему чуток полегчало. Каковы бы ни были обычаи в этом развращенном обществе, но старина Гонорий — настоящий мачо. Такого хоть во что обря-

ди, отовсюду «мужество» выпирает. Просто-таки на морде написано: «Я — крутой мужик».

Сам Черепанов имел точно такую же физиономию, разве что скулы пошире да бородка на квадратной челюсти — светлая. Но людям свойственно обольщаться насчет *собственной внешности*. Поэтому Геннадий полагал, что его лицо более одухотворенно и интеллектуально. Если заглянуть ему в глаза...

Но желающих из праздного любопытства заглядывать в глаза Черепанова было крайне мало. Один беглый взгляд, брошенный на физиономию подполковника, вызывал у человека четкое желание не глазеть на ее обладателя попусту. Во избежание. Правда, такое поведение было характерно главным образом для представителей сильного пола, а у прекрасной половины человечества облик подполковника вызывал желание прямо противоположное. Но Черепанов и этого повышенного интереса дам к своей персоне тоже не замечал. Была у Геннадия удобная особенность: замечать только действительно важное или представляющее интерес. Его мозг, привыкший в бешеном темпе обрабатывать огромные объемы информации, уже давно выработал способность вычленять из общего потока лишь то, что действительно следует учитывать. Все прочее он воспринимал как фон. Но в данном случае фон был слишком пропитан новизной, чтобы его попросту игнорировать.

Черепанов наблюдал, ел, пил и помалкивал. Зато Плавт разглагольствовал за двоих.

Сначала с хозяином, который тоже был не дурак насчет потрепать языком. Потом к друзьям как-то невзначай присоединился (улегся на свободное ложе) кудрявый мужичок в зеленой тоге поверх синей рубахи. Черепанов уже понял, чем отличается «привилегированная» тога от простонародного плаща, но все-таки подумал, что кудрявый — халявщик. Оказалось — нет, купец из вольноотпущенников. Вполне респектабельный торговец янтарем, которому было крайне интересно знать, будет ли война с германцами? Поскольку янтарь он покупал, точнее — выменивал, именно у них.

Плавт заявил, что война будет непременно. Потому что эти германцы сущие ублюдки.

Купец усомнился. Дескать, Август Александр вместе с матушкой-соправительницей, да живут они вечно, недавно договорились с германцами безо всякой драки.

Тут купчик пустился в описание переговоров, такое подробное, словно рассказчик сам принимал в них участие. Хотя, может, и принимал, кто его знает?

Из рассказа Геннадий мог сделать однозначный вывод: нынешний император, хоть и молодой, дипломатом оказался изрядным, потому что мелкими подачками рассорил между собой союзников из разных германских племен, отчего половина из них оскорбленно удалилась, а оставшиеся уже не выступали единым фронтом и, вместо того чтобы торговаться с Римом из-за размера компенсации, перегрызлись из-за того, как впоследствии эту компенсацию делить. В конце концов император все же отстегнул варварам золота, но ровно в пятьдесят раз меньше, чем они требовали изначально. И выдал это золото не всем сразу, а *самому сильному* из союзных вождей. А тот, разумеется, большую часть захапал себе. Остальные немедленно обиделись и пригрозили разборкой.

Назревала локальная войнушка, в которой подстрекателям-римлянам отводилась очень удобная роль «миротворцев».

Черепанов вынужден был признать, что история склонна к повторениям, а имперская политика везде одинакова. В его время действовали точно так же. Те же Штаты, например, сначала стравливали своих потенциальных противников-петушков, потом «мирили», не жалея боеприпасов, а в финале ощипывали обессилевших соперников и с аппетитом их кушали.

Оказалось, впрочем, что дипломатические игры императора одобряют далеко не все. Гонорий Плавт слушал, слушал, а потом грохнул тяжелым серебряным кратером о стол и заревел, что Александр — сопляк, маменькин сынок, что еще за *монарх*[1], который делит власть с бабой? А бабам вообще не положено лезть в политику, а положено варить кашу и задирать подол, когда мужчина велит.

В триклинии повисла неприятная тишина.

Все разговоры смолкли. Даже игроки, шумно и азартно резавшиеся в кости, прервали свое занятие и уставились на Гонория.

Озаботившийся купчик тут же склонился к кентуриону и зашептал, что, мол, не стоит оскорблять богоравного Августа, поелику всегда есть уши, которые слышат, и языки, которые...

Говорил он, несомненно, из лучших побуждений, но Плавт послал его к воронам и заявил, что воин, победоносно сражав-

[1] Монарх — в переводе с латыни «единолично правящий».

шийся за императора в Мидии, может говорить что желает. И точка. Тем более если воин этот совсем недавно вырвался из лап варваров, в которые угодил благодаря *дипломатии* императора.

Тут Гонорий опять грохнул по столу и призвал Черепанова в свидетели, что варвары многочисленны, дики и жаждут присосаться к вымени римской волчицы. И лично он, настоящий легионер и римлянин, знает только один способ отбить у них это желание: отрубать поганые руки. А еще лучше — головы. Так поступал Гай Юлий. Так поступал Траян. И так поступает он сам, Гонорий Плавт Аптус. А если какой-то там император, пусть даже потомок славного Септимия Севера, вечная ему слава, полагает иначе, то императору следует оторваться наконец от материнской сиськи и поглядеть правде в глаза.

Тут в глазах у самого Плавта что-то мелькнуло, и тон его слегка изменился. В мощный голос кентуриона вплелась некая сальная нотка. И он еще громогласнее переключился на собственно сиськи матери Августа и заявил, что тут он, Гонорий Плавт Аптус, выражает свое полное одобрение. Сиськи у императрицы Мамеи самого высшего качества. Лично он, Плавт, с удовольствием бы подержал такие сиськи в своих мозолистых руках.

Тут даже лысый гей забыл о своем дружке и уставился на разошедшегося оратора.

А вот у Черепанова опять возникла некая несуразная мысль.

Геннадий неплохо улавливал интонации. И готов был поклясться, что первая часть речи друга была совершенно искренна, а вот что касается сисек императрицы... С этого момента в речи оратора появилась некая, еле уловимая фальшивинка, небольшой перебор. Тот самый, который отличает искренне верующих от тех, кто желает *выглядеть* искренне верующими...

А ведь Плавт — не тот человек, который станет *прикидываться* религиозным, даже если в качестве бога выступает толстый коротышка с метровой хреновиной. Слишком кентурион самодоволен и самоуверен для подобного лицемерия. Гонорий горд. Но хитер. Что уже не раз с успехом доказывал. Значит, если Плавт лишь *играет* ярого поклонника Приапа, да еще так, что эта игра стала его альтер эго[1], значит, на то есть некая причина. Достаточно серьезная, поскольку и сам Гонорий Плавт — *серьезный* мужик. А бутафорит он очень даже качественно...

[1] В переводе с латыни — «второе я».

А если Плавтово поклонение Приапу сродни тому «ручейку», который когда-то «проложили» подручные одного китайца в горах Южной Америки, то, значит, под «ручейком» прячется нечто очень серьезное. Интересно — что?

Пока Геннадий размышлял, кентурион разливался соловьем, провозглашая эротический, нет, скорее порнографический панегирик императрице-матери. Судя по всему, Плавт намеревался ораторствовать долго... Но тут появились *девочки.*

Две накрашенные и завитые особы в туниках, не столько скрывавших, сколько открывавших. Обе тут же плюхнулись: одна — рядом с Плавтом, вторая — под бочок к Черепанову. И сразу полезла подполковнику в штаны, но запуталась в завязках. Да, с туникой, ясное дело, проще.

Геннадий отпихнул девку, и та, с готовностью опрокинувшись на спину, раздвинула коленки. Ляжки у нее были гладкие и розовые. Под цвет туники. Вообще-то она была ничего. Фигурка, мордочка. Но очень напоминала куклу: красными губками бантиком, румянами на щеках, желтыми кудряшками.

Плавтова «дама» пискнула и тут же захихикала.

— Эй, Парсий! — хорошо поставленным голосом полевого командира гаркнул кентурион.— Готова ли комната?

— А как же, господин примипил! — моментально отозвался хозяин.— Давно готова!

— Молодец! Не забыл, значит, моих вкусов! — Плавт ущипнул свою «даму» за ягодицу. Та снова пискнула и шлепнула Гонория по руке.

— Ваши вкусы забыть невозможно, доблестный господин!

— Пошли, Череп! — Гонорий поднялся.— Эй, Парсий! Мне одной девки мало будет! Ты меня знаешь!

— Не изволь беспокоиться, доблестный кентурион! Вскорости еще двух пришлю! Немедля, как только освободятся!

— Что?! — От рыка Плавта качнулись ширмы у стенных ниш.— Ты что же, яйца сушеные, мне попользованных девок подсунуть намерен? *Мне*?!

«Будет буча»,— подумал Черепанов, знавший, что Гонорий скор не только на... определенные части тела, но и на руку тоже.

Однако хозяин тоже был не лыком шит.

— Как можно, доблестный господин Плавт! Отдыхают девочки. Сил набираются. Разве ж я не знаю, какой темперамент у господина кентуриона!

— Ладно, живи,— буркнул Гонорий, подхватил серебряный кратер с вином, выплеснул в глотку.— Пошли, Геннадий! Покажем этим сучонкам, что у нас есть!

Грубость Плавта слегка покоробила Черепанова, но девок нисколько не обидела. Одна уже висела на плече кентуриона, вторая — на шее Геннадия.

Стоя, она оказалась ростом с подполковника, даже чуть повыше. Правда, деревянные подошвы ее сандалий были сантиметров пятнадцать толщиной. Изо рта девки пахло чесноком.

«Отдельный кабинет» в местной гостинице являлся уменьшенной копией триклиния: низкий стол с питьем и закусками, широкие ложа, фонтанчик. Правда, стены и потолок были расписаны фривольными картинками, а на мраморной скамеечке рядком, по росту стояли... фаллоимитаторы.

Плавт, не теряя ни секунды, завалил свою подружку и принялся за дело. Черепанов медлил. Не то чтобы «дама» была ему совсем противна, но...

Желая подбодрить кавалера, девка опрокинулась на спину, задрала ноги. Между ними все было старательно выбрито, а «губы» выкрашены ярко-красным.

Черепанову вспомнился один бар в Гонконге, где китаянка-стриптизерша показывала номер: «курила» сигару. Ее вульва тоже была накрашена губной помадой. Но помимо помады и «курения» китаянка еще и отличалась умением делать тайский массаж. Всего за двадцать долларов. Интересно, а *эта* — умеет?

Внезапно Черепанов почувствовал, что ему совершенно безразлично, что умеет делать *эта*. И, осознав сие, подполковник развернулся и вышел в общий зал.

Глава четвертая,

в которой подполковник Черепанов на собственном опыте узнает, что такое «настоящая римская полиция»

На возвращение приятеля кентуриона Плавта мало кто обратил внимание. Геннадий помахал служаночке с золотыми сережками.

— Принеси мне вина,— велел он.— Вот этого, светлого. Разбавлять не нужно и мед добавлять тоже.

Появился хозяин. Несколько встревоженный.

Согнулся, насколько позволяло толстое брюхо.

— Благородный господин не одобряет девушек? — вполголоса осведомился он.— Может, хорошенький кудрявый мальчик...

— Благородный господин не одобряет блядей,— буркнул подполковник.

— Прости, не понял? — Парсий изогнул начерненную бровь.

Еще бы он понял. Сказано было по-русски.

— Я не люблю мальчиков. И не люблю торопиться,— сказал Черепанов.— И люблю выбирать сам.

— Понимаю,— проворковал хозяин.— У меня, конечно, не лупанарий, но выбор есть, о да! Доблестному воину всегда найдется с кем утолить страсть. Мы не будем торопиться.

И величаво удалился.

Зато вернулась девчонка-служанка. С вином. Наполнила кратер, поставила кувшин... Геннадий поймал ее за руку раньше, чем она успела отойти.

— Как тебя зовут? — спросил он мягко.

— Марция.— Она попыталась освободить руку, но Черепанов не позволил. Потянул, заставив опуститься на край ложа.

У нее был круглый решительный подбородок и настоящий римский нос, прямой и гордый. В точности как у статуй в античных залах Эрмитажа. И точно такая же замысловатая прическа. И такое же гладкое белое лицо, ставшее строгим и отчужденным, стоило Геннадию применить силу.

У Черепанова возникло странное ощущение, что он уже видел Марцию. Раньше. Но это было исключено.

«Не увлекайся,— предостерег он сам себя.— Она всего лишь юная служаночка, а ты слишком стар, чтобы снова стать романтиком. Будь проще».

— Я не римлянин,— произнес он, стараясь почетче выговаривать слова. Если Плавт привык к его дикому произношению, то другим жителям империи приходилось делать усилие, чтобы понять латынь подполковника.— И не знаю обычаев.

— Вижу.— Девушка больше не пыталась освободить руку, но взгляд ее предостерегал.— Но ты не там ищешь, господин.

Она все больше нравилась Геннадию.

— Qui quaerit, reperit[1],— произнес Черепанов, касаясь ее обнаженного локтя.— Мне кажется, я нашел, Марция. Я тебе не нравлюсь?

— Ты тоже кентурион? — уклонилась от ответа девушка.

— Нет,— ответил он, стараясь не глядеть на ее голые коленки, а только — в глаза.— Но — буду. Я был командиром... риксом у себя на родине.

— Это видно.— Она освободила руку (Черепанов разжал пальцы), но осталась сидеть. Так близко, что Геннадий ощущал тепло ее тела. И запах роз. Духи?

— Марция! — позвали ее, но девушка не откликнулась.

Геннадий смотрел ей прямо в глаза. Только — в глаза.

— Ты красива,— сказал он негромко.— Ты — самая красивая из всех латинянок, каких я видел.

Он не стал говорить, что видел он не так уж много ее землячек.

— Красивее тех, с кем забавляется твой друг? Их груди полнее моих, разве нет?

Черепанов улыбнулся. Чуть-чуть.

— Ты — лань,— сказал он.— Не корова. Какое мне дело, полна ли твоя грудь, если она — твоя?

Щеки девушки порозовели. Это было заметно даже под слоем белил.

— Марция! — крикнули снова. Один из трех бородачей-собутыльников.— Эй, варвар, не задерживай ее! Не ты один хочешь пить!

Черепанов приподнялся на ложе, отыскал взглядом кричавшего и посмотрел на него. Только посмотрел, но бородач заткнулся.

— Я пойду,— чуточку нервно проговорила девушка.— Отец станет меня ругать.

— Парсий?

— Да. Если ты хочешь женщину, он...

— Я не хочу женщину,— сказал Черепанов.— Я хочу тебя.— Кончиками пальцев он снова нежно притронулся к ее локтю.— Ты придешь?

Ничего не ответив, она быстро поднялась и пошла прочь. К ложу приближался Парсий.

---

[1] Qui quaerit, reperit *(лат.)* — Кто ищет — находит (римская поговорка).

— Что еще тебе угодно, благородный господин?

— Ты знаешь,— негромко произнес подполковник.

— Она — моя дочь, не рабыня,— так же негромко, с достоинством произнес хозяин.

— Я знаю.

— Хочешь выбрать из тех, кто...

— Не хочу,— отрезал Черепанов.

— Твой друг...

— Я не мой друг,— перебил его подполковник.— Однако тоже всегда добиваюсь своего. Но...— Он сделал многозначительную паузу. Парсий задрал бороду, намереваясь спорить...— ...Но не силой,— закончил Геннадий.— Ты понимаешь?

— Значит, ты решил остаться в одиночестве? — тоном заботливого хозяина осведомился Парсий.

— Ты прав,— кивнул Черепанов.— Вероятно. Sint ut sunt, aut non sint [1].

Правда, это высказывание принадлежало не римлянину[2]. Но можно было надеяться, что грамматически в нем все правильно. И по смыслу — тоже.

Парсий кивнул и оставил Черепанова в покое. Пить и веселиться. В одиночестве.

Геннадий задремал. Тепло, вино, сытный обед, удобное ложе, почти забытое ощущение безопасности...

Когда он проснулся, уже наступил вечер. Квадрат неба наверху, в потолочном отверстии, потемнел и налился синевой.

Проснулся подполковник не по собственной инициативе. Его разбудили.

У ложа стоял представительный мужчина в белой тоге. Рядом с ним — еще четверо, в кирасах, шлемах и при мечах, но без щитов. Один из этой четверки и разбудил Черепанова. Другой уже завладел его оружием.

— Я — эдил Скаремия,— важно произнес представительный.— Ты — тот, кто называет себя Плавтом?

---

[1] Sint ut sunt, aut non sint *(лат.)* — Пусть будет так, как есть, или вовсе не будет.

[2] Эти слова приписываются генералу ордена иезуитов Лоренцо Риччи.

— А в чем дело? — поинтересовался Черепанов.

— Ты обвинен. По закону об оскорблении величества![1] Встань и следуй за нами!

За спинами воинов маячил Парсий с похоронным выражением на физиономии.

Геннадий неторопливо поднялся, обулся.

Он размышлял.

Ну да, ничего удивительного: империя и есть империя. На дорогах разбойники, в лесах волки, но политическая полиция как всегда начеку. И высказывания Гонория в адрес августейших особ не остались незамеченными. Черепанов не знал, насколько сурово здесь караются диссиденты и оппозиционеры, но, судя по тому, как быстро отреагировала местная власть,— дело нешуточное. А коли так, то не следует качать права и уж тем более объявлять, что господа полицейские — точнее, господа вигилы — ошиблись адресом. Пусть думают, что он Плавт. Позже он развеет их заблуждение, а Гонорий тем временем сделает ноги. И позаботится о своей безопасности. Раз хозяин не указал эдилу на ошибку, а держит рот на замке, он поставит в известность Плавта о ситуации.

Пока Геннадий завязывал шнурки, один из воинов зачем-то пощупал у Черепанова под подбородком.

— Ха! — сказал он с легким пренебрежением, не обнаружив мозоли от ремешка шлема.— А говорили — легионер!

— Разберемся,— буркнул эдил.— Давай, гражданин, пошевеливайся!

Черепанова вывели во двор. У ворот стояла крытая повозка. При ней — еще двое вигилов.

У колодца Геннадий увидел Марцию. Подмигнул. Девушка ахнула. Шагнула навстречу, открыла рот, собираясь что-то сказать, но отец схватил ее за руку и утянул в сторону.

— А ну стоять! — раздался позади знакомый рык.

Геннадий быстро обернулся. Его сопровождающие тоже.

У входа в дом, под портиком, во всей своей жилисто-мускулисто-волосатой красе стоял Гонорий Плавт Аптус. Совершенно голый, зато с золотой цепью на шее и мечом в руке.

---

[1] Закон, согласно которому виновный в оскорблении императора несет суровое наказание, вплоть до конфискации имущества и смертной казни.

— А ну стоять, недоноски! — прорычал кентурион.— Куда вы ведете моего друга, козлиное семя?

Вигилы напряглись: даже голый, Плавт производил грозное впечатление. Эдил тоже забеспокоился, когда разглядел, что именно вычеканено на медали, украшающей волосатую грудь кентуриона. Обеспокоился, но достоинства не потерял.

— Не нарушай закона, доблестный воин,— величаво проговорил он.— Сей гражданин, чье имя Гонорий Плавт, обвиняется в нарушении закона об оскорблении величества. У нас имеются свидетели, что оный Гонорий Плавт...

Черепанов не без удовольствия поглядел на *ошарашенного* Гонория. Но смущение кентуриона длилось ровно секунду.

— Что?! — взревел он.— Кто, пес твой дедушка, Гонорий Плавт?! — Кентурион побагровел.— Это я, раздери вас всех Орк, Гонорий Плавт!

Акустический удар и содержащаяся в нем информация привели эдила в некоторое замешательство. Но он был тертый калач. И находился на своей территории.

— Это так? — спросил он у Парсия.

Тот кивнул с сокрушенным видом.

Эдил не стал предъявлять претензий к хозяину гостиницы. Он был практичный человек и при исполнении. Вместо этого он повернулся к вигилам и указал на Гонория:

— Арестуйте его!

Однако вигилы, которые без всякого смущения взяли под стражу фальшивого Плавта, в отношении Плавта настоящего проявили куда меньшую прыть. Да и сам Гонорий, похоже, не слишком серьезно отнесся к словам местного «полицмейстера».

— Да ну? — Кентурион скептически поднял бровь.— Арестовать меня? А ты шутник!

— Я — эдил Скаремия,— возразил римский «шериф».— И если я сказал: «Арестовать!» — значит, ты будешь арестован!

В конце концов, вигилов было шестеро, а преступник — один.

— А я — первый кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт Аптус! — рявкнул друг Черепанова.— И я выполняю *личное* поручение моего легата. А мой

легат, ты, ослиное семя, сам командующий Гай Юлий Вер Максимин! А ты, паршивый эдил паршивого поселка,— как там он называется? — можешь болтать все, что взбредет в твою безмозглую голову! Но если ты еще раз протянешь свои холеные ручонки ко мне, к моему другу или еще к кому-нибудь из тех, кто *по-настоящему* охраняет честь Августа, я возьму тебя за твое морщинистое гузно и приволоку прямо к моему легату. И паршивым гражданам твоей паршивой деревеньки — как там она называется? — придется выбирать себе нового эдила! Это всех касается, если кто не понял!!! — заревел Плавт, и приставленные к Черепанову вигилы тут же отпрянули от Геннадия, как от прокаженного.

Красный, как помидор, эдил молча повернулся и пошел прочь. Вигилы так же молча последовали за ним. И отбыли.

— Цивильные крысы,— буркнул Плавт.— Скажи, какого хрена ты назвался моим именем, Череп?

— Ну... Я же не знал, что ты настолько грозен,— пробормотал Геннадий.— Я подумал: пока они будут разбираться со мной, ты успеешь исчезнуть.

— Я? Бежать от *этих*? — Кентурион расхохотался, но тут же посерьезнел, спустился со ступенек и крепко обнял Черепанова.

— Ты — друг,— сказал Гонорий.— Благодарю тебя!

От Плавта исходил запах пота, смешанный с благовониями и неистребимым «ароматом» чеснока.

Кентурион отстранился. И соизволил наконец заметить Парсия.

— Ну! — грозно произнес он.— А ты, воронья пожива, почему молчал?

— Это я ему велел! — быстро, раньше, чем гнев кентуриона успел разгореться, произнес Черепанов и заслужил благодарный взгляд.

— А-а-а... Ну ладно. Пошли внутрь, а то как-то мне прохладно.

— А ты не пробовал что-нибудь надеть? Для согревания? — поинтересовался Геннадий.

— Для согревания? Это верно! — Гонорий оживился.— Эй, Парсий! Горячего вина, живо! За твой счет — ты у меня в долгу!

Глава пятая,

в которой рассказывается о том, как командующий нубийской армией Максимин с помощью серебра «договорился» с местными налоговыми органами

— Я у тебя в долгу, почтенный Геннадий,— произнес Парсий.— Великолепный Плавт так же скор на расправу, как его еще более великолепный повелитель, грозный Максимин.

Вино зажурчало, переливаясь из пузатого кувшина в серебряную чашу на витой длинной ножке. Черное вино. Терпкая кровь черного испанского винограда.

— Ты знаешь Максимина? — спросил Черепанов.

— Здесь, в придунайских провинциях, все знают Максимина.— Хозяин гостиницы присел на край ложа.— Император, да живет он вечно, ставит наместников с одобрения Сената, но их квесторы[1] отправляют в Рим совсем немного денег, потому что большую часть забирает Максимин.

— Ты не боишься говорить такое? — Черепанов пристально посмотрел на Парсия.

Тот усмехнулся в курчавую бороду.

— Об этом знают все,— сказал он.

— И император? — Черепанов поднес кратер к губам, отпил, заел фиником.

— Конечно. Август велел Максимину командовать легионами и охранять границы. Но это стоит денег. А денег у императора совсем мало. То немногое, что удается получить из провинций, Рим,— тут Парсий скривился брезгливо,— пожирает без остатка. Уж поверь тому, чей дед был либрарием[2] в войске самого Марка Аврелия[3] и сбежал из Рима, когда началась чума. Рим — это бездонная бочка Данаид. А войску нужны деньги. И, чтобы войско не явилось за деньгами в Рим, император высочайше позволил командующему Максимину самому изыскивать средства для прокормления солдат. И Се-

[1] Квесторы — гражданские (в данном случае) чиновники, ведающие в том числе и сбором налогов.

[2] Либрарий — писец, счетовод.

[3] Марк Аврелий — римский император, правил со 161 по 180 г. до Р. Х.

нат не возражал, потому что доходы с придунайских провинций были совсем невелики. Но когда за дело взялся Максимин, оказалось, что эти доходы можно существенно увеличить.

— И как же это ему удалось?

Хозяин гостиницы криво усмехнулся.

— Он выбрал трех самых жадных чиновников — и досыта накормил их серебром.

— И чиновники после этого стали честными? — хмыкнул Черепанов.— Не верю.

В мире, где Геннадий родился, не было более алчных и беспринципных существ, чем чиновники и политики. И он очень сомневался, что в этом мире дело обстоит иначе.

— Чтобы чиновники перестали красть и брать взятки только потому, что им отвалили большой куш? — Геннадий скептически поднял бровь.— Да они станут еще больше хапать!

— А ты не такой уж варвар, каким кажешься,— заметил Парсий.— Ты многое знаешь о *цивилизации*.— Он потянулся за чашей, из которой пил Плавт, плеснул на донышко: — Твое здоровье, рикс. Ты кое-что знаешь о чиновниках, но совсем не знаешь Максимина. Квесторы, которых накормил он, перестали брать взятки. Никто не сможет брать взятки, если в него влить четверть фунта расплавленного серебра.

— А как же закон? — осведомился подполковник.— Ведь это убийство.

— Разве? — Толстая физиономия римского трактирщика приобрела скептическое выражение.— Нашлось немало свидетелей, показавших, что эти чиновники покончили с собой. И даже оставили завещания.— Он плеснул себе еще немного вина и доверху наполнил кратер Черепанова.— В этих провинциях никто не станет свидетельствовать против Максимина. Не потому, что все мы — трусы, а потому, что лучше Максимин, чем германцы. Намного лучше...— Тут он спохватился, с опаской глянул на Геннадия.— Я не хочу сказать плохого обо *всех* варварах, доблестный рикс! Но поблизости от границы...

— Я видел, как с вами обходятся варвары,— прервал его Черепанов, потянувшись за чашей. Чертовски приятное вино. И финики вкусные. Но были бы еще вкусней, если бы в них не пихали столько пряностей и сахара.— А ты неплохо осведомлен, Парсий,— заметил подполковник.— Откуда?

— Разные люди ездят по этой дороге, доблестный рикс.— Хозяин гостиницы лукаво усмехнулся. (Ну и пройдошливая у него рожа, однако!) — И те, у кого есть деньги, всегда останавливаются в моей гостинице. А когда человек выпьет много хорошего вина и отдохнет с хорошими девочками (а девочки у меня еще лучше, чем вино, зря ты от них отказываешься, доблестный рикс), то он становится разговорчив. Но ты не думай, будто Парсий — болтун. Парсий умеет хранить *настоящие* тайны. Хотя...— Он метнул на Черепанова хитрый взгляд.

И тут масляный светильник на столе мигнул и погас. Сразу стало темно. Только в квадратном отверстии потолка тлели белые искры звезд.

Черепанов приподнялся на ложе — и понял, что слабенькое римское вино все-таки взяло свое. Послушное прежде тело стало ленивым и расслабленным. Но это было приятно. За стеной женский голосок рассыпался смехом, к которому тут же присоединился мужской басовитый хохоток.

Но в самом атриуме были только Черепанов и Парсий. Да лохматая собака в дальнем углу, с хрупаньем обрабатывающая кость.

— Не хочет ли доблестный рикс Геннадий пройти в отведенную ему комнату? — вежливо осведомился Парсий.

— Пожалуй,— согласился Черепанов, не двигаясь с места.

Хозяин гостиницы негромко свистнул. Собака перестала грызть кость, а у ложа, словно по волшебству, возник раб. С лампой.

— Помоги господину,— велел Парсий.

— Да я сам...— попытался запротестовать Геннадий, поднимаясь. Но тут пол предательски качнулся, и летчик-космонавт Черепанов едва не ушел в пике. Однако раб ухватил его под мышки.

«Сколько же я выпил? — подумал Геннадий.— Литров десять минимум...»

Неудивительно, что его повело. Удивительно, что голова оставалась абсолютно трезвой и ясной.

Заботливый раб помог ему выйти во двор, потом они вместе взобрались по лестнице на второй этаж.

Там ждал Парсий.

— Твоя комната, доблестный рикс!

Широкая кровать с высоким изголовьем. Красное покрывало. Красная бахрома кистей. Квадратный низкий столик на кривых ножках. На нем — масляная лампа в форме черепахи и кувшин.

— Если доблестному риксу потребуется что-то — ему достаточно потянуть вот это.— Парсий указал на убегающий вниз шнурок.— Приятных снов!

Глава шестая,

в которой подполковник Черепанов теряет контроль и получает то, чего ему не хватало

Геннадий действительно слишком много выпил в тот вечер. Иначе наверняка проснулся бы, едва она вошла в комнату: сон у Черепанова был очень чуткий, хотя он и не утратил обретенного в курсантские годы умения засыпать в любых условиях: в очереди, на партсобрании, в самолете... Разумеется, если самолет пилотировал не он. При этом никакой посторонний шум Черепанову не мешал. Но от конкретного звука он просыпался мгновенно. Словно в спящем сознании бодрствовал некто фильтрующий внешние раздражители и при необходимости мгновенно нажимающий на кнопку тревоги. Но в эту ночь «некто» тоже отрубился, и подполковник проснулся, только когда что-то теплое и мягкое прижалось к его груди.

Но, проснувшись, он узнал ее мгновенно. По тонкому аромату роз и меда. Марция!

— Надеюсь, это не отец тебя прислал,— проговорил он строго. Впрочем, руки подполковника, будто по собственной воле, уже заскользили по шелковистой коже.

Марция возмущенно фыркнула — прямо Геннадию в ухо.

— Я — свободная девушка!

— А не слишком ли вольно ты себя ведешь — для девушки? — осведомился Черепанов.

Быстрые пальчики Марции были действительно проворными.

— Ты предпочитаешь девственниц, могучий рикс? Ты боишься, что другие мужчины сильнее твоего приапа?

— Разве я не сказал, что предпочитаю тебя? — Черепанов провел пальцем между ее лопаток — к пояснице, выгнувшейся навстречу его прикосновению.

В следующий миг она поймала его руку и потянула вниз.

— Ты можешь легко убедиться, что я — не девственница,— шепнула Марция.— Прямо сейчас, дикий варвар! Ну же!

И тут же оказалась перевернутой на живот и притиснутой к кровати пятипудовым прессом профессионального борца. Марция только и успела, что пискнуть.

— Ну нет, детка,— зарываясь лицом в пушистую копну ее волос, шепнул в нежное ушко Черепанов.— Командую я. Всегда. А если кто-то против — то ее не спрашивают. А если кому-то не нравится, то придется потерпеть. Что?

— Грубый грязный варвар! — Гибкое гладкое живое тело билось и выгибалось, упираясь локтями и коленками, но когда Черепанов ослабил хватку, Марция даже не попыталась выскользнуть из-под него, а только изогнулась еще сильнее, подталкивая его чресла мягкими холмиками ягодиц.

Должно быть, виновато было вино. Потому что обычно Геннадий умел контролировать и себя, и женщин, с которыми оказывался в постели. И никогда не брал их раньше, чем следовало.

Но сейчас с ним произошло то, чего не случалось с курсантских времен, когда желание *овладеть* женщиной, причем сразу, немедленно, безо всяких прелюдий и взаимных игр,— было единственным и всеподавляющим.

Должно быть, что-то совпало. Вино, запах юного тела, упругие толчки... Но в какой-то миг в подполковнике проснулся мальчишка-курсант, который, не церемонясь, сунул ладони под извивающиеся бедра, ухватил их там, где гладкую кожу натягивают круглые «интимные» косточки,— и бедная кровать!

Если кровать и уцелела, то лишь потому, что в конце концов они свалились на пол. Зато полгостиницы перебудили — это точно! Наплевать!

Давно уже в жизни подполковника (отнюдь не монашеской) не было такого. Чтобы каждая клеточка кричала: «Ну, давай!» Чтобы все, ну просто совсем все, чем отличаются мужчина и женщина,— так идеально совпадало. Внутри, снаружи... Везде. Чтобы у матерого мужика, железно контролирующего все и вся, сорвалось и понеслось. По кочкам, по ухабам, в пропасть, в пустоту... И дикое ликование. Как когда ревущая «сушка»,

вскинувшаяся вверх в «кобре», замирала на «кончике хвоста». И чертовы ракеты, тянущиеся головками наведения к раскаленным сердцам сопел, почти уже доставшие... теряли след и уходили в никуда, в прозрачную зияющую пустоту. И «сушка» с яростным ликующим ревом опрокидывалась на тугой воздух стальным белым брюхом... И обтекаемая стремительная смерть (и жизнь — для кого-то!), разбрызгивая лохмотья пламени, вырывалась из-под живота — и все! И все, мать их! Только дырявый тонкий пузырь парашюта, *медленно* сползающий вниз где-то позади.

Эта проклятая девчонка, даже еще не женщина, зародыш, маленькая римская соплюшка с кожей, пахнущей розами и медом, чувствовала его, владела им... Нет, он владел ею, как *той* бешеной железной любимой тварью, оставшейся *там*...

На самом деле, конечно, все было не так. Но чувства были — *те*.

И Геннадий был теперь *должен* этой юной римлянке. Ибо это она, проворная девочка с пушистыми волосами и шелковой кожей, подарила ему *этот* мир. Когда Черепанов понял, что *может* жить здесь. Без неба. Но — по-настоящему. Может принять этот мир и овладеть им, как владел *тем небом*.

Глава седьмая,

Совсем маленькая

Черепанов встал очень осторожно, чтобы не разбудить Марцию. Не столько потому, что хотел уйти не прощаясь, сколько потому, что уж очень сладко она спала. Утреннее солнце, разбудившее Геннадия, ее не потревожило. Может, потому, что лицо девушки было прикрыто ворохом волос, из-под которых видны были только кончик носа, плотно сомкнутые губы и круглый подбородок. Марция свернулась клубочком на краешке ложа, зажав между бедрами ладошки. На груди, у крохотного соска, розовело овальное пятнышко — след ушедшей ночи. Марция выглядела столь юной и нежной, что даже не верилось, какой дикой кошкой она была всего лишь несколько часов назад.

Геннадий поднял с пола простыню и накрыл девушку. Зря. Она проснулась, смахнула кудряшки. Глаза ее открылись сразу — и широко, словно от испуга.

— Уходишь?

— Да.

— Подожди немного... Пожалуйста! — Голос ее был таким, что Черепанов не смог отказать: опустился на край ложа.

— Не уходи, прошу тебя. Еще немного...— Девушка соскользнула с ложа и исчезла за ширмой, где стояла «ночная ваза».

Когда Марция вернулась, от нее пахло розовой водой.

Двумя руками взяв тяжелую расслабленную руку Черепанова, она прижалась щекой к ладони.

— Еще немного,— прошептала она.— Пожалуйста. Хочу запомнить, какой ты. Навсегда. Ты ведь не вернешься, я знаю.

Геннадий молчал. Сколько в его долгой и достаточно бурной жизни было таких утренних прощаний? Ох, как много. Куда больше, чем хотелось бы. Но никто ни разу не сказал ему таких слов. Почему-то стало страшно. Эта юная римлянка, рыжая девчонка, пахнущая медом и розовыми лепестками, заставила его ощутить безвозвратно уходящее время. То, о котором сказано: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». И вопреки этому пугающему чувству, Геннадий сказал то, что не собирался говорить.

— Вернусь.

— Что? — Темные, чуточку выпуклые глаза глянули на него снизу.

— Я вернусь, Марция.— Голос почему-то стал хриплым.

Не поверила. Засмеялась тихонько, встряхнула копной бронзовых завитков.

Она была в его жизни эпизодом. Случайной встречей. Старый воин, на одну ночь смывший с кожи дорожную пыль,— и юная дочка трактирщика. Одна ночь — это все, что могло быть между ними. Марция знала это и не строила иллюзий. Ни вчера, когда (сама) сказала ему: да. Ни сегодня.

Черепанов отнял у нее руку, коснулся ее губ указательным пальцем, покачал головой.

— Я сказал, что вернусь,— произнес он негромко.— И вернусь. Хотя бы для того, чтобы сплясать на твоей свадьбе. Договорились?

— Да,— в темных глазах заплясали веселые искры,— только вряд ли, дом[1] Геннадий, я буду примерной женой. Разве что...

— Что?

— Эй, Череп! — раздался снаружи зычный голос Плавта.— Спускайся! Каша поспела!

Марция звонко рассмеялась.

— Скажу, когда вернешься! Обещаю!

Глава восьмая

Командующий «Западной группой войск» римской императорской армии Гай Юлий Вер Максимин

Римский лагерь выглядел настоящей крепостью. Ров, вал повыше человеческого роста, с частоколом, привратные башни, сами ворота, толстые, скрепленные железом. И охрана — из ребят, которые клювами не щелкают.

— Пароль! — Двое заступили дорогу. Один — поближе, другой — подальше, на подстраховке. А наверху, на площадке башни, знакомо (уже знакомо!) скрипнул натягиваемый лук.

Красивые парни: доспехи блестят, шлемы сияют... Наконечники копий тоже сияют. И бронзовые нашлепки на щитах.

— Откуда я могу знать пароль, солдат, если твой тессерарий[2] сообщил его тебе, а не мне? — добродушно пророкотал Плавт.— Позови-ка старшего!

Караульный свистнул.

Старший, офицер в рельефном нагруднике (такой позднее назовут анатомическим[3]), в серебряных поножах, с роскошным красным гребнем на шлеме, появился тут же, двинулся к ним — без спешки, с достоинством, помахивая дубинкой. И вдруг остановился и звонко хлопнул себя по бедру:

— Юпитер Капитолийский! Аптус! Ты ли это? — гаркнул он.— А говорили: тебя прибрал Орк!

---

[1] Господин.

[2] Тессерарий — младший офицер, в обязанности которого входили организация караулов и передача паролей (по-латыни — tessera).

[3] Форма анатомического доспеха имитирует идеальный рельеф мускулатуры.

— Не сошлись с ним характерами,— проворчал Гонорий.— Будь добр, гастат, не труби на весь лагерь. Я хочу сделать кое-кому сюрприз.

— Понял! — Офицер осклабился.— Курций, проводи кентуриона к преторию... Хотя нет, останешься тут, за старшего. Я сам хочу это видеть! — Римлянин перевел взгляд на Черепанова, и улыбка сбежала с его лица.— А это кто такой? Что тебе нужно, варвар?

— Он — со мной,— бросил Плавт раньше, чем Геннадий успел ответить.— Да повежливее с ним, гастат! Во-первых, он — рикс. Во-вторых, зовут его Геннадий, а прозывают — Череп, потому что сама смерть глядит из его глаз. В-третьих, он изъявил желание послужить Риму, и лично я этому очень рад, потому что — и это в-четвертых,— он — мой друг. И если тебе этого недостаточно, *гастат*...

— Вполне, *примипил*! — Офицер прижал к груди сжатый кулак.— Рикс! Прошу следовать за мной!

И они двинулись к аккуратным рядам палаток, отступавших от стен шагов на сто, вероятно, для удобства обороны.

Меж ровных рядов палаток вытянулась прямая и широкая улица (иначе не назовешь), весьма оживленная. Причем двигались по ней не только солдаты, но и лица, явно штатские. Например, пришлось объехать телегу, полную каких-то корнеплодов, влекомую бычками. А правил бычками парнишка явно допризывного возраста.

Большая часть народа занималась полезной деятельностью, но немало было и праздношатающихся, в том числе и офицеров, которых Черепанов уже научился опознавать, но скорее интуитивно. Стандартных знаков различия не наблюдалось. По крайней мере Черепанов их пока не заметил. То есть он узнал бы, скажем, кентуриона — по поперечному «гребешку» на шлеме, но большинство солдат было без головных уборов. Недопустимая вещь с точки зрения армии, воспитавшей подполковника Черепанова. С другой стороны, и в его время солдаты в касках просто так не разгуливали, а до фуражек, беретов и пилоток здесь еще не додумались.

Внимание на них обращали многие. Особенно на Черепанова, который в своем наряде «от вандала», верхом, смотрелся здесь примерно как ваххабит в полном вооружении, раскатывающий на джипе по территории военного аэродрома. Но учиты-

вая, что сопровождали «ваххабита» двое офицеров, никто ему претензий не предъявлял. Сами офицеры привлекали меньше внимания, хотя с дежурным многие здоровались, а узнававшие Плавта по большей части вместо приветствия роняли на грудь челюсть. Минут пять спустя Черепанов обернулся и обнаружил, что за ними тянется приличная свита. Должно быть, не один только дежурный офицер желал поглядеть на возвращение старшего кентуриона.

От ворот неспешным (для лошадей) шагом они добирались до резиденции главнокомандующего минут семь. Лагерь был здоровенный. Настоящий город. Впрочем, и численность населения, как потом выяснилось, была под стать городу: два легиона, почти двадцать тысяч человек, считая вспомогательные войска и службы.

А вот резиденция легата оказалась довольно скромной. Обычная палатка. Правда, большая. И огороженная частоколом.

Здесь тоже имелась охрана, но нравы были демократические, поскольку Плавта, как только узнали, немедленно пропустили внутрь. Вместе с Черепановым, дежурным и самообразовавшейся свитой, насчитывавшей минимум сотню зевак. А известить командующего послали еще раньше, поэтому когда спешившиеся Плавт и Черепанов вошли в воротца, великий полководец Гай Юлий Вер Максимин Фракиец в окружении свиты и охраны уже двигался им навстречу.

Он был именно таким, каким его описывал Гонорий. Ожившая статуя бога войны.

Он возвышался над ликторами[1], над своими офицерами, над совсем не маленькими телохранителями, как спортсмен-баскетболист — над толпой пятиклассников. Живи этот гигант в более позднюю эпоху, у его бодигардов возникли бы серьезные проблемы. Поскольку главная обязанность бодигарда — прикрыть патрона от проворных свинцовых пчелок своим мускулистым телом. Но чтобы прикрыть такое «боди», понадобился бы вставший на задние лапки носорог. Обычно люди подобного «масштаба» (которых, кстати, можно в любую эпоху пересчитать по пальцам) выглядят нескладными переростками. Но этот великан был не таким.

[1] Ликтор — официальный сопровождающий власть предержащего, носивший символы этой власти: «оснащение» палача — пучок прутьев с воткнутым в них топориком.

Просто природа расщедрилась и отпустила ему одному столько плоти, что хватило бы на двух атлетически сложенных мужчин. И вместо двух крепышей ростом метр восемьдесят получился один. Но на полметра выше. И на полметра шире в плечах. А если эту великолепную голову с лицом грозного бога увенчать высоким золоченым шлемом с длинным красным гребнем, а на метровой ширины плечи надеть золоченый панцырь и накинуть плащ, ткани которого хватило бы на приличную палатку...

— Ну-ка, ну-ка...— Гигант сделал три шага, и его охрана мгновенно осталась позади, а сам он оказался рядом с Плавтом, чья голова была на уровне подбородка золотой Медузы[1], украшавшей кирасу легата.

— Неужели это ты, Аптус, проклятье на всех, кто болтал о твоей смерти!

Голос громадного воина был под стать его росту. Этому человеку не нужно было напрягать связки, чтобы быть услышанным за пару сотен метров.

— Ах ты старый платановый пень! А я-то думал: эти вшивые германцы намотали твои кишки на священное дерево!

— Они хотели, Величайший! Но я был против! — заявил Плавт, задирая голову, чтобы видеть лицо своего бывшего трибуна.

— К Орку «величайшего»! — рыкнул «оживший бог».— Ах ты старый кобель Аптус! — Громадный легат наклонился и, как ребенка, сгреб в охапку мускулистого кентуриона. Черепанов услышал, как жалобно скрипнул нагрудник Гонория.— Мы с тобой перебили столько врагов, Аптус! Мы с тобой перепортили столько девок, ты, буйный угодник Приапа! Марс Победитель! Ты имеешь полное право звать меня по имени до тех пор, пока один из нас не сдохнет. И клянусь тестикулами Геркулеса, это буду не я, потому что боги не сотворили бы меня таким, каков я есть, чтобы мое мясо стало жратвой для червей! — И, понизив голос: — Рад, что ты вернулся, *лев*...

— Он хранил меня, *бегущий по солнцу*...— совсем тихо произнес Плавт.

---

[1] Медуза Горгона — мифологический персонаж, красавица титанида Медуза, обращенная Юпитером (Зевсом) в Горгону, чудовище с волосами-змеями. Прямой взгляд Медузы Горгоны обращал в камень, поэтому герой Персей, чтобы убить ее, вынужден был использовать «зеркало» — отполированный щит.

Но Черепанов услышал — у него, как уже сказано, был очень острый слух.

Вперед, небрежно отодвинув ликтора, выдвинулся воин в шлеме с белым гребнем, в стальном тораксе[1] с искусной золоченой чеканкой и со шпорами на сапогах.

— Эй, Децим! — приветствовал его Максимин.— Децим Флор! Ты глянь, кто прибыл!

Рядом с великаном Максимином этот офицер смотрелся скромно, но вообще-то был здоровенным бугаем с ручищами чемпиона реслинга. Физиономию кавалериста украшала седая бородка типа «шкиперской», но Черепанов не сомневался, что этот «дедушка» способен без особого напряга оторвать парутройку голов у ребят помоложе.

— Аптус! — воскликнул он.— А мы думали: ты давно в провинции Плутона![2]

И сгреб ручищами Плавта, только-только высвободившегося из объятий Максимина.

— Сервий! — рявкнул великан-легат.— Эй, бенефикарий[3], живо приведи сюда старшего кентуриона Сервия Феррата! А кто это с тобой, Аптус? — Толстый, с грязным ногтем палец Максимина указал на Черепанова.— Варвар?

— Варвар,— кивнул Плавт.— Его зовут Череп.

— Варвар...— проворчал Максимин, с высоты своего башенного роста взирая на Черепанова.— Твой раб? Взгляд у него строптивый. Я бы такого раба для начала хорошенько отодрал плетьми.

— Он не раб, Максимин.— Гонорий положил руку на плечо Черепанова.— Он — рикс и мой друг. Кабы не он, проклятые германцы точно выпустили бы из меня кишки! Он, конечно, варвар, но его зовут Геннадий, он знает латынь и дерется как бешеный. И вываляет в пыли любого из твоих гвардейцев. Ставлю сотню динариев!

Великан оживился.

— Идет! — быстро сказал он.— Твоя сотня против...— Он запнулся.— Если он победит, я дам тебе первую когорту. А его сделаю кентурионом.

---

[1] Торакс — панцырь кавалерийского офицера.

[2] Плутон — бог подземного царства.

[3] Бенефикарий — здесь: адъютант.

Плавт расхохотался.

— Когорту ты мне и так вернешь! — заявил он.— И я вижу, ты остался таким же жадным, Максимин. Ничего не изменилось, пока я отсутствовал!

— Не жадным,— великан ухмыльнулся,— практичным. Но с друзьями я щедр. Верно, Флор?

— Жалованье платишь в срок,— отозвался седой кавалерист.— Сколько я тебя знаю...

Геннадий огляделся. Вокруг теснились римские воины. В разнообразной одежде, в таких же разнообразных доспехах... Но тем не менее сразу было ясно, что они принадлежат к *одной* армии. И большинство — не последние в этой армии люди. Пока все они — чужие, незнакомые. Но пройдет какое-то время — и подполковник станет одним из них. Потому что не было случая, чтобы Геннадий Черепанов решил чего-то добиться — и не добился.

— Партокл! — Максимин хлопнул по плечу одного из своих телохранителей.— Скидывай железо. Будешь бороться с этим варваром. И смотри не опозорься!

— Не беспокойся, мой легат,— уверенно проговорил гвардеец, окинув взглядом Черепанова.— Я еще не забыл, как пахнет песок аквилейского цирка.

— Эй, вы, ну-ка дайте им место! — бросил гигант, и плотно сгрудившаяся толпа каким-то чудесным образом раздалась в стороны. Оставшись, впрочем, такой же плотной.

— Давай, Череп,— вполголоса проговорил Гонорий, помогая другу разоблачаться,— вывози в пыли этого грека — и великий Максимин полюбит тебя от всей души. Но будь осторожен: этот муж семь лет назад был победителем на Играх в Сирмии.

— Понял,— тоже вполголоса ответил Геннадий.— Ничего, управлюсь.

Освобождаясь от доспехов, он без стеснения разглядывал будущего противника. Крепкий парень, без сомнения. И здоровенный: сантиметров на десять выше Черепанова и килограммов на семь-восемь тяжелее. Но Геннадий ни на секунду не усомнился, что сделает его в рукопашной. Вот если бы пришлось биться на мечах, тогда результат проблематичен...

Гвардеец Партокл скинул с себя тунику, оставшись в одной набедренной повязке. Мускулистый, подвижный, опасный...

Черепанов тоже стянул рубаху. Ага! Мускулатура летчика-космонавта тоже произвела на грека впечатление. Ну давай, братец...

В окружившей их компании воинов произошло некое движение: появился еще один старший, судя по форме, офицер.

— Аптус!

— Привет, Железный![1]

— Успеете поговорить,— недовольно рыкнул Максимин, который пять минут назад сам посылал за кентурионом.— Эй вы, начинайте!

Мускулистый грек слегка пригнулся и мягко двинулся по кругу, присматриваясь, прикидывая, на что способен противник. Геннадий ничего не предпринимал, предоставив сопернику инициативу. Тем более что стиль боя, который он оттачивал последние пять лет, был построен именно на контратаках.

— Молнии Юпитера! И долго будете топтаться, как овцы в загоне? — недовольно прорычал Максимин.

Черепанов приказ проигнорировал: в конце концов, гигант командующий пока еще не был его начальником.

А вот грек бросился вперед... И, перелетев через спину Черепанова, приземлился на четыре точки.

Зрители одобрительно взревели. Грек подскочил, словно подброшенный пружиной. Профи. Сразу сообразил, что падение — не досадная случайность, а хитрый прием, примененный варваром.

— Эй, Партокл! Раз — и на четырех! — крикнул кто-то.— Что с тобой? Репетируешь роль лягушки?

Грек не отреагировал. Он и впрямь был профи и игнорировал заводящие реплики. Опять соперники закружили по импровизированной арене, присматриваясь и выжидая. Убедившись, что варвар — не деревенский увалень, ставленник Максимина поменял тактику. Попытался пнуть его ногой в живот. Ловко, но примитивно. Геннадий сблокировал и попытался произвести захват... Но теперь уже он недооценил соперника.

Грек вывернулся, ударил локтем, перехватил руку Геннадия, зажал ее под мышкой, одновременно зацепил ногу подполковнику и надавил, пытаясь опрокинуть летчика на спину, почувствовал, что его противник падает, испытал мгновенное ликование...

[1] Феррит — по-латыни означает «железный».

В следующий момент нога «варвара» уперлась ему в пах, Партокл испытал весьма неприятное ощущение, а в следующий миг, описав короткую дугу, приложился о землю... Но несмотря ни на что, успел все-таки прижать подбородок к груди и не дать захватить шею.

Черепанов мужество и мастерство противника оценил. И отдал ему должное, что, впрочем, не помещало Геннадию вдавить большой палец в болевую точку на шее грека. И осуществить захват секундой позже. В партере у его противника было даже меньше шансов, чем в стойке.

Никто не пытался вмешаться и разнять их, но когда грек перестал трепыхаться, Черепанов сам отпустил его и даже помог подняться, а потом поглядел на Максимина: насколько тот огорчен проигрышем своего ставленника?

Нисколько не огорчен.

— Отлично, варвар! Как там тебя зовут?

— Геннадий,— ответил подполковник. И добавил, помедлив: — Череп.

Собственное прозвище ему не нравилось. Старые воспоминания. Его еще в школе пытались дразнить Черепом. С первого класса. Но в школе не прижилось. Хотя Генка Черепанов неизменно отзывался на эту кличку. Кулаком по носу. А вот здешняя публика считала такое прозвище крутым...

— Череп! — подхватил Гонорий.— Ему это подходит, верно, Максимин?

— Прямо в цель! — согласился гигант легат.— Но не думаю, чтобы ты, Череп, мог так же бросить *меня*!

— Пожалуй,— согласился Черепанов, глядя снизу вверх на великана и не испытывая никакого желания бороться еще и с ним. Конечно, тот уже далеко не молод, но состязаться с этакой громадиной... Примерно как бороться с Медным Всадником.

Максимин расхохотался. Он был доволен.

И тут где-то рядом хрипло взревела труба.

— Обед! — сказал кто-то рядом.

— Пир! — возразил Максимин.— В честь возвращения моего старого товарища Гонория Плавта Аптуса. И в честь *нашего* нового друга *кентуриона* Геннадия Черепа! Феррат, найди кого-нибудь из моих трибунов и распорядись от моего имени! И позаботься о квартете арфисток персонально для приапа старины Аптуса. Ты ведь не изменил своим склонностям, Гонорий?

— Ничуть! — Плавт улыбнулся.— Это только ты, Максимин, сердишься, когда тебе предлагают *много* женщин!

Тут все окружающие, кроме Черепанова, жизнерадостно захохотали. Вероятно, это была какая-то старинная и всем известная шутка[1].

Глава девятая

Командующий Гай Юлий Вер Максимин в кругу друзей

Обедали — вернее, пировали — не в шатре Максимина, а на свежем воздухе. Черепанова командующий особо отметил: предоставил место на собственном ложе, по правую руку от Плавта. А самого Плавта легат «уложил» справа от себя.

Торжественный обед, участники которого пребывают в горизонтальном положении... М-да. Где-нибудь на загородной даче, после баньки — еще ладно. Это еще Черепанов мог воспринять. Но *официальный* обед...

Черепанов считал, что русские многое переняли от римлян. Наследники, как-никак. «Два Рима падеши, третий стоит, четвертому не быть». Правда, в двадцатом веке и Третий Рим приказал долго жить. Один орел двуглавый только и остался от великой империи. Но черепановские предки в этом самом Третьем Риме жили. Однако, располагаясь за пиршественными столами строго по старшинству, *сидели*, а не *лежали*.

Было в этом «возлежании» что-то излишне интимное.

«Ничего,— подумал Геннадий.— Привыкну».

Тем более что кушанья на столе — отменные. Правда, соусы незнакомые и чертовски не хватало родимой сорокаградусной.

Опрокинуть бы сейчас стопочку водочки! Да под огурчик или грибок солененький. Да под хороший тост...

---

[1] «...Гелиогабал (римский император Элагабал, 218—222 гг. до Р. Х.), шутя с ним самым непристойным образом, спросил его: „Говорят, Максимин, что в былое время ты одолевал и шестнадцать, и двадцать, и тридцать воинов. А можешь ли ты тридцать раз закончить с женщиной?“ (8) Тогда тот, увидев, что беспутный император начинает вести такие речи, оставил военную службу. (9) Однако друзья Гелиогабала удержали Максимина, боясь, чтобы к бесславию Гелиогабала не добавилось еще и то, что он удалил из своего войска храбрейшего человека своего времени...» (Юлий Капитолин «Двое Максиминов»).

С тостами дело обстояло так себе. Застольные речи поражали однообразием, поскольку представляли собой исключительно здравицы хозяину. Иногда стихотворные. Иногда чередовавшиеся с похвалами хозяйскому хлебосольству. И пожеланиями, чтобы сын легата унаследовал славу отца.

Одним словом, грубая лесть чередовалась с очень грубой. В стихах или прозе — невелика разница. Но Максимин проглатывал похвалы легко и охотно. Привычно. И ораторствовал за столом тоже в основном он. И в основном о себе. О собственной доблести. О славных эпизодах своей биографии. Присутствующие же внимали, хотя наверняка знали эти истории наизусть. Причем Черепанов сразу понял: все эти хвалы и почтительное внимание — не лицемерие: все эти люди, высшие офицеры, настоящие боевые офицеры, не штабная шушера, слушали своего командующего с настоящим вниманием. И не потому, что тот был неплохим рассказчиком — хотя он действительно был неплохим рассказчиком. Во всем, что говорил и что делал этот великолепный гигант, чувствовалась *харизма победителя*. Так талант великого актера наполняет бездарные стихи, заставляя видеть в них нечто большее, чем банальный набор слов. И так же, как у великого актера, у Максимина был свой набор лучших историй, а то, что истории эти рассказывались уже в сотый раз, только придавало им вкуса. Соратники сами провоцировали легата на исполнение любимых «номеров». Это был «театр одного великого актера». Ну, может, не совсем актера, но, несомненно, великого.

Но хозяин не забыл и о новом знакомце.

— Я сам когда-то тоже с борьбы начал,— вальяжно пророкотал он, обращаясь к Черепанову.— Правда, я тогда был совсем сопляк и поборол не одного преторианца, а больше дюжины...

— Ну, сначала-то тебя до преторианцев не допустили! — фамильярно перебил командующего старший кентурион Феррат.— Сначала тебе достались обозники. Септимий, да живет вечно его слава, сразу увидел, что ты — нужный ему человек. И побоялся, что тебя могут попортить...

— Совсем не так,— перебил Максимин не без самодовольства.— Во-первых, император поставил против меня обозников не потому, что беспокоился, как бы его преторианцы не попортили такого парня, как я. Август Септимий был мудр. Он боялся, как бы *я* не поотрывал *им* головы. Потому-то и выставил против меня

самых толстых возчиков и вместо нормальной борьбы потребовал, чтобы мы, как детишки, топтались в обнимку. Ха-ха! — Легат запрокинул голову, и вино из чаши широкой струей вылилось ему в глотку. И там исчезло. Вмиг — только булькнуло.

— Я просил его научить меня этому фокусу,— прошептал Геннадию восхищенный Плавт.— Не хочет.

Максимин сцапал с блюда сразу пару жареных голубей и отправил следом за вином.

— Я тогда был молод,— сказал Фракиец, рыгнув.— Но не глуп. Я могу сдавить человека так, что у того кишки изо рта полезут! (Глядя на мускулатуру Максимина, нетрудно было в это поверить.) Но я знал, что понравится императору, а что нет. Поэтому я просто повалял с дюжину обозников в пыли, вот и все. А потом, когда я раза три поймал за хвост его коня, то улучил момент и шепнул Августу: «Дай мне шанс! Я, Гай Юлий Вер Максимин, не стану калечить твоих гвардейцев. Я только покажу, что они есть в сравнении со мной!»

И великий Август Септимий дал мне мой шанс! Ха-ха!

Еще одна чаша опрокинулась на ладони легата, низвергнув содержимое в пропасть глотки. Максимин широко улыбнулся.

— Когда я покончил с ними, мои руки были сплошь покрыты серебряными запястьями[1]. И богоравный Септимий подарил мне вот это! — Максимин подцепил пальцем витую цепь минимум в полкило весом.— Не за то, что я победил. Одного взгляда на меня достаточно, чтобы понять, кто победит. Нет, император почтил меня как человека, умеющего держать слово. Ни один из его преторианцев даже зуба не потерял. Вот так! А теперь я даю шанс тебе! — Командующий повернулся к Черепанову.— Я дам тебе кентурию! А это получше, чем серебро! Но чтобы не говорили, что я жаден,— на! — Он содрал с ручищи серебряный браслет и протянул Геннадию.— Ну-ка примерь!

Подполковник примерил. В браслете легко поместились бы оба его запястья.

— Ха-ха! — гоготнул Максимин.

Все прочие тоже изрядно развеселились.

---

[1] Серебряные запястья — малые военные награды в римской армии. Так же как золоченые удила или упомянутая ниже витая золотая цепь. Часто перед битвой эти награды поднимали на специальных шестах, чтобы пробудить в легионерах доблесть. Или алчность.

Черепанов поднатужился и согнул украшение. Теперь оно пришлось почти впору.

— Молодец! — одобрил Максимин.

Но он явно чего-то ждал от Черепанова.

Аптус пихнул Геннадия в бок.

— Благодари! — прошипел он.

Ну, это можно!

Геннадий взял со стола чашу.

— Я не предлагаю выпить за тот дуб...— Тут он спохватился и сделал поправку на специфику местных обрядов.— Нет, за тот кедр, из которого нарубят дров для погребального костра, в котором сгорит бренное тело великого Максимина Фракийца!

Наступила гробовая тишина. Даже слуги, наполнявшие чаши, замерли. И в этой мертвой тишине Черепанов спокойно продолжил:

— И я предлагаю выпить за другой кедр. На котором сейчас зреет орешек, из которого вырастет то дерево, из которого когда-нибудь нарубят гору дров для огромного костра, подобающего столь великому воину!

Соль тоста до большинства пирующих дошла не сразу. Но в конце концов дошла.

И была отмечена одобрительными возгласами.

А когда вопли стихли и чаши опустели, Максимин, приподнявшись, перегнулся через Плавта, ухватил Черепанова за плечо, подтянул его к себе и прошептал прямо в ухо:

— Плохой тост. Но я тебя прощаю, варвар. В последний раз. А сейчас слушай и запомни накрепко: *моего* погребального костра не будет! Никогда! Потому что я *бессмертен*!

Глава десятая,

в которой Гонорий Плавт становится старшим кентурионом одиннадцатого легиона, а Геннадий Черепанов — самым младшим кентурионом первого фракийского

Ночевали Плавт с Черепановым в палатке, любезно предоставленной кем-то из младших офицеров.

Разбудила их труба.

В этот день Черепанов убедился, что этот протяжный гнусавый звук возвещает обо всех главных событиях лагеря: побудке, завтраке, смене стражи, обеде и так далее. Он убедился, что в этой армии тоже существует понятие «личного времени»[1] и дневного распорядка. Кстати, первое, что сделал Плавт, продрав глаза,— отправился к *орлу*, аквиле легиона, хранившейся в отдельной палатке, и провел там минут пятнадцать. Потом проследовал к казначею и выколотил у того невыплаченное жалованье — с «полевыми» и «специальными» надбавками. Выколотил в прямом смысле. Черепанов, который ждал снаружи, не мог разобрать всего, о чем говорили Плавт и казначей, но звук плюхи услышал очень отчетливо. Легионер, который нес стражу снаружи, подмигнул Черепанову и ухмыльнулся.

Очень довольный, кентурион вылез из палатки.

— Пойдем,— сказал он Геннадию, похлопав по туго набитому кошельку.— Приведем тебя в цивилизованный вид. Я плачу!

Спустя полчаса Черепанов убедился, что в лагере есть специалисты любого профиля: скорняки, парикмахеры, портные... Даже зубной протезист, который, изучив содержимое Плавтова рта, тут же взялся изготовить «мост». Из материала заказчика. Поглядев на «арсенал» местного зубодера, Черепанов искренне порадовался, что зубы у него в порядке. Зато бритье, вопреки ожиданию, доставило Геннадию только удовольствие. Местный парикмахер, хоть и носил форму легионера (как, впрочем, и зубодер-протезист), дело свое знал: подстриг Геннадия и избавил от растительности на физиономии — быстро, безболезненно и при этом с невероятной скоростью выкладывая Плавту лагерные новости.

Закончив работу, парикмахер в калигах[2] продемонстрировал Черепанову серебряное зеркало, в котором отразилась загорелая физиономия подполковника, не только не осунувшаяся от перенесенных испытаний, но даже чуток раздобревшая. Впрочем, кушали они с Плавтом в последнее время — дай Бог всякому!

---

[1] Время, когда военнослужащий может заниматься личными делами, например, бриться.

[2] Калиги — обувь римского легионера-пехотинца —полусапоги-полусандалии (в зависимости от климата, местности и времени года) на прочной подошве, подбитой гвоздями.

— Ну вот,— удовлетворенно произнес Гонорий.— Теперь тебя не стыдно и людям показать.

В красной шерстяной рубахе, называемой туникой, коротких штанах со знакомым наименованием «браки» (брюки с браком, надо полагать), с шарфом на шее и калигами на ногах, бритый и стриженый Черепанов уже ничем не выделялся среди обитателей лагеря. Правда, его чисто славянский профиль мало походил на римский, но то же можно было сказать о большей части здешних солдатиков. Те, кто с презрением называл варварами всех, обитавших по ту сторону Дуная, по крови были отнюдь не римлянами-италийцами, а натуральными варварами: галлами, германцами, аланами...

Централизованного питания в римской армии не было. Солдаты кормились контуберниями, то есть группами, состоявшими из восьми человек, живших в одной палатке. Могли готовить сами, а могли покупать готовое. Начальство рангом от кентуриона и выше кушало отдельно. Или с друзьями. Или с начальством, если начальство пригласит. Плавт с Черепановым были приглашены. Самим командующим.

Геннадий ожидал, что завтрак будет похож на вчерашний обед (плавно перетекший в ужин), но ошибся. Никаких изысков не было — миска с кашей, вроде той, которой Черепанова кормил Плавт во время их путешествия. Зерно, жирное мясо, бобы, немного овощей, изрядная добавка оливкового масла и много чеснока. Нет, вампирам в римской армии точно ловить нечего!

Запивали это варево разбавленным вином, коего Черепанов выпил кувшинчика полтора, промывая организм после вчерашнего пира. За едой подполковник развлекался, наблюдая, как завтракает Максимин. Командующий римской армией размерами не уступал бурому мишке. И кушал примерно как этот мишка, которого неделю продержали без пайка. Вышеупомянутой каши легат заглотил вчетверо против съеденного Черепановым и Плавтом (на пару), а запил эту гигантскую порцию минимум пятью литрами жидкости. После чего погладил себя по животу, заявил, что нет ничего полезней для здоровья, чем добрая солдатская еда на завтрак. И предложил Плавту с Геннадием сопровождать себя в утренней верховой прогулке.

Предложение главнокомандующего — это приказ. Поэтому оба быстренько отправились на конюшню за своими лошадьми.

Генеральская прогулка отличается от прогулки обычной, примерно как плавание на байдарке по Ладожскому озеру от рейда авианосца по Тихому океану. Во-первых — свита. Две сотни личной охраны, еще две сотни легкой кавалерии — для контроля местности. Дюжина старших офицеров, шушера помельче... На вчерашнем пиру Черепанов видел не больше половины этого «штаба». И запомнил только старшего кентуриона Сервия Феррата и префекта лагеря Децима Флора. Потому что эти двое были старыми корешами Плавта.

Прогулка длилась часа полтора. И по сути была инспекцией полевых занятий Максиминовой армии.

Черепанов, который, по прямому указанию легата, не отставал от него и на полкорпуса, мог убедиться, что гоняют легионеров по полной программе. Аж пар идет. Но Максимин остался недоволен. Наорал на троих офицеров, которые, по его мнению, измывались над подчиненными недостаточно интенсивно, а четвертого, кентуриона, который осмелился возражать, съездил по морде и посулил, что разжалует в пастухи, если еще раз увидит, что тот обращается с подчиненными как с молочными коровами.

Воодушевленный таким образом кентурион тут же припаял дубинкой по хребту ближайшего легионера и завопил так, что остальные парни застучали друг по другу деревянными мечами раза в три интенсивнее.

— Храбрец,— сообщил Черепанову Максимин, когда они отъехали на сотню шагов.— Но авторитета маловато. И опыта. А ты, рикс, командовать умеешь? Или только драться?

— Проверь,— сказал Черепанов.— Увидишь.

— Пехота?

— Вроде того.

«Летчик-космонавт» вряд ли стало бы подходящим ответом.

Легат кивнул:

— Ладно, в лагере поговорим.

— Я дам тебе первую когорту в Одиннадцатом Клавдиевом,— сказал Максимин.

Плавт скривился.

— А почему не в Первом Фракийском? Я говорил с Железным, он готов уступить мне прежнее место...

— Ах он готов...— процедил Максимин.— Значит, он готов... Значит, теперь у нас новые правила. Значит, теперь не я коман-

дую легионами, а какой-то там обнаглевший толсторепый примипил на пару со своим репомордым приятелем, так?

— Ну нет, Фракиец, я ничего такого...

— Значит, если легат, командующий Данубийской армией, говорит какому-то хреноголовому кентуриону, где тот будет служить, а этот хреноголовый...

— Максимин! Я не...

— Молчать! — рявкнул гигант.— Ты будешь служить там, где я скажу, Аптус! А я говорю, что ты будешь служить в *Одиннадцатом* легионе! Может, тебе объяснить, почему я так говорю, а?

— Да нет. Фракиец...— пробормотал Гонорий, стараясь незаметно отодвинуться подальше от Максимина.— Это совсем не обязательно...

— Нет, я тебе объясню, Аптус! — Ручища гиганта легла на бычий загривок Плавта и накрыла этот немаленький загривок целиком.— Я говорю — в Одиннадцатый, потому что у меня здесь шесть легионов, ты, ослиный фаллос! Не один. И не двадцать, как мне хотелось бы. *Шесть легионов*! И я хочу быть уверенным, что в каждом, каждом найдется пара недоделанных хреноголовых ублюдков, в которых я уверен! Которые не обосрутся и сделают то, чего я жду от своих командиров! И заставят, испепели их Юпитер, своих солдат сделать то, что требуется! Ты меня понял, дерьмовый репоголовый собачий кал?!

— Да понял я, понял,— поспешно ответил Гонорий.

«Черт меня подери! — подумал Черепанов.— Да он, кажется, испугался! Вот это новость!»

До этого Геннадий был абсолютно уверен, что испугать его друга не легче, чем железобетонную балку. Хотя и Аптуса можно было понять, поглядев на разгневанного Фракийца. Припомнилось слышанное мельком — о крайней жестокости Максимина Сердитого.

— У меня только шесть легионов, умник! — прорычал гигант.— Первый Фракийский, Первый и Второй Италийские, Четвертый Флавиев, Седьмой и Одиннадцатый Клавдиевы. Только шесть легионов! Ты понял?

— Понял я. Фракиец, я же говорю, что понял! — Аптус не сделал даже попытки освободиться от захвата Максимина. Да он и не сумел бы.

«А я бы смог? — подумал Геннадий.— Интересно, какой болевой порог у этой горы мускулов?»

И все-таки он не мог не восхищаться, глядя на Максимина. Понятно, почему тот считает себя бессмертным. Такие великаны рождаются раз в столетие. Вдобавок природа не поскупилась, и содержимое этой величественной головы — тоже незаурядное. Сыну простого пахаря нужны очень качественные мозги, чтобы выйти в крупнейшие военачальники империи.

— Я думаю, ты понял,— несколько смягчившись, пророкотал Максимин, отпуская Плавтов загривок.— Я, разрази тебя гром, не только твой легат, Аптус, но и Магистр Армии[1], командующий Западной армией, которой августейше повелевается оберегать римские земли от устья Данубия до берегов Ренуса[2]. Все границы: Фракия[3], Мезия, Паннония, Норик[4], Реция[5] — все мои, Аптус.

Плавт присвистнул.

— Мириад молний Юпитера! Шесть легионов! Да он спятил, этот мамкин сынок! Шесть легионов — на тысячу с лишним миль![6] Да при Септимии в одной только Мезии стояло три легиона! Шесть легионов — на весь Данубий! Да тут и десяти не хватит!

— Мне шести довольно! — отрезал Максимин.— Тем более милостивый Август,— Максимин криво усмехнулся,— в очередной раз повелел мне вербовать новобранцев. И у него хватило ума оставить мне мои легионы. Но я хочу быть уверен, что,

---

[1] Если строго исходить из документальных источников, то указанное звание появится в римской армии несколько позже, после реформ императоров Диоклетиана и Константина, но вполне допустимо, что сам термин возник несколько ранее.

[2] Ренус — река Рейн.

[3] Фракия — римская провинция. Область на востоке Балканского п-ова, между Эгейским, Черным и Мраморным морями. С севера граничила с Мезией, с юга — с Эгейским морем, а с запада — с провинцией Македония.

[4] Норик (Noricum) — римская провинция с конца I в. до н. э. Расположена к западу от Паннонии, между верхним течением Дравы и Дунаем. В 408 г. н. э. территория завоевана Аларихом I, в конце V в. — остготами.

[5] Реция — римская провинция к западу от Норика. С юга Норика и Реции были Пеннинские Альпы, а за Альпами — и тогда, и ныне — Италия.

[6] На самом деле — больше. Длина Дуная — 2860 км, то есть порядка двух тысяч римских миль. Данубий-Истр, могучая река, принимающая в себя свыше 120 значительных по величине притоков, судоходная почти на всем протяжении, являлась не только естественной границей, но и (вместе со своими притоками) удобнейшей транспортной артерией. Эту реку древние сравнивали с Нилом, а у Аммиана Марцелина говорится о шестидесяти судоходных притоках Дуная.

когда я уйду в Рецию или Фракию, здесь, в Иллирии, в Мезии, найдется кому врезать варварам по зубам. Поэтому Сервий останется в Первом Фракийском, а тебе я даю когорту в Одиннадцатом. Потому что Сервий в Одиннадцатом Клавдиевом не потянет. Хочешь спросить, почему?

— Да нет,— пробормотал Аптус, потирая шею.— Довольно того, что ты так...

— Не справится он потому,— перебил Максимин, проигнорировав реплику Плавта,— что легатом в Одиннадцатом Клавдиевом — благородный Цейоний Дидий Метелл.

— Мохнатая задница Орка! Легатом? Этого осла? Да у него еще в бытность трибуном мозгов было меньше, чем у дождевого червяка!

— Как ты понимаешь, не я его поставил легатом,— рявкнул Максимин.— Зато латиклавием[1] у тебя будет не какой-нибудь сенаторский сынок, а старина Деменций Зима, помнишь его? А прежнего латиклавия Одиннадцатого Петрония Магна я забираю себе. Ты рад?

— Пожалуй,— проворчал Гонорий.— Ослиные уши Зимы и ослиные мозги отпрыска Метеллов...

— Плюс твой ослиный фаллос! — подхватил Максимин.— Я думаю, вы свезете этот груз. Ты очень кстати удрал от варваров, Аптус. Очень вовремя. Я награжу Гельвеция венком[2]. Завтра же распоряжусь.

— Вот это правильно! — одобрил Плавт.— Его корыто подоспело как раз вовремя!

— Согласен. Теперь о твоем друге Черепе...— Максимин повернулся к Геннадию.— Я хотел дать тебе, парень, кентурию во второй когорте у этого любителя сладкого. Там как раз нужен кентурион. Хотел, но не дам. Потому что эта когорта катафрактариев, а в седле ты сидишь, как коза на изгороди.

---

[1] Tribunus laticlauius *(лат.)* — старший трибун легиона, заместитель легата. На эту должность очень часто назначались сыновья сенаторов, еще не достигшие 25 лет, составлявших минимальный возраст, после которого разрешалось заседать в Сенате. Трибуны латиклавии носили поверх кирасы белый шарф «кандидата в сенаторы», зато полководческие достоинства этих молодых аристократов часто были весьма сомнительны. Впрочем, в описываемое время этот порядок соблюдался далеко не всегда.

[2] В римской армии существовала особая награда — золотой венок «за спасение гражданина». Награждались им офицеры от кентуриона и выше.

Черепанов нахмурился. Он полагал, что держится в седле вполне прилично. Вероятно, так и было, если пользоваться мерками двадцать первого столетия.

— Я быстро учусь,— заметил Геннадий.

Легат поглядел на него в упор.

— Допустим, ты прав. Поглядим. Но сейчас ты не годен. Нехорошо, если воины станут смеяться над своим командиром. Или если их командир свалится им под копыта... Но еще хуже,— жестко продолжил он,— что кентурия после этого останется без командира. Я прав?

Черепанов коротко кивнул. Возразить было нечего.

— С другой стороны, Череп, я сказал, что дам тебе кентурию...— задумчиво проговорил командующий.— А если я так сказал, значит, так тому и быть... Кроме того, ты меня заинтересовал, и я хочу поглядеть на тебя в деле. И возможно, лично присмотреть за тобой. Ты горд этим?

Черепанов пожал плечами.

Максимин засмеялся.

— Он был большим вождем у себя на родине, верно, Аптус? Клянусь Юпитером, у него замашки легата!

— Может быть,— согласился Плавт.— Но я доверял ему свою спину. И готов доверить еще раз. Череп мало говорит, но говорит дело. И только позавчера был готов пожертвовать собой ради моей толстой шкуры.

— Ну-ка расскажи! — заинтересовался командующий, и Плавт выложил ему историю с «оскорблением величества».

Максимин очень развеселился.

— Значит, ты сказал: «Притащу тебя к Максимину!»

— Ну да. И еще: «Не забудь перед этим сказать своим в Скамарии — пусть выберут себе нового эдила».

— Ха-ха!

— А разве я был не прав? — невинно осведомился Плавт.

— Ну я же не такой зверь! — возразил Максимин.— Не стал бы я его казнить из-за таких пустяков. Спустил бы кожу со спины и отправил домой. Он же не налоги от меня скрыл, а просто ошибся маленько. Значит, ты, Череп, решил пожертвовать собой ради этого бабника? — Максимин глянул на Геннадия.

— Не совсем так,— уточнил Черепанов.— Я всего лишь собирался дать ему возможность уйти. В конце концов, я рисковал меньше: ведь я же не поносил вашего Августа.

— *Нашего* Августа,— строго поправил Максимин.— Слышь, Аптус, а твой друг, оказывается, верит в римское правосудие.

— Ну, он же недавно в империи,— ухмыльнулся Плавт.— Со временем разберется.

— Пожалуй,— кивнул командующий.— Ты мне нравишься, Череп. Я думаю, ты — надежный человек. И кентурион из тебя выйдет. Поэтому я дам тебе кентурию. Но не в Одиннадцатом, куда ставлю Аптуса. Я дам тебе кентурию в Первом легионе. Своем собственном. Пехотную кентурию, так что тебе не придется падать с коня. И у тебя будет прекрасная возможность показать, так ли ты хорош, как утверждает твой дружок Аптус...

Глава одиннадцатая,

в которой подполковник Черепанов, он же кентурион, первый гастат Череп, узнает, какой «подарок» сделал ему командующий придунайскими легионами

В конце разговора Максимин заявил, что хочет переговорить с Аптусом тет-а-тет. Без «третьих» то бишь. И выставил новоиспеченного кентуриона из шатра.

О чем говорили Плавт и его любимый легат, Черепанов, естественно, не знал. Но после этого разговора Плавт вышел мрачный, как туча.

— Пойдем,— сказал он.— Легат поручил мне представить тебя твоим командирам.

Всю дорогу до палатки Феррата Плавт бурчал и ругался.

— Это издевательство,— ворчал Гонорий.— Назначить тебя *последним* из кентурионов. Вполне в духе Фракийца: швырнуть птицу со скалы и поглядеть, петух это или орел. Но все равно это неуважение. Ко мне. Я ведь за тебя поручился...

Наконец Черепанову это надоело.

— Да объясни ты толком, в чем дело? — потребовал он.

И Гонорий объяснил:

— Он дал тебе шестую кентурию десятой когорты, понял?

— Ну и что?

— Шестая кентурия — последняя в когорте, а десятая когорта — последняя в легионе. Следовательно, ты — последний из

кентурионов. Но не в этом дело. В конце концов, они новобранцы. Никто не мешает тебе и твоим ребятам расти вверх. Тем более что в Первом Фракийском половина не выслужила и пяти лет. Хотя в большинстве они умелые и храбрые солдаты. Это был мой легион, Череп. Я служу в нем, вернее, служил,— поправился Гонорий,— с тех пор как Первый Фракийский получил аквилу. Я служил в нем принцепсом[1], затем стал примипилом, когда Фракиец назначил Митрила Скорпиона префектом лагеря. Я знаю всех командиров в Первом Фракийском. Они отличные воины. Всех нас вышколил Максимин, а он умеет это делать. И легионеры в большинстве тоже отличные солдаты. Я знаю, чего стоят эти парни. Я ими командовал. Теперь на моем месте — Сервий Феррат. С ним у тебя проблем не будет. И с префектом Митрилом. А вот трибунлатиклавий Первого благородный Гай Петроний Магн...— Гонорий скривился.— Но ты с ним дела иметь не будешь. Твои командиры — Феррат и первый кентурион когорты. Петроний — это проблема Железного.

— Похоже, ты не очень-то любишь этого Петрония,— усмехнулся Черепанов.— Почему?

— Дерьмо патрицианское! Помесь хорька и обезьяны! — Плавт сплюнул.— Столько мне крови попортил, ты бы знал! Максимин его тоже не переносит. Но терпит. Не хочет лишний раз лаяться с Сенатом. Тем более за Первый Фракийский он спокоен. Это его собственный легион. Лично им вымуштрованный. Хотя идея была не Максиминова, а нашего мальчишки-императора.

Плавт почесал затылок.

— Ладно, я расскажу тебе. Тебе будет полезно знать, как делается политика в Риме. Потому что, клянусь тестикулами Приапа, я чувствую в тебе потенциал настоящего варварского рикса! — Тут Гонорий ухмыльнулся и хлопнул Черепанова по спине.— Не обижайся! Один такой, как ты, стоит дюжины толстожопых, полирующих скамьи сената! В общем, дело это давнее. Почти десять лет прошло. Ну да, десять. Вскоре после того, как прикончили эту распутную тварь Гелиогабала, Фракиец явился в Рим и заявил, что готов вернуться в армию и служить потомку Септимия Севера так же преданно, как и самому Сеп-

[1] Принцепс (princeps) — первый; глава. Так называли, например, императора. Но в данном случае имеется в виду принцепс-кентурион — командир второй кентурии первой когорты.

тимию. Александр с мамашей оценили это. Император принял его и одарил.— Гонорий поморщился.— Но вместо войска отдал ему под начало толпу новобранцев и велел сделать из них боевой легион, тот самый, который теперь называется Первым Фракийским. Максимин согласился, у него не было выбора. А затем собрал всех нас, своих старых соратников, дал каждому по витису[1] и пояснил, что от нас требуется. Он трудился как бешеный. Фракиец. И заставлял трудиться всех. А если кто отлынивал или начинал бурчать... Ну, ты его уже знаешь немного. Если твоим зубам тесно во рту — скажи ему что-нибудь поперек. Фракиец давил всех, как давят виноград, но добился того, что Первый Фракийский стал лучшим легионом в империи. И тогда Август отдал Максимину еще два. Тоже из придунайских провинций. И на три четверти укомплектованных новобранцами, потому что их ветеранами укрепили Первый и Второй Парфянские. Отдал и велел сделать из мяса воинов. И Фракиец сделал. И мы разбили сопатку персам в Мидии и утерли нос сирийским любимчикам Александра. А потом этот сопляк приказал нам отступать, и холод на кавказских перевалах погубил больше людей, чем конница Ардашира в Мидии. Августу пришлось раскошелиться, чтобы удержать в повиновении легионы, пострадавшие из-за его трусости. В общем, потери были изрядные, и когда нас перебросили сюда, в Первый Фракийский пришлось снова вербовать прорву новичков. Зато Максимин оставил в нем лучших командиров. Меня, например. И мы кое-чему научили своих ребят. Выбили из них дерьмо. Почти все дерьмо. Даже последняя когорта совсем не так плоха. Первым кентурионом в ней толстяк Тит Квинтус. Хитрая бестия. И всегда норовит хапнуть сверх положенного. Но дело знает. Я ему скажу, что ты — мой друг, и тебя он утеснять не станет. Не в командирах дело. Командиры у тебя хорошие. А вот солдаты... Я сказал: мы сделали солдат из всех этих дерьмовых землепашцев. Но немножко дерьма осталось. Вот его-то тебе и отдал Фракиец. Самую скверную кентурию. Самую позорную. Эти...— Тут Плавт в третий раз за последние полчаса разразился потоком ругательств.

[1] Витис — палка из виноградной лозы, атрибут власти кентуриона. Использовалась не только как символ, но и как действенный аргумент в общении с ленивыми и нерасторопными подчиненными.

— Слушай, говори ты толком! — потребовал озадаченный подполковник.— Они что, друг с другом совокупляются? Или проказой больны?

— Хуже, друг мой! Намного хуже,— Плавт остановился, одарил Черепанова мрачным взглядом и отчеканил: — В этой кентурии, в *твоей* кентурии, Череп, все — трусы. Все как один.

— Да? — Геннадий поглядел на друга.— Ну-ка поясни.

Плавт подумал немного, потом сказал:

— Поясню. Но не на ходу. Пошли-ка возьмем кувшинчик. Такое всухую рассказывать — горло заболит.

Они свернули с Виа принципалис, одной из главных «улиц» лагеря, куда-то на задворки. Там, на задворках, Плавт отыскал палатку какого-то местного интенданта, у которого и разжился необходимым кувшинчиком, которому больше подошло бы наименование «бочонок», двумя деревянными кружками и запасом соленых оливок.

Здесь же, поблизости, нашлась пара подходящих пеньков.

Гонорий промочил горло и приступил к рассказу.

Выяснилось следующее. Полгода назад, незадолго до посольской миссии Плавта, банда германцев числом до тысячи человек пересекла реку и вторглась на территорию провинции Норик. Их почти сразу обнаружили, и Максимин послал разобраться с налетчиками три полные когорты: две пешие и одну конную. Хватило бы и одной когорты ветеранов, но командующий воспользовался случаем, чтобы «обстрелять», или, как здесь выражались, «обмять», в бою свеженабранных легионеров прошлогоднего призыва, которые уже прошли строевую подготовку и выучились основным приемам, но еще ни разу не бывали в настоящем бою.

С точки зрения Максимина, шайка конных варваров в тысячу копий — самое то для такого дела.

Руководил рейдом командир второй кентурии первой когорты кентурион-принцепс Сервий Феррат. Но себе он оставил конницу, а командование над пехотой отдал (по распоряжению Максимина) одному из молодых трибунов.

Маршрут движения варваров был просчитан заранее. Поэтому место для сражения тоже было определено заранее. Стратегически удобное для римлян.

Пехоту построили фалангой в виду противника, между двумя холмами. Конница укрылась за одним из холмов, чтобы в решающий момент ударить во фланг. Ничего особенного, обычная практика.

Пехота должна была принять на себя главный удар. Длинные копья фалангистов вполне подходили, чтобы остановить беспорядочную лобовую атаку алеманнской конницы. У фаланги, пояснил Плавт, самое слабое место — это фланги. Но в данном случае фланги были защищены возвышенностями, на которых к тому же были размещены карабаллисты[1]. В общем, ничего особенного. Если не считать того, что в первой линии, в первых трех шеренгах фаланги, стояли не опытные воины, а необстрелянные салаги. Но их туда и поставили опыта набираться. Тоже обычная практика. Задача пехоты — удержать позицию. Вот и все. Но на сей раз идея не сработала. Вернее, сработала частично. Почти все новобранцы приняли удар. И только одна кентурия, в то время еще не шестая, а вторая, та, на которую было нацелено острие варварского удара, позорно бежала. В полном составе. Причем еще до того, как конница варваров врезалась в ее ряды. А поскольку главной силой фаланги является ее монолитность, то стойкость остальных легионеров уже не имела значения. Общая прочность цепи, как известно, определяется крепостью самого слабого звена.

Линия обороны была прорвана, и началась колбасня. Правда, подоспевшая конница сумела отбросить варваров и спасти пехоту. Но в целом битву можно было считать проигранной. Варвары-алеманны, которых должны были вырезать под корень, ушли с незначительными потерями — грабить дальше. И в конечном итоге смылись обратно с приличной добычей, что было вдвойне неприятно, так как подобный результат стимулирует к новым нападениям. И состоящая в основном из салаг римская пехота, которая при *правильном* ведении боя должна была

[1] Карабаллиста — баллиста (метательная машина, использующая принцип лука), установленная на повозке. Обычно каждая кентурия имела одну карабаллисту. Все античные метательные машины делились на два основных типа: работающие по принципу «лука» и по принципу «пращи». Кроме этих классов следует отметить еще бриколи — стрелометы, использующие энергию упругой доски.

потерять убитыми и ранеными не больше десяти процентов личного состава, в условиях неорганизованного боя оказалась совершенно беспомощна и понесла значительные потери. И тяжелая конница тоже потеряла многих, потому что вынуждена была атаковать с неудачной позиции.

И виной всему этому было трусливое бегство одной кентурии.

Естественно, гнев Максимина обрушился именно на нее. Он готов был вспомнить о старинной традиции децимации[1]. Да что там децимация! Командующий готов был *всю* кентурию лично порвать на куски. И счастье их кентуриона, что он погиб. Уж его-то точно забили бы палками. В общем, Плавту удалось успокоить командующего и уговорить отложить расправу. А тут как раз в Сирмий, столицу Верхней Паннонии, прибыл лично Август Александр Север: договариваться с германцами насчет мирного сосуществования. И командующему стало не до мелочей. Но позорное клеймо трусости накрепко прилипло теперь уже к шестой кентурии. И кентуриона в ней не было с весны. Назначили было одного — не справился. Пришлось убирать. Другой — помер, а нового не нашлось. Потому что все понимали: нужен не абы кто, а действительно опытный жесткий командир. Но попробуй найди такого, что согласился бы. Это все равно как поставить хорошего командира батальона командовать взводом. Даже если кто и даст себя уговорить, то ведь и у него начальники есть. Которые нипочем не отдадут полезного офицера.

— А почему ее попросту не расформировали? — спросил Черепанов.

Оказалось, такая мысль была. Но ее не одобрил сам Плавт. Трусость — это зараза. И нечего ее распространять.

Нет, Гонорий бы разобрался с этим делом. Наверняка. Но не успел. А Феррат, конечно, отличный командир. Но с сообразительностью у него туговато. Посему воз и ныне там. Вернее, уже не там, а тут. Потому что вот эту самую «кентурию трусов» и передавал практичный командующий Гай Юлий Вер Максимин бывшему «варварскому риксу» Геннадию Черепу. Такая вот проблема.

---

[1] Децимация — казнь каждого десятого воина в подразделении, покинувшем поле боя. Кого именно казнить, определял жребий. В сущности, этот обычай не так уж жесток, если учитывать, каковы могут быть тактические последствия такого бегства.

«Тоже мне проблема! — подумал новоиспеченный младший кентурион Геннадий Череп.— Неужели я, подполковник, не справлюсь с паршивой ротой? Смешно!»

Глава двенадцатая,

в которой Черепанов знакомится со своим непосредственным начальником

Старший кентурион Феррат тоже жил в палатке. Разумеется, отдельной. И пожалуй, более роскошной, чем у Максимина. С первого взгляда было видно, что он принадлежит к той же кентурионской породе, что и Плавт. Такой же правильный мужик, крепко стоящий на земле. Правда, Гонорий пошустрее и поактивнее. Феррат — исполнитель. Идеальный. Звезд с неба не хватает, стратегическим мышлением похвастаться не может, зато приказы выполняет четко: от и до. Без лишней самодеятельности.

Черепанов еще на пиру заметил: Максимин склонен опираться именно на старых служак, преданных лично ему. Хотя доверить такому подразделение в несколько тысяч бойцов Черепанов рискнул бы, только если это подразделение действовало в составе более крупного. Качеств идеального сержанта, которыми несомненно обладал примипил Сервий, могло оказаться недостаточно для самостоятельного полководца.

Но в данном случае Сервий был для Черепанова прямым начальником, и Геннадий достаточно долго служил в армии, чтобы держать мнение о начальниках при себе.

Обширная палатка старшего кентуриона была убрана с аляповатой роскошью. Яркие ковры соседствовали с мраморными бюстами, а серебряные кратеры искусной чеканки стояли бок о бок с золотыми уродцами варварской работы. Эта выставка военной добычи напомнила Геннадию интерьер дома одного из черепановских приятелей-борцов. Тот еще в начале перестройки ушел в бандиты, ухитрился удачно проскочить мимо кладбища в новые русские, а потом в мелкие политики. Приятель скупал разный антиквариат, руководствуясь исключительно собственным вкусом (вернее, его отсутствием), и в своих обширных апартаментах расставлял покупки в произ-

вольном порядке. В результате получалось что-то вроде помеси скупки с антикварным мебельным магазином. Сам Геннадий тоже обладал не Бог весть каким вкусом: дизайнерских колледжей не кончал. Но обустраивать дом в стиле ломбарда все же не стал бы.

Попытку Черепанова немедленно вступить в должность старший кентурион пресек на корню. Напомнил, что главная функция подчиненного — выполнять приказания начальства. А начальство здесь он, Сервий Феррат. И еще кентурион первой кентурии черепановской когорты Тит Квинтус Пондус. За которым будет немедленно послано, потому что именно сейчас настало самое подходящее время перекусить и выпить.

«Н-да,— подумал Геннадий.— За две тысячи лет развлечения командного состава практически не изменились. Выпить, закусить — и к девочкам. Нет чтобы, скажем, в театр сходить или там в консерваторию. Хотя какие консерватории — в полевых условиях? А театры в Риме точно были. И Колизей, где гладиаторы бились».

«Ладно, еще поглядим на этот самый Колизей,— подумал Черепанов.— А пока будем — как все. Период адаптации, так сказать...»

Тит Квинтус Пондус вполне отвечал прозвищу[1] — тянул килограммов на сто. Причем при взгляде на него сразу вспоминался анекдот о двух дамах, одна из которых говорит: «Ах как я люблю свою тонкую талию, длинные стройные ноги, изящные плечи и упругие груди... И как же я ненавижу слой жира, который все это покрывает!»

Несмотря на излишний вес, Тит Квинтус казался весьма приятным человеком: веселым, подвижным, жизнелюбивым. Но Черепанов сразу усек, что это маска. И ухо с первым кентурионом следует держать востро.

Толстяк уверенно обосновался рядом с Черепановым.

— Эти двое,— кивок в сторону старших кентурионов,— большие шишки, а мы с тобой — простые парни, верно?

Черепанов промолчал.

— А ты себе на уме,— констатировал Пондус.— Геннадий Череп. Звучит авторитетно. Сам придумал?

[1] Пондус — по-латыни «вес».

— Нет. Геннадий — мое личное имя. Череп — родовое[1].

— Так выпьем же за нашего славного Максимина! — провозгласил Плавт.— Слава ему!

Выпили.

— Отличный у тебя фалерн,— похвалил Гонорий.

— Другого не пьем! — самодовольно заявил Феррат.— Небось, германцы тебя таким не поили?

— Аптус сказал, ты из германских варваров,— вполголоса произнес Тит.— Но ты больше похож на сармата или склавена, чем на германца. Я прав?

Черепанов пожал плечами:

— Кого ты называешь германцами?

— Как кого? — Гай Квинтус, похоже, удивился.— Готов, гепидов, герулов, конечно. Вандалов... Ты шутишь?

— Нет. Я, кентурион, прибыл из очень далеких земель. Мы там не слишком разбираемся в варварских племенах. Собственно...— Подполковник позволил себе улыбнуться,— ...мы и не считаем себя варварами.

— Ты загадал мне загадку! — заявил Пондус.— И я ее разгадаю, клянусь благосклонностью Минервы! Так, так, так... Имя у тебя греческое, хотя аттического наречия ты не знаешь. И похож ты на склавена или венета... У моего отца был раб венет. Никудышный, кстати, упрямый и ленивый. Мой отец, кстати, был тоже из хорошего рода. Настоящий римский плебей, не какой-то там сириец. Но не о том речь. Я вот что думаю: ты родился в одной из старых колоний. Греческой или финикийской. Потому у тебя греческое имя и варварская физиономия. А может, твой отец из вольноотпущенников[2], а?

— Давай остановимся на первой версии,— сказал Черепанов.

---

[1] Римлянин обычно имел три имени — личное, родовое и прозвище (praenomen, nomen и cognomen). Скажем, Корнелий из рода Сципионов по прозвищу Африканский (он неплохо повоевал в Африке) или Гай из рода Юлиев по прозвищу Кесарь. Личных имен было немного, всего восемнадцать. Нашей фамилии соответствовало второе имя, хотя прозвище могло, в свою очередь, стать «фамилией» для ветви рода.

[2] У римлян существовал обычай: отпущенный на волю раб добавлял к своему настоящему имени имя того, кто его освободил. Например: «Гней Помпеи Трихмалион», то есть Трихмалион — отпущенник Гнея Помпея.

Он готов был признать близость этой гипотезы к истине. Разве Россия не унаследовала изрядную часть греческой культуры? То же православие хотя бы...

— Да я пошутил насчет отпущенника! — ухмыльнулся толстяк.— Сразу видно, что ты не из тех, кто гнет спину. Уж я-то в людях разбираюсь! Я в этом деле собачий язык съел[1].

Черепанов спорить не стал.

— Расскажи-ка мне лучше про мою кентурию,— предложил он.— Что ты о ней скажешь?

— Скажу, что Фракиец подложил тебе изрядную свинью. Эту кентурию комплектовали в Марциополе[2]. А там одни отбросы живут. Хуже бездельники только в Антиохии[3].

— А кто сейчас ею командует? Или они сами по себе?

— Кентуриона у них нет — если ты об этом,— ответил Пондус.— Командует там Гай Ингенс. Опцион. И два его братана. Один — сигнифер[4], второй — тессерарий. Еще те ублюдки. Из цирковых атлетов. А может, даже из бывших гладиаторов. Знаешь, из тех, кто ублажает всяких там благородных матрон с чесоткой в вагине. А то и горло может перерезать — по заказу. Позорное семя, одним словом. Уверен, они и в армию подались, потому что порешили кого-то и решили: тут до них эдилы не дотянутся.

— А это так? — поинтересовался Черепанов.

— Так и есть,— кивнул первый кентурион.— У нас, Череп, правило простое. Кем бы ты ни был раньше — теперь ты легионер. И точка.

«Просто французский иностранный легион,— подумал Геннадий.— Хотя скорее наоборот. Это французы у здешних слизали».

— Но с этими Ингенсами ты, Череп, должен разобраться в первую очередь. Мой тебе совет. Прежний вот кентурион, дурак, решил с ними дружбу завести. Решил: раз братья все равно про-

[1] Римский эквивалент русского выражения: «собаку съел».

[2] Марциополь — город, основанный Траяном, столица Нижней Мезии; современная Река Девня в Болгарии.

[3] Антиохия — современная Анталия в Турции.

[4] Сигнифер — знаменосец. Сигнифер и опцион получали двойное жалование, третий младший офицер — тессерарий — полуторное. Опцион был заместителем кентуриона и занимался обучением солдат. Сигнифер заботился о штандарте подразделения (сигнуме), а также о жаловании и сбережениях легионеров.

чими помыкают, пусть так и будет. Решил как полегче. И получил. Никто в кентурии его в грош не ставил. Я как это увидел — сразу Аптусу доложил. Тот его и убрал немедля. И другого поставил. Посуровее.

У Черепанова вертелся на языке вопрос: почему непосредственный начальник несправившегося кентуриона сам не взялся за дело, вместо того чтобы с «рапортами» бегать. Но Геннадий промолчал.

— Скажу тебе, Череп,— продолжал толстяк,— в этой кентурии кентурионы не задерживаются. Первого убили варвары. Второго разжаловали, третий сам помер. Пошел, понимаешь, с девочками перепихнуться, в Августе. А его на обратном пути камешком по головке приложили. И ножичком добавили. Надо же, какая беда! — Пондус хихикнул.

Если первый кентурион намеревался испугать Черепанова, то его намерение потерпело крах. Но кое-какие выводы Геннадий сделал. Например, что первый кентурион не несет *полной* ответственности за происходящее в когорте. Иначе после такого ЧП Пондуса вряд ли оставили бы на этой должности. Что ж, тоже неплохо. Значит, и подполковник вправе самостоятельно распоряжаться своими людьми, а не действовать по указке всяких там Пондусов. А чем больше он слушал своего первого кентуриона, тем меньше тот ему нравился. Но свои симпатии-антипатии Геннадий держал при себе. До времени.

— Вот так вот и осталась у нас шестая кентурия без кентуриона,— продолжал между тем толстяк.— А Ингенсы совсем обнаглели. Особенно старший, Гай. Такой хитрован, я тебе скажу! Так что мой тебе совет: прижми им холки не откладывая. Пока мы тут, в летнем лагере. Потому как, когда мы вернемся в зимний лагерь под Августой, всякое может случиться. У этих Ингенсов с тамошним сбродом — полный консенсус[1]. Прирежут тебя в каком-нибудь закоулке или в банях — и конец.

— Прирезать меня — это непросто, Тит,— усмехнулся Черепанов.

Толстяк пристально посмотрел на Геннадия, потом ухмыльнулся:

— Верю, Череп! Давай за это и выпьем!

[1] Консенсус *(лат.)* — согласие.

— Эй, Феррат! А не послать ли нам за девками? — хрипло провозгласил Плавт.— Что-то мой приап зашевелился!

— Дело, Аптус! Счас организуем! Эй, Пондус! Слыхал, что старший кентурион говорит? Приказываю — исполнять!

— Нажрался примипил,— констатировал непосредственный начальник Геннадия.— Все. Теперь до завтрашнего утра гулять будут. Пошли, Череп, за девками, составь компанию.

Но когда они вышли из палатки, Черепанову неожиданно пришла в голову более интересная мысль.

— Слышь, Пондус, а что если я исчезну до завтрашнего утра?

— Куда это ты нацелился? — сразу насторожился кентурион.

— В Скаремий,— честно признался подполковник.— Там неподалеку гостиница есть, а в гостинице кое-кто лично мне очень симпатичный...

— Гостиница? Это у Парсия, что ли? Знаю, знаю! Ну-ка, кто из его девок тебе приглянулся, а? Ладно, молчу! Понимаю. Свободен, Череп! До завтрашней четвертой стражи. Пароль «пилум», отзыв «ворона». Не забудь, а то из ворот не выпустят. Счастливо повеселиться!

Глава тринадцатая

Первый урок, преподанный кентуриону Черепу

Черепанов возвратился в лагерь сразу после полудня. Ехал по дороге через поле, на котором упражнялась пехота. На это стоило посмотреть, и Черепанов смотрел. А чем больше смотрел, тем большие сомнения испытывал. Слаженная машина, называвшаяся римским войском, состояла из тысяч шестеренок, каждая из которых знала свое место. Так же, как знали его те, кто этими шестеренками управлял: от легата до последнего опциона. Каждый знал свое место, потому что начинал с самого низа: с деревянных мечей и простейших построений. Медленно, постепенно поднимаясь вверх, новобранец превращался в легионера, легионер — в опциона, опцион — в кентуриона. Черепанов знал примерно, как должна работать военная машина кентурии. Но он не знал деталей, маленьких *бытовых* деталей, из которых состоит жизнь любого солдата любой армии. Кое-что

он, конечно, знал. Например, что шарф нужен легионеру не для красоты, а чтобы край доспеха не натирал шею. Но не знал, как *правильно* этот шарф повязывать. А следовательно, не мог проверить, правильно ли повязан шарф у подчиненного. Проблема. И ее следовало решить. Причем раньше, чем будущие подчиненные узнают о невежестве командира. Едва они выяснят, что тот понятия не имеет, как здесь «подшивают воротнички» и «наматывают портянки», авторитету конец. Будь у Черепанова в подчинении толковый и лояльный младший офицер — другое дело. Тогда подобные мелочи можно было бы доверить ему. Но младшие офицеры у него в когорте, если верить Пондусу,— отъявленные негодяи. А как тут, кстати, насчет материальной ответственности? Черепанов уже знал, что каждый легионер имеет чертову уйму барахла, которую должен таскать с собой: от кремня с кресалом до «поленьев», из которых в конце марша будет построен лагерный частокол. В нормально организованной армии (а римская армия была именно таковой) должен существовать четкий регламент на ношение, хранение и профилактику каждой единицы оружия, обмундирования и т. д. Тот самый регламент, который накрепко вколачивается сержантом в новобранцев в первые недели службы. Командир, не знающий, как должна быть застелена койка,— не командир, а недоразумение. Командир, у которого часть не обеспечена как следует, будет иметь серьезные неприятности. И если, например, в его подразделении сопрут, скажем, палатку, кто за это отвечает? В армии, к которой некогда принадлежал подполковник Черепанов, существовали разные уставы и инструкции, из которых можно было хоть частично восполнить пробелы в знаниях. Здесь, естественно, никаких печатных уставов не было.

Зато был Гонорий Плавт Аптус, прошедший все местные «университеты», у которого можно было узнать *все*. Если знать, что спрашивать. Черепанов *знал*. Армия есть армия. Базовая основа всегда одинакова. Пусть старшего по званию в разных странах приветствуют по-разному. Но приветствуют — всегда. И всегда первым здоровается младший. Базовая основа у Черепанова, профессионального военного, была. Оставалось уточнить детали.

Поэтому, когда Черепанов вернулся в лагерь и отыскал (не без труда) своего друга, он с ходу его озадачил.

— Гонорий, у меня проблема! — объявил подполковник.— Я не могу командовать вашей кентурией.

— Почему? — удивился Плавт.— Ты же прирожденный командир. Я это вижу.

— Согласен. Командовать я могу. Я не могу командовать *кентурией*. Качественно. Потому что никогда не был простым легионером, понимаешь? А командир, я считаю, должен уметь и знать все, что умеет и знает любой из его подчиненных. Только лучше. Или он — собачье дерьмо, а не командир.

— Ха! — воскликнул Плавт.— Клянусь кудрями Бахуса и дрыном моего покровителя Приапа! Твои слова вложить бы в уши патрицианских неженок, мнящих себя военными трибунами! Откуда ты взялся, такой правильный?

Черепанов промолчал.

Разумеется, и в той армии, где когда-то служил подполковник, было полно генералов, которые могли только жратву на дерьмо переводить. Которые командовали учениями, сидя, можно сказать, верхом на танке. Потому что брюхо в люк не пролезает. Но то — на земле. В боевой авиации не так. В боевой авиации генерал-полковник, который сам садится за штурвал,— это нормально. Потому что летать — это... Эх!

— Вообще-то ты прав,— уже серьезным тоном произнес Плавт.— Чем я могу помочь?

— Гонорий, мне нужен толковый десятник, как это у вас называется... декурион, да? Чтобы объяснил мне все, вплоть до того, как правильно шнурки на сандалиях завязывать.

— Всего-то? — усмехнулся Плавт.— А пряжку нормально застегнуть ты не хочешь? Или шарф повязать как следует? Я же тебе вчера его завязывал...

— Ты полагаешь, я должен теперь с ним спать? Из уважения к тебе?

— Ладно, прощаю.— Гонорий сдернул злополучный шарф с шеи Черепанова.— Гляди, как это делается... А! Вижу, ты этой ночью не скучал!

— Пондус меня отпустил.

— Ну, ясное дело. Кстати, имей в виду, что кентуриону, который отпускает подчиненного прогуляться, полагается подарок. Скажем, пара динариев, если речь идет о легионере. Но упаси тебя Марс брать отступные у солдат, которые отлынивают от учений. Узнает Фракиец — шкуру спустит. Ну вот, теперь твой шарф не похож на ослиный хомут. Ясное дело, Череп, я научу тебя, как завязывать калиги. Все равно со-

бирался этим заняться, перед тем как приводить тебя к присяге.

— К присяге? — удивился Геннадий.— А почему мне никто не сказал?

— Ну, брат! — Плавт даже удивился.— Даже у вас, варваров, и то клятву вождю приносят! Или ты думал, что тебе доверят кентурию без того, чтобы ты поклялся в верности императору? Хотя, скажу тебе, будешь ли ты верен *этому* императору, Максимину плевать. Главное, чтобы ты был верен *ему*. И выполнял приказы. Вот в этом ты, друг мой, непременно поклянешься: и нашими богами, и своими. И с этого, Геннадий, как раз и начинается служба каждого легионера: с клятвы. Сначала он клянется выполнять приказы командиров. А уж затем — и обрати на это внимание — клянется быть верным императору.

— То есть, если командир отдаст приказ, который не понравится императору...

— Правильно! — одобрил Плавт.— В корень смотришь! Пункт второй — жалованье... Ну да, естественно!

— Каждый легионер, и ты в том числе, получает деньги у своего сигнифера. Сигниферы кентурий получают положенное у сигнифера когорты. Сигниферы когорт — у квестора[1] — казначея, а уж он подчиняется непосредственно легату. Ты должен это знать, потому что жалованье для легионера — первое дело. Если что не так, твои люди придут со своим недовольством к тебе. И ты должен четко знать, кому крутить яйца, если денег нет.

— А кто дает деньги казначею? — спросил Черепанов.

— Легату. Казначей их только хранит. Деньги на содержание войск отпускает государство, считай — император. Размер жалованья легионера также назначает император. Но жалованье легионеру платит, имей в виду, его легат. Не сам лично, конечно, но из казны легиона. Хороший легат жалованья не задерживает и выплачивает его до, а не после битвы.

— А в чем разница?

---

[1] Квестор, собственно, и означало «казначей». Здесь — военный квестор. Не следует путать квестора гражданского и военного. Многие римские гражданские и военные должности назывались одинаково. Иногда, чтобы отделить одних от других, к званию добавлялось слово «военный». Например: «военный трибун», или указание на определенное воинское подразделение «префект претория» (командир когорты преторианцев), или субпрефект конницы (командир вспомогательного кавалерийского соединения, например алы).

— В том, что *после* битвы кандидатов на получение жалованья становится меньше. И разницу легат может спокойно положить себе в мешок.

— А если государство, скажем, не внесет деньги в казну легиона? — поинтересовался Черепанов, который, будучи офицером российской армии, был не понаслышке знаком с подобной ситуацией.

— Вот это тоже от легата зависит,— кивнул Плавт.— Бывает и такое. Например, нет денег в казне у императора. Или они «потеряются» где-нибудь по дороге, потому что какой-нибудь квестор[1] захочет погреть руки на солдатских денежках. Но если какой-нибудь нарумяненный чинуша посмеет задержать *наше* жалованье...— Гонорий негромко рассмеялся.— Максимин зашьет его в ослиную шкуру и утопит в нужнике. И все они это знают. А если у самого императора проблемы с деньгами, то это тоже можно решить. Например, за счет налогов, которые собираются в провинциях. Фракиец так и делает.

— И нравится это императору, ты думаешь? — спросил Черепанов.

— Пусть он засунет свое «не нравится» в «ножны»[2] своей мамаше! — рявкнул Плавт.— Или император платит своей армии — или армия находит себе другого императора! Который платит. Кстати, годовое жалованье легионера в Первом Фра-

[1] Квестор — в данном случае гражданская административная должность. Обычно помощник наместника провинции (если провинция была в ведении сената) или прокуратора, если император лично контролировал провинцию. Поскольку провинции, о которых идет речь, считались пограничными, а следовательно, особо опасными районами, то они гарантированно были под контролем императора. И скорее всего, верховными правителями таких территорий на местах были командующие пограничными армиями. В данном случае — Максимин. И он же должен был руководить, по крайней мере номинально, аппаратом гражданских чиновников, старшими из которых были именно квесторы, ведавшие финансовыми делами, сбором налогов и т. п. Должен отметить, что римская государственная машина была весьма сложной, тщательно разработанной и довольно эффективной. Несмотря на нынешнее презрительное отношение к бюрократии я уверен, что именно благодаря римской государственной инфраструктуре (а равно римской армии) Римская империя так долго сопротивлялась распаду, несмотря на полное безобразие на уровне верховной власти. И еще должен отметить, что именно римская система управления впоследствии была положена в основу управления европейскими государствами, унаследовавшими не только ее достоинства, но и недостатки.

[2] Ножны по-латыни — «вагина».

кийском, чтоб ты знал, составляет восемьсот пятьдесят динариев в год.

— Неплохо!

— Ерунда. Половина уйдет на жратву[1], половина оставшегося — на одежду и оружие. И то если брать самое дрянное. Но хороший легионер не останется с пустыми карманами, понятно? Хотя твоя задача, кентурион, следить, чтобы твои парни не были слишком шустрыми и не хватали все, что плохо лежит. По крайней мере на своей территории. Восемьсот с половиной сотен *нынешних* динариев, Череп, это сущая ерунда, потому что в десятке их серебра меньше, чем в трех монетах времен Марка Аврелия. Младшие командиры получают двойное или полуторное. Лично ты — в шесть раз больше. У либрария вашей когорты спросишь, кому сколько причитается. У него все записано. А теперь пойдем-ка, прогуляемся до лагерю. Теперь он — твой дом, и ты должен знать в нем все: от спален до нужника.

Глава четырнадцатая

Первый урок, преподанный кентурионом Черепом

— Шестая кентурия десятой когорты Первого Фракийского легиона на службе Августа Александра Антония Севера! Семьдесят девять легионеров согласно списку. Трое — в карауле. Больных нет. Отсутствуют двое: по распоряжению первого кентуриона когорты переданы в распоряжение квестора. В отсутствие кентуриона докладывает опцион Гай Ингенс!

Рыжий детина, чья физиономия формой и цветом больше всего напоминала кирпич, молодцевато вытянулся перед старшими командирами и бухнул кулаком в грудь. Кираса звякнула. Тотчас вся кентурия, выстроившаяся за спиной декуриона, слаженно и внушительно грохнула щитами.

Черепанов медленно оглядел строй. Физиономии, суженные широкими наланитниками шлемов, выглядели очень похожими. Вполне бравые ребята на первый взгляд. А опцион —

[1] Римский легионер либо сам покупал продукты, либо их стоимость вычиталась из его жалования.

просто орел. На первый взгляд. Совсем не похож на описание, данное ему толстяком Пондусом. Ага, а это наверняка его братишка.

Правофланговый — точная копия декуриона. Только поверх шлема у этого детинушки была наброшена медвежья шкура с головой и когтистыми лапами, свешивавшимися почти до пояса. А на плече — штандарт кентурии: длинный шест с железным наконечником снизу. Сверху шест был украшен изображением открытой ладони в обрамлении венка. С перекладины свешивались витые кисти, а пониже к шесту были прикреплены железный полумесяц, красная бахрома и разные другие финтифлюшки. Впрочем, назови Черепанов вслух финтифлюшками то, что украшало сигнум,— боевой штандарт подразделения римской армии,— не миновать ему неприятностей. Особенно после того как, введенный в святая святых Первого Фракийского, он принес клятву Золотому Орлу легиона.

Черепанов мельком глянул на палец, украшенный золотым перстнем — знаком его ранга. Перстень ему вручил лично Максимин. После присяги. А Плавт чуть позже разъяснил, что кольца из чистого золота разрешается носить только сословию всадников. То есть Черепанова, можно сказать, в местные дворяне посвятили. Или вроде того. Хотя, не без огорчения отметил Плавт, теперь это уже не имеет такого значения, как еще лет сто назад.

Ага, вот и третий брат опциона Ингенса! Во главе второй шеренги. Тессерарий. А на третью шеренгу братьев уже не хватило. И на ее правом фланге стоял длинный парень с черными усиками и физиономией форменного пройдохи.

— Стань в строй, опцион,— недовольно буркнул Пондус.

Он стоял на полшага впереди Геннадия. Это по его приказу шестая кентурия выстроилась сейчас перед линией палаток, вместо того чтобы потеть на полевых занятиях.

— В строй, опцион!

Ингенс еще раз грохнул кулаком по кирасе, четко развернулся и занял место во главе первой шеренги, рядом с братом-сигнифером.

Толстяк-кентурион прочистил горло, задрал подбородок.

— Слушай меня, бездельники! — гаркнул он.— Наш славный легат Максимин пожаловал вас в последний раз. Вот этот до-

блестный воин,— он положил руку на плечо Геннадия,— ваш новый кентурион. Зовут его Геннадий Череп, а почему его так зовут, вы все, бездельники, скоро узнаете! — Он сделал многозначительную паузу.

— Должно быть, в голове у него — сплошная кость,— вполголоса, но вполне отчетливо произнес кто-то.

— Тогда ему здорово повезло,— это процедил сквозь зубы один из братьев Ингенсов. Сигнифер.

— Сам видишь, дисциплина в этой кентурии неважная,— неторопливо произнес Пондус. И тут же рявкнул: — Дерьмовая дисциплина! И ты, кентурион, должен вбить своей палкой в их тупые бошки, что, когда говорит командир, шелупонь должна откусить языки! На! — Он сунул в руку Черепанова витис, дубинку из виноградной лозы.— Пускай ее в ход почаще. Можешь начинать прямо сейчас! Я вижу, кто-то еще хочет высказаться?

Кентурия молчала.

— Сочувствую тебе, Череп,— с презрением бросил первый кентурион.— Все они — трусы. Все как один. Шавки, которые только и умеют, что брехать из-за угла да поджимать хвост, когда им покажут палку. Мне стыдно, что они — в моей когорте. Бери их, кентурион, учи их, владей ими, бей их... Можешь даже прикончить половину — никто не огорчится! Все, Череп, они — твои!

И первый кентурион отбыл, оставив Черепанова одного против сотни легионеров, никто из которых изначально не питал к нему дружеских чувств. И вряд ли они появились после выступления Пондуса.

Геннадий неторопливо прошелся вдоль строя. Головы в стандартных шлемах, стандартные щиты, свернутые на манер скаток плащи... Все они казались одинаковыми, почти неотличимыми, но Черепанов знал, что через месяц каждый из них будет знаком ему лично — со всем набором достоинств и недостатков, амбиций и слабостей. Но пока они безлики. Кроме четверых. Трех братьев и парня, возглавлявшего третью шеренгу.

Геннадий остановился около старшего из Ингенсов, легонько ткнул его палкой в кирасу.

— Уверен, ты считаешь, что стал бы лучшим кентурионом для этих ребят, чем я,— сказал он с добродушной улыбкой.— Верно?

Гай Ингенс молчал, выпятив квадратный подбородок, подчеркнутый узкой полоской ремня.

— Отвечай, опцион, когда командир задает вопрос,— негромко, но жестко произнес Черепанов.

— Да,— бухнул Ингенс.— Да! Я так считаю!

— Очень хорошо,— кивнул Черепанов и хлопнул палкой по плечу сигнифера: — Ты — его брат?

— Мелантий Ингенс, кентурион!

— Отдай сигнум соседу, Мелантий Ингенс! — Сигнифер замешкался.— Быстрей! Ты получишь его обратно, если я сочту тебя подходящим.

Черепанов знал, что сигнифера может сместить только первый кентурион когорты. Но не сомневался, что Пондус уважит его просьбу. Очевидно, Мелантий тоже в этом не сомневался, потому что беспрекословно выполнил приказ.

— Вот так! — одобрил Черепанов.— Теперь ты.— Он пихнул палкой третьего брата.

— Тессерарий Луций Ингенс!

— Выйди из строя, тессерарий.

— Очень хорошо! — Геннадий оглядел всех троих, потом перевел взгляд на остальных легионеров.

— Бравые ребята, верно? — произнес он весело.— Приятно поглядеть. Они думают, что лучше вас всех. Потому что их жалованье больше вашего. Потому что их поставили командовать вами. Они имеют право так думать. Верно? Не слышу?

— Верно, верно...— вразброд ответили в строю.

— Эй, Мелантий! Оказывается, ты умеешь думать! — Насмешливый голос принадлежал правофланговому третьей шеренги. И это он высказался насчет «головы из костей», Черепанов узнал голос.— Вот это новость!

Кое-кто засмеялся. Мелантий Ингенс набрал в грудь воздуху, но старший брат пихнул его плечом, и тот промолчал.

— Ну да,— продолжал подполковник.— Каждый из них думает, что лучше других. И это возможно. Но я почти уверен: каждый из них думает, что он — лучше меня. Так, опцион?

Гай Ингенс ухмыльнулся. Достаточно нагло.

— Да, они так думают,— произнес Геннадий.— Но они ошибаются. Потому что я лучше их троих, вместе взятых. И докажу это прямо сейчас. Эй, ты! — Он ударил витисом по плечу правофлангового третьей шеренги.— Как тебя зовут?

— Декурион Тевд Трогус, кентурион! — молодцевато гаркнул тот.

— Выйди сюда, Трогус, и возьми это.— Геннадий протянул ему палку, затем отстегнул пояс с оружием и тоже передал парню.

— Значит, так, братья Ингенсы,— произнес он неторопливо.— Видите, я отдал свой витис кентуриона. Это залог. А я даю вам шанс. Если вы втроем одолеете меня одного, кентурия будет вашей. Согласны?

— Как же! — проворчал Гай.— А потом Пондус разжалует нас, да еще шкуру спустит за то, что подняли руку на командира. Мы не такие дураки, кентурион Череп! Не рассчитывай!

Геннадий усмехнулся. Это было даже лучше, чем он ожидал.

— Ну да, конечно.— сказал он.— Погляди на меня внимательней, Ингенс. Я не из тех, кто, получив пинка, бежит жаловаться мамаше. Я из тех, кто самолично вырывает из задницы пнувшую ногу. Ты больше не опцион, Гай Ингенс. Я готов терпеть наглецов... Некоторое время. Но трусов у себя в кентурии не потерплю. Именно поэтому сам легат Максимин отдал вас мне. Ты струсил, Гай Ингенс. А трус не будет опционом в моей кентурии. Семьдесят человек в этом строю слышали, как я приказал: бейтесь со мной. А ты киваешь на Пондуса. Вы солдаты или мальчишки с розовыми от щипков попками? Ну!

И без того кирпично-красная физиономия старшего Ингенса совсем побагровела. Но он смолчал. Трое братьев сблизили головы, посовещались...

— Ладно,— наконец сказал старший.— Мы видим твой заклад, а каков будет наш?

— Если я выйду победителем,— четко произнес Черепанов,— кентурия будет моей. И вы трое тоже будете *моими*. Безо всяких фокусов. И эти парни,— он кивнул на строй,— наши свидетели. По рукам?

Братья переглянулась.

— Идет,— сказал старший и стянул с головы шлем. Его уши были похожи на мятые лепешки. И у братьев — такие же.

— Осторожней, кентурион,— шепнул Черепанову Трогус, которому Геннадий вручил собственную броню.— Осторожней! Они — борцы.

— Вижу,— шепнул в ответ Геннадий.— Только вряд ли им это поможет.

Братишки действовали слаженно и грамотно. Сразу видно, имелся у ребят большой опыт совместной драки. Зашли с трех сторон, дистанцию держали четко. Черепанов не препятствовал. Если они уверены, что у Геннадия нет глаз на затылке, пусть потешатся иллюзиями.

К его удивлению, братики проявили даже некоторое джентльменство. Вместо того чтобы насесть всем разом (а они это наверняка умели), предоставили старшему, Гаю, сойтись один на один.

С местной манерой борьбы Черепанов был уже знаком. И по возне с Плавтом, и по недавнему поединку с преторианцем Максимина. Чисто силовой подход. «Коренному» вольнику Черепанову силовое единоборство было привычно. Но Геннадий, поднаторевший в азиатских техниках, уже понимал, что сила ломит солому, только если в пучке соломы отсутствует стальной стержень. Подполковник позволил старшему братцу ухватить себя и даже выйти на бросок. Но в последний момент мягко перехватил инициативу, и очень удивленный Ингенс обнаружил, что вращательный момент, который он собирался предать туловищу кентуриона, почему-то перешел во вращение его собственного туловища.

Братья, которым со стороны было виднее (да Черепанов и хотел, чтобы урок выглядел *наглядно*), сообразили, что братец потерпел неудачу, на полсекунды раньше его самого. И кинулись на подмогу. Они были крупные ребята. По центнеру каждый. Но Гай Ингенс тоже весил не меньше стохи. Поэтому, когда его массивная и умело, головой вперед, запущенная Черепановым туша встретилась с корпусом брата-знаменосца, тот с хрюкающим звуком отрикошетировал в Ингенса-младшего, который, конечно, не выпал в лузу (все-таки не бильярд), но достать Геннадия не смог.

Гай, слегка обалдевший после того, как врезался головой в бочину брата-знаменосца, вяло попытался выкрутиться из захвата — и воткнулся мордой в пыль, прямо под ноги брата номер три, вознамерившегося все-таки добраться до кентурионова горла.

А Черепанов в свою очередь без особой спешки обогнул его слева, оказался рядом со вторым брательником, «отдал» ему

левую руку, а когда тот, обрадованный, вцепился в нее обеими лапами и рванул, Геннадий охотно поддался, чуток повернулся сам, вертанул кистью — и брат-знаменосец неожиданно осознал, что хватает теперь исключительно воздух. И более того, летит спиной вперед в полную неизвестность. Впрочем, полет длился совсем недолго и закончился, когда спины второго и третьего братьев соприкоснулись. Раздался звук, какой возникает, если по бочонку ударить дубиной, и оба младших Ингенса рухнули на старшего, который как раз в этот момент поднимался из положения «мордой в грязь» в положение «на четыре кости». Секунд двадцать Черепанов, скрестив руки на груди, наблюдал, как ворочается и кряхтит созданная им куча-мала.

В строю зрителей раздались смешки.

Ну да, со стороны это смотрелось очень забавно. Три бугая мечутся по площадке, сталкиваясь, падая и безуспешно пытаясь ухватить противника, который вроде как им даже не мешает это сделать, но... Просто хвататели очень уж бестолковы и косоруки.

Смешки стали еще громче, когда братья, наконец, разобрались, кому какие конечности принадлежат, и поднялись на ноги.

— Думаю, что победа за мной,— заметил Геннадий, оглядывая поочередно братьев Ингенсов. Вроде никто из них не пострадал. У двоих морды разбиты, но этим мордам не впервой.— Нет возражений?

Братья мрачно молчали.

— Встать в строй! — жестко скомандовал Черепанов.

Под откровенный гогот легионеров братья поплелись на свои места.

Черепанов развернулся к строю.

— Веселимся? — рявкнул он.— Кто еще хочет попробовать? Есть желающие?

Желающих не было. И гогот стих, как по волшебству.

Черепанов взял у Трогуса свое имущество, опоясался. Оглядел строй.

— Так,— процедил он.— Мне сказали, все вы трусы.

Ответом ему было молчание. Наверняка кентурия знала о своей репутации.

— Да,— продолжал подполковник.— Я вижу, что храбрости у вас немного. Но я не верю, что семьдесят человек поголов-

но окажутся трусами. Да, не верю. Хотя бы потому, что у троих из вас хватило храбрости бороться со мной. Мне сказали, вы трусы, потому что наложили в штаны, едва завидели варваров. Так?

Ответа не последовало. Но Геннадий его и не ждал.

— Возможно, те, кто называет вас трусами,— не правы,— процедил Черепанов.— И тогда я научу вас храбрости. Но если вы действительно трусы и захотите остаться трусами, я обещаю вам одно...— Он сделал паузу и обвел тяжелым взглядом выстроившуюся перед ним шеренгу.— ...Только одно: меня вы будете бояться на-амного больше, чем каких-то вшивых германцев! Обещаю! — Он еще раз оглядел строй, персонально каждого бойца, потом уронил: — Ингенсы и Трогус, останьтесь. Остальные свободны.

Глава пятнадцатая

Текущие проблемы «ротного» в римской армии

— Подразделениям,— скомандовал опцион.— Первая шеренга — низкий упор. Вторая шеренга — на колено. Третья шеренга — щиты вверх. Делай — раз! Делай — два! Делай — три! Плотнее щиты, дурни! Эй, ты, что ты зад выставил, как сирийский мальчик? Да, ты! Ты! Палки захотел? А теперь медленно, вместе... А теперь... Вскройсь! Ну-ка еще. Раз! Два! Три! Копья ровно, ровно, я сказал! Задние, тверже, тверже упираться... Бей! А теперь все вместе, четко. Бегом!

Черепановская кентурия, все три шеренги, разом сдвинулась с места, рысцой, дружно взбивая пыль, постепенно набирая скорость...

— Ра-аз...— отсчитывал бегущий справа Ингенс-старший.— Два-а... Тестудо![1]

С треском и грохотом первая шеренга рухнула на колено, выставляя перед собой тяжелые скутумы, упираясь ими в землю, вторая — следом, накрывая собственными щитами верхние края щитов первого ряда, и третья шеренга — тоже

[1] Тестудо *(лат.)* — черепаха.

щит к щиту, над головами, образуя непроницаемый выпуклый черепаший панцирь, подобный черепичной крыше, с которой скатится даже льющийся сверху кипяток. Легионеры, плотно сбившиеся вместе, застыли в напряжении. Боевая машина, ощетинившаяся копьями. Первый ряд — в низком жестком упоре, второй — в упоре высоком, третий — основа этого упора. Словно команда бегунов на старте. Сжатая пружина...

Опцион глянул на Черепанова. Тот помедлил пару секунд и кивнул трубачу.

Сипло рявкнула туба.

И пружина освободилась. Первая и вторая шеренги почти одновременно рванулись вперед, расходясь в стороны, отталкиваясь от земли и друг от друга, но главный импульс — вперед! Вперед, сшибая, отшвыривая все и вся, что окажется на пути набирающей скорость боевой машины.

Черепанову сразу вспомнилось: собранный плотный строй «морских пехотинцев» Гельвеция под стенами деревянного форта, накатывающаяся лавина варваров, захлестнувшая тесный строй щитов... И вдруг — взрыв, разметавший, отбросивший, опрокинувший вражескую волну, погнавший ее назад, в беспорядке, в смятении...

Теперь подполковник знал, как это делается. Весь механизм изнутри. И знал, какая это работа: заставить пятьдесят, сто, тысячу человек сжиматься, словно гигантский кулак. И бить этим кулаком. Всем разом. Сокрушительно.

Не одно ведро пота надо пролить. Но дело того стоило. Еще как стоило! И его ребята прогрессировали прямо на глазах. Кнутом и пряником, подарками и угрозами подполковнику удалось приструнить даже самых отъявленных бездельников. Изрядной долей успеха он был обязан Гаю Ингенсу. Опцион сдержал слово: палок в колеса Черепанову не вставлял. А потом, когда они узнали друг друга поближе, бывший борец проникся к кентуриону искренним уважением и вложился в дело полностью. У бывшего борца имелось все, что требовалось идеальному младшему офицеру. Внутренняя дисциплина, голова на плечах, отличная физическая подготовка, профессиональные навыки — и авторитет, конечно. Тот самый авторитет, который Ингенс при другом раскладе использовал бы для целей, прямо противоположных. Но Черепанов недвусмысленно дал

понять Ингенсу-старшему, что не собирается «задерживаться» в младших кентурионах, что намерен «выйти» на самый верх, в командную элиту, к которой принадлежал примипил Плавт. И трамплином для этого взлета должно стать превращение последней кентурии легиона в первую. Гай Ингенс, морда кирпичом и цвета такого же, мозгой шевелить умел. Прикинул что к чему, сообразил, какие выгоды сулит лично ему успешная карьера командира,— и взялся за дело. У него не было кентурионовой дубинки, но с такими кулаками дубинка не требуется. «Энтузиазм» легионеров живо подскочил сразу на триста процентов. Но и Черепанов вложил свою лепту. Установил, вернее, восстановил систему наград и премий для особо отличившихся.

О наличии специального поощрительного фонда он узнал случайно, когда заглянул к старшему либрарию когорты — писарю, который занимался «бумагами» соединения. Большая часть архива была, правда, не бумажной, а «восковой». На «долговечном» папирусе и еще более долговечных медных пластинах фиксировались лишь наиболее важные документы. Но восковые таблички тоже хранились как положено, а «документация» по делам когорты была — будь здоров. Приказов, циркуляров, распоряжений и прочего в этой армии оказалось немногим меньше, чем в той, где Черепанов служил раньше. Он всего-то хотел узнать, кто из его солдат пользуется «надбавками», а оказалось, что на каждого легионера существует целое досье, в котором зафиксировано все: как и когда в последний раз проходил «медосмотр», когда принес присягу, где служил раньше и какие имел взыскания и поощрения. Взысканий было существенно больше. Поощрения имели только двое: Мелантий Ингенс — серебряный браслет за «спортивные достижения» и Тевд Трогус — медаль за меткость в стрельбе из лука и серебряная цепочка — за какое-то вовремя доставленное донесение. Обе награды были получены еще в то время, когда Тевд служил в кавалерии. А кроме наград — три взыскания за «опоздание из увольнения без уважительных причин». Последнее взыскание и выразилось в том, что, получивши «десять ударов», Трогус был переведен из кавалерии в пехоту. В качестве разведчика и гонца. В последнюю кентурию легиона.

Либрарий — типичный писарь, сутулый, с пальцами в чернилах, зачитал Черепанову все это с большой неохотой. Он полагал Геннадия грубым варваром, существом низшего сорта, совершенно незаслуженно поднятым до уровня кентуриона.

— Все запомнил? — сухо осведомился чернильный червь.

— Почти,— кивнул Черепанов.— Дай-ка я сам еще разок перечитаю.

— Чего-о? — Писарь даже забыл свой подчеркнуто рафинированный выговор.

— Дай-ка, говорю, мне все эти документы. Я гляну по-быстрому...

— По-быстрому? Ты... Ты что, умеешь читать? — Вид у либрария был, как у сантехника, с которым заговорил сливной бачок.

— Разбираю немного,— усмехнулся Черепанов.

На самом деле он уже неплохо читал по-латыни: успел втихую попрактиковаться. Для человека двадцать первого столетия научиться читать написанное знакомыми буквами на знакомом языке — сущая ерунда. Притом что по-английски Черепанов читал свободно. И немецкий кое-как разбирал. Выяснилось, правда, что многие буквы эти настоящие римляне выговаривали совсем не так, как их дальние потомки. А кое-каких окончаний и вовсе не выговаривали. Но и с этим было просто. Потому что и здесь римляне оставались практичными, живущими по строгим правилам ребятами.

В общем, поладили они с писарем. Особенно когда выяснилось, что Черепанов не только умеет читать, но (как и всякий более-менее образованный человек начала третьего тысячелетия) неплохо представляет себе, что такое бюрократия и насколько важен в ее механизме даже такой маленький винтик, как либрарий когорты.

— Они думают, мы тут только тем и занимаемся, что скамьи полируем и деньги воруем за свое полуторное,— пожаловался либрарий.— Давеча пришел один, сигнифер из третьей кентурии, говорит: выиграл вчера в кости позолоченный фалар[1] с

[1] Фалар — награда, медаль (серебряная, позолоченная или золотая), выдававшаяся простым солдатам за отличие. Носилась поверх доспехов. В описываемое время подобные награды практически вышли из употребления. Их заменили денежные премии.

профилем императора Веспасиана[1]. Впиши, говорит, мне его в список[2], а я тебе за это двадцать динариев дам.

— Вписал? — поинтересовался Геннадий.

— Как же! — желчно хмыкнул писарь.— А в дубликат, который у квестора хранится, кто ему впишет? Квестор? За двадцать динариев?

— И что ты ему сказал?

— Да это и сказал.

— А он?

Писарь фыркнул:

— Говорит, я — жадная скотина. И больше пяти динариев он мне все равно не даст. Будет так фалар носить. Без записи.

— Понятно,— улыбнулся Черепанов.— У меня к тебе просьба, уважаемый: если кто-то из моих заявится к тебе с подобным предложением, дай мне знать. А я уж его сам... награжу. Слушай, а что это за наградной фонд такой? — Черепанов ткнул пальцем в строку на табличке.

— А, этот... Этого ты лучше не касайся, кентурион. Это дело особое...

— И все-таки?

Писарь мялся некоторое время, но Черепанов был мужик упорный. Дожал. Оказалось, что в каждом легионе существует особый поощрительный «мирный» фонд для отличившихся солдат. В основном им распоряжаются легат и старший кентурион, но некоторые фиксированные суммы ежемесячно передаются и первым кентурионам когорт. В данном случае — Квинту Пондусу. И, как явствовало из документа, уже два года благополучно распределяются вышеупомянутым Квинтом Пондусом между солдатами его собственной кентурии.

— Не лезь в это дело,— дружески посоветовал Черепанову писарь.— Я точно знаю, что фонд этот Тит Квинтус в собственный кошель кладет. Ты с ним поосторожней — опасный человек.

— Спасибо за предупреждение,— сказал подполковник и пристально посмотрел на писаря.— Спасибо. Но учти, уважае-

---

[1] Веспасиан Тит Флавий — римский император с 69 по 79 г. до Р. Х.

[2] На каждого легионера римской армии было заведено постоянное досье, куда вносились его личные данные, в том числе награды, суммы сбережений, взыскания, отлучки из лагеря по поручениям и т. д.

мый, я тоже опасный человек. Особенно если кто-то *обижает* моих людей, лишая их заслуженной награды.

— Твои люди, уж прости меня, кентурион, кал собачий,— проговорил либрарий.— Последняя кентурия. Кто станет с ними считаться?

— Они были *последними*,— уточнил Черепанов.— Пока не были *моими*. А тот, кто не считается со мной, рискует вообще разучиться считать.

— Ну да,— пробормотал писарь.— Примерно так о тебе и говорят. Но сдается мне, ты — шкатулка с двойным дном.

Черепанов многозначительно улыбнулся.

— У меня тут кувшинчик с кесарийским винишком завалялся,— сказал писарь.— День сегодня какой-то прохладный...

Расстались они намного теплее, чем встретились, тщедушный писарь и мускулистый кентурион. И оба — в полной уверенности, что могут, если что, друг на друга рассчитывать. Что, собственно, Черепанову и требовалось. А с первым кентурионом он очень скоро получил возможность поговорить начистоту.

Глава шестнадцатая

Текущие проблемы «ротного» в римской армии (продолжение)

— Что расселись, бездельники! А ну работать! Вы не в Сенате, чтобы жопы отращивать!

Черепановская кентурия нехотя начала подниматься на ноги, стаскивать чехлы со щитов.

— Сидеть,— негромко, но внятно скомандовал Черепанов.— Отдых еще полчаса. Опцион, ты знаешь, что делать.

Легионеры облегченно поплюхались на жухлую траву. Сказано же: выполняется последний приказ. Пусть кентурионы между собой и разбираются.

Первый кентурион когорты Тит Квинтус Пондус, прищурившись и поигрывая дубинкой, разглядывал своего подчиненного, осмелившегося возражать.

Черепанов выпрямился и четко произнес:

— Кентурион первый гастат Геннадий Череп! Вверенная мне шестая кентурия отдыхает согласно составленному распорядку.

— Это какому еще, пожри вас Орк, распорядку? — осведомился первый кентурион.

— Составленному мной для специальной подготовки кентурии. Одобренному лично примипил-кентурионом Сервием Ферратом.

— Что?!

Черепанов шагнул вперед, оказавшись рядом с толстяком-кентурионом.

— Пондус,— шепотом произнес он.— Давай не будем при солдатах, а?

— Отойдем,— согласился Тит Квинтус. Но тон его ничего хорошего не сулил.

— Ну! — процедил первый кентурион, когда они оказались шагах в ста, за линией соломенных мишеней.— Что еще за хренов распорядок?

— Одобренный Железным,— с нажимом произнес Черепанов.

Он не врал. Неделю назад он был у старшего кентуриона. Принес собственный план занятий. Раз уж римская армия насквозь бюрократична, значит, не худо и бывшему подполковнику вспомнить армейское прошлое.

— Это что? — брезгливо спросил старший кентурион, уставившись на восковые таблички.

Черепанов объяснил.

— И что ты хочешь? — еще брезгливее спросил Феррат, у которого болела голова после вчерашней пьянки.

— Чтобы ты прочел и утвердил.

— Делать мне больше нечего,— буркнул старший кентурион.— Твоя кентурия — делай, что хочешь. Я тебе доверяю.

И вдавил в воск печатку перстня.

Любого другого Феррат просто послал бы, но Черепанов был другом Плавта, и старший кентурион выделял его.

— Я работаю со своей кентурией, как считаю нужным, Пондус,— сказал Геннадий.— Не мешай, пожалуйста. Если что — спрос с меня будет.

— Будет,— посулил толстяк,— не сомневайся.

— Но это еще не все, господин первый кентурион,— произнес Геннадий.

— Что еще?

— Еще мне нужны средства на поощрение отличившихся.

— Двойная миска каши — достаточно.

Черепанов покачал головой.

— Казначей легиона выделяет для поощрений три тысячи. На нашу когорту. Доля каждой кентурии таким образом составляет пять сотен.

— Это кто же тебя так хорошо считать научил? — ощерился Пондус.

— Неважно. Важно, что я действительно хорошо считаю,— с нажимом произнес Геннадий.— Триста динариев я считаю достаточным.

— Не слишком ли ты раскатал губу, первый гастат? — процедил Тит Квинтус.

Черепанов усмехнулся. Молча. Одними губами.

— Ты мне угрожаешь?

Геннадий усмехнулся еще шире. Но глаза его остались такими же холодными.

— Откуда ты узнал, сожри тебя вороны?

— Узнал,— сказал Черепанов.— И не только это.

Некоторое время оба молчали. Толстяк размышлял. Жалко ему было денег, ежику понятно. Опять же, одному дашь — другие узнают. И тоже захотят.

— Сто,— наконец произнес Пондус.— Сотни хватит.

— Триста,— отрезал Черепанов.— Ты — мой командир, Пондус. Пока. Но это скоро изменится, можешь не сомневаться. Запомни: со мной не торгуются. Со мной дружат. Со мной хорошо дружить, Пондус. Подумай. Ты ведь не дурак. Неужели первый кентурион когорты — это предел твоих мечтаний?

— Дожили,— проворчал толстяк после паузы.— Какой-то гастат мне повышение по службе сулит!

— Не «какой-то гастат», Пондус. Я. Прочувствуй разницу.

— М-да... Значит, триста?

— Триста, кентурион.— И подсластил пилюлю: — Никто не узнает. Я забочусь о своей кентурии. Другие пусть сами о своих позаботятся.

— Ладно, подумаю,— проворчал первый кентурион и двинулся прочь.

На следующее утро его вестовой-бенефектарий принес Черепанову мешочек. Триста динариев.

Но главным итогом вчерашней беседы были все-таки не деньги, хотя и деньги пригодились. Главным было, что рейтинг Черепанова подскочил сразу на десяток пунктов. Сперва внутри кентурии, а потом, по мере распространения слухов, и в других подразделениях. Потому что старший лейтенант, который осмеливается возражать майору, не такая уж редкость. Но вот когда майор уступает старшему лейтенанту, это уже кое-что значит. Для тех, кто понимает.

А в своей кентурии на Черепанова смотрели как на грозного бога. Еще бы! И месяца не прошло, а его легионеры вышли из категории ничтожеств. Напротив, на них поглядывали уже чуть ли не с почтением: *те самые*, у которых кентурионом *тот самый* Череп. Друг Аптуса (Плавта в легионе помнили и уважали), любимчик Максимина и вообще крутой мужик: своих в обиду не даст и чужим ничего не спустит. Череп, одним словом. Голыми руками на куски порвет. Вон, самого Партокла, сирмийского чемпиона, едва не убил... Но не убил, пожалел.

На Геннадия уже поглядеть приходили. «Это который — Череп? Этот, что ли? Здоровый. А ростом — не очень».— «Так пойди, скажи ему об этом»,— предлагали скептику.

«Ну уж нет,— отвечал тот.— Я себе не враг».

В общем, все шло по плану. А где-то в середине октября от легата Максимина поступил приказ: сворачивать лагерь. Пришло время перебираться на зимние квартиры.

Но еще раньше в гости пожаловал император.

Глава семнадцатая

Отвальная, прощальная...

Черепанов знал, что Александру Антонию Северу Августу было чуть больше двадцати. Но выглядел он старше. Геннадию, который стоял в хвосте легиона, справа от своей кентурии, лицо императора не понравилось. Какое-то брезгливо-порочное. Хотя говорили, что Александр ведет очень скромную жизнь,

почти аскетическую — в сравнении с прежними Августами. Черепанову было не с чем сравнивать. Это был первый римский император, которого он видел воочию. Север ехал на высокой колеснице в окружении конных преторианцев. Рядом, с напряженным, белым от пудры лицом — его мать, Мамея. Соправительница. Когда-то она, вероятно, была очень красивой женщиной. Время, интриги и власть изуродовали ее. Хотя заметить это под толстым слоем грима, драгоценностей и драпировок было нелегко.

Ревели трубы. Легионы приветствовали императора, ударяя в щиты. Без особого энтузиазма. Каждый легионер знал: Август не любит «данубийцев». Уроженец Сирии, Александр любит только своих «азиатов».

Император привез подарки. Награды. Взревывали трубы. Глашатай зычно выкликал номер подразделения, имя... Офицерам награды вручал лично император. В их легионе таких оказалось всего двое: трибун Гай Петроний Магн, совсем молодой, всего лишь года на три старше императора, и какой-то кентурион из бывших преторианцев. Легионы приветствовали награжденных (так было положено), но довольно прохладно. Тем более что и награжденных было немного. Все знали, что император скуповат. Расщедривается только тогда, когда пахнет жареным.

И вдруг все когорты словно взорвались: появился Фракиец.

Гай Юлий Вер Максимин въехал на лагерный форум[1] один. Махнул рукой, приветствуя легионы, и присоединился к свите императора. Но приветственный рев и грохот утихли далеко не сразу. Черепанов видел — у него было превосходное зрение,— как «Мать императора, солдат и страны» (как ее именовали при официальном титуловании) раздраженно поджала губы.

Потом были пир и праздник.

Черепанов впервые наблюдал гладиаторские бои: Север привез с собой дюжину пар. Ничего интересного. Все, кроме двух бойцов (оказавшихся, как выяснилось, не рабами-гладиатора-

[1] Форум — открытое место, площадь, где римляне собирались по разным поводам. Форум в римском лагере находился в «командном» квартале, слева от алтаря, на котором совершались жертвоприношения богам, сразу над насыпью-трибуналом, с которой полководец обращался к войску и на которой производил суд.

ми, а спортсменами-любителями), дрались так себе. На всех хватило бы одного Плавта. А черепановская кентурия легко стоптала бы сотни полторы таких вояк. Конечно, не на арене, а в настоящем бою. В общем, ничего особенного. Четверых бедолаг убили, еще четверых — покалечили. Надо признать, сам процесс публичного смертоубийства легионеров возбуждал мало. Сказывалась специфика профессии. Ставки — вот что делало бои по-настоящему привлекательными для этих ребят.

Когда уже совсем стемнело, прискакал Плавт. Бросил пару слов Феррату и забрал Черепанова с собой. К Парсию. Развлекаться.

— Этот Север вечно жнет, где не сеял! — Гонорий, принявший на грудь литра три, всегда становился чуточку агрессивен.

— В позапрошлом году Сенат в Риме устроил ему триумф и поименовал его «Великим Персидским». Притом что мы, только мы били персов. Мы прошли всю Армению и так врезали хваленой персидской кавалерии, что у них мозги из ушей летели. В Мидии[1], понимаешь, гора на горе. Коннице не развернуться, но пехоте — самое то. А пока мы дрались, этот сопляк со своими любимчиками из восточных легионов застрял в пустыне и потерял почти всех лошадей. А третью армию вел любимчик Сената Марцелл — только полный болван мог доверить ему армию! Шел как по Аппиевой дороге. Все ждал: вот сейчас Александр с мамашей с основными силами подойдут... Ардашир[2] взял его, как волк овцу. Вырезали всех.

---

[1] Мидия — историческая область в северо-западной части Иранского нагорья. В 70-х гг. VII—сер. VI вв. до н. э. царство со столицей в Экбатане. Расцвет при Киаксаре. В 550—549 гг. завоевана персами. Возродившееся в последней четверти IV в. до н. э. мидийское царство занимало часть территории Мидии — южный Азербайджан, который позже был назван Мидией (или Малой Мидией).

[2] Правитель государства Персеполь Ардашир в 223—230 гг. восстал против парфян и сверг их монарха, подчинив все государство династии Сасанидов, названной так в честь его деда. Это новое руководство оказалось для Рима гораздо опаснее прежнего, парфянского, изрядно ослабленного войнами с тем же Римом. Молодое, агрессивное, националистически настроенное персидское государство, управляемое сильным правителем, поставило себе целью расшириться до пределов древнего парфянского царства в Малой Азии. В 230 г. Ардашир вторгся в Месопотамию, угрожал Сирии и другим азиатским провинциям империи. После года бесплодных переговоров Александр и Мамея отправились на Восток во главе значительной армии и сделали еще одну попытку решить проблему дипломатическим путем. Но договориться с персами не удалось. Ардашир предъявил ультиматум: потребовал отдать ему все земли, на которые он претендовал. И Мамея с Александром были вынуждены начать войну.

Втоптали в песок и утопили в водах Евфрата[1]. А этот маменькин сынок обгадился и остался на месте. И нам приказал отступить. Осенью, через перевалы. Туда мы летом шли. Летом еще ничего, а осенью... Представь, Череп: горы, снег, холод, никакой жратвы и фуража. Наших там больше погибло, чем в Мидии. Но все-таки мы с Максимином врезали этому Ардаширу! Мы так дали персам по зубам...

— Погоди-ка,— попросил Геннадий, заинтересовавшийся стратегией войны, о которой говорил его друг.— Вы что же, атаковали раздельно?

— Ну да,— кивнул Плавт.— Вот, гляди (он нарисовал на земле схемку). Вот Тигр[2]. Вот Евфрат. Вот здесь — наша земля, вот тут — персы. Вот отсюда ударили мы — через Армению. Били их почем зря, прорвались в Мидию и, если бы остальные дрались так же, свернули бы этому Ардаширу шею, как глупому петуху. Но не все легионеры подобны нашим. И не у всех есть Максимин! — В голосе кентуриона смешались горечь и гордость.— Мы разбили их, но нас было слишком мало, и с провиантом возникли трудности. А вторая армия, Августова, шла через Северную Месопотамию и завязла вот здесь. Говорят, из-за проклятой жары. Но я в это не верю. Просто ни Александр с мамашей, ни его любимчики с Востока[3] не хотели драться и тянули сколько могли, чтобы не их кровь пролилась, а наша. А потом они просто струсили! Ну, мы-то не посрамили своих орлов, а вот ребятам, которые вышли к Евфрату отсюда, через Южную Месопотамию, не повезло. Побили их персы. А мы им врезали! — Плавт грохнул кратером по столу.— Да мы им так напинали, что Ардашир и думать забыл про *нашу* Месопотамию! И после этого Сенат устраивает триумф Александру с мамашей. Да они там даже ни в одной хорошей драке не были! Тьфу! — Плавт сплюнул на землю.— Ну, Александр, конечно, знал, *чья* это была победа. И ему пришлось здорово раскошелиться, чтобы легионы не взбунтовались. Даже его любимые

[1] Евфрат — река в Месопотамии.

[2] Тигр — река в Месопотамии. Междуречье Тигра и Евфрата, наряду с Египтом, — одна из колыбелей человеческой цивилизации.

[3] Будущий император Антонин Александр Север родился в 208 г. в финикийском городе Кесарии Ливийской и, будучи уроженцем Востока, всегда отдавал предпочтение своим землякам. И не скрывал этого. Естественно, легионам, сформированным в европейских провинциях, это не нравилось.

азиаты готовы были его прикончить за то, что он струсил и бросил своих. Потому он и оставил наши легионы на востоке. А отсюда, с запада, вести приходят: мол, опять здесь варвары зашевелились. Алеманны, мол, по Паннонии шарят... А у наших тут, на Рейне, на Данубии — семьи, земля. Кто их убережет? Август с мамашей и хитрожопой дипломатией? Хрена лысого! Мы кричим: отправляй нас домой. Не слушает. Тогда уж сам Максимин к нему приехал. «Отправляй,— говорит,— Август богоравный, наших домой. Не то бунт будет. Геркулесом клянусь!»

Максимина-то он послушал, ясное дело. Повелел. Ну, поднялись мы и пришли сюда. В самый раз, чтобы варваров приструнить. У нас дипломатия простая, зато радикальная.— Кентурион осклабился.— Гладий в пузо. И повернуть для надежности. Очень помогает.

— Не сомневаюсь,— улыбнулся Геннадий.— Значит, так себе полководец из нашего императора?

— Да кабы в императоре дело было,— возразил Плавт.— Александр еще ничего. Жалованье вот поднял. Сам просто живет, без роскоши. Но им же мамаша крутит. И Сенат. А Мамее и сенаторам до солдат дела нет. Им лишь бы сундуки ауреями набить да земли пожирнее под себя подмять. Мы вот почти три тысячи рабов из Персии пригнали. Взяли-то больше, да две трети по дороге подохли. Зима больно суровая оказалась. Даже и наши от холодов пострадали многие. Ну и что дальше? Постановлением Сената да повелением императора забрали у нас весь полон, да и увезли. Якобы для обмена на наших пленных. Да только потом тех персидских рабов, которых якобы обменяли, почему-то видели на сирийских рынках. Справедливо ли это, а?

— Да уж,— согласился Черепанов.— Но ведь он молодой еще, наш император? Может, еще поправится?

— Хитрый он,— сказал Гонорий.— Все ловчит да комбинирует. То с преторианцами заигрывает, то с нами, то с германцами... Сейчас время такое: надо четко знать, с кем ты и на кого опереться можешь. Вон Фракиец — знает. А Август, он вроде как худого не делает, а скользкий какой-то, не поймешь. Сегодня — «бей алеманнов», завтра — «наши друзья алеманны». То он землю граничную нашим ветеранам дает, как встарь положено, то вдруг рядом диких гетов сажает. Одно слово — восточ-

ный человек. На Востоке родился, ихним богам жертвовал. Но помяни мое слово: зря он в восточных легионах крепость себе ищет. Восток — это Восток, там настоящей надежности нет. И вся зараза оттуда. Боги лживые, любовь эта к мальчикам кудрявым, роскошь безмерная. Не так наши деды-прадеды жили, не так. Но мы еще поправим дело, не зря нам, римлянам, Марс-Воитель щит с неба сбросил[1]. Мы еще покажем этим мальчиколюбцам, как отечество любить! — Гонорий хлопнул Черепанова по спине.— А ты молодец, дружище! Слыхал, у самого Толстяка серебро из пасти выдрал!

— Откуда ты знаешь? — удивился Геннадий. Он полагал, что не в интересах Пондуса болтать об их маленькой «сделке».

— Железный рассказал. Толстяк под это дело решил пару сотен сэкономить. Мол, теперь он их тебе будет отдавать, а не ему.

— Он, что же, на пару с Ферратом казну тянет? — удивился Черепанов.

Он-то считал, что старший кентурион Первого Фракийского — человек честный.

— Вот еще! На пару! — Гонорий хмыкнул.— Тоже мне пара: медведь и лиса. Долю он Железному отдает. Как мне отдавал. Как положено. Младший со старшим всегда делиться должен. Это только ты,— тут он подмигнул Геннадию,— ни с кем не делишься. Но у тебя есть я.— Он самодовольно выпятил челюсть.— А на меня в *моем*, хоть и бывшем, легионе ни одна шавка не тявкнет. Тем более, это я Феррата в старшие вывел. И тебя выведу, не сомневайся! Служи крепко и верно, а старина Аптус позаботится, чтобы шавки тебя за калиги не хватали. Я Феррату так сказал: «Черепа не трогай. Череп — правильный муж. Он, сам знаешь, для себя ничего не берет. Все — для дела. А дело ему сам Фракиец определил».

Я ведь тебя знаю, Геннадий. Ты дружбу выше золота ценишь. Я помню, как там, в Готии, ты мне все ценное отдал: храни, Аптус, я тебе доверяю. И этим ты меня купил, дружище. Больше, чем когда варварам меня зарезать не дал. И понял я... (Показалось Черепанову или нет, что глаза Плавта увлажни-

[1] По преданию один из священных щитов (ancilia), которые были неотъемлемым атрибутом шествий салиев (жрецов Марса), упал с неба, а остальные были сделаны по его образцу.

лись?) Понял я, что не будет у меня друга верней, чем ты, Геннадий! Потому что видел я не раз, как родные братья из-за золота друг другу глотки рвали. А Железному я так сказал: если Череп что для себя возьмет — сам с тобой поделится. Феррат — он понимает. Он — наш. Он — за Быкоборца...— Тут Плавт внезапно осекся и бросил на Черепанова подозрительный взгляд.

Подполковник ответил ему взглядом прямым и наивным, но про себя подумал: «Так-так... Что еще за Быкоборец?»

— Словом, можешь на Железного рассчитывать! — заявил Гонорий.— А начал ты хорошо, Череп! Очень хорошо! Выпьем за это!

А потом Плавт уехал. Ночью. Даже не попользовавшись Парсиевыми девочками. Попрощался с Геннадием и отбыл, наказав времени даром не терять и крошку-Марцию не разочаровывать. Потому что завтра Первый Фракийский сворачивает палатки и уходит в Августу. На зимние квартиры. А от Августы сюда — шесть дней пути.

— А у меня для тебя новость,— проговорила Марция, перебирая колечки волос на его груди.

— Какая же? — Ее нога лежала поперек его бедра, тяжелая, расслабленная, теплая. Локоны растрепались и наполовину закрыли лицо. Черепанов протянул руку и убрал их вверх.— Какая новость, плохая или хорошая?

— Не знаю.— Она отодвинулась, и волосы снова упали.— Отец мне мужа нашел... Ну, что ты молчишь?

— А я должен что-то сказать?

— Ты рад за меня? Или огорчен? Или сам хотел взять меня в жены? — Она игриво засмеялась.— Тогда скажи отцу. Он не посмеет тебе отказать: все знают, что ты — друг Аптуса. Хочешь?

— А ты хочешь? — Черепанова немного покоробило то, что не посмеют отказать не ему самому, а «другу Аптуса».

— Не хочу! — Она снова игриво засмеялась.

Геннадий молчал.

— Ты не думай,— быстро сказала Марция.— Не потому не хочу, что боюсь тебя. Все говорят: Череп, Череп, а я ведь знаю, какой ты. Совсем почти не страшный. Но ты не Венере принадлежишь — Марсу. А я не хочу в лагере жить. И еще хо-

чу, чтобы муж мой со мной рядом был, и чтобы баловал меня он — хочу! А ты меня баловать не будешь. И жить с тобой трудно.

— Почему? — сухо спросил Геннадий.

— Потому что ты строгий. И суровый. К себе суровый и ко мне таким будешь. А я хочу, чтобы муж мой мягким был. Чтобы только приап у него твердый был, как у тебя.

— И кто он, этот твой жених? — нехотя поинтересовался подполковник.

— Племянник виноторговца из Реции. Виноторговец этот — бездетный. Дело свое племяннику передаст. Когда-нибудь. А пока тот отцу моему будет помогать. В гостинице.

— Хоть симпатичный? — Черепанов мрачно усмехнулся.

— Оч-чень! Молоденький такой, кудрявый, пухленький! Просто лапушка!

— Рад за тебя.— Геннадий немного отодвинулся. Ложе позволяло — широкое. Посмотрел на жаровню, в которой тускло мерцали угли.— Может, и сегодня мне не стоило приезжать?

— Почему? — Марция надула губки.— Ты меня больше не любишь?

— У тебя же свадьба скоро. Жениху это вряд ли понравится.

— Ой, да кто его спросит, поросенка! — Марция даже руками всплеснула.— Да он, если хочешь знать, сам с тобой покувыркаться не прочь! Я ему все про тебя рассказала!

— Ну уж от этого меня избавь!

Черепанову представился групповичок из него, Марции и неизвестного «пухленького»...

Подполковник фыркнул... И неожиданно снова пришел в хорошее настроение. Да кто он такой, чтобы ревновать эту малышку? Тем более к «поросенку»!

Да и не нужна ему Марция в качестве жены. Что у них общего, кроме постели? Правда, в постели...

Он просунул руку под мягкий изгиб повыше бедра и опрокинул Марцию на себя. Она с готовностью прильнула к нему, потерлась грудью, животиком, колким лобком, прошептала:

— Ты такой горячий... Как птица...

— А я и есть птица,— сказал Геннадий.— Стальная птица...— Он приподнял ее и опустил, медленно-медленно, слушая,

как она мелко, сквозь стиснутые зубы втягивает теплый, с привкусом дыма воздух: «А-а-av-f-i-c-c... А-а-v-v-d-s-s»...[1]

Он чувствовал ее всю: от пушистой макушки до ступней, скользящих по тонкому покрывалу. Она была его. Но — только сейчас. В это мгновение. И, может быть,— больше никогда. И от этого он хотел ее еще сильнее, острее, неистовей...

Ранним утром он уехал. Получил на прощание узелок с теплыми еще медовыми лепешками.

— Приезжай! — попросила она.

— Обязательно,— ответил он.— Познакомишь меня со своим... кудрявым.

В это утро он видел ее в последний раз.

[1] Avis *(лат.)* — птица, avidus *(лат.)* — жадный, ненасытный.

Часть третья

ОГНЕМ И ЖЕЛЕЗОМ

Debes, ergo potes[1].

[1] Debes, ergo potes *(лат.)* — Должен, значит, можешь (римская поговорка).

Глава первая

Провинция Иллирия. Зимний лагерь

Провинция Иллирия. Граница. По-военному четкий квадрат: примерно пятьдесят гектаров плоского поля за земляным валом и стеной. С трех сторон — ров, полный грязной воды, скопившейся после осенних дождей. С четвертой — разбухшая от тех же дождей речка, впадающая в Дунай. И сам Дунай-Данубий — тоже рядом. И маленький, но крепкий порт: кусок берега, одетый камнем, с несколькими длинными причалами и пятнадцатиметровой башней маяка. Зимний лагерь Первого Фракийского легиона. Вообще-то легион должен стоять эдак километров на четыреста восточнее, во Фракии. Поближе к морю. Но Иллирия — как раз посередине между Рейном и Черным морем — Понтом. Отсюда Максимину удобнее управлять пограничными легионами. Поэтому Второй Италийский перебросили на восток, а Первый Фракийский — сюда.

Сам Максимин Фракиец — в лагере гость нечастый. Но военная машина легиона работает и без участия легата. Римский порядок.

Примерно в десяти километрах от лагеря — городок Августа. Одна из десятков «Август», разбросанных по империи. Туда, в Августу, регулярно наведываются легионеры, купившие или заслужившие увольнительные. В Августе — настоящие термы-бани. В Августе — маленький театр и (самое главное!) лупанарии. Хотя у многих солдат в городе постоянные подруги. Легионерам до окончания службы жениться запрещено. Но обзаводиться подругами и детьми не возбраняется. Даже поощ-

ряется. Сыновья легионеров — будущие солдаты. Вокруг лагеря, по ту сторону рва, тоже не пусто. Зимний лагерь легиона — это что-то вроде большой военной базы. Тоже город. И не очень маленький по здешним масштабам. Такому городу нужно много разных вещей. Тем более денежки у солдат водятся. Так что военный лагерь в считанные месяцы обрастает мастерскими, лавочками, хижинами, огородами так же естественно, как обрастает ракушками днище квинкверемы[1]. Немного дальше — поселения. Ветеранские (этим, помимо земли, полагается пенсия от императора), федератские — этим ничего не полагается, напротив, они должны в случае необходимости выставлять ополчение — для пополнения вспомогательных войск. Но от налогов освобождены и они. Здесь — граница. Те, кто тут живет, если и отделяют долю империи, то собственной кровью. А вот в Августе — нормальные обыватели. Эти налоги платят — их охраняет гарнизон. И отряды усиления из числа легионеров Первого Фракийского. Квартировать в Августе — привилегия. Кому повезет — решает жребий. В легионе — десять когорт. Каждая проводит в Августе по месяцу. Так заведено. Десятой когорте выпал февраль, самый холодный. Повезло.

У Черепанова подруги в городе нет. Да ему и не до подруг. Десятая когорта работает в режиме караульной службы — «через день на ремень». Граница. И прилегающие территории. Довольно обширные. А людей мало. Правда, считается, что им повезло. Патрулировать лучше, чем, скажем, охранять лагерь, ремонтировать дороги или сопровождать сборщиков налогов. Бывает, и добыча подвернется: разбойники какие-нибудь нерасторопные, или шайка варваров ночью переплывет на лодочках через Дунай, пограбит немного — и попадется. Правда, такого «везения» черепановской кентурии пока не выпадало. Но все равно эта служба считалась неплохой. Особенно для последней кентурии легиона. Обычно таким всякая дрянь выпадает: рабов сторожить, которые отхожие ямы чистят, канавы копать. Но Черепанов, можно сказать, по блату отхватил для своих работенку покруче. Хотя тоже не синекуру. Иной раз по тридцать миль за день отмахать приходится. Невзирая на погоду.

[1] Квинкверема — древнеримский гребной военный корабль, вооруженный тяжелыми метательными орудиями (катапультами и баллистами), название которого происходит от латинских слов quinque (пять) и remus (весло).

Теперь у него в подчинении, кроме пехотной кентурии, кавалерийская турма: тридцать всадников. Черепанов отдал ее Тевду Трогусу. С этим проблем не было: послужной список у парня подходящий. И декурион к тому же — не разжаловали, переведя в пехоту. Теперь он снова на коне. И Черепанов — тоже. Месяц патрулирования — и Геннадий уже вполне уверенно чувствовал себя в «рогатом» армейском седле. Мог бы обойтись и обычным: при наличии стремян острой необходимости в дополнительных упорах не было. Но «рогатое» ему продали вместе с лошадью. То и другое — со скидкой. По «армейским» расценкам.

Месяц прошел относительно спокойно. Без стычек. Накрыли разок шайку местных бродяг, решившую поживиться в деревеньке переселенцев из Италии. Но это даже стычкой назвать нельзя: бродяги побросали оружие (если колья и распрямленные косы можно назвать оружием), едва завидели легионеров. Их свезли в Августу и передали эдилу, который тут же направил их на общественные работы. Арестанты особо не опечалились: хоть кормить будут. С провиантом в провинции было напряженно, хотя к легионерам это не относилось. Еще в начале осени из Сирии пришли три судна с зерном. И все оно без потерь поступило в лагерные амбары, хотя на рынке в Августе. Нет, воровать и продавать казенный провиант в Первом Фракийском никто не рискнул бы. Даже Пондус, глядя на которого, Черепанов сразу вспоминал анекдот из того времени, в котором американский президент угрожает советскому нейтронной бомбой: дескать, все население — того, а имущество — в полном комплекте останется; а советский президент ему в ответ: а мы на вас — десант в тысячу прапоров — и у вас все население будет в полном комплекте, а вот имущества совсем не останется. Так вот, этот самый Гай Пондус, который мог без угрызений совести содрать с солдата шесть динариев за освобождение от работ, никогда не осмелился бы схитить солдатское довольствие. Потому что хорошо знал своего легата, а, как рассказывали Черепанову, Максимин Фракиец еще на заре своей службы нынешнему императору во всеуслышание заявил, что рассматривает хищение солдатского продовольствия как диверсию против боеспособности армии. Тогда армейские снабженцы знали его еще недостаточно хорошо, поэтому слов оказалось недостаточно, и Максимин с расхитителями обошелся по-максиминовски: скормил медведям в провинциальном цирке. Разу-

меется, Сенат, коллеги и родственники скормленных подняли страшный вой. И даже сам император... Но как-то все рассосалось. Причем Максимин не только остался легатом, но и «методик вразумления» не изменил ни на йоту. Будь в родной Черепанову российской армии такой главнокомандующий... Впрочем, в *то* время гигант Фракиец, скорее всего, долго не протянул бы. Рим, при всей своей бюрократии, плутократии и развращенности, оставался государством, в котором правили воины. А в мире, где вырос Геннадий, правили торговцы. Даже не торговцы, а ростовщики. Банкиры, превращавшие чужие вклады в собственные, и политики, обращающие народное доверие в собственные деньги... Черепанов понимал правила Большой Игры — и *тогда*, и сейчас. Понимал и учитывал, но жил — по собственным правилам. И этого его права здесь тоже никто не оспаривал, тем более что авторитет подполковника продолжал расти. И не только из-за покровительства Максимина и Аптуса. Рост рейтинга кентуриона Черепа обеспечивался самим кентурионом Черепом. И после каждого «эпизода», в котором Геннадий принимал участие, уважение к подполковнику росло. Например, после истории с атлетом-нубийцем...

Иллирийский городок Августа. Стены — четырехугольником, идеально прямые главные улицы, четверо ворот. От трех — такие же прямые дороги, с надгробиями[1], четвертые выходили к речному порту. В городе имелись два больших храма: Деметры, основателя города императора Клавдия Августа, и дюжины две храмов поменьше. Разумеется, в Августе были форум, базилика[2], курия[3], непременные общественные термы и театр. Разумеется, были «доходные» дома для тех, кто победнее, и солидные особняки — для более обеспеченных. Вот в одном из таких особняков и оказался Черепанов волею богини случая, которая явно была к Геннадию неравнодушна.

[1] В Римской империи хоронить умерших внутри городских стен было запрещено, поэтому гробницы и могилы горожан располагались вдоль дорог за пределами городов.

[2] Базилика (от греч. basilike — царский дом) — прямоугольное в плане здание, разделенное внутри рядами колонн или столбов на продольные части (нефы); средний неф, более высокий, освещается через окна над крышами боковых нефов. В Древнем Риме базилики — судебные и торговые здания.

[3] Курия — что-то вроде городской мэрии. В ней заседал городской совет.

Глава вторая,

в которой повествуется о том, как возникают мифы

В Августу Черепанов приехал по приглашению второго принципа[1] своей когорты. У принципа родился сын. Не совсем законный, зато первый. Это дело необходимо было отметить. Разумеется, счастливый отец первым делом почтил богов, но и о боевых товарищах тоже не забыл: пригласил весь офицерский состав когорты на дружескую пирушку.

Местом была выбрана относительно приличная таверна у западных ворот. Помимо офицеров десятой когорты присутствовали также офицеры третьей, которая в данный момент квартировала в городе.

Собственно, сама пирушка ничем не отличалась от множества себе подобных, в которых Черепанов участвовал и в *той*, и в *этой* жизни. А если отличалась, то исключительно ассортиментом напитков и закусок. Простые мужские радости: после хорошо сделанной работы выпить и закусить в хорошей компании. Ну, и девочки, разумеется...

Правда, судьба приготовила для празднующих дополнительное развлечение. У одного из местных богатеев взбесился раб.

В таверну прибежал возбужденный вигил и доложил первому кентуриону дежурной когорты: требуется помощь.

Командир дежурной когорты — это, помимо прочего, еще и командир местного СОБРа и ОМОНа в одном лице. Выходить на командира СОБРа по пустяковому поводу, например, из-за буянящего наркомана с перочинным ножиком, никто не станет. Точно так же не стали бы тревожить по пустякам и первого кентуриона. Но случай был особый.

Взбесившийся раб был нубийцем. И не просто нубийцем (негров в Римской империи было ничуть не меньше, чем, скажем, в Италии двадцать первого века). Нубиец был знаменитым атлетом, купленным аж в провинции Африка. Купленным не столько ради славы, хотя в местном цирке он смотрелся, как Алла Пугачева во дворце культуры города Торжка, а «на племя». Ну-

[1] Принцип — кентурион, командовавший третьей кентурией когорты.

биец отличался отменной способностью к воспроизводству и, учитывая выдающиеся физические данные, приносил хозяину неплохой доход именно в этом качестве. Кроме того, ходили слухи, что его «услугами» пользуются и очень даже респектабельные... И не только дамы.

Все это Пондус изложил Черепанову по дороге к купеческому особнячку, в котором обитал и бесчинствовал этот самый римоафриканец. Разумеется, вся веселая компания решила поддержать находившихся «при исполнении» товарищей и укрепить своим присутствием боевой дух легионеров. А заодно и на прославленного атлета поглядеть, потому что многие о нем только слышали: в последний год хозяин на арену его не выпускал. Берег.

В просторном особняке, занимавшем почти квартал, было тесно от набившегося народа. Вигилы, восьмерка патрульных легионеров с декурионом во главе, подвыпившие офицеры, сам хозяин, до того тощий и желчный, что при взгляде на него сразу появлялась мысль о глистах и прочих паразитах, друзья-приятели-прихлебатели хозяина, слуги и рабы, соседи и их чада-домочадцы... Все это сборище производило невероятный шум и массу ненужных телодвижений. Одного взгляда на эту толпу хватало, чтобы понять, откуда произросли корни «итальянского темперамента». Но Черепанова, который впервые оказался в богатом городском особняке, больше всего интересовал именно дом, а не его шумные гости.

А дом был действительно хорош. Черепанов протиснулся сквозь толпу и оказался в окружении свежей зелени и нежных весенних ароматов. За высокими стенами, прикрытый сверху сеткой, произрастал великолепный зимний сад. Здесь струился одетый в розовый мрамор ручеек, над которым склонилась обнаженная нимфа, столь искусно вылепленная и раскрашенная, что издали казалась живой девушкой.

Черепанов остановился у ларария[1]. На маленьком алтаре лежали горсть пшеничных зерен и несколько монет, но сами статуэтки ларов были внутри, за ширмой.

Геннадий с удовольствием заглянул бы туда, но за спиной посапывал старик из домашних рабов: наверняка приглядывал,

[1] Ларарий — жертвенник ларов, богов-покровителей римского дома (очага).

чтобы уважаемый гость ничего не спер. Из дома раздался шумный всплеск: кто-то свалился в бассейн.

Точно, в квадратном бассейне, располагавшемся в центре атрия[1], радостно плескалось уже человек пять. Все четверо младших кентурионов из черепановской когорты и какая-то пьяная девка. Вылезать они не собирались. В общем, веселился народ. Напрочь забыв о причине столпотворения.

Однако забыли о ней не все. У входа во внутренние комнаты топтались шестеро легионеров в полном боевом. И еще двое сидели на полу, и над одним хлопотал медик с губкой: физиономия бедняги-легионера была в крови.

Здесь же были и первый кентурион третьей, Пондус, местный эдил, которого Черепанов не знал лично, и, естественно, сам хозяин. Эдил и кентурион третьей орали на хозяина, хозяин, в свою очередь, орал на них. Пондус ухмылялся. Его туника подозрительно оттопыривалась повыше пояса. Наверняка свистнул какой-то «раритет».

— В чем проблема? — поинтересовался Черепанов.

— Взять его не могут,— пояснил Пондус.

— То есть как? — удивился Черепанов.

Чтобы «отделение» вооруженных легионеров не смогло «упаковать» одного раба? Такое возможно, разве что если раб величиной с Максимина.

— Да этот сморчок не разрешил его калечить. Говорит, ему за нубийца полтора таланта предлагают. Наши с сетями сунулись, а там тесно... В общем, сам видишь.— Пондус кивнул на двух сидящих легионеров.— Одному руку вывихнул, другому всю морду разворотил. Первый заявил: разрешаю применить оружие. Или — разбирайтесь сами. Не дам ребят калечить. А этот визжит: я налоги плачу вашему Максимину! Ему и пожалуюсь! А эдил говорит: нечего! Взбунтовавшегося раба вообще распять положено!

— А чего этот раб взбесился, не знаешь? — спросил Черепанов.

---

[1] Атрий — гостиная (зал для приема гостей) в римском доме. Его покатая крыша имела в центре отверстие для стока дождевой воды — в бассейн или иной резервуар. Атрий имелся практически в каждом римском доме. Слово это происходит от слова «атер», черный, так как в совсем старые времена атрий был единственным помещением в доме и отапливался «по-черному», а посему имел стены и потолок соответствующего цвета. А традиционное отверстие в его крыше выполняло функции продуха.

— Да сморчок этот его оскопить решил. Черного какой-то перс покупает. Для своего царя — гарем охранять. Но «жеребца», говорит, не возьму. Только «мерина». Не то он там всех «кобылок» перепортит. А нубийцу кто-то из его «подружек» и напел про «мерина». Тот и взбесился.

— А это правда? — спросил Черепанов.

— Похоже. Иначе с чего бы ему бунтовать? Жрал со стола господского, приап свой улещивал по три раза в день, маслом благовонным, египетским, умащали... Да я б с ним хоть сейчас поменялся...— Пондус подумал немного и добавил: — На месяцок.

— Может, помочь? — предложил Геннадий.

— Это как?

— Взять его аккуратно. Он вооружен?

— Настоящего оружия у него нет. Так, ерунда всякая. Ты серьезно, Череп?

— А почему нет? Попробую.

— Понял! — Пондус хитро усмехнулся.— Погоди-ка...

Он оставил Черепанова и подошел к спорящим, сказал что-то. Те сразу перестали орать. Поглядели на Геннадия. Хозяин высказался скептически. Пондус заспорил...

— Эй, Череп, давай к нам! — позвали из бассейна.— Водичка тепленькая!

Но к подполковнику уже спешил Пондус.

— Договорился! — пыхтя, сообщил он.— Если возьмешь нубийца, не попортив, хозяин двадцать ауреев дает. Полновесных, Траяновой чеканки. Ну а если нубиец тебя попортит — пятьдесят динариев отступного. Мне со всего — десятая часть. За посредничество. По рукам?

— Ты, Пондус, на том свете асфоделями торговать будешь,— сказал Черепанов.

Первый кентурион самодовольно ухмыльнулся.

— Значит, договорились. Ну, пошли...

Черепанов снял тунику, оставшись в удобных штанах и, естественно, в калигах. Пондус подошел к нему с кувшином оливкового масла.

— Это еще зачем? — удивился Черепанов.

— Чтобы кожа скользкой была. Так все...

— Убери,— отмахнулся Черепанов. И легионерам: — Показывайте, ребята, где засел ваш монстр...

Двинулись. Впереди — Черепанов с голым торсом и кентурионской виноградной палкой, за ним — вооруженные до зубов легионеры с расчехленными скутумами, за легионерами — хозяин и прочие заинтересованные лица.

Прошли мимо пустого триклиния, миновали кухню, из дверей которой выглядывали любопытные мордочки поварят и текли искушающие ароматы, свернули направо.

— Там, наверху, по лестнице,— сказал декурион, тактично пропуская Черепанова вперед.

Деревянная лестница с резным барьерчиком и широкими перилами. На площадке наверху вроде бы никого...

Черепанов начал осторожно подниматься. Еще бы избавиться от тащившихся следом сопящих и кряхтящих зрителей...

Наверху имелся небольшой коридорчик, в коридорчике — несколько дверей...

Нет, нубиец не устраивал засады. Еще с лестницы Черепанов услышал злобное басистое бормотание, какой-то грохот...

Не тащись вся эта орава за ним, он бы мог подобраться аккуратно...

Геннадий повернулся, сделал знак стоять, но опоздал.

Свирепый нубиец услышал, что ему собираются нанести новый визит.

Одна из дверей распахнулась с жалобным треском. Нечто огромное, черное, блестящее и рычащее, аки лев, вырвалось в коридор и устремилось прямо на Черепанова. Тот успел отпрыгнуть в сторону, и громадное-черное (это оказался окованный бронзой здоровенный сундук) пронеслось — аж воздух взвизгнул — мимо него и обрушилось на поднимавшихся по лестнице.

Легионеры (вот что значит армейская выучка) успели все-таки сомкнуть щиты, поэтому обошлось без смертоубийства. Но лестница очистилась. Внизу, у ее основания, барахталась многослойная куча-мала, на которой подпрыгивал и ворочался злополучный сундук.

А тот, кто его бросил, стоял наверху, потрясая кулаками и понося врагов самыми обидными словами.

Черепанов выпрямился. Да, отличный образец спортсмена. Черная спина, бугрящаяся мускулами, блестящая от пота, массивная шея, переходящая в бритый, не менее мускулистый затылок. А уж какая глотка луженая... Если еще, не дай Бог, этот

черный владеет искусством «железной рубашки», придется нелегко.

Черепанов бесшумно шагнул вперед и с хирургической точностью воткнул конец дубинки в точку у основания шеи.

Нет, восточному искусству «железной рубашки» нубиец не обучался. Качнулся и плоско рухнул навзничь, словно и не борец. Черепанов едва успел подставить ногу, чтобы атлет не треснулся затылком об пол.

Да, красивый парень. И мужское достоинство — просто мечта поклонников Приапа. И поклонниц. Настоящий вандализм — портить славный организм. Черепанов усмехнулся открывшемуся поэтическому дару и присел на перила, наблюдая, как внизу медленно распутывается куча-мала.

Двадцать минут спустя закованного в цепи, слегка обалдевшего негра свели вниз — на радость публике. Господский медик тщательно осмотрел его и серьезных повреждений не обнаружил. Соратники Черепанова вот уже четверть часа докапывались: как ему удалось свершить сей подвиг? Подполковник многозначительно улыбался.

Хозяин отсчитал деньги. Довольный Пондус тоже получил свои два золотых.

Негр, которого, несмотря на цепи, все еще побаивались (аж четверых сторожей приставили), мрачно глядел на своего победителя. Нет, красивый мужик. Даже без поправок на негроидность.

Черепанов вспомнил, поманил хозяина. Тот подошел поспешно, лучась улыбочкой. Исключительно мерзкая харя, надо признать.

— Меня зовут Геннадий Череп,— сказал подполковник.— Я — кентурион в Первом Фракийском. Не забудь.

— Конечно, кентурион, как я могу забыть того...

— Это еще не все,— перебил Черепанов.— Я хочу, чтобы ты также запомнил: если так случится, что этот малый вдруг окажется без тестикул, я обязательно об этом узнаю. И лично наведаюсь к тебе, уважаемый, чтобы отрезать тебе яйца. Не забудешь, уважаемый? — Все это было сказано негромко, с вежливой улыбкой — и богатей растерялся.

— Но он же — мой раб...— пробормотал почтенный римлянин.— Я же могу...

— Можешь,— кивнул Черепанов.— Но я тебе не советую.

Повернулся и двинулся к выходу, провожаемый изумленными взглядами тех, кто слышал этот диалог. Но самое большое изумление было написано на черной физиономии нубийца...

Вот так и рождаются мифы.

Черепанову после сообщили, что почтенный гражданин наводил о нем справки: стоит ли принимать всерьез сказанное насчет тестикул? Судя по тому, что нубийца так и не продали в Персию, богатея снабдили *правильной* информацией.

Глава третья

Германцы

Вчера шел дождь. И позавчера. Сегодня с утра дождя не было, но земля все равно раскисла капитально. К счастью, это была Римская империя, а не какая-нибудь Скифия. И здесь были настоящие римские дороги, которые строились со всем тщанием именно для этого. Поэтому кентурия первого гастата Черепа (в прежней жизни — подполковника Геннадия Черепанова) выполняла свою задачу без особых проблем. Задача была проста. Боевой дозор. Плановый марш на сто сорок километров, который следовало осуществить в течение пяти (включая обратную дорогу) суток. Пеший марш с неполной выкладкой. То есть примерно по двадцать пять килограммов на брата, включая оружие. Пустяк для настоящего легионера. А уж для всадников приданной турмы — вообще ерунда. Это если просто идти по дороге. Но Черепанов был не из тех, кто относится к задаче формально. Местность была проблемная. И разбойнички пошаливали, и недобитки из варваров. До границы тоже — рукой подать, а по ту сторону имелась целая толпа желающих поживиться на имперских землях. Переправиться же через Дунай мог даже ленивый. Расселенные по обе стороны великой реки варвары-федераты мало того, что не охраняли границ, как должно, но зачастую и сами присоединялись к грабителям. Что им было даже и проще, потому что, оказавшись на территории своего земельного надела, разбойник-варвар тут же превра-

щался в мирного земледельца. Будь на то воля Черепанова, он после каждого набега устраивал бы серьезную зачистку местности. Или ввел куда более эффективную систему сигнализации. Но Черепанова пока никто не спрашивал. А римские командиры предпочитали вместо тактики упреждающей применять куда более выгодную тактику перехвата на обратном пути, когда налетчики, изрядно притомившиеся и обремененные добычей, возвращаются обратно.

И, сколько бы ни возмущались по этому поводу власть предержащие, ситуация не менялась.

Прошлую ночь кентурия провела в имении какого-то латифундиста. Управляющий, правда, сначала заартачился: не было у него желания пускать на постой промокших солдатиков. Но Черепанов пообещал заплатить за фураж и ужин, а за спиной, хоть и говорившего по-латыни с акцентом, но вежливого кентуриона маячили одинаковые зверообразные физиономии опциона и сигнифера. И на физиономиях этих ясно читалось желание позаимствовать чужое имущество безо всякой денежной компенсации.

Управляющий, вольноотпущенник, поставленный хозяином на это место из-за принадлежности к секте христиан, которым вера запрещала красть, испугался братьев Ингенсов и предоставил легионерам кров и пищу. И даже взял за все не по рыночным ценам Августы, а по обычным ставкам фуражиров. Но, зная «обычаи» армейцев, в расписке для легионного казначея указал именно рыночные цены. К его удивлению, вежливый кентурион расписку не принял. Велел переписать, указав все как есть. Управляющий удивился, но требование выполнил. А потом, наедине и очень робко, поинтересовался, не является ли кентурион его единоверцем?

— Крещен,— сухо ответил тот. И управляющий сразу понял, почему так мягок этот офицер. И порадовался, что приближаются времена, когда малые станут большими, а кротость будет повелевать жестокостью. Под «жестокостью» управляющий подразумевал братьев Ингенсов, а под «кротостью» — вежливого кентуриона. Он бы очень удивился, если бы узнал, что «доброго» кентуриона в его подразделении боятся куда больше, чем зверообразных близнецов. Да и у самих близнецов командир вызывал почтительный страх. Обещал же в свое время Ген-

надий, что его будут бояться больше, чем каких-то там диких варваров. А он был не из тех, кто не держит слово. И хотя особой жестокости страшный кентурион Череп вроде бы и не проявлял и даже палкой почти не пользовался, но ведь все знали, что он вывалял в пыли не только братьев Ингенсов, но и самого знаменитого Партокла. А уж после истории с нубийцем...

Дождя не было, но погода не баловала. Хмурое небо, сырой запах земли, низкие тучи, похожие на клубы дыма... Сегодня Черепанов дозоров не высылал: не хотел зря утомлять коней. Такая грязища. Хоть бы морозы ударили, что ли... И туман клубится, как дым... Дым... Однако!

— А ну стоять, ребята,— бросил Черепанов.

Сигнифер повторил команду. Колонна остановилась.

Черепанов потянул носом воздух: точно, дым. Гарь. Особый запах горящих олив. Просто пожар? Сомнительно. Знаем мы такие «просто пожары». Что ж, выясним.

— Тевд.— Он повернулся к возглавлявшему турму Трогусу.— Возьми пару парней — и быстренько гляньте, чего там, за рощей.

— Мигом, командир! — Трогус махнул рукой, и три всадника сорвались с места и унеслись вскачь.

Черепанов развернулся в седле, встретился взглядом со своим опционом. Кирпично-красное лицо Ингенса-старшего ничего не выражало — кроме готовности выполнить любой приказ кентуриона.

— Чуешь? — спросил подполковник.

Опцион мотнул головой. Его многократно расплющенный нос почти не различал запахов.

— Оливы горят,— сказал Геннадий.

— Германцы?

— А кто еще! — проворчал Черепанов.— Не граница, а решето. Что там, не знаешь?

Опцион мотнул головой.

— Ферма какая-нибудь?

«Недоработка,— подумал подполковник.— Надо было взять проводника, знающего местность».

Карту он видел, но здешние карты качеством не отличались. Даже купцы обычно пользовались не столько картами, сколько составленными их предшественниками «путеводителями».

Черепанов сделал знак: оставайтесь на месте. А сам отъехал вперед, прислушался. Ничего. Надо полагать, если там и случи-

лась заварушка, то небольшая. И без участия регулярных сил. Уж звук букины[1] он услышал бы издалека. Ладно, рискнем.

Черепанов вернулся к своим.

— Двинулись,— сказал он Трогусу. И, повысив голос, чтобы все слышали: — Кентурия! Марш!

Дробный цокот копыт, мерный дружный звук сотен подбитых гвоздями подошв, ударяющих в дорожные плитки.

— Шире шаг! — Черепанов пустил коня легкой рысью, и ритмичный звук за его спиной изменился, потяжелел. Кентурия перешла с шага на бег. Геннадий знал, что этот темп его бойцы могут держать не один час. А могут и прибавить, но в этом пока нет необходимости. Поглядим, что принесут разведчики.

Трогус не заставил ждать. И четверти часа не прошло, как на взмыленном коне примчался один из разведчиков.

— Варвары, командир! Всадники! Вилла какая-то горит. И роща.

«Не ошибся,— подумал Черепанов.— Оливы».

— Там бой?

— Не знаю,— выдохнул разведчик.— Декурион Трогус мне сказал: подберемся поближе, глянем. А ты давай лети к кентуриону!

— Понятно,— кивнул Черепанов.— Много их?

— Трудно сказать: может, пять сотен, может, больше...

Черепанов мысленно разделил на три. Значит, минимум полторы сотни. А у него тридцать два всадника и восемь десятков пехоты.

— Ингенс?

— Бьем, командир? — Гай Ингенс не хотел показать себя трусом. Ни перед командиром, ни перед легионерами.

— А не много их? — усомнился его брат Мелантий, сигнифер.— Пять сотен... Может — за подмогой?

Легионеры зашевелились. Драться с впятеро превосходящим противником они не рвались.

— А ну тихо! — рявкнул Ингенс-старший.— Ты! Точно пять сотен?

— Ну...— Разведчик замялся.— Примерно...

---

[1] Букина — духовой музыкальный инструмент. Использовался в римской армии для подачи сигналов.

— Ставлю десять динариев, что их там и двухсот не наберется! — ухмыльнулся опцион.

«Молодец»,— мысленно похвалил подполковник.

— А в лагерь мы все же пошлем,— сказал Черепанов.— Но не сразу. Сначала сами пойдем и поглядим поближе, кто к нам пожаловал.— Подполковник говорил громко, чтобы его слышали все.— А то скажут: опять шестая из-за дохлой шайки варваров труса спраздновала. Не будет этого! Ингенс, я поеду вперед. А вы за мной подтягивайтесь.

Черепанов кивнул разведчику: веди, послал коня вперед — и сразу же услышал за спиной знакомый ритм: колонна двинулась.

Пока ехали, разведчик сгрузил дополнительные сведения. От виллы до дороги было километра полтора. Вилла вроде бы горела. И еще горела оливковая роща между виллой и дорогой. И виноградники на склоне холма.

Вскоре подполковник и сам увидел.

Черный дым стелился полосой вдоль черного сжатого поля, пересекал дорогу. Конь фыркнул и заупирался, но его желания в расчет не приняли.

Метров через тридцать полоса дыма кончилась, и Черепанов увидел усадьбу. Точно, километра полтора. Геннадий прищурился, стараясь разглядеть, что происходит около виллы. Пожары, мельтешащие фигурки, вертящиеся всадники, приглушенные крики... Может, еще дерутся, а может, добивают уцелевших... С тактической точки зрения последнее выгоднее. Стадия грабежа — самое подходящее время для внезапного удара. Однако всадников довольно много. Да, это точно варвары, а не просто разбойники. Опять алеманны?

Геннадий попытался хотя бы примерно оценить их численность, но не смог. Слишком далеко. Может, сотня. А может, и все пять. Но, если мыслить логически, не больше тысячи. Потому что от пяти десятков местные, пожалуй, и сами отбились бы. А тысяча прошла бы сквозь сельское ополчение, как через пустое место.

Надо решать... Посылать за помощью? Разумно, но бессмысленно. Это минимум сутки ждать. А если там еще идет драка?

Черепанов принял решение. Рискованное. Но фактически у него не было выбора. Лучшего случая, чтобы снять с кентурии клеймо трусов, и быть не может. Тем более эта роща так удачно горит...

— Назад,— бросил Черепанов разведчику, и они нырнули обратно в дым.

А едва вынырнув из него, увидели двух всадников. Своих.

— Трогус!

— Это германцы, кентурион! Сотни полторы! И там пока что дерутся!

Молодец. Десяток слов — и полная информация. Что ж, раз поместье еще держится, значит, вопрос решен. Надо действовать.

Из-за поворота уже появились всадники, над которыми развевался красный флажок турмы, рядом тускло блестела «открытая ладонь» штандарта шестой кентурии.

— Расчехлить щиты! — скомандовал Черепанов.— Приготовиться к бою. Прежним порядком — за мной! Бегом марш!

Кентурия свернула с дороги на сжатое поле.

Риск, да. Но если под прикрытием дыма удастся подобраться достаточно быстро и ударить внезапно...

Чертова земля раскисла, копыта чавкали по грязи, пехоте приходилось еще тяжелее, но никто не жаловался. Легионеры бежали молча, в ногу, как на тренировках. Время от времени кто-то кашлял: от гари першило в горле. Ничего, миля — это немного.

— Вразнобой,— негромко скомандовал опцион, когда кентурия по деревянному мосту пересекла разбухшую после дождя речушку.

Шум со стороны усадьбы был уже отлично слышен.

— Стой,— скомандовал Черепанов.— Лишнее барахло оставить здесь. Опцион, оставишь пару человек — присмотреть. Кентурия... К бою... Стройсь!

Слитное, четкое движение — и все готово. Каждый четко знал свое место.

— Слушай меня! — Черепанов привстал на стременах.— Это германцы. Они умеют драться, но мы умеем лучше. К тому же они устали, а мы — нет. Главное, парни,— держать строй. Не рассыпаться. Щиты плотнее, колоть чаще. Вместе мы — сила! Всадники — в драку не лезть. До моей команды. Ждать здесь. Трогус, ты понял? Только когда услышите сигнал. Но когда услышите — рвите так, чтобы воздух трещал! Мы их побьем, парни! Стопчем! Мы — армия Рима, а они всего лишь варвары! Мы побьем их, я уверен! — И добавил после небольшой паузы, веско: — Кто побежит, зарублю собственноручно. Обещаю.

Оратор из Черепанова был никакой, но в кентурии все знали: Череп слово держит.

— Глотку раньше времени не драть,— продолжал он.— Идти молча. И грянуть по моему сигналу всем разом! Так, чтоб у вшивых германцев в кишках перевернулось! Вы умеете, я знаю! Сигнифер! Твое дело — не рубиться, а держать штандарт! Понял, Мелантий? А вы, парни, присмотрите за ним: он бешеный, я его знаю! Ему бы только дорваться.— В строю раздались смешки.— Он бешеный,— повторил Геннадий.— И я тоже. И все вы! Понятно? Покажем этой косматой сволочи, что такое ярость римлян! Порвем их в ветошь! Выжмем из них масло! Легионеры — вперед!

И, развернув коня, Геннадий послал его в дым.

Усадьба была ограждена стеной, но бой шел уже внутри. На вытоптанных грядках салата и моркови валялись трупы. Главным образом — местных виланов.

Когда ровный строй легионеров показался из дымной пелены, дело уже близилось к развязке: лишь кое-где еще слышались стук и звон, в основном же — победоносный рык победителей и жалобные вопли побежденных.

Дозоров варвары не выставили — серьезная ошибка. В результате двигавшаяся быстрым шагом кентурия успела одолеть почти половину расстояния, прежде чем римлян заметили. Легионеры двигались быстрым шагом, компактной группой, четырьмя плотными шеренгами. Сам Черепанов придержал коня и ехал теперь позади, за четвертой шеренгой. В пятнадцати метрах перед ним мерно раскачивалась обрамленная бронзовым венком «открытая ладонь».

Их заметили. Кто-то из варваров истошно заорал. И сразу из усадьбы, топоча по валяющимся на земле обломкам ворот, повалили варвары.

Неорганизованная разъяренная толпа. Всадники вырывались вперед, обгоняя пеших. Но и пешие не очень-то отставали от всадников. Бородатые морды, оскаленные рты, выкаченные глаза... За время путешествия с Плавтом Черепанов не единожды бился с варварами... Но это было что-то новенькое. То есть варвары оставались варварами, а дезорганизованная толпа — дезорганизованной толпой: каждый — сам по себе. Но вместе с тем это была единая сила, объединенная одним цементирующим порывом: бешеной яростью. И эта ярость валом катилась

впереди пестрой толпы, обгоняя и несущихся огромными прыжками пеших, и нахлестывающих коней всадников...

За секунду до того, как этот незримый вал накрыл его когорту, Черепанов привстал на стременах, набрал в грудь воздуха и издал совершенно нечеловеческий рев. Его московский сэнсэй был бы доволен. Отличный ки-ай. Но в данном случае важнее было, что рык кентуриона был подобен взрыву капсюля, от которого рванул основной заряд.

— Бар-ра! — инфернально грохнула кентурия. И этот боевой клич сшиб волну варварской ярости. А на самих варваров хлынул дождь дротиков. Кто-то полетел на землю, чей-то раненый конь повалился с отчаянным ржанием...

— Бар-ра!

Первые всадники, орущие, размахивающие копьями и топорами на длинных ручках, навалились на кентурию. Их приняли на копья. Никто не дрогнул.

Обнажив на всякий случай длинный кавалерийский меч-спату, Черепанов наблюдал.

— Строй, держать строй! — закричал опцион Гай Ингенс.— Бей, волки! Марш-марш!

И шеренги, замешкавшиеся на мгновение, снова двинулись. Большие римские скутумы с хрустом и звоном встречали вражеское железо, копья ходили между щитами, как иглы гигантской швейной машины: протыкая живых, прикалывая раненых. Людей, коней...

Какой-то варвар выпрыгнул из седла — прямо на головы второй шеренге. Ревя, как бешеный, он махнул топором — раз, другой (лезвие застряло в чьей-то лорике. И тут же кто-то сунул германцу под мышку короткий клинок гладия).

Варваров было не так уж много. Но все же раза в полтора больше, чем легионеров. Теперь Черепанов мог более или менее точно оценить их численность, поскольку все были на виду. Вряд ли кто-то из германцев, способных драться, стал бы отсиживаться в поместье. Дюжины полторы самых прытких всадников уже получили свое. Их лошади унеслись прочь, а сами они легли под ноги легионеров.

Римляне двигались вперед. И когда масса врагов обрушилась на первую шеренгу, никто не выказал слабости, никто не побежал. Возможно, потому, что каждый чувствовал спиной присутствие кентуриона. Но скорее всего, солдаты наконец ощутили

вкус боя. И поняли, что варваров *можно* бить. Что, несмотря на выкаченные глаза и пену изо рта, германцы тоже смертны. Хотя для того, чтобы свалить варвара, мало проткнуть его копьем. Черепанов видел, как здоровенный бородач, продырявленный в двух местах, с диким воплем всадил копье в щит легионера с такой силой, что пробил и щит, и лорику, и самого легионера насквозь, так что наконечник выскочил у бедняги между лопаток. Легионер упал, но его сосед вогнал короткий клинок в толстую грязную шею варвара, и тот рухнул, а брешь в шеренге сомкнулась.

И все-таки врагов было больше. И дрались они с куда большей энергией, чем римляне. Хотя те только-только вступили в бой, а германцы уже успели досыта навоеваться. И в какой-то момент чаша весов начала клониться в сторону врага. Первая шеренга, изрядно поредевшая, остановилась. Строй потерял четкость. Минута — и первая и вторая шеренги смешались. Гастаты из второй, ловко орудовавшие копьями на дистанции, вынуждены были взяться за мечи.

Братья Ингенсы, Гай и Луций, старший и младший, дрались на флангах как бешеные. Средний, Мелантий, рычал и размахивал штандартом так, что красная бахрома из кистей взвихрялась, как юбка испанской танцовщицы.

— Строй! Держать! Бей! — ревели братья. Но середина уже подалась внутрь, а на флангах стало совсем кисло, хотя там стояли лучшие бойцы... Третья шеренга тоже подалась...

Черепанов левой рукой ухватил дудку, гнусавый звук дважды дернул воздух.

И его личная кавалерия (всего три десятка, но зато как вовремя!) вылетела из дыма и с двух сторон обрушилась на кипящую массу варваров.

Защелкали луки. Римляне, перенявшие тактику парфян, били навскидку прямо с седел. Промахнуться было невозможно. Легкие всадники оказались для варваров покруче, чем катафрактарии.

От удара копья можно уклониться, всадника можно остановить. Например, если проломить голову лошади топором. Но уйти от стрелы в такой мясорубке практически невозможно. Варвары дрогнули. Нет, они по-прежнему бились. Яростно и отважно. Истыканные стрелами, с отсеченными руками, с зияющими ранами, они продолжали сражаться и убивать... Но натиск ослаб, и римский строй устоял.

Снова, перекрывая шум битвы, захрипела дудка, передавая команду кентуриона: «Перестроиться в две шеренги». И еще одну: «Фланговый охват». Строй разобрался, «расправился» и снова двинулся вперед, уже не держа линию, а выгибаясь луком, охватывая толпу варваров, нет, уже не толпу, а кучку уцелевших, от силы человек сорок.

В грудь Черепанова полетело копье. Неудивительно. Красный гребень кентурионова шлема просто кричал: «Бей в меня! Я здесь главный!» Не превращать полевого командира в мишень в этом мире еще не додумались. А бросок отличный, шагов на пятьдесят. Копье со свистом пролетело мимо уклонившегося подполковника. Геннадий засек метнувшего. Явно не последний из варваров, судя по золоченым доспехам. Наверняка трофейным... У Черепанова возникло страстное желание кинуться в драку. Натурально руки зачесались. Но он удержался. Потому что в собственном плане боя отвел себе место *последнего* тактического резерва. Еще не время...

Его ребята брали верх. Кольцо почти замкнулось. Варвары еще отбивались, но уже не так яростно, как раньше. Рубились, можно сказать, по инерции. И только здоровяк в золоченых доспехах да парочка громил рядом с ним орудовали мечами активно и целеустремленно. *Пробивались наружу.* Из общей свалки.

Черепанов легонько кольнул коня шпорами, и жеребец сразу взял легким галопом, огибая человеческую мясорубку.

Черепанов не особенно торопился. Его путь был длиннее, но зато он был верхом, и ему не приходилось *прорубать* себе дорогу.

И все-таки он чуть не опоздал. Варвар в «навороченном» панцыре сделал совершенно нечеловеческий рывок, сшиб с ног преградившего путь легионера, зарубил второго, сиганул аж метров на пять к замешкавшемуся всаднику-лучнику, сдернул его на землю и прыгнул в седло.

Если бы варвар тут же поскакал прочь, он имел реальную возможность смыться. Но германец замешкался. Вернее, задержался, чтобы вышибить из седла еще одного римлянина и «освободить» коня для одного из своих подручных. Второй подручный тоже попытался захватить лошадь, стащив всадника за ногу. Не повезло — пронесшийся мимо товарищ римлянина хлестнул спатой по затылку потерявшего шлем варвара.

Вожак в золоченых доспехах яростно заорал, врезал каблуками в брюхо трофейного коня, тот, заржав, прыгнул вперед...

Жеребец Черепанова возник прямо перед ним.

Варварский вождь успел только удивиться, увидев над собой сначала алый кентурионов гребень, а потом клинок меча...

Нет, клинка он, скорее всего, не увидел. Меч рубанул по наланитнику шлема за четверть секунды до того, как конь варвара взвился на дыбы. И всадник бухнулся оземь, как мешок с железным ломом.

К сожалению, второму прорвавшемуся варвару повезло. Ушел, мерзавец. Погнавшимся римлянам достать его не удалось.

Но из ста восьмидесяти трех варваров ушел он один.

Неудачный день для германцев. При штурме усадьбы погибли всего тринадцать человек. А в схватке с легионерами — семьдесят три. Остальных взяли в плен. Правда, большинство с такими ранами, с которыми, при здешнем уровне медицины, выжить нельзя. А драться, оказывается, можно. Если, конечно, ты — настоящий варвар...

Глава четвертая,

в которой кентурион-гастат Геннадий Череп демонстрирует твердость и встречает ангела

Победитель варваров кентурион-гастат[1] десятой когорты Первого Фракийского легиона Геннадий Черепанов перепрыгнул через расколотую пополам створку ворот.

---

[1] Для удобства читателя: список офицерских должностей римского легиона: легат (командир легиона), префект лагеря (старший офицер), трибун-латиклавий (старший офицер и заместитель), трибуны-ангустиклавии (старшие офицеры, числом пятеро), кентурионы первой (двойной) когорты (члены совета): примипил (старший кентурион легиона, командир первой кентурии первой когорты), принцепс, гастат, второй принцепс, второй гастат (кентурионы первой когорты — по нисходящей); кентурионы остальных когорт: первый кентурион когорты, он же — первый пил, далее, по нисходящей — второй пил, второй принцип, первый принцип, второй гастат, первый гастат.

Двор усадьбы был завален трупами. В основном мужскими. Но не воинами, а пахарями. Лишь немногие умерли с оружием в руках,— если вилы и цепи можно назвать оружием. Остальных не убивали, резали. Как овец в загоне. Пахари. Те, кто кормил воинов, которые не смогли их защитить.

Но то, что Черепанов увидел во дворе, было еще не самым страшным.

— Загляни в голубятню, кентурион,— сказал Трогус.— Проклятье этим варварам!

Узкая дверь в башенку голубятни была выбита. Один умелый воин мог бы защитить вход. Но умелых не нашлось. И варвары вошли внутрь. А внутри, в полутьме, где раньше пахло зерном и птичьим пометом, прятались самые слабые: дети, женщины... Теперь здесь стоял смрад смерти. Декурион Луций Ингенс, младший и самый крупный из братьев, заглянул внутрь через плечо Геннадия, со свистом выдохнул сквозь сжатые зубы.

Черепанов отодвинул его в сторону, вышел на свежий (хотя какой он, к чертям, свежий!) воздух.

— Возьми ребят и разберитесь тут,— сказал он.— Может, остался кто живой.

Подполковник не был чувствительным, и зрелище изрубленных человеческих тел не вызывало у него тошноты. Но он очень не любил, когда убивали детей и женщин. Тем более — так. Очень не любил!

— Проклятье этим варварам,— подвижное лицо Трогуса кривила гримаса. И стоящий рядом легионер тоже болезненно морщился: сам из таких вот поселян. Не колон, конечно, и не раб, свободный. Но такая же нищета.

Черепанов молча оглядел просторный двор. Овины и конюшни, давильню для винограда, масляный пресс, хозяйский дом — белое здание с портиком и красной черепичной крышей... У колонн портика тоже валялись трупы. Надо было сходить и туда, но после голубятни — не хотелось.

«Если бы мы появились пораньше!» — вздохнул Черепанов.

Хотя, появись они до того, как варвары разгромили усадьбу, еще не факт, что римляне сумели бы победить.

Да что теперь гадать!

— Трогус, скажи опциону, чтобы привели ко мне пленных. Живо!

С полсотни германцев, тех, что могли стоять на ногах, со связанными руками (и под охраной трех контуберниев[1] римлян) были выстроены перед Черепановым.

Держались пленники самоуверенно. Пожалуй, даже нагло. Их вождь ухитрился уцелеть. Правда, заполучил синяк во всю скулу. И золоченые доспехи с него кто-то содрал.

— А ты не римлянин! — заявил он Черепанову.— Из боранов[2]. Или из готов, да?

Вождь говорил по-латыни с сильным акцентом, но понять можно.

Подполковник молча, в упор смотрел на главаря варваров. Эта сволочь, убивавшая его солдат, только что порезавшая сотни беззащитных людей, не чувствовала за собой ни малейшей вины. Более того, эта поганая тварь, бешеная гиена, пребывала в полной уверенности, что все это *нормально*. И что ей, гиене, за это ничего не будет.

Или этот германец совсем тупой, или полностью отмороженный.

— Ты зачем детей перебил? — спросил Черепанов.

— Детей? Каких детей? — Варвар удивился.

— Там.— Черепанов махнул в сторону голубятни.

— Это мы там были, рикс,— пробасил один из варваров. (По-своему, но Геннадий понял.) — Ничего там интересного не было.— Варвар пожал могучими плечами.

— Римлянин спрашивает: зачем ты щенят побил?

— Да на что они нам? — удивился германец.— Здесь их все одно не продать. А ему-то какое дело?

— Вот интересуется,— ответил рикс.

На какое-то время Черепанов утратил ощущение реальности. Может, это он попал в плен? Может, это у него связаны руки, а не у варвара?

— Ладно, кентурион,— произнес вождь.— Давай о серьезных вещах поговорим. Ты победил. Ясно, что добычи у нас не будет. А что есть, ты, ясно, себе приберешь. А нам деньги нужны. Я тут подумал: почему бы нам не послужить твоей империи? За хорошую плату? Что думаете, братья?

---

[1] Контуберний — наименьшее подразделение в римской армии, состоявшее из восьми человек, живших вместе (в одной палатке) и питавшихся из одного котла. В кентурии обычно насчитывалось десять контуберниев.

[2] Племена (возможно, славянского корня), обитавшие в Приазовье.

Пленники одобрительно заворчали.

Черепанов молчал.

Варвар истолковал его молчание совершенно определенным образом.

— Ты не думай,— сказал он.— Выкупа за нас все равно не получишь. А воины мы отменные, ты видел.— Вожак усмехнулся.— Стоим недешево, сам понимаешь. Но мы того стоим. Ты называй свою цену — поторгуемся.

Нет, Геннадий определенно чего-то не понимал. Он поглядел на своих декурионов: Трогус кривил губы, а вот Ингенс-старший слушал варварского рикса очень внимательно и без малейшего предубеждения.

— Трогус,— негромко произнес Черепанов.— Как в этой провинции поступают с пойманными разбойниками?

— С разбойниками? — Трогус был удивлен вопросом.— Их вешают, кентурион, как же еще. Сначала, конечно, судят. А когда вина установлена, тогда вешают.

— Годится,— кивнул подполковник.— Опцион! Вот перед тобой шайка разбойников. И вина их установлена. Мной. Так что давай, займись. Справишься?

— То есть ты не будешь их вербовать? — удивился Ингенс.— Даже не спросишь, сколько они хотят?

— Нет, не спрошу. И когда мне понадобится твой совет, опцион, я скажу тебе об этом. Я тебе задал вопрос: справишься?

— А почему нет? — Ингенс-старший деловито огляделся.— Вона под навесом брус заготовлен. Я прикидываю, на полсотни хватит. И на остальных найдем что-нибудь. Вешать-то как?

— На веревках,— буркнул Черепанов.— Трогус, пусть твои парни ему помогут.

И двинулся к господскому дому.

Подполковник российских ВВС, летчик-космонавт Геннадий Черепанов не был жесток. Но было несколько вещей, о которых он точно знал: так делать не следует. Например, убивать детей. Возможно, он так думал, потому что был летчиком, а ведь таких, как он, постоянно упрекали в подобном. И каждый телевизионный эпизод с пострадавшими от бомбежек Черепанов отчасти воспринимал на свой счет. Хотя сам никогда городов не бомбил, наоборот, сбивал тех, которые бомбили. А тех, кто воспринимал развалины и трупы мирных жителей как неизбежные военные издержки, безусловно, более предпо-

чтительные, чем гибель нескольких собственных солдат, таких Черепанов, мягко говоря, не любил. Поэтому у него не было никаких шансов обзавестись штанами с лампасами. Но потому же и у дикаря-германца не было никаких шансов рассчитывать, что победитель *поймет* его точку зрения. То есть подполковник, конечно, мог ее понять, но не желал.

— Эй, кентурион! — крикнул ему в спину варварский вожак.— Что-то я тебя не понял!

Геннадий повернулся.

— Скоро поймешь,— пообещал он.— Увести эту погань!

Ему кричали вслед, но Черепанов не слушал. Не потому, что ему было плевать, что думают о нем те, кого он минуту назад вычеркнул из списков (хотя и это тоже), а потому что на заляпанных кровью, грязью и нечистотами ступенях портика усадьбы Черепанов увидел *ангела.*

Глава пятая

Трибун претория, благородная патрицианка и суровый младший кентурион

Ангел спускался, вернее, спускалась по лестнице, нисколько не заботясь, что край белой столы[1] волочится по грязи. Следом за «ангелом» вышагивал мужчина в форме офицера преторианской гвардии. За преторианцем, прихрамывая, ковылял еще один, в доспехах попроще, с окровавленной тряпкой на правой руке. Когда Черепанов снова обрел способность видеть что-либо, кроме «белого ангела», этот второй сразу пришелся ему по душе. А вот аккуратный преторианец с ходу не понравился.

«Не может воин, побывавший в бою, оставаться таким чистеньким»,— подумал Геннадий.

Как выяснилось позднее, он был неправ. Преторианец дрался. Причем дрался храбро и умело. Но — в доме, а не в раскисшей осенней грязи. И не в кровавом месиве сечи, а на узком пространстве лестницы, ведущей на второй этаж. Более того, удерживал эту лестницу в одиночку почти четверть часа. И удер-

[1] Стола — верхнее платье римлянки.

жал. Правда, исключительно благодаря появлению черепановской кентурии.

Но в тот, первый, момент подполковник всего этого не знал, и потому «красный» императорский гвардеец ему очень не понравился.

— Во имя Юпитера Капитолийского! — проворчал преторианец, останавливаясь напротив Черепанова.— Хоть бы раз эти долбаные Максиминовы грязноногие пожиратели бобов появились вовремя! Ты что, кентурион, специально ждал, пока нас всех перережут?

Черепанов не без усилия отвел взгляд от «ангела» и в упор поглядел на императорского гвардейца. Черт, у него даже шарф на шее — шелковый. Лощеная наглая морда. Небось сынок кого-нибудь из здешних олигархов.

— Ну что молчишь, кентурион? Нечего сказать в свое оправдание?

Вдобавок преторианец еще и встал так, что вместо прелестной девушки Черепанов вынужден был созерцать золоченую кирасу с искусно «выдавленными» орлами.

— Опцион! — гаркнул подполковник так, что стая ворон, рассевшаяся на крыше, возмущенно раскаркалась.— Опцион! Ко мне!

Ингенс с похвальной быстротой возник рядом.

— Видишь этого варвара, обрядившегося преторианцем нашего богоравного императора? — спросил он.— Возьми-ка его и выясни, куда он дел настоящего хозяина этой скорлупы!

— Слушаюсь! — Бывший борец вмиг скрутил опешившего преторианца, выдернул у него из ножен меч и бросил одному из своих.

Черепанов не без удовольствия отметил: опцион действовал без малейших колебаний. Именно так, как и следует выполнять приказ командира.

— Ты спятил, кентурион?! — заорал гвардеец.— Да ты знаешь, с кем имеешь дело?

— Знаю,— отрезал подполковник.— С наглым дураком. И если у меня не будет убедительных доказательств, что ты действительно римлянин, то даю слово: повиснешь рядом с таким же наглецом, возомнившим, что наглость и золоченая кираса его защитят.

— Ты спятил? — Впервые в голосе преторианца появились неуверенные нотки.

— Опцион? — Черепанов придал голосу нотку удивления.— Ты еще тут?

— Уже нет! — рявкнул Ингенс, выворачивая руку гвардейца к тыльнику увенчанного роскошным гребнем шлема.— Шевелись, голубок! Пришло тебе время стать голубкой...

— Постойте!

Черепанов неторопливо развернулся.

Чем-то эта девушка напоминала Марцию. Но если Марция, с точки зрения Черепанова, была красива, то эта — прекрасна. И в ней чувствовалась порода. Минимум дюжина колен благородных предков. В том мире, откуда пришел Геннадий, таких уже не осталось. Да и здесь вряд ли было много...

Черепанов ощутил вкус горечи. Эта девушка была для него недосягаема. Между ними был барьер происхождения и положения толщиной в римскую милю.

— Кентурион... Господин кентурион («господин» далось ей без усилия), я — Корнелия Преста, дочь Ингенса Антония Гордиана! И свидетельствую, что этот человек — трибун претория Секст Габиний Опимиан! Надеюсь, моему слову ты поверишь? (Легкая, чуточку высокомерная улыбка.) Не станешь утверждать, что я — переодетая варварка?

— Не стану.— Черепанов смотрел на нее, и говорить ему не хотелось. Только смотреть. Поэтому до него не сразу дошли слова: «трибун претория». А когда он осознал сказанное, то сумел не выказать удивления. Трибун претория! Старший офицер одной из преторианских когорт, императорской элиты, где простой солдат получал больше армейского опциона. Все равно, что встретить одинокого генерала «Альфы» в ничтожном поселке, подвергшемся налету ваххабитов. Трибун претория... Ну и ну. Но Черепанов, как уже сказано выше, ничем не выдал удивления и продолжил, неторопливо и рассудительно.

— Нет, прекрасная госпожа, не стану. Даже варвары вряд ли взяли бы с собой в набег такую красавицу. Но я знал, что ты римлянка, прежде чем ты сказала об этом. Твое благородство не требует доказательств. Опцион, отпусти господина трибуна. Он — тот, за кого себя выдает, просто дурно воспитан. А ты, домна, прости, что стою перед тобой в столь неподобающем виде. Кровь и грязь — совсем не то, что следует видеть девушке столь же прекрасной, сколь...

Но его перебил возмущенный вопль.

— Ах ты варварская собака! — заорал преторианец, как только пальцы Ингенса разжались.— Это я дурно воспитан?! Ты сначала научись говорить на латыни! Ты...

— Я. Не. Варвар.— Отчеканил Черепанов.— И. Не. Собака. Но будь я хоть трижды варваром, если ты не заткнешься, то очень пожалеешь. Опцион, можешь заняться делом. Ты мне пока не нужен.

Пальцы преторианца судорожно сжались там, где недавно был эфес его меча.

— Ах ты...

— Секст! — сердито бросила Корнелия.— Замолчи!

— Я...

— *Немедленно!*

Красный, как его шарф, трибун прикусил язык.

— Я благодарю тебя, благородный кентурион?..

— Геннадий.— Черепанов опустил «Череп».

— ...Геннадий (девушка чуть улыбнулась: она, конечно, знала греческий), за то, что ты спас наши жизни! Мы *все* тебе безмерно благодарны. Сейчас, если твое присутствие не требуется здесь, прошу тебя проследовать со мной в дом, который отныне всегда открыт для того, кто спас его от варваров!

Повернулась и начала подниматься по забрызганным кровью ступеням так величественно, словно не мечи легионеров, а ее благородная красота повергла варваров.

— Кентурион! Эй, кентурион!

Второй спутник домны, раненный в руку.

— Благодарю тебя! — Он прижал кулак здоровой руки к груди.— Я — субпрефект седьмой сирийской алы[1] Мавродий. Сопровождаю и охраняю специального посла нашего богоравного Императора трибуна Секста Габиния.

— Очень рад,— буркнул Геннадий.— У меня, наверное, что-то со зрением: я почему-то не вижу твоих всадников.

— Благородный Секст Габиний приказал мне оставить их в Августе. Сказал, что не хочет выглядеть трусом перед своей невестой. Не сердись на него, кентурион, он храбрец. И всегда был храбрецом.

---

[1] Субпрефект — офицерское звание во вспомогательной кавалерии, состоявшей обычно из неримлян, но командиром алы (praefectus alae или просто alarum) назначался римлянин. Субпрефект конницы — его заместитель.

— Дураком,— проворчал Геннадий.— И это уж точно навсегда. Пожизненно.

— Не сердись,— еще раз примирительно повторил Мавродий.— Думаю, тебе повезло, что он оказался здесь. Потому что теперь ты наверняка получишь corona civica[1]. Кстати, ты действительно собираешься повесить на дереве этих варваров?

— Не только собираюсь, но и повешу,— буркнул Черепанов, перешагивая через убитого раба с обломком дротика в спине.

— Не советовал бы тебе этого делать. Наш богоравный император...

Подполковник резко повернулся и в упор поглядел на непрошеного советчика. Тот осекся.

В доме царил полный разгром. И везде были трупы. Особенно много их было у подножия широкой мраморной лестницы. Устилавший ее дорогой ковер набух от крови. К некоторому удивлению Черепанова, большинство убитых были разбойниками.

— Можешь видеть, как сражался трибун Секст...— показав на эти трупы, произнес субпрефект.

— Нечего тебе болтать с этим кентурионом, Мавродий! — Преторианец, опередивший их и уже поднявшийся наверх, обернулся.— Кстати, кентурион, не хочешь ли представиться, как положено?

— Я — кентурион шестой кентурии десятой когорты Первого Фракийского легиона.

— Что?! — Трибун выпучил глаза.— Ты — первый гастат? *Последний* из кентурионов?

— Ты слышал,— отрезал Черепанов.

Преторианец молча развернулся и двинулся дальше.

— Если ты — последний из кентурионов, то мне даже представить трудно, каков *первый* кентурион в *Первом легионе Максимина*! — произнес Мавродий.

— Ты видел Максимина,— обронил Черепанов.— Каков легат, таков и легион.

И легко взбежал вверх, перепрыгивая через две ступеньки. Оставив субпрефекта внизу — переваривать сказанное. Тем более что наверх Мавродия не пригласили.

---

[1] Corona civica *(лат.)* — золотой венок «за спасение гражданина».

Глава шестая

Каждому — свое

— Боюсь, что не смогу оказать гостеприимства, подобающего моему спасителю.— Корнелия улыбнулась.— Разве что собственноручно налить ему вина?

Черепанов вытер руки и вернул полотенце служанке.

— Чашка простой воды, принятая из рук домны, дороже столетнего фалерна,— улыбнулся в ответ Геннадий, подчеркнуто игнорируя свирепый взгляд, которым сверлил его трибун.— А счастье оттого, что я, простой солдат, оказался полезен сестре Елены Троянской, трудно описать словами.

— Никогда не думала, что простой солдат может выражаться столь изысканно, словно придворный парфянского царя. Признайся, Геннадий, ты благороден не только по имени?

Она протянула ему узкий зеленоватый бокал. На мгновение его пальцы, будто случайно, накрыли пальчики домны.

Корнелия улыбалась, но пальцы ее дрожали. И тонкая голубоватая жилка на стройной шее пульсировала часто-часто. Господи, да ей лет семнадцать, не больше. Бедная девочка...

Серые блестящие глаза в обрамлении изогнутых черных ресниц, бледные щеки...

Черепанов еще на мгновение удержал ее пальцы: на указательном правой руки — крохотная мозоль, наверно, от стила[1]. Улыбнулся, уже не светски — по-человечески.

«Не бойся, храбрая девочка, все самое плохое уже в прошлом!»

Дочь Катилия Гордиана почувствовала, как спокойная сила этого человека словно бы накрывает ее, как теплый плащ...

— Я был вождем у себя на родине,— сказал Черепанов.— Вождем воинов неба. Недобрая сила забросила меня в чужие края. Но теперь я рад этому, потому что увидел тебя.

— Разве в твоей стране мало прекрасных женщин? — Корнелия лукаво улыбнулась.

— Нет.— Геннадий качнул головой.— В моей стране их немало, но подобных тебе я не встречал. Ни дома, ни в иных землях.

[1] Стило — палочка для письма.

Это была правда.

— Ты, должно быть, многое успел увидеть, прежде чем стал служить Риму?

Черепанов пожал плечами.

— Я бы хотела узнать о тебе больше.— Это была не вежливость, нормальное любопытство.

Но чувствовалось, что «хочу» и «могу» для дочери сенатора — одно и то же. А смертельно опасное нападение варваров — просто «эпизод». Но достаточный, чтобы забыть о светских приличиях.

— Это долгая история,— сказал Геннадий.— Многое в ней покажется невероятным...— Ему вдруг захотелось рассказать этой девушке, кто он и откуда. Рассказать о *том* мире...— Это долгая история, домна, а сейчас не слишком подходящее время для долгих историй.

— Вот тут ты прав, кентурион! — вмешался трибун, очень сердитый.— Домна устала! Пей свое вино и ступай!

Черепанов обернулся, встретил, не мигнув, бешеный взгляд гвардейца, затем усмехнулся и произнес подчеркнуто мягко:

— Ты тоже прав, преторианец. Домна действительно устала. И мне действительно пора идти. Но всякого, кто попробует *заставить* меня пить *это* вино без должного уважения к той, кто мне его дал, я пошлю к воронам. В качестве ужина. Я понятно изъясняюсь *по-латыни*? — Подполковник пригубил вино (действительно превосходное) и уже без усмешки, с откровенным вызовом поглядел на преторианца. Да, трибун претория — намного выше кентуриона-гастата. Но это еще не значит, что наглый аристократишка выше Черепанова.

Трибун не удосужился ответить. Не потому, что испугался. Не счел нужным вступать в пререкания с *каким-то полуграмотным армейцем*, презрение к которому крупными буквами было написано на напыщенной физиономии гвардейца.

Наплевать. Промолчал — и ладно. Подполковник *не спеша* допил вино и сказал:

— Домна, у меня есть просьба. В моей кентурии — шестеро тяжелораненых. Транспортировать их в лагерь нежелательно. Они могут не перенести дороги.

— Разумеется, кентурион, ты можешь оставить их здесь,— серьезно ответила дочь сенатора.— Ты *должен* оставить их. Я лично о них позабочусь.

— Благодарю, домна. Как только я доберусь до лагеря, сразу пришлю к ним лекаря.

— Это не обязательно. Мой домашний медик жив и поможет им. Не беспокойся.

— Еще раз благодарю! — Черепанов поклонился Корнелии и вышел из залы.

С медиком удачно получилось. И (вторичная мысль) теперь у него есть повод приехать сюда еще раз.

Внизу трудились слуги. Наводили порядок. Трупы уже вытащили наружу: варваров аккуратно сложили под портиком.

Во дворе тоже царила деловая суета. Римский порядок — это порядок. В армии или на гражданке. Уцелевшие обитатели поврежденного муравейника под моросящим дождиком энергично заделывали бреши. Весело стучали молотки... А чуть поодаль кто-то плакал. Тоненько и жалобно.

— Командир! — рядом возник Мелантий Ингенс.— Наших, которым не повезло, мы забираем с собой? Я возьму у здешних телеги, да?

— Бери, что требуется,— кивнул Черепанов.— Но не больше. Кто будет мародерствовать — яйца оторву. Это вилла сенатора Гордиана, а не варварский бург.

Сигнифер салютовал и отбыл.

— Пустое, кентурион.— Это сказал подошедший Мавродий.— Пусть поживятся солдатики. От Гордиана не убудет. Все застраховано. Тем более сенатор Антонин Антоний Гордиан — сын Марка Антония Гордиана, наместника Африки[1]. Слыхал о нем?

— Нет.

— Ты меня удивляешь, кентурион. Это одна из самых богатых сенаторских семей в империи. Не обеднеют. А солдат, который не крадет... Таких солдат не бывает.

— Мои легионеры не крадут! — отрезал Черепанов.— У них есть все, что требуется. А если кто-то думает, что ему мало, мой опцион объяснит ему ошибку. Это ему по силам.

— Вот в это я верю,— согласился субпрефект.— Я его видел.

— Командир! — перед Черепановым нарисовался Ингенс-старший.— Мы закончили!

---

[1] Африка — римская провинция на севере Африканского континента, в районе современного Туниса.

— Что закончили?

— Развесили разбойников. По твоему приказу! — Судя по довольной физиономии, опцион явно нарывался на похвалу.— Хочешь взглянуть?

— Не хочу, но взгляну,— сказал подполковник.— Пойдем.

Да, рвение опциона заслуживало похвалы. Он действительно быстро управился. Правда, с помощью уцелевшего местного населения (помощью, оказанной с большой охотой) и с использованием качественных лесоматериалов. Но все равно очень быстро.

Сколотить и установить полсотни крестов, пусть даже не канонических, а тех, которые впоследствии назовут «андреевскими» и которые украсят военно-морской флаг «Третьего Рима»[1], работа не хилая.

— Это те, кто покрепче,— сказал опцион.— Остальных мы просто прикололи. Что толку вешать, если они сразу загнутся. Я прав?

— Прав,— кивнул Черепанов.

Прямо над ним висел распятый германский вожак. Настоящий воин, мускулистый, покрытый хитрой вязью татуировок. Смотрел поверх голов победителей. Молча и надменно. Жилистые руки и ноги его были прикручены к дереву, но он не висел — сидел верхом на торчащем из перекрестия толстом штыре. У римлян все продумано.

Какое-то время Черепанов колебался: не распорядиться ли, чтобы германцев прикончили. Сразу. Говоря «повесить», он не имел в виду распять.

— Ты суров, кентурион,— с уважением произнес сопровождавший Черепанова Мавродий.

— Да им повезло всем,— сказал Ингенс.— На таком холоде, голый, больше двух суток и здоровый не протянул бы.

— Как знать,— возразил субпрефект.— Германцы выносливы.

Варварский вожак глядел поверх их голов. Что он видел там, в серой дымке, повисшей над черными стылыми полями?

«Что ж,— подумал Черепанов, глядя на чудовищную „аллею“,— пусть другим это будет уроком».

— Какие контубернии не понесли потерь? — спросил подполковник.

---

[1] Имеется в виду «косой» крест, на котором был распят апостол Андрей.

— Четвертая и пятая.

— Пусть останутся тут, за этими присмотрят и помогут, если что.

— Местные спрашивают: можно ли им потом дерево забрать? — Опцион кивнул на ряд крестов.— По мне пусть берут. Им тут ремонтировать надо.

— Пусть берут,— разрешил Черепанов.— Молодец, Гай! Давай собирай ребят, в лагерь поедем.

— А с ранеными что?

— Тяжелых тут оставим. Домна не возражает. И лекарь у нее свой. Может, пусть остальных тоже глянет, как считаешь?

— Без надобности. Братишка мой сам справится. Он дырки на шкуре штопает — любой скорняк позавидует.

— Мелантий?

— Ну не младший же!

Оба рассмеялись.

— Мел этому делу еще в цирке научился,— сказал Ингенс-старший.— Там, сам знаешь, порватая шкура — обычное дело.

— Не знаю, но догадываюсь.

Опцион хрюкнул.

— Шутник ты, командир! А лихо ты этого столичного фазана! «Возьми, мол, этого ряженого варвара и выясни, с кого он содрал скорлупу!» Ребята наши животы надорвут от смеха, клянусь Марсом-Мстителем!

— Не любишь ты гвардию,— заметил Черепанов.

— Не люблю. А кто ее любит? Чистюли! А жалованье — втрое от нашего. А поставят такого столичного индюка кентурионом — просто беда! Вот ты, командир, к примеру, сразу видать, с фуркой[1] на плече не ходил. Но солдата понимаешь получше меня. И работу нашу солдатскую тоже понимаешь. Думаешь, парни не видят, что ты для них сделал? Думаешь, не понимают, что без тебя нас варвары в щепу порубили бы! — Здоровяк-опцион был не на шутку взволнован.— Или я не прав?

---

[1] Фурка — шест-рогатка. Специальное приспособление для переноски имущества легионера. К фурке привязывались кожаный сундучок, котелок, шанцевый инструмент, мешок с провиантом и т. п. Ее носили на левом плече. На правом легионер нес связку копий и дротиков, а также, если необходимо, обтесанное бревнышко для лагерного частокола.

— Не прав,— строго произнес подполковник.— Мы побили варваров, потому что должны были побить. Потому что *наша* кентурия — это сила. И в том, что она стала такой, твоя заслуга, Гай, ничуть не меньше моей. Хорошее копье в умелой руке всегда достанет врага, а тупая деревяха сломается на первом ударе. Наша с тобой кентурия — отличное копье, Гай!

— Согласен.— Опцион улыбнулся.— Мы не сломаемся, командир, обещаю. Ты только направь нас в *нужное* место.

— Направлю, не сомневайся.— Геннадий хлопнул опциона по плечу так, что звякнули пластины лорики.— Давай, собирай ребят. Двинемся, пока дождя нет.

А распятый убийца-варвар все так же глядел в пространство. Такой ли он видел свою смерть? Вряд ли. Но он сделал выбор, когда высадился на чужой берег. Так же, как в свое время Черепанов. Но, очевидно, выбор Черепанова был правильнее, если над голым германцем теперь кружится воронье, а Геннадий, живой, уже почти забыл о нем, и его куда больше занимает вопрос: когда удастся снова наведаться в гости к благородной Корнелии Гордиане?

Спустя полчаса поредевшая кентурия выстроилась на дороге. Всадники — впереди, пехота — замыкающие. В середине — десяток позаимствованных в имении возов: с легкораненными, амуницией и добычей. И телами тех двадцати шести, кому «не повезло».

— Ну, парни, как вам вкус победы? — спросил Черепанов.

Он не увидел особого восторга на усталых лицах. Иного, впрочем, подполковник не ожидал. Устали мужики. Бой — не увеселительная прогулка. А впереди — десятимильный переход. Ничего, крепче будут.

— Война — это потрудней, чем землю пахать,— сказал Геннадий.— Но вы — молодцы! Я вами доволен. Я горжусь тем, что вы — мои солдаты!

— Служим Риму и Августу,— не очень уверенно выкрикнул кто-то. Но тут же кто-то другой грохнул древком о щит. И остальные, уже слитно, разом, грянули. Раз! Два! Три!!!

— Слава кентуриону Черепу! — взревел Мелантий Ингенс.

— Ave! Vivo! Victoria! — вразнобой закричали легионеры.

Вот так-то лучше.

— Они станут еще веселее, кентурион, после дележки трофеев,— заверил Черепанова Трогус, когда колонна тронулась.

Рука декуриона повыше кисти была перетянута льняным бинтом, но физиономия так и сияла.

— Не сомневаюсь,— кивнул Геннадий.— Это только начало, Тевд. Нас всех ждет славное будущее.

— С тобой — да! — Трогус осклабился.— Ты — победитель! Увидишь, сколько будет кандидатов на освободившиеся вакансии в нашей *последней* кентурии! У тебя есть шанс здорово разбогатеть!

— Неужели ты думаешь, что я стану наживаться на новобранцах?

— А ведь и впрямь не станешь! — констатировал декурион.— Слушай, командир, пожалуй, я хотел бы родиться там, где все вожди такие, как ты. Будь вы хоть трижды варвары!

— Каждому — свое, Тевд,— сказал Черепанов.— Имей в виду, если ты и у меня будешь опаздывать из увольнения — мало не покажется. Но одно опоздание я тебе прощаю. Авансом. За сегодняшнюю доблесть.

— Ты знаешь! — удивился Трогус.— Ах да, конечно. Ты же читал мои бумаги. Ты не думай, командир. У нас все опаздывали. Только у меня три раза не нашлось денег для отступного. Проиграл все, понимаешь...

— Не понимаю,— сказал Черепанов.— И не пойму. Но к «серебряному запястью» тебя представлю. Заслужил.

— Благодарю! Слушай, а эта домна и впрямь дочь сенатора?

— Да.

— Тогда я свое запястье получу, это точно. А ты, готов побиться об заклад, получишь «венок». Никак не меньше.

— Поживем — увидим,— философски ответил Черепанов.

Лучшей наградой для него была сегодняшняя победа. Его первая победа на этой земле. И четкое понимание, что сегодня они сделали нечто действительно *настоящее*.

Глава седьмая

Еще один визит в сенаторское поместье

Золоченый панцырь вожака варваров Черепанов взял себе. Выглядел он ничуть не хуже доспехов, в которых красовался

преторианец. И шлем Геннадий надел парадный. И «форменные» серебряные поножи. Приоделся, словом. Не хуже Аптуса. У того, правда, вся грудь — в наградах, а у Черепанова — ни одной. Но это даже и неплохо. Скромно.

— В Августу? — поинтересовался Пондус, когда Черепанов пришел за увольнительной.

Геннадий пожал плечами. В Августу он не собирался, но Толстяка это не касается. Перстень из трофейных, подаренный Черепановым, красовался рядом с золотым кольцом первого кентуриона. Дорогой перстень. Наверняка ворованный, содранный с пальца какого-нибудь римлянина. Или отрубленный вместе с пальцем. Почти все трофеи, взятые на разбойниках-варварах, были примерно одинакового происхождения. Но это никого не интересовало. Черепанов уже знал: гражданские законы о возврате похищенного имущества на армию не распространяются. Вот если у тебя в трактире плащ сопрут, а потом ты его увидишь на каком-нибудь гражданине,— можешь смело тащить гражданина к судье. Если справишься. И получишь плащ обратно, если там, у судьи, сумеешь доказать, что плащ — твой.

Но если ущемленный в имущественных правах гражданин попробует наехать на кентуриона, носящего перстень, некогда принадлежавший гражданину, но взятый в качестве добычи... Что ж, зубные протезы делают и здесь. И жаловаться особо некому, потому что полицейские функции в пограничных провинциях тоже выполняют легионеры. И функции палачей, кстати. Местные вигилы — они больше насчет пожаров. Хотя вот Черепанова в свое время едва не прихватили «за оскорбление величества». Так что всякое бывает. Впрочем, Черепанов готов был на что угодно спорить: первый кентурион Тит Пондус, с детской непосредственностью обрадовавшийся подарку, к желающим отнять у него «игрушку» отнесется точно не по-детски.

Черепанову перстня не жалко. И набитой серебром шкатулочки с затейливой инкрустацией и хитрым замочком, которую Геннадий преподнес Феррату,— тоже. Надо, значит, надо. А вот Аптусу он сделал подарок не по долгу, а от души: орин, снятый с вожака варваров, две сцепившиеся кошки из тяжелого мягкого золота. Штуковина, хоть и выкованная с большим искусством, но явно не римской работы — и тем особенно ценна. Редкость.

Ничего, были бы руки да голова, а деньги будут. Это Черепанов усвоил твердо. Еще в *той* жизни.

С собой он взял Трогуса. Для солидности и чтобы в дороге не скучать: Тевд, битком набитый всякими местными историями, был превосходным спутником. Он, единственный в черепановской кентурии, умел читать и писать. Окончил так называемый *лудус* — местную начальную школу. В Риме. Отец Тевда планировал вывести старшего сына в люди, но разорился. Тевд вступил в армию и ничуть об этом не жалел. Полагал, что быть удачливым воином поинтересней, чем вороватым чиновником.

— Это потому, что ты еще мальчишка,— заметил Черепанов.— Посмотрим, что ты скажешь через двадцать лет.

— Через двадцать лет, когда мне стукнет сорок, я уже буду первым кентурионом! — самонадеянно заявил Тевд.— А то и старшим — чем я хуже Феррата? Или военным префектом. А еще через пять лет, когда я выйду в отставку с полными сундуками серебра и изрядным жалованьем, женюсь и, может быть, захочу стать чиновником. Каким-нибудь квестором. А еще лучше — изберусь в эдилы. Здесь, в приграничье, для отставного кентуриона, вдобавок грамотного, любая должность открыта.

— А если тебя убьют или покалечат?

— На все воля богов,— последовал ответ.— А боги ко мне благоволят, командир.

— И в чем это выражается?

— Вот тебя мне подослали! — Парень засмеялся.— Я-то думал: как мне из такой дерьмовой кентурии выбираться? А тут появился ты — и вытащил меня из дерьма. Вместе с кентурией.

Это была самая своеобразная версия попадания Черепанова в этот мир. Чтобы поправить карьеру Тевда Трогуса.

За прошедшие три дня в поместье сенатора Гордиана многое успели сделать. Теперь только обгорелая роща да светлые створки новых ворот напоминали о недавнем побоище. Это, да еще воронье, обсевшее повешенных, уже источавших тяжелый смрад разложения.

Проезжая мимо, Черепанов на трупы, обезображенные падальщиками, не смотрел. Не из брезгливости. Просто его мысли были заняты другим.

Его ждали. Похоже, кто-то из поселян, завидев всадников (сверкающие доспехи и парадный пурпурный гребень кентуриона заметны издалека), успел предупредить хозяйку.

Корнелия Гордиана встречала его на ступенях портика.

В белой длинной столе и мягком белом плаще из козьей шерсти. Густые черные волосы, искусно уложенные и скрепленные золотой сеткой с капельками крохотных рубинов, еще более подчеркивали идеальную белизну лица, словно бы выточенного из чистейшего алебастра.

— Приветствую моего спасителя! — Голос домны был чист и ясен. Может быть, чуточку театрален. Чувствовалось, что дочь сенатора учили *красиво говорить*.

Черепанов спрыгнул с коня, поводья которого тут же подхватил кто-то из слуг.

— Я счастлив снова склониться перед божественной красотой! — Геннадий отвесил поклон. Он не знал, что предписывают в данном случае здешние правила этикета, и решил просто быть искренним.

— Прошу, доблестный кентурион, и ты, воин (жест в сторону Трогуса), войдите! Будьте моими гостями!

Все шестеро раненых, оставленных на вилле, выжили. И уверенно шли на поправку. Медик, худощавый грек лет пятидесяти, заверил, что пятеро не позднее, чем через два месяца, смогут вернуться в строй. Шестой, к сожалению, никогда уже не будет легионером. Рана в боку заживет. И сломанные ребра тоже срастутся. Но германский топор перерубил подколенные сухожилия. Поэтому раненый навсегда останется калекой.

— Жаль,— искренне произнес Черепанов и подумал, что надо бы договориться с писарем: оформить задним числом парню «декуриона». Чтобы пенсия была побольше. Да, местная медицина — куда лучше, чем ожидал Геннадий. Но все же похуже, чем в двадцать первом веке. В *том* времени парню сшили бы поджилки — и все дела. Ну, хромал бы немного...

Последние слова подполковник пробормотал себе под нос, но медик услышал.

— Сшить сухожилия? — проговорил он удивленно.— Мой учитель такого не делал. Но мысль любопытная... Тебя обучали медицине?

— Я — солдат,— сказал Геннадий.— Сам понимаешь... И там, где я родился, лечат по-другому.

— Было бы крайне любопытно поговорить с вашими медиками,— заметил грек.

«Еще бы!» — подумал Черепанов.

Хотя он подозревал, что большая часть наработок прогрессивной медицины здесь окажется бесполезной. Без современной им техники и фармакопеи. Он уже знал, что значительное число раненых умирают не от самих ран, а от потери крови. Или от последующего заражения. Например, после полостных операций, проведенных местными врачами, которые, кстати, старательно выполняли все требования антисептики. Не потому, что знали о микробах, а потому, что их так учили. Но раз на раз не приходится. Зато — приятный сюрприз! — в этом мире существовала анестезия. С помощью настойки мака. Правда, в полевых условиях чаще использовалось спиртное. И деревяшка — в зубы.

Но факт остается фактом: в пылу битвы те же варвары продолжали биться и убивать с такими ранениями, после которых человек не должен не то что драться, на ногах стоять. С проломленной головой, с отсеченными конечностями, с разваленной брюшиной. Черепанов сам видел, как громила-германец одной рукой кишки придерживал, а другой — рубил наотмашь. Да, они еще могли убивать — какое-то время. Но выжить — нет.

Пока Черепанов общался с лекарем, в триклинии готовили стол. Вернее, столы, поскольку, как выяснилось, в хороших домах со столов не убирали. Убирали сам стол. И приносили следующий. Накрытый, разумеется.

Обедали вчетвером: Геннадий с Трогусом, прекрасная хозяйка и почтенного возраста дама, домна Фотида, бывшая при Корнелии, надо полагать, кем-то вроде компаньонки. Последняя оказалась весьма полезна Черепанову — в качестве источника информации о здешних застольных манерах. Сама Корнелия ела, как воробушек: там зернышко, тут семечко... Но очень изящно. Черепанов искренне ею любовался. Правда, не забывал отдавать должное и тому, что лежало и стояло на столе. Двенадцать часов в седле изрядно возбуждают аппетит.

— Я рада, Геннадий, что ты сумел так скоро приехать,— говорила Корнелия.— Ты показался мне очень интересным человеком. Не таким, как другие военные.

— Не таким, как твой жених? — осведомился Черепанов.

— Секст — не военный.— Изящная головка качнулась, звякнули золотые колокольчики-серьги.— Секст — в первую оче-

редь патриций. Конечно, он храбрец. Он даже выходил на арену, под маской, разумеется... Ой! — Корнелия прижала ладошку к губам.— Прошу вас не говорить об этом никому. Это ведь тайна!

Под алебастровой маской благородной римлянки на миг проступила совсем юная девушка.

— Мы будем молчать,— заверил подполковник.

— Ну да,— подтвердил Тевд.— Хотя не вижу в этом ничего дурного. Такое и императоры себе позволяли. Главное — чтобы тебя не прикончили там, на песке. А таких — немного. Вот мой кентурион, кстати,— он мог бы! — Трогус повернулся к Геннадию и поднял большой палец.— Мой кентурион — та-акой боец!

— Замолчи, Тевд, ты пьян! — сухо произнес Черепанов.— Я никого не хочу осуждать, домна, но сам я никогда не стал бы убивать ради удовольствия. Неважно, своего или чужого. Когда мне было совсем немного лет, я...— он запнулся, подыскивая слово,— ...я победил на Играх в своем городе. Один раз. И больше в них не участвовал, хотя на *наших* Играх никого не убивают.

— Мне тоже это кажется глупым,— убежденно произнесла Корнелия.— И мой отец говорит, что гладиаторские игры — пустое расточение средств, которых и так не хватает. Но еще он говорит, что арена Веспесианова амфитеатра — это сердце Рима. Ты был в Риме, Геннадий?

— Еще не успел,— улыбнулся Черепанов.— Я недавно в империи.

— Тебе непременно следует побывать в Риме! — воскликнула девушка.— Кто не видел Рима — тот не видел ничего!

— Ну да,— поддакнул Тевд.— Особенно если заглянуть в греческий или сирийский кварталы. Такой вони я точно нигде не встречал. А в Субуру или на тот берег Тибра без меча лучше не соваться. Иначе точно больше ничего не увидишь.

Тевд шутил. Он был ярым фанатиком Великого города. Черепанов исподтишка показал ему кулак.

Чопорная домна Фотида осуждающе поджала губы.

— Наверное, ты прав,— согласилась Корнелия.— Но мы туда не ходим. Зачем туда ходить? Скажи, Геннадий, где ты воевал, пока боги не привели тебя сюда?

«Я должен поразить ее воображение»,— думал Черепанов, пока слуги уносили один стол и ставили перед ними другой — с десертом.

Сознание подполковника как бы раздвоилось: одна его часть четко анализировала ситуацию, подбирала нужные слова и вела искусную игру, вторая — глупо улыбалась и глотала розовые слюни, точно впервые влюбившийся подросток, которому для абсолютного счастья достаточно просто смотреть на предмет своих чувств. Определенно, попав в этот мир, Черепанов «помолодел».

«Где ты воевал?» Гм-м-м...

Геннадий на мгновение представил, как, повинуясь движению штурвала, опускается хищный нос «сушки», как переворачиваются облака и запрокидывается вверх серо-зеленая поверхность земли...

— Там,— Черепанов показал вверх.— Я воевал там,— и добавил, потому что его не поняли: — Там, в небе.

Глава восьмая

«Ваши боги могут обидеться...»

Первым засмеялся Трогус, потом почтенная Фотида выдавила сухой смешок. Последней рассмеялась Корнелия. Только после того, как улыбнулся сам Черепанов.

Больше они к этой теме не возвращались.

Снаружи потемнело, и в триклиний внесли изящные бронзовые светильники.

Трогус незаметно исчез. Почтенная Фотида убралась в уголок и занялась рукоделием. Достаточно далеко, чтобы не слышать их разговора, но достаточно близко, чтобы видеть, что они не занимаются чем-то предосудительным.

— Скажи, Геннадий,— попросила Корнелия.— На вашем языке сочиняют стихи?

— Множество.

— Прочти что-нибудь...

Черепанов задумался. Последний раз он читал стихи лет пять назад. На каком-то юбилее. Последний раз стихи девушке... Нет, девушкам стихов он не читал никогда. Ему читали, бывало. Но не наоборот.

«Вот Лешка бы не опростоволосился»,— подумал Черепанов. И только сейчас сообразил, что в последний месяц ни ра-

зу не вспомнил о своем космонавте-исследователе. Ой как стыдно!

Подполковник помрачнел.

— Ты грустишь о своей родине? — Корнелия легонько коснулась его руки.— Не грусти, Геннадий. Когда-нибудь ты непременно вернешься домой.

Черепанов покачал головой.

— Дождь падает только вниз,— сказал он.

— Дождь? — Ровные зубы блеснули перламутром между пухлыми губками.— О-о...— Она прижала пальцы к щекам.— Значит, ты не шутил, когда говорил о небе?

— Не шутил,— кивнул Геннадий.

— Но как это может быть? Там, на небе, обитают боги... Но ведь ты — не бог?

— Не бог,— согласился он.— Но на том небе, где я летал, богов нет. Может быть, выше...

«Ну да, в космосе. Целая прорва богов»,— подумал Геннадий, но поправляться не стал.

— Но как можно летать, если ты не бог?

— Птицы же летают.

— А-а-а... Вы лётаете, как птицы!

— Мы летаем, как люди. Вели принести кусок тонкой бумаги, ножницы и таракана — я тебе кое-что покажу.

Принесли ему, конечно, не бумагу — папирус. Но это не имело значения. Он тоже был достаточно легким. Черепанов быстренько вырезал грубую модель самолета, загнул где надо, усадил таракана на «фюзеляж» и запустил вверх. Самолетик взлетел метра на три, заложил вираж, описал красивую петлю и приземлился на ковер. Обрадованный таракан попытался удрать, но погиб под башмаком Фотиды.

— Даже здесь, у вас, можно сделать что-то подобное,— Черепанов кивнул на модельку,— достаточно большое, чтобы поднять в воздух меня. Но я прошу тебя, Корнелия, никому не говорить об этом.

— Хорошо. Но почему?

Черепанов помедлил немного, потом ответ сам пришел ему на ум.

— В нашем небе нет богов,— сказал он.— Но в вашем они есть. И они могут обидеться.

— Понимаю...

Какое-то время они молчали.

— Так ты прочтешь мне стихи на своем языке? — спросила Корнелия.

— Попробую...— Черепанов сосредоточился... Нет, все-таки не зря в школе их заставляли стихи зубрить!

— Белеет парус одинокий,
В тумане моря голубом,
Что ищет он в краю далеком,
Что кинул он в краю родном...— по-русски, медленно произнес он.

— Играют волны...

Она слушала очень внимательно, скульптурно-безупречная головка чуть склонилась вправо, пальцы сплелись вместе. Большой камень на перстне причудливо мерцал, становясь то алым, то фиолетовым.

— ...А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой.

— Красиво,— проговорила девушка.— Звучит непривычно, но красиво. О чем оно?

Черепанов перевел. Как умел.

— Очень красиво. Я бы перевела их на латынь, пожалуй. Постой, я запишу.— Она взяла таблички.— Диктуй.

— Тебе надо непременно нанять грамматика, Геннадий,— деловито произнесла Корнелия, закончив писать.— И ритора[1]. Я вижу, ты получил хорошее образование у себя на родине, но у нас в Риме человек, который плохо говорит по-латыни, не пользуется уважением.

— Непременно так и сделаю,— пообещал Черепанов.— В первую очередь потому, что хочу завоевать твое уважение, домна.

— Мое ты уже завоевал. Я...— Корнелия опустила глаза.— Я очень рада, что ты нашел время заехать, Геннадий. Потому что через шесть дней я уезжаю. В Рим.

Черепанов молчал. А что тут можно сказать?

— Я должна быть в Риме к празднику Бона Деа, Доброй богини,— словно извиняясь, проговорила она.— Отец уже выслал сопровождающих.

— Понимаю... Добрая богиня — это кто?

---

[1] Ритор — учитель красноречия.

— Веста.— Девушка обрадовалась возможности сменить тему.— Я и забыла, что ты — варвар... Прости. Я знаю, что ты не варвар. Просто ты недавно...— Корнелия смутилась, и Черепанов поспешно сказал:

— Все в порядке. Так кто она — богиня Веста?

— Богиня-дева. Она хранит домашний очаг. В каждом римском доме.

— А как же лары? — спросил Черепанов, уже знакомый с тем, что в каждом здешнем доме непременно имеется алтарь для домашних божеств.

— Лары у каждой семьи — свои. А Добрая богиня — одна для всех. Если огонь в ее святилище погаснет — будет беда. И служат ей только настоящие патрицианки. Шестеро. Но они должны дать обет оставаться девственницами целых тридцать лет. Говорят, это очень трудно.— Корнелия хихикнула, на мгновение опять превратившись из знатной дамы в совсем молоденькую девчонку.

— Наверное, желающих не много?

— Напротив! Стать весталкой — большая честь.

— И ты едешь в Рим, чтобы стать весталкой? — Черепанов слегка испугался. С чего бы это? Ведь он понимал, что между ним и дочерью сенатора — практически непреодолимая дистанция. И у нее есть жених. И... Все-таки, может быть, не такая уж и непреодолимая? Ему ведь достаточно протянуть руку...

— Нет, что ты! Я только должна принять участие в празднике. Я ведь из сенаторского рода!

— И что же это за праздник?

— А вот этого, Геннадий, тебе знать не положено! — Девушка засмеялась.— Мужчин на таинства Весты не допускают. У вас — свои таинства.

— Да, вероятно,— согласился Черепанов, которого ни в какие тайные праздники пока не приглашали.— Но ты вернешься?

— Может быть. Следующим летом. Если наши родители, мои и Секста, не решат, что наступило благоприятное время сочетать нас браком.

— Ты его любишь? — спросил Черепанов.

— Наверное.— Серьги-колокольчики тихонько звякнули.— Он красивый. И храбрый. Нас обручили через год после моего рождения. Но вот это кольцо,— она показала Черепанову узкий золотой ободок вокруг второй фаланги указательного пальца,— переделывали уже три раза. Мы должны были подпи-

сать брачный контракт, когда мне исполнилось четырнадцать, но знаки были неблагоприятны, и церемонию отложили. А потом его отец поссорился с моим — и все думали, что обручение тоже будет разорвано. Но в этом году они опять помирились. Вот Секст ко мне и приехал.

— Ты рада?

— Наверное.— Но голос ее звучал не очень уверенно.— Мы знакомы с детства, но... Мне кажется, он и не заметил, что я выросла.

— А мне показалось, он тебя слушается.

— В *моем* доме — да. Но мы будем жить в его доме. Знаешь, я ведь привыкла считать его своим будущим мужем. И просто не могла представить, что может быть иначе...

— А сейчас... можешь?

— Сейчас... Не знаю.— Она отвела глаза.— Сейчас я думаю, что нам пора спать. Фотида! Я думаю, мы устроим гостей в комнатах за атрием. Там уже навели порядок?

— Да, госпожа!

— В таком случае — приятных снов, кентурион Геннадий. До завтра.

Корнелия быстро повернулась и вышла из комнаты.

— Пойдем, кентурион, я покажу тебе комнаты,— сказала Фотида.— Прислать тебе рабыню в постель?

— Не нужно. Можешь предложить моему декуриону.

— Ему тоже не нужно.— Сухой смешок.— Он уже отыскал подружку. Ему никто не откажет, кентурион.

— Почему?

— Потому что мы все в долгу перед вами,— очень серьезно сказала Фотида.— Вы нас спасли.

— Это наш долг,— спокойно ответил Черепанов.

Фотида ничего не сказала. Просто взяла со стола светильник и двинулась вниз по лестнице.

На следующее утро Корнелия к завтраку не вышла.

— Нездорова,— сказала Фотида с явным неодобрением.

— Можно надеяться, что она выйдет нас проводить? — спросил Геннадий.

— Не думаю. Не мрачней, кентурион,— добавила она, понизив голос,— ты ее ничем не обидел. Она... хандрит. С Корнелией это бывает, не обижайся.

— Разве на нее можно обижаться? — Черепанов улыбнулся, но на душе скребли кошки. Да, эта девушка — не про него. Что для дочери сенатора какой-то младший кентурион?

Черепанов не слишком хорошо разбирался в женской психологии.

Заглянув еще раз в маленький госпиталь, он пожелал своим парням скорого возвращения.

Уже у ворот его остановил новый (старого убили варвары) управитель поместья.

— Можно нам снять повешенных, кентурион? — спросил он.— Нам брус нужен. Да и воняет тоже.

— Снимайте,— разрешил Черепанов.

Глава девятая

«Заслуженная» награда

— Ага,— удовлетворенно констатировал Пондус.— Прибыл наконец!

— Разве я опоздал? — осведомился Черепанов.

— Нет, все в порядке. Давай сразу к Феррату. Тебя наш латиклавий видеть желает. Иди, получай свои награды.

Что ж, награды — дело хорошее. Но желательно бы хоть пыль с физиономии смыть и грязь с калиг счистить. С дороги-то.

— Иди-иди! Пусть видит латиклавий, что ты не вино хлещешь на радостях, а в трудах пребываешь.

Ну, раз первый считает, что грязный кентурион лучше чистого — ему видней.

Черепанов велел свести своего коня в стойло, а сам двинулся по широкой *виа претория*[1] в «командирскую» часть лагеря.

Почти все встречные приветствовали его: кентурион Череп был популярной фигурой. Разумеется, сам подполковник помнил по именам немногих. Но неизменно отвечал на приветствия и поздравления. В лагере слухи распространяются со скоростью степного пожара, а тут двое суток прошло. Немудрено, что о победе «трусливой» кентурии не знали только глухие.

[1] Виа претория — улица в римском лагере.

Старший кентурион Феррат обитал в неплохом домике прямо напротив претория. Старший кентурион был весел.

— Прямо с дороги? Куда ездил, в Августу?

— Нет, в имение Гордиана. У меня там раненые остались...

— Молодец! — Старший кентурион аж расцвел.— Так и надо, гастат! В первую очередь — о своих легионерах. Непременно Фракийцу расскажу!

Черепанову стало очень неудобно. Поскольку вовсе не к раненым он ездил. Конечно, и к раненым тоже...

— Слушай, Сервий, я одного из моих парней хотел в декурионы представить, да не успел. Можно от позавчерашнего оформить?

— А какая разница?

— Да понимаешь...

Старший кентурион бросил на него быстрый взгляд:

— Покалечили кого? Хочешь пенсию поднять?

— Да,— честно признал Черепанов.

— Оформим, не беспокойся. Ты сегодня именинник. И список отличившихся подготовь. Укажи — кому что. Я подпишу. Знаю, лишнего не попросишь. А сейчас пошли на тебя награды вешать. Чую, будет тебе сегодня представление на золотой венок. Этот преторианец, которого ты выручил, нашему Магну родич. Так что сукин сын непременно расщедрится. Это даже и хорошо, что Фракийца нет. Максимин, он на награды скупой, уж я-то знаю.

Трибун-латиклавий Гай Петроний Магн оказался куда моложе, чем ожидал Черепанов. Лет двадцать пять от силы. Но важности — минимум на троих. И свой белый шарф носил с невероятной надменностью. И этим сразу напомнил Черепанову его родича-преторианца.

— Тот самый первый гастат Череп? — осведомился трибун у старшего кентуриона, не удосужившись ответить на приветствие офицеров. И оторвать задницу от стула — тоже.

— Да, это он,— сухо произнес Феррат.

Было видно, что он латиклавия терпеть не может. И Геннадий его понимал.

— И что мне с тобой делать, младший кентурион...— брезгливо кривя узкие губы, процедил Магн.

Черепанов промолчал. Нескромно же говорить о собственном поощрении.

— А ты что скажешь, Феррат?

— Позволь, латиклавий, рассказать тебе о том, как кентурион Череп...

— Не нужно, мне уже рассказали,— отмахнулся трибун.— Так что же мне с тобой делать, гастат? Меня удивило и насторожило, когда я узнал, что легат Максимин поставил кентурионом варвара. Но твои преступления слишком велики даже для варвара.

Черепанов услышал, как Феррат озадаченно крякнул. Признаться, он сам тоже ожидал другого.

— Э-э-э... Петроний, ты уверен, что тебя правильно информировали? — спросил старший кентурион.— Возможно, тебе все же стоит послушать, что сделал кентурион Череп?

— Меня правильно информировали,— отрезал Петроний Магн.— Не думаю, что ты, не присутствовавший там, сможешь сообщить мне больше, чем трибун претория, лично участвовавший в событиях.

«Ах вот оно что! — сообразил Черепанов.— Паскудник-преторианец все же наябедничал».

— И в чем же состоят мои преступления? — очень спокойно осведомился он.— Просвети меня, варвара, какие законы я нарушил?

— Во-первых, ты преступно медлил, прежде чем выступить на защиту римских граждан, подвергшихся насилию. Что, в свою очередь, привело к тому, что многие подданные императора погибли. К счастью для тебя, благородная Корнелия Гордиана уцелела, но это опять-таки не твоя заслуга. За это ты должен благодарить доблестного трибуна Секста Габиния, которого ты...

— Прошу прощения, латиклавий! — перебил Черепанов.— Давай сначала по первому пункту обвинения! У тебя есть свидетели моей преступной медлительности?

— Ты забываешься, кентурион!

— Не думаю. Я просто задаю вопрос. И хочу услышать ответ. Таково мое право, утвержденное законом.

— Что ты знаешь о наших законах, варвар? — презрительно бросил трибун.

— Вероятно, я знаю наши законы лучше, чем патриций империи, поскольку могу точно процитировать соответствующий пункт эдикта.

— Придержи язык! Это не единственное твое преступление. Ты посмел применить насилие по отношению к старшему офицеру претория, представителю самого императора, за что полагается...

— Прошу прощения! Я не применял силы по отношению к трибуну претория!

— Ты лжешь, негодяй!

— Нет! Я не лгу! И у меня есть свидетели! Тебя, как заметил старший кентурион, неверно информировали. Я применил силу, да...

— Вот видишь! Ты признал!

— ...чтобы выяснить, является ли человек, облаченный в форму трибуна преторианцев, трибуном преторианцев, или же это варвар, присвоивший доспехи трибуна. Как только я получил ответ на свой вопрос, я немедленно предоставил упомянутому тобой Сексту Габинию свободу.

— Ты что же, не мог отличить варвара от патриция и трибуна? — возмутился трибун.

Черепанов пожал плечами:

— Он вел себя в точности, как вожак варваров, которого я взял в плен. Возможно, его латынь была получше, но я пока не научился различать таких тонкостей. В чем еще меня обвиняют?

— Мне сообщили — и тут, можешь не сомневаться, у меня множество свидетелей,— что ты приказал распять пленников!

— Ну да,— подтвердил Черепанов.— Я это сделал. А разве не так поступают с разбойниками в нашей провинции? Или ты сомневаешься, что они — разбойники?

— Ты нарушил эдикт нашего богоравного Августа Александра! — напыщенно воскликнул латиклавий.— Эдикт, которым он повелевает всем захваченным варварам предлагать вступить во вспомогательные войска, а тех, кто откажется, выдворять за пределы империи, не причиняя вреда, дабы не возбуждать в их сородичах гнева против империи. Нарушение же императорского эдикта приравнивается к нарушению присяги! Ты знаешь, что за это следует?

— Знаю. А вот о таком эдикте слышу в первый раз. А поскольку ты о нем знаешь и не сообщил о нем мне, то, выходит, это ты виноват в нарушении эдикта.

— Ты спятил! — Трибун подскочил.— Этот эдикт составлен не для каких-то там младших кентурионов!

— Ты это сказал, не я,— заметил Черепанов.— Старший кентурион свидетель: ты только что снял с меня ответственность за нарушение эдикта. Не знаю, правда, есть ли у тебя право самостоятельно толковать императорский эдикт,— невинно добавил он.

— Замолчи! — Трибун побагровел от ярости.— Феррат! Отобрать у него регалии и заключить в карцер! Не позднее чем завтра я буду судить его, и, клянусь Марсом-Мстителем, он получит по заслугам!

— Я не стану этого делать! — сказал Феррат.

Удлиненное лицо трибуна стало и вовсе морковного цвета.

— Ты отказываешься выполнить приказ?! — прошипел он.— Как ты смеешь? Тоже хочешь в карцер, Феррат?

— Я не стану это делать, Петроний,— буркнул старший кентурион.— Хочешь отправить меня в карцер — отправляй.

— Он не рискнет отправить тебя в карцер,— спокойно произнес Черепанов.— Он — паскудный пес, который брешет из-за забора. Не делай этого! — предупредил он взбешенного латиклавия, схватившегося за меч.— Или я тебя убью.— Подполковник положил ладонь на рукоять своей спаты.— Он не арестует тебя, Феррат! Он даже меня не арестует. Потому что он не легат, а только латиклавий. И кентурионом меня поставил не он, а Максимин.

— Еще как арестую! — заорал Магн.— Эй, охрана! Живо ко мне! Возьмите этого преступника! — Латиклавий указал ворвавшимся легионерам на Черепанова.— В карцер его, в кандалы, живо!

Стражники окружили Черепанова.

— Отдай оружие, Череп,— произнес командовавший ими опцион.— Лучше отдай по-хорошему, ладно?

Черепанов поглядел на Феррата. Тот молчал.

— Ладно, ребята,— сказал Черепанов.— Не драться же мне с вами в самом деле. Из-за всякого дерьма. Вот мой меч.

— Тебе не жить, Череп! — бросил ему вслед Магн.— Завтра я буду тебя судить! Тебе не жить, так и знай!

Трибун был уверен в том, что говорил. И у него были основания быть уверенным.

Геннадий об этом знал, но твердо верил в свою удачу. До сих пор эта дама его не подводила. Хотя имела склонность являться в самый последний момент.

Глава десятая

Бунт

Лагерный карцер мало чем отличался от гауптвахты в современной Черепанову армии — квадратный сарай с узкими окнами под самой крышей, с «предбанником», в котором располагалась охрана.

У Черепанова забрали доспехи и регалии, включая перстень кентуриона, но шнурки и ремень оставили. И деньги тоже. Изъятое имущество сложили в отдельный мешок и опечатали. Взамен выдали грязное шерстяное одеяло и подчеркнуто вежливо препроводили в «рабочее» помещение.

Внутри было темновато. Но без труда можно было различить еще двоих заключенных. Совсем немного, если учесть общую численность легиона.

— Ты кто? — спросил один из них, немолодой уже мужик, густо обросший щетиной.

— Череп,— лаконично ответил Геннадий.

Другой штрафник, помоложе, гаденько захихикал... И тут же схлопотал от старшего сочную затрещину.

— Присядь.— Старший махнул рукой на скамью.— Слыхал о тебе. За что?

— С латиклавием не поладил.

— Понятно.

— А я с увольнения опоздал! — сообщил молодой.— На трое суток. И чего теперь?

— Десять ударов,— сказал Черепанов.— И месячное жалованье. Если сам пришел.

— Сам-сам. А бить кто будет? Свои или...

— Заткнись,— уронил старший, и младший заткнулся.— Вижу, устал?

— Двенадцать часов в седле.

— Ясно. Ну отдохни. Ты, дай-ка свое одеяло.

— Да ты что, Хрис! — завопил молодой.

— Цыть!

— Да ладно, у меня есть,— запротестовал Черепанов.

— Ничего, он мне его еще вчера в кости проиграл,— усмехнулся старший.— Поспи, уважаемый. Сон слаще, когда тепло, а ночи нынче прохладные.

Черепанов спорить не стал. Взял второе одеяло, улегся на доски и мигом уснул.

Утром их всех разбудила стража. Завтрак. Никаких разносолов: по куску грубого хлеба с отрубями да по кружке воды. Вчерашний завтрак был не в пример качественнее. Но Черепанов съел все. Правило номер раз: ешь, что дают, и спи, когда удается.

Сквозь прорези у потолка пробивался утренний свет, и у Черепанова появилась возможность получше разглядеть своих «сокамерников».

«Молодой» и оказался молодым — тощим мальчишкой лет семнадцати. Видно, только-только завербованным. Старший, Хрис, костлявый, жилистый мужик. Речь мягкая, но в глазах — волчья тоска.

— Не думал, что буду тут с самим Черепом сидеть,— произнес он.— Что ж ты такого сделал, что наш алополосный[1] Магн тебя сюда засадил?

— Германскую шайку побил. А потом повесил тех, кто уцелел.

— Большая шайка?

— Сотни полторы.

— А у тебя сколько было?

— Моя кентурия. И турма вспомогательных.

— Неплохо! — Хрис присвистнул.— Так тебя награждать положено. За что же в карцер?

— Нарушение императорского эдикта. Пленных варваров не вешать, а вербовать на римскую службу. А буде не согласятся — с почетом провожать домой.

— Да уж... Не повезло тебе, кентурион. За такое штрафом не отделаешься. Фракиец-то когда приедет?

— А кто его знает.

— Плохо твое дело. Еще хуже моего.

---

[1] Алая полоса на одеянии — знак особого достоинства. Широкая полоса — знак сенатора, узкая — знак принадлежности к сословию всадников.

— А твое — какое?

— Кентуриону своему по морде врезал.

— Ого!

— Да терпение мое кончилось. Изводил он меня. Ну, тоже понятно. Баба от него ко мне ушла. А он как узнал — так с тех пор мне никаких увольнительных. И работа самая грязная. И чуть что — палкой. Ходил первому жаловаться — еще хуже стало.— Хрис махнул рукой.— Это у тебя, слыхал, в кентурии все по чести, а у нас в пятой когорте все повязаны. И все из легионеров деньги тянут, порви их Кербер! Прорвы ненасытные...

Черепанов промолчал. Что тут скажешь. Ударить старшего по званию — преступление первого разряда. Жаль. Мужик вроде неплохой...

Дверь распахнулась. На пороге стоял сам префект лагеря[1] Митрил по прозвищу Скорпион. Высокий, совершенно седой мужчина. Старый служака, бывший примипил.

— Череп, на выход!

В «предбаннике» уже распечатали черепановский мешок с изъятым имуществом. К удивлению Геннадия, тут же, на столе, лежала и его спата.

— Облачайся!

Подполковник не заставил себя уговаривать.

Вдвоем они вышли на Виа квинтана[2]. Обычно в это время здесь было не протолкнуться от тренировавшихся легионеров. Но сейчас было пусто.

Митрил шел впереди. Несмотря на приличный возраст — под шестьдесят, он сохранил быстрый, размашистый шаг легионера.

Лагерь был пуст. И тих. Черепанов терялся в догадках. Они подошли к зданию принципия, штаба легиона. Охраны у ворот не было. Ничего себе! Где же все?

Митрил миновал ворота и вошел внутрь через боковой вход. Тоже не охраняемый.

По узкому коридору они прошли в главный зал, где проводились военные советы. Здесь, в специальной нише, хранились штандарты легиона: «орел», *имаго* — штандарт с изображением императора, вексилла — знамя легиона. Здесь, к некоторому

[1] Префект лагеря — третий по старшинству, после легата и трибуна-латиклавия, офицер в легионе. Что-то вроде главного квартирмейстера.

[2] Виа квинтана — улица в римском лагере.

облегчению Черепанова, охрана была. Двое стражников, как обычно.

У лестницы, ведущей на галерею, префект лагеря остановился.

— Наверх,— скомандовал он, пропуская Черепанова вперед.

На лестнице слуха Геннадия достиг странный гул. Словно очень отдаленный шум океана.

Шагнув сразу через три ступеньки, подполковник ступил на галерею и увидел закованные в доспехи спины всех шести трибунов легиона: главный, Магн,— справа, особняком.

Офицеры раздвинулись, пропуская Черепанова вперед...

Весь легион был здесь, на внутреннем дворе принципия. Все десять когорт. Не строем, как обычно, а просто толпой. Молчаливой и от этого еще более грозной. Сверкающее поле бронзовых и стальных шлемов, кое-где проросшее красными гребнями кентурионов.

Седой Митрил встал рядом с Черепановым.

— Вот он! — рявкнул префект.— Вы этого хотели?

Сначала вроде бы ничего не произошло, но потом тысячи рук разом вскинулись вверх, и толпа взорвалась ревом. Тем самым «бар-ра», повергавшим в страх врагов Рима.

«Черт возьми,— подумал Черепанов.— Я и не думал, что так популярен».

Сокрушительный звук рвал воздух над лагерем чуть больше полуминуты. Потом как бы сам собой стих, и толпа потекла из ворот на Виа принципалис, снаружи снова превращаясь в дисциплинированные когорты и кентурии.

Трибун-латиклавий Магн резко развернулся, пронесся мимо Черепанова, хлестнув его краем плаща, и, яростно стуча каблуками, скатился вниз по лестнице.

— Ну натворил ты дел, гастат,— пробасил префект Митрил, прозванный Скорпионом за почти патологическую любовь к боевым машинам.— Чуть бунта не устроил.

Черепанов молчал. Хотя, с его точки зрения, он-то был совершенно ни при чем.

— Смотри-ка, даже не оправдывается,— заметил один из трибунов.

— Ничего,— сказал другой.— Вот приедет Максимин...

Но, судя по выражениям лиц высшего офицерства легиона, не очень-то они опасались приезда легата-главнокомандующе-

го. И что еще важнее, младший кентурион Череп вдруг почувствовал себя среди них своим. Но с привкусом гордости: еще неизвестно, поднялся бы легион, если бы латиклавий заправил под арест кого-нибудь из них?

Впрочем, Черепанов был почти уверен, кто затеял бучу. В любом случае, своих он в обиду не даст!

Глава одиннадцатая

Приятное с полезным

Бараки, в которых размещаются кентурии,— деревянные «копии» палаточного лагеря. На каждый контуберний — своя клетушка. Правда, с отдельным входом. И с общим козырьком вдоль открытой части строения. Здесь, на ступеньках, очень удобно чистить оружие. Или овощи. Или просто чесать языками с «коллегами по работе». Не в комнатах же это делать, где еле-еле умещаются восемь лежанок и столько же ларей с личным имуществом. Лари не запираются: у своих не крадут. Такое не одобряется богами и общественностью. «Общественность» за такое рубит руку. Но Черепанову всегда казалось, что эти люди богов боятся больше, чем закона. Суеверны господа легионеры, ничего не поделаешь. И религиозны. Одних праздников — штук по двадцать в месяц. В честь государственных богов, в честь мертвых императоров и в честь живого. Традиционные праздники и индивидуальные, коих тоже немало, поскольку в каждой провинции свои, местные боги. К счастью, далеко не все праздники считаются основанием для отлынивания от работы.

Разумеется, в каждой комнатке — свой крохотный ларарий. Почти все солдаты предпочитают иметь под рукой материальные воплощения любимых божеств. «Проверенные в деле». Тоже понятно. Пуля — она, как говаривал не родившийся еще Александр Васильевич,— дура. И стрела тоже. В кого попадет — в тебя или в соседа? Кто это решает? Ну ясно кто! Поэтому при страшной тесноте и строгом правиле «все свое ношу с собой» (вернее, на себе) все равно у каждого солдата — куча талисманов, оберегов и иных «проверенных» вещиц. Че-

репанов с суевериями не боролся. Тем более что сам теперь стал «предметом суеверия». Пусть верят во что хотят, лишь бы дело делали.

Чуть получше с «жилплощадью» — у «двойных» и «полуторных»: одна комната на троих. И уж совсем хорошо — у кентуриона. Аж две комнаты. Да еще канцелярия. Да еще особое помещение для хранения штандарта. И маленький склад всякой всячины. Правда, у барака общая стена с бараком пятой кентурии, а кентурион пятой, к сожалению, храпит... Впрочем, здесь все равно намного лучше, чем в карцере.

Однако к себе Черепанова не пустили.

Вся его славная «шестая» выстроилась перед бараком. В полном параде. И приданные кавалеристы тут же — во главе с Трогусом.

— Шестая кентурия десятой когорты Первого Фракийского легиона на службе Антония Александра Севера Августа! — зычно выкрикнул опцион Ингенс.— Семьдесят один легионер согласно списочному составу. Шестеро — на лечении. Двое — в карауле. Пятеро — на общественных работах! Происшествий нет. Дисциплинарных взысканий нет. Легионер Гитон за проявленное умение поощрен пятью дополнительными пайками. Докладывает опцион Гай Ингенс!

— Отлично, опцион! — похвалил Черепанов. Подумал немного и добавил: — Спасибо, ребята!

Дружно грохнули щиты. Лица легионеров сияли.

Черепанов никогда не стремился завоевать любовь подчиненных. И тем не менее чертовски приятно!

— Спасибо, ребята! Все свободны. Тренировки на сегодня отменяются.

Пусть у парней тоже будет маленький праздник.

Дружный ликующий вопль. Геннадий даже чуток взревновал: бойцы явно обрадовались дню безделья больше, чем возвращению кентуриона.

— Мы тут кое-что приготовили, кентурион,— заговорщицки произнес Мелантий Ингенс.— Прошу к нам.

— Может, лучше ко мне? — предложил Черепанов.— У меня посвободнее.

— Извини, командир, стол уже накрыт! — возразил старший брат Мелантия.— И убрать его можно одним способом.— Он похлопал себя по животу.

Братья расстарались: накрыли на славу. Нет, никаких изысков. Но для солдатского желудка — лучше не бывает. Жареная поросятина с фруктовой подливкой (помнят, черти, что Черепанов их любимый селедочный *гарум*[1] терпеть не может), всякие овощи, жареные грибы, лично собранные Тевдом Трогусом, разумеется, тоже присутствовавшим на пирушке. И столько амфор с вином, что часть даже не поместилась в комнатушке, и Мелантий время от времени бегал за ними в кладовку.

По ходу дела Черепанов прояснил ситуацию с «бунтом». Инициатором был, разумеется, Трогус. Но именно инициатором, а не зачинщиком. И подошел к этому делу декурион очень умно: не стал агитировать в защиту «чести и достоинства» собственного кентуриона, а пустил слух, что трибун Магн наказал Черепанова не за разгром варваров (за что тут наказывать?) и не за то, что тот живописно развесил пленных (подумаешь, мало их вешали, что ли? Максимин вот и не только варваров вешал...). А потому (гласил слушок) ополчился на Черепа сенаторский сынок, что пожелал на основании императорского эдикта присвоить взятую на варварах добычу. Домыслы хитрого декуриона с точки зрения логики и истины ничего не стоили. Все знали, что Гай Петроний Магн — *очень богатый* сенаторский сынок. Ему эта добыча — тьфу! Но большинство легионеров были мелкими землепашцами. И потому отлично знали, что богатые латифундисты (среди которых было довольно много сенаторов) отнюдь не брезговали небольшим земельным наделом мелкого землепашца, буде подворачивалась такая возможность. Зерна упали на благоприятную почву. Жалованье — жалованьем, а добыча — это святое.

И процесс пошел.

На маленьком празднике в честь возвращения опального кентуриона процесс тоже пошел... И довольно быстро дошел до той стадии, когда в мужских мозгах созревает и оформляется мысль: а не послать ли за лучшей половиной человечества?

Идея налета на лупанарий, располагавшийся в поселке по ту сторону лагерной стены, была с ходу отвергнута: подчиненные Черепанова авторитетно заявили, что девки там — дрянь. Мо-

[1] Гарум или ликвамен — соус, изготовляемый из рыбы, соли и пряных трав. В Древнем Риме был настолько популярен, что продавался обычно в готовом виде.

жет, в Августу съездить? Давай, кентурион, пиши увольнительные...

— Нет,— заявил Трогус.— Далеко. И холодно. Давайте, друзья, в термы двинем. Там сейчас пусто: все же трудятся!

— Точно! — Младший из братьев Ингенсов, уже изрядно набравшийся, уловил только последнюю часть фразы.— Все пашут, а мы вино пьем! Виват кентуриону Черепу!

Виват — это конечно.

— А в термы двух новых массажисток привезли! — гнул свою линию Трогус.— Серебром позвеним — они нам такой массаж сделают! О!

— А много возьмут? — поинтересовался скуповатый Мелантий.

— Договоримся! Что у нас, денег мало?

— Куча! — с энтузиазмом воскликнул Трогус-младший.

— А с нашим кентурионом — еще больше добудем,— заметил Гай.— Ну что, кентурион,— в термы?

— Добро,— кивнул Черепанов.— Мне после карцера помыться не помешает.

Раздался гомерический хохот.

«Как будто я что-то смешное сказал?» — удивился Геннадий.

А вообще хорошо. Весело. Сюда бы еще Леху...

Термы — по-русски баня. По здешним понятиям, это не столько место для помывки, вернее, даже в самую последнюю очередь место для помывки, а в первую — местный клуб. И во вторую... Да все что угодно. Вон в Августе в термах даже библиотека есть. И зимний садик — для желающих отдохнуть душой. Но это уже — за деньги. Бесплатно, вернее, за символическую плату в один квадрант[1], только теплое помещение, «спортивный» зал и общий зал со слегка подогретым бассейном. Все прочее: банщики-мойщики-массажисты-массажистки, «элитный класс» и напитки с закуской — за отдельную цену. Правда, легионерам и ветеранам — полуторная скидка.

Черепанову бани в Августе понравились. Весьма. Получше, чем в московских Сандунах. Коренной римлянин Трогус утверждал, что августовские термы — так, ерунда. Вот в Риме...

[1] Квадрант — мелкая медная монета.

Далее следовало закатывание глаз и перечисление с пришепетыванием. Особенно же выделялись «недавно» построенные термы Каракаллы. Вот это — да!..

В лагере баня была — раз в десять попроще, чем даже в Августе. Зато большая. И теплая. И бассейн, хоть и без подогрева, но тридцать на тридцать. Даже и поплавать можно, если свободно.

Черепанов и поплавал. С удовольствием. Пока его подчиненные договаривались с массажистками (одна из них оказалась натуральной негритянкой) и отстегивали нужную сумму. Сегодня, по дружному заявлению «нижних чинов», командир от «общего котла» отстранялся. Сегодня его «угощали». И негритянку ему уступили — первому. По старшинству.

Отказываться было неудобно, поэтому Геннадий выбрался из бассейна и покорно побрел в «массажное» помещение.

Негритянка, высоченная девушка безупречных пропорций, уложила его на покрытый ковром пол и обработала по всем правилам. Сначала — обычный массаж, потом массаж вроде тайского, но куда основательней, поскольку фактура у черненькой была раза в три крупнее и плотнее, чем у мелких азиаток. Впрочем, Черепанову было особо не с чем сравнивать, поскольку тайский он попробовал (ну как не попробовать такую экзотику?) только однажды. И — на общих основаниях. А тут у него был «высший» статус. Да и девочка старалась. Как выяснилось, привезли ее из Августы. А там Черепанов после истории с черным атлетом котировался по высшему разряду. Поэтому, кроме обычных возбудительных ласк, кентуриону Черепу было предложено еще кое-что. И не единожды, поскольку, как было сказано выше, девочка старалась. И умело использовала все, чем одарила ее природа. Черепанов же, слегка ошалевший от душных возбуждающих курений, обилия черной женской плоти, гладкой, блестящей и тоже источающей букет специфических ароматов, сдался на милость победителя и позволил делать со своим организмом все, к чему этот организм расположен. Хотя обычно всегда брал инициативу на себя.

Когда же организм перестал реагировать на *любые* воздействия, а сам Черепанов чувствовал себя арабским шейхом, полночи расслаблявшимся в гареме, великолепная африканка подхватила «организм» на руки (восемьдесят шесть килограммов

боевого веса!) и без особого напряга отнесла и уложила в маленький бассейн — для восстановления функций.

«Вынос тела» приветствовало трио братьев Ингенсов: свистом и одобрительными возгласами в адрес дочери Африки.

Тем не менее впоследствии никто из братьев подобной чести не удостоился. Хотя все трое напрашивались.

Так и лежал Геннадий Черепанов в теплой водичке, попивая разбавленное винцо, поднесенное банным служкой, когда по нагретому камню протопали подкованные калиги и у края бассейна присел на корточки старший кентурион Первого Фракийского Сервий Феррат.

— Ты как, Череп, серьезные вещи слушать в состоянии?

— Безусловно.

Вот так и кончается все приятное в жизни.

— Не напрягайся, кентурион,— успокоил Железный.— Казнь твоя откладывается на неопределенный срок. Наш общий друг очень хотел бы знать имена зачинщиков утреннего безобразия. Ты их знаешь?

— Ну-у...

— Все в порядке, кентурион. Я тоже их знаю.

— И что? — Вот теперь Черепанов встревожился по-настоящему.

Феррат похлопал подполковника по мокрому плечу.

— Ты думаешь, истребитель варваров, я не знаю, что происходит у меня в легионе? Или полагаешь, будто в *моем* легионе могут возникнуть какие-то беспорядки *без моего одобрения*?

— Значит, ты...

— Ни слова больше! — оборвал его Феррат.— Слушай меня. Согласно донесениям разведки, группа варваров числом до полутысячи собирается форсировать Данубий примерно в двухстах милях отсюда. Я намерен отрядить для патрулирования данной области либурну[1] «Юнона Справедливая» и десять турм легкой конницы под командованием субпрефекта Азиния. Вы знакомы?

[1] Либурна — основной корабль древнеримского флота, отличавшийся острыми обводами и высокой быстроходностью, прародитель более поздней галеры. До 30 м длиной и 5 м шириной, либурна вмещала до 120 человек и имела до 30 пар весел, расположенных в 1—2 ряда, по 2—3 гребца на каждое, а также абордажный мостик (корвус).

Черепанов покачал головой.

— Он из всадников (Черепанов не сразу сообразил, что имеется в виду сословие *всадников*[1]), толковый, но опыта никакого. Это его первое самостоятельное задание, так что он будет стараться.

— А при чем тут я?

— При том, что на либурне будет военный отряд численностью в одну кентурию. И командир этой кентурии будет руководить всей операцией. Ты, наверное, уже догадался, кто этот кентурион?

— Догадался,— кивнул Геннадий.— Вопрос: ты просто хочешь услать меня из лагеря, или там действительно ожидается прорыв?

— Ну-у...— Старший кентурион пошевелил толстыми пальцами.— Кое-какая информация на этот счет имеется. Но не более того. Такая информация приходит постоянно, но лишь в одном случае из двадцати оказывается правдой. Твое задание таково: патрулировать участок побережья примерно в сотню миль. Там есть два городка и маленькая крепость с гарнизоном численностью около кентурии. Всеми тамошними резервами ты тоже можешь располагать, но учти: это в основном ауксилярии[2] и ослы из городского ополчения. Такие еще могут постоять на стенах, но в поле от них толку немного. Недели через три вернется Максимин. За это время ты должен обеспечить границу и организовать патрулирование так, чтобы после твоего отбытия Азиний со своей конницей справлялся там самостоятельно. Ясно?

— Более или менее.

— На подготовку два дня. У тебя потери в кентурии. Можешь набирать людей из солдат вашей когорты. Пондуса я предупредил. Все необходимое получишь в квестории.— Старший кентурион выпрямился, хрустнув коленями.— Завтра утром, сразу после побудки — ко мне.

— Так точно. Спасибо, Феррат!

— Угу. С тебя причитается. Мне и префекту Митрилу. Он выпишет тебе документы. Уж не знаю, чем ты приглянулся Скорпиону, но это его идея.

---

[1] Всадники — второй (после сенаторов) социальный класс в Римской империи.

[2] Ауксиларии — вспомогательные войска.

Старший кентурион повернулся и двинул прочь. Черепанову так и не удалось раскусить этого человека. Сервий Феррат, с самого начала показавшийся ему туповатым старым служакой, как правило, выглядел именно таким. Но время от времени демонстрировал ум и проницательность, никак не укладывающиеся в этот образ.

Глава двенадцатая

Варгарикс

Геннадий Черепанов — он же кентурион Череп, он же ветеран римской армии Рутгер — неторопливо и основательно потреблял вино с представителем вероятного противника.

Представитель, борода лопатой, косая сажень в плечах, килограмма три драгметаллов, равномерно распределенных по одежде и фигуре, вообще-то противником не считался. Наоборот — союзником. Поскольку жил на условно контролируемой Римом территории и получал от Рима мзду на «военные расходы». Небольшую, впрочем. Годовая смета кентурии Черепанова была раз в пять больше. Но кентурия служила Риму, а «представитель» служил исключительно себе. И своим родичам. И, судя по отдельным косвенным репликам, тоже бывал по ту сторону «европейского Нила». И вряд ли в качестве мирного туриста.

Имя у представителя было пятнадцатисложное и трудно запоминаемое, но он охотно откликался на Варгарикса.

Был же Варгарикс племенным вождем каких-то там маннов, входящих в племя еще каких-то... маннов, которые, в свою очередь, являлись частью союза... и так далее. Черепанов в родственно-племенные связи Варгарикса не вникал, а изъяснялся с ним на дикой смеси диалекта квеманов и современного Геннадию немецкого. Получалось.

Для реализации идеи Черепанова Варгарикс был выбран (среди прочих «маннов» и «риксов») только потому, что в одной из турм субпрефекта Азиния служил его, Варгарикса, дальний родич. А сама идея была проста, как грабли, и основана на элементарной логике и личном опыте подполковника.

Взяв за отправную точку неопределенные слухи, собранные римскими торговцами о неопределенном намерении неопреде-

ленных германцев скрасить зимнее безделье молодецким набегом, Черепанов решил, что просто болтаться вдоль границы и ждать, когда же эти удалые парни набегут (если набегут),— неэффективно. То есть он, конечно, прибыл на место назначения и даже устроил профилактическую выволочку местным властям. Чтобы осознали, кто главный. Власти (в лице двух «градоначальников» и одного коменданта) осознали. И даже поднесли Черепанову «подарок», сиречь взятку. Черепанов взял. Во-первых, не взять — значит, нарушить традиции и внушить подозрения, во-вторых, он уже знал, как «подарком» распорядится.

За время своих вынужденных странствий по Готии и сопредельным землям Геннадий уяснил следующее: простодушные варвары понятия не имеют о настоящей секретности. Не в том смысле, чтобы устроить ловушку или тихонько перебраться через реку. В их тактических операциях секретность была на высоте. А вот в стратегическом смысле она была примерно на том уровне, что и у мужика, который у входа в рюмочную ищет себе «компаньонов». То есть подходит ко всем знакомым и полузнакомым и тихонько интересуется: «На троих?» Таким образом, круг «осведомленных лиц» оказывается весьма обширен, и задача состоит в том, чтобы выявить «кандидатов в собутыльники» и аккуратно опросить.

Список потенциально осведомленных Черепанов составил с легкостью. Спасибо римской бюрократии, скрупулезно фиксировавшей не только суммы, выплаченные федератам, но и имена племенных вождей, «рассаженных» на «буферных» территориях. Даже если никого из них не окажется в списке организаторов будущего набега, то с «заманчивым предложением» к кому-то из них эти самые организаторы обратятся наверняка. А слухи в этой среде распространяются быстро.

Труднее было реализовать второй этап: вытянуть из конкретного «осведомленного» нужную информацию.

Но Геннадий нашел решение.

Было очевидно, что, явись он к любому из вождей в своем настоящем качестве — кентуриона римской армии,— ни хрена он не узнает. Варвары хвастливы, говорливы и прямодушны — со своими. С чужими же, наоборот, скрытны, лживы и лицемерны. Римский кентурион был чужим. По определению.

Значит, следовало сменить образ.

Черепанов придумал ход. И осуществил его. Вследствие чего теперь вот сидел напротив волосатого Варгарикса, угощал его фалерном и вел разговор по душам. Нет, он не выспрашивал у вождя, не собирается ли кто пограбить империю. Совсем наоборот. Он не задавал вопросов. Он только рассказывал. О себе. О своих славных друзьях, которые сейчас пируют в «общем зале» с родичами Варгарикса. О том, как выгодно было служить империи... Выгоднее только одно: грабить империю. Как жаль, что их слишком мало для этого. Ужасно жаль, потому что он, Рутгер, знает та-акие «рыбные места»...

Варгарикс слушал и кивал. Гости ему нравились. Особенно после обмена подарками, больше напоминавшем «ченч» между белыми мореплавателями и наивными туземцами. В роли «туземцев» выступали Черепанов с «товарищами». По «легенде» Геннадий Рутгер и двадцать шесть его «земляков» (плюс родич Варгарикса) успешно отслужили Риму двадцать лет, неплохо заработали и теперь намеревались возвращаться домой (неопределенный жест в сторону восхода), но было бы неплохо на прощание еще чуть-чуть приподняться...

Варгарикс слушал и кивал. «Ветераны» приплыли на большой лодке, доверху набитой имуществом. Варгарикс охотно сделал бы это имущество своим, но почти три десятка опытных воинов — это многовато. Тем более они — его гости. Щедрые гости.

Варгарикс слушал и кивал. А потом, когда славный Рутгер устал гнуть пальцы и хвастаться и решил промочить горло, заговорил сам. И через полчаса Черепанов получил нужную информацию. О некоем риксе, который как раз намеревается прогуляться по имперским землям. И мало того, имеет замечательный план, как незаметно на эти земли проникнуть. Разумеется, Рутгер не скупясь отблагодарил почтенного вождя. Дело того стоило.

Глава тринадцатая

Федорикс

Его звали Федорикс. Традиционная рыжая бородища, две косы, мясистый нос старого алкаша и волосатые лапы чемпиона армрестлинга. Про себя Черепанов окрестил его «дядей Федей».

Первое, чем «дядя Федя» поинтересовался: где находятся богатства, выслуженные почтенным Рутгером и его друзьями у империи?

Получил уклончивый ответ. Мол, там, где они есть, там им хорошо. И присматривают за ними тоже хорошие люди.

Они друг друга поняли. И уважение «дяди Феди» к мнимому Рутгеру поднялось на пару пунктов.

В отличие от предыдущего рикса, этому Черепанов ничего дарить не стал. Наоборот, намекнул: не худо, чтобы рикс ему кое-что подкинул. Геннадий помнил, как Плавт обрабатывал рыжего вандала. Этот германец выглядел еще более жадным и хитрым. Законченным злодеем выглядел «дядя Федя». Каковым и являлся. Но Черепанов появился в его городке вовремя. Как раз когда Федорикса обуяли сомнения. Основой для сомнений послужило гадание.

Традиционно у всех здешних народов (цивилизованный Рим — не исключение) перед каждым серьезным мероприятием испрашивалось мнение богов. Своих, естественно. Методики были разные, но опять-таки традиционные. Например, по полету птиц или свежей овечьей печени. В данном случае, учитывая серьезность будущих планов, птиц и овец оставили в покое. Подошли к делу серьезно. Выпотрошили раба.

Результат тем не менее оказался неудовлетворительным.

Но упорный Федорикс от планов не отказался. Он сменил гадателя: вызвал другого шамана, а первого посадил в яму с водой. На сутки. Дескать, если ты — крутой колдун, ничего страшного, а если не очень — так шагом марш к богам: доложи, что их любящему сыну Федориксу нужна поддержка.

Шаман «выбрал» второй вариант. Не удивительно. Не лето, чай, на дворе. Холодно.

Выпотрошили еще одного раба. Опять осечка. Должно быть, первый шаман оказался неважным оратором и богов не убедил.

Процедура повторилась. И второй шаман, в свою очередь, отправился убалтывать «вышестоящих».

Черепанов с десятью товарищами прибыл аккурат к третьей попытке.

И — о радость! — наконец-то боги смилостивились.

Третий шаман, одаренный (не слишком щедро) довольным риксом, отбыл восвояси. Геннадий не сомневался, что шаман сжульничал — не захотел пойти по стопам предшественников.

Но «дяде Феде» это даже в голову не пришло. Или ему было плевать на богов. Другое дело — войско. Людям нужна вера в успех. И теперь она — есть.

Черепанов с «дядей Федей» тоже поладили. Приговорили бочонок пива, потолковали по душам. «Дядя Федя» поделился планами: добыть столько золота, чтоб наполнить во-от такой бочонок. И столько серебра, чтобы не поместилось во-он в тот ларь. Еще — оружия хорошего на всю дружину. И дюжину наложниц из благородных римлянок. Желательно девственниц. И всех оплодотворить. А потом половину вернуть за выкуп. Пусть в своих патрицианских дворцах рожают сыновей Федорикса. Такой вот у него стратегический план.

Черепанов «восхищался». И поддакивал. И намекал, что знает места, где этих самых девственниц — пруд пруди. И тайные ходы в римские города знает. И где золото прячут. В общем, показывал себя нужным человеком. И активно втирался в доверие.

Верил ли ему «дядя Федя»? Трудно сказать. Верил, но не доверял. За все время ни разу не оставался с Черепановым наедине. То ли из привычной осторожности, то ли чуял глубинное желание гостя воткнуть хозяину пониже вшивой бороды сантиметров десять хорошей стали.

Еще месяцев шесть назад Черепанов, возможно, и не испытал бы такого желания. Ну, пощиплют дикие варвары богатого соседа, ничего страшного. Но теперь, когда он посмотрел, как это выглядит на самом деле, когда империя из абстрактного понятия превратилась в конкретных людей: Марцию, Корнелию Гордиану, христиан-поселенцев, безропотных земледельцев, жителей Августы,— людей, совершенно беззащитных перед всякой кровожадной сволочью,— Черепанов стал относиться к таким вот «рыжим риксам» совершенно по-другому.

«Давить!» — думал он. Давить, как вшей, которые ползают у них в бородах. Рвать и резать! Чтоб другим неповадно было! Чтоб в штаны накладывали при слове «империя»!

Но попытки зарезать Федорикса он не сделал. Возможно, это и удалось бы, но оказалось чистой воды самоубийством. Да и что толку? В городке и в округе собралась в предчувствии будущей поживы почти тысяча таких вот «федориксов». И чтобы избавить провинции от этой угрозы, надо было прикончить всех. Желательно так, чтобы послужило уроком для всех про-

чих «риксов». Хотя этот оказался особенно хитрожопым. А его задумка — как «незаметно» проникнуть в империю — вполне могла бы сработать и вылиться в настоящее бедствие.

Но и у Черепанова уже начал складываться план. Правда, весьма рискованный, зато такой, после которого многие «риксы» десять раз подумают, прежде чем сунутся на тот берег Дуная...

Глава четырнадцатая,

в которой кентуриону Черепу в очередной раз приходится быть жестоким

Над великой рекой висел густой туман. Воины Федорикса с удовольствием поглядывали на белую клубящуюся стену. Туман — это хороший знак. Подарок богов.

Они без спешки, небольшими группами спускались к реке, рассаживались по лодкам. Свои — к своим. По племенам, по родам. Родичи везде держались вместе — ели, спали, сражались. Так заведено.

Черепанов с товарищами загрузились на «флагман» — неуклюжее с виду, но вполне устойчивое судно метров тридцать длиной.

Для них было приготовлено отдельное место: ближе к носу, рядом с Федориксом и его телохранителями. Германский вожак предпочитал держать «друга Рутгера» поблизости.

«Товарищи» Черепанова поглядывали на него с плохо скрываемым беспокойством. Кое-кто небось жалел, что согласился сопутствовать хитроумному кентуриону. Все они были не из его кентурии. Ауксиларии субпрефекта Азиния. Добровольцы.

Германцы Федорикса рассаживались вдоль бортов, разбирали весла.

За ночь вода у берега покрылась тонкой хрустящей корочкой.

Воины деловито сталкивали лодки на воду, запрыгивали в них. Дюжин пять суденышек, больших и поменьше, постепенно наполнялись людьми, скребли днищами по песку. Варвары отталкивались шестами, выходя на глубокую воду. Несмотря на холодное утро, многие стаскивали рубахи, подставляя морозцу раскрасневшиеся спины.

Черепанов наблюдал. С большим вниманием. В действиях варваров не было безупречного автоматизма римских легионеров, но все же управлялись они довольно четко и слаженно. Отчалившие лодки держались кучей, слегка отгребаясь против течения. С ближайших поглядывали на застывшего Федорикса. Ждали. Вождь тоже ждал. Пока ему не крикнули с берега, что последняя лодка — на воде. Тогда Федорикс махнул рукой и отрывисто рявкнул:

— Пошли!

Десять пар весел одновременно упали в серую воду, и тяжелое судно неторопливо поползло к молочной стене тумана.

На остальных тоже зашевелились. Варварская армада расползлась в стороны и потянулась вслед за лидером. Вскоре многие уже опередили его. Скоростные качества «флагмана» оставляли желать...

Спустя несколько минут судно нырнуло в туман. Но продолжало двигаться так же размеренно, хотя видимость упала метров до двадцати.

На смазанных маслом черепановских доспехах поблескивали капельки влаги. Шлем он держал под мышкой. Шерстяную шапочку тоже стянул и сунул под ремень. Жарко.

Звуки в тумане странно преломлялись и множились. Скрип, плеск, приглушенные голоса...

Стена тумана оборвалась внезапно. Нос судна вынырнул из белесой дымки, и Геннадий увидел противоположный берег: двадцатиметровый обрыв, прорезанный щелью оврага, полосу стылой воды, по которой скользили обогнавшие «флагман» лодки. Не занятые на веслах напряженно вглядывались в приближающийся, нависающий берег. Многие натягивали шлемы, снимали щиты: врага не видно, но подготовиться стоит.

Черепанов надел шлем, проверился. Нормально. Как всегда. Его люди последовали примеру командира.

Федорикс покосился на «Рутгера».

— Боишься, легионер? — с усмешкой спросил он.

— Опасаюсь,— спокойно ответил Черепанов.— Не пиво пить идем.

— Это верно,— кивнул германец.— Это повеселей будет!

«Ты у меня повеселишься,— подумал Геннадий.— От души, мать твою!»

Но он и впрямь опасался. Почти тысяча варваров. Против нескольких сотен ауксилариев Азиния, сотни «ополченцев» и черепановской кентурии.

Если сборное «войско» Геннадия не сработает четко по плану — пиши пропало.

Первые лодки достигли берега. Варвары на ходу спрыгивали на мелководье, расплескивая ледяную воду...

На отвесном берегу возник всадник. Истошно завопил и метнулся прочь. Германцы тоже заорали. Гребцы заработали энергичнее. Те, кто уже выбрался на берег, нестройной толпой бросились к откосу. Те, что посообразительнее, устремились к оврагу...

Днище «флагмана» ударилось о мель. Всех бросило вперед, кое-кто не сумел удержаться на ногах...

— А-а-а! — заревел Федорикс, перемахнул через борт, плюхнулся, окунулся по пояс и ринулся к берегу.

Следом посыпались остальные. Несколько секунд — и «флагман» опустел. Зато берег ожил. Варвары лезли вверх по откосу, словно огромные и свирепые бурые муравьи.

Черепанов отвлекся и упустил момент, когда на краю откоса снова появился всадник, за ним — другой... И закрутилось.

От звериного рева сотен глоток содрогнулся сырой утренний воздух. Варвары лезли вверх по осыпающемуся откосу, срывались, снова поднимались, подталкиваемые товарищами... Вставали не все. Некоторые докатывались до самого низа да так и оставались лежать. А наверху, вдоль края, ободом бесконечного колеса неслись ауксилари: легкая галльская конница. Недавно — такие же варвары, а теперь — верные союзники Рима, обучившиеся смертоносной карусели у исконных врагов империи — парфян. Каждый всадник, пролетевший галопом по самому краешку обрыва, успевал выпустить две-три стрелы, прежде чем его «уносила» карусель.

Германцы, которые тоже были не лыком шиты, отмахивали стрелы щитами, метали вверх дротики и копья — с ничтожным результатом. Те, у кого были луки, осознав, что нахрапом не получится, натягивали тетивы. Но сверху падали и падали стрелы. Застревали в щитах, скользили по доспехам. Или пробивали их, застревая в живом мясе. Но доспехи были едва ли у половины. Остальные, кто ради быстроты или дерзости пренебрег защитой, теперь платились. И тем дороже, что на крутой осыпи

отбивать маленькие стальные жала было намного трудней, чем на ровном поле.

Но далеко не все германцы, очертя голову, бросились на откос. Примерно половина, сообразив, чем пахнет лобовая атака, бросились туда, где крутой берег прорезала поросшая кустарником щель оврага.

В плане Федорикса этому оврагу уделялось особое внимание. Хитрый варвар, прикинувшись торговцем (и заплатив изрядную взятку), не поленился прошлым летом самолично изучить ландшафт. Естественная щель, пронырнувшая под мостом приграничной дороги, протянувшаяся почти на десять километров, должна была скрыть германцев от римских дозоров и наблюдателей на вышках, чтобы, иглой пройдя между кольцами пограничной стражи, войско варваров внезапно возникло «из-под земли» там, где его никто не ждет.

Черепанова, естественно, «дядя Федя» в свои планы не посвящал, но опрометчиво поведал о них Варгариксу, которого рассчитывал раскрутить на участие в набеге. А Варгарикс был настолько простодушен, что поделился «военной тайной» с симпатичным Рутгером.

Правильно говаривал отдаленный потомок древних германцев в известном сериале: «Знают трое — знает свинья».

И вот сейчас Геннадий с носа застрявшего на отмели германского суденышка с удовольствием наблюдал за развитием событий. А события развивались отменно.

Изрядная часть германского войска уже «втянулась» в овраг, когда вопли и рев дополнили знакомые каждому римскому легионеру треск и грохот. Это вступили в действие боевые машины.

Надо отдать должное «Федору»: боевая ярость не вымыла у него из мозгов способности соображать. И как только до него дошло, что натолкнулся он не на случайный патруль, а на продуманную засаду, рикс моментально изменил вектор атаки: набившиеся в овраг варвары (по крайней мере, большинство из них) круто развернулись и полезли обратно.

Это было совсем нехорошо, с точки зрения Черепанова. Он-то рассчитывал, что германцы будут, как это у них принято, слепо переть вперед — и планомерно перемалываться римской боевой машиной. А если они отступят и перестроятся — еще неизвестно, чем закончится дело. И уж совсем не хотелось, чтобы

эти крутые ребята сейчас расселись по лодкам и отвалили домой. Целью Геннадия было не пресечь *этот* набег, а сделать все, чтобы отбить у германцев вкус к набегам как таковым. Его исходный план работал вовсе не на то, чтобы прикончить пару сотен варваров и не позволить остальным на *этот раз* проникнуть в провинцию. Ведь никто не может поручиться, что через месяцок эти ребята не повторят попытку.

— Не стоять! — заорал он страшным голосом.— Живо рубить лодки!

И сам, спрыгнув вниз, принялся долбить днище «флагмана».

Но его «команда» облажалась. Сначала тупо глазели на приближающуюся толпу разъяренных варваров, а потом попрыгали в воду и бросились кто куда. Черт! Черепанов остро пожалел, что вместо этих недоумков «с варварской внешностью» не взял своих легионеров. Уж те не струсили бы.

Геннадий перемахнул через борт и по пояс погрузился в ледяную воду. Ничего, сейчас у него будет возможность согреться. Черепанов выскочил на берег, подхватил чей-то щит...

Но на него никто не обратил внимания.

Федорикс орал, сбивая людей в подобие строя. Но его союзники уже твердо решили, что битва проиграна, и устремились к лодкам.

Черепанов стоял, мокрый и злой, с мечом в руке — и ничего не делал. Только отшвыривал в сторону тех, кто сам на него натыкался.

Остановить всю эту массу в одиночку было невозможно.

Свистнула стрела. Геннадий машинально отбил ее щитом. Другая воткнулась в шею молодого, безбородого еще германца. Тот дико взвизгнул, выдернул — кровь обрызгала плечо Черепанова. Германец споткнулся и упал. Кто-то, в свою очередь, споткнулся о его тело и тоже упал. Моментально образовалась куча-мала из дюжины тел... По которой сверху начали прицельно бить из луков.

Геннадий поспешно отскочил подальше. Еще не хватало схлопотать стрелу от своих.

Метрах в двадцати от обрыва кое-как организованные воины Федорикса, построившись в подобие каре, пытались отстреливаться. Их оставалось около двух сотен. Остальные варвары в беспорядке грузились в плавсредства. Несколько переполненных лодок уже успело перевернуться, но с полдюжины уже от-

валили от берега и выгребали к стене тумана. А, проклятый туман...

Ах ты, мать его!

Черепанов почувствовал, как в нем ожила надежда.

Туман отступал от берега. Медленнее, чем хотелось бы. Но... Это было уже не важно. Потому что прямо из белой стены навстречу удиравшим варварам степенно выплыла либурна «Юнона» и двинулась навстречу переполненным германским суденышкам.

Варвары, как и следовало ожидать, этому не обрадовались. И «бросились» в разные стороны. Но шансов у них не было никаких. Два ряда весел «Юноны» неторопливо опускались и поднимались — при внешней неторопливости либурна двигалась раза в три быстрее, чем варварские лодки. При этом маневрировала так точно и экономно, что можно было залюбоваться. Плавный разворот, «легкое прикосновение» к носу или корме германской лодки — и та уже плавает кверху днищем или просто идет ко дну. Новый разворот, недолгая погоня, изящный толчок невидимого тарана — и еще одна лодка превращается в дрова. Очень красиво. Но германцам было не до того. Увидев, что либурна в первую очередь гоняется за теми, кто плывет от берега, большинство лодок тут же развернулось в противоположную сторону. Видимо, их экипажи решили: лучше умереть в бою, чем побарахтаться немного в ледяной воде, а затем стать пищей для рыб и раков.

Тем не менее либурна успела отправить на дно еще пару лодок. А затем остановилась метрах в пятидесяти от берега и принялась садить из двух палубных «скорпионов». И свела на нет попытку германцев использовать лодки в качестве прикрытия от обстрела сверху.

А на Черепанова по-прежнему никто не обращал внимания. Не удивительно. По берегу металось не меньше сотни таких же потерявших соображение и ориентацию варваров. Многие были ранены, и обрызганный чужой кровью Черепанов отличался от них лишь тем, что не бегал, как оглашенный, а просто стоял на месте, следя лишь, чтобы никто не снес ему голову.

Лучшие воины Федорикса упорно держали строй, но их круглые щиты не годились для «черепахи». Посему то один, то другой варвар «выпадал» из строя, подстреленный лучниками. И «скорпионы» либурны били без промаха. Их длинные тяже-

лые стрелы, которым не помеха ни щит, ни доспех, иной раз пронзали по два тела сразу. Правда, плотность «огня» с берега существенно снизилась: у конников опустели колчаны.

Пожалуй, решись сейчас Федорикс на решительную атаку, ему бы удалось покинуть узкую полоску у воды, ставшую для германцев ловушкой.

Но он не решился.

— Мы сдаемся! — заорал кто-то на ломаной латыни.— Не стреляйте!

Стрельба прекратилась, и германцы в строю разом уронили оружие. Одиночки, естественно, последовали их примеру.

Черепанов на всякий случай тоже отбросил щит. Вдруг какой-нибудь ретивый галл не признает кентуриона.

Увидев, что происходит на берегу, на либурне тоже прекратили стрельбу и спустили шлюпку.

Спустя четверть часа мрачные германцы, освобожденные от оружия и всего, что представляет ценность, связанные, ждали решения своей участи; ауксиларии субпрефекта Азиния собирали стрелы; а сам субпрефект препирался с кентурионом по поводу судьбы пленников.

Субпрефект настаивал, что их следует доставить в лагерь, как живые трофеи. И пусть начальство решает, что с ними дальше делать.

У Черепанова было другое мнение. А мнение «начальства», в частности трибуна Гая Петрония Магна, наверняка не совпадет с тем, что задумал подполковник.

Когда же Черепанов ознакомил со своими намерениями субпрефекта, тот не скрыл своего неодобрения.

— Это прямое нарушение эдикта! — заявил он.— Мне говорили, что Максимин способен на такое, но о тебе я был лучшего мнения. Череп! Это жестоко и расточительно. Почему бы нам не продать их куда-нибудь на юг? У меня есть знакомый *негоциатор*[1], промышляющий работорговлей. Хочешь...

— Не хочу,— отрезал Черепанов.— Я хочу, чтобы все они исчезли. Бесследно.

Наконец до Азиния дошло, что спорить с кентурионом Черепом бесполезно.

---

[1] Негоциатор — крупный торговец, специализирующийся на каком-то определенном товаре.

— Ты командуешь, кентурион,— заявил он мрачно.— Но мои люди делать этого не будут. Мне это не нравится.

— Думаешь, мне нравится? — буркнул Черепанов.— У тебя есть земли, субпрефект? — Азиний кивнул.

— Двадцать югеров[1] и еще два югера виноградников. И еще производство кирпичное. С него, скажу тебе, моей семьи главный доход и проистекает...

— А тебе понравится,— перебил Черепанов,— когда такие вот громилы сожгут твои виноградники, фабрику кирпичную и вырежут семью?

— Этого не будет,— надменно заявил Азиний.— Моя земля в Италии, к востоку от Капуи. Варвары до нее не доберутся. Никогда.

— Они и до Рима доберутся, если с ними цацкаться! — рявкнул Черепанов.— Ладно, субпрефект. Вели своим людям выкопать наверху ров: сорок шагов в длину, десять — в ширину. Глубиной в пять локтей. Дерн срезать аккуратно. Он потом понадобится. С остальным мы сами справимся. Опцион!

— У меня есть для тебя работа, Гай,— сказал Черепанов старшему Ингенсу.— Грязная работа...

К полудню они закончили. На берегу не осталось ни одного германца. Никого и ничего. Никаких следов. Тысячное войско Федорикса попросту растворилось в воздухе.

В этом и состоял замысел Черепанова, который решил, что бесследное исчезновение такого числа людей произведет на их родичей куда больший эффект, чем просто поражение.

Впрочем, кое-что от войска Федорикса все-таки осталось. Помимо обычных трофеев. Это «кое-что» было сложено в большой мешок, который позднее три дня провисел в коптильне одного колбасника, которому за это заплатили аж двадцать динариев.

Естественно, Черепанов составил доклад по всей форме, велел переписать его начисто и отправить старшему кентуриону Феррату.

Спустя три дня он получил «ответ». В лагерь прибыла неполная турма катафрактариев, коим было приказано «сопроводить кентуриона-гастата Геннадия Черепа» в Рим, куда тому следовало прибыть «не позднее пятого дня Сатурналий»[2], то есть не

[1] Югер — около четверти гектара.

[2] Сатурналии — праздники, посвященные богу Сатурну.

позднее двадцать второго декабря. А чтобы кентурион успел за оставшееся время преодолеть почти пять сотен миль, ему и сопровождающим предписывалось воспользоваться сменными лошадьми почтовой службы. То есть гонка предстояла еще та. И что ждало на финише — неизвестно.

С другой стороны, катафрактариям предписывалось «сопровождать» Черепанова, а не «доставить». Это слегка обнадеживало. И — Рим! Тот самый Великий Рим. Что таить, Геннадию очень хотелось на него поглядеть.

— Счастливчик! — с завистью сказал своему кентуриону Тевд Трогус.— Ты едешь в Рим!

— Подбери слюни,— ответил ему Черепанов.— Ты поедешь со мной!

— Да? — Декурион аж подпрыгнул от радости.— Виват Сатурналии!

И умчался собираться.

— Volentem fata ducunt, nolentem trahunt[1],— пробормотал Черепанов.

На следующее утро они выступили.

Мешок из коптильни колбасника они захватили с собой.

[1] Желающего судьба ведет, не желающего — тащит *(лат.)*.

Часть четвертая

РИМСКИЙ ОРЕЛ

Sine dolore est vulnus quod ferendum est cum victoria[1].

[1] Sine dolore est vulnus quod ferendum est cum victoria *(лат.)* — У победителей раны не болят (приписывается Публию Сиру).

Глава первая

Рим

— Ты был прав,— с чувством произнес Черепанов.— Это великий город.

— О да! — Трогус расплылся в улыбке.— Центр мира!

Они прибыли в Рим через Фламиниевы ворота, а до этого больше двух миль ехали по дороге тысяч надгробий, памятников, монументов, склепов... Во всей империи обочины любой дороги, прилегающей к городу или поселку, служили кладбищем. Нет, не кладбищем — растянувшимся на мили мемориалом многовековой римской славы. Некоторые памятники были восхитительной красоты: башни, колонны, мраморные статуи; иные — попроще: «скромная» стела с барельефом под сенью пары кипарисов; встречались, впрочем, и простые плиты с профилем умершего и лаконичной эпитафией. Все время, пока они ехали по Италийскому полуострову, Черепанова не оставляло ощущение, что он движется по некоему огромному музею. И дело было не в том, что вокруг — третье столетие: к местному колориту он уже привык. Сходное ощущение у него возникало во многих европейских городах, живущих туризмом. Да и не только европейских. В том же Питере — тоже, если, скажем, пройтись от Конюшенной проходными дворами мимо Капеллы к Дворцовой площади. Но здесь это был не отрезок в полкилометра, и даже не исторический центр Праги или Вены. Сотни миль. При том, что все эти великолепные дороги, обрамленные тысячами памятников и статуй, с храмами на холмах и не менее

великолепными виллами,— все это было не приманкой для туристов, а утилитарными транспортными артериями для практичных и прагматичных римлян. Что же касается могил, то по их количеству и роскоши надгробий можно было судить о величине и богатстве города еще до того, как впереди покажутся ворота. И хотя большая часть умерших находила успокоение не под щедрым южным солнцем, а в темных колумбариях римских катакомб, любой путник мог за десяток миль до ворот убедиться, что Рим — величайший из городов. А ведь вся эта роскошь придорожного некрополя создавалась, разумеется, вовсе не для того, чтобы поражать воображение варваров.

Только сейчас Черепанов начал по-настоящему понимать, что значит для римских граждан их прошлое. Все эти бесконечные склепы и памятники были символами не смерти, но вечной славы тысячелетнего города. Нынешние граждане Рима никогда не забывали о выдающихся заслугах предков. И говорили о временах Ромула, как современники Черепанова — о Петре Первом, о временах Юлия Цезаря — словно о временах своих дедов. А войны Траяна, случившиеся более века назад, для Тевда Трогуса, квирита[1] в пятнадцатом поколении, были примерно как война в Афгане — для самого Черепанова. Правда, в отличие от Афгана, те войны не привели к распаду империи, а расширили ее пределы и умножили славу. Уж если даже бесшабашный, не обремененный великими идеями и напрочь лишенный показного патриотизма парень вроде Трогуса ощущал себя в первую очередь *гражданином Рима*, то пресловутый Pax Romana, Римский Миропорядок, кое-чего стоил. И Черепанову было приятно ощущать себя частью этого *Мира*. И приятно было ощущать у себя на пальце золотое кольцо кентуриона, которое приравнивало его к сословию всадников, в то время как звание подполковника, да хоть генерала ВВС России, отнюдь не наделяло обладателя этого звания дворянским достоинством.

Ну да это все мелочи. Но именно на этих мелочах держится обратная связь между государством и теми, кто ему служит.

---

[1] Квирит — римский гражданин. До 212 г. римское гражданство давало тем, кто им обладал, изрядные привилегии, включая освобождение от ряда налогов. В 212 г., незадолго до описываемых событий, император Каракалла с целью пополнить казну уничтожил эти привилегии, предоставив римское гражданство всем жителям империи.

Тем не менее Черепанов был далек от идеализации здешнего общества. Ибо граждане его, точно так же, как и современники Черепанова, могли нагадить на мостовую в двадцати шагах от общественного туалета, вход в который стоит медяк.

Справа от дороги катил воды Тибр. Даже в это время года на нем было куда больше судов, чем на Дунае во время навигации. И на дороге было множество людей и повозок. Целая вереница их теснилась у ворот. Товары с возов перегружали на ручные тележки. Как выяснилось, в дневное время движение транспорта по улицам Рима запрещено.

В этой толпе можно было застрять на полдня, если бы командир черепановского эскорта не подошел к делу по-солдатски — направил коня прямо на толпу. Самых нерасторопных и упрямых декурион стимулировал хлыстом. Восторга это ни у кого не вызвало, только шквал ругани, но в толпе образовалась щель, в которую смогли протиснуться остальные. Мимоходом Геннадий огрел своей «кентурионской» дубинкой шустрого воришку, вознамерившегося срезать бляху с узды черепановского коня. Пробившись к воротам, декурион катафрактариев показал стражникам значок правительственного курьера, и те моментально расчистили путь.

Да, Рим был велик. И великолепен. И при этом безобразно тесен. Даже относительно широкая виа Фламина напомнила Черепанову улицы Москвы в часы пик. Декурион эскорта страшно ругался и то и дело порывался пустить в дело плеть. Лишь однажды они уступили дорогу — носилкам какого-то сенатора. Всем прочим полагалось убраться с пути императорских вестников. Но «все прочие» не очень-то напрягались на этот счет. И на брань декуриона отвечали еще более цветистым сквернословием.

Однако поверх всей этой пестрой и беспокойной толпы высились потрясающей красоты строения. Черепанов с восхищением вертел головой, совершенно не огорченный тем, что они двигаются со скоростью больной черепахи.

Тевд Трогус, невероятно довольный реакцией командира на красоты Вечного Города, орал, перекрикивая гам толпы:

— Вон, гляди, кентурион,— мавзолей Августа... А это арка Аврелия... А вон там, впереди, справа — арка Клавдия...

Всадники эскорта тоже активно задирали головы. А вот их декурион был к великолепию архитектуры совершенно равно-

душен. Все, чего он желал,— побыстрее доставить Геннадия начальству и напиться. За все время путешествия он позволил себе не больше дюжины кувшинов разбавленного вина. Потому что, отправляя его с поручением, примипил Феррат обозначил декуриону не только важность задачи, но и возможные жизненные перспективы, если декурион не поспеет в срок.

— Эй! — вдруг закричал Трогус, увидев, что их небольшая компания свернула с виа Фламина в щель между домами, которую не то что улицей — переулком стыдно было назвать.— Разве мы не к Палатину?[1]

— Нет! — отрезал декурион и злобно выругался: кто-то сверху выплеснул помои прямо под копыта его коня.— Нет! — зарычал он, едва не размазав по стенке какого-то бродягу с наполовину выбритой башкой.— К термам Диоклетиана.

— Это еще зачем?

— А затем, что рядом с ними — дом твоего легата, сожри тебя Орк!

Всю дорогу оба декуриона неплохо ладили, но римская публика хоть кого выведет из терпения.

— Ага,— удовлетворенно изрек Трогус.— Отлично! Заодно и помоемся! — и подмигнул Черепанову.

Глава вторая,

в которой простой кентурион Геннадий Череп удостаивается внимания самого повелителя Великой Римской империи

Здесь было слишком много места. И слишком много золота и мрамора. В этом зале даже гигант Максимин казался маленьким.

Но когда он остановился перед возвышением, на котором стояли троны Августа и его Соправительницы, ему не пришлось задирать голову. Командующий Дунайскими легионами сдернул с головы великолепный шлем и опустился на колено. Черепанов последовал его примеру.

[1] Палатин — «квартал» в Риме, где располагались резиденции императоров.

Император кивнул и сделал знак: «Поднимайтесь».

Геннадию рассказывали, что молодой Север не любит церемоний. А вот его матери они нравятся.

Мамея взирала на них сверху холодными бесцветными глазами. Главным образом — на Черепанова. Внучка Септимия Севера Юлия Авита Мамея терпеть не могла Фракийца. Об этом Геннадию тоже рассказывали.

— Ты просил аудиенции,— недовольно процедила она.— Зачем? И зачем ты притащил с собой какого-то кентуриона...

Вчера Максимин сказал подполковнику: «У римлянина должно быть три имени. А у тебя только два. Не хочешь взять еще одно? Мое».

«Если ты не против,— сказал Черепанов.— Я бы взял имя своего отца».

«Как звали твоего отца?»

«Павел»,— ответил Геннадий.

«Хм-м... Ростом ты тоже невелик[1]. Ладно, сойдет. Все же не какой-нибудь там Вортигерн. Значит, так ты и будешь зваться: Геннадий Павел».

Мощный голос Максимина гулко прокатился по залу:

— Его зовут Геннадий Павел Череп. И я хочу, чтобы ты, Август, и ты, Августа, увидели его.

Столпившиеся позади трона царедворцы недовольно загудели. Фракиец никого не баловал придворными манерами. Человек, которому сам прадед нынешнего императора Септимий Север позволял называть себя по имени, полагал, что может не утруждать себя подобострастными оборотами.

Черепанов наблюдал не столько за царедворцами в белых и белых с пурпуром тогах, сколько за окружившими тронное возвышение преторианцами. Преторианцам Максимин тоже не нравился. Это ясно читалось на их надменных физиономиях. Особенно на одной из них, принадлежащей старому знакомцу, трибуну гвардии Сексту Габинию Оптимиану, официальному жениху Корнелии. Надо полагать, и этот здесь неспроста.

Да, Максимина здесь не любили. Разве что сам император глядел на него без откровенной враждебности. Лишь с неодобрением.

Но Фракийцу всеобщая нелюбовь, похоже, по барабану.

---

[1] Павел — маленький *(лат.)*.

«Не чересчур ли он храбр? — подумал Геннадий. Ведь легионы Фракийца — далеко, а преторианцы совсем близко».

— Я хочу, чтобы ты, Август, и ты, Августа, увидели его,— пророкотал Максимин.— Этот кентурион стоит многих, когда дело касается защиты Рима!

— Я что-то слышал о нем... От Антонина Гордиана, кажется...— невнятным высоким голосом проговорил император.

Он поглядел на Черепанова сверху. Голос Александра Севера был вялым, но взгляд — острым и внимательным.

— Не ты ли недавно помог моему трибуну Габинию во время набега варваров защитить дочь сенатора Антонина Гордиана?..

«А ведь это — великая честь,— подумал подполковник.— Со мной говорит глава Первой империи этого мира». Если принять во внимание здешнее воинское звание — это вообще невероятно. Все равно что какой-то пехотный старлей удостоился приема у президента. А ведь император — покруче, чем президент...

— Нет, ваше величество.— Черепанов не знал церемониала (никто не потрудился его просветить), но решил, что это обращение подойдет.— Ваше величество неверно информировали.

— Разве? Значит, это был не ты?

— Это был я, ваше величество. Вас неверно информировали о роли достойного трибуна Габиния. Не хочу сказать дурного о доблести трибуна, собственноручно сразившего пятерых варваров, но если бы, хвала богам, мои разведчики вовремя не заметили дым, достойного трибуна постигла бы участь тех, кто не успел спрятаться или убежать. И он был бы так же мертв, как те германцы, которые осмелились вторгнуться на землю Рима. Но тем не менее доблесть трибуна Габиния достойна восхищения, ибо она оберегала жизнь прекрасной дочери сенатора Гордиана в то, пусть и не слишком долгое, время, которое понадобилось *моим легионерам*, чтобы разбить варваров.

Тут Черепанов одарил трибуна вежливой улыбкой. Физиономия Секста Габиния побагровела от ярости.

— Это так, Габиний? — осведомился император.

— Я не унижусь до спора с каким-то кентурионом,— процедил трибун.

В толпе придворных раздались одобрительные восклицания.

— Это правда, мой Август! — Мощный голос Максимина перекрыл все прочие звуки.— Действуя быстро и решительно, кентурия Геннадия Черепа уничтожила отряд, состоявший из

полутора сотен варваров, которые за три дня до того практически без потерь захватили и разграбили пограничный городок Вессу, гарнизон которого составлял более двухсот человек. Я утверждаю: кентурион-гастат Геннадий Череп не только спас имение сенатора Гордиана и жизнь его дочери, но и столь дорогую моему императору жизнь трибуна Габиния, которому, конечно, стыдно признать, что он обязан жизнью «какому-то кентуриону».— Максимин усмехнулся.— Но у меня имеется подробный доклад, составленный на основании показаний многих свидетелей, которые подтверждают сказанное мной. Позволь вручить его тебе, Август...— Максимин шагнул вперед, протягивая свиток.

Трое преторианцев тут же преградили ему путь. Максимин усмехнулся и отдал свиток одному из них.

— Я прочту,— кивнул император.— Хотя у меня уже есть доклады трибуна Габиния и твоего латиклавия Петрония Магна, который во время этого события командовал Первым Фракийским. Кстати, в докладе Петрония указано, что твой кентурион нарушил императорский эдикт и подстрекал легионеров к бунту.— Голос Севера внезапно стал ледяным.— Это так?

— Бунт? — Максимин поднял бровь.— Мне об этом ничего не известно. Полагаю, что юный Петроний что-то напутал. Он так мало знает об армейских порядках, что вполне мог счесть бунтом какие-нибудь учения. Или, может, это был религиозный праздник? На этот счет мой Август может не беспокоиться. Я не допущу бунта во вверенных мне легионах! Скорее взбунтуются твои преторианцы, чем мои солдаты!

— А нарушение эдикта?

— Если Август не возражает, на этот вопрос ответит сам кентурион Геннадий.

— Не возражаю,— кивнул император.

— Ваше величество, я не слишком хорошо знаю законы империи, но сказано же: «Invitat culpam qui peccatum praeterit»[1]. Трибун Петроний сообщил мне, что существует указ вашего величества о том, как следует обращаться с захваченными в плен воинами-варварами. Но сообщил уже после того, как виновные были казнены.

---

[1] Invitat culpam qui peccatum praeterit *(лат.)* — Прости поступок, побуждаешь к худшему (приписывается Публию Сиру).

— А знай ты об этом эдикте, то, безусловно, отпустил бы пленников, верно? — Император благожелательно кивнул.— В таком случае я полагаю, что твой проступок заслуживает снисхождения.

— Прошу меня простить, ваше величество, но это не так.

— Ты настаиваешь, чтобы тебя наказали? — удивился Север.

— Нет, ваше величество. Я ознакомился с эдиктом и понял, что он не имеет отношения к тем, кого я казнил.

— То есть? — Бровь императора поползла вверх.— Разве это были не варвары?

— Варвары, ваше величество. Но в эдикте сказано: «воины-варвары», а это были не воины, а просто разбойники. Разбойников же, ваше величество, по законам империи, как и по моему личному убеждению, следует вешать. И незамедлительно.

— И как же ты, кентурион, отличаешь варваров-воинов от варваров-разбойников? — осведомился Север.

— Воины воюют с воинами, разбойники грабят мирных жителей.

Среди придворных возникло оживление. Кто-то засмеялся. Улыбнулись император и императрица-мать. Даже кое-кто из каменнолицых преторианцев не смог спрятать ухмылки.

— Странная логика для того, кто недавно сам был варваром,— произнес Север.— А ты ведь из варваров, кентурион, судя по выговору. Так же, как и твой командир, Гай Юлий?

Максимин фыркнул. Ему не нравилось, когда напоминали о его происхождении. И Черепанов его понимал.

— Там, где я родился, воинов от преступников отличают именно так,— соврал Черепанов.

— Должно быть, странное место — твоя родина. Далеко она? — спросила императрица.

— До нее намного дальше, чем до восточных границ Скифии,— честно ответил Черепанов.

— И кем ты был там, у себя дома?

— Воином,— столь же честно ответил Геннадий.— Вождем.

— И сколь сильно было твое войско?

— Достаточно сильно, чтобы стереть с лица земли город размером с ваш город Аквилею[1].

[1] Аквилея — город в восточной области Венеции. В описываемое время — важный торговый порт в северной Италии.

Аквилею Черепанов запомнил: они останавливались в этом городе по пути в Рим.

В общем, он опять не соврал. Несколько кассетных бомб — и от Спалетто осталась бы куча развалин.

— Но мое воинское звание было не слишком высоко,— тут же уточнил Черепанов.— Примерно соответствовало вашему примипилу.

Вот так. Надо поднимать престиж Родины. Армия, в которой должность четвертого офицера шеститысячного воинского соединения считается «не слишком высокой»,— это очень серьезная армия.

Дошло. Задумались. Один только трибун Габиний презрительно хмыкнул. Не поверил красавчик.

— А ведь он не врет, этот кентурион-гастат,— внезапно заявила Мамея.— Ты знаешь, сын, я всегда знаю, когда мужчины врут. Полагаю, что жизнь внучки нашего доброго Марка Антония[1] дороже сотни жизней грязных варваров. Не говоря уже о потомке славного рода Габиниев. Ты согласен, Секст?

Лощеный трибун не отреагировал. Но столь мрачно уставился на мозаичный пол, словно изображенный на нем юный Геркулес был его личным врагом.

— Думаю, нам следует наградить этого легионера,— продолжала Соправительница.— Возможно, даже возвысить его... В будущем. А сейчас, может быть, нам взять его в гвардию? Из варваров иногда получаются отличные телохранители. Не так ли, Гай Юлий?

— Ты как всегда мудра, Августа,— буркнул Максимин.

— Он не хочет отдавать нам этого кентуриона, сын.— Императрица повернулась к Северу.

Император не ответил. Он некоторое время молча разглядывал Черепанова. Тот в свою очередь старательно изображал преданность и храбрость. Как и положено честному легионеру. А сам тем временем прикидывал, что делать, если вердикт императора окажется вредным для его здоровья. По всему выходило, что сделать ничего не удастся. По крайней мере здесь, во дворце, когда за каждой колонной — по дюжине преториан-

[1] Имеется в виду Марк Антоний Гордиан Семпрониан, бывший консулом при Каракалле и при Александре Севере (222 г.), а в описываемое время — проконсул в провинции Африка.

цев. Значит, остается уповать на удачу и собственное красноречие.

— Пожалуй, я прощу тебе тех германцев,— наконец изрек император.— Но учти: я прощаю тебя в последний раз. Наши настоящие враги — не германцы и скифы. Наш главный враг сейчас не на западе, а на востоке. Ардашир.— Север смотрел теперь не на Геннадия, а на Максимина.— Запомните это и впредь не допускайте подобного.

В воздухе повисла пауза. Еще мгновение — и будет объявлено, что аудиенция окончена.

— Ваше величество! — быстро произнес Черепанов.— Мой долг — сообщить вам еще об одном событии, которое, возможно, покажется вам прискорбным...

— Что еще? — проворчал император.

— Декаду тому назад мне пришлось уничтожить еще одну шайку варваров.

— Сколько их было? — недовольно произнес Север.

— Девятьсот тридцать шесть,— четко ответил Черепанов.

— *Сколько?* — Брови императора поползли вверх.

И не только у него.

— Девятьсот тридцать шесть. Может, немного больше. Некоторая часть варваров утонула, и сосчитать их было затруднительно.

Север перевел взгляд на командующего дунайскими легионами.

— Я как раз намеревался доложить об этом Августу,— заявил Максимин.

— И что же, ты уничтожил тысячу варваров силами одной кентурии? — осведомилась Мамея.— Это были дети и женщины?

— Нет, ваше величество. Это были вооруженные разбойники, предводительствуемые неким Федориксом.

— Я слыхал это имя,— пробормотал император.

— Он присутствовал на переговорах в Скирмии,— напомнила Мамея.— Отвечай мне, кентурион!

— Да, ваше величество. Кроме кентурии, в моем подчинении было десять турм вспомогательной кавалерии, которыми командовал субпрефект Азиний.

— Три сотни всадников?

— Три с половиной, ваше величество.

— И как же тебе это удалось?

— Я заманил их в ловушку, ваше величество.

— Хочу добавить, Августа,— прогудел Максимин,— что потери самого кентуриона Геннадия составили шесть человек убитыми и двадцать — ранеными.

Император и его мать переглянулись.

— В это трудно поверить,— пробормотал император.— Кто-нибудь из этих варваров выжил и может подтвердить твои слова?

— К сожалению, нет,— покачал головой Черепанов.— Мне показалось, что если шайка в тысячу варваров просто исчезнет, это произведет значительный эффект на других разбойников. Заставит их задуматься. Больше, чем обычное поражение.

— *Обычное поражение!* Отлично сказано! — Император оживился. На какое-то время из-под маски умного и осторожного политика выглянул азартный мальчишка.

Придворные загудели. Даже высокомерные преторианцы теперь поглядывали на Черепанова с интересом.

— Это по-прежнему не более чем слова, сын,— заметила императрица.— Только слова.

— Если ваше величество желает, я могу представить *доказательства*,— произнес Черепанов.— Снаружи ждет мой декурион. *Доказательства* — у него.

Императрица кивнула, и тут же двое преторианцев выбежали из зала.

Они вернулись через минуту, ведя изрядно смущенного Трогуса с большим мешком.

Черепанов взял у него мешок, развязал и высыпал содержимое на великолепный мозаичный пол. Содержимое, совершенно неуместное ни на этой мозаике, ни в этом зале. Сотни отрезанных ушей. В мочках многих тускло поблескивало золото. Черепанов запретил своим выдергивать серьги. Поверх омерзительной кучи Геннадий хладнокровно водрузил еще более омерзительный предмет: отрубленную голову вождя Федорикса.

— Считают ли ваши величества это достаточным доказательством моих слов? — в наступившей тишине осведомился Геннадий.

Первой нарушила молчание императрица.

— А ведь он варвар, сын мой,— громко произнесла Мамея.— Он — настоящий варвар. Дикий варвар, который уже *служит* Риму. Естественно, он служит нам по-варварски. Но, заметь, его служба лучше, чем его латынь...

«Немедленно найму грамматика»,— решил Черепанов. Упоминания о его «варварской латыни» Геннадия достали.

— И это — следствие нашей политики, сын мой,— продолжала Мамея.— И знак того, что боги благоволят нашему правлению.

— Ты права,— с важностью произнес Север.— Ты будешь вознагражден, кентурион. И я не стану наказывать тебя. Но впредь ты должен следовать *нашей* продуманной политике. Как это сделал недавно легат Одиннадцатого легиона, подписавший союзный договор с двумя захваченными в плен вождями гетов.

— Слушаюсь, ваше величество! — рявкнул Черепанов.— Позволено ли мне будет спросить?

— Спрашивай,— благосклонно разрешил император.

— Разрешено ли мне будет убивать варваров, а не брать их в плен в том случае, если на их стороне будет *значительный* численный перевес?

Император улыбнулся. Теперь, когда «оказалось», что Черепанов — «результат нашей продуманной политики», Север проникся к нему явной симпатией.

— Разрешаю,— кивнул он.— Но только если их будет больше, чем твоих солдат. А за то, что уже сделано, ты получишь заслуженную награду. Ты и те из твоих людей, кто проявил храбрость. Можешь удалиться. И ты, Гай Юлий Вер,— тоже. Я вызову тебя позже.

Черепанов и Максимин синхронно поклонились, развернулись и двинулись к выходу: громадный квадратный командующий армией Данубия и Ренуса и в полтора раза уменьшенная «копия» легата — нормального роста кентурион-гастат Геннадий Череп.

— Ты храбрый малый, кентурион,— пробасил Максимин, когда они уже спускались по мраморным ступеням, мимо белых колонн, золоченых статуй и неподвижных, как статуи, преторианцев.— Твоя шкура чудом осталась целой. Видно, боги очень любят тебя.

— Как и тебя,— усмехнулся Черепанов, задрав голову, чтобы взглянуть в лицо командующего.— Скажи, что там за победу одержали легионеры Одиннадцатого?

— За такую победу легату надо голову оторвать! — рявкнул Фракиец так громко, что стайка бродивших по ступеням голубей в испуге взмыла в небо.— Если бы не твой приятель Аптус, эти скифские головорезы смылись бы со всей добычей. А «политичность» легата Дидия Метелла стоила нам двухсот

человек. Среди которых — мой принцепс Асклит, который стоил сотни таких, как этот осел Метелл. А «новые союзники», клянусь всеми богами Рима, следующей осенью опять заявятся грабить. Я знаю обоих и ничуть в этом не сомневаюсь!

— Если так, то стоит ли вообще следовать «продуманной политике» нашего императора? — заметил Черепанов.

Максимин резко остановился.

— Слушай меня, кентурион! — прорычал он, нависая над Геннадием.— Мы будем следовать его политике! И я, и ты, и твой дружок Аптус, и все упрямые умники в моих легионах! Мы будем делать все, что прикажет нам император! Потому что он — император Рима! И пока он — император, будет только так, и не иначе! Тебе ясно, кентурион?

— Ясно! — почему-то ярость Максимина его совершенно не испугала. Зато одна из фраз командующего намертво отложилась в памяти кентуриона.

«Пока он — император, будет только так, и не иначе!» Пока Александр Антоний Север остается императором...

И в этот же миг Черепанов понял, даже не понял — *осознал*, что император Александр Север — не тот, кому удастся усидеть на троне Великого Рима. Слишком он мягок для своего жестокого времени. Так что «пока» — это вполне конкретное слово. А жаль. Этот умный и отнюдь не жестокий юноша, облаченный в императорский пурпур, Геннадию понравился. Но чутье говорило подполковнику: сейчас неподходящее время для мягких политиков и просвещенных монархов. Чтобы устоять, Риму нужен не политик, а полководец. Хитроумный, стремительный и жесткий. Такой, как Максимин.

Глава третья,

в которой подполковник Черепанов посещает древнеримский театр

Прошло три дня. Геннадий пребывал в ожидании. В Палатин его больше не приглашали, хотя Максимин, в чьем доме жил Черепанов, ездил туда ежедневно. Иногда вместе с сыном, Максимином-младшим, потрясающе красивым юношей, умным, обра-

зованным и тактичным. И этим приятно отличавшимся от бесцеремонного и вспыльчивого отца. Впрочем, Максимин-старший не получил того классического воспитания, какое сумел дать сыну.

Познакомился Черепанов и с женой командующего. Ее звали Паулиной, она была лет на двадцать моложе мужа и все еще весьма привлекательна. И она была единственной, кто был способен возражать Фракийцу без риска оказаться со сломанной шеей.

Жить у Максимина было выгодно (бесплатно и к центру событий близко), но хлопотно и утомительно. В доме постоянно ели. И постоянно толклись какие-то попрошайки. И приходилось постоянно выслушивать хвастливые речи хозяина. И поддакивать, иначе хозяин обижался. И — никакого уединения. Не слишком большой (по римским меркам) дом был под завязку набит слугами: рабами, вольноотпущенниками, бедными родственниками, престарелыми ветеранами, с которыми Максимин когда-то служил... От всего этого столпотворения у Черепанова возникало чувство, будто он находится не в доме, а на каком-нибудь форуме. Вдобавок неподалеку от дома находился рынок, и всю ночь напролет под окнами черепановской спальни грохотали повозки и ругались погонщики.

Не выдержав, Геннадий велел Трогусу подыскать какое-нибудь тихое и приличное место. *Подальше от рынков.*

Тевд справился с задачей на удивление быстро. Снял Черепанову квартирку с отдельным входом на первом этаже небольшой инсулы[1] с полной обстановкой, в которую входили рабы: повар и слуга. К числу достоинств арендованного жилища относилось наличие водопровода и канализации — большая редкость для здешних многоэтажек. Правда, и цена оказалась такой, что Черепанов только вздохнул. Он-то считал себя богатым человеком... Впрочем, Трогус заверил кентуриона, что это еще *дешево*. Летом, когда начинается «дачный» сезон, цены

[1] Инсула — большой многоэтажный дом, помещения в котором, как правило, сдавались внаем. Часть квартир в них, особенно на нижних этажах, были весьма неплохи. Иные даже роскошны. Но большинство представляли собой тесные бедные каморки. Установленная законом предельная высота инсул: четыре или пять этажей.

на жилье в Риме немного меньше, но зимой они просто сумасшедшие. И вообще, просто пофартило, что чиновник, проживающий в этих апартаментах, срочно отправляется в Капую и пробудет там до конца января.

В общем, на следующий день Черепанов переехал и впервые за все время пребывания в Риме нормально выспался.

Истый «культурный» римлянин Трогус повел Черепанова в театр. Лучший в Риме театр Марцелла, расположенный рядышком со зданием Цирка Фламиния, куда, как заявил Тевд, они тоже обязательно сходят. Когда будут гонки.

Театр Марцелла не был *самым большим*. Самым большим был театр Помпея, вмещавший в два раза больше народу. Что, собственно, и было его главным недостатком. Вообще-то, как сообщил Трогус, им с кентурионом повезло. Театры в Риме «работают» только с апреля по ноябрь. Но поскольку сейчас праздники, а зима довольно теплая, актеры дают несколько представлений.

То, что римский театр существенно отличается не только от тех, к которым Черепанов привык, и даже от маленького провинциального театра в Августе, Геннадий начал догадываться прежде, чем они вышли из дома. Когда Трогус прихватил с собой две пары подушек, сообщив, что, мол, и летом на мраморе можно задницу отсидеть, а уж зимой и вовсе отморозить. Но Черепанову в голову не могло прийти, *насколько* велики эти отличия.

Несмотря на величественность самого здания, происходящее внутри больше всего напоминало спортивный матч. Фигурки актеров где-то внизу, на сцене, казались совсем крохотными. И это при том, что Тевд откупил им места не на самом верху, а на «средних ярусах». Но если, благодаря отличному зрению, Черепанову удавалось разглядеть даже детали ярких актерских масок, то услышать что-либо на таком расстоянии было совершенно невозможно. Нет, акустика в театре была превосходной. Если бы зрители хранили молчание... Но они его хранить не собирались. На трибунах царила вполне раскованная атмосфера. Нечто среднее между футбольным матчем и грандиозной пирушкой на свежем воздухе. Внизу, на подиуме, прыгали и кривлялись актеры, сменялись декорации, происходило какое-то действо, видимо, отлично известное всем (кроме Геннадия) при-

сутствующим, поскольку те шумно его обсуждали. На первых порах Черепанов еще получал какую-то информацию от Тевда. Например, что актер в красном — это бедняк, а смуглые маски принадлежат мужским персонажам, в отличие от бледных женских. Но потом Тевд увлекся дискуссией с соседями, и ему стало не до кентуриона.

Наблюдать за происходящим на сцене было скучно, поэтому Черепанов развлекался, наблюдая за зрителями. За исключением тех, кто расположился в самом низу (сливки римского общества), публика оттягивалась безо всяких комплексов. Орали, свистели, шипели, в полный голос подпевали хору на сцене. Будучи недовольными, кидали вниз недоеденные продукты питания, причем большинство «снарядов» до сцены не долетало, а обрушивалось на головы нижесидящим. А те в свою очередь громко высказывали свое неодобрение. Впрочем, некоторым броски удавались. Один из зрителей, сидевший на пару рядов ниже Черепанова, сдернув с шеи шарф, изготовил «пращу» и с большой сноровкой запустил в не понравившегося актера каким-то фруктом. И попал. Соседи приветствовали меткий бросок одобрительным ревом.

Нет, если говорить честно, когда Черепанов попривык, то понял, что ему здесь поинтересней, чем на какой-нибудь там опере. Веселее. Ну разве в *нормальном* театре на вас сверху может свалиться пьяненькая, но вполне симпатичная женщина? Или несколько менее симпатичный мужчина, которого зато можно взять за шкирку и отправить этажом ниже?

В общем, Черепанов получил удовольствие. Хотя не совсем то, которого ожидал. Например, у него трижды пытались срезать кошелек. Когда тебе действительно срезают кошелек, это не слишком радостно. Но когда тебе удается перехватить цепкие пальчики и отвесить их хозяину хорошего леща — совсем другое дело!

На обратном пути Черепанов с Тевдом зашли в храм Сатурна (у Трогуса были с данным богом какие-то личные дела), а затем — в ближайшую таверну. Оттуда отправились в термы. Примерно как в клуб. Покидали мяч с какими-то парнями из Генуи, потом ополоснулись и разошлись. Черепанов — в здешнюю библиотеку, а Трогус с генуэзцами — играть в кости.

Пока Черепанов в зимнем саду изучал основы римского управления, Трогус успел продуть двенадцать динариев. Был возмущен и громогласно утверждал, что все генуэзцы — мошенники.

Потом успокоился и заявил, что послезавтра в Веспасиановом Амфитеатре — *мунера*, то бишь травля диких зверей, а потом — гладиаторские бои. Поэтому завтра они идут в цирк.

— На войне на кровищу не насмотрелся? — буркнул Черепанов.— Мало тебе?

— Да что я — лавочник! — возмутился Трогус.— Не в этом дело!

Дело было в том, что Тевд только что «от вполне надежных людей» узнал имя ретиария[1], который завтра *точно* победит. С другой стороны, Игры — это не только смертоубийство, а большой праздник. Завтра сам Август будет присутствовать. И вообще, Черепанов просто обязан хотя бы разок поглядеть мунеры и все сопутствующие им церемонии.

— Ладно,— согласился Черепанов.— Так и быть, сходим.

Но когда они вернулись домой, Геннадию пришлось изменить планы. На ступеньках у входа в его квартирку сидел раб, посланный не кем-нибудь, а сенатором Антонием Гордианом. Сенатор предлагал кентуриону Геннадию встретиться с ним завтра в третьем часу. В доме сенатора.

И это было предложение из тех, от которых не отказываются. Тем более что Черепанов с самого приезда в Рим лелеял надежду увидеться с Корнелией.

Глава четвертая,

в которой Черепанов узнает о том, что является «проходной пешкой»[2].

Семейству Гордианов (как поведал Черепанову всезнающий Трогус) в Риме принадлежало довольно много домов. В том числе и знаменитый «дом Помпея»[3]. Особняк, в который был

[1] Существовали четыре традиционных типа гладиаторов: ретиарий, мурмиллон, самнит и фракиец. Ретиарий — гладиатор, сражавшийся трезубцем и сетью.

[2] В шахматах — пешка, которая может стать ферзем.

[3] Помпей (106—48 гг. до Р. Х.) — римский консул и военачальник, один из триумвиров-соправителей, правивший вместе с Цезарем и Крассом. В 49 г., когда этот союз распался, армия Помпея была разбита войском Цезаря.

приглашен Черепанов, не был столь роскошен, зато располагался в привилегированном месте: между гигантским кольцом Веспасианова Амфитеатра (который позже нарекут Колизеем) и банями, возведенными Траяном, последним из римских императоров-завоевателей.

Отделенный от шумных улочек стеной и парком, дом сенатора, несомненно, относился к числу архитектурных шедевров: почти невозможное сочетание легкости и монументальности, присущее некоторым здешним храмам. И когда после очередного поворота выложенной розовым камнем платановой аллеи дом внезапно и целиком возникал *над* кронами высоченных деревьев, это производило впечатление. Особенно если учесть, что одноэтажное здание было значительно ниже вековых платанов. Восхищенный Черепанов замер, любуясь открывшимся великолепием. Искушенный слуга-грек остановился мгновением раньше и ждал, внимательно наблюдая за гостем. Позднее он доложит хозяину, что кентурион Геннадий не глазел на строение, аки дикий германец, а *созерцал* красоту, как положено цивилизованному человеку.

Черепанов, естественно, понятия не имел об этом маленьком тесте.

У колоннады, украшенной по фронтону искуснейшей лепкой, гостя встречал сам хозяин дома, благородный сенатор Антонин Антоний Гордиан. В «форменной» тоге с пурпурной каймой и с широкой улыбкой на чеканно-благородном лице, обрамленном светлой, аккуратно подстриженной бородкой. Наверняка личная встреча тоже была частью продуманной игры. Сначала Черепанова минут пять продержал по ту сторону ворот, из-за которых на него злобно рычали два здоровенных барбоса, а потом сам вышел ему навстречу.

Гость и хозяин обменялись церемонными приветствиями, после чего Геннадия любезно пригласили внутрь.

Спустя несколько минут хозяин и гость, *как равные*, возлежали в триклинии с венками на головах и вкушали изысканные яства, ниспосланные сенатору щедрыми римскими богами, коим, разумеется, от этих яств была пожертвована положенная толика. Богам и предкам, чьи бюсты стояли вдоль одной из стен, аккурат под великолепной фреской, изображающей одного из пращуров сенатора рядом со знамени-

тым Сципионом в битве у Маргарона[1], как явствовало из надписи. Несмотря на прошедшие четыре с лишним века, между предком и потомком наблюдалось несомненное сходство. Возможно, в этом была не одна лишь заслуга генов, но и мастерство художника. Краски фрески были слишком яркими для нескольких веков.

После соответствующих изъявлений благодарности за спасение дочери (где она сама, интересно?) и соответствующих «не стоит благодарности» со стороны Черепанова сенатор Гордиан принялся за дело. То есть за «обработку» Геннадия, целью которой было доказать, что он, сенатор, замечательный человек и лучший друг кентуриона.

Не будь Черепанов выходцем из лицемерного двадцать первого века, он вряд ли устоял бы. Впрочем, и в двадцать первом сенатор, несомненно, имел бы успех, потому что красноречие его было выше всяких похвал, а внешность, безусловно, располагающая и мужественная. Высокий, отлично сложенный сенатор, в отличие от многих своих «коллег», не пренебрегал физкультурой и не злоупотреблял обжорством: налегал в основном на фрукты. Зато, по словам того же Трогуса, слыл в Риме большим любителем женщин.

Вдобавок патриций оказался неплохим психологом и довольно быстро определил, что его «охмуряж» работает вхолостую. И с ходу сменил имидж.

— Однако ж все это пустые слова,— заявил он.— Хотя не скрою, что ты, Геннадий, мне по-человечески симпатичен. И весьма интересен как личность. Ибо ты для меня — загадка.

Черепанов вежливо улыбнулся.

— Моя дочь кое-что рассказала о тебе.— Сенатор пригубил поднесенное слугой вино, качнул головой — не то.— Она достаточно умна, чтобы не считать дикарем любого, кто скверно говорит по-латыни. Но ее слишком увлекла твоя мужественность, чтобы заподозрить в тебе двуличие.— Сенатор отпил из другой чаши и благосклонно кивнул: хорошее вино, можно подавать.

— Двуличие?

---

[1] В этой битве в 202 г. до Р. Х. римляне разбили войска карфагенян, предводительствуемых Ганнибалом.

— Да, именно так. Два лица. Как у бога Януса[1] (Черепанов в очередной раз пообещал себе выкроить время и поплотнее заняться римской мифологией.) И меня, скажу откровенно, более интересует твое второе лицо. Позволь спросить тебя...— Тут сенатор разразился длинной фразой на незнакомом Черепанову языке. Он сумел уловить только одно слово: «Ардашир». Имя повелителя Парфии.

Высказавшись, сенатор с большим вниманием следил за реакцией Черепанова. Реакция, естественно, была нулевой.

— Что ж,— с некоторым разочарованием резюмировал Гордиан,— вижу, ты меня не понял. Следовательно, ты вряд ли являешься лазутчиком Ардашира. Но коли так, то я даже и предположить не могу, чьи интересы ты представляешь.

— Свои,— честно ответил Черепанов.— И моих друзей.

— И кто же твои друзья?

— Пожалуй, Максимин Фракиец относится к их числу,— подумав, произнес Геннадий. Сенатор рассмеялся.

— Ты умеешь говорить правду,— признал он.— И при этом не говорить ничего. Ты понравился императрице.

Черепанов пожал плечами.

---

[1] Обращаю внимание читателя, что понятие «двуличный» в качестве отрицательной оценки возникло намного позже, вероятно, во времена Шекспира. В Древнем Риме, напротив, двуличность воспринималась как позитивный термин. Два лица бога Януса, обращенные одно в прошлое, другое — в будущее, несли положительное начало. Силу и решительность — с одной стороны, мудрость и дружелюбие — с другой. Одно из исконных (не заимствованных у греков) римских божеств, Янус считался богом Порога (границы), дверей, входа-выхода и всякого начала. Предполагалось, что он отпугивает чужаков и демонов и приглашает тех, кто приятен хозяину. То же — и на государственном уровне. Во время войны ворота храма Януса открывались, а в мирное время закрывались. Это был символический акт.

Как бог, знавший прошлое и будущее, Янус был всеведущ. Его атрибуты: две короны, посох и ключ — означали, что он: а) управляет двумя царствами (видит два пути одновременно), б) является покровителем дорог и мер (расстояний и чисел), в) является создателем и хранителем дверей и запоров (включая небесные врата). Будучи богом времени, он имел на правой руке начертание «CCC» (римское «300»), а на левой «LXV» (римское «65»), что соответствовало количеству дней в году. И это далеко не все, на что был «способен» этот римский бог. Так что слова о «двуличности» — комплимент. И небольшая иллюстрация того, как, несмотря на изрядное сходство между нами (по моему скромному мнению) и древними римлянами, отличия были тоже изрядные. Хотя все мы постоянно поминаем этого вроде бы забытого бога, поскольку первый месяц года, январь, назван в его честь.

— Она не любит *твоего друга* Максимина. К тому же она очень умна и хитра, как волчица. Она увидела в тебе возможную альтернативу Фракийцу.

— Не понял?

— Гай Юлий Вер Максимин — лучший полководец Рима. Но он слишком независим. И слишком любим своими легионерами. Мамея увидела в тебе того, кто способен стать конкурентом Фракийцу. Ты достаточно талантлив и решителен для этого. И у тебя есть понятие чести. Если тебя возвысить, ты будешь предан ее сыну.

— Но Максимин верен императору Северу! — возразил Черепанов.— Я это вижу!

— Ты прав.— Сенатор улыбнулся.— Гай Юлий предан императору Северу. *Септимию* Северу. Тому, кто поднял и возвысил его самого. В нынешнем Августе он видит лишь правнука Септимия. Мамея это знает. И ее сын тоже. Но они вынуждены доверять ему. Потому что за Фракийцем — преданные лично ему данубийские легионы. А Максимин — он далеко не глуп и очень тщательно следит, чтобы эта сила оставалась силой и стояла именно за ним. И стоило нашим Августам попытаться лишить его этой силы, удержав легионы на востоке, как Фракиец немедленно принял меры. Сразу несколько германских племен вторглись в наши западные провинции. Как только в легионах об этом узнали, там моментально начались волнения. Тогда Максимин явился к императору и *потребовал*, чтобы данубийские легионы вернули с востока домой. И император *вынужден* был уступить.

— Я не думаю, что вторжение варваров было организовано Максимином,— заметил Черепанов.

— Я тоже так не думаю,— мягко произнес Антонин Антоний.— Но так думает Мамея. Поэтому сейчас наши Августы озабочены тем, чтобы ослабить влияние Фракийца и перетянуть германцев на свою сторону. Хотя бы федератов.

— Но я — человек Максимина! — возразил Черепанов.— Он дал мне это.— Черепанов щелкнул по золотому кольцу кентуриона.— И он подталкивает меня вверх по лестнице. Разве нет?

— Да.— Сенатор улыбнулся.— Сейчас все выглядит именно так. Но вчера во всеуслышание было объявлено, что ты — не варварский вождь, принятый на службу Максимином, а «успешный результат политики императора по мирной романизации варваров». Улавливаешь разницу?

— У тебя отличное вино, сенатор,— сказал Черепанов.— Все, что ты хочешь получить,— высшего качества, да?

— У меня *самое лучшее* вино, какое только можно достать в империи,— поправил Антонин Антоний.— Не «очень хорошее», а «самое лучшее». Я беру только самое лучшее, кентурион. Я понял твой вопрос. И отвечу на него. Да, я заинтересован в тебе. Ты человек, который менее чем за год сумел стать *заметной* фигурой в Риме исключительно благодаря своим личным достоинствам. Еще до того, как я увидел тебя, я услышал о тебе много хорошего — от моей дочери. И много плохого — от ее нареченного жениха.

— Да неужели? — Геннадий усмехнулся.

— Секст Габиний — настоящий римлянин. И настоящий патриций из патрицианской фамилии. Разумеется, не столь древней и славной, как моя, но весьма достойной.— Сенатор отпил вина, закусил персиком.— Ты публично унизил его. И унизил бы еще больше, если бы не заступничество моей дочери, верно?

Черепанов хмыкнул.

— Можешь в этом не сомневаться,— заверил он.— Может быть, трибун Габиний и настоящий патриций, но мне он тогда показался богатым и безмозглым наглецом. И пока я не узнал ничего, что заставило бы меня изменить мое мнение. И я опечален тем, что твоя дочь станет его женой. Она достойна лучшего мужа.

— Ты неправ,— мягко возразил сенатор.— И в отношении Секста, и в отношении того, что он станет мужем Корнелии.

Черепанов уставился на сенатора. Вот так сюрприз! Неужели...

Нет, он слишком много о себе возомнил. Сенатор вовсе не намеревался предложить ему стать зятем.

— Видишь ли, друг мой Геннадий, моя дочь допустила серьезную оплошность. Своим заступничеством она унизила храброго Секста куда больше, чем ты. Я знаю Секста с детства. Он очень горд. И очень злопамятен. И никогда не простит Корнелии унижения. А я люблю свою дочь и расторгну помолвку. Например, потому, что предзнаменования по поводу их брака будут настолько неблагоприятны, что помолвку *придется* расторгнуть. Конечно, это обойдется недешево. Но я достаточно богат, а в Риме хватает юношей из родов не менее благородных, чем род Габиниев.

Сенатор поправил венок и с гордостью оглядел шеренгу «родственных» бюстов.

— Но тебе не следует забывать,— заметил он,— что ты обзавелся сильным и опасным врагом. Сексту весьма благоволит наш император, а его отец пользуется немалым влиянием в Сенате. Впрочем, не большим, чем я,— добавил Антонин Антоний не без гордости.— Однако ж вернемся к тебе,— продолжал сенатор.— Ты сейчас — самый младший кентурион в легионе. Но уже сумел доказать, что являешься отменным военачальником. И пользуешься в легионе уважением, совершенно несопоставимым с твоим скромным званием. Ты настолько уважаем, что попытка ущемить твои права вызвала чуть ли не бунт. И заместитель командующего вынужден был уступить младшему из своих офицеров.

— Я был прав,— заметил Черепанов.— И знаю, что все остальные офицеры были на моей стороне.

— Ну да,— кивнул сенатор.— Но это лишь означает, что в критической ситуации легион пойдет не за трибуном-латиклавием, а за тобой. Хотя ты — самый младший из офицеров.

— В критической ситуации легион пойдет за Максимином! — заявил Черепанов.

— Пока — да,— кивнул его собеседник.— Но у Максимина есть один серьезный недостаток. Он — Максимин. *Самый большой.* Во всем. И не забывает напоминать об этом. И еще он очень вспыльчив. И очень жесток. Иногда я радуюсь, что ему никогда не стать императором. Это был бы тиран пострашнее Калигулы.

— Почему ты считаешь, что Максимину никогда не стать императором? — заинтересовался Черепанов.

Он-то как раз считал, что из Фракийца выйдет отличный император. Правда, он почти ничего не знал о Калигуле. Тот образ, который был создан современными ему кинорежиссерами, выглядел весьма сомнительно.

— У Максимина нет опоры в Риме,— пояснил Антонин Антоний.— Он ненавидит Сенат. И Сенат отвечает ему тем же. Некоторые сейчас готовы поддержать его, потому что считают полезным. Некоторые склонны поиграть на противоречиях между ним и Мамеей... Но все мы знаем, что лев на цепи — это совсем не то, что лев на свободе.

— Но, кроме Сената, есть еще и народ,— заметил Черепанов.— Народ любит победителей.

— Народ? Народ Рима? — Антонин Антоний расхохотался.— Народ Рима любит победителей, это верно! Но народ считает победителем того, о ком ему скажут: вот победитель!

Как ты думаешь, кого римляне считают победителем парфян? Максимина? Или Александра, которому Сенат устроил триумф и который закатил по поводу победы многодневные Игры? Народ Рима, Геннадий, любит тех, кто устраивает праздники и раздает зерно. А командующий Максимин никогда не станет *развлекать* народ, чтобы добиться его переменчивой любви. Ибо считает, что ему достаточно любви своих легионеров.

— Думаю, он прав,— сказал Черепанов.— Двух армейских легионов хватит, чтобы разогнать весь этот сброд. И еще одного — чтобы выбить спесь из преторианцев. Сколько их в городе? Три когорты?

— Две,— уточнил сенатор.— Разогнать можно. Цезарь в свое время это доказал. Но то был Гай Юлий Цезарь. А Гаю Юлию Максимину до него далеко. Однако мы отвлеклись. Ты знаешь, что я пригласил тебя не только чтобы поблагодарить. Ты мне интересен, Геннадий Павел. Ты мне непонятен. И это привлекает меня. Но я чувствую, что ты — человек особых достоинств. И можешь достичь многого. Поэтому я, Антонин Антоний Гордиан, предлагаю тебе свою поддержку...

— В обмен на...

— В обмен на твою дружбу.— Сенатор одарил его открытой улыбкой.

— И только?

— Дружба такого человека, как ты, Геннадий, в наше переменчивое время может стать очень большой ценностью.

Черепанов пожал плечами.

— Ты преувеличиваешь мой потенциал,— сказал он.

— Возможно. Но это мой риск. Итак, ты согласен?

— Ну разумеется! — Черепанов засмеялся.

Он прекрасно знал, что радушие политика стоит не дороже недоступности проститутки. И вряд ли в этом времени дело обстоит иначе. По крайней мере, проститутки здесь такие же. Другое дело — конкретная выгода. Но что скрывать, предложение сенатора ему польстило. Дружба с представителем одной из лучших патрицианских фамилий — это не полкило фаршированных фиников.

— И чем же мы скрепим наш союз? — спросил он.— Клятвой богам?

— Ну не контракт же нам подписывать? — усмехнулся Антонин Антоний.— Юпитер свидетель, я говорю искренне.

И плеснул немного вина в сторону того угла, где, как бы возглавляя череду «предков», возвышалась статуя Юпитера.

— В таком случае я клянусь благосклонностью Венеры, что не использую во вред сказанного тобой сегодня,— произнес Черепанов и тоже плеснул в сторону мраморного изображения богини, которая ничего не возглавляла, зато изваяна была в позе весьма фривольной.

— И пусть Янус, который явно благоволит тебе, скрепит наше начинание! — на этот раз очень серьезно и торжественно провозгласил Антонин Антоний.

Они осушили чаши.

— А теперь,— Черепанов усмехнулся,— когда мы с тобой *уже* заключили союз, может, ты скажешь мне правду?

— Какую именно? — Сенатор тоже улыбнулся, обаятельно и чуточку простодушно.— Какую правду ты хочешь услышать, друг мой?

— Ту самую. Для чего потомку победителей Ганнибала, патрицию, чей род восходит к основателям Рима, понадобился какой-то младший кентурион, никому не известный и вдобавок варвар с отвратительной латынью? Неужели только потому, что этот варвар удостоился мимолетной благосклонности императора?

Сенатор засмеялся.

— Если я скажу: это желание богов? — весело проговорил он.— Ты мне поверишь?

Черепанов покачал головой.

— А если я скажу: мне нравятся твои глаза?

— Под каким соусом? Рыбным или фруктовым?

Гордиан вновь расхохотался.

А потом улыбка внезапно сошла с его лица: как будто сдернули маску.

— Ты прав,— сказал он.— Твоя латынь омерзительна, а благосклонность Августов — временна. Но есть нечто — важнее желаний богов и прихотей владык. Важнее Сената и народа Рима. Важнее его императоров... Это сам Рим, Геннадий. Вечный и неповторимый. Я вижу твои глаза, кентурион. Я вижу, как ты *смотришь*. Я не знаю, кто ты. Но я знаю, кем ты можешь стать. Не человеком Максимина. Не ставленником Александра или Мамеи... Гражданином Рима!

«Да,— подумал Геннадий.— Ты прав, я могу. И стану. Только не гражданином *города Рима*, а гражданином *Римской империи*.

Я им стану! И буду драться за эту империю! И сделаю все, чтобы она — была! Она того стоит, черт возьми! А я не хочу, чтобы засранцы-политиканы просрали ее, как просрали мою Родину!»

— Теперь ты мне веришь? — сухо спросил сенатор.

— Да. И ценю твое доверие.

— Цени,— кивнул патриций.— Если ты передашь мои слова Августу, это может стоить мне должности претора.

— Ну это вряд ли...— усмехнулся Черепанов.— С моей латынью император даже и не поймет, что я ему сказал.

Гордиан расхохотался.

— В таком случае я знаю, что тебе подарить! — объявил он.— У меня есть раб, грек, который превосходно обучает грамматике и риторике. Я пришлю его тебе сегодня, Геннадий, потому что ты прав: твоя латынь ужасна. У моего друга не может быть такого произношения.

— Принимаю и благодарю.— Черепанов церемонно наклонил голову.— Право, даже не знаю, чем мне отдариться. У меня нет ничего, достойного этого дома и его хозяина.

— Ты уже отдарился,— возразил сенатор.— На много лет вперед. Твой подарок — жизнь моей дочери.

«Ну да,— подумал Черепанов.— А я в качестве ответного дара охотно принял бы не ритора, а Корнелию».

Глава пятая

Колизей

Корнелию он увидел спустя два дня. На скамье подия[1] Амфитеатра Веспасиана. Сюда, на места, зарезервированные для семейства Гордианов, Черепанов был приглашен со всей обстоятельно-

[1] Подий — широкая терраса рядом с ареной. В лучшем месте подия располагается императорская ложа. Остальные места принадлежат сенаторам, послам и т. п. Над подием располагается собственно амфитеатр, разделенный на три яруса. Размеры Колизея таковы, что он был способен вместить 50 тысяч зрителей. Первые два яруса занимали мужчины, третий, отделенный стеной, женщины, а на самом верху, у внешней стены, имелись стоячие места для рабов. Внутрь цирка вели восемьдесят арок и четыре главных входа. Всего же проходов, ведущих в амфитеатр, было сто шестьдесят.

стью. И его право на проход было зафиксировано не на глиняном «билете», а на листе папируса с личной печатью сенатора.

Единственное, что слегка омрачило радость Черепанова, это присутствие расфранченного трибуна Секста Габиния. Судя по вытянувшейся физиономии последнего, появление Черепанова тоже не привело его в восторг.

Но на этот раз он воздержался от реплик по поводу «всяких варваров». Потому что за эти два дня произошло многое.

Во-первых, Черепанов удостоился еще одной аудиенции императора. На этот раз — только императора. Без «соправительницы».

На этой аудиенции Черепанову был торжественно вручен тот самый венок «за спасение гражданина», который ему прочили соратники. И денежная премия в размере двух годовых «окладов». И золотая фалера с изображениями Александра и Мамеи. Кроме того, он получил отдельную награду как «лучший кентурион» и перстень с профилем императора, дающий ему право на «личное» обращение к Августу. И еще ему было сообщено, что представленный им список наград и поощрений легионеров его подразделения, «завизированный» легатом Максимином, императором утвержден полностью, а черепановской кентурии будет вручен специальный знак «за храбрость», который отныне будет навечно прикреплен к сигнуму подразделения. «Самая трусливая кентурия легиона» отныне *официально* перестала быть таковой.

Но это было еще не все.

Кентурион-гастат Геннадий Череп получал новое назначение. Из Первого Фракийского легиона его переводили в Одиннадцатый Клавдиев, Claudia Pia Fidelis[1], как было начертано на его аквиле. Тот самый Одиннадцатый, где старшим кентурионом был лучший кореш Черепанова Гонорий Плавт. И переводили его не кем-нибудь, а аж кентурионом второй (двойной) кентурии первой когорты. То есть кентурионом-принцепсом. То есть вторым после Аптуса кентурионом в легионе. Иными словами, Черепанов с ходу перепрыгивал через десяток ступенек — снова в «подполковники».

Признаться, после разговора с сенатором Гордианом он ожидал, что его «дело» разрешится положительно. Но не думал, что его ждет такой стремительный взлет.

---

[1] Fidelis *(лат.)* — верный.

Похоже, даже сам командующий Максимин был изрядно удивлен, когда узнал об императорском решении. Но, разумеется, не стал возражать. И, вероятно, не усмотрел в стремительном возвышении своего протеже некоего политического подтекста. И Черепанов был этому рад. Ему не хотелось, чтобы гигант-легат заподозрил его в предательстве. Хотя вряд ли Фракиец был таким уж наивным. Не те у него должность и послужной список. И наверняка гигант-легат не однажды сталкивался с предательством. Тем более что в терминологии политиков предательство крайне редко называют собственным именем. Чаще подыскивают более гладкие обороты. «Выбор более перспективного направления», например. Или «прогрессивное решение, объективно соответствующее текущему моменту».

В любом случае Черепанов оставался подчиненным Максимина. И на пирушке, которую он, как водится, закатил по случаю повышения, «председательствовал» тоже Максимин.

Так что, восседая на «сенаторской» скамье будущего Колизея, облаченный в «парадную форму со всеми регалиями», Черепанов не чувствовал себя низшим существом в сравнении с элитой города Рима. Ну разве что латынь у него пока хромала. Но это ведь дело поправимое...

Да, смотреть на арену с подия — совсем не то, что с верхотуры амфитеатра. Ну просто как в хорошем клубе на свежем (весьма свежем, чтоб не сказать холодном: градусов пять, не больше) воздухе. Но здесь, на подии, от холода никто не страдал. Тем более что слуга Гордиана не забывал регулярно наполнять чашу Черепанова горячим медовым вином. Но вот у девушек-плясуний, сопровождавших торжественное шествие, стройные голые ножки порозовели от холода. И жрецам тоже было нежарко. Но они мужественно выполнили все положенные эволюции.

Антонин Антоний, который не раз бывал эдилом[1], вполголоса просвещал Черепанова, во что обходятся мероприятия, подобные сегодняшнему. В переводе на финансовые мерки двадцать первого века финансовую смету одного дня Игр можно было сравнить с бюджетом хитового голливудского боевика.

[1] В обязанности четырех римских эдилов входила (помимо поддержания порядка) и организация общественных зрелищ. Зачастую — на собственные деньги. Это был один из способов завоевания популярности.

Всего же на Игры государство тратило двадцать-тридцать *миллионов* сестерциев в год. То есть примерно в два раза больше, чем государственные расходы на *все* строительные работы в империи за *десять* лет. Но Игры — *политическое* мероприятие. А когда речь идет о политике, власть, как известно, на расходы не скупится. А тут еще и религия приплетается...

Нет, на то, что было вначале, Черепанов смотрел с удовольствием. И на шествия, и на жонглеров с фокусниками, и на театральное представление, в котором, правда, ничего не понял, и на дрессированных зверей. Особенно ему понравился слон, посредством метлы чертивший на песке римские цифры. В общем, все то, что считалось здесь преамбулой к главному. К гладиаторским боям.

Амфитеатр выл, ревел и стонал. От подия до стоячих мест на самом верху. Но вонь выпущенных кишок и резкий запах крови здесь, внизу, были намного сильнее. И ее не могли приглушить даже старания служителей, убиравших арену после каждого боя.

— Идиот! Бездельник! Сын горбатой шлюхи! — благородный Секст Габиний Опимиан, вскочив, в ярости размахивал кулаками.— Такой удар пропустить! Безмозглый мурмиллон![1] Добей, добей его, раб! Прикончи эту свинью!

Напоровшийся на трезубец противника мурмиллон скорчился на земле, прижимая руки к животу. Его противник ждал, обернувшись к императорской ложе. Императора сегодня не было. Зато присутствовала его мать, соправительница Мамея. Императрица вяло шевельнула кистью. Ретиарий взмахнул трезубцем и проткнул шею раненого. Тот даже не пытался уклониться.

Цирк неистовствовал.

Красный от злости трибун Габиний развязал кошелек и отсчитал проигрыш. И тут же сделал новую ставку.

Черепанов с каменным лицом смотрел, как служители, зацепив крючьями труп, волокут его к выходу.

Корнелия Гордиана с любопытством смотрела на Черепанова. Тот почувствовал ее взгляд.

— Вижу, тебе не нравятся бои! — громко, чтобы перекричать шум толпы, произнесла прекрасная дочь сенатора.

Геннадий пожал плечами.

---

[1] Мурмиллон — гладиатор, сражавшийся мечом и щитом против вооруженного сетью и трезубцем ретиария.

— Удивительно! — воскликнула девушка.— И тебя еще называют самым жестоким кентурионом империи!

— Меня так называют?

— Да! Говорят, ты всегда приказываешь добить пленных. Так любишь убивать, что не боишься даже навлечь гнев Августа.

— Ты этому веришь?

— Я сама видела! Или ты забыл, как спас меня? — Корнелия кокетливо улыбнулась.

С точки зрения Черепанова, в том, что произошло тогда в ее усадьбе, ничего веселого не было и быть не могло. Но он уже привык, что здешние граждане относились к смерти несколько иначе, чем современники Геннадия. Другая культура. Кладбища вдоль дорог, триумфальные арки на каждой улице, боги и божки в каждом углу комнаты... Удивительно, как подобный мистицизм и суеверия уживаются с превосходной бюрократической системой и расчетливым практицизмом.

— Это была необходимость! — тоже повысив голос, ответил Геннадий.— Убивать ради развлечения или находить удовольствие в убийстве — это не по мне!

— Это слова труса! — воскликнул Секст Габиний, ревниво прислушивавшийся к их разговору.— Только трус боится смерти!

Черепанов не счел нужным ответить. Его легкий парадный шлем украшал тонкий золотой венок, corona civica. Никто не уточнял, за чье именно спасение получена эта награда. Но наверняка за одного (или одну) из присутствовавших на этой скамье.

Корнелия тоже не стала защищать его чести. Просто засмеялась. Но так, что гордый трибун претория немедленно обиделся. Ненадолго. На арену выпустили очередную пару: самнита в глухом шлеме, с большим щитом и коротким мечом, и фракийца — вовсе без шлема и со щитом маленьким, почти кулачным. В реальном бою воина, экипированного таким образом, прикончили бы в первые минуты. Но здесь, в индивидуальном поединке, у него были все шансы на победу.

Противники сшиблись — и сразу отпрянули. Без повреждений. Амфитеатр разочарованно взвыл.

— Я слыхала,— Корнелия понизила голос и почти касалась губами уха Геннадия,— я слыхала, Секст тоже дрался на арене. В закрытом шлеме, конечно. И всегда побеждал. Он очень храбр.

Черепанов молчал. Он вдыхал запах девушки, чувствовал ее близость — и наслаждался этим. Плевать ему было на «храбрость» трибуна.

— Ты слышишь меня?

— Да.— Ее локон щекотал скулу Геннадия.

— А ты мог бы выйти на арену? — Она прижалась к его плечу. Она дрожала. Черт возьми! Неужели это публичное потрошительство ее возбуждает? Нужно что-то сказать... *Что-то правильное и достойное...*

Черепанов повернулся к ней, увидел ее лицо — совсем близко. Приоткрытый рот, белую пудру на гладких щеках, блестящие глаза... Ощутил ее дыхание на своих губах...

— Я не раб,— строго произнес он.— Я — воин. И военачальник. Я не убиваю, я сражаюсь. И побеждаю. Я защищаю Рим. Власть Рима. Я не потешаю его лавочников и бездельников.

За спиной Черепанова кто-то громко захлопал в ладоши. Корнелия поспешно отодвинулась. Геннадий обернулся: аплодировал сам сенатор Гордиан.

— Отлично сказано, принцепс! — похвалил он.— Но защищая *власть* Рима, не забывай, что власть *над Римом* зачастую зависит именно от этих самых лавочников и оборванцев. И не только от них...— Сенатор многозначительно повел глазами в сторону трибуна Габиния.

Трибун подпрыгивал на скамье и вопил, брызгая слюной. И был не одинок в проявлении чувств. Это Геннадий Черепанов был одинок в своем брезгливом неодобрении.

«Интересно,— подумалось ему,— если бы здесь был Аптус, на чью бы сторону он встал: мою — или этих жадных до крови „цивилизованных граждан“?»

Ответ на свой вопрос он получил на следующий день. Потому что Гонорий Плавт Аптус, примипил Одиннадцатого Клавдиева и теперь непосредственный начальник Геннадия, заявился в Рим собственной персоной.

— Сам — никогда, клянусь расположением Приапа! А вообще — одобряю! — заявил он, когда Черепанов поинтересовался его мнением по поводу гладиаторских боев и личного в них участия.— Да, черни это нравится. А еще важнее — это нравится богам Рима!

— Ты у них что, спрашивал? — ехидно осведомился Черепанов.

— Ну это же ясно! Если бы *им* не нравилось, разве *они* позволили бы такое? Но если сомневаешься — можешь спросить. Сегодня в храме Аполлона гадания — с половинной скидкой.

Черепанов хмыкнул.

— Ты зачем приехал? — спросил он.— На праздники?

— Угу. Только не на *эти*.

— А на какие?

Здоровяк-примипил хитро ухмыльнулся.

— Скоро узнаешь! — подмигнул он.— Совсем скоро...

Глава шестая,

в которой выясняется настоящий бог-покровитель «приаполюбца» Гонория Плавта

Снежно-белый бык рванулся что было сил, но вырваться не смог. Его убийца взметнул над головой окровавленный короткий меч и закричал. Крик этот был громче бычьего рева — эхо заметалось под сводами пещеры. Пламя факелов дрогнуло.

Белый бык — уже не белый, а бело-красный — захрипел, забулькал и упал на колени.

Человек с мечом разжал пальцы, выпустив бычий рог. Бык осел ему под ноги. Белая туша с алыми пятнами. Того же цвета, что и туника на быкоубийце.

Черепанова легонько толкнули в спину. Он шагнул вперед. Распахнул плащ и уронил его на камни. Он знал, что делать. Ему объяснили.

Он сделал ровно тридцать шесть шагов. Тридцать шесть ступенек. И оказался напротив быкоубийцы. Холодный воздух здесь напитался запахом крови. И запахом звериного страха.

Геннадию не было страшно, только холодно.

— ...Во имя бога, который отделил землю от неба, свет от тьмы, день от ночи, мир от хаоса, жизнь от смерти, настоящее от прошлого, клянусь хранить доверенные мне тайны...

Где-то мерно и гулко падали капли. Потрескивали факелы.

На стенной фреске квадрига[1] солнца обгоняла двойную упряжку луны.

— ...Если же я предам, да постигнет меня жестокая кара!

Быкоубийца (в маске, но его все равно ни с кем не спутаешь) взмахнул мечом. Капля крови упала на щеку Черепанова. Но чуть раньше боль ожгла его грудь. Кончик меча прочертил кровавую линию от ключиц до середины живота.

Черепанов не дрогнул. Меч быкоубийцы свистнул, и поперек первой линии легла вторая. Наискось, через сердце.

Кровь человека смешалась с кровью убитого быка.

Быкоубийца наклонился, приблизил прикрытое маской лицо к спокойному лицу неофита.

— Когда-нибудь,— пророкотал *Бегущий по солнцу* Гай Юлий Вер Максимин.— Когда-нибудь ты сделаешь это сам.

И выпрямившись, резко, во весь гигантский рост, взметнул вверх окровавленный меч.

— Именем Непобедимого посвящаю тебя, *Воин*! Митр-ра!!!

— Митр-ра!!! — взревели по-бычьи сотни глоток.

— Р-ра!.. Р-ра!.. Р-ра-а!..— подхватило эхо.

Оно еще не стихло, когда за спиной Черепанова раздался шорох босых ног — и свет на мгновение померк... Затем возник снова. Сквозь прорези серебряной маски. Ему на плечи накинули плащ. Другой. Красный плащ *Воина*. Со временем он сменит его на желтый плащ *Льва*. Со временем. Скоро. Быстрее, чем многие. Слишком быстро, по мнению тех, кто носил красный плащ годами. Это будет весной, когда Митра призовет в свое воинство Верховного Жреца Братства и новым *Отцом* станет Максимин, который и произнесет своим могучим рокочущим басом на Совете Сильных: «Не годится *Львам* ходить под *Воином*»[2].

Черепанова взяли под руки. Повели (так положено) и передали поручителям. Черепанов знал обоих. Гонорий Плавт Ап-

---

[1] Квадрига — колесница, запряженная четверкой лошадей.

[2] В культе Митры было семь ступеней: ворон, жених, воин, лев, перс, бегущий по солнцу, отец. Ступени характеризовались различными символами и были подчинены различным богам-покровителям и планетам: Меркурию, Венере, Марсу, Юпитеру, Луне, Солнцу и Сатурну. Культ этот довольно распространен и доступен, хотя допускались к нему исключительно мужчины. Воинское же братство митраитов было тайной, внутренней частью общей системы. Некоторую аналогию можно провести с христианскими Орденами, возникшими спустя несколько веков внутри христианской Церкви.

тус, *Лев*. И *Перс* Маний Митрил Скорпион, praefectus castrorum[1] Первого Фракийского легиона. Если Черепанов преступит клятву Братства Митры Непобедимого, они будут отвечать наравне с преступником. Таков закон Братства.

Черепанов не подал виду, что знает своих поручителей. Они были старшие. А по закону Братства младшие старших знать не должны. Для младших Небесный Отец-Митра еще не возжег свет Солнца. Они все еще пребывают во тьме. Но им уже ведомо, что Митра — есть. И Солнце — есть. И посмертие — тоже есть. Для воинов. Но иных в *воинском* Братстве не было.

Поручители расскажут неофиту, что есть и чего нет. И научат его тайным знакам. И ритуалам. И подскажут, кого из почитаемых римских богов выбрать в качестве *внешнего* покровителя. И один из его поручителей будет горячо и настойчиво рекомендовать покровителя богатства и удачи Приапа, а второй — великолепного в ярости Марса-Мстителя. Тем более что именно Марс — бог-покровитель ступени Воина.

Но Черепанов выберет того, кто более других подходит его теперешнему существу. Двуликого бога Врат и Границ Януса.

Максимин и Плавт покинут Рим сразу же после окончания мистерий. По льду, сковавшему Дунай и Рейн, варварам совсем легко перебираться на римский берег.

Вместе с Максимином из Вечного города в Паннонию уйдут две когорты преторианцев, в одной из которых трибуном благородный Секст Габиний.

А Черепанову командующий Максимин «подарит» трехнедельный отпуск, дабы будущий принцепс-кентурион проникся величием Вечного Рима и осознал, какую державу ему доверено защищать.

А Геннадий «проникался». Весьма активно. И большую часть времени проводил в доме Гордиана.

Патриций великодушно разрешил Черепанову пользоваться своей библиотекой, одной из лучших в Риме. И регулярно приглашал Геннадия на пирушки, кои устраивал ежевечерне, даже если сам появлялся уже под занавес: возложенные на Гордиана

[1] Praefectus castrorum *(лат.)* — префект лагеря.

императором обязанности претора[1] отнимали у сенатора довольно много времени.

За три недели Черепанов перезнакомился с дюжиной сенаторов, полусотней наиболее известных писателей и философов. Знакомились с ним охотно: Геннадий сам считался «интересной» персоной. Но слава приходит и уходит, а полезные связи остаются. Черепанов это прекрасно понимал. Но отдавал себе отчет, что приходит в дом Габиния не столько ради свитков папируса и перспективных знакомств, сколько ради возможности вновь встретиться с Корнелией. И общество сенаторов и философов — лишь досадная помеха на этих встречах. Геннадий старался скрыть от общества эту простую истину. Потому что предполагал, что Антонин Антоний Гордиан может и не одобрить явные устремления Черепанова и отказать тому от дома.

И лишь однажды, перед самым отъездом Геннадия, ему удалось побыть с Корнелией наедине. Совсем недолго. И тогда они почти ничего не сказали друг другу. Почти ничего *действительно* важного...

Глава седьмая

Девятьсот восемьдесят седьмой год[2]. Март. Провинция Нижняя Мезия. Зимний лагерь одиннадцатого легиона

В принципии — штабе Одиннадцатого легиона — собрались старшие офицеры.

После положенных процедур, отдав должное богам, аквиле и императору, легат Одиннадцатого Дидий Цейоний Метелл, сравнительно молодой, но уже изрядно облысевший и разжиревший, милостиво кивнул своему датиклавию — мол, начинай.

Трибун Деменций Зима, в жилах которого, несмотря на белый «сенаторский» шарф, не было ни капли благородной крови, деловито раскатал свиток с докладом и кивнул бенефектарию: подними карту.

---

[1] Претор — городской судья. Должность весьма значительная и уважаемая.

[2] От основания Рима, что соответствует 234 г. от Р. Х.

— У нас есть достоверные сведения,— заявил Зима,— что войска варваров, скопившиеся у устья Борисфена[1], намерены, не дожидаясь осени, вторгнуться в земли империи.

— Те самые варвары, которые прошлой осенью безобразничали в Питиунте[2],— уточнил примипил Одиннадцатого Гонорий Плавт.

— Те самые. Поскольку не все присутствующие знают, что было прошлой осенью, я — с позволения легата Цейония (тот милостиво кивнул) — напомню вкратце. В прошлом году мы, опираясь на сведения, полученные от наших информаторов, ожидали вторжения здесь, в Мезии, около середины октября. Однако позже нам донесли, что у готовившихся ко вторжению скифов, большей частью состоявших из германцев, готов и герулов, вышла свара с другими скифами, вероятно, аланами. И мы предположили, что вторжения не будет. Но позже опять поступили известия, что объединенное войско германцев вступило в союз с боранами и на их кораблях намеревается напасть на западное побережье Понта. Наместник Клавдий от имени императора велел префекту Понтийского флота постоянно патрулировать от устья Борисфена до Истрии. Двенадцать квинкверем и трирем и еще тридцать меньших судов держали западное побережье до самых ноябрьских штормов. А потом мы узнали, что скифы, как это у них часто бывает, передумали нападать на нашу провинцию, сушей дошли до берегов Меотиды[3].— Трибун тонким кавалерийским хлыстом показал на карте, как именно двигались варвары.— А оттуда, уже морем, проскочили к Питиунту и разграбили его. А у нас так и не появились.

— И слава богам,— проворчал Аптус на ухо Черепанову.— Прошлой осенью нам и без них хватило.

— Насколько велико войско скифов? — спросил префект лагеря Одиннадцатого Децим Флор. С ним Черепанов встретился в тот день, когда впервые увидел Максимина. Так что Децим Флор вполне мог считаться его старым знакомым.

— Наш человек доносит: более пяти тысяч скифов,— ответил Зима.— На сей раз они намерены дойти до Фасиса[4], а то и до Трапезунда.

---

[1] Борисфен — Днепр.

[2] Питиунт — совр. Пицунда.

[3] Метиодита — Азовское море.

[4] Фасис — ныне Рион.

— Тогда стоит ли нам беспокоиться? — удивился легат Цейоний.— Это дело тех, кто стоит в Лазике[1] и Понте[2].

— Совершенно верно,— поддакнул Деменций Зима.— Я тоже полагаю, что в этом году наиболее беспокойной частью границы будет берег Данубия, а не Понта. Но обращаю внимание легата, что морской флот оттянется вон туда.— Трибун провел по карте концом хлыста.— Следовательно, по моему мнению, следует несколько усилить гарнизоны в прибрежных городах Мезии и Фракии: на случай мелких набегов. Я уже связался с наместником Марком Аврелием Клавдием: просил составить списки — куда и сколько человек надо направить. Часть судов Данубийской флотилии я предлагаю держать здесь, в Эске[3], поблизости от нашего постоянного лагеря, чтобы можно было быстро перебросить пару когорт, если возникнет такая необходимость. Таким образом, силами нашего Одиннадцатого легиона мы сможем прикрыть почти все побережье Истра, Седьмой Клавдиев будет стоять пятьюдесятью милями восточнее Адрианополя[4] и прикроет фракийскую часть побережья, так что это тоже не наша забота. У меня все.

Трибун-латиклавий сел.

Цейоний откашлялся.

— Дельно,— заявил он.— Трибун Деменций проделал неплохую работу. Я немедленно представлю доклад на одобрение Августу. Кто еще хочет что-то добавить? — Легат оглядел своих офицеров.

— Что-то мне во всем этом не нравится,— проговорил Черепанов, наклонившись к Плавту.

— Перестань,— прошептал в ответ старший кентурион.— Мы работали над этим вместе с Деменцием. И с наместником Клавдием все обсудили. И Максимин тоже одобрил. Брось! Это дело решенное.

— Примипил Плавт! — недовольно произнес легат.— Если хочешь что-то сказать — скажи нам всем.

---

[1] Лазика — государство в западной Грузии. Протекторат Рима.

[2] Здесь «Понт» — не Черное море (Понт Эвксинский), а римская провинция, примыкающая к Южному берегу Черного моря.

[3] Эск — город на побережье Дуная.

[4] Адрианополь — современный г. Эдирне в Турции.

— Я полностью одобряю все сказанное! — отчеканил Гонорий.

— Тогда, значит, у принцепса Геннадия есть какие-то сомнения в *нашем* плане?

Черепанов встал.

— Да, есть,— сказал он.

— Дурак,— пробормотал Плавт.

Взгляды офицеров обратились к подполковнику. В большинстве не слишком дружелюбные.

Стремительная карьера Черепанова не прибавила ему доброжелателей.

— Против чего же ты возражаешь, *принцепс*? — несколько иронически осведомился Цейоний.

— Это не возражения,— уточнил Черепанов.— Некоторые сомнения. У меня вопрос к достойному трибуну-латиклавию. Насколько я понимаю, уверенность в том, что скифы нападут на восточные области Понтийского побережья, основывается на донесениях наших скифских осведомителей?

— Да,— кивнул Деменций.— Именно так.

В отличие от многих других, Деменций Зима относился в Черепанову с явной симпатией. И Черепанов догадывался почему. Маска скрывает лицо участника мистерии, но фигуру, голос, походку не спрячешь.

— Те ли это информаторы, которые прошлой осенью доносили, что скифы намерены напасть на западное побережье? — спросил Геннадий.

— Да,— кивнул Зима.— Но не думаю, что это основание им не доверять. Личный агент наместника Клавдия — приближенный одного из скифских риксов. И от него уже не единожды поступали верные и крайне полезные сведения. Прошлогодняя его ошибка, как мы теперь знаем, вызвана тем, что из-за внутренних столкновений скифы потеряли время и вынуждены были отказаться от прежнего намерения.

— Это — объяснение самого агента?

— Насколько мне известно — да.

Геннадий, выросший в мире, где перевербовка шпиона с целью «слива» дезинформации — обычное дело, не стал бы безоглядно доверять даже самым лучшим агентам. И он как раз собирался об этом сказать, когда вмешался Деций Флор.

— Принцепс! Стратегия — не твое дело. Твое дело — твои легионеры.

— Пусть говорит! — вступился за друга Плавт.— Я знаю Черепа: он просто так болтать не станет.

— Я согласен с Гонорием,— тут же поддержал Деменций Зима.— К чему ты клонишь, кентурион?

— Мне кажется,— Черепанов говорил медленно, тщательно выговаривая слова, хотя его латынь за полгода значительно улучшилась.— Мне кажется, основываясь исключительно на информации агента, уже однажды оказавшейся ошибочной, мы серьезно рискуем. Насколько я понимаю, на основании этой информации мы практически полностью оголяем западное побережье. Ушедший флот не будет прикрывать его с моря, так что останутся только гарнизоны в городах. Возможно, крупные города они и сумеют защитить, но не прилегающие к ним земли. Если сколько-нибудь значительное войско варваров, пусть не десять тысяч, а впятеро, вдесятеро меньше, высадится в Мезии,— нам понадобится довольно много времени, чтобы перебросить войска. Даже если под рукой будут корабли Данубийской флотилии. И в аналогичной ситуации окажется Седьмой легион, дислоцирующийся почти в центре провинции.

— Разумное суждение,— одобрительно кивнул Зима.— Но ты ошибаешься. Информация агента косвенно подтверждается донесениями наших купцов. Это раз. Кроме того, надо учитывать психологию варваров. Они — как волки. Приходят туда, где уже взяли хорошую добычу, и избегают мест, где им подпалили хвосты. В прошлый раз, когда они вторглись в Мезию, их стерли в труху. Они ведь и в прошлом году, насколько нам известно, вынашивали планы нападения именно с этой стороны. Но — не посмели. А на северном побережье, в Питиунте, им здорово повезло. Поверь, Череп, мы неплохо знаем варваров. Они пойдут на восток.

— А если мы все-таки ошибаемся? Я бы предложил оставить вот здесь,— Черепанов показал на карте,— мобильную группу тысячи в полторы.

— И что это изменит? Если случится чудо, и десять тысяч варваров ворвутся в Мезию, пара когорт все равно не сможет их остановить!

— Но связать — сможет! — возразил Геннадий.— Кроме того, насколько мне известно, варвары обычно лишь в начале вторжений действуют совместно, а после первых побед склонны разделяться на меньшие отряды.

— И кто же поделился с тобой этими ценными сведениями, принцепс? — скептически осведомился префект Децим Флор.

— Архивы,— ответил Черепанов.— Я просмотрел копии докладов и донесений за последние десять лет.

При упоминании архивов легат Цейоний зевнул.

— Принцепс, мы тебя выслушали,— сказал он.— Благодарю.

— Можно мне сказать, превосходный Цейоний? — произнес Плавт.

— Говори.

— Я полагаю, к словам принцепса Черепа стоит прислушаться! Хочу напомнить: еще недавно принцепс был риксом варваров (Черепанов мысленно поморщился — опять «варвар»), и кому, как не ему, знать ход мысли варваров. Я ничуть не сомневаюсь в правильности предложенного латиклавием Зимой. И не сомневаюсь в выводах, которые им сделаны. Но обращаю внимание на тот факт, что наличие усиленной когорты в указанной области действительно обезопасит побережье. И, с другой стороны, отсутствие одной когорты не ослабит нашего легиона. Так что у меня есть предложение: поручить Геннадию Павлу свободное патрулирование западного побережья в пределах провинции Мезия. Предоставить в его распоряжение, кроме его собственной двойной кентурии, смешанную[1] когорту, набранную из состава легиона. Думаю, этого будет достаточно, чтобы пресечь возможные *мелкие* набеги варваров. Лично мне будет спокойнее, если я буду знать, что на случай неожиданностей у нас окажется здесь подразделение Геннадия Павла. Принцепс уже доказал, что умеет появляться в нужное время в нужных местах. Думаю, удача ему и впредь не изменит.

Легат наморщил лоб. Он был в затруднении. Он всегда оказывался в затруднении, когда требовалось пошевелить мозгами. Правда, время от времени он вспоминал, что он командует легионом. И должен отдавать приказы. И тогда — горе его легионерам.

Сейчас, впрочем, Цейоний Метелл решений принимать не стал, а с надеждой поглядел на трибуна-латиклавия.

— А что,— изрек Деменций Зима.— Мысль неплохая. Только я думаю, что сотни катафрактариев будет маловато. Предла-

[1] Смешанным называлось подразделение, в которое входили одновременно пехота и конница. Иногда в подобном подразделении пехоту, для ускорения передвижения, тоже сажали на коней.

гаю усилить смешанную когорту двумя-тремя алами легкой конницы. Армянской или нумидийской. Как считаешь, Флор?

Префект лагеря Деций Флор пожал широкими плечами:

— На твое усмотрение. Если ты согласен с Аптусом, не стану с вами спорить.

Он придерживался принципа: поддержи своих — и они поддержат тебя. Черепанов не был для него *своим*, зато Аптус и Зима — были.

— У кого еще есть предложения? Возражения? — осведомился Дидий Цейоний Метелл.

Предложений не было. Коли трое старших (после легата) офицеров высказались «за», то какие могут быть возражения?

Остальные присутствующие сочли за лучшее промолчать. В римской армии было не принято оспаривать решения старших. Если это не касалось денег. И если в списке предков не было пары-тройки консулов.

— Предлагаю тебе, принцепс, использовать личный состав второй когорты. Все равно ее следует доукомплектовать,— сказал Деменций Зима.— Там после прошлогодней баталии только два кентуриона осталось.

Цейоний Метелл глянул на своего латиклавия с неодобрением. Максимин уже объявил во всеуслышание, что считает легата Одиннадцатого главным виновником прошлогодних потерь. Раз командующий так считает, значит, так оно и есть. Но зачем Деменций лишний раз напоминает об этом? Нетактично.

— Значит, решено,— быстро сказал легат.— Принцепс Геннадий, ты понял, что от тебя требуется?

— Так точно!

— Писарь, составь приказ и дай мне на подпись. Что у нас дальше, Деменций?

— Телеги, превосходный. Для летней кампании нам требуется еще сто восемьдесят повозок. А канцелярия наместника...

Черепанов не слушал. Это был не его вопрос. Зато он уже знал, с чего начнет доукомплектование второй когорты. С перевода своей старой кентурии из Первого Фракийского сюда, в Одиннадцатый. Ему нужны надежные, проверенные парни на «сержантских» должностях. Те, на кого он может положиться. Тем более, что он однажды обещал Гаю Ингенсу, что сделает его кентурионом, а обещания надо держать.

Глава восьмая

Гонец

Они высадились в разгар праздника Флоралий[1]. Когда жители большинства римских провинций, прекратив работу, радовали себя и богиню плясками, подарками и карнавальными шествиями. Когда железная хватка римской дисциплины ослабела, и десятки тысяч легионеров по всей бескрайней империи на несколько дней перестали быть *армией*, а превратились в обычных мужчин, свободных, радующихся жизни, разомлевших и безмятежных. Когда... Они высадились, когда их не ждали. Там, где их не ждали...

Командир мобильного подразделения принцепс Одиннадцатого легиона Геннадий Павел Череп, тоже разомлевший и безмятежный, лежал в своей командирской палатке на охапках свежих цветов, а юная грация, вся одежда которой состояла из кожаной карнавальной полумаски, амазонкой оседлав кентуриона, втирала благовонное масло в его мускулистую спину. Так было принято. Веселиться и осыпать друг друга цветами. И кувыркаться на цветочных «постелях» с темпераментными поселянками. И бросать венки в воду. И многое другое, безусловно приятное. Так что даже не слишком потакавший многочисленным религиозным отправлениям (снижающим, по его глубокому убеждению, боеспособность армии) Черепанов в этот праздник разрешил своим ребятам оттянуться по полной. И сам тоже слегка расслабился. В конце концов, все мы — люди...

Прекрасное настроение принцепса Геннадия объяснялось не только праздником, но и тем, что вчера он получил очередное письмо от Корнелии.

Дочь сенатора Гордиана прислала стихи, написанные ее отцом перед отбытием в Африку. Император направлял Антонина Антония легатом в эту провинцию. Стихи были, на вкус Черепанова, весьма посредственны. А вот само письмо, где в канву светских сплетен Великого города вплеталась грустно-лирическая нотка воспоминаний о кратких встречах с «храбрым Геннадием Павлом», возбудило в душе «храброго» принцепса трепет, весьма не-

[1] Флоралий — праздник-карнавал в честь богини Флоры (28 апреля—3 мая).

ожиданный для столь солидного мужчины. Особенно же приписка о том, что Корнелия будет просить богов, чтобы в ближайшем будущем пути «храброго Геннадия» и Корнелии Просты непременно пересеклись, а встречи не были столь мимолетны.

Холодный разум Черепанова утверждал, что это лишь слова юной и романтичной девушки, и увлекший ее образ «храброго Геннадия», спасшего ее от варваров,— всего лишь романтический образ, весьма слабо соответствующий настоящему Геннадию Черепанову. Холодный разум говорил: у юной и романтичной девушки есть взрослый и совсем не романтичный папа, искушенный и хитроумный политик, кичащийся собственной благородной кровью... Который так удачно отбыл на другой континент.

И подполковник велел «холодному разуму» заткнуться. Потому что если он, Геннадий Черепанов, стремился к настоящей цели, то он этой цели непременно достигал. Всегда. Ну, почти всегда...

Пропыленный, воняющий лошадиным потом гонец ввалился в палатку, давя калигами пахучие полевые цветы.

«Поселянка», младшая дочь хозяина здешних виноградников, пискнула, когда Черепанов, мгновенно перевернувшись, сбросил ее на благоухающий «ковер».

— Какого?..— начал он. И осекся.— Где? — быстро спросил он.

— У Тумоса,— хрипло ответил гонец.— Я от префекта Маркиополя.

— Что Маркиополь?

— Удержимся. Их тысяч пять. Кораблей полтораста. Мы удержимся. Тумос — вряд ли.

— Та-ак...— протянул Черепанов, поймал жадный взгляд, брошенный гонцом на кувшин с разбавленным вином, разрешил: — Глотни.

Дочка поселянина-виноградаря (годовой доход впятеро больше годового жалованья принцепса вместе с «премиальными») накинула тунику и взялась заплетать сандалии. К смуглым ножкам прилипли белые цветочные лепестки.

— Кто? — спросил Черепанов.

Гонец оторвался от кувшина, обтер губы ладонью.

— Готы,— сказал он.— В основном. Еще герулы и бораны. Это их корабли. Еще карпы. Вроде бы. Сутки скакал. Полтораста миль. Нас троих послали, но я — первый.

— Тебя наградят,— обещал Черепанов.

Два месяца он гонял и муштровал своих легионеров, выжимая из них все, чтобы «к началу сезона» сделать из сборной солянки единую «команду». И добился своего. Все части врученного ему боевого «механизма» работали почти безупречно.

Конники-ауксиларии Трогуса: безбашенные галлы и косматые суровые армянские лучники.

Безукоризненно вышколенные фракийцы-катафрактарии субпрефекта Теренкия.

Неутомимые и неустрашимые легионеры Гая Ингенса.

Все.

В постоянной боевой готовности.

И вот теперь, когда Черепанов позволил своим командирам на время приотпустить вожжи, долгожданные варвары — тут как тут.

Вернее, не тут, а там.

Высадившиеся примерно в сорока милях от Маркиополя, у небольшого приморского городка Тумоса, варвары были именно «там», а не «тут». В максимальном удалении от главных лагерей римских легионов. Словно специально рассчитали. И в двух днях форсированного марша от мобильной группы Черепанова. Плюс еще один день, который потребуется, чтобы собрать и привести черепановских солдат в боевую готовность.

— Мой префект будет посылать вестников ежедневно,— сказал гонец.— Если Маркиополь не обложат.

«И если гонцов не перехватят»,— добавил про себя Черепанов.

— Иди отдыхай,— велел он гонцу.— Я тебя еще расспрошу. Попозже.— И, повысив голос, чтобы услышала охрана у палатки: — Эй, там! Первого кентуриона Ингенса и субпрефектов Трогуса и Теренкия — ко мне! Немедленно!

Ауксиларии Трогуса выступили через пять часов. Некоторых всадников изрядно мотало в седлах. Но на собственных ногах они и вовсе не удержались бы. Ничего, по дороге отрезвеют.

Основные силы выступили только на следующее утро. Что было крайне прискорбно: за день до Флоралий усиленной когорте Черепанова потребовалось бы не более двух часов, чтобы свернуть лагерь и построиться в маршевую колонну.

Черепанов мрачно оглядел свое почти тысячное войско.

Впереди — молодцеватые катафрактарии по «парфянскому образцу», в сверкающем «железе» от макушки до лошадиных

бабок, гордо восседали на могучих конях. За ними — пехотинцы, располагавшиеся в седлах, «как коза на изгороди», по образному определению Максимина Фракийца. То есть примерно так, как с полгода назад — сам Черепанов. Но с точки зрения боеспособности это не имело значения. Геннадий усадил их на коней исключительно для скорости передвижения. Драться они все равно будут пешими. Что-что, а драться они умеют. Почти тысяча молодцов, отлично знающих, как прикончить врага...

И все-таки Черепанов никак не мог избавиться от скверного чувства, что ведет этих парней на смерть. Пять тысяч варваров...

Глава девятая

Ночной бой

— Говорит, здесь остались только гепиды,— сообщил переводчик, маленький лысый грек.— Только гепиды. Остальные ушли. Частью — на кораблях, частью так. Пешком.

— Спроси его: почему они остались? — велел Черепанов.

Пленник, весь в крови и поту, что-то пробормотал. На командира римлян он старался не смотреть. И на палачей — тоже. Его единственный уцелевший глаз, щелочка в сплошной красно-черной влажной корке, неотрывно глядел на пожухлый пучок прошлогодней травы. Он неплохо держался, этот германец. Допросчикам потребовалось почти три часа, чтобы его разговорить.

— Остались потому, что не захотели идти за вождем-гревтунгом,— перевел толмач.

— Чем же плох вождь-гревтунг?

— Не гепид.

Коротко и ясно.

— За что я люблю варваров,— проговорил Черепанов, поворачиваясь к Трогусу,— так это за их единство.

Командир армянской и галльской конницы расхохотался.

Истерзанный гепид глядел на них, и в его расширенных зрачках плескался животный ужас.

— Что, принцепс, этого хватит или еще одного германца приволочь? — деловито спросил Лупий Ингенс, младший из братьев.

— Да вроде все ясно,— сказал Черепанов.— Шесть десятков варваров — под стенами и еще около сотни шастает по окрестностям. Этими пусть потом префект Маркиополя занимается. Хватит ему за стенами, отсиживаться. А осаждающим мы завтра устроим праздник Марса-Мстителя.

Перед его мысленным взором возникла бухточка, набитая маленькими германскими кораблями, пестрый лагерь под стенами старенькой, изрядно обветшавшей крепости, в которую набилось человек пятьсот: все население городишки Тумоса.

— Завтра? — переспросил Трогус.— Лучше с рассветом. А то как бы они этого (кивок на истерзанного гепида) не хватились. Выставят дозоры. Или сядут на свои лоханки — и прощай-не горюй!

— С утра, говоришь? А ведь и верно.— Геннадий усмехнулся.— Зачем откладывать до утра то, что можно сделать прямо сейчас? Почему бы нам не устроить им ночной карнавал? В честь Сатурналий?

— Так темно же! — огласил очевидную истину Ингенс-старший, первый кентурион.

— Не боись! — усмехнулся Черепанов.— Мы сделаем подсветку!

Первый горшок с маслом ухнул о палубу варварского корабля примерно в семь часов ночи по римскому времени[1]. В начале третьей стражи. Следующий угодил в воду. Но третий тоже попал. Стража на кораблях заорала. В гепидском лагере, расположившемся неподалеку, тоже заорали. Следующий горшок упал уже в самом лагере. Три машины Черепанова метали снаряды навесом, без «пристрелки», зато не по конкретным целям, а по «площадям».

— Ну хватит,— крикнул Черепанов, когда к варварам переправилось около тонны масла.— Трогус! Давай своих стрелков.

Это очень красиво, когда в воздух взмывает одновременно несколько сотен зажигательных стрел. А потом еще несколько сотен. Но крайне неприятно, когда эти стрелы падают тебе на голову. И когда облитые маслицем палубы вспыхивают, как порох.

Куда эффективней и безопасней внезапного нападения, на котором настаивал Луций Ингенс. Потому что резать спящих можно, только оказавшись с ними рядом. А забрасывать врагов

[1] Римляне делили сутки на 24 части — двенадцать дневных частей и двенадцать ночных. Продолжительность каждого часа зависела от соотношения светлого и темного времени суток.

стрелами можно издалека. И это очень удобно делать, когда ты находишься сверху и тебя не видно, а те, в кого ты стреляешь,— внизу. И прекрасно освещены.

Как выяснилось, одна из первых стрел досталась гепидскому риксу. Но скорее всего, общая дезорганизованность противника была связана не с гибелью вождя, а с самим характером варваров. Когда скученные борт к борту корабли превратились в один большой костер, а в самом лагере загорелась пара-тройка шатров, гепиды поняли, что дело пахнет жареным. Жареным гепидом. И бросились наверх, туда, откуда летели стрелы. Но, к их сожалению, карабкаться ночью по крутым склонам было сложновато, а удобная дорога наверх вела мимо крепости. С другой стороны, займи гепиды крепость, они вполне могли бы отсидеться...

Но в крепости тоже мух не ловили, а пустили в дело все свои ресурсы и резервы: и камешки, и кипяток, и смолу.

Черепанов потерял шестерых — десятка три гепидов все же вскарабкались наверх и сумели поработать копьями, пока их не прикончили.

Защитники крепостцы потеряли больше. Но были безумно счастливы, что сумели удержаться. А вот многие черепановские легионеры были очень недовольны именно тем, что крепость удержалась. В отличие от Черепанова, они предпочли бы, чтоб варвары *взяли* крепость. Потому что тогда все добытое в крепости варварами стало бы законной добычей легионеров.

Отлавливать тех германцев, которые сумели избежать ночной резни, Черепанов не стал. Послал гонца с письмом в Маркиополь. В Маркиополе — усиленный гарнизон, почти триста человек. С отловом мелких банд они сами управятся. А ему надо поспешить за остальными варварами, коих оставалось на римской земле немало. Почти две с половиной тысячи. На сей раз это было точное число, полученное на основании допросов нескольких пленных. Что ж, две с половиной тысячи — это в два раза меньше, чем пять. И всего лишь в два с небольшим раза больше, чем воинов Черепанова. А если и впредь на одного погибшего римлянина будет приходиться сотня германцев...

На этот раз они опоздали. Хотя могли бы успеть. И все могло быть не так скверно, но варвары оказались умнее, чем хоте-

лось бы. А командующий городским гарнизоном глупее. Поэтому, когда он увидел, как с трех дюжин боранских кораблей высаживается не больше пяти сотен скифов, префект решил, что со своей когортой сделает из них отбивную. А может, его спровоцировало, что варвары с ходу начали резать рыбаков... Так или иначе, но спросить его было уже нельзя. Как только гарнизон вышел из укрепления и отошел достаточно далеко, две тысячи варваров, подошедших сушей, подошедших скрытно, вопреки своей обычной привычке, возникли на поле боя и отрезали городскую когорту от крепости. Возможно, будь на месте городских легионеры Черепанова, они бы сумели прорваться. Но городским не хватило выучки. Или ярости. Их взяли в кольцо и перебили. Город сдался сам. В обмен на жизни жителей. И, как ни странно, горожанам позволили уйти. Правда, потом многих догнали и перебили. Но это случилось позже. Когда опьяненные успехом варвары рассыпались на мелкие отряды и принялись бить, грабить и жечь все, что подворачивалось под руку.

Как раз за этим благородным занятием их и застали черепановские легионеры. И над тлеющими руинами выросли диковинные «растения», состоявшие из пары вкопанных в землю и сколоченных крест-накрест брусьев, с которых свисало то, что совсем недавно было свирепым бородатым воином. Хотя на кресте оказывались немногие. Большинство до креста не доживало. Дрались варвары беспощадно и яростно. Римляне — тоже. Черепанов не щадил никого. Он лично руководил допросами пленных. Ни вопли, ни вонь паленого мяса его не смущали. За эти дни он досыта нагляделся на смерть. Вблизи. На сожженные фермы. На заколотых, сгоревших, изнасилованных. Женщин, стариков, детей.

Варвары пытали крестьян, чтобы узнать, где спрятаны деньги, куда угнали скот. Черепанов пытал варваров, чтобы узнать, куда направились их сородичи, сколько их и какие у них планы. Чтобы успеть эти планы пресечь. И успевал. Почти всегда. Почти, потому что не хотел дробить силы и терять людей. И буквально на второй день он уже знал расположение всех шаек. И их намерения.

Он отлавливал их и громил поодиночке. Сначала самые крупные, потом помельче. Он атаковал внезапно и сокрушительно. Не позволял уйти ни одному врагу. Поэтому варвары далеко не сразу узнали, что их убивают. Догадались, когда начали натыкаться на кресты со своими соплеменниками. Но поздно. Их было слишком мало для успешного сопротивления, даже если бы

они сумели собраться вместе. А Черепанов не дал им времени на сбор. Мелкие шайки уничтожали ауксиларии. Те, что покрупнее,— пехота. Это было увлекательное дело: отлавливать и убивать убийц. И Черепанов увлекся. И забыл, что совсем недавно войско этих же варваров ухитрилось пройти семьдесят с лишним миль по вражеской территории, ничего не запалив и не раскурочив, *обходя* населенные пункты и при этом контролируя дорогу и отлавливая всех, кто хоть сколько-нибудь напоминал вестника. Факт, который Черепанов просто не имел права упускать из виду, потому что это было действие, разительно не типичное, совершенно невероятное с точки зрения обычной «отмороженной» варварской тактики. А это означало, что у варваров имеется вождь, который способен действовать неординарно. И Геннадий был просто *обязан* пошевелить мозгами и учесть, что такой неординарный вождь может выкинуть еще какой-нибудь финт. Черепанов, изучивший и проанализировавший на основании архивных данных все варианты классической варварской стратегии, должен был заподозрить неладное, когда столкнулся с внезапным превращением продуманной тактики в безалаберный грабеж. Но не заподозрил ничего. Наверное, потому, что подсознательно расслабился, когда обнаружил, что наконец-то поведение варваров стало типичным: опьяненное успехом скифское войско наконец-то рассыпалось на множество мелких отрядов, выискивающих добычу пожирнее и побеззащитнее, а часть варваров и вовсе отбыла домой, удовольствовавшись уже награбленным. И потому вместо двух с половиной тысяч сплоченных головорезов, которым вполне под силу разгромить черепановскую когорту в открытом бою, легионерам Геннадия пришлось иметь дело с сотней разбойничьих шаек. Шаек, которые можно переловить поодиночке и передавить, как хозяин дома давит вытряхнутых из коробки с мукой тараканов.

Черепанов увлекся. И пять дней занимался зачисткой местности. А на шестой, когда он уже готов был писать победный рапорт примипилу Гонорию, подполковнику доложили, что некие рыбаки видели некие *не римские* корабли, двигавшиеся в сторону Адрианополя. И тогда Черепанов — впервые за эту неделю — выругался по-русски.

И наконец подключил мозги.

И моментально нашел свидетелей того, что часть варваров, сев на корабли и погрузив свою долю трофеев, отбыла не в север-

ном, а в *южном* направлении. И корабли эти, следующие в *южном* направлении, видели с берега очень многие. А следовательно, версия о том, что варвары отбыли домой, удовлетворенные размерами добычи, совершенно несостоятельна. Потому что дом варваров находился в прямо противоположном направлении.

Глава десятая

Цекула

Они высадились в небольшой бухте. Вдалеке от римских селений. Так же скрытно, как и раньше, прошли почти сотню миль по не такой уж малонаселенной территории Нижней Мезии. А затем неожиданно появились прямо у ворот города Цекулы.

Но тут им не повезло. Стража все-таки успела запереть ворота. А ворота у Цекулы были крепкие. И стены тоже. И гарнизон — четыреста солдат плюс столько же вигилов. А варваров было около тысячи. И никаких осадных машин. Тут бы им, разграбив предместья и окрестные усадьбы, и убраться восвояси. Однако они не убрались. Более того, эти разбойники, о которых было доподлинно известно, что они не способны к планомерной осаде и если уж прорвутся в какое-нибудь укрепление, то лишь с ходу, нахрапом, или обманом, неожиданно проявили просто римское хитроумие и обрушили часть городской стены. И взяли Цекулу, можно сказать, тепленькой. Поскольку ошеломленные подобным оборотом гарнизон и ополчение оборонялись крайне неорганизованно.

Далее события развивались еще более неординарно. Потому что, взяв город, германцы, вместо того чтобы, как это принято у варваров, неделю веселиться и праздновать, истребляя жителей и припасы, быстренько, практически без резни, за три дня обчистили его, напрягли население, заставив изготовить семьдесят пять «типовых» варварских фургонов, конфисковали всех лошадей в округе, часть которых запрягли в фургоны, остальных взяли под седло и уже на четвертый день двинулись в обратный путь.

Выступи они хотя бы на день раньше — ушли бы. Но этот единственный день стал для них роковым.

Ала ауксилариев Трогуса, спешно посланная Черепановым на помощь Цекуле (пока подойдут основные силы), обнаружив разо-

ренный город и полное отсутствие в нем варваров, не стала дожидаться подмоги, а устремилась по горячим следам и буквально на следующий день настигла банду. И тут Трогус проявил себя настоящим командиром: показал, что он не только храбр, но и разумен.

Бросься он в бой со своими тремястами всадниками — и тысяча германцев стерла бы его кавалеристов в порошок. Единственная легкая ала была не в состоянии причинить германцам сколько-нибудь серьезного ущерба. Тем более что при первой же угрозе варвары перестроились. Теперь они двигались двумя уступами, так, чтобы ехавший впереди фургон защищал упряжку следующего за ним. Фронт образованного построения прикрыли, развернув головные фургоны «задом наперед», вернее, приспособив упряжки так, чтобы те не тянули повозки, а толкали их перед собой. Это существенно уменьшило скорость германского войска, но зато варвары смогли продолжать движение, игнорируя вертевшихся поблизости конных стрелков. Те, впрочем, быстро сообразили, что обстреливать фургоны издалека — попусту тратить стрелы. А подобраться поближе ауксилярии не рисковали. У варваров тоже были кони. И луки. И даже парочка захваченных в городке римских карабаллист.

Да, серьезного вреда Трогус причинить им не мог. Но он заставил германцев все время «держать» боевое построение. И постоянно чинил им мелкие пакости: вроде зажигательных стрел и беспокоящих ночных наскоков. И пресекал попытки противника высылать дозоры и выставлять боевое охранение. Ауксилярии хоть и числились вспомогательными, но были отличными бойцами. Особенно армяне, которые воевали с Максимином еще в Мидии и в совершенстве освоили тактику персидской легкой конницы: «укусил-отскочил!» Германские конники не могли с ними разделаться. Пару раз армянам, весьма ловким в обращении с арканами, удавалось даже сдернуть и уволочь германца. А потом подкинуть варварам то, что от него осталось. Трогус рассчитывал вызвать противника на более активные действия, но германцы на провокацию не поддавались: продолжали двигаться под защитой повозок.

Подобная «волчья» тактика обходилась Трогусу недешево. За три дня ала потеряла убитыми и ранеными более семидесяти человек. Потери германцев были втрое меньше: они были не в чистом поле, а под прикрытием возов. Но зато их скорость снизилась раз в шесть. И за три дня они одолели не больше сорока

миль. А на четвертый день увидели основные силы римлян. Плотные шеренги с «развернутыми знаменами». Любой человек с хорошим зрением и разбиравшийся в римских штандартах без труда подсчитал бы, что имеет дело как минимум с полной когортой. Зрение у варваров было отличное, и считать (в этих пределах) они тоже умели. Но разворачивать фургоны «фортом» не стали. Уж больно место было неудобное — лощина между двумя холмами с мелкой речушкой посередине. Зато дальше, до самого моря, тянулись фруктовые сады, а до бухточки, где остались корабли,— меньше десяти миль. Вероятно, поэтому германцы даже не остановились для боя. Их предводитель не без оснований опасался, как бы римляне первыми не добрались до кораблей. Конечно, при кораблях оставалась охрана, но против полной когорты она не устоит. А если двигаться побыстрей, то к вечеру можно будет увидеть море. Между фруктовых деревьев римской коннице не развернуться, а пехоте придется попотеть, чтобы угнаться за вражеской колонной.

Так, вероятно, рассуждал командир варваров, потому и не принял боя, а велел нахлестывать лошадей...

Едва наглядевшийся на «художества» варваров Черепанов увидел издали пролом в городской стене, он приготовился к худшему. Однако ж все оказалось не так скверно. Когда к Геннадию привели единственного из уцелевших старшин (прочее городское начальство погибло при штурме), тот доложил, что резни не было. Побили многих при штурме (старшина чуть ли не с восторгом поведал, как хитроумные варвары обрушили стену), а потом — ну просто как и не варвары были те захватчики. То есть с виду — вылитые варвары, морды дикие, свирепые, раскрашенные зверовидно, только что слюна из пастей не капает. А у иных и капала, да только вожак у них оказался — суровый, как сам командующий Максимин. Хотя росту, в отличие от Максимина, небольшого. Но свое «зверье» держал — как укротитель в цирке. А самые ярые варвары — при нем вроде телохранителей. Будто преторианцы или псы боевые. Скажет — на части порвут. Не из страха, от преданности. Старшина уж шестой десяток на земле живет, такие вещи различает. Суровый у варваров рикс оказался. И хитрый.

Старшине он сказал так:

«Даю вам день. Чтобы ровно через день, завтра к полудню, вот на этой площади было выгружено все ценное, что имеется в

городке. И без обмана. Если после этого мои воины найдут хоть серебряную ложку — вырежем не только тех, у кого найдут, но и ихних соседей».

— Сам он так спокойно говорил,— рассказывал староста.— И глаза у него не злые. И не поверишь, что такое сделает. Но вокруг воины его размалеванные скалились, как волки, только что зубами не ляскали. Этим только...

— Погоди,— перебил его Черепанов.— Он с вами на латыни говорил?

— Не-ет,— мотнул лысой головой староста.— Он на латыни — только пару слов. На своем белькотал. Один из его громил переводил: страховидло с зеленой мордой.

— Продолжай,— велел Геннадий, несколько разочарованный: его предположение о том, что хитрый вожак прошел римскую школу, не подтвердилось.

— Ну так вот. Все, говорит, к завтрему вынесете и здесь уложите. Это первое. А второе — чтоб через два дня здесь стояло семь с половиной десятков повозок. Таких, как вам покажут. А на третье велю: сегодня принесите нам жратвы — от пуза. Чтоб моим воинам хватило животы набить. И от провианта, что в городе есть,— половину. Не боись, говорит, все не заберем. Возьмем, сколько требуется. И фуража для лошадей. И женщин да девок, говорит, приведете. Не старых только и не уродливых. Тоже чтоб на всех хватило. Даю, говорит, слово, что убытка им не будет. Напротив, может, кто и с прибытком останется, если боги захотят. А ежели воину какая понравится, так, может, и подарит чего-нибудь. За усердие.

— Добряк,— пробормотал Черепанов.— Гуманист.

Этот хитроумный варварский рикс его весьма заинтересовал. Если удастся взять его живьем, Черепанов не прочь с ним пообщаться. Перед тем как отправить его в лучший мир. Поскольку оставлять в живых рикса нельзя. Слишком опасен.

— И вы дали ему, что хотел,— сказал Геннадий.— Так?

— А как не дать? — вздохнул старшина.— Таким не дай — сами возьмут да еще кровью умоют. Вынули все, что ценное, да и отдали.

— Никто утаить не пытался?

Старшина снова вздохнул.

— Как тут утаишь? — сказал он.— А соседи? Соседи ведь знают, у кого что есть. А кому охота за чужое добро помирать?

Хитрый варвар все рассчитал. И возы ему сделали, как он хотел. Весь запас кож на ихние верха извели.

— А женщин?

— И этих дали. Бросили меж собой жребий. Кому выпало, те под варваров и легли. Только и в этом перехитрил нас рикс.

— Это как же?

— Ущерба, верно, никто не потерпел. Только те, кто девками были, те ясно что. Но с полсотни наших с собой забрал. Кто приглянулся. Сказал, мол, что и не обещал, что все потом сразу по домам вернутся. Не обещал, говорит, но теперь обещаю: как на корабли свои сядем — ваших отпустим. С подарками.

— Значит, они забрали добычу, погрузили на свои повозки и сразу уехали?

— Нет.— Старшина качнул головой.— Потом у них шум был. Многие варвары требовали, чтоб из наших, кто покрепче — с собой забрать, да и продать, а остальных перебить. Но этот рикс не дал. Сказал: если этих вырезать, на ком мы в следующий раз добычу возьмем?

Но они шумели долго. Чуток до большой драки не дошло. Но потом один из риксовых ближних главного заводилу зарубил, и остальные угомонились. Да только выезжать в тот день уже не стали, переночевали под городом еще одну ночь. А утром ушли.

— Когда это было?

— Два дня назад.

«Отлично,— подумал Черепанов.— Если поторопимся и Тевд не оплошает, догоним».

— Повезло вам,— сказал он искренне.

— Какое там повезло,— скривился старшина.— Ободрали начисто, девок вон... У моей сестры младшей дочку увезли... Вчера Божественной Деве петуха принес... Чтоб сохранила племянницу.

— Ты лучше Марсу жертву подари,— усмехнулся Черепанов.— Надежнее будет.

В городе они задержались ровно настолько, чтобы пополнить запасы и дать чуток передохнуть лошадям. К сожалению, сменить их возможности не было. И фураж с провиантом пришлось выдирать у города чуть ли не силой. Тоже понятно: после варваров у них оставалось только-только до урожая дотянуть. Черепанов им сочувствовал, но не мог оставить голодными своих бойцов, которым и без того тяжеленько пришлось.

Отдохнуть он им позволил только перед последним броском. Устроил привал часа за два до заката.

На следующий день Черепанов поднял когорту затемно и велел выдать каждому по усиленной пайке. Оно, конечно, медицина советует идти в бой с пустым животом. На случай, если в этот самый живот чего-нибудь воткнут. Но пусть «медицина» с пустым брюхом и воюет. А черепановские легионеры сумеют защитить свои полные животы.

Информацию о положении противника Геннадий получал исчерпывающую. Два дня между ним и Трогусом постоянно сновали гонцы. Ландшафт, по которому следовал враг, Черепанов изучил на полсотни миль вперед: не поленился — сам съездил. И на варваров заодно поглядел. Издали. Риска в этом не было никакого. У германцев имелась конница, но легкая кавалерия Трогуса на корню пресекала попытки варваров высылать дозоры. А когда из-за передвижной стены фургонов появлялся более крупный отряд, рассыпавшись, вилась вокруг, словно рой пчел над медведем. В конце концов предводитель германцев решил, что обойдется без разведки. Наверняка маршрут отступления он выбрал и наметил заранее.

Когда Черепанов решил, что пора брать варваров за холку, от побережья их отделяло чуть больше десяти миль. Меньше часа для опытного всадника на хорошем коне. Чуистые носы уже улавливали запах моря, когда ветер дул с запада.

Место для будущей битвы Черепанов выбирал тщательно, благо, такая возможность была. И остановился на широкой лощине между двумя пологими холмами. Здесь, справа от дороги, текла речушка. Мелкая, воробью по колено. Дно речушки было достаточно каменистым, чтобы замедлить передвижение фургонов. На южных склонах холмов, обступивших лощину, росли виноградники. На северных — только трава. Один из северных склонов был обращен к лощине и идеален для кавалерийской атаки. И для пешей — тоже. Сразу за лощиной начинались сады. Деревья только-только отцвели, и урожай обещал быть превосходным. Черепанову было жалко портить такое великолепие, но он решил, что люди, его люди, дороже, чем плодовые деревья. По его приказу изрядное количество их было подпилено. Так, чтобы в нужный момент можно было повалить их все разом, частично запрудить речку и перекрыть выход из лощины. По крайней мере для фургонов.

План боя Черепанов составил следующий.

Первый этап: варвары входят в лощину, а в ее верхнем, восточном конце показываются легионеры. Только две кентурии, но зато длинной шеренгой. И с маячащими позади значками и штандартами всей черепановской когорты.

Если варвары выйдут из-за фургонов и бросятся в атаку — флаг им в руки. Для стрелков на холмах они будут прекрасной мишенью.

Если они, напротив, ускорят движение в прежнем направлении — тоже неплохо. Потому что монолитный строй фургонов при этом наверняка нарушится (камни, неровные берега), и в передвижной крепости появятся бреши. И их станет еще больше, когда обнаружится, что выход из лощины перекрыт.

Второй этап: сверху, по гладкому северному склону на варваров обрушатся основные силы римлян. Не будь фургонов, Черепанов использовал бы для прорыва катафрактариев, но в данном случае это было неразумно. Поэтому придется использовать пехоту. И надеяться, что безумные германцы не станут отсиживаться в укрытии (и тем сведут к минимуму преимущества римского строя), а по своему обыкновению полезут в атаку.

Третий этап: разгром и полное уничтожение варваров.

По замыслу Черепанова, уцелевшие германцы должны отступить по южному склону. Больше деться им некуда. С востока — легионеры, с севера — тоже. С запада — засека, за которой — тоже легионеры. А на южном склоне — виноградники, где можно вдобавок укрыться от стрелков. Но когда варвары, прячась за виноградными лозами, взберутся на гребень холма, то по ту сторону их будет ждать голый склон. И легкая кавалерия Черепанова. А если враги все-таки ухитрятся сохранить подобие строя, по ним ударят катафрактарии. При таком раскладе ни один из германцев не уйдет живым. Что и требуется, потому что даже один живой германец на свободе — это двуногая машина убийства, способная без особого труда вырезать семью римского фермера. Если, конечно, фермер — не из бывших легионеров. В этом случае германцу придется повозиться. Хотя результат все равно предрешен: Черепанов на опыте знал — лишь немногие из его ребят способны выстоять один на один против вооруженного варвара. В строю — другое дело.

В общем, никто из разбойников уйти не должен. И не уйдет. Если все получится, как задумано. Как говорится, «гладко бы-

ло на бумаге, да забыли про овраги». Черепанов об оврагах помнил. Знал, что в его плане есть слабые места. Например, варварский вождь мог обойти «удобную» лощинку. Или, по крайней мере, проверить, что там, впереди. Черепанов на его месте непременно бы так и поступил. Но, с другой стороны, подполковник, будучи профессиональным военным, никогда не пренебрег бы разведкой. Особенно если противник активно этому препятствует. А вождь варваров ею уже пренебрег. Видимо, рассчитывал проскочить и так.

Второе слабое место плана: расчет на активность противника. Если вождь варваров, увидев легионеров, остановит фургоны, составит их поплотнее и предоставит инициативу римлянам, получится очень нехорошо. Конечно, у Черепанова было некоторое численное преимущество, но не такое уж большое. И даже если ему удастся выбить варваров из-за укрытия, стоить это будет очень дорого.

Но этого не должно случиться. Варвары чувствуют, что они на чужой территории. Что к противнику может в любой момент подойти подкрепление. Они с самого начала придерживались активной рейдерской тактики. Хочется верить, что они и теперь от нее не отступят.

Глава одиннадцатая

Битва

Варварское войско вошло в лощину, разделившись на две части, но сохраняя общий строй, в котором фургоны двигались двумя уступами. Каменистое дно реки оказалось скверной «дорогой», а настоящая дорога, проходившая по левому берегу речки,— слишком узкой для германского построения.

Докучавшие варварам ауксиларии вертелись на правом склоне, изредка постреливая. Их игнорировали. Стрела на излете не пробьет верх фургона — жесткую бычью шкуру.

Черепанов следил за движением варваров с левого холма, того, чей склон со стороны реки оброс виноградом.

Рядом с Черепановым потел толстый буккинатор со своей здоровенной трубой. Средство связи.

Черепанов дождался момента, когда последние фургоны втянулись в лощину, досчитал до тридцати и пихнул «средство связи» в бок. Щеки легионера тут же надулись пузырями, и гнусавый рев медной, свернутой в огромный бараний рог трубы-букины потек над лощиной.

Внизу, за фургонами, загомонили. Но темп движения не изменился. Он не изменился и тогда, когда у входа в лощину появились растянутые шеренги пятой и шестой кентурий, позади которых раскачивались многочисленные штандарты черепановской когорты.

Шеренги замерли, перекрыв варварам путь отступления, букина взревела дважды — и на правом склоне появились остальные кентурии. Появились — и тоже застыли.

По замыслу Черепанова, увидев врага, варвары должны были что-то предпринять: либо выскочить из-за фургонов и устремиться в атаку, либо погнать лошадей к «свободному» выходу. Именно так реагировали все варвары, с которыми сталкивался Черепанов. Именно так они действовали, судя по документам, которые Геннадий изучал зимой. Варвары всегда отвечали на угрозу действием. В данном случае любое действие должно было ослабить их позицию.

— Ах ты, мать твою...— по-русски выругался Черепанов.

Буккинатор удивленно посмотрел на него:

— Quod? [1] — спросил он.

Черепанов молчал. Он лихорадочно размышлял. Его план рушился. Потому что варвары отреагировали нетрадиционно. Именно так, как опасался Геннадий. *Они остановились!* Более того, еще теснее сомкнули фургоны, загнав замыкающие возы в речку. *Остановились и ждали.*

«Дьявол! Они не должны так себя вести!» — подумал Черепанов.

Варвары просто *не умели* ждать, когда дело касалось драки.

Но эти — ждали. И его парни с той стороны тоже ждали.

А он медлил. Страшно не хотелось бросать своих солдат на стену фургонов. Черепанов пожалел, что ради скорости пожертвовал боевыми машинами. Сейчас бы пару «скорпионов», а еще лучше — «онагр»...

Б-банг! Тяжелая стрела карабаллисты, прошипев в воздухе, воткнулась в землю шагов на тридцать ниже строя римлян.

---

[1] Quod? *(лат.)* — Что?

Б-банг! Еще одна стрела прогудела в десяти локтях над головами легионеров.

То, о чем мечтал Черепанов, на поле боя имелось. Только не у него, а у противника.

Буккинатор презрительно фыркнул. Варвары стреляли, как рыночные торговки.

— Трубить? — спросил он.— Или как?

— Заткнись,— буркнул Черепанов.

Что же делать?

Утреннее солнце золотило бронзовые шлемы легионеров, застывших щит к щиту, как на параде,— на гребне холма.

Б-банг! Еще одна стрела зарылась в землю. Буккинатор хихикнул. Черепанов представил, как ухмыляются его легионеры. «Меткая» стрельба германцев явно укрепила их боевой дух.

Ба-банг! Опять — мимо.

Надо что-то делать? Что-то...

Черепанов пихнул буккинатора:

— Труби: «Виват император!»

— Чего? — Буккинатор выпучил глаза.

— Что слышал! — яростно зашипел Черепанов.— Труби, идиот!

И над лощиной мощно загудел парадный сигнал. Оставалось надеяться, что Гай Ингенс сообразит, что от него требуется.

Сообразил.

Разом грохнули щиты. И еще раз. И ликующий вопль вырвался из сотен луженых легионерских глоток...

И все-таки Геннадий оказался прав. Сто раз прав! Проклятые варвары не умели ждать! И на традиционное: «Аве кесарь!» отреагировали, как на брошенный вызов. Они начали *действовать*!

Воздух над фургонной крепостью вскипел от бешеного рева. И тут же сотни германцев полезли наружу, через фургоны, под фургонами, между фургонами...

Черепанов облегченно выдохнул.

— Труби атаку! — гаркнул он в самое ухо буккинатору.

Принцепс Череп не собирался проявлять благородства и давать врагам возможность построиться в боевой порядок.

— Бар-ра!!!

Даже на бегу четко держа строй, римские кентурии устремились вниз. Смятые стеной римских щитов, прижатые к собст-

венным фургонам, германцы бились с отчаянной яростью. Бились и умирали, пропоротые мечами, пронзенные копьями, сбитые и затоптанные. Быстро, очень быстро. Потому что их было слишком мало, чтобы долго сопротивляться натиску римских кентурий. Слишком мало, потому что...

Потому что большая часть варваров осталась по ту сторону фургонов. Это было невозможно, но это было именно так!

Кто-то из легионеров сунулся под повозку... Да так там и остался, приколотый германским копьем. На правом фланге солдаты первой кентурии, сомкнув щиты, попробовали навалиться и опрокинуть фургон... Ничего не вышло. То ли варвары уже успели сцепить их вместе, то ли подперли фургон собственными плечами.

Еще кто-то попытался протиснуться между повозок — и получил железо в бок.

Если сейчас легионеры попытаются штурмовать передвижную крепость, их попросту перебьют. Преимущество римлян сохраняется только до тех пор, пока они держат строй. Вне строя каждый варвар стоит минимум двоих легионеров. Для того, чтобы штурмовать такое укрепление, необходимо минимум трехкратное превосходство.

— Труби: «Сомкнуть щиты!» — приказал Черепанов трубачу.

Команда была выполнена с похвальной быстротой. Более того, сообразительный Гай Ингенс отвел шеренги от повозок шагов на пятьдесят.

Установилось некое равновесие. Варвары постреливали изредка — без особого успеха. Атаковать, к сожалению, не пытались. Их сообразительный вождь понимал, что проиграет тот, кто первым полезет через фургоны. Вероятно, сейчас его люди возятся с боевыми машинами, перенацеливая их. Если чуток раздвинуть пару фургонов, можно бить из карабаллисты, считай, в упор. На такой дистанции промах исключен.

Черт! Надо что-то предпринимать! Штурмовать в лоб — гибельно. Варваров за фургонами столько же, сколько у Черепанова пехоты. Если не больше... Подключить кавалерию? Катафрактариев? Ударить клином, разгоном тяжелой конницы, опрокинуть пару фургонов, тех, что стоят поперек речушки...

Нет, нельзя. Даже если идея осуществится, потери тяжелой конницы, брошенной на укрепления, будут огромны, а результат — никакой. Сила катафрактариев именно в разгоне. Даже опрокинув пару фургонов, они тут же завязнут. За повозками —

упряжки. Варвары ведь не распрягли лошадей. Такая каша получится... Упряжки... Однако... А ведь может получиться!

Черепанов вскочил на ноги и пихнул трубача:

— Давай за мной!

— Трогус! Сколько у тебя парней, способных пользоваться арканами?

— Да считай все армяне могут! — последовал ответ.— А что надо?

— Сейчас объясню...

Катафрактарии Теренкия выстроились двумя колоннами у входа в лощину.

Германцы их наверняка видели, но вряд ли испугались. Их вождь достаточно сообразителен, чтобы не испугаться. Если римляне хотят погубить лучшую часть своего войска в бесполезной атаке — на здоровье!

— Вперед! — скомандовал Черепанов, и его люди двинулись к фургонам. Неторопливо: всадники вровень с пехотой. До фургонов — метров триста. Вполне достаточная дистанция, чтобы не спешить.

Германцы тоже не спешили. Ждали. И легионеры Ингенса тоже ждали. Старший кентурион Гай не знал, каковы планы его принцепса, но знал: когда потребуется, он получит соответствующую команду.

Катафрактарии и растянутые в линию пятая и шестая кентурии приближались к фургонам. Мерно раскачивались штандарты, вразнобой били копыта: по земле, по воде, по дорожным плитам. Бессмысленно, но громко взревывали трубы. Все внимание варваров должно было сосредоточиться на наступающих...

Поэтому они потеряли не меньше пяти секунд, когда на вершине правого холма появились турмы легкой конницы.

С визгом и топотом лучники Трогуса помчались вниз, осыпая германцев стрелами. И тут же катафрактарии субпрефекта Теренкия устремились вперед, обгоняя пехоту.

Секундное замешательство германцев прошло: в конников Трогуса полетели стрелы и копья, но турмы уже пронеслись мимо фургонов... И не меньше полусотни серых змей-арканов взвились в воздух и упали на фургоны и — через фургоны — на упряжь, на головы лошадей, на все, что можно зацепить петлей...

Не меньше двух десятков веревок туго натянулось, увлекая за собой то, что удалось зацепить...

Оба фургона, перегородившие речушку, со скрежетом сдвинулись с места. Их упряжки бились и ржали, не позволяя хозяевам быстро обрубить веревки...

Не больше двадцати ударов сердца — и легкая конница пронеслась мимо, выдернув из строя и утянув за собой одну повозку и оттащив и опрокинув другую. Десять секунд — и в монолитной крепости варваров образовалась брешь...

...В которую с ходу ударила тяжелая конница Теренкия.

Черепанов шагал на правом фланге пятой кентурии, когда конная лава протекла мимо него и, взбивая брызги, понеслась к фургонам. Он не видел, как сработали ауксиларии, не знал, удалось ли им оттащить фургоны и убраться с дороги тяжелой кавалерии...

Но еще через двадцать секунд он увидел: получилось! Сработало!

Разогнавшиеся катафрактарии с ходу, клином врезались в пятнадцатиметровую брешь, смяли и опрокинули ошеломленных германцев, ворвались внутрь передвижного «форта»... И увязли.

В следующие двадцать секунд варвары опомнились и с неистовой яростью набросились на катафрактариев. А биться с тяжеловооруженными всадниками германцы умели. Даже прикрытой доспехами лошади можно подрубить ноги или вспороть живот. Но еще проще достать ее всадника, которому в тесноте не развернуться. Однако в тесном пространстве между фургонами бьющаяся на земле раненая лошадь может причинить куда больше вреда, чем ее всадник. А тут не одна, а десятки раненых, обезумевших лошадей. И еще упряжки фургонов...

Через несколько минут от монолитности германского укрепления ничего не осталось. Несколько фургонов опрокинулось. Передние упряжки кто-то «сообразительный» погнал вперед, полностью открыв один из флангов.

И тогда римская пехота показала, на что она способна. Навалившись на варваров с двух сторон, легионеры буквально расплющили германское войско...

Черепанов сражался в общем строю. Он хотел быть в строю, когда его конница осуществляла его рискованный маневр. Чтобы мужественно разделить опасность со своими солдатами...

Храбро, но не слишком умно. Вряд ли он поступил бы так, будь он пехотным подполковником, а не летчиком. В результате Генна-

дия ранили в ногу и, что более неприятно, он на некоторое время потерял доступ к управлению боем. И скорее всего, именно поэтому варварскому риксу с несколькими сотнями воинов удалось вырваться из тисков и даже сохранить строй. И опять события стали развиваться не так, как замыслил подполковник. Вместо того чтобы добивать разрозненные группы беглецов, прячущихся в винограднике, им пришлось атаковать плотное германское каре.

Варварский рикс до самого конца оставался молодцом. Отбиваясь от наседающих легионеров, германцы прорвались вдоль берега, обогнули засеку, спустились в речку и тем же плотным строем двинулись дальше. Расплескивая покрасневшую от крови воду, переступая через тела своих и чужих... Они очень хорошо шли, эти германцы. Неторопливо, мощно, с уверенностью идущего за плугом пахаря.

Но им не повезло. В саду их встретили конные лучники.

Вообще-то кавалерии довольно трудно, практически невозможно действовать между деревьями. Даже если это не дикий лес, а аккуратные садовые посадки. Но в данном случае, когда на обстреливаемую тяжеловооруженную пехоту с другой стороны навалилась такая же тяжеловооруженная пехота...

В общем, легионерам все-таки удалось их остановить. А когда от нескольких сотен прорвавшихся осталось меньше четверти, варвары сложили оружие. Наверное, они не знали, что сдаются принцепсу Черепу. Или им никто не успел рассказать, как принцепс Череп поступает с *разбойниками*. Даже если эти разбойники вырезают не всех римских граждан, с которыми их сводит судьба.

Глава двенадцатая

Победа

Трофеев было множество, а вот пленных — на удивление мало. Не более двухсот. В числе «трофеев» оказались девушки, вывезенные германцами из Цекулы. Уцелели не все. Шестерых насмерть побило стрелами во время боя. Что же касается остальных... Черепанову потребовалось приложить кое-какие усилия, чтобы наиболее пылкие из его солдат уяснили: римские подданные женского пола не являются «переходящим призом»

наподобие монет и иных ценностей. Другое дело, если те сами выразят желание отблагодарить спасителей. Племянницу цекульского старейшины (она уцелела) Черепанов забрал к себе в палатку. Во избежание. Но когда выяснилось, что девушка чуток обучена медицине и вполне грамотно наложила повязку на ногу принцепса, проколотую германским копьем, Черепанов отправил ее помогать медикам. В любом случае приставать к ней не будут, коли «сам принцепс положил на нее глаз». Теперь «сам принцепс» мог позволить себе передышку.

Одно из достоинств римской военной системы: четкое распределение обязанностей. Во всех случаях, не требующих творческой инициативы, эта система работала, как отлаженное производство. Без участия руководства. Дележкой трофеев занимались кентурионы, похоронами — сигниферы, ранеными — медики. Оставался открытым вопрос, что делать с пленными.

Черепанову не хотелось применять к ним свой принцип «демонстративной жестокости». Хотя бы потому, что они не устроили резни в Цекуле. Но следовать императорскому эдикту он не собирался. Отпускать «домой» такого опасного противника нельзя. Привлечь их на службу Риму? Для этого он слишком хорошо знал варваров. И разбойников. Нет никаких гарантий их лояльности. Служба «наемников» продлится до тех пор, пока тем не подвернется случай «разбогатеть». И удрать с добычей.

«Но на их вождя я должен взглянуть,— подумал Черепанов.— Если он жив. Велю Ингенсу это выяснить».

Но он ничего не приказал старшему кентуриону.

Усталость, нервотрепка, приличная потеря крови...

Невзирая на боль и нарастающую слабость, Черепанов собрал старших офицеров, выслушал их доклады, огорчился потерям...

А потом дневной свет неожиданно померк.

«Неужели наступил вечер? — подумал Геннадий.— Так быстро...»

И провалился в беспамятство.

— И добрый клинок, бывает, ломается,— констатировал Мелантий Ингенс, бережно укладывая командира на походную койку.

— Ничего, оклемается,— сказал Ингенс-старший.— Я к нему ту девчонку приставлю. Очнется — напоит его вином горя-

чим. С медом. При потере крови — самое полезное. Пошли, Луций, приятным займемся. Надо трофеи разобрать.

— А как с пленными? — спросил Трогус.— Как всегда?

— Ну да. Или ты хочешь, пока командир не видит, их маркиопольскому ланисте сбыть?

Оба рассмеялись.

— Надо за хорошим деревом в имение послать,— сказал хозяйственный Мелантий.— А то эти сливы-яблони — мелковаты. Да и жаль их рубить...

— А может, все же повременим — с повешением? — предложил командир катафрактариев Теренкий.— Вдруг принцепс по-иному решит?

— А вот это вряд ли! — Гай Ингенс усмехнулся.— Я с Черепом уже считай год вместе воюю. Он решит — как стрелой «скорпиона» ударит: прямо и навылет. И ни разу такого не было, чтоб он разбойника-варвара пощадил.

— Это точно! — поддакнул Мелантий Ингенс.— У нашего принцепса слово — гранит!

— Ну, вам виднее,— уступил субпрефект.— Пошел я к своим. Как думаешь, Гай, по тысяче динариев на копье выйдет?

— По две. Минимум,— уверенно ответил старший кентурион.— Эти германцы два города остригли. А города здесь богатые!

— Отлично! — субпрефект заметно повеселел.— Пойду порадую парней!

— Порадуй,— кивнул старший кентурион.— Пусть узнают, каково с нашим Черепом служить! И учти: это не все еще. Мы еще на кораблях ихних чего-нибудь возьмем, уж не сомневайся!

Конец второй книги

Постскриптум

Братья Ингенсы, старший и младший, сидели на корточках в штабной палатке перед двумя кучами наиболее ценных трофеев.

Старший по очереди извлекал из одной кучи предметы, взвешивал их безменом и сообщал вес и описание изделия младшему, Луцию. Тот фиксировал сказанное на восковой табличке.

— Чаша золотая, инкрустированная каменьями, с двумя Амурами,— строго произнес Гай Ингенс, извлекая из общей кучи золотой кратер с инкрустацией и двумя Амурами вместо ручек.— Тянет на четверть фунта. Не записывай. Я это командиру отложу. Он такие любит, *изысканные*.

Из кратера под ноги Ингенсу вывалилась диковинная фигурка. Смешной человечек в ярких тряпках. Ингенс-старший ловко поймал его свободной рукой.

— Глянь-ка,— сказал он брату, Ингенсу-младшему.— Каков варварский божок.

— Смешной,— улыбнулся Луций Ингенс и пошутил: — Я его тоже записывать не буду. Ты его Трогусу подари. Он на него похож. Такой же длинноносый. Ну просто меньшой Трогусов братец.

— Точно. На-ка, подпиши его.— Гай сунул брату божка.

Острым стилом Луций нацарапал на спине божка: «Тевд Трогус-младший».

— Однако ж, какая кость мягкая,— заметил он.— Никогда такой не видал.

— У них, у варваров, все не как у людей.— Гай забрал уродца и сунул под ремень.

Снаружи раздался шум, потом в палатку заглянул охранник.

— Там с имения брус привезли,— сообщил он.— Тебя зовут, кентурион. Показать, где кресты ставить.

— Ага, я иду.— Гай Ингенс поднялся.

— Уродца без меня не отдавай! — предупредил Луций.— Я тоже хочу поглядеть, какая рожа станет у Тевда, когда он увидит *это*!

— Не отдам,— пообещал его брат, щелкнул длинноносого божка по желтой облупившейся макушке.— Впрямь чудная кость,— заметил он.— Ненашенская.

Он даже не догадывался, насколько верными были его слова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВАРВАРЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Чужие боги

Пролог 7

Глава первая. Книва. О подвигах и славе 9

Глава вторая. Книва. Охотники за головами 12

Глава третья. Книва. Нечистые 21

Глава четвертая. Книва. Чужие боги 23

Глава пятая. Алексей Коршунов. Борт «Союз ТМ-М-4» 33

Глава шестая. Алексей Коршунов. Внештатная ситуация 37

Глава седьмая. Алексей Коршунов. Посадка 44

Глава восьмая. Алексей Коршунов. Живы! 46

Глава девятая. Геннадий Черепанов. Контакт, не предусмотренный программой посадки 48

Глава десятая. Алексей Коршунов. Контакт, не предусмотренный программой посадки (продолжение) 53

Глава одиннадцатая. Травстила-кузнец. Чужие боги 54

Глава двенадцатая. Алексей Коршунов. Контакт, не предусмотренный программой посадки (продолжение) 57

Глава тринадцатая. Травстила-кузнец. О законе гостеприимства ... 59

Глава четырнадцатая. Алексей Коршунов. Контакт, не предусмотренный программой посадки (окончание) 61

Глава пятнадцатая. Алексей Коршунов. Поселок 63

Глава шестнадцатая. Алексей Коршунов. Переговоры на высшем уровне 70

Глава семнадцатая. Алексей Коршунов. О наиболее безопасных способах путешествовать 76

Глава восемнадцатая. Алексей Коршунов. Первое утро в новом мире .. 84

Глава девятнадцатая. Книва. Богатырская потеха 90

Глава двадцатая. Алексей Коршунов. Фретила-гостеприимный с домочадцами 92

Глава двадцать первая. Алексей Коршунов. Утонувший кораблик ... 98

Глава двадцать вторая. Хундила, Вутерих, Ханала и прочие 99

Глава двадцать третья. Алексей Коршунов. В плену воспоминаний 103

Глава двадцать четвертая. Ханала. «Истощился мир...» 107

Глава двадцать пятая. Геннадий Черепанов. Форт 109

Глава двадцать шестая. Алексей Коршунов. Тернистая дорога к звездам 113

Глава двадцать седьмая. Алексей Коршунов. Топорик 118

Глава двадцать восьмая. Алексей Коршунов. О трудностях адаптации в незнакомой среде 123

Глава двадцать девятая. Алексей Коршунов. Девушки 127

Глава тридцатая. Травстила. Ночные размышления 132

Глава тридцать первая. Алафрида. Болотный демон 134

Глава тридцать вторая. Алексей Коршунов. Счастливое утро 137

Глава тридцать третья. Травстила. «Не боги они» 139

Глава тридцать четвертая. Геннадий Черепанов 143

Глава тридцать пятая. Алексей Коршунов. Счастливое утро (продолжение) 147

Глава тридцать шестая. Книва. Пир у Хундилы 158

Глава тридцать седьмая. Алексей Коршунов. Звезды и огни 160

Глава тридцать восьмая. Алексей Коршунов. Набег 163

Глава тридцать девятая. Алексей Коршунов. Ночная битва 169

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Бург

Глава первая. Алексей Коршунов. Рикс Одохар 179

Глава вторая. Травстила 187

Глава третья. Алексей Коршунов. Карательный рейд 190
Глава четвертая. Алексей Коршунов. Карательный рейд (продолжение) 197
Глава пятая. Алексей Коршунов. ТТ 202
Глава шестая. Алексей Коршунов. Тризна 207
Глава седьмая. Алексей Коршунов. Местные понятия о браке 212
Глава восьмая. Алексей Коршунов. «Одохар зовет!» 215
Глава девятая. Алексей Коршунов. «Были сборы недолги...» 218
Глава десятая. Алексей Коршунов. Гостеприимство мирного вождя Стайны 223
Глава одиннадцатая. Алексей Коршунов. Гостеприимство мирного вождя Стайны (продолжение) 232
Глава двенадцатая. Алексей Коршунов. Герулы 236
Глава тринадцатая. Алексей Коршунов. Еще один пир у Стайны 241
Глава четырнадцатая. Алексей Коршунов. Локальные войны по-аборигенски 246
Глава пятнадцатая. Алексей Коршунов. «Мы придем!» 250
Глава шестнадцатая. Алексей Коршунов. «Контрразведчик» 255
Глава семнадцатая. Алексей Коршунов. Тренировка 261
Глава восемнадцатая. Алексей Коршунов. Двуногий талисман 267
Глава девятнадцатая. Алексей Коршунов. Суд Стайны 271
Глава двадцатая. Алексей Коршунов. «Хорошие люди — готьёс!» 273
Глава двадцать первая. Книва. Посвящение 278
Глава двадцать вторая. Алексей Коршунов. Зуб Алзиса 283
Глава двадцать третья. Алексей Коршунов. Зуб Алзиса, акт второй 287
Глава двадцать четвертая. Алексей Коршунов. «С вутьи спроса нет!» 289
Глава двадцать пятая. Алексей Коршунов. Божий суд 292
Глава двадцать шестая. Алексей Коршунов. Человек Одохара 299
Глава двадцать седьмая. Алексей Коршунов. Размышления о социологии, экономике и контрразведывательных мероприятиях 302
Глава двадцать восьмая. Алексей Коршунов. «Ты пришел!» 306
Глава двадцать девятая. Стайна. Анастасиа. Не только наложница... 311
Глава тридцатая. Анастасиа. «Герои больше не сходят на землю» 313

Глава тридцать первая. Алексей Коршунов. Канун тинга 315

Глава тридцать вторая. Алексей Коршунов. Канун тинга (продолжение) 319

Глава тридцать третья. Книва. Попался! 321

Глава тридцать четвертая. Алексей Коршунов. Что говорит закон... .. 323

Глава тридцать пятая. Анастасиа. «Завтра» 326

Глава тридцать шестая. Книва. «Ты крепок, сын Фретилы» 327

Глава тридцать седьмая. Агилмунд. Бабушка 332

Глава тридцать восьмая. Алексей Коршунов. Единство мира 339

Глава тридцать девятая. Травстила. «Не важно — что, важно — как» .. 341

Глава сороковая. Алексей Коршунов. Совещание 343

Глава сорок первая. Алексей Коршунов. Великий тинг 346

Глава сорок вторая. Алексей Коршунов. «Марку Аврелию Клавдию, легату в Мезии...» 353

Глава сорок третья. Книва. Новый вождь 358

Глава сорок четвертая. Алексей Коршунов. «Подарок» Стайны 360

Глава сорок пятая. Алексей Коршунов. «Подарок» Одохара 367

Вместо эпилога. «Чтобы главное помнить и чтоб все остальное забыть...» 370

Постскриптум 373

РИМСКИЙ ОРЕЛ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Кентурион

Глава первая, в которой подполковник ВВС Геннадий Черепанов пробует себя в роли квеманского пленника 379

Глава вторая, в начале которой квеманскому пленнику предоставляется персональное жилище, а в конце которой у подполковника появляется сосед 385

Глава третья, в которой подполковник ВВС знакомится с «коллегой» из вооруженных сил Великой Римской империи 387

Глава четвертая. Шаманский консилиум 390

Глава пятая, в которой подполковник Черепанов получает предательский удар 394

Глава шестая, в которой рассказывается о том, как подполковник Черепанов и кентурион Плавт принимают участие в человеческом жертвоприношении 398

Глава седьмая, в которой воплощается в жизнь старинная римская пословица 403

Глава восьмая, в которой господа офицеры совершают разбойничий налет 405

Глава девятая, в которой Геннадий Черепанов вспоминает кое-что из того, о чем предпочитает не вспоминать 410

Глава десятая, в которой Черепанов узнает кое-что о религиозных пристрастиях кентуриона, а также о том, как тот решает проблемы и пресекает разногласия 415

Глава одиннадцатая, в которой Геннадий Черепанов вновь обращается к воспоминаниям 418

Глава двенадцатая. И пал с неба гром... 423

Глава тринадцатая. Секретная база 425

Глава четырнадцатая. Развлечения латиноамериканских мачо 429

Глава пятнадцатая. Китайское предложение и последствия «утонченных» развлечений настоящих китайских мужчин 434

Глава шестнадцатая. Еще одна авиакатастрофа 437

Глава семнадцатая, в которой летчик-испытатель Геннадий Черепанов возвращает долги и выполняет обещания 443

Глава восемнадцатая, в которой рассказывается о военной карьере командующего римской придунайской армией легата Максимина по прозвищу Фракиец 449

Глава девятнадцатая, в которой Гонорий Плавт Аптус делится воспоминаниями о своей не слишком удачной дипломатической деятельности 452

Глава двадцатая. «Легионер умеет все» 456

Глава двадцать первая. Вандалы 459

Глава двадцать вторая, в которой знакомство подполковника Черепанова с вандалами продолжается, но по-прежнему приносит одни неприятности 465

Глава двадцать третья, в которой подполковник Черепанов существенно расширяет свои познания в области римской стоматологии и работорговли 467

Глава двадцать четвертая. Квеман и вандал 471

Глава двадцать пятая, в которой рыжий рикс жалуется на слабые места вандальской военной тактики и делает своим пленникам конкретное предложение 477

Глава двадцать шестая, в которой рикс Дидогал и подполковник Черепанов получают некоторые теоретические знания о римской военной тактике 482

Глава двадцать седьмая, в которой подтверждается, что подполковник Черепанов неплохо разбирается в людях 485

Глава двадцать восьмая, в которой выясняется, что рикс Дидогал не любит, когда его кидают 489

Глава двадцать девятая, в которой подполковник Черепанов знакомится с римскими «морпехами» и попутно выясняет, что недооценил размеры «звездочек на погонах» римского офицера Гонория Плавта Аптуса 496

Глава тридцатая, в которой подполковник Черепанов получает возможность увидеть римскую пехоту в действии 499

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
На службе империи

Глава первая, в которой Геннадий Черепанов вступает на землю Римской империи и видит настоящую римскую дорогу 513

Глава вторая, в которой выясняется, почему Гонорий Плавт Аптус не боится разбойников 518

Глава третья, в которой Геннадий Черепанов узнает, как выглядят «настоящая римская» еда и «настоящие римские» шлюхи 524

Глава четвертая, в которой подполковник Черепанов на собственном опыте узнает, что такое «настоящая римская полиция» 534

Глава пятая, в которой рассказывается о том, как командующий нубийской армией Максимин с помощью серебра «договорился» с местными налоговыми органами 541

Глава шестая, в которой подполковник Черепанов теряет контроль и получает то, чего ему не хватало 544

Глава седьмая, совсем маленькая 546

Глава восьмая. Командующий «Западной группой войск» римской императорской армии Гай Юлий Вер Максимин 548

Глава девятая. Командующий Гай Юлий Вер Максимин в кругу друзей 556

Глава десятая, в которой Гонорий Плавт становится старшим кентурионом одиннадцатого легиона, а Геннадий Черепанов — самым младшим кентурионом первого фракийского 559

Глава одиннадцатая, в которой подполковник Черепанов, он же кентурион, первый гастат Череп, узнает, какой «подарок» сделал ему командующий придунайскими легионами 567

Глава двенадцатая, в которой Черепанов знакомится со своим непосредственным начальником 573

Глава тринадцатая. Первый урок, преподанный кентуриону Черепу . 578

Глава четырнадцатая. Первый урок, преподанный кентурионом Черепом 583

Глава пятнадцатая. Текущие проблемы «ротного» в римской армии 590

Глава шестнадцатая. Текущие проблемы «ротного» в римской армии (продолжение) 595

Глава семнадцатая. Отвальная, прощальная... 598

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Огнем и железом

Глава первая. Провинция Иллирия. Зимний лагерь 609

Глава вторая, в которой повествуется о том, как возникают мифы ... 613

Глава третья. Германцы 619

Глава четвертая, в которой кентурион-гастат Геннадий Череп демонстрирует твердость и встречает ангела 629

Глава пятая. Трибун претория, благородная патрицианка и суровый младший кентурион 633

Глава шестая. Каждому — свое 638

Глава седьмая. Еще один визит в сенаторское поместье 644

Глава восьмая. «Ваши боги могут обидеться...» 650

Глава девятая. «Заслуженная» награда 655

Глава десятая. Бунт 660

Глава одиннадцатая. Приятное с полезным 664

Глава двенадцатая. Варгарикс 671

Глава тринадцатая. Федорикс 673

Глава четырнадцатая, в которой кентуриону Черепу в очередной раз приходится быть жестоким 676

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Римский орел

Глава первая. Рим 687

Глава вторая, в которой простой кентурион Геннадий Череп удостаивается внимания самого повелителя Великой Римской империи 690

Глава третья, в которой подполковник Черепанов посещает древнеримский театр 699

Глава четвертая, в которой Черепанов узнает о том, что является «проходной пешкой» 703

Глава пятая. Колизей 712

Глава шестая, в которой выясняется настоящий бог-покровитель «приаполюбца» Гонория Плавта 718

Глава седьмая. Девятьсот восемьдесят седьмой год. Март. Провинция Нижняя Мезия. Зимний лагерь одиннадцатого легиона 721

Глава восьмая. Гонец 728

Глава девятая. Ночной бой 731

Глава десятая. Цекула 736

Глава одиннадцатая. Битва 743

Глава двенадцатая. Победа 749

Постскриптум 752

Литературно-художественное издание

Александр Мазин

ИМПЕРИЯ

ВАРВАРЫ. РИМСКИЙ ОРЕЛ

Ведущий редактор *А. В. Мазин*
Ответственный редактор *А. О. Бельтюков*
Художественный редактор *О. М. Бегак*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Верстка *О. К. Савельевой, В. В. Третьяка*
Корректор *В. Н. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство Астрель-СПб»
197373, Санкт-Петербург, Комендантский пр., 34,
корп. 1, ЛИТЕР А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Отпечатано на ОАО "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская,32

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ЦЕНА ИМПЕРИИ

Великая Римская империя. Третий век от Рождества Христова. Пройдет еще сто лет — и тысячелетний Рим падет. Станет лакомой добычей для полчищ варваров. Но сейчас Империя еще достаточно сильна. И способна защитить свои границы.

Когда-то его звали Алексеем Коршуновым. Теперь он — Аласейа — Небесный Герой и он — вождь тысячного войска варваров, вторгшихся в пределы Римской империи. Его воинам не ведом страх. Рушатся стены городов, пылают разграбленные усадьбы, оседают под тяжестью добычи варварские корабли...

...А навстречу варварам стремительным маршем движутся римские когорты. Их ведет бывший военный летчик подполковник Геннадий Черепанов, а ныне примипил Одиннадцатого легиона Геннадий Павел, человек, уже переживший распад одной империи, теперь намерен сделать все, чтобы спасти от гибели свою новую родину. Но он еще не знает, какую цену придется заплатить за сохранение Великого Рима...

Знаменитый исторический проект

АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

Десятый век. Становление Руси. Время легенд. Время героев. Это не фантастика. Это подлинный мир Истории. Мир незнакомый, жестокий, но завораживающе прекрасный. Таким увидели бы его вы, если бы смогли заглянуть в прошлое. Мир, в котором невозможно выжить чужаку... Но настоящий герой — это тот, кто совершает невозможное.

ВАРЯГ
МЕСТО ДЛЯ БИТВЫ
КНЯЗЬ

И наконец

ГЕРОЙ

Это четвертая книга о Сергее Духареве,
воеводе князя Святослава,
настоящего героя
настоящей изначальной истории
Древней Руси

Серия: фантастика настоящего и будущего

Фантастический триллер
АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

СЛЕПОЙ ОРФЕЙ

Демон из тьмы веков — на улицах современного Санкт-Петербурга

Он тысячу лет скрывался в лесах, довольствуясь случайными жертвами и прячась от тех, кого называли ведунами.

И вот наступило время, когда его уже некому остановить.

Серия: «Этот мир — наш!»

Фантастика нового поколения!

АЛЕКСАНДР МАЗИН И АННА ГУРОВА

МАЛЫШКА И КАРЛССОН

Ее зовут Катя. Ей — семнадцать.

Она приехала в Питер из Пскова — поступать в университет.

Его зовут Карлссон. Его возраст неизвестен.

Он ловит руками голубей, знает староанглийский язык и умеет лазать по вертикальным стенам.

Сначала она думает: он — киллер...

Потом: он — сотрудник некоей секретной службы...

Действительность оказывается намного страшнее...

И намного интереснее...

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

АННА ГУРОВА

ЛУННЫЙ ВОИН

Мальчишка из рыбачьей деревеньки готовится стать помощником местного жреца. Однако ему уготована другая судьба: полоса суровых испытаний на грани между жизнью и смертью, жестокие и могущественные враги...

Совсем иначе могла сложиться жизнь наследника Лунной династии, если б имперская политика не вынудила родителей держать в тайне его рождение. Но придет время, тайное станет явным и Лунный воин силой возьмет то, что принадлежит ему по праву.

АЛЕКСАНДР ПРОКОПОВИЧ

ДЕТЕКТИВ С ЛЫСОЙ ГОРЫ

Алекс Каховский предпочел бы раскрывать преступления, не выходя из своего кабинета. Но детективов и волков, как всем известно, кормят ноги. А в мире ведьм и чудовищ ему вдобавок приходится то и дело пускать в дело меч и арбалет.

И все же детектив Алекс считает, что жизнь прекрасна. Во-первых, потому что вокруг столько симпатичных женщин, во-вторых, он все еще жив, что при его профессии и характере можно считать признаком большой удачливости.

Третий век от Рождества Христова.
Бывший подполковник ВВС России Геннадий Черепанов
вместе со своим другом первым центурионом
Гонорием Плавтом Аптусом, вырвавшись из плена, преодолев
сотни километров вражеской территории, выходят к Дунаю.
На том берегу — Великий Рим.
Великая Римская Империя — накануне великих потрясений.
Скоро на нее, истощенную гражданскими войнами, беззаконием
и коррупцией, хлынут с этого берега полчища варваров,
и Вечный Рим падет.
Но сейчас, за год до того, как первый из солдатских
императоров Максимин Фракиец облачится
в царский пурпур, Рим — все еще величайшая
империя в мире, грозная и могучая.

Римляне считали их кровожадными дикарями, но сами они называли себя Славными и превыше силы ценили в вождях удачливость. За ними — будущее. Их потомки будут править Европой. Но пока все они — готы, герулы, вандалы — варвары, и двум нашим космонавтам, оказавшимся в Приднепровье третьего века, будет не так просто уцелеть в жестоком мире воинственных варваров.

ISBN 978-5-17-044423-6